This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

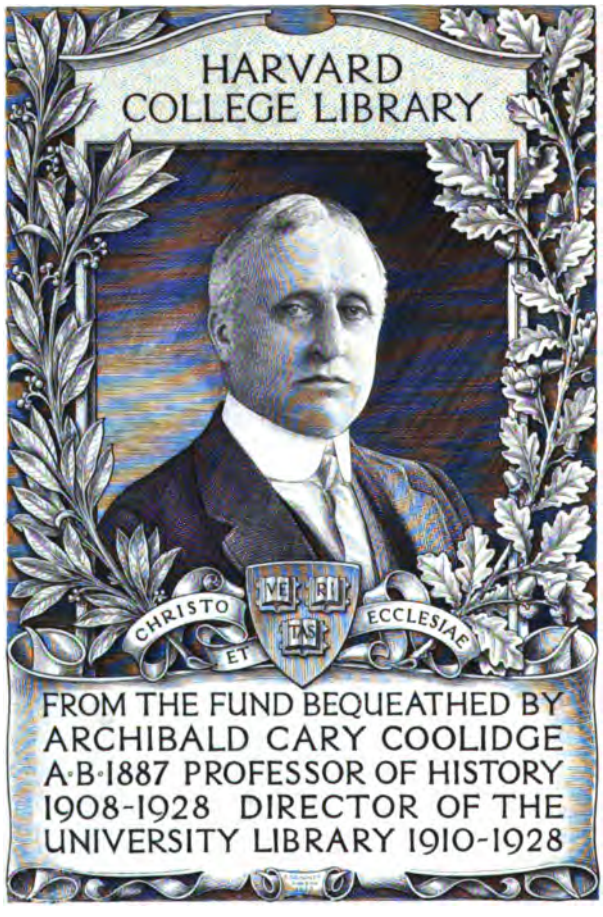
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 605.10


HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

МАРТЪ.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., собств. домъ.
1894.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отр.

I. ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ. (Изъ путевыхъ записокъ). *Продолженіе.*—**А. П. Чехова** 1

II. НЕДОРАЗУМѢНІЕ. Романъ **В. Д. Гоузльса**. Переводъ съ англійскаго **В. М. С.** 29

III. ЛИТЕРАТОРЪ. (Повѣсть). *Окончаніе.*—**Художника В. В. Верещагина** 57

IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Д. С. Мережковскаго** 128

V. СЕМЕЙНЫЯ БУРИ. (La Tourmente). Романъ **Поля Маргеритъ**. Переводъ съ французскаго **М. Н. Р.** *Продолженіе* 129

VI. СМЕРТЬ САНОВНИКА. (Очеркъ).—**Р И. Сементковскаго** . . 162

VII. СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ. Романъ **Генрика Сенкевича**. Переводъ съ польскаго **В. М. Л.** *Продолженіе* 192

VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Л. М. Медвѣдева** 236

IX. БЫЛИННОЕ ПРЕДАНІЕ ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ.—**В. Ѳ. Миллера** 1

X. КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПЕРЕСЕЛЕНІЕ. (Итоги размѣровъ и результатовъ переселенческаго движенія за истекшее тридцатилѣтіе).—**Н. Кочуровскаго** 19

XI. ЗАВИСИМОСТЬ ОБЩЕСТВЕННАГО ПРОГРЕССА ОТЪ ЧУВСТВОВАНІЙ. (*Тардъ:* «La logique sociale des sentiments»). — **Л. Е. Оболенскаго** 39

XII. СУДЬБА КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ. *Продолженіе*—**А. А. Корнилова**. 53

XIII. ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ. *Окончаніе.*—**И. Дуб—скаго** 82

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

КНИГА III.

МОСКВА.
—
1894.

P Slav 605.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
MAR 26 1934

Москва. Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ. (Изъ путевыхъ записокъ). *Продолженіе.*—А. П. Чехова. 1

II. НЕДОРАЗУМѢНІЕ. Романъ В. Д. Гоузльса. Переводъ съ англійскаго В. М. С. 29

III. ЛИТЕРАТОРЪ. (Повѣсть). *Окончаніе.*—Художника В. В. Верещагина. 57

IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Д. С. Мережковскаго 128

V. СЕМЕЙНЫЯ БУРИ. (La Tourmente). Романъ Поля Маргеритъ. Переводъ съ французскаго М. Н. Р. *Продолженіе.* 129

VI. СМЕРТЬ САНОВНИКА. (Очеркъ).—Р. И. Сементковскаго. . . 162

VII. СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ. Романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. *Продолженіе* 192

VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Л. М. Медвѣдева 236

IX. БЫЛИННОЕ ПРЕДАНІЕ ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ.—В. Ѳ. Миллера 1

X. КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПЕРЕСЕЛЕНІЕ. (Итоги размѣровъ и результатовъ переселенческаго движенія за истекшее тридцатилѣтіе).—К. Кочуровскаго. 19

XI. ЗАВИСИМОСТЬ ОБЩЕСТВЕННАГО ПРОГРЕССА ОТЪ ЧУВСТВОВАНІЙ. (*Тарде:* «La logique sociale des sentiments»).—Л. Е. Оболенскаго. 39

II. СУДЬБА КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ. *Продолженіе.*—А. А. Корнилова. 53

I. ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ. *Окончаніе.*—И. Дуб—скаго 82

Стр.

XIV. ПОСМЕРТНЫЙ ТРУДЪ ТЭНА. (Les Origines de la France contemporaine. Le Régime moderne. Tome II. Paris, 1894). *Окончаніе.*—И. Н. К—ной. 105

XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Торговый договоръ Россіи съ Германіей. — О выгодахъ, которыя онъ доставитъ обѣимъ странамъ.—Законъ объ отсрочкѣ и разсрочкѣ недоимокъ.—Работы коммиссіи во вопросу о способахъ взиманія податей. — Девятый съѣздъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ. — Народныя читальни и народныя чтенія. — Законъ о школахъ ремесленныхъ учениковъ. 135

XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Ивановова . . 154

XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ 168

XVIII. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Современное состояніе вопроса о способахъ леченія продуктами жизнедѣятельности животнаго организма.—П. П. Кащенко 176

XIX. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: *Василиса Мелентьева*, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. А. Н. Островскаго и ***; *Равеннскій боецъ*, трагедія въ 5-ти актахъ, Фридриха Гальма, переводъ В. К—го.—Ан. 204

XX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Публицистика.—Педагогика.—Исторія.— Политическая экономія и статистика. — Юридическія книги. — Естествознаніе.—Медицина.— Сельское хозяйство.—Техническія книги.—Учебники.— Народныя изданія. — Справочныя книги. II. Періодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», *февраль*.—«Русское Богатство», *январь*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *февраль*.—«Дѣтскій Отдыхъ», *январь*. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 февраля по 1 марта 1894 г. 117

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ *).

(Изъ путевыхъ записокъ).

XII.

Мой отъѣздъ на югъ.—Жизнерадостная дама.—Западный берегъ.—Теченія.—Маука.—Крильонъ.—Анива.—Корсаковскій постъ.—И. И. Бѣлый.—Новыя знакомства.—Нордъ-остъ.—Климатъ Южнаго Сахалина.—Корсаковская тюрьма.—Пожарный обозъ.

10 сентября я уже опять былъ на знакомомъ читателю *Байкалѣ*, чтобы на этотъ разъ плыть въ Южный Сахалинъ. Уѣзжалъ я съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ сѣверъ мнѣ уже наскучилъ и хотѣлось новыхъ впечатлѣній. *Байкалъ* снялся съ якоря въ десятомъ часу вечера. Было очень темно. Я стоялъ одинъ на кормѣ и, глядя назадъ, прощался съ этимъ мрачнымъ міркомъ, оберегаемымъ съ моря Тремя Братьями, которые теперь едва обозначались въ воздухѣ и были похожи въ потьмахъ на трехъ черныхъ монаховъ; несмотря на шумъ парохода, мнѣ было слышно, какъ волны бились объ эти рифы. Но вотъ Жонкіеръ и Братья остались далеко назади и исчезли въ потьмахъ—навсегда для меня; шумъ бьющихся волнъ, въ которомъ слышалась безсильная, злобная тоска, мало-по-малу затихъ... Проплыли верстъ восемь—и на берегу заблестѣли огни: это была страшная Воеводская тюрьма, а еще немного—показались огни Дуэ. Но скоро и это все исчезло, и остались лишь потемки, да жуткое чувство, точно послѣ дурного, зловѣщаго сна.

Спустившись потомъ внизъ, я засталъ тамъ веселое общество. Кромѣ командира и его помощниковъ, въ каютъ-компаніи находилось еще нѣсколько пассажировъ: молодой японецъ, дама, интендантскій чиновникъ и іеромонахъ Ираклій, сахалинскій миссіонеръ, ѣхавшій слѣдомъ за мною на югъ, чтобы оттуда вмѣстѣ отправить-

*) *Русская Мысль*, кн. II.

ся въ Россію. Наша спутница, жена моряка-офицера, бѣжала изъ Владивостока, испугавшись холеры, и теперь, немного успокоившись, возвращалась назадъ. У нея былъ завидный характеръ. Достаточно было самаго пустого повода, чтобы она закатилась самымъ искреннимъ, жизнерадостнымъ смѣхомъ до упада, до слезъ; начнетъ разсказывать что-нибудь, картавя, и вдругъ хохотъ, веселость бьетъ фонтаномъ, а глядя на даму, начинаю смѣяться и я, за мною о. Ираклій, потомъ японецъ. «Ну!»—говоритъ, въ концѣ-концовъ, командиръ, махнувъ рукой, и тоже заражается смѣхомъ. Вѣроятно, никогда въ другое время въ Татарскомъ проливѣ, обыкновенно сердитомъ, не хохотали такъ много. На другой день утромъ на палубѣ сошлись для бесѣды іеромонахъ, дама, японецъ и я. И опять смѣхъ, и недоставало только, чтобы киты, высунувъ морды изъ воды, стали хохотать, глядя на насъ.

И какъ нарочно, погода была теплая, тихая, веселая. Слѣва близко зеленѣлъ Сахалинъ, именно та его пустынная, дѣвственная часть, которой еще не коснулась каторга; справа въ ясномъ, совершенно прозрачномъ воздухѣ еле-еле мерещился Татарскій берегъ. Здѣсь уже проливъ болѣе похожъ на море и вода не такъ мутна, какъ около Дуэ; здѣсь просторнѣе и легче дышется. По своему географическому положенію нижняя треть Сахалина соотвѣтствуетъ Франціи, и если бы не холодныя теченія, то мы владѣли бы прелестнымъ краемъ и жили бы въ немъ теперь, конечно, не одни только Шкандыбы и Безбожные. Холодныя теченія, идущія отъ сѣверныхъ острововъ, гдѣ даже въ концѣ лѣта бываетъ ледоходъ, омываютъ Сахалинъ съ обѣихъ сторонъ, причемъ восточному берегу, какъ болѣе открытому теченіямъ и холоднымъ вѣтрамъ, приходится принимать наибольшую долю страданій; природа его безусловно сурова и флора его носитъ настоящій полярный характеръ. Западный же берегъ много счастливѣе; здѣсь вліяніе холоднаго теченія смягчается теплымъ японскимъ теченіемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Куро-Сиво; не подлежитъ сомнѣнію, что чѣмъ южнѣе, тѣмъ теплѣе, и на южной части западнаго берега наблюдается сравнительно богатая флора, но, все-таки, увы, до Франціи или Японіи далеко *).

*) Кто-то предлагалъ проектъ—въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива устроить плотину, которая задерживала бы на пути холодное теченіе. Этотъ проектъ находитъ себѣ естественно-историческое оправданіе: извѣстно, что когда существовалъ перешеекъ, то климатъ Сахалина отличался мягкостью. Но осуществленіе его едва ли принесло бы теперь какую-нибудь пользу. Флора южной части западнаго берега, пожалуй, обогатилась бы десяткомъ новыхъ видовъ, но климатъ всей нижней части острова едва ли измѣнился бы къ лучшему. Вѣдь, вся южная часть лежитъ близко къ Охот-

Интересно, что въ то время, какъ сахалинскіе колонизаторы вотъ уже 35 лѣтъ сѣютъ пшеницу на тундрѣ и проводятъ хорошія дороги къ такимъ мѣстамъ, гдѣ могутъ прозябать одни только низшіе моллюски, самая теплая часть острова, а именно южная часть западнаго побережья, остается въ совершенномъ пренебреженіи. Съ парохода видны въ бинокль и простымъ глазомъ хорошій строевой лѣсъ и береговые скаты, покрытые ярко-зеленою и, должно быть, сочною травой, но ни жилья, ни одной живой души. Впрочемъ, разъ—это было на вторыя сутки нашего плаванія—командиръ обратилъ мое вниманіе на небольшую группу избъ и сарайныхъ построекъ и сказалъ: «Это *Маука*». Тутъ, въ Маукѣ, издавна производится добыча морской капусты, которую очень охотно покупаютъ китайцы, и такъ какъ дѣло поставлено серьезно и уже дало хорошій заработокъ многимъ русскимъ и иностранцамъ, то это мѣсто очень популярно на Сахалинѣ. Находится оно на 400 верстъ южнѣе Дуэ, на широтѣ 47°, и отличается сравнительно хорошимъ климатомъ. Когда-то промыселъ находился въ рукахъ японцевъ; при Мицулѣ въ Маукѣ было болѣе 30 японскихъ зданій, въ которыхъ постоянно жило 40 душъ обоего пола, а весною пріѣзжало сюда изъ Японіи еще около 300 человѣкъ, работавшихъ вмѣстѣ съ айносами, которые тогда составляли тутъ главную рабочую силу. Теперь же капустнымъ промысломъ владѣетъ русскій купецъ Семеновъ, сынъ котораго постоянно живетъ въ Маукѣ; дѣломъ завѣдуетъ шотландецъ Демби, уже не молодой и, повидимому, знающій человѣкъ. Онъ имѣетъ собственный домъ въ Нагасаки въ Японіи, и когда я, познакомившись съ нимъ, сказалъ ему, что, вѣроятно, буду осенью въ Японіи, то онъ любезно предложилъ мнѣ остановиться у него въ домѣ. У Семенова работаютъ манзы, корейцы и русскіе. Наши поселенцы стали ходить сюда на заработки лишь съ 1886 г., и, вѣроятно, по собственному почину, такъ какъ смотрители тюремъ всегда больше интересовались кислою капустой, чѣмъ морскою. Первыя попытки были не совсѣмъ удачны: русскіе мало были знакомы съ чисто-техническою стороной дѣла; теперь же они попривыкли, и хотя Демби не такъ доволенъ ими, какъ китайцами, но, все-таки, уже можно серьезно разсчитывать, что современемъ будутъ находить себѣ здѣсь кусокъ хлѣба сотни поселенцевъ. Маука причислена къ Корсаковскому округу. Въ настоящее время здѣсь живутъ на

ому морю, въ которомъ льдины и даже ледяныя поля плаваютъ среди лѣта, и нынѣшній Корсаковскій округъ въ главной своей части отдѣленъ отъ этого моря лишь высокимъ хребтомъ, за которымъ вплоть до моря идетъ низменность, покрытая травами и доступная холоднымъ вѣтрамъ.

поселеніи 38 душъ: 33 м. и 5 ж. Всѣ 33 ведутъ хозяйства. Изъ нихъ трое уже имѣютъ крестьянское званіе. Женщины же всѣ каторжныя и живутъ здѣсь въ качествѣ сожительницъ. Дѣтей нѣтъ, церкви нѣтъ, и скука, должно быть, страшная, особенно зимою, когда уходятъ съ промысловъ рабочіе. Здѣшнее гражданское начальство состоитъ изъ одного лишь надзирателя, а военное—изъ ефрейтора и трехъ рядовыхъ *).

Сравненіе Сахалина со стерлядью особенно годится для его южной части, которая въ самомъ дѣлѣ похожа на рыбій хвостъ. Лѣвая лопасть хвоста называется мысомъ Крильонъ, правая — мысомъ Анивскимъ, а полукруглый заливъ между ними—Анивой. Крильонъ, около котораго пароходъ дѣлаетъ крутой поворотъ къ сѣверо-востоку, при солнечномъ освѣщеніи представляетъ изъ себя довольно привлекательное мѣстечко и стоящій на немъ одиноко красный маякъ похожъ на барскую дачу. Это большой мысъ, покатый къ морю, зеленый и гладкій, какъ хорошій заливной лугъ. Поле далеко кругомъ покрыто бархатною травой и въ сантиментальномъ пейзажѣ недостаетъ только стада, которое бродило бы въ холодкѣ у края лѣса. Но говорятъ, что травы здѣсь не важныя и сельско-хозяйственная культура едва ли возможна, такъ какъ Крильонъ большую часть лѣта бываетъ окутанъ солеными морскими туманами, которые дѣйствуютъ на растительность губительнымъ образомъ **).

*) Въ Маукѣ Семеновъ держитъ лавку, которая лѣтомъ торгуетъ очень недурно; цѣны за съѣстные припасы высокія, такъ что поселенцы оставляютъ здѣсь половину своего заработка. Въ рапортѣ командира клипера *Всадникъ*, относящемся къ 1870 г., сказано, что клиперъ имѣетъ въ виду, подойдя къ мѣстечку Маукѣ, высадить тамъ 10 человѣкъ солдатъ съ тѣмъ, чтобы они приготовили мѣсто подъ огороды, такъ какъ въ продолженіе лѣта въ этомъ мѣстѣ предполагалось основать новый постъ. Замѣчу кстати, что это было время, когда по западному побережью между русскими и японцами происходили маленькія недоразумѣнія. Я нашелъ еще также корреспонденцію въ *Кронштадтскомъ Вѣстникѣ* 1880 г., № 112: „Островъ Сахалинъ. Нѣсколько интересныхъ свѣдѣній относительно Маука-Коувъ (Mauchа Cove)". Тутъ идетъ рѣчь о томъ, что Маука есть главное мѣстопребываніе компаніи, получившей отъ русскаго правительства право въ теченіе 10 лѣтъ собирать морскія водоросли, и что населеніе его состоитъ изъ 3 европейцевъ, 7 русскихъ солдатъ и 700 рабочихъ-корейцевъ, айно и китайцевъ.

Что капустный промыселъ выгоденъ и расширяется, видно изъ того, что гг. Семеновъ и Дембн уже находятъ себѣ подражателей. Нѣкій Биричъ, поселенецъ, бывшій учителемъ и прикащикомъ у Семенова, взявши взаймы денегъ, построилъ все необходимое для промысла близъ Кусунная и сталъ приглашать къ себѣ поселенцевъ. Работаетъ у него теперь около 30 человѣкъ. Дѣло ведется неоффиціально, нѣтъ тутъ даже надзирателя. Постъ Кусуннай, давно уже заброшенный, находится верстъ на сто сѣвернѣе Мауки, у устья рѣки Кусунная, которая когда-то считалась границею между русскими и японскими владѣніями на Сахалинѣ.

**) Немного сѣвернѣе Крильона я видѣлъ камни, на которые нѣсколько лѣтъ назадъ наткнулся и сѣлъ пароходъ *Кострома*, обманутый этими туманами. А. В. Щер-

Мы обогнули Крильонъ и вошли въ заливъ Аниву 12 сентября передъ полуднемъ; видѣнъ весь берегъ отъ одного мыса до другого, хотя заливъ имѣетъ въ діаметрѣ около 80—90 верстъ *). Почти въ серединѣ полукруглый берегъ образуетъ небольшую выемку, которая называется бухтою или губою Лососей, и тутъ, у этой губы, находится *Корсаковскій постъ*, административный центръ южнаго округа. Нашу спутницу, жизнерадостную даму, ожидала пріятная случайность: на Корсаковскомъ рейдѣ стоялъ пароходъ Добровольнаго флота *Владивостокъ*, только что пришедшій изъ Камчатки, и на немъ находился ея мужъ, офицеръ. Сколько по этому поводу было восклицаній, неудержимаго смѣха, суеты!

Постъ имѣетъ съ моря приличный видъ городка, не сибирскаго, а какого-то особеннаго типа, который я не берусь назвать; основанъ онъ былъ почти 40 лѣтъ назадъ, когда по южному берегу тамъ и сямъ были разбросаны японскіе дома и сараи, и очень возможно, что это близкое сосѣдство японскихъ построекъ не обошлось безъ вліянія на его внѣшность и должно было придать ей особыя черты. Годомъ основанія Корсаковска считается 1869 годъ, но это справедливо лишь по отношенію къ нему, какъ къ пункту ссыльной колоніи; на самомъ же дѣлѣ первый русскій постъ на берегу бухты

бакъ, докторъ, сопровождавшій на *Кострому* каторжныхъ, во время крушенія пускалъ сигнальныя ракеты. Онъ разсказывалъ мнѣ потомъ, что въ ту пору ему пришлось пережить нравственно три долгихъ фазиса: первый, самый долгій и мучительный — увѣренность въ неминуемой гибели; каторжниками овладѣла паника и они выли; дѣтей и женщинъ пришлось отправить въ шлюпкѣ подъ командой офицера по тому направленію, гдѣ предполагался берегъ, и шлюпка скоро изчезла въ туманѣ; второй фазисъ — нѣкоторая надежда на спасеніе: съ Крильонскаго маяка донесся пушечный выстрѣлъ, извѣщавшій, что женщины и дѣти достигли берега благополучно; третій — полная увѣренность въ спасеніи, когда въ туманномъ воздухѣ вдругъ раздались звуки корнетъ-а-пистона, на которомъ игралъ возвращавшійся офицеръ.

Въ 1885 г. въ октябрѣ бѣглые каторжники напали на Крильонскій маякъ, разграбили все имущество и убили матроса, бросивъ его со скалы въ пропасть.

*) Берегъ Анивы былъ впервые изслѣдованъ и описанъ русскимъ офицеромъ Н. В. Рудановскимъ, однимъ изъ сподвижниковъ Г. И. Невельского. Подробности см. въ дневникѣ Н. В. Буссе, тоже участника въ Амурской экспедиціи: *Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853—54 гг.*, затѣмъ въ статьѣ Г. И. Невельского и Рудановскаго: *По поводу воспоминаній Н. В. Буссе, Вѣстникъ Европы* 1872 г., VIII, и въ запискахъ самого Невельского. Майоръ Н. В. Буссе, господинъ нервный и нетерпѣливый, пишетъ, что „обращеніе Невельского съ подчиненными и духъ бумагъ его недовольно серьезны“, а про Рудановскаго, что онъ „тяжелъ, какъ подчиненный, и несносный товарищъ“, и что Рудановскій „дѣлалъ безтолковыя замѣчанія“, а про Бошняка, что онъ „мечтатель и дитя“. Когда Невельской медленно раскуривалъ свою трубку, то это его раздражало. Зимуя съ Рудановскимъ на Анивѣ и будучи старше его чиномъ, майоръ назойливо требовалъ отъ него чинопочитанія и соблюденія всѣхъ правилъ субординаціи, и это въ пустынѣ, почти съ глазу на глазъ, когда молодой человѣкъ весь былъ погруженъ въ серьезную научную работу.

Лососей былъ основанъ въ 1853—54 г. Лежитъ онъ въ пади, которая и теперь носитъ японское названіе Хахка-Томари, и съ моря видна только одна его главная улица и кажется издали, что мостовая и два ряда домовъ круто спускаются внизъ по берегу; но это только въ перспективѣ, на самомъ же дѣлѣ подъемъ не такъ крутъ. Новыя деревянныя постройки лоснятся и отсвѣчиваютъ на солнцѣ, бѣлѣетъ церковь, старой, простой и потому красивой архитектуры. На всѣхъ домахъ высокіе шесты, вѣроятно, для флаговъ, и это придаетъ городку непріятное выраженіе, какъ будто онъ ощетинился. Здѣсь такъ же, какъ и на сѣверныхъ рейдахъ, пароходъ останавливается въ одной и даже двухъ верстахъ отъ берега, и пристань имѣется только для парового катера и баржъ. Къ нашему пароходу сначала подошелъ катеръ съ чиновниками и тотчасъ же послышались радостные голоса: «Бой, пива! Бой, рюмку коньяку!» Потомъ подошелъ вельботъ; гребли каторжные, наряженные матросами, и у руля сидѣлъ окружной начальникъ И. И. Бѣлый, который, когда вельботъ подходилъ къ трапу, скомандовалъ по-военному: «Суши весла!»

Черезъ нѣсколько минутъ я и г. Б. были уже знакомы; вмѣстѣ потомъ мы съѣхали на берегъ, и я обѣдалъ у него. Изъ разговора съ нимъ я узналъ, между прочимъ, что онъ только что вернулся на *Владивостокъ* съ берега Охотскаго моря, изъ такъ называемой Тарайки, гдѣ каторжные строютъ теперь дорогу.

Квартира у него не большая, но хорошая, барская. Онъ любитъ комфортъ и хорошую кухню, и это замѣтно отражается на всемъ его округѣ; разъѣзжая впослѣдствіи по округу, я находилъ въ надзирательскихъ или станкахъ не только ножи, вилки и рюмки, но даже чистыя салфетки, и сторожей, которые умѣютъ варить вкусный супъ, а, главное, клоповъ и таракановъ здѣсь не такъ безобразно много, какъ на сѣверѣ. По разсказу г. Б., въ Тарайкѣ на дорожныхъ работахъ онъ жилъ въ большой палаткѣ, съ комфортомъ, имѣлъ при себѣ повара и на досугѣ читалъ французскіе романы *). По происхожденію онъ малороссъ, по образованію—бывшій студентъ-юристъ. Онъ молодъ, не старше сорока лѣтъ, а это

*) И почти уже забыто то время, когда офицеры и чиновники, служившіе на Южномъ Сахалинѣ, терпѣли настоящую нужду. Въ 1876 г. за пудъ бѣлой муки они платили 4 р., за бутылку водки 3 р. и „свѣжаго мяса никто почти никогда не видитъ“ (*Русскій Міръ* 1877 г., № 7), а о людяхъ попроще и говорить нечего. Эти буквально бѣдствовали. Корреспондентъ *Владивостока*, не дальше какъ 5 лѣтъ назадъ, сообщалъ, что „ни у кого не было полрюмки водки, табакъ манчжурскій (т.-е. вродѣ нашей махорки) до 2 р. 50 к. за фунтъ; поселенцы и нѣкоторые надзиратели курили байховый и кирпичный чай“ (1886 г., № 22).

возрастъ, кстати сказать, средній для сахалинскаго чиновника. Времена измѣнились; теперь для русской каторги молодой чиновникъ болѣе типиченъ, чѣмъ старый, и если бы, положимъ, художникъ изобразилъ, какъ наказываютъ плетьми бродягу, то на его картинѣ мѣсто прежняго капитана-пропойцы, старика съ синебагровымъ носомъ, занималъ бы интеллигентный молодой человѣкъ въ новенькомъ вицмундирѣ.

Мы разговорились, между тѣмъ, наступилъ вечеръ, зажгли огонь. Я простился съ гостепріимнымъ г. Б. и отправился къ секретарю полицейскаго управленія, у котораго мнѣ была приготовлена квартира. Было темно и тихо, море глухо шумѣло и звѣздное небо хмурилось, какъ будто видѣло, что въ природѣ готовится что-то недоброе. Когда я прошелъ всю главную улицу почти до моря, пароходы еще стояли на рейдѣ, и когда я повернулъ направо, послышались голоса и громкій смѣхъ, и въ темнотѣ показались ярко освѣщенныя окна, и стало похоже, будто я въ захолустномъ городкѣ осеннею ночью пробираюсь къ клубу. Это была квартира секретаря. По ветхимъ скрипучимъ ступенямъ я поднялся на террасу и вошелъ въ домъ. Въ залѣ, точно боги на облакахъ, въ табачномъ дыму и въ туманѣ, какой бываетъ въ трактирахъ и сырыхъ помѣщеніяхъ, двигались военные и штатскіе. Съ однимъ изъ нихъ, г. фонъ-Ф., инспекторомъ сельскаго хозяйства, я уже былъ знакомъ,—раньше мы встрѣчались въ Александровскѣ,—съ остальными же я теперь видѣлся впервые, хотя всѣ они отнеслись къ моему появленію съ такимъ благодушіемъ, какъ будто были знакомы со мною уже давно. Меня подвели къ столу, и я тоже долженъ былъ пить водку, то-есть спиртъ, на половину разведенный водой, и очень плохой коньякъ, и ѣсть жесткое мясо, которое жарилъ и подавалъ къ столу ссыльно-каторжный Хоменко, хохолъ съ черными усами. Изъ постороннихъ, кромѣ меня, на этой вечеринкѣ присутствовалъ также директоръ Иркутской магнитно-метеорологической обсерваторіи Э. В. Штеллингъ, прибывшій на *Владивостокъ* изъ Камчатки и Охотска, гдѣ онъ хлопоталъ объ учрежденіи метеорологическихъ станцій. Тутъ же я познакомился съ майоромъ Ш., смотрителемъ Корсаковской ссыльно-каторжной тюрьмы, служившимъ раньше при генер. рессерѣ въ петербургской полиціи: это—высокій, полный мужчина, съ тою солидною, импонирующею осанкой, какую мнѣ до сихъ оръ случалось наблюдать только у частныхъ и участковыхъ ристановъ. Разсказывая мнѣ о своемъ короткомъ знакомствѣ со огими извѣстными писателями въ Петербургѣ, майоръ назы-

валъ ихъ просто Миша, Ваня и, приглашая меня къ себѣ завтракать и обѣдать, невзначай раза два сказалъ мнѣ *ты* *).

Когда во второмъ часу ушли гости и я легъ въ постель, послышались ревъ и свистъ. Это задулъ нордъ-остъ. Значитъ, не даромъ съ вечера хмурилось небо. Хоменко, придя со двора, доложилъ, что пароходы ушли, а, между тѣмъ, на морѣ поднялась сильная буря. «Ну, небось, вернутся!—сказалъ онъ и засмѣялся. — Гдѣ имъ совладать?» Въ комнатѣ стало холодно и сыро, было, вѣроятно, не больше шести-семи градусовъ. Бѣдный Ф., секретарь полицейскаго управленія, молодой человѣкъ, никакъ не могъ уснуть отъ насморка и кашля. Капитанъ К., жившій вмѣстѣ съ нимъ на одной квартирѣ, тоже не спалъ; онъ постучалъ изъ своей комнаты въ стѣну и сказалъ мнѣ:

— Я получаю *Недѣлю*. Не желаете ли?

Утромъ было холодно и въ постели, и въ комнатѣ, и на дворѣ. Когда я вышелъ наружу, шелъ холодный дождь и сильный вѣтеръ гнулъ деревья, море ревѣло, а дождевыя капли при особенно жестокихъ порывахъ вѣтра били въ лицо и стучали по крышамъ, какъ мелкая дробь. *Владивостокъ* и *Байкалъ* въ самомъ дѣлѣ не совладали со штормомъ, вернулись и теперь стояли на рейдѣ, и ихъ покрывала мгла. Я прогулялся по улицамъ, по берегу около пристани; трава была мокрая, съ деревьевъ текло. На пристани около сторожки лежитъ скелетъ молодого кита, когда-то счастливаго, рѣзваго, гулявшаго на просторѣ сѣверныхъ морей, теперь же бѣлыя кости богатыря лежали въ грязи и дождь точилъ ихъ...

Главная улица шоссирована и содержится въ порядкѣ, на ней тротуары, фонари и деревья, и мететъ ее каждый день клейменый старикъ. Тутъ только присутственныя мѣста и квартиры чиновниковъ, и нѣтъ ни одного дома, въ которомъ жили бы ссыльные. Дома большею частью новые и пріятные на видъ, и нѣтъ той тяжкой казенщины, какъ, наприм., въ Дуэ. Вообще же въ Корсаковскомъ посту, если говорить о всѣхъ его четырехъ улицахъ, старыхъ построекъ больше, чѣмъ новыхъ, и не рѣдкость дома, построенные 20—30 лѣтъ назадъ. И старыхъ зданій, и старожиловъ среди служащихъ въ Корсаковскѣ относительно больше,

*) Майоръ Ш., надо отдать ему справедливость, относился съ полнымъ уваженіемъ къ моей литературной профессіи и все время, пока я жилъ въ Корсаковскѣ, всячески старался, чтобы мнѣ не было скучно. Раньше, за нѣсколько недѣль до моего пріѣзда на югъ, онъ также возился съ англичаниномъ Говардомъ, искателемъ приключеній и тоже литераторомъ, потерпѣвшимъ въ Аянѣ крушеніе на японской джонкѣ и потомъ написавшимъ порядочный вздоръ объ айнахъ въ своей книгѣ *The Life with Trans-Siberian savages.*

чѣмъ на сѣверѣ, а это, быть можетъ, значитъ, что здѣшній югъ болѣе располагаетъ къ осѣдлой и покойной жизни, чѣмъ оба сѣверныхъ округа. Здѣсь, какъ я замѣтилъ, и патріархальности больше, и люди консервативнѣе, и обычаи, даже дурные, держатся крѣпче. Такъ, въ сравненіи съ сѣверомъ, здѣсь чаще прибѣгаютъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ и бываетъ, что въ одинъ пріемъ сѣкутъ по 50 человѣкъ, и только на югѣ уцѣлѣлъ дурной обычай, введенный когда-то какимъ-то давно уже забытымъ полковникомъ, а именно, когда вамъ, свободному человѣку, встрѣчается на улицѣ или на берегу группа арестантовъ, то уже за 50 шаговъ вы слышите крикъ надзирателя: «Смир-р-рно! Шапки долой!» И мимо васъ проходятъ угрюмые люди съ обнаженными головами и глядятъ на васъ изподлобья, точно если бы они сняли шапки не за 50, а за 20—30 шаговъ, то вы побили бы ихъ палкой, какъ г. Z или г. N.

Я жалѣю, что не засталъ въ живыхъ старѣйшаго сахалинскаго офицера, штабсъ-капитана Шишмарева, который долготою дней своихъ и какъ старожилъ могъ бы поспорить даже съ палевскимъ Микрюковымъ. Онъ умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ до моего пріѣзда и я видѣлъ только домъ-особнякъ, въ которомъ онъ жилъ. Поселился онъ на Сахалинѣ еще въ доисторическія времена, когда не начиналась каторга, и это казалось до такой степени давно, что даже сочинили легенду о «происхожденіи Сахалина», въ которой имя этого офицера тѣсно связано съ геологическими переворотами, происходившими на островѣ; по словамъ легенды, когда-то въ отдаленныя времена Сахалина не было вовсе, но вдругъ, вслѣдствіе вулканическихъ причинъ, поднялась подводная скала выше уровня моря, и на ней сидѣли два существа: сивучъ и штабсъ-капитанъ Шишмаревъ. Говорятъ, что онъ ходилъ въ вязаномъ сюртукѣ съ погонами и инородцевъ въ казенныхъ бумагахъ называлъ такъ: «дикіе обитатели лѣсовъ». Онъ принималъ участіе въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ и, между прочимъ, плавалъ по Тыми съ Поляковымъ, и изъ описанія экспедиціи видно, что они поссорились.

Жителей въ Корсаковскомъ посту 163: 93 м. и 70 ж., а съ свободными, солдатами, ихъ женами и дѣтьми, и съ арестантами, ночующими въ тюрьмѣ, наберется не много болѣе тысячи.

Хозяйствъ 56, но все это хозяйства не деревенскія, а скорѣе городскія, мѣщанскія; съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія они представляются совершенно ничтожными. Земли пахотной всего 3 дес., а луговъ, которыми пользуется также и тюрьма, 18 дес. Надо видѣть, какъ тѣсно жмутся усадьбы одна къ другой и какъ живописно лѣпятся онѣ по склонамъ и на днѣ оврага, образующаго

падь, чтобы понять, что тотъ, кто выбиралъ мѣсто для поста, вовсе не имѣлъ въ виду, что тутъ, кромѣ солдатъ, будутъ еще жить сельскіе хозяева. На вопросъ, чѣмъ они занимаются и чѣмъ живутъ, хозяева отвѣчали: работишка, торговлишка... Относительно стороннихъ заработковъ, какъ увидитъ ниже читатель, южный сахалинецъ поставленъ далеко не въ такое безвыходное положеніе, какъ сѣверный: при желаніи онъ находитъ себѣ заработокъ, по крайней мѣрѣ, въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы; но корсаковцевъ это мало касается, такъ какъ на заработки они уходятъ очень рѣдко и, какъ истые горожане, живутъ на неопредѣленныя средства,—неопредѣленныя въ смыслѣ ихъ случайности и непостоянства. Одинъ живетъ на деньги, которыя онъ привезъ съ собой изъ Россіи, и такихъ большинство, другой—въ писаряхъ, третій—въ дьячкахъ, четвертый—держитъ лавочку, хотя по закону не имѣетъ на это права, пятый—промѣниваетъ арестантскій хламъ на японскую водку, которую продаетъ, и проч., и проч. Женщины, даже свободнаго состоянія, промышляютъ проституціей; не составляетъ исключенія даже одна привилегированная, про которую говорятъ, что она кончила въ институтѣ. Здѣсь меньше голода и холода, чѣмъ на сѣверѣ; каторжные, жены которыхъ торгуютъ собой, курятъ турецкій табакъ по 50 к. за четвертку, и потому здѣшняя проституція кажется болѣе злокачественной, чѣмъ на сѣверѣ, хотя—не все ли равно?

Семейно живутъ 41, причемъ 21 пара состоитъ въ незаконномъ бракѣ. Женщинъ свободнаго состоянія только 10, то-есть въ 16 разъ меньше, чѣмъ въ Рыковскомъ, и даже въ 4 раза меньше, чѣмъ въ такой щели, какъ Дуэ.

Среди ссыльныхъ въ Корсаковскѣ попадаются интересныя личности. Упомяну о безсрочномъ каторжномъ Пищиковѣ, преступленіе котораго дало матеріалъ Г. И. Успенскому для очерка *Одинъ-на-одинъ*. Этотъ Пищиковъ засѣкъ нагайкой свою жену, интеллигентную женщину, беременную на девятомъ мѣсяцѣ, и истязаніе продолжалось шесть часовъ; сдѣлалъ онъ это изъ ревности къ добрачной жизни жены: во время послѣдней войны она была увлечена плѣннымъ туркомъ. Пищиковъ самъ носилъ письма къ этому турку, уговаривалъ его приходить на свиданіе и вообще помогалъ обѣимъ сторонамъ. Потомъ, когда турокъ уѣхалъ, дѣвушка полюбила Пищикова за его доброту; Пищиковъ женился на ней и имѣлъ отъ нея уже четырехъ дѣтей, какъ вдругъ подъ сердцемъ завозилось тяжелое, ревнивое чувство...

Это высокій, худощавый человѣкъ, благообразный, съ большою

бородой. Онъ служитъ писаремъ въ полицейскомъ управленіи и потому ходитъ въ вольномъ платьѣ. Трудолюбивъ и очень вѣжливъ, и, судя по выраженію, весь ушелъ въ себя и замкнулся. Я былъ у него на квартирѣ, но не засталъ его дома. Занимаетъ онъ въ избѣ небольшую комнату; у него аккуратная чистая постель, покрытая краснымъ шерстянымъ одѣяломъ, а около постели на стѣнѣ въ рамочкѣ портретъ какой-то дамы, вѣроятно, жены.

Интересна также семья Жакомини: отецъ, ходившій когда-то шкиперомъ въ Черномъ морѣ, его жена и сынъ. Всѣ трое въ 1878 году были преданы въ г. Николаевѣ военно-полевому суду за убійство и осуждены, какъ они сами увѣряютъ, невинно. Старуха и сынъ уже отбыли каторгу, а старикъ Карпъ Николаевичъ, 66 лѣтъ, все еще каторжный. Они держатъ лавочку и въ комнатахъ у нихъ очень прилично, лучше даже, чѣмъ у ново-михайловскаго богача Потемкина. Старики Жакомини шли на Сахалинъ сухимъ путемъ, черезъ Сибирь, а сынъ моремъ, и сынъ прибылъ на мѣсто тремя годами раньше. Разница огромная. Если послушать старика, то становится страшно. Какихъ ужасовъ наглядѣлся и чего только онъ ни вынесъ, пока его судили, мытарили по тюрьмамъ и потомъ три года тащили черезъ Сибирь; на пути его дочь, дѣвушка, которая пошла добровольно за отцомъ и матерью на каторгу, умерла отъ изнуренія, а судно, которое везло его и старуху въ Корсаковскъ, около Мауки потерпѣло аварію. Старикъ разсказываетъ все это, а старуха плачетъ. «Ну, да что!—говоритъ старикъ, махнувъ рукой.—Значитъ, Богу такъ угодно».

Въ культурномъ отношеніи Корсаковскій постъ замѣтно отсталъ отъ своихъ сѣверныхъ собратій. Такъ, въ немъ до сихъ поръ еще нѣтъ телеграфа и метеорологической станціи *). О климатѣ Южнаго Сахалина мы можемъ судить пока лишь по отрывочнымъ случайнымъ наблюденіямъ разныхъ авторовъ, которые служили здѣсь, или же, подобно мнѣ, пріѣзжали сюда не надолго. По этимъ дан-

*) Э. В. Штеллингъ при мнѣ хлопоталъ объ устройствѣ станціи и въ этомъ ему сильно помогалъ военный врачъ З—ій, корсаковскій старожилъ и очень хорошій человѣкъ. Но мнѣ кажется, что станцію слѣдуетъ устроить не въ Корсаковскомъ посту, открытомъ для восточныхъ вѣтровъ, а въ какомъ-нибудь болѣе центральномъ пунктѣ округа, наприм., въ селеніи Владиміровкѣ. Впрочемъ, на Южномъ Сахалинѣ что ни мѣсто, то свой климатъ, и правильнѣе всего было бы учредить метеорологическія наблюдательные пункты одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ: у залива Буссе, въ Корсаковскѣ, Крильонѣ, Маукѣ, Владиміровкѣ, Найбучи и Тарайкѣ. Это, конечно, не легко, но и не такъ уже трудно. По-моему, для этого можно воспользоваться услугами грамотныхъ ссыльныхъ, которые, какъ показалъ уже опытъ, скоро научаются самостоятельно вести наблюденія, и нуженъ только человѣкъ, который взялъ бы на себя трудъ руководить ими.

нымъ въ Корсаковскомъ посту, если брать среднія температуры, лѣто, осень и весна теплѣе, чѣмъ въ Дуэ, почти на 2°, а зима мягче почти на 5°. Между тѣмъ, на той же Анивѣ, но только немного восточнѣе Корсаковскаго поста, въ Муравьевскомъ температура уже значительно ниже и скорѣе подходитъ къ дуйской, чѣмъ къ корсаковской. А на 88 верстъ сѣвернѣе Корсаковскаго поста, въ Найбучи, командиръ *Всадника* утромъ 11 мая 1870 г. записалъ два градуса мороза; шелъ снѣгъ. Какъ видитъ читатель, здѣшній югъ мало похожъ на югъ: зима здѣсь такая же суровая, какъ въ Олонецкой губ., а лѣто—какъ въ Архангельскѣ. Крузенштернъ въ половинѣ мая видѣлъ на западномъ берегу Анивы снѣгъ. На сѣверѣ Корсаковскаго округа, именно въ Кусуннаѣ, гдѣ добываютъ морскую капусту, наблюдалось въ году 149 ненастныхъ дней, а на югѣ, въ Муравьевскомъ посту, 130. Но, тѣмъ не менѣе, все-таки, въ южномъ округѣ климатъ мягче, чѣмъ въ обоихъ сѣверныхъ, и жить здѣсь поэтому должно быть легче. На югѣ среди зимы бываетъ оттепель, чего ни разу не наблюдали около Дуэ и Рыковскаго, рѣки вскрываются раньше и солнце выглядываетъ изъ-за облаковъ чаще.

Корсаковская тюрьма занимаетъ самое возвышенное мѣсто въ посту и, вѣроятно, самое здоровое. Тамъ, гдѣ главная улица упирается въ тюремный заборъ, находятся ворота, очень скромныя на видъ, и что это не простыя, обывательскія ворота, а входъ въ тюрьму, видно только по надписи, да по тому еще, что каждый вечеръ тутъ толпятся каторжные, которыхъ впускаютъ въ калитку по-одиночкѣ и при этомъ обыскиваютъ. Тюремный дворъ расположенъ на наклонной плоскости и уже съ середины его, несмотря на заборъ и окружающія постройки, видны голубое море и далекій горизонтъ, и поэтому кажется, что здѣсь очень много воздуху. При осмотрѣ тюрьмы, прежде всего, замѣчается стремленіе мѣстной администраціи къ рѣзкому обособленію каторжныхъ отъ поселенцевъ. Въ Александровскѣ тюремныя мастерскія и квартиры нѣсколькихъ сотъ каторжныхъ разбросаны по всему посту, и тамъ интересы тюрьмы и каторги какъ бы на первомъ планѣ; здѣсь же въ тюремномъ дворѣ помѣщаются всѣ мастерскія и даже пожарный сарай и жить внѣ тюрьмы, за очень рѣдкими исключеніями, не позволяется даже каторжнымъ разряда исправляющихся. Здѣсь постъ самъ по себѣ, а тюрьма сама по себѣ, и можно долго прожить въ посту и не замѣтить, что въ концѣ улицы находится тюрьма.

Казармы здѣсь старыя, въ камерахъ тяжелый воздухъ, отхожія мѣста много хуже, чѣмъ въ сѣверныхъ тюрьмахъ, хлѣбопекар-

ня темная, карцеры для одиночнаго заключенія темные, безъ вентиляцій, холодные, и я самъ нѣсколько разъ видѣлъ, какъ заключенные въ нихъ дрожали отъ холода и сырости. Здѣсь одно только лучше, чѣмъ на сѣверѣ: просторная кандальная и кандальныхъ сравнительно меньше. Чище всѣхъ живутъ въ казармахъ бывшіе моряки; они и одѣты чище *). При мнѣ въ тюрьмѣ ночевало только 450 человѣкъ, всѣ же остальные находились въ командировкѣ, главнымъ образомъ, на дорожныхъ работахъ. Всего въ округѣ числилось каторжныхъ 1,205.

Здѣшній смотритель тюрьмы больше всего любитъ показывать пріѣзжимъ пожарный обозъ. Обозъ въ самомъ дѣлѣ великолѣпенъ и въ этомъ отношеніи Корсаковскъ перещеголялъ многіе большіе города. Бочки, пожарные насосы, топоры въ чехлахъ,—все это иг-

---

*) И. И. Бѣлому удалось организовать изъ нихъ [illegible] команду для работъ на морѣ. Старшимъ среди нихъ считается каторжный Голицынъ, маленькаго роста, съ бакенами. Любитъ пофилософствовать. Когда онъ сидитъ у руля и командуетъ: „Руби рангоутъ!“ или—„Весла на воду!“—то дѣлаетъ это не безъ начальственной суровости. Несмотря на его почтенную наружность и старшинство, при мнѣ его сѣкли раза два-три за пьянство и, кажется, за грубости. Послѣ него искуснѣйшимъ моряком считается каторжный Медвѣдевъ, человѣкъ умный и отважный. Какъ-то японскій консулъ г. Кузе возвращался изъ Тарайки, у руля былъ Медвѣдевъ; кромѣ нихъ, въ вельботѣ находился еще надзиратель. Къ вечеру засвѣжѣло, стало темно... Когда подплыли къ Найбучи, то уже не было видно входа въ рѣку Найбу, пристать же прямо къ берегу было опасно, и Медвѣдевъ рѣшилъ ночевать въ морѣ, несмотря на сильный штормъ. Надзиратель хватилъ его по уху, г. Кузе строго приказывалъ держаться берега, но Медвѣдевъ не слушался и упрямо уходилъ въ море все дальше и дальше. Всю ночь штормовало; волны трепали лодку и каждую минуту казалось, что онѣ зальютъ или опрокинутъ ее. Консулъ потомъ разсказывалъ мнѣ, что это была ночь самая страшная въ его жизни. Когда на разсвѣтѣ Медвѣдевъ пошелъ къ устью рѣчки, то, все-таки, на барѣ вельботъ захлебнулъ воды. Съ тѣхъ поръ г. Бѣлый, отпуская кого-нибудь съ Медвѣдевымъ, всякій разъ говоритъ:

— Что бы онъ ни дѣлалъ, пожалуйста, молчите и не протестуйте.

Въ тюрьмѣ обращаютъ на себя также вниманіе два родныхъ брата, бывшіе персидскіе принцы, которыхъ и по сіе время въ письмахъ, приходящихъ сюда изъ Персіи, титулуютъ высочествами. Присланы они за убійство, совершенное ими на Кавказѣ. Ходятъ они по-персидски, въ высокихъ мерлушковыхъ шапкахъ, лбы наружу. Они еще въ разрядѣ испытуемыхъ и поэтому не имѣютъ права имѣть при себѣ деньги, и одинъ изъ нихъ жаловался, что ему не на что купить табаку, а отъ куренія, ему кажется, кашель у него становится легче. Онъ клеитъ для канцеляріи конверты, довольно неуклюжіе; поглядѣвши на его работу, я сказалъ: „Очень хорошо“. И, повидимому, эта похвала доставила бывшему принцу большое удовольствіе.

Писаремъ при тюрьмѣ состоитъ каторжный Гейманъ, полный, красивый брюнетъ, служившій когда-то околодочнымъ въ московской полиціи и осужденный за [illegible]стлѣніе. Въ тюрьмѣ онъ слѣдовалъ за мною по пятамъ и, когда я оглядывался, [illegible]какій разъ почтительно снималъ шапку.

Здѣшній палачъ носитъ фамилію Минаева; онъ изъ купеческихъ сыновъ, человѣкъ еще молодой. Въ тотъ день, когда я его видѣлъ, онъ, по его словамъ, наказ[illegible] розгами 8 человѣкъ

рушечно и блеститъ, точно приготовлено для выставки. По данному мною сигналу ударили тревогу, изъ всѣхъ мастерскихъ тотчасъ же повыскакивали каторжные безъ шапокъ, безъ верхняго платья,—однимъ словомъ, кто въ чемъ былъ,—въ одну минуту впряглись и съ громомъ покатили по главной улицѣ къ морю. Зрѣлище было эффектное, и майоръ Ш., творецъ этого образцоваго обоза, былъ очень доволенъ и все спрашивалъ, нравится ли мнѣ. Жаль только, что вмѣстѣ съ молодыми впряглись и побѣжали также старики, которыхъ слѣдовало бы щадить, хотя бы ради ихъ слабаго здоровья.

XIII.

Поро-ан-Томари.—Муравьевскій постъ.—Первая, Вторая и Третья Падь.—Соловьевка.—Лютога.—Голый Мысъ.—Мицулька.—Лиственичное.—Хомутовка.—Большая Елань.—Владиміровка.—Ферма или фирма.—Любовная исторія.—Луговое.—Поповскія Юрты.—Березники.—Кресты.—Большое и Малое Такоэ.—Галкино-Враское.—Дубки.—Найбучи.—Море.

Обзоръ населенныхъ мѣстъ Корсаковскаго округа я начну съ селеній, которыя расположены по берегу Анивы. Первое, на четыре версты восточнѣе и южнѣе поста, называется по-японски *Поро-ан-Томари*. Основано оно было въ 1882 г. на мѣстѣ бывшей здѣсь когда-то японской деревушки. Жителей 72: 53 м. и 19 ж. Хозяевъ 47 и изъ нихъ 38 живутъ бобылями. Какъ ни кажется просторно вокругъ селенія, а все же на каждаго хозяина приходится только $^1/_4$ дес. пахотной земли и меньше чѣмъ $^1/_2$ дес. покосной; значитъ, добыть больше негдѣ или очень трудно. Тѣмъ не менѣе, все-таки, если бы Поро-ан-Томари было на сѣверѣ, то въ немъ давно бы уже было 200 хозяевъ и при нихъ 150 совладѣльцевъ; южная администрація, слава Богу, въ этомъ отношеніи болѣе умѣренна и предпочитаетъ основывать новыя селенія, чѣмъ расширять старыя.

Тутъ я записалъ девять стариковъ въ возрастѣ отъ 65 до 85 лѣтъ. Одинъ изъ нихъ, Янъ Рыцеборскій, 75 лѣтъ, съ физіономіей солдата временъ очаковскихъ, до такой степени старъ, что, вѣроятно, уже не помнитъ, виноватъ онъ или нѣтъ, и какъ-то странно было слышать, что все это безсрочные каторжники, злодѣи, которыхъ баронъ А. Н. Корфъ, только во вниманіе къ ихъ преклоннымъ лѣтамъ, приказалъ перевести въ поселенцы.

Костинъ, поселенецъ, спасается въ землянкѣ: самъ не выходитъ наружу и никого къ себѣ не пускаетъ, и все молится. Поселенца Горбунова зовутъ всѣ «рабомъ Божіимъ», потому что на волѣ онъ былъ странникомъ; по профессіи онъ маляръ, но служитъ

пастухомъ въ Третьей Пади, быть можетъ, изъ любви къ одиночеству и созерцанію.

Верстъ на 40 восточнѣе есть еще, впрочемъ, уже только на картѣ, *Муравьевскій постъ*. Основанъ онъ былъ сравнительно давно, въ 1853 г., на берегу бухты Лососей; когда же въ 1854 г. прошли слухи о войнѣ, то онъ былъ снятъ и возобновленъ лишь черезъ 12 лѣтъ на берегу залива Буссе или Двѣнадцатифутовой гавани,—такъ называется неглубокое озеро, соединенное съ моремъ протокомъ, куда могутъ входить только мелко-сидящія суда. При Мицулѣ въ немъ жило около 300 солдатъ, которые сильно болѣли цынгой. Цѣлью основанія поста было упроченіе русскаго вліянія на Южномъ Сахалинѣ; послѣ же трактата 1875 г. онъ былъ упраздненъ за ненадобностью и покинутыя избы, какъ говорятъ, сожжены были бѣглыми *).

Къ селеніямъ, которыя лежатъ западнѣе Корсаковскаго поста, ведетъ веселая дорога у самаго моря; направо глинистыя крутизны и осыпи, кучерявыя отъ зелени, а налѣво шумящее море. На пескѣ, гдѣ волны уже разбиваются въ пѣну и, точно утомленныя, катятся назадъ, коричневымъ бордюромъ лежитъ по всему побережью морская капуста, выброшенная моремъ. Она издаетъ приторно-слащавый, но не противный запахъ гніющей водоросли, и для южнаго моря этотъ запахъ такъ же типиченъ, какъ ежеминутный взлетъ дикихъ морскихъ утокъ, которыя развлекаютъ васъ все время, пока вы ѣдете по берегу. Пароходы и парусныя суда здѣсь рѣдкіе гости; ничего не видно ни возлѣ, ни на горизонтѣ, и потому море представляется пустыннымъ. И изрѣдка развѣ покажется неуклюжая сѣноплавка, которая движется еле-еле, иногда на ней темный, некрасивый парусъ, или каторжный бредетъ по колѣна въ водѣ и тащитъ за собою на веревкѣ бревно,—вотъ и всѣ картины.

Вотъ крутой берегъ прерывается длинною и глубокою долиной. Тутъ течетъ рѣчка Унтанай или Унта и возлѣ была когда-то казенная Унтовская ферма, которую каторжные называли Дранкой,—понятно, почему. Въ настоящее время здѣсь тюремные огороды и стоятъ только три поселенческія избы. Это—*Первая Падь*.

---

*) Тутъ когда-то были Муравьевскія копи, въ которыхъ добыча угля производилась постовыми солдатами изъ разряда штрафованныхъ, то-есть была тутъ своя маленькая каторга; назначало ихъ на работы мѣстное начальство въ наказаніе „за значительныя, впрочемъ, преступленія“ (Мицуль). Въ чью пользу, однако, поступала бы выручка, если бы добытый солдатами уголь былъ проданъ, сказать нельзя, такъ какъ весь онъ сгорѣлъ вмѣстѣ съ постройками.

До 1870 г. военными властями были основаны еще посты Чибисанскій, Очехскій, Мануйскій, Малковскій и многіе другіе. Всѣ они уже брошены и забыты.

Затѣмъ слѣдуетъ *Вторая Падь*, въ которой шесть дворовъ. Тутъ у одного зажиточнаго старика-крестьянина изъ ссыльныхъ живетъ въ сожительницахъ старуха, дѣвушка Ульяна. Когда-то очень давно она убила своего ребенка и зарыла его въ землю, на судѣ же говорила, что ребенка она не убила, а закопала его живымъ,—этакъ, думала, скорѣй оправдаютъ; судъ приговорилъ ее на 20 лѣтъ. Разсказывая мнѣ объ этомъ, Ульяна горько плакала, потомъ вытерла глаза и спросила: «Капустки кисленькой не купите ли?»

Въ *Третьей Пади* 17 дворовъ.

Во всѣхъ этихъ трехъ селеніяхъ жителей 46, въ томъ числѣ женщинъ 17. Хозяевъ 26. Люди здѣсь все основательные, зажиточные, имѣютъ много скота и нѣкоторые даже промышляютъ имъ. Главною причиной такого благосостоянія слѣдуетъ признать, вѣроятно, климатъ и почвенныя условія, но я думаю также, что если пригласить сюда чиновниковъ изъ Александровска или Дуэ и попросить ихъ распорядиться, то черезъ годъ же во всѣхъ трехъ Падяхъ будетъ не 26, а 300 хозяевъ, не считая совладѣльцевъ, и всѣ они окажутся «домонерачители и самовольные» и будутъ сидѣть безъ куска хлѣба. Примѣра этихъ трехъ маленькихъ селеній, я думаю, достаточно, чтобы, наконецъ, взять за правило, что въ настоящее время, пока еще колонія молода и не окрѣпла, чѣмъ меньше хозяевъ, тѣмъ лучше, и что чѣмъ длиннѣе улица, тѣмъ она бѣднѣе.

На четвертой верстѣ отъ поста находится *Соловьевка*, основанная въ 1882 году. Изъ всѣхъ сахалинскихъ селеній она занимаетъ наиболѣе выгодное положеніе: она при морѣ и, кромѣ того, недалеко отъ нея находится устье рыбной рѣки Сусуи. Населеніе держитъ коровъ и торгуетъ молокомъ. Занимается также хлѣбопашествомъ. Жителей 74: 37 м. и 37 ж. Хозяевъ 26. Всѣ они имѣютъ пахотную и покосную землю, въ среднемъ по одной десятинѣ на душу. Земля хороша только около моря, по скатамъ берега, дальше же она плоха, изъ-подъ ели и пихты.

Есть еще одно селеніе на берегу Анивы, далеко въ сторонѣ, верстъ за 25 или, если плыть къ нему моремъ, въ 14 миляхъ отъ поста. Оно называется *Лютога*, находится въ пяти верстахъ отъ устья рѣки того же имени и основано въ 1886 г. Сообщеніе съ постомъ крайне неудобное: пѣшкомъ по берегу или же на катерѣ, а для поселенцевъ—на сѣноплавкѣ. Жителей 53: 37 м. и 16 ж. Хозяевъ 33.

Что же касается береговой дороги, то она, минуя Соловьевку,

около устья Сусуи круто поворачиваетъ вправо и идетъ уже по направленію къ сѣверу. На картѣ Сусуя своими верховьями подходитъ къ рѣкѣ Найбѣ, впадающей въ Охотское море, и вдоль этихъ обѣихъ рѣкъ, почти по прямой линіи отъ Анивы до восточнаго берега, протянулся длинный рядъ селеній, которыя соединены непрерывною дорогой, имѣющею въ длину 88 верстъ. Этотъ рядъ селеній составляетъ главную суть южнаго округа, его физіономію, а дорога служитъ началомъ того самаго магистральнаго почтоваго тракта, которымъ хотятъ соединить Сѣв. Сахалинъ съ Южнымъ.

Я утомился или облѣнился и ужь на югѣ работалъ не такъ усердно, какъ на сѣверѣ. Часто цѣлые дни уходили у меня на прогулки и пикники, и уже не хотѣлось ходить по избамъ, и когда мнѣ любезно предлагали помощь, то я не уклонялся отъ нея. Въ первый разъ до Охотскаго моря и назадъ я проѣхался въ обществѣ г. Бѣлаго, которому хотѣлось показать мнѣ свой округъ, а затѣмъ, когда я дѣлалъ перепись, меня всякій разъ сопровождалъ смотритель поселеній Н. Н. Ярцевъ *).

Селенія южнаго округа имѣютъ свои особенности, которыхъ не можетъ не замѣтить человѣкъ, только что пріѣхавшій съ сѣвера. Прежде всего, здѣсь значительно меньше нищеты. Неоконченныхъ, брошенныхъ избъ или забитыхъ наглухо оконъ я не видѣлъ вовсе, и тесовая крыша здѣсь такое же заурядное и привычное для глазъ явленіе, какъ на сѣверѣ солома и корье. Дороги и мосты хуже, чѣмъ на сѣверѣ, особенно между Малымъ Такоэ и Сіянцами, гдѣ въ половодье и послѣ сильныхъ дождей бываетъ непроходимая слякоть. Сами жители выглядятъ моложе, здоровѣе и бодрѣе своихъ сѣверныхъ товарищей, и это такъ же, какъ и сравнительное благосостояніе округа, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что главный контингентъ ссыльныхъ, живущихъ на югѣ, составляютъ краткосрочные, то-есть люди по преимуществу молодые и въ меньшей степени изнуренные каторгой. Встрѣчаются такіе, которымъ еще только 20—25 лѣтъ, а они уже отбыли каторгу и сидятъ на участкахъ, и не мало крестьянъ изъ ссыльныхъ въ возрастѣ между 30 и 40 года-

*) Въ сентябрѣ и въ началѣ октября, исключая тѣ дни, когда дулъ нордъ-остъ, в да стояла превосходная, лѣтняя. Ѣдучи со мной, г. Б. жаловался мнѣ, что онъ с но тоскуетъ по Малороссіи и что ничего ему такъ не хочется теперь, какъ по- с рѣть на вишню въ то время, когда она виситъ на деревѣ. На ночлегахъ въ и ирательскихъ онъ просыпался очень рано; проснешься на разсвѣтѣ, а онъ стоитъ у на и читаетъ въ полголоса: „Бѣлый свѣтъ занялся надъ столицей, крѣпко спитъ в одая жена“... И г. Я. тоже все читалъ наизусть стихотворенія. Бывало, какъ с но станетъ въ дорогѣ, попросишь его прочесть что-нибудь, и онъ прочтетъ съ ч твомъ какое-нибудь длинное стихотвореніе, а то и два.

ми *). Въ пользу южныхъ селеній говоритъ также и то обстоятельство, что здѣшніе крестьяне не торопятся уѣзжать на материкъ: такъ, въ только что описанной Соловьевкѣ изъ 26 хозяевъ 16 имѣютъ крестьянское званіе. Женщинъ очень мало; есть селенія, гдѣ нѣтъ ни одной женщины. Сравнительно съ мужчинами онѣ выглядятъ въ большинствѣ больными и старухами, и приходится вѣрить здѣшнимъ чиновникамъ и поселенцамъ, которые жалуются, что съ сѣвера всякій разъ присылаютъ имъ однѣхъ только «завалященькихъ», а молодыхъ и здоровыхъ оставляютъ себѣ. Докторъ З—кій говорилъ мнѣ, что какъ-то, исполняя должность тюремнаго врача, онъ вздумалъ осмотрѣть партію вновь прибывшихъ женщинъ, и всѣ онѣ оказались съ женскими болѣзнями.

На югѣ въ обиходѣ совсѣмъ не употребляется слово совладѣлецъ или половинщикъ, такъ какъ здѣсь на каждый участокъ полагается только по одному хозянну, но такъ же, какъ и на сѣверѣ, есть хозяева, которые лишь причислены къ селенію, но домовъ не имѣютъ. Какъ въ посту, такъ и въ селеніяхъ совсѣмъ нѣтъ евреевъ. Въ избахъ на стѣнахъ встрѣчаются японскія картинки; приходилось также видѣть японскую серебряную монету.

Первое селеніе по Сусуѣ—*Голый Мысъ*; существуетъ оно лишь съ прошлаго года и избы еще не достроены. Здѣсь 24 мужчины и ни одной женщины. Стоитъ селеніе на бугрѣ, который и раньше назывался голымъ мысомъ. Рѣчка здѣсь не близко отъ жилья,—надо къ ней спускаться; колодца нѣтъ.

Второе селеніе—*Мицулька*, названная такъ въ честь М. С. Мицуля **). Когда дороги еще не было, то на мѣстѣ теперешней Ми-

---

*) По той же причинѣ, напримѣръ, въ Корсаковскомъ посту поселенцы въ возрастѣ отъ 20 до 45 лѣтъ составляютъ 70% всего числа жителей. Прежде былъ скорѣе обычай, чѣмъ правило, при распредѣленіи вновь прибывающихъ арестантовъ по округамъ, назначать краткосрочныхъ, какъ менѣе преступныхъ и закоренѣлыхъ, на югъ, гдѣ теплѣе. Но, при опредѣленіи долго- и краткосрочныхъ по статейнымъ спискамъ, не всегда соблюдалась необходимая осторожность. Такъ, бывшій начальникъ острова ген. Гинце, какъ-то прочитывая на пароходѣ статейные списки, самъ отобралъ краткосрочныхъ и назначилъ ихъ къ отправкѣ на югъ; потомъ же среди этихъ счастливцевъ оказалось 20 бродягъ и непомнящихъ, то-есть самыхъ закоренѣлыхъ и безнадежныхъ. Въ настоящее время упомянутый обычай, повидимому, уже оставленъ, такъ какъ на югъ присылаются долгосрочные и даже безсрочные, а въ страшной Воеводской тюрьмѣ и въ рудникѣ я встрѣчалъ краткосрочныхъ.

**) Въ экспедиціи 1870 г., посланной изъ Петербурга подъ начальствомъ Власова, принималъ участіе также агрономъ Михаилъ Семеновичъ Мицуль, человѣкъ рѣдкаго нравственнаго закала, труженикъ, оптимистъ и идеалистъ, увлекавшійся и, притомъ, обладавшій способностью сообщать свое увлеченіе и другимъ. Ему въ ту пору было около 35 лѣтъ. Къ возложенному на него порученію онъ отнесся съ замѣчательною добросовѣстностью. Изслѣдуя почву, флору и фауну Сахалина, онъ

цульки стояла станція, на которой держали лошадей для чиновниковъ, ѣдущихъ по казенной надобности; конюхамъ и работникамъ позволено было строиться до срока, и они поселились около станціи и завели собственныя хозяйства. Дворовъ тутъ только 10, а жителей 25: 16 м. и 9 ж. Послѣ 1885 г. окружной начальникъ не позволялъ уже никому селиться въ Мицулькѣ, и хорошо дѣлалъ, такъ какъ земля здѣсь не важная и луговъ хватаетъ только на десять дворовъ. Теперь въ селеніи 17 коровъ и 13 лошадей, не считая мелкаго скота, и въ казенной вѣдомости показаны 64 курицы, но всего этого не станетъ вдвое больше, если удвоить число дворовъ.

Говоря объ особенностяхъ селеній южнаго округа, я забылъ упомянуть еще объ одной: здѣсь часто отравляются борцомъ (Aconitum Napellus). Въ Мицулькѣ у пос. Такового свинья отравилась борцомъ; онъ сжадничалъ и поѣлъ ея печенки и едва не умеръ. Когда я былъ у него въ избѣ, то онъ стоялъ черезъ силу и говорилъ слабымъ голосомъ, но о печонкѣ разсказывалъ со смѣхомъ, и по его все еще опухшему, сине-багровому лицу можно было судить, какъ дорого обошлась ему эта печонка. Немного раньше его отравился борцомъ старикъ Коньковъ и умеръ, и домъ его теперь пустуетъ. Этотъ домъ составляетъ одну изъ достопримѣчательностей Мицульки. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывшій смотритель тюрьмы, Л., припявши какое-то вьющееся растеніе за виноградъ, доложилъ генералу Гинце, что въ Южномъ Сахалинѣ есть виноградъ, который съ успѣхомъ можно культивировать. Генералъ Гинце немедленно приказалъ узнать, нѣтъ ли среди арестантовъ человѣка, работавшаго когда-либо на виноградникахъ. Такой скоро нашелся. Это былъ поселенецъ Раевскій, мужчина,

---

исходилъ пѣшкомъ нынѣшніе Александровскій и Тымовскій округа, западное побережье, всю южную часть острова; тогда на островѣ совсѣмъ не было дорогъ, лишь кое-гдѣ попадались жалкія тропинки, исчезавшія въ тайгѣ и болотахъ, и всякое передвиженіе, конное или пѣшее, было истиннымъ мученіемъ. Идея ссыльно-хозяйственной колоніи поразила и увлекла Мицуля. Онъ отдался ей всею душой, полюбилъ Сахалинъ и, подобно тому, какъ мать не видитъ въ своемъ любимомъ дѣтищѣ недостатковъ, такъ онъ на островѣ, который сдѣлался его второю родиной, не замѣчалъ промерзлой почвы и тумановъ. Онъ находилъ его цвѣтущимъ уголкомъ земли, и ему не могли мѣшать ни метеорологическія данныя, которыхъ тогда почти не было, ни горькій опытъ прошлыхъ лѣтъ, къ которому онъ относился, повидимому, недовѣрчиво. А тутъ еще дикій виноградъ, бамбукъ, гигантскій ростъ травъ, японцы. . Дальнѣйшая исторія острова застаетъ его уже завѣдующимъ, статскимъ совѣтникомъ, все еще увлекающимся и неутомимо работающимъ. Умеръ онъ на Сахалинѣ отъ тяжелаго нервнаго разстройства, 41 года. И я видѣлъ его могилу. Послѣ него осталась книга *Очеркъ острова Сахалина въ сельско-хозяйственномъ отношеніи*, 187 —. Это длинная ода въ честь сахалинскаго плодородія.

по преданію, очень высокаго роста. Онъ объявилъ себя спеціалистомъ, ему повѣрили и на первомъ же отходящемъ пароходѣ отправили при бумагѣ изъ Александровскаго поста въ Корсаковскій. Тутъ его спросили: «Зачѣмъ пріѣхалъ?» Онъ отвѣтилъ: «Разводить виноградъ». Посмотрѣли на него, прочли бумагу и только плечами пожали. Виноградарь пошелъ бродить по округу, заломивъ шапку; такъ какъ онъ былъ командированъ начальникомъ острова, то не счелъ нужнымъ явиться къ смотрителю поселеній. Произошло недоразумѣніе. Въ Мицулькѣ его высокій ростъ и достоинство, съ какимъ онъ держалъ себя, показались подозрительными, его приняли за бродягу, связали и отправили въ постъ. Тутъ долго держали его въ тюрьмѣ и наводили справки, потомъ выпустили. Въ концѣ-концовъ, онъ поселился въ Мицулькѣ, здѣсь и умеръ, а Сахалинъ такъ и остался безъ виноградниковъ. Домъ Раевскаго пошелъ въ казну за долгъ и былъ проданъ Конькову за 15 рублей. Старикъ Коньковъ, когда платилъ деньги за домъ, лукаво подмигнулъ глазомъ и сказалъ окружному начальнику: «А вотъ, погодите, умру, и вы опять съ этимъ домомъ хлопотать будете». И въ самомъ дѣлѣ, въ скоромъ времени отравился борцомъ и теперь казнѣ опять приходится возиться съ домомъ *).

Въ Мицулькѣ живетъ сахалинская Гретхенъ, дочь поселенца Николаева, Таня, уроженка Псковской губ., 16 лѣтъ. Она бѣлокура, тонка и черты у нея тонкія, мягкія, нѣжныя. Ее уже просватали за надзирателя. Бывало, ѣдешь черезъ Мицульку, а она все сидитъ у окна и думаетъ. А о чемъ можетъ думать молодая, красивая дѣвушка, попавшая на Сахалинъ, и о чемъ она мечтаетъ,—извѣстно, должно быть, одному только Богу.

Въ пяти верстахъ отъ Мицульки находится новое селеніе *Лиственичное,* и дорога здѣсь идетъ просѣкой черезъ лиственичный

---

*) Одинъ ссыльно-каторжный подалъ мнѣ что-то вродѣ прошенія съ такимъ заглавіемъ: „Конфиденціально. Кое-что изъ нашего захолустья. Великодушному и благосклонному литератору господину Ч., осчастливившему посѣщеніемъ недостойный о-въ Сахалинъ. Постъ Корсаковскій". Въ этомъ прошеніи я нашелъ стихотвореніе подъ заглавіемъ *Борецъ:*

Горделиво ростетъ надъ рѣкой,
На болотистомъ мѣстѣ, въ лощинѣ.
Листикъ твой синій — красивый такой,
Аконитомъ слыветъ въ медицинѣ.
Этотъ корень борца,
Посаженный рукою Творца,
Часто народъ соблазняетъ,
Въ могилу кладетъ,
Къ Аврааму на лоно ссылаетъ.

лѣсъ. Называется оно также Христофоровкой, потому что когда-то гиляк Христофоръ ставилъ здѣсь на рѣкѣ петли для соболей. Выборъ этого мѣста подъ селеніе нельзя назвать удачнымъ, такъ какъ почва здѣсь дурная, негодная для культуры *). Жителей 15. Женщинъ нѣтъ.

Немного дальше на рѣчкѣ Христофоровкѣ нѣсколько каторжныхъ занимались когда-то разными подѣлками изъ дерева; имъ разрѣшено было построиться до срока. Но мѣсто, гдѣ они поселились, было признано неудобнымъ, и въ 1886 г. ихъ четыре избы были перенесены на другое мѣсто, къ сѣверу отъ Лиственичнаго версты на четыре, что и послужило основаніемъ для селенія *Хомутовки*. Называется оно такъ потому, что поселенецъ изъ вольныхъ, крестьянинъ Хомутовъ, занимался здѣсь когда-то охотой. Жителей 38: 25 м. и 13 ж. Хозяевъ 25. Это одно изъ самыхъ неинтересныхъ селеній, хотя, впрочемъ, и оно можетъ похвалиться достопримѣчательностью: въ немъ живетъ поселенецъ Броновскій, извѣстный всему югу, какъ страстный и неутомимый воръ.

Далѣе, черезъ три версты, находится селеніе *Большая Елань*, основанное года два тому назадъ. Еланями здѣсь называются прирѣчныя долины, въ которыхъ ростутъ ильма, дубъ, боярка, бузина, ясень, береза. Обыкновенно онѣ бываютъ защищены отъ холодныхъ вѣтровъ, и въ то время, какъ на сосѣднихъ горахъ и трясинахъ растительность поражаетъ своею скудостью и мало отличается отъ полярной, здѣсь въ еланяхъ мы встрѣчаемъ роскошныя рощи и траву раза въ два выше человѣческаго роста; въ лѣтніе, не пасмурные дни земля здѣсь, какъ говорится, паритъ, во влажномъ воздухѣ становится душно, какъ въ банѣ, и согрѣтая почва гонитъ всѣ злаки въ солому, такъ что въ одинъ мѣсяцъ, напримѣръ, рожь достигаетъ почти сажени вышины. Эти елани, напоминающія малороссу родныя левады, гдѣ луга чередуются съ садами и рощами, наиболѣе пригодны для поселеній **).

Жителей въ Большой Елани 40: 32 м. и 8 ж. Хозяевъ 30. Когда поселенцы раскорчевывали землю подъ свои усадьбы, то имъ было приказано щадить старыя деревья, гдѣ это возможно. И селе-

*) Для тѣхъ, кто выбираетъ мѣста подъ новыя селенія, лиственица служитъ признакомъ дурной, болотистой почвы. Такъ какъ подпочва-глина не пропускаетъ воду, то образуется торфъ, появляются богульникъ, клюква, мохъ, сама лиственица ветвится, дѣлается корявой, покрывается ягелемъ. Поэтому-то здѣсь лиственицы чахлы, мелкостольны и высыхаютъ, не доживъ до старости.

**) Тутъ ростутъ пробковое дерево и виноградъ, но они выродились и такъ же мало похожи на своихъ предковъ, какъ сахалинскій бамбуковый тростникъ на цейлонскій бамбукъ.

ніе, благодаря этому, не кажется новымъ, потому что на улицѣ и во дворахъ стоятъ старыя, широколиственныя ильмы,—точно ихъ дѣды посадили.

Изъ здѣшнихъ поселенцевъ обращаютъ на себя вниманіе братья Бабичи, изъ Кіевской губ.; сначала они жили въ одной избѣ, потомъ стали ссориться и просить начальство, чтобъ ихъ раздѣлили. Одинъ изъ Бабичей, жалуясь на своего родного брата, выразился такъ: «Я боюсь его, какъ змія».

Еще черезъ пять верстъ — селеніе *Владиміровка,* основанное въ 1881 году и названное такъ въ честь одного майора, по имени Владиміра, завѣдывавшаго каторжными работами. Поселенцы зовутъ ее также Черною Рѣчкой. Жителей 91: 55 м. и 36 ж. Хозяевъ 46, изъ нихъ 19 живутъ бобылями и сами доятъ коровъ. Изъ 27 семей только 6 законныя. Какъ сельско-хозяйственная колонія, это селеніе стоитъ обоихъ сѣверныхъ округовъ, взятыхъ вмѣстѣ, а, между тѣмъ, изъ массы женщинъ, приходящихъ на Сахалинъ за мужьями, свободныхъ и неиспорченныхъ тюрьмой, то-есть наиболѣе цѣнныхъ для колоніи, здѣсь поселена только одна, да и та недавно заключена въ тюрьму по подозрѣнію въ убійствѣ мужа. Несчастныя женщины свободнаго состоянія, которыхъ сѣверные чиновники томятъ въ Дуэ въ «казармахъ для семейныхъ», пригодились бы здѣсь какъ нельзя кстати; во Владиміровкѣ одного рогатаго скота больше 100 головъ, 40 лошадей, хорошіе покосы, но нѣтъ хозяекъ и, значитъ, нѣтъ настоящихъ хозяйствъ *).

Во Владиміровкѣ, при казенномъ домѣ, гдѣ живетъ смотритель поселеній г. Я. со своею женой акушеркой, находится сельско-хозяйственная ферма, которую поселенцы и солдаты называютъ фирмой. Г. Я. интересуется естественными науками и особенно ботаникой, растенія называетъ не иначе, какъ по-латыни, и когда у него подаютъ за обѣдомъ, напримѣръ, фасоль, то онъ говоритъ: «Это—faseolus». Своей черной собачонкѣ онъ далъ кличку Favus. Изъ всѣхъ сахалинскихъ чиновниковъ онъ наиболѣе свѣдущъ въ агрономіи и относится къ дѣлу добросовѣстно и любовно, но на его образцовой фермѣ урожаи часто бываютъ хуже, чѣмъ у поселенцевъ, и это

*) Въ одномъ изъ своихъ приказовъ ген. Кононовичъ удостовѣряетъ, „что отчасти по причинѣ своего изолированнаго положенія и затруднительности сообщеній съ нимъ, отчасти вслѣдствіе различныхъ частныхъ соображеній и разсчетовъ, которые на глазахъ моихъ предмѣстниковъ разъѣдали дѣло и портили его вездѣ, куда только достигало ихъ тлетворное дыханіе, Корсаковскій округъ постоянно былъ обходимъ и обдѣляемъ, и что ни одна изъ самыхъ вопіющихъ нуждъ его не была разобрана, удовлетворена или представлена на разрѣшеніе“ (приказъ № 318-й, 1889 г.).

вызываетъ всеобщее недоумѣніе и даже насмѣшки. По-моему, эта случайная разница въ урожаяхъ имѣетъ такое же отношеніе къ г. Я., какъ и ко всякому другому чиновнику. Ферма, на которой нѣтъ ни метеорологической станціи, ни скота, хотя бы для навоза, ни порядочныхъ построекъ, ни знающаго человѣка, который отъ утра до вечера занимался бы только хозяйствомъ,— это не ферма, а въ самомъ дѣлѣ одна лишь фирма, то-есть пустая забава подъ фирмой образцоваго сельскаго хозяйства. Даже опытнымъ полемъ нельзя назвать эту фирму, такъ какъ въ ней только пять десятинъ и по качествамъ своимъ, какъ сказано въ одной казенной бумагѣ, земля нарочно выбрана ниже средняго достоинства, «съ цѣлью показать населенію примѣромъ, что при извѣстномъ уходѣ и лучшей обработкѣ можно и на ней добиться удовлетворительнаго результата».

Здѣсь, во Владиміровкѣ, произошла любовная исторія. Нѣкій Вуколъ Поповъ, крестьянинъ, засталъ свою жену съ отцомъ, размахнулся и убилъ старика. Его приговорили къ каторжнымъ работамъ, прислали въ Корсаковскій округъ и тутъ опредѣлили на ферму, къ г. Я., въ кучера. Это былъ богатырскаго сложенія человѣкъ, еще молодой и красивый, характера кроткаго и сосредоточеннаго,— все, бывало, молчитъ и о чемъ-то думаетъ,— и съ перваго же времени хозяева стали довѣрять ему и, когда уѣзжали изъ дому, то знали, что Вуколъ и денегъ не вытащитъ изъ коммода, и спирта въ кладовой не выпьетъ. Жениться на Сахалинѣ ему было нельзя, такъ какъ на родинѣ оставалась у него жена и развода ему не давала. Таковъ приблизительно герой. Героиня — ссыльно-каторжная Елена Тертышная, сожительница поселенца Кошелева, баба вздорная, глупая и некрасивая. Она стала ссориться со своимъ сожителемъ, тотъ пожаловался и окружной начальникъ въ наказаніе назначилъ ее работницей на ферму. Тутъ увидѣлъ ее Вуколъ и влюбился. Она его тоже полюбила. Сожитель Кошелевъ, вѣроятно, замѣтилъ это, потому что сталъ усердно просить ее, чтобъ она вернулась къ нему.

— Ну, да, ладно, знаю васъ! — говорила она.— Женись на мнѣ, тогда пойду.

Кошелевъ подалъ докладную записку о вступленіи въ бракъ съ дѣвицей Тертышной, и начальство разрѣшило ему этотъ бракъ. Между тѣмъ, Вуколъ объяснялся Еленѣ въ любви, умоляя ее жить съ нимъ; она тоже искренно клялась въ любви и при этомъ говорила ему:

— Приходи такъ — я могу, а жить постоянно — нѣтъ; ты женатый, а мое дѣло женское, должна я о себѣ подумать, пристроиться за хорошаго человѣка.

Когда Вуколъ узналъ, что она просватана, онъ пришелъ въ отчаяніе и отравился борцомъ. Елену потомъ допрашивали, и она созналась: «Я съ нимъ четыре ночи ночевала». Разсказывали, что недѣли за двѣ до смерти онъ, глядя на Елену, мывшую полъ, говорилъ:

— Эхъ, бабы, бабы! На каторгу изъ-за бабы пошелъ и тутъ, должно, изъ-за бабы придется кончить!

Во Владиміровкѣ я познакомился съ ссыльнымъ Василіемъ Смирновымъ, присланнымъ за поддѣлку кредитныхъ бумажекъ. Онъ отбылъ каторгу и поселенчество и занимается теперь охотой на соболей, что, повидимому, доставляетъ ему большое удовольствіе. Онъ разсказывалъ мнѣ, что когда-то фальшивыя бумажки давали ему по 300 рублей въ день, но попался онъ послѣ того ужь, какъ бросилъ этотъ промыселъ и занялся честнымъ трудомъ. О фальшивыхъ бумажкахъ разсуждаетъ тономъ спеціалиста; по его мнѣнію, поддѣлывать теперешнія кредитки можетъ даже баба. О прошломъ говоритъ онъ спокойно, не безъ ироніи, и очень гордится тѣмъ, что его когда-то на судѣ защищалъ г. Плевако.

Тотчасъ за Владиміровкой начинается громадный лугъ въ нѣсколько сотъ десятинъ; онъ имѣетъ видъ полукруга, версты четыре въ діаметрѣ. У дороги, гдѣ онъ кончается, стоитъ селеніе *Луговое* или Лужки, основанное въ 1888 г. Здѣсь 69 мужчинъ и только 5 женщинъ.

Далѣе слѣдуетъ опять короткій промежутокъ въ $\frac{4}{5}$ версты, и мы въѣзжаемъ въ *Поповскія Юрты*, селеніе, основанное въ 1834 г. Его хотѣли назвать Ново-Александровкой, но это названіе не привилось. Поѣхалъ о. Симеонъ Казанскій, или, по-просту, попъ Семенъ, на собакахъ въ Найбучи «постить» солдатъ, на обратномъ пути его захватила сумасшедшая вьюга и онъ сильно захворалъ (другіе же говорятъ, что онъ возвращался изъ Александровска). Къ счастью, попались аинскія рыбачьи юрты, онъ пріютился въ одной изъ нихъ, а своего возницу послалъ во Владиміровку, гдѣ тогда жили вольные поселенцы; эти пріѣхали за нимъ и доставили его еле-живого въ Корсаковскій постъ. Послѣ этого аинскія юрты стали называться поповскими; это названіе удержала за собою и мѣстность.

Сами поселенцы зовутъ свое селеніе также Варшавой, такъ какъ въ немъ много католиковъ. Жителей 111: 95 муж. и 16 жен. Изъ 42 хозяевъ семейно живутъ только 10.

Поповскія Юрты стоятъ какъ разъ на срединѣ пути между Корсаковскимъ постомъ и Найбучи. Тутъ кончается бассейнъ рѣки Сусуи

и послѣ не крутого, едва замѣтнаго перевала черезъ водораздѣльный хребетъ, мы спускаемся въ долину, орошаемую Найбой. Первое селеніе этого бассейна находится въ 8 верстахъ отъ Юртъ и называется *Березники*, потому что около когда-то было много березы. Изъ всѣхъ южныхъ селеній это самое большое. Тутъ жителей 159: 142 м. и 17 ж. Хозяевъ 140. Уже есть четыре улицы и площадь, на которой, какъ предполагаютъ, современемъ будутъ выстроены церковь, телеграфная станція и домъ смотрителя поселеній. Предполагаютъ также, что если колонизація удастся, то въ Березникахъ будетъ волость. Но это селеніе очень скучно на видъ, и люди въ немъ скучные, и думаютъ они не о волости, а только о томъ, какъ бы скорѣе отбыть срокъ и уѣхать на материкъ. Одинъ поселенецъ на вопросъ, женатъ ли онъ, отвѣтилъ мнѣ со скукой: «Былъ женатъ и убилъ жену». Другой, страдающій кровохарканіемъ, узнавъ, что я врачъ, все ходилъ за мной и спрашивалъ, не чахотка ли у него, и пытливо засматривалъ мнѣ въ глаза. Ему было страшно отъ мысли, что онъ не дождется крестьянскихъ правъ и умретъ на Сахалинѣ.

Далѣе черезъ 5 верстъ слѣдуетъ селеніе *Кресты*, основанное въ 1885 г. Тутъ когда-то были убиты двое бродягъ и на мѣстѣ ихъ могилъ стояли кресты, которыхъ теперь уже нѣтъ; или иначе: хвойный лѣсъ, который давно уже вырубленъ, пересѣкалъ здѣсь когда-то елань въ видѣ креста. Оба объясненія поэтичны; очевидно, названіе Кресты дано самимъ населеніемъ.

Находятся Кресты на рѣкѣ Такоэ, какъ разъ при впаденіи въ нее притока, почва — суглинокъ съ хорошимъ налетомъ ила, урожаи бываютъ почти каждый годъ, луговъ много и люди, по счастью, оказались порядочными хозяевами; но въ первые годы селеніе мало отличалось отъ Верхняго Армудана и едва не погибло. Дѣло въ томъ, что посажено было здѣсь на участки сразу 30 человѣкъ; это было какъ разъ то время, когда изъ Александровска долго не присылали инструментовъ, и поселенцы отправились къ мѣсту буквально съ голыми руками. Изъ жалости имъ были даны изъ тюрьмы старые топоры, чтобы они могли нарубить себѣ лѣсу. Потомъ цѣлыхъ три года подрядъ имъ не выдавали скота, — по той же причинѣ, по какой изъ Александровска не присылали инструментовъ.

Жителей 90: 63 м. и 27 ж. Хозяевъ 52.

Здѣсь есть лавочка, въ которой торгуетъ отставной фельдфебель, бывшій ранѣе надзирателемъ въ Тымовскомъ округѣ; торгуетъ онъ бакалейнымъ товаромъ. Есть и мѣдные браслеты, и сарынки. Когда я пришелъ въ лавочку, то фельдфебель принялъ меня,

вѣроятно, за очень важнаго чиновника, потому что вдругъ безъ всякой надобности доложилъ мнѣ, что онъ былъ когда-то замѣшанъ въ чемъ-то, но оправданъ, и сталъ торопливо показывать мнѣ разныя одобрительныя аттестаціи, показалъ, между прочимъ, и письмо какого-то г. Шнейдера, въ концѣ котораго, помнится, есть такая фраза: «а когда потеплѣетъ, жарьте талыя». Потомъ фельдфебель, желая доказать мнѣ, что онъ уже никому не долженъ, принялся рыться въ бумагахъ и искать какія-то росписки, и не нашелъ ихъ, и я вышелъ изъ лавочки, унося съ собою увѣренность въ его полной невинности и фунтъ простыхъ мужицкихъ конфектъ, за которыя онъ, однако, содралъ съ меня полтинникъ.

Слѣдующее послѣ Крестовъ селеніе находится у рѣки съ японскимъ названіемъ Такоэ, впадающей въ Найбу. Долина этой рѣки называется Такойской и знаменита она тѣмъ, что на ней когда-то жили вольные поселенцы. Селеніе *Большое Такоэ* существуетъ оффиціально съ 1884 г., но основано было гораздо раньше. Хотѣли назвать его Власовскимъ въ честь г. Власова, но названіе это не удержалось. Жителей 71: 56 м. и 15 ж. Хозяевъ 47. Здѣсь живетъ постоянно классный фельдшеръ, котораго поселенцы называютъ первокласснымъ. За недѣлю до моего пріѣзда отравилась борцомъ его жена, молодая женщина.

Вблизи селенія, а особенно по дорогѣ къ Крестамъ, встрѣчаются превосходныя строевыя ели. Вообще много зелени, и, притомъ, сочной, яркой, точно умытой. Флора Такойской долины несравненно богаче, чѣмъ на сѣверѣ, но сѣверный пейзажъ живѣе и чаще напоминалъ мнѣ Россію. Правда, природа тамъ печальна и сурова, но сурова она по-русски, здѣсь же она улыбается и груститъ, должно быть, по-аински и вызываетъ въ русской душѣ неопредѣленное настроеніе *).

Въ Такойской же долинѣ, въ $4^1/_2$ верст. отъ Большого, находится *Малое Такоэ* на небольшой рѣчушкѣ, впадающей въ Такоэ **). Основано селеніе въ 1885 г. Жителей 52: 37 м. и 15 ж. Хозяевъ 35. Изъ нихъ живутъ семейно только 9, и нѣтъ ни одной вѣнчанной пары.

---

*) Въ в[illegible]ѣ отъ Большого Такоэ на рѣкѣ стоитъ мельница, построенная по приказанію ге[illegible]. Кононовича нѣмцемъ Лаксомъ, каторжнымъ; онъ же построилъ мельницу и на Тыми близъ Дербинскаго. На такойской мельницѣ берутъ за помолъ по 1 ф. муки и 1 коп. съ пуда. Поселенцы довольны, потому что раньше платили по 15 коп. съ пуда или же мололи дома на ручныхъ мельницахъ собственнаго издѣлія, съ ильмовыми жерновами. Для мельницы пришлось рыть каналъ и строить плотину.

**) Я не называю мелкихъ притоковъ, на которыхъ стоятъ селенія Сусуйскаго и Найбинскаго бассейновъ, потому что всѣ они имѣютъ трудно усвояемыя аинскія или японскія названія, вродѣ Экуреки или Фуфкасаманай.

Дальше, въ 8 верстахъ, на мѣстѣ, которое у японцевъ и аинцевъ называлось Сіянга и гдѣ когда-то стоялъ японскій рыбный сарай, находится селеніе *Галкино-Враское* или Сіянцы, основанное въ 1884 г. Мѣстоположеніе красивое — при впаденіи Такоэ въ Найбу, но очень неудобное. Весною и осенью, да и лѣтомъ въ дождливую погоду, Найба, капризная, какъ всѣ вообще горныя рѣки, разливается и затопляетъ Сіянгу; сильное теченіе запираетъ входъ для Такоэ и эта тоже выходитъ изъ береговъ; то же происходитъ и съ мелкими рѣчками, впадающими въ Такоэ. Галкино-Враское представляетъ изъ себя тогда Венецію и ѣздятъ по немъ на аинскихъ лодкахъ; въ избахъ, построенныхъ на низинѣ, полъ бываетъ залитъ водой. Мѣсто для селенія выбиралъ нѣкій г. Ивановъ, понимающій въ этомъ дѣлѣ такъ же мало, какъ въ гиляцкомъ и аинскомъ языкахъ, переводчикомъ которыхъ онъ оффиціально считается; впрочемъ, въ ту пору онъ былъ помощникомъ смотрителя тюрьмы и исправлялъ должность нынѣшняго смотрителя поселеній. Аинцы и поселенцы предупреждали его, что мѣсто тутъ топкое, но онъ не слушалъ ихъ. Кто жаловался, тѣхъ сѣкли. Въ одно изъ наводненій погибъ быкъ, въ другое—лошадь.

Впаденіе Такоэ въ Найбу образуетъ полуостровъ, на который ведетъ высокій мостъ. Тутъ очень красиво; мѣсто какъ разъ соловьиное. Въ надзирательской свѣтло и очень чисто; есть даже каминъ. Съ террасы видъ на рѣку, во дворѣ садикъ. Сторожемъ здѣсь старикъ Савельевъ, каторжный, который, когда здѣсь ночуютъ чиновники, служитъ за лакея и повара. Какъ-то прислуживая за обѣдомъ мнѣ и одному чиновнику, онъ подалъ что-то не такъ, какъ нужно, и чиновникъ крикнулъ на него строго: «Дуракъ!» Я посмотрѣлъ тогда на этого безотвѣтнаго старика и, помнится, подумалъ, что русскій интеллигентъ до сихъ поръ только и съумѣлъ сдѣлать изъ каторги, что самымъ пошлымъ образомъ свелъ ее къ крѣпостному праву.

Жителей въ Галкинѣ-Враскомъ 74: 50 м. и 24 ж. Хозяевъ 45 и изъ нихъ 29 имѣютъ крестьянское званіе.

Послѣднее селеніе по тракту—*Дубки,* основанное въ 1886 г. на мѣстѣ бывшаго здѣсь дубоваго лѣса. На пространствѣ 8 верстъ, между Сіянцами и Дубками, встрѣчаются горѣлые лѣса и между ними луговины, на которыхъ, говорятъ, ростетъ капорскій чай. Когда ѣдешь, показываютъ, между прочимъ, рѣчку, гдѣ поселенецъ Малявчкинъ ловилъ рыбу; теперь эта рѣчка носитъ его имя. Жителей въ Дубкахъ 44: 31 м. и 13 ж. Хозяевъ 30. Мѣстоположеніе считается хорошимъ по теоріи, что тамъ, гдѣ ростетъ дубъ, почва

должна быть хороша для пшеницы. Большая часть площади, которая занята теперь подъ пашней и покосомъ, недавно еще была болотомъ, но поселенцы, по совѣту г. Я., выкопали канаву до Найбы, въ сажень глубины, и теперь стало хорошо.

Быть можетъ, оттого, что это маленькое селеніе стоитъ съ краю, какъ бы особнякомъ, здѣсь значительно развиты картежная игра и пристанодержательство. Въ іюнѣ здѣшній поселенецъ Лифановъ проигрался и отравился борцомъ.

Отъ Дубковъ до устья Найбы остается только 4 версты, на пространствѣ которыхъ селиться уже нельзя, такъ какъ у устья заболочина, а по берегу моря песокъ и растительность песчано-морская: шиповникъ съ очень крупными ягодами, волосянецъ и проч. Дорога продолжается до моря, но можно проѣхать и по рѣкѣ, на аинской лодкѣ.

У устья стоялъ когда-то постъ *Найбучи*. Онъ былъ основанъ въ 1866 г. Мицуль засталъ здѣсь 18 построекъ, жилыхъ и не жилыхъ, часовню и магазинъ для провіанта. Одинъ корреспондентъ, бывшій въ Найбучи въ 1871 г., пишетъ, что здѣсь было 20 солдатъ подъ командой юнкера; въ одной изъ избъ красивая высокая солдатка угостила его свѣжими яйцами и чернымъ хлѣбомъ, хвалила здѣшнее житье и жаловалась только, что сахаръ очень дорогъ *). Теперь и слѣда нѣтъ тѣхъ избъ, и красивая высокая солдатка, когда оглянешься кругомъ на пустыню, представляется какимъ-то миѳомъ. Тутъ строятъ новый домъ, надзирательскую или станцію, и только. Море на видъ холодное, мутное, реветъ и высокія сѣдыя волны бьются о песокъ, какъ бы желая сказать въ отчаяніи: «Боже, зачѣмъ ты насъ создалъ?» Это уже Великій или Тихій океанъ. На этомъ берегу Найбучи слышно, какъ на постройкѣ стучатъ топорами каторжные, а на томъ берегу, далекомъ, воображаемомъ, Америка. Налѣво видны въ туманѣ сахалинскіе мысы, направо тоже мысы... а кругомъ ни одной живой души, ни птицы, ни мухи, и кажется непонятнымъ, для кого здѣсь ревутъ волны, кто ихъ слушаетъ здѣсь по ночамъ, что имъ нужно и, наконецъ, для кого онѣ будутъ ревѣть, когда я уйду. Тутъ, на берегу, овладѣваютъ не мысли, а именно думы; жутко и, въ то же время, хочется безъ конца стоять, смотрѣть на однообразное движеніе волнъ и слушать ихъ грозный ревъ.

Антонъ Чеховъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) *Мичманъ В. Витгефтъ:* „Два слова объ о-вѣ Сахалинѣ“. *Кронштадтскій Вѣстникъ* 1872 г., №№ 7, 17 и 34.

НЕДОРАЗУМѢНІЕ.

Романъ В. Д. Гоуэльса.

I.

Проходя по длинной и узкой улицѣ, ведущей отъ *Campo San-Stefano* къ Большому Каналу въ Венеціи, донъ-Ипполито тревожно озирался вокругъ: то оглядывался назадъ, на тротуарчикъ, гдѣ не было видно ни одного живого существа, кромѣ кошки на садовой калиткѣ, то поспѣшно скользилъ взоромъ по стѣнамъ дворцовъ, широко раскинувшихся по обѣ стороны и окаймлявшихъ тонкую полоску голубого неба, сквозившую вверху, зубчатыми контурами и выступами своихъ балконовъ, дымовыхъ трубъ и карнизовъ, то обращалъ взглядъ на каналъ, гдѣ черныя лодки безшумно встрѣчались и расходились. На улицѣ не было слышно ни звука, за исключеніемъ его собственныхъ шаговъ, да рѣзкаго крика попугая, висѣвшаго на солнышкѣ въ одномъ изъ самыхъ верхнихъ оконъ; возгласы крестьянина, продававшаго гвоздику и розы въ горшкахъ, доносились съ площади, значительно смягченные, до ушей донъ-Ипполито, и онъ слышалъ хриплые голоса и смѣхъ гондольеровъ, перекликавшихся съ двухъ противуположныхъ береговъ канала, на ближайшей станціи гондолъ.

Въ воздухѣ чувствовалось нѣжное вѣяніе первыхъ весеннихъ дней, но внизу, въ этой узкой улицѣ, было настолько свѣжо, что синій холодъ щипалъ кончикъ гибкаго носа донъ-Ипполито, который онъ, ради удобства, растиралъ синимъ бумажнымъ платкомъ, для щегольства поглаживалъ другимъ, бѣлымъ полотняннымъ. Каждый изъ нихъ онъ клалъ обратно въ особые карманы своего священническаго талара или рясы, доходившей ему почти до щиколотокъ, и затѣмъ крѣпко сжималъ тотъ карманъ, куда былъ опущенъ полотняный платокъ, точно желая удостовѣриться, что нѣ-

что, имѣющее для него большую цѣну, находится тамъ въ полной сохранности. Онъ вдругъ какъ бы спохватился и, оглянувшись на домъ, мимо котораго прошелъ, повернулъ назадъ и, пройдя нѣсколько шаговъ, остановился у дверей, надъ которыми, слегда выдаваясь впередъ, висѣла овальная вывѣска съ изображеніемъ орла, пучка стрѣлъ и какихъ-то перуновъ и съ слѣдующею, отчетливо напечатанною надписью: «Консульство Соединенныхъ Штатовъ». Донъ-Ипполито порывисто вздохнулъ и, послѣ минутнаго колебанія, схватилъ сонетку и такъ сильно дернулъ ее, что она какъ будто вытолкнула въ окно, находившееся надъ нимъ, словно часть своего механизма, голову старой служанки.

— Кто тутъ?—спросила голова.

— Друзья,—отвѣтилъ донъ-Ипполито звучнымъ, печальнымъ голосомъ.

— А что вамъ угодно?—продолжала спрашивать старуха.

Донъ-Ипполито сдѣлалъ паузу, какъ бы пробуя свой голосъ, прежде чѣмъ спросить:

— Здѣсь живетъ американскій консулъ?

— Такъ точно.

— Онъ, можетъ быть, дома?

— Не знаю. Я пойду, спрошу у него.

— Сдѣлайте одолженіе, голубушка,—сказалъ донъ-Ипполито и остался предъ запертою дверью, нервно стискивая пальцы.

Старуха сейчасъ же вернулась и, высунувшись изъ окна настолько, чтобъ можно было сказать: «Консулъ дома»,—отодвинула при помощи проволоки, соединенной съ замкомъ, какой-то внутренній засовъ, вслѣдствіе чего дверь отворилась; потомъ, выждавъ, когда донъ-Ипполито закроетъ ее за собою, она крикнула ему съ своей вышки:

— Пожалуйте наверхъ!

Онъ поднялся по темной лѣстницѣ до того мѣста, гдѣ стояла старуха, и послѣдовалъ за нею къ двери, которую она широко распахнула, впустивъ его въ комнату, такъ ярко-освѣщенную окномъ, выходившимъ на залитой солнцемъ каналъ, что онъ остановился на порогѣ, жмурясь отъ свѣта.

— Синьоръ консулъ,—сказала старуха,—вотъ господинъ, желавшій васъ видѣть,—и донъ-Ипполито, снявъ свою широкую, жесткую трехугольную шляпу, выступилъ впередъ и сдѣлалъ консулу глубокій поклонъ. Трепетъ, съ которымъ онъ подходилъ къ консульству, теперь исчезъ у него и онъ держалъ себя съ изящнымъ достоинствомъ.

Это было въ первый годъ войны, и изъ патріотическаго побужденія, весьма обычнаго въ то время, мистеръ Феррисъ (одинъ изъ многихъ моихъ предшественниковъ въ этой должности въ Венеціи) только что скрестилъ два шелковыхъ флага своей гондолы надъ консульскимъ книжнымъ шкафомъ, гдѣ они производили очень недурной эффектъ своими золочеными древками съ копьями вверху, своими яркими звѣздами и полосами. Онъ смахнулъ нѣсколько пылинокъ со своего сюртука и попросилъ донъ-Ипполито сѣсть съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ дать понять, что подъ складками національнаго знамени даже венеціанскій священникъ ставится на равную ногу съ другими людьми. Мистеръ Феррисъ, какъ всѣ друзья Италіи, питалъ предубѣжденіе противъ католическихъ священниковъ; еслибъ не это, то онъ едва ли могъ бы найти въ донъ-Ипполито что-либо способное возбудить антипатію. Лицо у него было довольно худощавое, подбородокъ тонкій, носъ имѣлъ красивую дантовскую горбинку, но его нижняя линія придавала меланхолическій характеръ физіономіи, носившей печать мягкой и доброй души. Глаза были большіе и темные, полные какого-то мечтательнаго тепла. Главнымъ оттѣнкомъ въ цвѣтѣ лица донъ-Ипполито была та прозрачная синева, которая происходитъ отъ усиленнаго бритья густой черной бороды; лобъ и виски были бѣлы, какъ мраморъ; на головѣ виднѣлась тонзура съ долларъ величиной. Онъ просидѣлъ нѣсколько времени въ молчаніи, кротко вопрошая лицо консула своими мечтательными глазами. Очевидно, у него не хватало духу заговорить сразу о дѣлѣ, потому что онъ устремилъ взоръ на окно и сказалъ:

— Прекрасное мѣстоположеніе, синьоръ консулъ!

— Да, хорошенькое мѣстечко,—осторожно отвѣтилъ мистеръ Феррисъ.

— Жить здѣсь, на *Canalezzo*, вѣдь, гораздо пріятнѣе, чѣмъ на площадяхъ или на маленькихъ каналахъ?

— О, безъ сомнѣнія!

— Здѣсь вы постоянно можете развлекаться, слѣдя за проѣзжающими гондолами, здѣсь столько движенія, столько разнообра[з]ія, столько жизни! А вотъ теперь подходитъ лѣто, и соотечественники синьора консула начнутъ скоро съѣзжаться въ Венецію... Мо[г]етъ быть,— прибавилъ донъ-Ипполито съ учтивымъ безпокойством и съ такимъ видомъ, какъ будто имъ внезапно овладѣло мучительное желаніе увернуться отъ приведшаго его сюда дѣла,— [м]ожетъ быть, я мѣшаю синьору консулу или задерживаю его?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ мистеръ Феррисъ,—я совершенно сво-

боденъ въ данную минуту. Въ чемъ могу я имѣть честь служить вамъ?

Донъ-Ипполито испустилъ долгій, безплодный вздохъ и, вынувъ полотняный платокъ изъ кармана своей рясы, отеръ имъ лобъ и сталъ его свертывать на колѣняхъ. Онъ посмотрѣлъ на дверь, обвелъ взоромъ всю комнату, потомъ всталъ и подошелъ совсѣмъ близко къ консулу, оффиціально сидѣвшему у конторки.

— Я полагаю, что синьоръ консулъ выдаетъ паспорта?—спросилъ онъ.

— Случается,—отвѣтилъ консулъ, и лицо его омрачилось.

Донъ-Ипполито, казалось, замѣтилъ возроставшее недовѣріе мистера Ферриса и чувствовалъ себя передъ нимъ совсѣмъ беззащитнымъ. Онъ торопливо продолжалъ:

— Не можете ли, синьоръ консулъ, дать паспортъ въ Америку мнѣ?

— А развѣ вы американскій гражданинъ?—спросилъ консулъ тономъ человѣка, подозрѣнія котораго возбуждены не на шутку.

— Американскій гражданинъ?

— Да, т.-е. подданный Американской республики?

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ, я не имѣю этого счастья. Я австрійскій подданный,—возразилъ донъ-Ипполито съ нѣкоторою горечью, какъ будто долженъ былъ проглотить что-то непріятное.

— Въ такомъ случаѣ, я не могу дать вамъ паспорта,—сказалъ мистеръ Феррисъ, на этотъ разъ уже помягче.—Вѣдь, вамъ извѣстно,—пояснилъ онъ,—что никакое правительство не можетъ выдавать паспортовъ иностраннымъ подданнымъ. Это было бы неслыханною вещью.

— Но я думалъ, что для того, чтобы поѣхать въ Америку, нужно имѣть американскій паспортъ.

— Въ Америкѣ,—возразилъ консулъ съ гордымъ состраданіемъ,—никто и не смотритъ на паспорта. Люди пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ, и никто въ это не вмѣшивается. Положимъ, — замялся онъ,—именно теперь, по милости сецессіонистовъ, въ Нью-Йоркѣ, дѣйствительно, приходится предъявлять паспортъ, но,— продолжалъ онъ уже смѣлѣе,— американскіе паспорта обыкновенно выдаются отъѣзжающимъ въ Европу, и, притомъ же, никакой въ мірѣ американскій паспортъ не далъ бы права *вамъ* переѣхать границу въ Пескіерѣ. *Вы* должны имѣть паспортъ отъ австрійскаго намѣстничества въ Венеціи.

Донъ-Ипполито нѣсколько разъ тихо кивнулъ головой, повто-

рія: «такъ точно». Потомъ, съ неописанною тоскою въ голосѣ, онъ прибавилъ:

— Терпѣніе! Синьоръ консулъ, прошу васъ простить меня за безпокойство,—и опять онъ низко поклонился консулу.

Было ли затронуто любопытство мистера Ферриса, хотѣлось ли ему, разъ онъ удостовѣрился, что посѣтитель его человѣкъ безопасный, узнать, зачѣмъ онъ собственно явился съ такою просьбой, были ли у него другіе, болѣе добросердечные мотивы, онъ едва ли могъ бы самъ себѣ это сказать, но онъ обратился къ священнику со словами:

— Мнѣ очень жаль. Не могу ли я быть вамъ полезенъ въ чемъ-нибудь другомъ?

— Ахъ, я, право, не знаю!—воскликнулъ донъ-Ипполито.— Я, дѣйствительно, питалъ слабую надежду, отправляясь къ вашему превосходительству.

— Я не превосходительство, — добросовѣстно прервалъ его мистеръ Феррисъ.

— Ахъ, виноватъ! Но теперь мнѣ это представляется чистѣйшею глупостью. Я оказался такимъ невѣждою въ одномъ дѣлѣ, что, безъ сомнѣнія, совершенно обманываюсь и въ другомъ.

— Я, конечно, ничего не могу сказать заранѣе, — отвѣтилъ мистеръ Феррисъ,—но я надѣюсь, что нѣтъ.

— Ну, такъ выслушайте меня, синьоръ! — сказалъ донъ-Ипполито, положивъ руку на карманъ, въ которомъ хранился его полотняный платокъ. — Мнѣ пришло въ голову предложить вашему уважаемому правительству одну вещь, которая могла бы сослужить ему службу въ этомъ прискорбномъ возстаніи.

— О!—отвѣтилъ мистеръ Феррисъ съ вытянувшеюся физіономіей. Онъ получилъ уже столько предложеній помощи его уважаемому правительству отъ сочувствующихъ иностранцевъ. Недѣли не проходило безъ того, чтобы на его темной лѣстницѣ не раздался звонъ сабли какого-нибудь *Herr Graf* или *Herr Baron*, который являлся въ полныхъ доспѣхахъ блестящаго австрійскаго капитана или поручика, разсчитывая получить отъ консула командованіе бригадой въ федеральныхъ войскахъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы консулъ уплатилъ впередъ его путевые расходы до Вашингтона или, по крайней мѣрѣ, гарантировалъ ему тотчасъ по его прибытіи туда высокій постъ и возмѣщеніе президентомъ Линкольномъ всѣхъ его издержекъ. Это все были красивые мужчины съ цвѣтомъ лица дѣвушекъ-блондинокъ; мундиры облегали ихъ точно лайковыя перчатки; золотые или красные галуны съ восхитительною рельеф-

ностью выдѣляли блѣдно-голубой или чисто-бѣлый, или гусарски-черный цвѣтъ ихъ плащей; и трудно было втолковать имъ, что въ Вашингтонѣ видимо-невидимо бригадныхъ командировъ изъ природныхъ американцевъ и что если они хотятъ отправиться туда, то должны ѣхать добровольцами, на свой собственный страхъ и рискъ. Но они были очень вѣжливы, просили извиненія, когда задѣвали ножнами мебель консула, въ дверяхъ каждый изъ нихъ отвѣшивалъ ему великолѣпный поклонъ, произнося своимъ громовымъ голосомъ «Yerous!» — и уходилъ обратно, провожаемый старухой Мариной, ненавидѣвшей ихъ мундиры и питавшей сомнѣнія насчетъ политическихъ симпатій консула. Не дальше какъ вчера она въ неурочный часъ позвала его наверхъ, гдѣ его дожидался благовоспитанный господинъ, величавшій его *monsieur le Ministre* и предлагавшій ему за сходную цѣну десять тысячъ штукъ, вѣроятно, уже не годившихся къ употребленію, ружей изъ наслѣдства покойнаго герцога Пармскаго. Оборванные, голодные, ни на что не способные изгнанники всевозможныхъ націй, всевозможныхъ религій и политическихъ убѣжденій осаждали консула, выпрашивая у него почетныхъ и доходныхъ мѣстъ на службѣ Союза; революціонеры не у дѣлъ и фавориты низвергнутыхъ деспотовъ,—всѣ были равно одушевлены желаніемъ, чтобъ ихъ накормили, одѣли и отправили въ Вашингтонъ, снабдивъ ихъ шпагами, посвященными увѣковѣченію Американской республики.

— Я принесъ съ собою,—сказалъ донъ-Ипполито (онъ такъ горѣлъ нетерпѣніемъ показать, что̀ именно онъ припесъ, что не замѣтилъ перемѣну въ настроеніи консула),—модель изобрѣтеннаго мною орудія, которымъ, мнѣ думается, правительство Сѣвера могло бы пользоваться съ успѣхомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда его батареямъ грозила бы опасность быть взятыми въ плѣнъ испанцами.

— Испанцами? Какими испанцами? У насъ нѣтъ войны съ Испаніей!—воскликнулъ консулъ.

— Да, да, я знаю,—поторопился объяснить донъ-Ипполито,—но такъ какъ эти мятежники Южной Америки по своему происхожденію испанцы...

— Но мы воюемъ не съ Южною Америкой. Мы, къ сожалѣнію, воюемъ съ нашими собственными южными штатами.

— О, виноватъ! Я боюсь, что не совсѣмъ понимаю васъ,— покорно сказалъ донъ-Ипполито, и вслѣдъ за этимъ мистеръ Феррисъ въ формѣ, составленной имъ для опроверженія превратныхъ взглядовъ европейцевъ на положеніе вещей въ Америкѣ и начинавшей уже надоѣдать ему, изложилъ суть дѣла своему посѣтителю.

Донъ-Ипполито сокрушенно кивнулъ головой, и когда мистеръ Феррисъ кончилъ свое объясненіе, онъ такъ сконфузился, что не сталъ и порываться показать ему свое изобрѣтеніе, пока консулъ не прибавилъ: «Ну, да это все равно! Я полагаю, что вашъ снарядъ будетъ такъ же удачно дѣйствовать противъ южанъ, какъ противъ южно-американцевъ. Будьте любезны, покажите мнѣ его», и тогда донъ-Ипполито, съ улыбкой удовлетвореннаго самолюбія, вынулъ изъ кармана изящно сработанную модель пушки, заряжаемой съ казенной части.

— Вы видите, синьоръ консулъ,— сказалъ онъ съ внезапно появившимся въ его тонѣ чувствомъ собственнаго достоинства,— какъ орудіе, заряжаемое съ казенной части, этотъ снарядъ не представляетъ особенной новизны, хотя я прошу васъ обратить вниманіе на это маленькое усовершенствованіе, посредствомъ котораго казенный винтъ можетъ удобнѣе занимать свое первоначальное мѣсто; это нѣчто совсѣмъ оригинальное. Но капитальная черта моего изобрѣтенія—вотъ эта секретная камера, долженствующая содержать въ себѣ взрывчатое вещество высокой силы съ фитилемъ, проходящимъ наружу въ нижней ея части. Канониръ, видя, что его орудіе находится въ опасности, зажигаетъ фитиль и спасается бѣгствомъ. Въ тотъ моментъ, какъ непріятель захватываетъ пушку, содержимое секретной камеры взрывается, орудіе взлетаетъ на воздухъ и убиваетъ захватившихъ пушку людей.

Мечтательная теплота въ глубокихъ глазахъ донъ-Ипполито разгорѣлась въ яркое пламя, густой румянецъ запылалъ на его худыхъ щекахъ; онъ вынулъ изъ складокъ своей рясы маленькую табакерку и съ громкимъ свистомъ втянулъ щепотку табаку, какъ бы вдыхая сѣрнистый дымъ сраженія или щекоча свои ноздри крупинками пороха. Во всякомъ случаѣ, онъ вполнѣ наслаждался поэтическою мощью своего изобрѣтенія, и передъ его глазами, безъ сомнѣнія, рисовалась животрепещущая картина десятковъ двухъ сецессіонистовъ, ошеломленныхъ и превращенныхъ въ атомы въ самый моментъ торжества.

— Извольте взглянуть, синьоръ консулъ,—сказалъ онъ.

— Это, конечно, очень любопытно, — сказалъ мистеръ Феррисъ, вертя въ рукѣ грозную игрушку и любуясь чистотой отдѣлки.—Вы сами изготовили эту модель?

— Разумѣется, самъ,—отвѣтилъ священникъ съ горделивою простотой,—у меня нѣтъ столько денегъ, чтобы дѣлать заказы ремесленникамъ, и, притомъ же, вы сами можете судить, синьоръ, что мое начальство и мои коллеги не особенно благосклонно смот-

рятъ на мои невинныя забавы, такъ что я, по возможности, сохраняю ихъ въ тайнѣ.—Донъ-Ипполито нервно усмѣхнулся и затѣмъ погрузился въ молчаніе, напряженно устремивъ глаза на лицо консула.

— Какъ полагаете вы, синьоръ? — снова заговорилъ онъ вдругъ.—Еслибъ ваше великодушное правительство было поставлено въ извѣстность относительно этого изобрѣтенія, развѣ оно не оказало бы свое покровительство моимъ трудамъ? Я читалъ, что Америка—страна предпріятій. Почемъ знать? Быть можетъ, ваше правительство пригласило бы меня на свою службу и опредѣлило бы меня на какую-нибудь должность, въ которой я могъ бы примѣнять эти скромныя дарованія, ниспосланныя мнѣ небомъ...— Онъ опять остановился, повидимому, озадаченный улыбкой состраданія, мелькавшей на губахъ консула.—Но скажите же мнѣ, синьоръ, какого вы мнѣнія объ этомъ изобрѣтеніи?

— Знакомы вы сколько-нибудь на практикѣ съ артиллерійскою наукой?—спросилъ мистеръ Феррисъ.

— Ахъ, конечно, нѣтъ.

— Я тоже,—продолжалъ мистеръ Феррисъ,— но я сейчасъ подумалъ, что взрывчатое вещество въ этой секретной камерѣ будетъ такъ сильно воспламеняться отъ частыхъ выстрѣловъ орудія, что можетъ иной разъ взорваться преждевременно и убить нашихъ собственныхъ артиллеристовъ, вмѣсто того, чтобы дождаться южанъ.

Лицо донъ-Ипполито омрачилось, выраженіе стыда и печали смѣнило ликованіе, которое только что сіяло на немъ. Голова его упала на грудь и онъ не пытался возражать, такъ что мистеру Феррису пришлось опять заговорить, чтобы прервать молчаніе.

— Видите ли, я, право, не больше васъ смыслю въ этомъ дѣлѣ и не рѣшаюсь утверждать, можетъ или нѣтъ мелькнувшая въ моей головѣ гипотеза сдѣлать ваше изобрѣтеніе непримѣнимымъ на практикѣ. Нѣтъ ли у васъ знакомыхъ военныхъ, которымъ вы могли бы показать свою модель?

— Нѣтъ,—холодно отвѣтилъ донъ Ипполито,—у меня нѣтъ сношеній съ военными сферами. Притомъ же, что̀ подумали бы о *священникѣ*,—спросилъ онъ, съ горечью подчеркивая это слово,—который показалъ бы подобное изобрѣтеніе офицеру нашего отеческаго правительства?

— Я полагаю, что это, конечно, удивило бы до нѣкоторой степени вице-короля,—сказалъ мистеръ Феррисъ со смѣхомъ.— Позвольте спросить,—продолжалъ онъ послѣ небольшой паузы,— вы занимались и другими изобрѣтеніями?

— Я дѣлалъ очень много попытокъ,—уныло отвѣтилъ донъ-Ипполито.

— И что же, всѣ онѣ носятъ такой воинственный характеръ?—продолжалъ консулъ.

— Нѣтъ,—сказалъ донъ-Ипполито, слегка покраснѣвъ,—онѣ почти всѣ имѣютъ мирныя цѣли. Эту пушку я придумалъ изъ желанія создать что-нибудь полезное. Добрые друзья мои, соблаговолившіе поинтересоваться моими опытами, порицали меня за безполезность моихъ изобрѣтеній; они признавали, что это остроумныя вещи, но говорили мнѣ, что еслибъ даже ихъ привести въ дѣйствіе, то онѣ, все-таки, не окажутся тѣмъ, что нужно свѣту. Быть можетъ, они были правы. Я очень мало знаю свѣтъ,—грустно закончилъ священникъ. Онъ всталъ и собирался откланяться, но какъ будто не въ силахъ былъ уйти,—ему ничего больше не оставалось сказать,—но если онъ явился къ консулу съ радостными надеждами, то теперь, когда онѣ разсыпались въ прахъ, естественно было, что онъ совсѣмъ палъ духомъ. Онъ испустилъ протяжный, сдавленный вздохъ сквозь стиснутые зубы, три раза кивнулъ самъ себѣ и, обратившись къ мистеру Феррису съ меланхолическимъ поклономъ, произнесъ:—Синьоръ консулъ, благодарю васъ безконечно за вашу доброту, прошу простить меня за безпокойство и позволить мнѣ удалиться.

— Мнѣ очень жаль,—сказалъ мистеръ Феррисъ.—Намъ надо бы еще разъ повидаться съ вами. Что касается вашихъ изобрѣтеній, то, конечно, вамъ слѣдуетъ запастись терпѣніемъ.—Онъ прибѣгнулъ къ помощи ходячихъ фразъ, которыми услужливые романскіе языки въ такомъ изобиліи снабжаютъ тѣхъ, кому часто приходится говорить, когда не хочется думать, и встрепенулся, услыхавъ, что донъ-Ипполито возражаетъ ему по-англійски. Все это такъ, но надежда, уходящая въ смутную даль, заставляетъ сердце страдать.

Не то чтобъ для мистера Ферриса было такимъ необычнымъ явленіемъ видѣть итальянцевъ, невинно выкладывающихъ передъ нимъ весь свой скудный багажъ англійскихъ словъ, «ради практики», какъ они ему говорили, но въ произношеніи донъ-Ипполито были особенности, которыхъ онъ не могъ себѣ объяснить.

— Какъ!—воскликнулъ онъ,—вы знаете по-англійски?

— Я немножко выучился самоучкой, — отвѣтилъ донъ-Ипполито, польщенный тѣмъ, что его англійскій языкъ былъ узнанъ, и затѣмъ, чувствуя себя не совсѣмъ твердо на этой почвѣ, прибавилъ по-англійски:—И, кромѣ того, я пользовался уроками одного

англійскаго священника, который въ прошломъ году провелъ ради своего здоровья нѣсколько мѣсяцевъ въ Венеціи; онъ читалъ со мной и училъ меня правильному выговору. Онъ былъ изъ Дублина, этотъ священникъ.

— А, вотъ какъ! — съ облегченіемъ промолвилъ мистеръ Феррисъ. — Теперь я понимаю. — Онъ сообразилъ, что то, что смутило его въ англійскомъ языкѣ донъ-Ипполито, былъ грубый ирландскій акцентъ, наслоившійся на его итальянскомъ произношеніи.

— У меня довольно давно уже явилась эта идея отправиться въ Америку, и я думалъ, что для этого мнѣ, прежде всего, слѣдуетъ вооружиться знаніемъ языка.

— Гм!... — сказалъ мистеръ Феррисъ, — это во всякомъ случаѣ было практично, — и онъ на минуту задумался. Затѣмъ онъ продолжалъ такимъ сердечнымъ тономъ, какимъ еще не говорилъ съ нимъ до тѣхъ поръ: — Я очень радъ былъ бы еще посидѣть съ вами, но я далъ слово быть въ одномъ домѣ и долженъ торопиться. Вы какъ пойдете, черезъ площадь? Подождите меня, пожалуйста, я выйду вмѣстѣ съ вами.

Мистеръ Феррисъ направился въ другую комнату, и въ отворенную дверь донъ-Ипполито увидѣлъ обычную обстановку мастерской живописца: мольбертъ съ на половину конченною картиной, стулъ съ палитрой, кистями и толченными и мятыми красками, манекенъ въ одномъ углу комнаты, на стѣнахъ лоскутки тисненой кожи, обрывки обоевъ, наскоро сдѣланные на бумагѣ эскизы.

Мистеръ Феррисъ снова показался, чистя на ходу шляпу.

— Синьоръ консулъ забавляется, какъ я вижу, живописью, — любезно замѣтилъ донъ-Ипполито.

— Вовсе нѣтъ, — отвѣтилъ мистеръ Феррисъ, натягивая перчатки, — я живописецъ по профессіи и забавляюсь консульствомъ *), — и такъ какъ такой явный фактъ не требовалъ поясненій, то онъ ничего болѣе не прибавилъ. Да и мы не видимъ особенной необходимости распространяться о томъ, какъ въ одинъ прекрасный день, когда онъ работалъ въ Нью-Іоркѣ, у него блеснула мысль получить

*) Послѣ того, какъ эти слова мистера Ферриса были впервые напечатаны, мнѣ пришлось узнать, что болѣе знаменитый живописецъ, а именно Рубенсъ, далъ такой же почти отвѣтъ на такое же почти замѣчаніе, въ бытность свою испанскимъ посломъ въ Англіи. „Посолъ его католическаго величества забавляется иногда, какъ я вижу, живописью“, — сказалъ ему одинъ посѣтитель, заставъ его за мольбертомъ. — „Я забавляюсь иногда, разыгрывая роль посла“, — отвѣтилъ Рубенсъ. Несмотря на сходство этихъ репликъ, я оставляю отвѣтъ мистера Ферриса въ его первоначальной формѣ, ибо я убѣжденъ, что ему не было извѣстно, какъ неделикатно предвосхитилъ у него эти слова Рубенсъ.

чрезъ одного изъ своихъ пріятелей, члена конгресса, должность консула въ Италіи, въ какомъ городѣ—это было ему безразлично. Случилось такъ, что въ это время должность консула въ Венеціи оставалась вакантной; вознагражденіе было въ нѣсколько сотенъ долларовъ; такъ какъ другихъ претендентовъ на это мѣсто не явилось, то никто и не сталъ справляться, годится ли мистеръ Феррисъ на этотъ постъ, и вскорѣ въ его рукахъ очутилась бумага съ ходатайствомъ къ австрійскому императору о разрѣшеніи мистеру Феррису пользоваться правами и исполнять обязанности консула въ портахъ Ломбардо-Венеціанскаго королевства, на каковую должность президентъ Соединенныхъ Штатовъ назначилъ мистера Ферриса изъ особаго довѣрія къ его способностямъ и честности. Онъ тотчасъ же отправился на мѣсто службы, вытребовалъ консульскіе архивы у корабельнаго лавочника, которому они были отданы на храненіе, и принялся писать картины изъ венеціанской жизни.

Онъ вышелъ изъ консульства вмѣстѣ съ донъ-Ипполито, предоставивъ старой Маринѣ переварить за ея обѣденною похлебкой удивленіе, которое она должна испытать при видѣ того, что онъ такъ по-пріятельски идетъ бокъ-о-бокъ со священникомъ. На площади они остановились въ дружеской бесѣдѣ и разстались, обмѣнявшись самыми любезными привѣтствіями предъ взорами докторовъ этого околотка, проводившихъ, по венеціанскому обычаю, часы досуга въ мѣстной аптекѣ.

Аптекарь вытянулъ шею надъ своимъ прилавкомъ и выглянулъ въ отворенную дверь.

— Что это американскому консулу понадобилось вдругъ отъ священника?

— Американскому консулу отъ священника? — переспросилъ степенный старикъ-докторъ, съ красивою, серебристою бородой и самою почтенною и сенаторскою осанкой, но одинъ изъ самыхъ злыхъ языковъ въ Венеціи.

— О, — со смѣхомъ прибавилъ онъ, разсмотрѣвъ ихъ обоихъ сквозь очки,—вѣдь, это полоумный донъ-Ипполито Рондинелли! Онъ не настолько священникъ, чтобы повредить репутаціи консула. Можетъ быть, онъ продаетъ ему *perpetuum mobile* для его правительства, которое какъ разъ теперь нуждается въ чемъ-нибудь подобномъ. А то, можетъ быть, консулъ пишетъ съ него картину. Изъ него вышелъ бы очень недурной Іосифъ, еслибъ помѣстить на заднемъ планѣ жену Пентефрія.

II.

Мистеръ Феррисъ направился по извилистымъ тротуарамъ, гдѣ тѣнь давала прохладу, и по широкимъ площадямъ, гдѣ солнце разливало мягкое тепло, и гдѣ церковныя колокольни рельефно вырѣзывались на безоблачной лазури весенняго неба. Онъ шелъ и озабоченно хмурился, смущенный мыслями о донъ-Ипполито, котораго сначала, по какой-то непонятной причинѣ, онъ заподозрилъ въ шпіонствѣ, а потомъ сталъ жалѣть съ оттѣнкомъ юмора и съ глубокимъ сознаніемъ всей безплодности своего состраданія. Вскорѣ онъ уже началъ думать о немъ съ легкимъ отвращеніемъ, какъ свойственно людямъ думать о человѣкѣ, котораго они жалѣютъ и которому, однако, не могутъ помочь, и поторопился сбросить съ себя бремя ни къ чему не ведущей заботы. Онъ пожалъ плечами, и, постукивая тростью по гладкимъ плитамъ, сталъ блуждать взоромъ по фасадамъ домовъ, любуясь хорошенькими личиками, выглядывавшими изъ оконъ. Онъ былъ молодъ, въ воздухѣ пахло весной и онъ находился въ Венеціи. Онъ радостно сливался съ прекраснымъ городомъ и съ разцвѣтающею природой; его забавляли узкія улицы, добродушная сутолока и давка; онъ прижался къ аркѣ одного дома, чтобы дать дорогу женщинѣ съ коромысломъ, на концахъ котораго покачивались мѣдныя ведра съ капавшею по капелькамъ водой, и веселою, открытою улыбкой отвѣчалъ на ея улыбки и извиненія; онъ задѣвалъ пышные дамскіе кринолины, нагибался передъ неуклюжими вьюками носильщиковъ, торопливо пробиравшихся сквозь толпу, раздававшихъ толчки направо и налѣво и со смѣхомъ говорившихъ въ свое оправданіе: «Что дѣлать, синьоры, мы въ Венеціи!» Онъ сторонился передъ рядами солдатъ, тяжело громыхавшихъ по мостовой, причемъ ихъ ружья то зажигались яркимъ пламенемъ на освѣщенныхъ солнцемъ площадяхъ, то снова потухали во влажной тѣни улицъ. До слуха его доносился пронзительный жаргонъ лодочниковъ, проталкивавшихъ свои лодки подъ мостами, черезъ которые онъ проходилъ, и звонкое пѣніе канареекъ и черныхъ дроздовъ, высоко-высоко висѣвшихъ въ клѣткахъ подъ рѣшетчатыми окнами. Кучи апельсиновъ оживляли по временамъ своими красками сумрачные закоулки, а протяжный крикъ разнощиковъ: «Палермскіе померанцы!»—заглушалъ топотъ ногъ и звуки другихъ голосовъ. Въ маленькой лавочкѣ, гдѣ въ изобиліи продавались масло, яйца и молоко, вмѣстѣ съ разнообразными весенними цвѣтами, мистеръ Феррисъ купилъ пучокъ гіацинтовъ, голубыхъ, бѣлыхъ и желтыхъ, и, наслаждаясь ихъ ароматомъ, не-

замѣтно дошелъ до отеля—цѣли своего пути. Вскорѣ онъ уже стоялъ въ гостиной, дожидаясь дамъ, которымъ послалъ свою карточку. Онъ повернулся при звукѣ раздвинувшейся портьеры и невольно вложилъ свои гіацинты въ руки миссъ Флориды Вервэнъ, вошедшей въ комнату, чтобъ его принять.

Это была дѣвушка лѣтъ семнадцати, на видъ казавшаяся старше; она была выше средняго роста, довольно полная, хотя ей нельзя было бы сдѣлать упрека въ массивности. Въ позахъ застѣнчивой надменности, которыя она то и дѣло принимала, былъ оттѣнокъ горделивой неловкости, имѣвшей извѣстное обаяніе. Она была блондинка съ молочно-бѣлыми руками и шеей; едва замѣтныя веснушки покрывали ея правильное лицо, на которомъ часто вспыхивалъ яркій румянецъ, хотя обыкновенно ея щеки были немного блѣдны. Глаза были голубые, съ прямо-очерченными бровями, рѣсницы нѣсколько свѣтлѣе густыхъ волнъ ея золотисто-бѣлокурыхъ волосъ; края вѣкъ были окрашены блѣдно-розовою каймой. Покойный полковникъ Вервэнъ, офицеръ арміи Соединенныхъ Штатовъ, передавшій дочери свою комплекцію, былъ опаснымъ противникомъ для тѣхъ, кто вздумалъ бы становится ему поперекъ дороги въ его удовольствіяхъ, и миссъ Вервэнъ порою какъ бы изнемогала подъ бременемъ страстнаго темперамента, который онъ оставилъ ей вмѣстѣ съ тропическимъ именемъ, даннымъ ей въ честь того штата, гдѣ въ свои молодые годы онъ воевалъ съ семинолами, и гдѣ ему случилось стоять и въ то время, когда она появилась на свѣтъ. Она какъ будто тяготилась своею собственною особой и какъ будто держала свои импульсы подъ тревожнымъ контролемъ. Не знаю, какъ иначе описать впечатлѣніе гордой, безпомощной женственности, которое поразило бы въ миссъ Вервэнъ внимательнаго наблюдателя.

— Какіе чудные цвѣты!—сказала она. Въ сдержанной интонаціи ея голоса проглядывала все та же тревога, хотя въ немъ слышалась и извѣстная искренность.—Вы мнѣ ихъ назначили, мистеръ Феррисъ?

— Не назначалъ, но назначаю,—отвѣтилъ мистеръ Феррисъ.—Я купилъ ихъ въ невѣдѣніи, но я понимаю теперь, на что ихъ предназначила природа.—Дѣйствительно, мягкія ткани и чистыя краски гіацинтовъ прелестно гармонировали съ миссъ Вервэнъ, напитавшей надъ ними лицо и вдыхавшей ихъ сильный, густой ароматъ.

— Я поставлю ихъ въ воду,—сказала она,—вы извините меня на минутку?... Мама сейчасъ сойдетъ внизъ.

Не успѣла она вернуться, какъ въ гостиной зашуршало платье ея матери.

Миссисъ Вервэнъ, граціозная и хрупкая, была совсѣмъ не похожа на дочь. Она вошла тихою, скользящею походкой, неувѣренно озираясь сквозь очки своими близорукими глазами, и разсмѣялась торжествующимъ смѣхомъ, когда ей удалось въ точности опредѣлить позицію мистера Ферриса, который стоялъ, поглаживая свою окладистую каштановую бороду, и улыбался миссисъ Вервэнъ привѣтливымъ взглядомъ своихъ карихъ глазъ. Она была одѣта съ безукоризненнымъ вкусомъ по отношенію къ ея пожилому возрасту и сохранившимся еще признакамъ вдовьяго траура; въ ея манерахъ чувствовалась неподдѣльная естественность, которую, несмотря на ея сорокъ восемь лѣтъ, нельзя было назвать иначе, какъ очаровательной. Говорила довѣрчивымъ, ласкающимъ тономъ; ни одинъ мужчина не могъ бы отвѣтить сурово на этотъ тонъ.

— Какъ вы добры, что взяли на себя этотъ трудъ, мистеръ Феррисъ,—сказала она, дружески протягивая ему руку.—Вѣдь, мы похищаемъ у васъ такое драгоцѣнное время. Я, право, совѣщусь принимать вашу жертву. Но развѣ нынче не божественный день? То, что *я* называю безподобнымъ днемъ, какъ разъ золотая середина, нѣтъ этихъ раздражающихъ крайностей. Такъ непріятно, напримѣръ, когда бываетъ слишкомъ жарко! Я величайшая сторонница умѣренности, мистеръ Феррисъ, и всюду преслѣдую этотъ принципъ; но я, все-таки, нахожу, что завтраки въ этихъ итальянскихъ отеляхъ черезъ-чуръ ужь воздушны. То ли дѣло наши американскіе завтраки, не правда ли? Я только что говорила Флоридѣ, что не могу дольше выносить этого; мы, право, должны какъ-нибудь иначе устроиться. Конечно, не слѣдовало бы думать о такихъ вещахъ, какъ ѣда, въ такомъ мѣстѣ, какъ Венеція,—здѣсь все поэзія,—но здоровая душа въ здоровомъ тѣлѣ—вотъ мой девизъ. Мы положительно безъ ума отъ Венеціи. Не правда ли, мистеръ Ферриссъ, этотъ городъ производитъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе? Все это пожалуй даже черезъ-чуръ подавляетъ, и гондолы на каждомъ шагу! Но я вѣчно боюсь, что гондольеры насъ обманываютъ, а въ магазинахъ я ни минуты не бываю спокойна, ни единой минуты! Я убѣждена, что венеціанцамъ недостаетъ-таки честности. Мнѣ кажется, они не въ состояніи были бы понять нашу американскую прямоту и искренность въ дѣлахъ. Я вовсе не желаю быть къ нимъ несправедливой, но я, право, думаю, что они злоупотребляютъ довѣріемъ покупателей. Вотъ хотя бы такая вещь, какъ кораллы. Флорида ужасно ихъ лю-

бытъ, и вчера мы купили на Піаццѣ цѣлый парюръ; но я *знаю*, что мы переплатили за нихъ. Флорида,—обратилась миссисъ Вервэнъ къ дочери, возвратившейся въ комнату съ шалями и плэдами на рукѣ и терпѣливо дожидавшейся, когда мать окончитъ свою рѣчь,—ты бы принесла сюда эти кораллы. Я желала бы слышать безпристрастное мнѣніе мистера Ферриса. Я увѣрена, что насъ обманули.

— Я ничего не смыслю въ кораллахъ, миссисъ Вервэнъ,—вставилъ мистеръ Феррисъ.

— Все равно, вы должны взглянуть на нихъ, ради ихъ чуднаго цвѣта; они въ самомъ дѣлѣ восхитительны. Я увѣрена, что они доставятъ наслажденіе вашему художественному вкусу.

Миссъ Вервэнъ колебалась, ей, очевидно, хотѣлось пойти за кораллами, но она какъ будто спрашивала себя, прилично ли навязывать мистеру Феррису это удовольствіе?

— Не лучше ли отложить это до другого раза, мама?—нерѣшительно промолвила она,—вѣдь, гондола ждетъ насъ.

Миссисъ Вервэнъ нервно приподнялась со стула, на который только что опустилась.

— О, такъ пойдемте сейчасъ же!—сказала она.—Что за мрачныя вещи, эти гондолы!—прибавила она потомъ, уже на крыльцѣ отеля, въ то время, какъ гондольеръ, опираясь одною ногой о бортъ лодки, принималъ платки и шали, и затѣмъ подставлялъ руку, чтобы помочь дамамъ войти.—Удивляюсь, почему это ихъ не красятъ въ какой-нибудь болѣе веселый цвѣтъ!

— Въ голубой или розовый, миссисъ Вервэнъ?—спросилъ мистеръ Феррисъ.—Я зналъ, что вы дойдете до этого вопроса,—всѣ туристы рано или поздно предлагаютъ его. Но мы отлично можемъ обойтись безъ крышки, если она наводитъ на васъ уныніе. Намъ будетъ достаточно тепло на солнышкѣ подъ открытымъ небомъ.

— Ну, такъ прикажите, пожалуйста, ее снять. Меня дрожь охватываетъ, какъ только я взгляну на нее. Какъ это Байронъ ее назвалъ?

— Да, да, теперь пора заговорить и о Байронѣ. Вы очень добры, что не упоминали о немъ раньше, миссисъ Вервэнъ! Но я зналъ, что и до него дойдетъ очередь. Онъ назвалъ ее гробомъ, вытянутымъ въ индійскій каноэ.

— Вотъ именно,—сказала миссисъ Вервэнъ.—Когда я сажусь въ гондолу, мнѣ всегда представляется, будто я отправляюсь на свои собственныя похороны, а ужь, кажется, достаточно видала похоронъ на своемъ вѣку и вовсе не желаю имѣть еще дѣло съ этой печальною церемоніей, пока я жива.

Какъ только сняли верхъ, она лѣниво опустилась на мягкія кожаныя подушки. Дѣйствительно, смерть очень часто витала вокругъ нея; еще въ дѣтствѣ она потеряла отца и мать, и братья и сестры, осиротѣвшіе вмѣстѣ съ ней, одинъ за другимъ блекли и увядали, по мѣрѣ того, какъ достигали своего полнаго разцвѣта; смерть похитила у нея самой четверыхъ дѣтей, мужъ ея умеръ шесть лѣтъ тому назадъ. Всѣ эти утраты оставили ее такою же, какой застали. Она искренно оплакивала своихъ умершихъ и, по ея словамъ, съ тѣхъ поръ, какъ помнила себя, почти не выходила изъ траура.

— Я *никогда* не носила цвѣтныхъ платьевъ, пока была дѣвушкой,— продолжала она, предаваясь воспоминаніямъ о своихъ потеряхъ, между тѣмъ какъ гондола, погрузившись въ воду, летѣла стрѣлой внизъ по каналу.— Я даже вѣнчалась въ траурѣ по моей младшей сестрѣ. Это, право, было уже слишкомъ, мистеръ Феррисъ, когда *она* скончалась. Я была черезъ-чуръ мала, чтобы такъ же сильно принимать къ сердцу смерть другихъ, но съ ней мы были почти ровесницы, а, вѣдь, это много значитъ, не правда ли? То братъ, то сестра: такъ странно, что они умирали все въ томъ же порядкѣ! Я какъ будто сняла заклятіе, вышедши замужъ; впрочемъ, вѣдь, послѣ Маріанны брата больше и не было.

Миссъ Вервэнъ слушала некрологическую болтовню своей матери съ такимъ выраженіемъ лица, въ которомъ нельзя было уловить и тѣни нетерпѣнія; мистеръ Феррисъ, съ своей стороны, оставилъ безъ комментаріевъ странное несоотвѣтствіе между содержаніемъ и характеромъ повѣствованія, такъ какъ миссисъ Вервэнъ касалась самыхъ мрачныхъ фактовъ своей біографіи съ какимъ-то безличнымъ статистическимъ интересомъ. Они плыли по лагунѣ къ острову Санъ-Лаццаро, гдѣ, по извѣстнымъ лишь ей причинамъ, миссисъ Вервэнъ намѣревалась посѣтить монастырь, въ которомъ Байронъ изучалъ армянскій языкъ, готовясь написать на немъ свою поэму; если ея паломничество не имѣло особенно серьезнаго побужденія, то оно, во всякомъ случаѣ, было достойно того факта, въ честь котораго было предпринято. Лагуна представляла зеркальную, лучезарную поверхность, мѣстами ее рябили мели, по которымъ, словно спутанныя пряди волосъ, волочились оставленныя отливомъ водоросли. Рыбаки ходили вбродъ, разставляя свои сѣти или собирая на меляхъ ракушки, и ихъ ноги, смуглыя и упругія, напоминали ноги апостоловъ въ *Успеніи* Тиціана. Тамъ и сямъ на водѣ качалась лодка съ мальчикомъ или старикомъ, спавшимъ на днѣ ея. Чайки носились высоко, точно хлопья снѣга на необо-

зримой лазури небесъ; воздухъ, хотя весна была въ самомъ началѣ и въ тѣни въ немъ чувствовалась солоноватая ѣдкость, здѣсь былъ такъ тепелъ, что навѣвалъ какую-то истому; въ неподвижномъ блескѣ и въ богатыхъ краскахъ пейзажа таилась меланхолія, подъ вліяніемъ которой даже миссисъ Вервэнъ погружалась въ молчаніе. По временамъ Феррисъ произносилъ нѣсколько словъ, чтобъ обратить вниманіе миссъ Флориды на тотъ или другой предметъ, и она такъ же отрывисто отвѣчала ему. Когда они проѣзжали мимо дома умалишенныхъ въ Санъ-Серволо, одинъ сумасшедшій, стоявшій у окна, снялъ съ своихъ сѣдыхъ волосъ черную бархатную ермолку и, низко поклонившись три раза, послалъ дамамъ воздушный поцѣлуй. Впереди Лидо стлалось коричневою песчаною полосой, изъ-за которой просвѣчивали бѣлыя селенія; налѣво Общественные Сады выставляли массу какъ бы висящей въ воздухѣ зелени; далеко-далеко за ними и вверху, словно призраки, мелькали въ туманномъ горизонтѣ снѣга альпійскихъ вершинъ.

Холодно было въ тѣни монастыря, когда они причалили къ Санъ-Лаццаро, свѣжо было въ пріемной, гдѣ они дожидались монаха, который долженъ былъ показать имъ зданіе, но на превращенномъ въ садъ дворѣ было тепло и тихо, и пчелы жужжали тамъ подъ лучами полуденнаго солнца, среди крокусовъ и гіацинтовъ. Миссъ Вервэнъ смотрѣла въ окно на лагуну, между тѣмъ какъ ея мать ходила по комнатѣ, разсматривая сквозь очки предметы, украшавшіе стѣны. Она только что принялась расточать хвалы китайской картинѣ, написанной на рисовой бумагѣ и изображавшей какихъ-то рыбъ, какъ вдругъ въ пріемную вошелъ молодой монахъ, сердечно привѣтствуя мистера Ферриса на англійскомъ языкѣ. Она обернулась и увидала, что они пожимаютъ другъ другу руку, но въ эту самую минуту ея очки стремительнымъ скачкомъ упали съ ея носа; она мило разсмѣялась и, ощупывая ихъ на своемъ платьѣ, поклонилась наугадъ, когда мистеръ Феррисъ представилъ ей *padre* Джироламо.

— Я совсѣмъ залюбовалась этою картиной, *padre* Джироламо,— сказала она, сразу удостоивая монаха своей благосклонности и показывая ему уже тѣмъ непринужденно-фамильярнымъ тономъ, какимъ она произносила его имя, что она принимаетъ его въ кругъ своихъ друзей.—Вѣроятно, кто-нибудь изъ братьевъ нарисовалъ ее?

— Ахъ, нѣтъ,— отвѣтилъ монахъ,— это китайская картина. Мы повѣсили ее здѣсь, потому что намъ ее подарили, и, притомъ же, она очень оригинальна.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но, знаете, я, вѣдь, такъ и думала, что

это китайская картина! — возразила миссисъ Вервэнъ. — Ихъ произведенія до того причудливы! Но, право же, такая вещь въ армянскомъ монастырѣ совсѣмъ неудобна. Мнѣ кажется, что вамъ не слѣдуетъ оставлять ее здѣсь; она такъ легко можетъ сбить людей съ толку,— прибавила она, и милый упрекъ, который она вложила въ эти слова, смягчилъ ихъ вульгарность и придалъ имъ что-то поистинѣ изящное.

— Но что же вы скажете, если въ китайскихъ монастыряхъ вѣшаютъ армянскія картины? — сказалъ мистеръ Феррисъ.

— Вы шутите! — воскликнула миссисъ Вервэнъ, глядя на него съ граціозно-удивленною миной. — Какіе же могутъ быть монастыри въ Китаѣ? Конечно, эти мятежники до нѣкоторой степени, все-таки, христіане,— задумчиво прибавила она,—но ихъ, навѣрное, уже не много осталось, при томъ что ихъ, несчастныхъ, цѣлыми сотнями заразъ казнили. Сердце разрывается, когда читаешь объ этихъ ужасахъ, и такъ тяжело думать, что ничѣмъ нельзя имъ помочь! Но, впрочемъ, говорятъ, что они не такъ чувствительны, какъ мы... не такіе нервные.

Она пошла рядомъ съ молодымъ монахомъ, пригласившимъ ихъ осмотрѣть тѣ части монастырскаго зданія, которыя открыты для посѣтителей, а мистеръ Феррисъ двинулся съ ея дочерью во второй парѣ. Ему вдругъ показалось, что миссъ Флорида встрѣчаетъ его попытки къ разговору съ большею, чѣмъ когда-либо, надменностью. «Какая дурочка! — подумалъ онъ про себя. — Боится она, что ли, что я буду за ней ухаживать?» — и онъ послѣдовалъ за миссисъ Вервэнъ и ея путеводителемъ въ довольно-таки угрюмомъ молчаніи. Библіотека, часовня и музей вызвали у миссисъ Вервэнъ восторженныя похвалы; мумію, выставленную въ музеѣ, она стала даже превозносить надъ муміей, видѣнною ею въ Нью-Йоркѣ; но когда *padre* Джироламо указалъ ей въ трапезной аналой, за которымъ одинъ изъ братьевъ читаетъ, пока другіе обѣдаютъ, она принялась журить его.

— Но, вѣдь, знаете, это никакъ не можетъ быть полезно для пищеваренія, такъ напрягать умъ, пока сидишь за столомъ! Надѣюсь, что вы слушаете не черезъ-чуръ внимательно; въ концѣ-концовъ, это, все-таки, было бы лучше для васъ, даже съ религіозной точки зрѣнія... Да, а что же Байронъ? Вы непремѣнно должны показать мнѣ его келью!

Монахъ сталъ отрицать существованіе подобной кельи и съ замѣшательствомъ взглянулъ на мистера Ферриса, который поспѣшилъ къ нему на выручку.

— Вы не могли бы видѣть его келью, если бы даже она существовала, миссисъ Вервэнъ. Дамы не допускаются во внутреннія помѣщенія обители.

— Какія глупости!—отвѣтила миссисъ Вервэнъ, повидимому, принимая эти слова за новую шутку мистера Ферриса, но *padre* Джироламо молчаливымъ наклоненіемъ головы подтвердилъ его заявленіе, и она съ жаромъ напала на это правило, какъ свидѣтельствующее о неуваженіи къ ея полу и, слѣдовательно, къ самой Пресвятой Дѣвѣ. Монахъ терпѣливо выслушалъ ее и съ улыбкой сознался, что всѣ аргументы на сторонѣ миссисъ Вервэнъ. Въ типографіи, гдѣ печатаются книги на разныхъ языкахъ, она съ большимъ тактомъ накупила всевозможныхъ армянскихъ книгъ и брошюръ, видя въ этомъ единственный способъ отблагодарить *padre* Джироламо за безпокойство, причиненное ея посѣщеніемъ. Но онъ не простился съ ними здѣсь, а, переговоривъ съ Феррисомъ, очевидно, его старымъ пріятелемъ, провелъ ихъ черезъ садъ къ маленькой бесѣдкѣ, лѣпившейся на стѣнѣ, защищающей островъ отъ прибоя лагуны. Слѣдомъ за ними явился послушникъ, неся подносъ, на которомъ были кофе, сухари и кружка варенья изъ розовыхъ лепестковъ, предлагаемаго въ монастырѣ почетнымъ посѣтителямъ, какъ самое тонкое угощеніе. Когда *padre* Джироламо объяснилъ миссисъ Вервэнъ, что̀ это такое, она пришла въ восторгъ отъ поэтическаго лакомства, дочь ея тоже соблаговолила выразить сдержанное удовольствіе. Кончивъ свой полдникъ, милая матрона стряхнула съ платья крошки и, поправивъ на носу очки, наклонилась впередъ, чтобы лучше вглядѣться въ чернобородое лицо монаха.

— Я просто очарована,—сказала она.—Вы должны быть очень счастливы, живя здѣсь. Я надѣюсь, что вы счастливы.

— Да,—восторженно отвѣтилъ монахъ,—я такъ счастливъ, что только одного и желаю: никогда не покидать Санъ-Лаццаро. Я очень еще юнымъ поступилъ сюда и бо̀льшая часть моей жизни протекла на этомъ островкѣ. Это моя вторая родина, моя вторая отчизна.

— Вы никогда не выѣзжаете отсюда?

— Какъ же; иногда я ѣзжу въ Константинополь, иногда въ Лондонъ и Парижъ.

— И вы никогда еще не были въ Америкѣ? Ну, такъ вы непремѣнно должны побывать тамъ. Я знаю, что Америка вамъ понравится, а нашъ народъ устроилъ бы вамъ самый радушный пріемъ.

— Пріемъ?—Монахъ снова взглянулъ на Ферриса, какъ бы призывая его на помощь.

Феррисъ разсмѣялся.

— Не думаю, чтобы *padre* Джироламо пріѣхалъ въ Америку въ качествѣ знатнаго иностранца, миссисъ Вервэнъ. Да онъ, вѣроятно, и не зналъ бы, что̀ ему дѣлать съ нашими радушными пріемами.

— Все равно, онъ, во всякомъ случаѣ, долженъ поѣхать въ Америку. Онъ не можетъ имѣть сколько-нибудь вѣрнаго представленія о насъ, пока не побывалъ тамъ. Подумайте только, какъ мало знаютъ о нашей странѣ англичане! Вѣдь, вы пріѣдете, не правда ли? Я такъ была бы рада видѣть васъ у себя въ Провиденсѣ. Родъ-Айлэндъ небольшой штатъ, но очень богатый, а въ Провиденсѣ вы найдете очень хорошее общество. Это, знаете, Нью-Йоркъ въ миніатюрѣ,—выразительно добавила миссисъ Вервэнъ.

Говоря это, она встала и направилась обратно къ гондолѣ. Она сказала *padre* Джироламо, что пробудетъ съ дочерью нѣсколько недѣль въ Венеціи, и взяла съ него обѣщаніе пріѣхать къ нимъ въ отель завтракать. Она продолжала улыбаться и кивать ему, когда лодка уже отчалила отъ берега, а онъ стоялъ на крыльцѣ, провожая ихъ поклонами.

— Что за прелестное мѣстечко! И какое божественное утро вы намъ устроили, мистеръ Феррисъ! Не знаю, какъ и благодарить васъ! А теперь знаете, что мнѣ пришло въ голову? Можетъ быть, вы поможете мнѣ? Это Байронъ съ своимъ изученіемъ армянскаго языка навелъ меня на эту мысль. Когда прилетаютъ москиты?

— Въ концѣ іюня, приблизительно, — машинально отвѣтилъ Феррисъ и съ полнымъ недоумѣніемъ уставился глазами въ миссисъ Вервэнъ.

— Отлично; стало быть, ничто не помѣшаетъ намъ остаться до этого времени въ Венеціи. Намъ обѣимъ очень полюбился этотъ городъ и сегодня утромъ мы совсѣмъ было рѣшили остаться здѣсь, пока не прилетятъ москиты. Вы знаете, мистеръ Феррисъ, моей дочери пришлось оставить школьную скамью гораздо раньше, чѣмъ бы слѣдовало, такъ какъ мое слабое здоровье вынудило меня очень много путешествовать, послѣ того, какъ я потеряла своего мужа, а Флориду я непремѣнно должна имѣть возлѣ себя, потому что мы съ нею послѣдніе обломки нашей семьи,—у насъ ни одной родной души нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ. Но, гдѣ бы мы ни останавливались, хотя бы лишь на нѣсколько недѣль, я непремѣнно стараюсь сдѣлать что-нибудь для ея образованія. Я такъ живо чувствую, насколько я сама недостаточно образована. Потому что, по правдѣ говоря, мистеръ Феррисъ, я вышла замужъ черезъ-чуръ ужь юной.

По всей вѣроятности, я поступила бы не иначе, еслибъ это пришлось повторить съизнова, но, видите ли, вслѣдствіе этого мой умъ не успѣлъ развиться должнымъ образомъ. А потомъ мы съ мужемъ постоянно перекочевывали съ мѣста на мѣсто; первый ребенокъ родился у меня, когда мнѣ было всего девятнадцать лѣтъ. Гдѣ же тутъ было думать объ образованіи? Вотъ я и рѣшила, что хотя мы съ Флоридой вѣчныя странницы, но она, по крайней мѣрѣ, будетъ избавлена отъ сожалѣній, которыя мнѣ такъ хорошо знакомы. Я приглашала для нея учителей въ Англіи, — англичане далеко не такъ непріятны у себя дома, какъ въ путешествіи, а мы прожили тамъ два года,—и то же самое во Франціи и въ Германіи. Ну, а вотъ теперь итальянскій языкъ. Разъ мы находимся въ Италіи, мнѣ кажется, мы должны употребить время съ пользой. Флорида уже очень порядочно знаетъ по-итальянски, потому что ея учитель музыки во Франціи былъ итальянецъ и училъ ее не только музыкѣ, но и своему языку. Что ей требуется теперь, по моему мнѣнію, это усовершенствовать произношеніе и научиться бѣгло говорить; мнѣ кажется, очень хорошо было бы найти кого-нибудь, кто могъ бы приходить къ ней каждый день, чтобы читать съ ней и разговаривать часъ или два.

Миссисъ Вервэнъ откинулась на спинку скамьи и посмотрѣла на Ферриса. Чувствуя, что вопросъ представленъ на его обсужденіе, онъ отвѣтилъ ей:

— Мнѣ кажется... я не беру на себя смѣлость сказать, насколько миссъ Вервэнъ нуждается въ дальнѣйшемъ образованіи, но мнѣ кажется, что ваша идея очень удачна.—Онъ погрузился въ молчаніе, недоумѣвая, какимъ образомъ такая пустоголовая женщина, какою съ перваго же взгляда должна была показаться миссисъ Вервэнъ, могла, въ то же время, проявлять столько здраваго смысла.

— Въ теоріи это, конечно, превосходно,—прибавилъ онъ, бросивъ взглядъ на ея дочь, какъ будто эта мысль принадлежала собственно ей. Она не тотчасъ же встрѣтила этотъ взглядъ, но, словно досадуя на жару, сдѣлавшуюся слишкомъ чувствительною для ея сравнительно теплаго костюма, она слегка вздернула рукава платья, обнаруживъ ослѣпительную бѣлизну своей руки, окунула пальцы въ прохладную воду, потомъ вытерла ихъ носовымъ платкомъ и взглянула прямо въ глаза молодому человѣку, какъ бы заранѣе зная, что онъ найдетъ то, что она сдѣлала, неприличнымъ для дѣвушки хорошаго общества.

— Нѣтъ, ясное дѣло, что эта мысль не ей принадлежитъ, —

сказалъ самъ себѣ Феррисъ, — невозможно составить себѣ благопріятное мнѣніе объ умѣ дѣвушки, которая съ такимъ нескрываемымъ презрѣніемъ третируетъ людей».

— Да,—подхватила миссисъ Вервэнъ,—въ теоріи это, конечно, превосходно. Но только... Ахъ, Боже мой, вы не можете себѣ представить, какія тутъ возникаютъ препятствія! Я могу говорить съ вами откровенно, мистеръ Феррисъ, потому что вы представитель нашей страны и, естественно, должны сочувствовать затрудненіямъ, которыя американцы встрѣчаютъ за границей. Бѣда въ томъ, что учителя считаютъ непремѣннымъ долгомъ влюбляться въ своихъ ученицъ.

— Мама!—начала было миссъ Вервэнъ но сейчасъ же остановилась.

Феррисъ зло засмѣялся.

— Что до этого, миссисъ Вервэнъ, то, хотя я сочувствую вамъ, какъ лицо оффиціальное, но я долженъ сказать, что, какъ мужчина и собратъ этихъ несчастливцевъ, я не могу, въ то же время, не пожалѣть ихъ.

— Конечно, о нихъ слѣдуетъ пожалѣть, само собою разумѣется. И мнѣ дѣйствительно ихъ жаль. И всегда было жаль, когда я сама была дѣвушкой, потому что то же самое случалось и тогда. Но зачѣмъ же Флоридѣ подвергаться такимъ непріятностямъ? Иной разъ можно, право, подумать, что это у нихъ въ крови. Знаете, нихъ сейчасъ является фантазія, что они имѣютъ дѣло съ богачами.

— Такъ я сказалъ бы скорѣе, что причина кроется въ карманѣ,—замѣтилъ мистеръ Феррисъ; онъ взглянулъ при этомъ на миссъ Вервэнъ и въ безмолвномъ страданіи, которое онъ прочелъ на ея лицѣ, нашелъ себѣ злорадное утѣшеніе за ея пренебрежительное обращеніе съ нимъ.

— Какъ вы это ни объясняйте, это очень досадно,—возразила миссисъ Вервенъ. — Разумѣется, вѣчно путешествуя такъ, какъ мы, постоянно переѣзжая изъ города въ городъ, останавливаясь въ каждомъ на не долгій срокъ, пожалуй, и нельзя выбирать особенно тщательно. А если даже и удастся найти пожилого учителя, онъ оказывается не лучше другихъ. Это чистая му́ка! Но вотъ сейчасъ, когда я разговаривала съ этимъ милымъ монахомъ, вашимъ пріятелемъ, я не могла не подумать, какъ было бы прелестно, еслибъ онъ могъ сдѣлаться учителемъ Флориды. Почему бы и нѣтъ? Онъ сказалъ мнѣ, что пріѣдетъ къ намъ завтракать или полдничать, но только не обѣдать, потому что по уставу онъ обязанъ засвѣтло воз-

вращаться въ монастырь. Ну, такъ онъ могъ бы давать урокъ какъ-нибудь среди дня.

— Этого нельзя устроить, миссисъ Вервэнъ, я знаю, что нельзя,—серьезно отвѣтилъ Феррисъ.—Я увѣренъ, что армянскіе монахи никогда не дѣлаютъ ничего подобнаго. Всѣ они очень дѣятельные люди, трудящіеся на пользу церкви или литературы; у нихъ и времени бы не нашлось.

— Почему вы такъ думаете? А какъ же Байронъ?

— Но, вѣдь, Байронъ самъ отправился къ нимъ и изучалъ у нихъ не итальянскій, а армянскій языкъ. *Padre* Джироламо, насколько я могу судить, превосходно говоритъ по-итальянски, но я сомнѣваюсь, чтобъ онъ взялъ на себя выработать у миссъ Вервэнъ природный акцентъ, а, между тѣмъ, вамъ именно это и нужно. Увѣряю васъ, что это совсѣмъ неосуществимый планъ.

— Ну, дѣлать нечего!—сказала миссисъ Вервэнъ, — но мнѣ это чрезвычайно грустно. Этотъ планъ такъ мнѣ пришелся по сердцу! Никогда еще не бывало, чтобы кто-нибудь успѣлъ мнѣ такъ понравиться въ такое короткое время, какъ *padre* Джироламо.

— Это, кажется, была взаимная симпатія съ перваго взгляда,—замѣтилъ Феррисъ.—*Padre* Джироламо не расточаетъ всѣмъ посѣтителямъ безъ разбора свое варенье изъ розовыхъ лепестковъ.

— Благодарю васъ,—отвѣтила миссисъ Вервэнъ,— вы очень добры, мистеръ Феррисъ, и мнѣ очень пріятно слышать то, что вы говорите; но, видите ли, это нисколько не подвигаетъ впередъ нашего дѣла. Скажите, какихъ вы знаете учителей?

По своему замужству она такъ долго состояла на службѣ Соединенныхъ Штатовъ, что до сихъ поръ продолжала считать ихъ чиновниковъ какъ бы зачисленными въ составъ ея домашней экономіи. Къ консуламъ она всюду относилась какъ къ должностнымъ лицамъ, спеціально назначеннымъ для охраненія интересовъ американскихъ дамъ, путешествующихъ безъ мужчинъ. Въ теченіе недѣли, прошедшей со времени ея пріѣзда въ Венецію, она ни одного дня не пропустила, чтобы не обратиться къ Феррису за помощью, за сочувствіемъ или совѣтомъ. Она сразу дружески завладѣла имъ и установила между нимъ и собою какую-то забавную интимность, которой высокомѣрная пугливость ея дочери ставила извѣстныя границы, но въ предѣлахъ которой просьба найти подходящаго итальянскаго учителя была самою простою и натуральною вещью.

— Да, я знаю нѣсколькихъ учителей,—сказалъ онъ, немного помолчавъ,—но противъ всѣхъ нихъ говоритъ тотъ фактъ, что они

люди; притомъ же, всѣ они относятся къ дѣлу рутинно, и я боюсь, что они не съумѣютъ освоиться съ духомъ какой бы то ни было системы преподаванія, которая слишкомъ отступала бы отъ Оллендорфа.

Онъ остановился, и миссисъ Вервэнъ обрисовала ему различныхъ учителей по профессіи, которыхъ она приглашала для дочери въ тѣхъ странахъ, гдѣ ей случалось быть, съ подробнымъ анализомъ ихъ жизни и характера; относительно сомнительныхъ пунктовъ она искала подтвержденія своихъ словъ у Флориды. Феррисъ разсѣянно слушалъ ее.

— Сегодня утромъ, — заговорилъ онъ, наконецъ, и улыбнулся, — у меня былъ итальянскій священникъ, удивившій меня знаніемъ англійскаго языка, правда, съ грубымъ акцентомъ, который онъ перенялъ отъ одного англійскаго священника, пріѣхавшаго прямо изъ Дублина; можетъ быть, *онъ* годился бы вамъ, миссисъ Вервэнъ? Вы знаете, что его профессіональный обѣтъ обязываетъ его не доставлять тѣхъ непріятностей, которыя вамъ приходилось терпѣть отъ другихъ учителей. Я полагаю, что онъ исполнялъ бы ваши требованія не хуже *padre* Джироламо.

— Въ самомъ дѣлѣ? И вы говорите серьезно?

— Ахъ, конечно, нѣтъ! Я вовсе не думаю, чтобъ онъ годился въ учителя. Онъ принадлежитъ къ воинствующей церкви. Онъ принесъ показать мнѣ модель изобрѣтенной имъ пушки и просилъ у меня паспорта въ Америку, чтобы предложить эту пушку нашему правительству.

— Какъ это любопытно! — сказала миссисъ Вервэнъ, а дочь ея открытымъ взглядомъ посмотрѣла на Ферриса. — Но я знаю, это опять ваши шутки!

— Вы слишкомъ лестнаго мнѣнія обо мнѣ, миссисъ Вервэнъ. Еслибъ я могъ сочинить ради шутки такого священника, то сразу попалъ бы въ юмористы. У него былъ тотъ оттѣнокъ паѳоса, безъ котораго, говорятъ, немыслимо истинно-юмористическое произведеніе, — продолжалъ онъ, инстинктивно обращаясь къ миссъ Вервэнъ, и дѣвушка на этотъ разъ не оттолкнула его. — Онъ возбудилъ во мнѣ какое-то меланхолическое чувство, и лицо его постоянно у меня передъ глазами. Я желалъ бы написать его портретъ. Католическіе патеры обыкновенно такой вульгарный, непривлекательный народъ. Да и онъ, вѣроятно, достаточно вульгаренъ, хотя и не показался мнѣ такимъ, — закончилъ Феррисъ. — Поберегите вашъ романъ, миссъ Вервэнъ.

Молодая дѣвушка обиженно покраснѣла.

— Романъ тутъ такъ же мало умѣстенъ, какъ и шутки,—сказала она.

— Плохо пришлось бы южанамъ отъ этого орудія, если бы только оно имъ досталось,— продолжалъ Фериссъ, съ какимъ-то разсѣяннымъ смѣхомъ и не обращая вниманія на Флориду.—Бѣдняга! Онъ, вѣроятно, явился ко мнѣ, преисполненный радужныхъ надеждъ, увѣренный, что я встрѣчу его изобрѣтеніе краснорѣчивыми похвалами. Безъ сомнѣнія, онъ уже рисовалъ себѣ въ мечтахъ, что я снабжу его не только паспортомъ, но и письмомъ къ президенту Линкольну, и предвкушалъ заранѣе свой торжественный въѣздъ въ Вашингтонъ и почетныя аудіенціи у восхищенныхъ генераловъ союзной арміи, которымъ онъ будетъ показывать свою чудесную пушку. Грустное разочарованіе, не правда ли?

— А почему же вы не дали ему паспорта и письма? — спросила миссисъ Вервэнъ.

— О, это государственная тайна!—отвѣтилъ Феррисъ.

— И вы думаете, что онъ не годился бы въ учителя Флоридѣ?

— Думаю, что нѣтъ.

— Ну, я не такъ-то въ этомъ увѣрена. Разскажите мнѣ еще что-нибудь о немъ.

— Я больше ничего о немъ не знаю. Да, къ тому же, и времени нѣтъ.

Гондола уже вошла въ каналъ и быстро приближалась къ отелю.

— Нѣтъ, нѣтъ, времени еще много,— упрашивала миссисъ Вервэнъ, коснувшись его руки. — Вы должны отобѣдать съ нами. Мы рано обѣдаемъ.

— Благодарю васъ, но я не могу остаться. Дѣла націи, вы знаете. На Брентскомъ каналѣ появилось мятежное судно.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Миссисъ Вервэнъ наклонилась впередъ, чтобы лучше разглядѣть выраженіе его лица. Ея очки соскочили съ носа и упали Феррису на грудь.

— Позвольте,— сказалъ онъ съ комическою вѣжливостью, высвобождая ихъ изъ складокъ своего жилета и съ важнымъ видомъ возвращая ихъ ей.

Миссъ Вервэнъ разразилась неудержимымъ смѣхомъ, потомъ повернулась къ матери съ какою-то негодующею нѣжностью и заботливо поправила на ней шаль, чтобы она не соскользнула съ нея, когда она будетъ выходить изъ гондолы. Она не кинула ни одного взгляда на Ферриса, который спокойно выдержалъ просьбы

миссисъ Вервэнъ остаться, и простился, какъ только гондола причалила къ берегу.

Дамы вошли въ свою комнату, Флорида взяла со стола вазу съ разноцвѣтными гіацинтами и, выйдя на балконъ, съ розмаху бросила цвѣты въ каналъ. Когда она поставила пустую вазу на прежнее мѣсто, въ комнатѣ разнесся не успѣвшій еще улетучиться ароматъ изгнанныхъ цвѣтовъ.

— Что это значитъ, Флорида? — сказала мать.—Вѣдь, это тѣ самые цвѣты, которые тебѣ подарилъ мистеръ Феррисъ. Развѣ тебѣ показалось, что они уже начинаютъ вянуть? Запахъ гіацинтовъ, когда они немного застоятся, дѣйствительно ужасенъ. Но я не могу себѣ представить, чтобы джентльменъ рѣшился приподнести дамѣ не совсѣмъ свѣжіе цвѣты.

— О, мама, не говори со мной! — запальчиво воскликнула миссъ Вервэнъ, закрывъ руками лицо.

— Ахъ, я понимаю! Я, вѣроятно, сказала что-нибудь, что огорчило тебя, моя голубка, — и, сѣвъ на диванъ возлѣ молодой дѣвушки, она нѣжно отняла ея руки отъ лица. — Но что же собственно, скажи мнѣ! Быть можетъ, что твои учителя въ тебя влюблялись? Но, вѣдь, ты знаешь, Флорида, что это чистая правда: и Пестакіави, и Шульце, оба они были въ тебя влюблены, и этотъ противный старикашка Флёронъ.

— Такъ неужели ты думала, что мнѣ будетъ легче, если ты станешь пересказывать все это постороннему человѣку?—спросила Флорида, все еще сердясь.

— Это правда, душа моя, — сокрушенно промолвила миссисъ Вервэнъ. — Но если это было тебѣ такъ непріятно, почему же ты меня не остановила? Ну, сдѣлала бы мнѣ какой-нибудь знакъ или толкнула бы меня, что ли.

— Нѣтъ, мама, это ни за что! Тогда ты пустилась бы во всѣ подробности, чтобы доказать, что ты права. Нѣтъ, ужь лучше было тебя оставить! — сказала Флорида съ сердитымъ смѣхомъ, похожимъ на рыданіе.—Но удивительно, какъ ты не помнишь, что подобныя вещи меня мучаютъ!

— Я думаю, что вся вина въ моемъ слабомъ здоровьѣ, душа моя,—отвѣтила миссисъ Вервэнъ.—Прежде я, вѣдь, не была такая. Но теперь у меня, право, какъ-то не хватаетъ силъ быть разсудительной. Языкъ у меня какъ будто самъ собою движется, такъ и выбалтываетъ, такъ и выбалтываетъ. Но ты не тревожься, дружокъ. Мистеръ Феррисъ никогда не заподозритъ тебя въ чемъ-нибудь такомъ, что выходило бы изъ рамокъ приличія. Ужь, конечно,

по твоему обхожденію съ *нимъ* никакъ нельзя подумать, что ты способна поощрять чьи-нибудь ухаживанія. Мнѣ кажется, ты слишкомъ горда съ нимъ, Флорида. И потомъ, эти цвѣты!...

— Онъ мнѣ противенъ. Онъ такъ самоувѣренъ и такъ заносчивъ, что это просто нестерпимо! Мнѣ все равно, что̀ бы онъ ни подумалъ обо мнѣ. Но чего я не выношу, это его обращенія съ тобой.

— Онъ, конечно, держитъ себя немного свободно, — сказала миссисъ Вервэнъ.—Но, вѣдь, ты знаешь, душа моя, что скоро мнѣ уже пора будетъ записаться въ старухи и, къ тому же, я привыкла смотрѣть на консуловъ, какъ на членовъ семьи въ нѣкоторомъ родѣ. Мистеръ Феррисъ былъ очень обязателенъ съ самаго нашего пріѣзда, я не знаю, что̀ бы мы дѣлали безъ него. И меня вовсе не шокируетъ нѣкоторая непринужденность въ обращеніи у мужчинъ и никогда не шокировала.

— Онъ поднимаетъ тебя на смѣхъ,—воскликнула Флорида.— А тамъ, въ монастырѣ,—продолжала она, заливаясь гнѣвными слезами,—онъ переглядывался съ этимъ монахомъ, точно какъ онъ... Нѣтъ, онъ дерзкій, я ненавижу его!

— Ты хочешь сказать, Флорида, что твоя мать показалась ему смѣшной?—серьезно спросила миссисъ Вервэнъ.—Ты не такъ поняла его взгляды, навѣрное, не такъ поняла. Я не могу придумать, почему бы онъ сталъ надо мной смѣяться. Я помню, во все время нашего посѣщенія я говорила какъ-то особенно хорошо; мой умъ работалъ, потому что я чувствовала себя необыкновенно крѣпкой, и все рѣшительно меня интересовало. Это просто твоя фантазія или твое предубѣжденіе, Флорида. Но какъ это странно! Теперь, посидѣвши немного, я чувствую, что совсѣмъ ослабѣла. И какая у меня жажда!

Миссисъ Вервэнъ поправила очки, и, все-таки, неувѣренно ощупала пустую вазу, стоявшую передъ ней на столѣ.

— Это не стаканъ, мама,—сказала Флорида,—я принесу тебѣ воды.

— Да, пожалуйста, принеси и накинь на меня шаль. Меня что-т клонитъ ко сну, мнѣ будетъ полезно немножко вздремнуть пер дъ обѣдомъ. Не понимаю, почему послѣднее время меня такъ час о клонитъ ко сну. Должно быть, это морской воздухъ такъ на ня дѣйствуетъ, хотя, вѣдь, обыкновенно горный воздухъ возбуждаетъ сонливость. Но ты совершенно ошибаешься насчетъ мистера Ф ррриса. Онъ неспособенъ на что-нибудь дѣйствительно грубое. И, к чтомъ, въ этомъ не было бы смысла.

Молодая дѣвушка принесла воды и затѣмъ стала на колѣни у дивана, поправляя подушки подъ головою матери и укутывая ее мягкими плэдами. Она прижалась щекой къ исхудалому лицу миссисъ Вервэнъ.

— Забудь все, что я сказала, мама, поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

Мать перебирала тонкими пальцами выбившіяся пряди волосъ Флориды, но мало говорила и вскорѣ погрузилась въ глубокій сонъ. Дѣвушка тихо высвободила свою голову и осталась на колѣняхъ передъ диваномъ, вглядываясь въ спящее лицо съ выраженіемъ горячей и сострадательной преданности, смѣшанной съ смутною тревогой, съ жалостью къ самой себѣ и какою-то недоумѣвающею тоской.

В. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛИТЕРАТОРЪ*).

(Повѣсть).

V.

Сергѣй Верховцевъ лежалъ въ бухарестскомъ госпиталѣ Бранковано, въ одной компатѣ съ товарищемъ по несчастію, козацкимъ офицеромъ, раненымъ въ икру лѣвой ноги.

У Сергѣя была контужена голова, задѣта грудь, а, главное, сильно ранено бедро: пуля, пройдя на большомъ пространствѣ мягкое мѣсто, вышла, затащивъ въ рану куски бѣлья и платья.

За мѣсяцъ передъ тѣмъ у него была уже пробита рука и контужена голова,—контужена такъ сильно, что онъ упалъ тогда съ лошади. Рана на рукѣ успѣла зажить и только отъ небрежности и нерегулярности перевязокъ грануляціи разрослись и образовали по краямъ дикое мясо. Относительно головы доктора затруднялись сказать, новая ли была контузія теперь, или откликъ старой, вызванный потрясеніемъ.

Рана въ грудь была не опасна, почти подъ мышкою правой руки, и должна была скоро зажить. Съ бедромъ, напротивъ, дѣло обстояло хуже,—кость оказалась затронутою.

— Разрѣжьте рану,— совѣтовалъ докторамъ госпиталя профессоръ Ликасовскій, сдержавшій свое обѣщаніе и посѣтившій «красиваго блондина»,—разрѣжьте, промойте и давайте ему больше хинина; это субъектъ нервный, у него будетъ лихорадка.

Доктора: старшій—австріецъ, младшій—пруссакъ, не захотѣли послѣдовать этому совѣту и рѣшили, что можно обойтись безъ операціи, не безопасной въ виду того, что больной пересталъ принимать пищу и слабъ. Что касается хинина, то,—такъ какъ лихо-

*) *Русская Мысль*.

радки почти не было, да и вообще эта болѣзнь держалась въ Бухарестѣ лишь въ легкой формѣ, — рѣшили повременить съ пріемомъ его.

Во время дорожной тряски въ ужасной больничной повозкѣ, будто придуманной спеціально для вытряхиванія душъ изъ больныхъ, лихорадка начала было безпокоить обоихъ раненыхъ, но, по прибытіи въ госпиталь, въ сравнительную прохладу, чистоту и довольство, она ихъ покинула. Скоро, однако, не трогая козака, эта болѣзнь снова начала поигрывать съ Сергѣемъ, потому что у него ежедневно таскали изъ раны загнившіе клочья бѣлья и платья, затащенные въ рану пулею: онъ зеленѣлъ, стискивалъ зубы, чтобы не кричать, но маленькая операція всегда вызывала усиленное біеніе пульса и возвышенную температуру, т.-е. нагоняла лихорадочное состояніе.

Не малымъ неудобствомъ для Верховцева было то, что онъ долженъ былъ выносить безпрерывныя посѣщенія пріятелей его товарища по несчастію, раненаго легко и потому охотно болтавшаго со своими безчисленными знакомыми обо всемъ, что дѣлалось въ арміи и дома, т.-е. на Кавказѣ.

Одинъ такой пріятель, «изъ молодыхъ ранній», эсаулъ, былъ едва ли не самый надоѣдливый. Не будучи раненымъ, онъ ухитрился получить отпускъ для поправленія здоровья, упавши съ лошади такъ ловко, что лишь помялъ себѣ плечо, и, не стѣсняясь, разсказывалъ, какъ онъ надѣялся съ этимъ изъяномъ поправляться на Кавказѣ до конца «проклятой Плевны», т.-е. до того времени, когда служба въ строю сдѣлается менѣе безпокойною и опасною.

Теперь онъ былъ въ поискахъ доктора, который далъ бы ему свидѣтельство о томъ, что поврежденіе плеча было серьезно; онъ забылъ позаботиться на той сторонѣ Дуная объ этой, небходимой для будущаго, бумажкѣ.

Раненые указали ему на госпитальныхъ, повидимому, хорошихъ докторовъ, но бравый эсаулъ воротился отъ нихъ въ негодованіи: «Какіе же это доктора, помилуй Иванъ Степанычъ, — говорилъ онъ товарищу,—нашелъ къ кому послать! Я понялъ, что они толкуютъ: говорятъ, у васъ вывиха вовсе нѣтъ, а есть ушибъ, пустяки». Если это не вывихъ, такъ какого же имъ еще вывиха?»

Послѣ нѣсколькихъ дней поисковъ эсаулъ воротился сіяющій и, показывая свидѣтельство на французскомъ языкѣ, разсыпался въ похвалахъ отысканному румынскому лекарю: «Вотъ докторъ, такъ докторъ, этотъ понимаетъ дѣло!» Въ бумагѣ было сказано, что «эсаулъ такой-то, на всемъ скаку упавши съ лошади, совершенно

вывихнулъ плечо, чѣмъ на долго сдѣлался неспособнымъ садиться въ сѣдло и двигать рукой, требовавшей серьезнаго леченія». Очевидно, по этой бумагѣ не только слѣдовало сейчасъ же съ легкимъ сердцемъ ѣхать домой на поправку, но и можно, даже должно было разсчитывать впереди на пенсію отъ комитета о раненыхъ.

Вообще, къ слову сказать, Сергѣй убѣдился, что козаки были совсѣмъ отличное отъ другихъ войско, съ понятіемъ о храбрости тоже особеннымъ. Суворовское правило: «бить непріятеля, а не считать», было для большинства ихъ совершенно неправильно. Они, напротивъ, находили необходимымъ всегда сначала пересчитать враговъ, а потомъ смекнуть, можно ли ударить? Коли козачьей силы больше,— бей, руби, круши! А коли, напротивъ, непріятель сильнѣе,—утекай! Не въ примѣръ солдату, козакъ не стѣснится разсказать о томъ, какъ, въ такомъ-то дѣлѣ, они улепетывали—почему, зачѣмъ? Очень просто, потому что непріятеля было больше, и козакъ всегда сочтетъ за глупость лѣзть на сильнѣйшаго или стоять въ строю подъ выстрѣлами, теряя людей и лошадей. «За каждаго человѣка, за каждую лошадь,— скажетъ полковой командиръ,—я долженъ буду дать отвѣтъ своимъ; какъ ворочусь домой, вдова убитаго спроситъ: «Куда ты дѣвалъ моего Григорія?» Логика неотразимая, имѣющая свои достоинства и свои недостатки.

Внѣ этихъ посѣщеній Сергѣю было не легче отъ самого милаго раненаго козачка, отъ его постоянныхъ разспросовъ о томъ, скоро ли заключатъ миръ и можно ли надѣяться вскорѣ уѣхать домой подъ Ставрополь, гдѣ у него была молодая жена и семья; о томъ, какъ удобнѣе пересылать домой деньги, особенно золото, и, главное, на какую награду бравый сотникъ можетъ разсчитывать. О «Станиславѣ» онъ и слышать не хотѣлъ, одна мысль о немъ приводила козака въ негодованіе; для «Аннушки» тоже не стоило трудиться, а «Владиміра» не дадутъ, какъ, пожалуй, не дадутъ и «золотого оружія».

— А? какъ вы думаете, Сергѣй Ивановичъ? Должно быть, третьей Аннушкой наградятъ, какъ вы полагаете, а?

Сергѣй долженъ былъ серьезно, со всѣхъ сторонъ, обсуждать вопросъ, и соглашался, что, пожалуй, ни Владиміра, ни георгіевска о темляка не выйдетъ и дальше «Аннушки» дѣло не пойдетъ.

— Если бы была справедливость, меня слѣдовало бы представить къ Георгію, — говорилъ сотникъ, нервно привставая на постелѣ и упираясь глазами въ сосѣда.—Вѣдь, мы прогнали, смяли турокъ, наша ли вина, что насъ отозвали, а?... Сергѣй Ивановичъ, вѣдь слѣдовало бы мнѣ Георгія?

Сергѣй, чтобы не отвѣчать категорически на такой щекотливый вопросъ, иногда притворялся дремлющимъ, а одинъ разъ отвѣчалъ, что слѣдуетъ справиться со статутомъ ордена.

— Что штатутъ, какой тутъ штатутъ?—говорилъ съ сердцемъ козакъ.— Справедливости у насъ нѣтъ, а не въ штатутѣ дѣло; и тутъ нужна протекція, вотъ что!

Тѣ же самые вопросы сотникъ ставилъ и всѣмъ своимъ знакомымъ, приходившимъ навѣщать его, такъ что Сергѣю много разъ пришлось выслушать жалобу на отсутствіе справедливости вообще и неимѣніе протекціи въ частности.

Нервы Верховцева раздражались ходомъ раны, начавшей сильно загнивать: боли сдѣлались такъ сильны, что онъ готовъ былъ кричать при перевязкахъ; лихорадка стала насѣдать сильнѣе и сильнѣе,— отпрыскъ страшной перемежающейся лихорадки, схваченной нѣсколько лѣтъ назадъ на персидской границѣ и съ тѣхъ поръ никогда вполнѣ не покидавшей его.

По ночамъ явился бредъ; вдобавокъ, лѣвая нога, при ранѣ на правой, стала до того невыносимо ныть, что для уменьшенія страданій пришлось прибѣгнуть къ морфину.

Впечатлѣніе теплоты и благополучія, разливавшихся по всему тѣлу больного послѣ впрыскиванія морфія, успокоивало и давало возможность спать, но лихорадка отъ того не уменьшалась, а нервность и безпокойство возростали, аппетитъ же совсѣмъ пропалъ.

Сергѣя перевели въ отдѣльную комнату и окружили полнымъ покоемъ. Морфинъ сдѣлался ежедневною потребностью, отъ которой доктора начали, наконецъ, предостерегать. Больной соглашался, рѣшался не прибѣгать больше къ уколамъ, но приходилъ вечеръ съ невыносимыми болями, безпокойствомъ, безсонницей, и онъ начиналъ упрашивать, чтобы впрыснули положенную дозу. Силы больного уменьшались, и отъ сознанія этого онъ падалъ духомъ.

Положеніе Верховцева было часто невыносимо отъ невозможности объясняться: ни прислуга, ни фельдшера не говорили по-русски, а онъ не понималъ ни слова по-румынски; когда онъ просилъ воды, сидѣлка тащила его вверхъ по подушкѣ, полагая, что исполняетъ желаніе больного подняться. Онъ указывалъ знакомъ, чтобы затворили дверь,—его стаскивали пониже, въ полной увѣренности, что исполняютъ его просьбу.

Случалось, что въ полузабытьи, полудремотѣ онъ чувствовалъ, если не сознавалъ, какъ чьи-то руки шарятъ у него подъ подушкой или въ ящикѣ столика, гдѣ лежали ключи и кошелекъ.

— Цѣлы ли ваши деньги?—спросилъ разъ смотритель госпи-

таля, отставной румынскій полковникъ, ухаживавшій за нимъ, какъ за сыномъ.—Знаете ли вы, сколько у васъ было денегъ и сколько теперь?

— Право, не смотрѣлъ; почему вы объ этомъ спрашиваете?

— Ваша сидѣлка отпросилась въ деревню и такъ быстро собралась и ушла, что мы подозрѣваемъ, не попользовалась ли она чѣмъ-нибудь около васъ?

— Конечно, попользовалась,—могъ только замѣтить Сергѣй, когда смотритель освидѣтельствовалъ наличныя деньги и изъ двухъ десятковъ золотыхъ оказалось на мѣстѣ только восемь.

Подъ постояннымъ дѣйствіемъ морфина и удручающаго сознанія своей немощи и одиночества лежалъ разъ такъ Верховцевъ въ полудремотѣ-полуснѣ, когда почувствовалъ надъ собою тихое движеніе воздуха и даже какъ будто шелестъ листьевъ. Что это, галлюцинація? Нѣтъ, онъ ясно слышалъ, что его обмахиваютъ.

Больной приоткрылъ глаза и увидѣлъ дѣвушку, свѣжею вѣточкой отмахивавшую отъ него мухъ.

«Это сонъ»,— подумалъ онъ, — дѣвушка знакомая, Наталья Григорьевна, Наталочка; она смотритъ добро, нѣжно и, видя, что онъ открылъ глаза, пожалуй, заговоритъ,—улыбаясь, поднимаетъ палецъ къ губамъ: тишь!

Сергѣй не шевельнулся, опять сомкнулъ вѣки въ чувствѣ неизъяснимаго блаженства, наполнившаго все его существо; потомъ, совсѣмъ уже открывши глаза, ясно увидѣлъ милое, улыбавшееся лицо Наташи и понялъ,—понялъ, что *свои* пріѣхали выручать его.

Съ этой минуты онъ сталъ бодрѣе духомъ, сталъ меньше скучать и больше вѣрить въ возможность выздоровленія. По временамъ едва слышнымъ голосомъ онъ перекидывался нѣсколькими словами съ Наталочкой и Надеждою Ивановной; послѣдняя, при видѣ безпомощнаго состоянія угасавшаго «красиваго блондина», смѣнила гнѣвъ на милость и, понимая, чье присутствіе ему особенно дорого, возможно чаще оставляла Наташу у постели днемъ, взявши на себя дежурство по ночамъ.

Ночи были особенно тяжелы съ ихъ лихорадочными приступами, въ продолженіе которыхъ приходилось мѣнять по дюжинѣ рубашекъ,—такъ быстро онѣ намокали.

Спать при этихъ лихорадкахъ раненый совсѣмъ не могъ; какъ только закрывалъ онъ глаза и начиналъ забываться, страшныя, дикія видѣнія, настоящія картины Дантова ада представлялись ему: изъ неизмѣримыхъ темныхъ пространствъ выносились впередъ, освѣщенныя точно заревомъ пожара, безконечныя вереницы сотенъ

тысячъ живыхъ существъ, будто вѣдьмъ и чертей на палкахъ и метлахъ. Какъ только больной начиналъ дремать, всѣ эти ватаги съ искаженными, ярко залитыми краснымъ свѣтомъ лицами, адски хохотавшими прямо ему въ глаза, быстро проносились мимо, уступая мѣсто слѣдующимъ нескончаемымъ вереницамъ, и раненый съ невольнымъ стономъ открывалъ глаза.

— Что вамъ, душа моя?—заботливо спрашивала Надежда Ивановна,— не хотите ли пить?

Она опускала нитяную кисточку въ кружку съ питьемъ и смачивала засохшій языкъ больного. Тотъ снова пробовалъ забыться и снова изнемогалъ отъ страшныхъ грёзъ.

Иногда въ тишинѣ ночи онъ перебиралъ свое прошлое, вспоминалъ свои начатыя и неоконченныя работы: что съ ними будетъ, въ случаѣ его смерти, неужели станутъ рыться въ его портфеляхъ, самыхъ интимныхъ запискахъ? Пожалуй, издадутъ въ свѣтъ все неоконченное, только еще наброшенное?...

Случалось, онъ спрашивалъ себя, ладно ли сдѣлалъ, бросивши, хотя и на время, писать и начавши помогать Скобелеву? Конечно, легко обвинять со стороны,—думалъ онъ,—но развѣ возможно здоровому и сильному человѣку спокойно смотрѣть на кровь и страданія кругомъ себя, хладнокровно замѣчать разные недочеты, не стараясь помочь по мѣрѣ силъ? Къ тому же, онъ много наблюдалъ, многому учился за это время, этого не понимаютъ...

Сергѣй начиналъ чувствовать, что, несмотря на всѣ старанія и усилія докторовъ, какая-то невидимая сила толкаетъ его въ лапы смерти, силы покидаютъ, жизнь отходитъ. Это читалъ онъ и на смущенныхъ лицахъ окружавшихъ, на заплаканныхъ глазахъ Наташи, замѣчалъ по предупредительности, чуть не нѣжности Надежды Ивановны.

Въ одну изъ безсонныхъ ночей онъ повѣрилъ почтенной женщинѣ маленькій секретъ. Ему было очень дурно и тетушка, противъ обыкновенія не клюкавшая носомъ, съ безпокойствомъ слѣдила за его неровнымъ дыханіемъ, когда онъ назвалъ ее по имени.

— Что вамъ, душа моя?—спросила она, нагнувшись къ нему,—не хотите ли напиться?

— Нѣтъ, наклонитесь еще,—шепнулъ онъ,—исполните одну мою просьбу... боюсь, что мнѣ придется скоро умереть...

— Полноте, душа моя, можетъ быть, вы еще выздоровѣете...

Какъ ни былъ слабъ Верховцевъ, а подумалъ: «Хорошо утѣшаетъ; кажется, она совсѣмъ собралась хоронить меня».

— Возьмите кусокъ бумаги, — продолжалъ онъ, — запишите

ния и адресъ особы, которой я попрошу передать, въ случаѣ моей смерти, все, что останется послѣ меня въ векселѣ и деньгахъ.

Надежда Ивановна исполнила.

— Вы любили?—не утерпѣла она, чтобы не полюбопытствовать.

— Нѣтъ,—тихо выговорилъ Сергѣй.—Была привязанность и привычка, любви не было. Я полюбилъ разъ въ жизни только нынче лѣтомъ и теперь продолжаю быть вѣрнымъ этой любви... Вы знаете, о комъ я говорю,—прибавилъ онъ послѣ небольшой паузы и потомъ замолкъ, совсѣмъ обезсиленный.

Надежда Ивановна, конечно, поняла и хотя ничего не сказала, но съ этой ночи стала вѣрить въ силу любви Сергѣя Ивановича къ Наталкѣ и доброжелательнѣе относиться къ ихъ взаимной склонности. Прежняя тайная и очень нехристіанская ея мысль, чтобъ онъ «хоть умеръ бы поскорѣе» и освободилъ страдающую дѣвушку, смѣнилась желаніемъ ему здоровья,—какъ знать, можетъ быть, Наташа будетъ съ нимъ счастлива? Все въ Божьей власти!

Новый приступъ лихорадки, явившейся какъ разъ утромъ, за ночью сердечныхъ изліяній, обезпокоилъ всѣхъ,—раненый былъ совсѣмъ плохъ, что называется, «краше въ гробъ кладутъ».

Во время перевязки въ это утро Верховцевъ замѣтилъ, что докторъ долго и упорно смотрѣлъ на него, ощупывая пульсъ, а снявши повязку съ раны, измѣнился въ лицѣ.

«Что-то есть,—подумалъ больной,—должно быть, дѣло плохо. Ужь не гангрена ли, которой они такъ боялись?»

Доктора переглянулись, объяснились полусловами, фельдшера забѣгали и Надежда Ивановна объяснила Сергѣю, что теперь наступитъ настоящее выздоровленіе, такъ какъ будетъ сдѣлана маленькая операція.

— Чтобы и вамъ, съ вашей стороны, помочь хорошему исходу дѣла,—прибавила она,—необходимо, чтобы вы что-нибудь съѣли; это непремѣнно, непремѣнно нужно!

Уступая просьбамъ, въ числѣ которыхъ была и усиленная Наташина, больной заставилъ себя проглотить нѣсколько кусковъ котлеты принесенной изъ лучшаго ресторана, послѣ чего было рѣшено тотчасъ же приступить къ операціи.

Верховцевъ больше чувствовалъ, чѣмъ видѣлъ то, что дѣлалось около него. Милая Наташа очутилась около изголовья съ какимъ-то мокрымъ кисейнымъ кружкомъ.

— Что это?—спросилъ онъ.

— Хлороформъ,—отвѣтила она съ боязливою улыбкой,—но вы не бойтесь, дышите!

— Вдыхайте, вдыхайте!—повторили всѣ.

Онъ вдохнулъ и... умеръ или заснулъ.

Первое, что онъ увидѣлъ по пробужденіи, былъ стаканъ шампанскаго передъ его ртомъ.

— Пейте,—сказалъ докторъ.

Вторымъ представилось ему личико Наташи, попрежнему, боязливо улыбавшееся и вглядывавшееся въ него; видно было, что она хотѣла и не смѣла надѣяться. Сергѣй, чувствуя себя положительно бодрѣе, отвѣтилъ ей едва замѣтною улыбкой и дѣвушка просіяла.

Послѣ операціи наступилъ положительный поворотъ къ лучшему и выздоровленіе быстро пошло впередъ,—такъ вѣренъ былъ совѣтъ Ликасовскаго разрѣзать и очистить рану, которому не рѣшались послѣдовать ранѣе, пока приближеніе гангрены не принудило къ тому,—госпитальной гангрены, которая давала о себѣ знать дурнымъ видомъ раны, покрытой налетомъ и мѣстами омертвѣніемъ.

Въ отношеніяхъ Верховцева къ Наташѣ не было ничего новаго: попрежнему, они только перекидывались нѣсколькими словами, относившимися къ болѣзни, но онъ яснѣе и веселѣе смотрѣлъ на нее, смотрѣлъ часто подолгу, и она, чувствуя этотъ взглядъ, безъ словъ, безъ объясненій понимала, что онъ любитъ ее, любитъ такъ, какъ ни Володя и никто не любили ее.

«Вѣдь, это тотъ самый взглядъ, который я и прежде замѣчала на себѣ,—думала она,—только тогда онъ былъ болѣе робкій, не такой открытый, какъ же это я не понимала его?»

Въ часы, когда его «лихорадило», Сергѣй, несмотря на запрещеніе доктора, былъ порядочно болтливъ; одинъ разъ, когда онъ особенно много говорилъ, она медленно, дружески-наставительно выговорила: «Мы потолкуемъ объ этомъ послѣ, когда *тебѣ* будетъ лучше!»

Этого Верховцевъ не ожидалъ: ощущеніе счастія и блаженства, охватившее его, было такъ велико, что сказалось новымъ приступомъ лихорадки.

Нѣмецъ-докторъ, давно уже выражавшій неудовольствіе на то, что у насъ въ госпиталяхъ допускаютъ въ сестры милосердія молодыхъ, хорошенькихъ дѣвушекъ, чего у нихъ не было,—онъ разумѣлъ датскую, австрійскую и французскую кампаніи, сдѣланныя въ рядахъ прусскихъ войскъ,—рѣшительно посовѣтовалъ

Надеждѣ Ивановнѣ рѣже допускать племянницу къ изголовью раненаго, и умная дѣвушка, по внушенію тетки, ловко увѣрила Сергѣя въ томъ, будто ей необходимо присматривать еще за двумя ранеными сосѣдней палаты, такъ что онъ безъ протеста согласился отпускать ее.

Новая бѣда едва не испортила дѣла выздоровленія. Одинъ разъ, оправляя постель, Надежда Ивановна невольно вскрикнула.

— Что случилось?—спросилъ больной, испуганный ея восклицаніемъ.

— Ничего, ничего, капельки крови на простынѣ, — отвѣтила она ему, потомъ ушла и, вѣроятно, перебудоражила всѣхъ, потому что скоро явились встревоженные фельшеръ и докторъ.

— Что вы дѣлаете? Какъ вы неосторожны!—говорилъ послѣдній, осматривая рану и посылая за нужными ему вещами. — На этотъ разъ будетъ не долго, обойдемся безъ хлороформа; надѣюсь, вы будете умны...

Оказалось, что кровь совсѣмъ залила кровать, такъ какъ рана открылась и остановить кровотеченіе можно было только забивкою въ нее множества маленькихъ связокъ или кисточекъ мягкаго шелка.

Сергѣй кусалъ пальцы отъ боли, стараясь не кричать, пока сильныя руки доктора буквально раздирали рану, впихивая въ нее пучки шелка. Кровь унялась и дѣло опять пошло на поправку.

Наташа пришла разъ очень веселая.

— Угадай, кого я видѣла; не угадаешь, навѣрное,—Володю! Кланяется тебѣ и проситъ сказать, что не могъ увидѣться теперь, такъ какъ очень спѣшитъ, — онъ посланъ курьеромъ въ Петербургъ и заѣдетъ на возвратномъ пути. Онъ просидѣлъ очень не долго, вчера вечеромъ, когда ты уже спалъ, и прямо отъ насъ переѣхалъ черезъ Дунай.

— Не хорошо, что мы не повидались... Не сердитъ онъ на меня?

— Можетъ быть, немножко.

— Не ревнуетъ?

— Можетъ быть, немножко.

— Подозрѣваетъ?

— Можетъ быть, можетъ быть, все можетъ быть, а я, все-таки, рада, что видѣла его.

— Почему?

— Такъ; мнѣ кажется, все выяснилось и для меня, и, вѣроятно, для него.

— Что же именно?

— Ахъ, какой ты непонятливый! Впрочемъ, нѣтъ, ты понимаешь, о чемъ я говорю, только хочешь слышать, какъ я объ этомъ разсуждаю. Изволь: для меня выяснилось то, что я, въ сущности, никогда не любила его, просто была къ нему сначала привязана, а потомъ, когда онъ пошелъ на войну... какъ бы это объяснить?... очень жалѣла его.

— Ну, а для него что выяснилось?

— Да почти то же самое: онъ привыкъ смотрѣть на меня, какъ на свою невѣсту, а любитъ, пожалуй, не больше, чѣмъ другихъ, чѣмъ Соню или ту богатую петербургскую барышню, о которой разсказывалъ, что она неравнодушна къ нему и хочетъ заставить жениться на себѣ. Впрочемъ, нѣтъ, я несправедлива, онъ любитъ меня больше, чѣмъ ихъ, но я думаю, почти увѣрена, что еще не рѣшилъ окончательно, на комъ женится: на мнѣ или на той богатой барышнѣ,—на Сонѣ онъ не женится, за нею мало приданаго,—видишь, какая я проницательная!... Я замѣтила въ немъ какую-то осторожность,—я, вѣдь, уже не маленькая, мнѣ девятнадцать лѣтъ, все замѣчаю,—точно онъ боялся увлечься и сказать больше, чѣмъ слѣдуетъ, что-нибудь такое, что связало бы его на будущее время. О, я все, все замѣчаю!

— Ну, если ты такая «замѣчательная», скажи мнѣ, что ты подмѣтила за мною?

— Что подмѣтила?—Наташа разсказала, что прежде ничего не замѣчала, даже не смѣла замѣчать, считала его гордымъ, неприступнымъ, такимъ, какой онъ и теперь въ ея глазахъ относительно другихъ. Какъ глупая, мимолетная мысль, ей приходило въ голову, что, вѣрно, онъ кого-нибудь любитъ, и если ужь сказать всю правду, — а съ нимъ она хочетъ быть совсѣмъ, совсѣмъ откровенна, ничего отъ него не утаивать, на условіи, что и онъ съ своей стороны заплатитъ ей тѣмъ же, да, да? вѣдь, такъ? — если сказать всю правду, ей хотѣлось быть на мѣстѣ той, которую онъ любитъ. Только не приходило въ голову, чтобъ это было возможно.

— Почему?

— Такъ, потому... потому, что мы—не пара.

— Это почему, разница въ лѣтахъ?

— Нѣтъ, потому, что ты умный, ты учился, а я дурочка, ничему не училась.

— Что за вздоръ! Мы не пара скорѣе по лѣтамъ: ты гораздо моложе меня.

— Нѣтъ, этому я рада, это даетъ мнѣ выгоду надъ тобою и

немножко приближаетъ меня къ тебѣ; если бы ты былъ еще старше, сѣдой, я была бы еще больше рада...

— Какой вздоръ, какой вздоръ! Ну, а Володя тебѣ пара?

— Нѣтъ, и Володя не пара; я уже думала объ этомъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой сошлись. Видишь: онъ городской, «зараженъ Петербургомъ», какъ, помнишь, ты говорилъ, а я совсѣмъ деревенская; я говорю, что̀ придетъ въ голову, а онъ только то, что̀ считаетъ приличнымъ. Онъ любитъ общество, безъ него жить не можетъ, а я нѣтъ. Онъ любитъ быть постоянно въ мундирѣ, болтать съ дамами, любезничать, танцовать, а я... пожалуй, и я люблю быть хорошо, къ лицу одѣтой, но кавалеровъ, говорящихъ любезности, не люблю, танцовать тоже разлюбила... Словомъ, я вижу, что не любила Володю, даже если и думала это прежде, такъ какъ я теперь только поняла, что̀ такое настоящая любовь.—Наташа какъ будто вспомнила что-то, вѣрно, изъ своего интимнаго прошлаго, потому что немножко покраснѣла, но, какъ бы отвѣчая на это воспоминаніе, еще разъ прибавила:—Нѣтъ и нѣтъ, я его не любила, какъ не любила и то общество разныхъ модныхъ дамъ и кавалеровъ, которое ему мило,—видишь, какая я злая!

— Что же ты любишь?—допрашивалъ неугомонный Сергѣй.

Наталка приняла серьезный видъ и начала высчитывать по пальцамъ:

— Люблю думать,— сказала она, загибая мизинецъ,— люблю читать,—загнула второй палецъ,—люблю дружески разговаривать,— загнулся третій палецъ,— но не со многими сразу и не съ «кавалерами»,— она улыбнулась,— а съ людьми неглупыми и простыми. Больше всего и прежде, и теперь любила и люблю говорить съ тобой, люблю слушать тебя,— ты такъ хорошо говоришь,— все бы сидѣла и слушала тебя.

— А когда ты поцѣлуешь меня? — тихо спросилъ Сергѣй.

— Довольно, однако, мы заболтались, это я виновата, лежи смирно и постарайся заснуть, пока я пойду въ другую палату, къ другимъ больнымъ.

Новый, совершенно безпричинный приступъ лихорадки, охватившій Верховцева въ этотъ же вечеръ, заставилъ доктора рѣшительно потребовать, чтобы Наташа рѣже приходила къ больному, меньше оставалась и говорила съ нимъ. Докторъ сталъ подозрѣвать отношенія молодыхъ людей, и Надежда Ивановна, какъ виноватая, выслушавъ выговоръ, не только намылила голову племянницѣ, но и серьезно пристращала немедленнымъ отъѣздомъ въ деревню.

Однако, Сергѣй, все-таки, поправлялся быстро, рана на груди уже зажила и голова была ясна. Нога тоже стала совсѣмъ заживать, хотя онъ все еще лежалъ, не поворачиваясь, такъ что страшныя пролежни на «здоровомъ» боку стоили не малыхъ хлопотъ Надеждѣ Ивановнѣ, ухаживавшей за нимъ, какъ за роднымъ сыномъ. Теперь она уже по-простy журила его за безпокойное лежаніе, послѣдствіемъ котораго были иногда струйки крови, и — послѣднее доказательство дружбы и интимности — каждый день вытирала все его тѣло одеколономъ съ водою, не стѣсняясь, какъ бы дѣлала это съ Наталочкою.

Въ дни ясной и даже теплой погоды, часто стоявшей въ концѣ сентября, когда воздухъ широкою струей входилъ въ окна изъ больничнаго сада, особенно трудно было неподвижно лежать въ постели. Одинъ разъ раненому такъ захотѣлось встать, что, уступая его настоянію, докторъ съ Надеждою Ивановной обвели его кругомъ комнаты: нога еще не дѣйствовала, подгибалась, приходилось волочить ее и усиліе вызвало снова кровь въ рану; тѣмъ не менѣе, больной набрался храбрости и сталъ каждый день вставать, а вскорѣ даже и выѣзжать кататься. Мало того, онъ задумалъ покинуть госпиталь и при первой возможности удрать въ дѣйствующую армію, о чемъ пока не проговаривался даже и Наташѣ.

Давно уже манила его мысль снова присоединиться къ Скобелеву. Что-то онъ теперь подѣлываетъ? По вѣстямъ, до него доходившимъ, Плевна была обложена плотнѣе, такъ какъ пришло много подкрѣпленій и дѣло осады сосредоточено въ рукахъ Тотлебена; ждали рѣшительныхъ дѣйствій на Софійскомъ шоссе, по которому турки получали всю помощь войсками, снарядами и припасами и гдѣ дѣйствовалъ энергичный и разсудительный генералъ Гурко съ гвардіей.

Къ Верховцеву заѣзжали въ госпиталь немногіе знакомые изъ арміи, между другими и Скобелевъ, который не могъ видѣть больного, такъ какъ ему было тогда очень плохо; пріѣзжали многіе ѣхавшіе изъ Россіи и возвращавшіеся туда, любопытствовавшіе узнать о здоровьѣ «молодого талантливаго литератора», чуть было не потерянаго родиною.

Иллюстрація помѣстила портретъ Сергѣя, съ извѣстіемъ о его геройской смерти и съ посмертною біографіей его. Потомъ она, какъ и другія газеты, извѣстила, что, къ счастію, молодой талантъ не погибъ, что Верховцевъ лежитъ въ бухарестскомъ госпиталѣ и подаетъ надежду на выздоровленіе, такъ какъ раны его не серьезны.

Спустя нѣкоторое время, однако, появилось извѣстіе, что одна

изъ ранъ оказалась опаснѣе, чѣмъ думали сначала, и что больной въ критическомъ положеніи,—все это возбуждало большой интересъ и вниманіе въ обществѣ, и желавшихъ видѣть Верховцева, лично убѣдиться въ состояніи его здоровья, было такъ много, что въ непрерывномъ ряду посѣтителей Надеждѣ Ивановнѣ, не мало польщенной этою ролью, приходилось дѣлать выборъ и пускать лишь избранныхъ, предваряя ихъ о необходимости щадить силы больного.

«Шестая великая держава», газета *Times,* знавшая имя Верховцева по литературнымъ работамъ его, переведеннымъ на англійскій языкъ, выразилась, что «смерть Верховцева была бы для Россіи равносильна потерѣ большого сраженія». Наташа была въ восторгѣ отъ этого опредѣленія значенія ея друга и жениха.

— Чему ты радуешься? — спрашивалъ ее Сергѣй, какъ будто не понимая причины ея радости, въ сущности же, самъ польщенный и этимъ видимымъ знакомъ уваженія представителя иностранной прессы, и гордостью своей невѣсты.

— Радуюсь тому, что ты знаменитъ. Это только справедливо, но это же и печалитъ меня.

— Почему? — спросилъ онъ, заранѣе угадывая отвѣтъ.

— Потому, что мы — не пара.

— Лѣтами, конечно, не пара: я на цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ старше тебя.

— Не лѣтами, а умами; я не шутя боюсь, что тебѣ со мною будетъ скучно. Ты все знаешь, все читалъ, все видѣлъ. Даже въ музыкѣ, хотя не знаешь нотъ, понимаешь больше меня, слышалъ почти всѣ оперы, повторяешь много мотивовъ...

Какъ ни оспаривалъ, ни разувѣрялъ ее Сергѣй, она оставалась при своемъ мнѣніи и твердила одно и то же: не пара, да не пара!

— Почему,— спросилъ онъ,— лѣтомъ, еще когда я гостилъ у дяди, ты, замѣтивши, какъ говоришь, что я на тебя заглядываюсь, не подумала о томъ, что мы могли бы быть счастливы вмѣстѣ? Помнится, у васъ не было особенной близости съ твоимъ «кузинчикомъ», какъ ты его называла; онъ даже больше ухаживалъ тогда за твоею пріятельницей, чѣмъ за тобою.

— Потому что *это* мнѣ и въ голову не приходило, не могло прійдти.

— Да почему же?

— Потому, что это было бы уже слишкомъ хорошо, я не смѣла объ этомъ и думать.

— Вотъ тебѣ на! Отчего это?

— Потому, что мы—не пара...

Между посѣщавшими теперь Верховцева былъ и козацкій офицеръ, бывшій товарищъ по несчастію; онъ давно уже выздоровѣлъ, побывалъ въ Ставрополѣ и, хорошо отгулявшійся, возвращался къ своей части. Воинъ степей ликовалъ, потому что узналъ, по письмамъ изъ отряда, о представленіи его къ «Владиміру».

— Думаете, дадутъ?— спросилъ Сергѣй, помня доводы пріятеля противъ возможности полученія этой высокой награды безъ протекціи.

— Выйдетъ, безпремѣнно выйдетъ!— увѣренно отвѣчалъ козакъ, весело поворачиваясь на каблукахъ.— Коли «нашъ генералъ» представилъ, такъ выйдетъ: онъ всѣ штатуты знаетъ наизусть, «умѣетъ», къ чему представить.— Видимо, и статуты, о которыхъ прежде онъ отзывался презрительно, получили значеніе въ его глазахъ.

Пріѣзжалъ также товарищъ Сергѣя по службѣ при Скобелевѣ, эсаулъ Тарановъ, изъ кавказскихъ горцевъ. Онъ пришелъ во время сна Верховцева, присѣлъ пока въ комнатѣ сестеръ и разсказалъ имъ многое изъ боевой жизни въ отрядѣ вообще и дѣятельности Сергѣя Ивановича въ особенности.

— Вѣрьте, сударыня,— говорилъ онъ съ увлеченіемъ и искренностью первобытнаго или, какъ Скобелевъ называлъ его, «дикаго человѣка»,— вѣрьте, что это герой, храбрецъ, какихъ мало въ арміи. Ему давно слѣдовало бы дать всѣ четыре креста. Вы думаете, я преувеличиваю?— нѣтъ, зачѣмъ, я съ нимъ каждый день былъ вмѣстѣ, хорошо его узналъ. Кто изъ насъ не рубилъ, я и самъ не одного зарубилъ подъ Ловчей, но онъ ходилъ въ аттаку, не вынимая шашки, билъ турокъ плетью. Ей-Богу, я самъ это видѣлъ... Вѣдь, семь лошадей подъ нимъ убили!

И Тарановъ ударялъ себя по груди, въ знакъ увѣренности въ томъ, что говорилъ.

— Если бы вы только слышали, какъ жаловался мнѣ на него командиръ нашихъ черноморцевъ за то, что онъ извелъ столько лошадей. Полковникъ заикается и смѣшно сердится: «Прих...ходитъ ко мнѣ—д...дай, братъ, к...коня!—А г...гдѣ же т...твой?—У...убили!—Я д...далъ л...лошадь. Смот...трю, оп...пять идетъ:—Д...дай, пож...жалуйста, к...коня!—А гд...дѣ же т...тотъ?—У...убили!— Далъ еще л...лошадь. Что-жь ты д...думаешь, оп...пять п...приходитъ: — Д...дай, с...сдѣлай ми...милость, к...коня! — Нѣтъ, с...слуга пок...корный!»... Всѣ мы устали около Михаила Дмитріевича, всѣхъ онъ загонялъ и мы стараемся просто не показываться

ему на глаза, особенно вечеромъ, чтобъ онъ не послалъ куда въ темноту, иногда, правду сказать, безъ нужды. Днемъ куда пошлетъ—съѣздишь, исполнишь, да и засядешь въ виноградникъ—отдохнуть, поѣсть, поспать, одинъ Сергѣй Ивановичъ всегда у него на виду; за то же генералъ и заѣздилъ его: не успѣетъ тотъ стакана чая выпить, какъ Михаилъ Дмитріевичъ уже кричитъ: «Вегховцева позвать!» Насъ, какъ мы отсидимся въ виноградникѣ, хоть и выбранитъ,—онъ хорошо представилъ, какъ Скобелевъ бранитъ: Чогтъ знаетъ, гдѣ вы тамъ все вгемя шгяетесь!»—а, все-таки, оставитъ въ покоѣ, хоть на нѣкоторое время, а его сейчасъ опять пошлетъ.

Наташа не утерпѣла, чтобы не спросить: правда ли то, что она слышала въ ресторанѣ, будто Сергѣй Ивановичъ завелъ одинъ разъ пѣхотный полкъ дальше, чѣмъ слѣдуетъ, чѣмъ ему это было указано Скобелевымъ и его начальникомъ штаба, и что полкъ этотъ разбили?

— Ветлужскій полкъ, знаю. Вздоръ! — живо отвѣтилъ Тарановъ.—Я хорошо знаю эту исторію. Михаилъ Дмитріевичъ добрый человѣкъ, но когда у него выйдетъ что-нибудь неладное, онъ сгоряча, не разобравши дѣла, обрушится на того, кто подвернется. Сергѣй Ивановичъ хорошо изучилъ мѣстность и Скобелевъ часто поручалъ ему разводить войска; онъ провелъ Ветлужскій полкъ и указалъ ему ту высоту, которую слѣдовало занять, но солдаты увлеклись и полѣзли дальше, на слѣдующую,—попробуйте ихъ остановить!... Помилуйте, я хорошо это дѣло знаю,—видимо, волнуясь воспоминаніемъ, говорилъ Тарановъ.—Свѣтницкій, вѣдь, самъ видѣлъ и разсказывалъ мнѣ, что Сергѣй Ивановичъ на его глазахъ скакалъ и кричалъ: «Ветлужцы, стой, стой!»—но его не слушали, не слушали и офицеровъ... Полковой командиръ, чтобы не быть въ отвѣтѣ, и говоритъ Михаилу Дмитріевичу: «такъ и такъ, ваше превосходительство, ординарецъ вашъ завелъ насъ». Ну, Скобелевъ напалъ на Сергѣя Ивановича...

— Смотрите, не говорите съ нимъ объ этомъ сегодня,—предупредила Наташа.

— Конечно, конечно, — поспѣшилъ увѣрить Тарановъ и не у ерпѣлъ: просидѣлъ до полуночи, вспоминая это и другія дѣла н давняго прошлаго; да и какъ было утерпѣть—чего-чего ни пере г ворили они объ одномъ Михаилѣ Дмитріевичѣ!

Рана Сергѣя была еще не закрыта, но онъ былъ уже настолько в ѣпокъ, что свободно ходилъ и ѣздилъ по городу, причемъ Ната- ш всегда требовала, чтобы онъ носилъ солдатскій георгіевскій к ъ, недавно полученный.

«Скажи своему безчинному пріятелю, если найдешь его въ живыхъ,— сказалъ его свѣтлость Володѣ,— что государь лично приказалъ послать ему солдатскаго Егорья»; но Владиміръ не могъ тогда передать объ этомъ высокомъ подаркѣ, увѣдомленіе о которомъ было прислано уже въ госпиталь, причемъ былъ препровожденъ и самый крестъ.

Сергѣй и Наташа проводили теперь почти все время въ больничномъ саду, такъ какъ погода, при свѣжихъ утренникахъ, стояла еще теплая. Они строили тамъ немало плановъ относительно ихъ будущей жизни вдвоемъ: рѣшено было, прежде всего, съѣздить за границу для поправленія здоровья, а потомъ начать ѣздить по Россіи и изучать ее во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы творить послѣ сознательно, съ готовымъ матеріаломъ въ рукахъ. Наташа, съ своей стороны, обѣщала снова приняться за музыку, въ которой полгода тому назадъ она была довольно сильна уже.

— Нужно много, много потрудиться,—говорилъ Верховцевъ.— Я твердо вѣрю, что только при этомъ условіи мы можемъ быть счастливы. Мы должны купить право быть счастливыми трудомъ и прилежаніемъ,— правда?

Наташа вполнѣ соглашалась и приходила въ восхищеніе отъ мысли о томъ, что они будутъ много путешествовать. Куда бы они ни поѣхали, она будетъ вести дневникъ,—на этомъ условіи ей было обѣщано, что если средства позволятъ, они поѣдутъ на крайній востокъ,—туда дѣвушку, по ея словамъ, «неудержимо манило».

— Разумѣется, если у насъ не будетъ дѣтей,— оговорился Сергѣй.

— О, дѣтей у насъ не будетъ, я въ этомъ увѣрена!

— Почему?

— Навѣрное, навѣрное не будетъ!

— Да почему же? Развѣ потому, что мы—не пара?

— Фу, какой ты насмѣшникъ! Просто потому, что мнѣ такъ кажется, я въ этомъ увѣрена.

Тайно безпокоило Верховцева то, что передъ осуществленіемъ всего этого предположеннаго счастья надобно было еще пройти черезъ искусъ дальнѣйшей службы при Скобелевѣ,— службы хотя и добровольной, но, тѣмъ не менѣе, тяжелой и опасной. Почему, зачѣмъ онъ пойдетъ? — спрашивалъ внутренній голосъ; онъ серьезно закалилъ свой характеръ въ опасностяхъ, принесъ уже большую, серьезную жертву своею кровью и заслужилъ право на отдыхъ, на пользованіе тѣмъ счастьемъ, которое начинало ему улыбаться.

То же самое говорила Надежда Ивановна, то же, не выговаривая, видимо, думала Наташа; но Сергѣй считалъ себя не вправѣ перейти на отдыхъ въ то время, когда армія, вмѣстѣ со всею Россіей, готовилась къ послѣднему отчаянному усилію. Нѣтъ, худо ли, хорошо ли, умно или смѣшно онъ поступитъ, но онъ дотянетъ свою службу волонтера-ординарца Скобелева до конца!

Между навѣщавшими Верховцева въ госпиталѣ было нѣсколько литераторовъ, пріѣзжавшихъ на театръ войны, также корреспондентовъ русскихъ и иностранныхъ. Часто бесѣдовалъ онъ съ издателемъ одной извѣстной газеты, старымъ знакомымъ, много видѣвшимъ и слышавшимъ на мѣстѣ военныхъ дѣйствій за это время и сообщившимъ ему нѣсколько крайне неутѣшительныхъ вещей, надъ которыми пріятели не разъ покачивали головой.

Настоящимъ развлеченіемъ были любезныя посѣщенія маститаго князя Коркунова; онъ жилъ тогда въ Бухарестѣ и довольно часто навѣщалъ Сергѣя, литературную дѣятельность котораго, повидимому, хорошо зналъ. Читалъ онъ его работы или былъ о нихъ только освѣдомленъ другими, но не упускалъ случая поговорить о нихъ и хвалить, причемъ называлъ Верховцева, неизвѣстно почему, то нашимъ Куперомъ, то Вальтеръ-Скоттомъ. Онъ пріѣзжалъ всегда въ сопровожденіи чиновника, служившаго ему какъ «dame de compagnie», помогавшаго не только ходить и взбираться по лѣстницамъ, но и выбираться изъ лабиринта фразъ, въ которыхъ почтенный старецъ иногда запутывался.

Особенно громки были предупреждавшіе «Гмъ, гмъ!» этого чиновника, когда старый князь пускался въ нескромные разсказы, забывая о присутствіи сестеръ милосердія.

Надежда Ивановна очень жаловала посѣщенія «милаго старичка», какъ она его называла, и съ большимъ интересомъ слушала всякіе его разсказы, и постные, и скоромные, но Наташѣ отъ послѣднихъ приходилось иногда уходить. Почтенный сановникъ, герой столькихъ громкихъ дипломатическихъ подвиговъ, не замѣчалъ, конечно, своей слабости и, какъ большой любитель хорошенькихъ лицъ, наивно освѣдомлялся при этомъ: «Куда же ушла наша красавица?»

Голубки, долго ворковавшіе о томъ, что и какъ они современемъ сдѣлаютъ, порѣшили, наконецъ, на томъ, что онъ, какъ только будетъ въ состояніи, уѣдетъ къ отряду,—скрывая свой страхъ, Наташа согласилась съ этимъ,—а она поѣдетъ опять въ Систово или какое-нибудь другое мѣсто, въ которомъ можно будетъ

продолжать служить дѣлу помощи больнымъ и раненымъ, попрежнему, съ тетею, конечно.

Теперь на театрѣ войны было уже много сестеръ милосердія, даже Надеждѣ Ивановнѣ, для ухода за труднымъ Сергѣемъ, давали помощницу изъ одной одесской общины. Но, все-таки, дѣла было еще много, такъ какъ война затянулась, и уѣзжать въ такое время не по разстроенному здоровью, а просто со скуки, казалось совѣстнымъ. Правда, тетушка заговаривала было съ Наташей о томъ, что имъ пора бы и домой ѣхать, но та, во всемъ согласившись уже съ своимъ женихомъ, слышать объ этомъ не хотѣла и прямо объявила, что не перенесетъ отъѣзда такъ далеко, заболѣетъ.

«И то, пожалуй, заболѣетъ отъ безпокойства *о немъ*»,—подумала тетка и рѣшилась продолжать ухаживать за ранеными, по возможности оберегая Наталку отъ лишнихъ трудовъ и волненій.

Съ Сергѣемъ Ивановичемъ она теперь примирилась, не примирясь,—тайнымъ избранникомъ ея продолжалъ оставаться Володя: и знала она того хорошо, и понимала вполнѣ, тогда какъ этотъ былъ не только мало понятенъ, но, сказать правду, даже немножко страшенъ,—страшенъ и своею европейскою репутаціей, и умомъ, и, главное, свободою мысли. Ну, какъ это: за время болѣзни, болѣзни такой серьезной, онъ ни разу не перекрестилъ лба. Конечно, она не упрекала его за это, зная, что таковъ образъ мыслей большинства молодыхъ людей, но, все-таки, ей, твердо вѣрившей, что ничего не дѣлается безъ воли Божіей и что даже волосъ не спадетъ съ головы нашей безъ Его воли, тяжело было вступать въ родство съ матеріалистомъ.

Еще пугала ее иногда мысль: не увлекъ бы онъ по этой дорогѣ Наталочку,—не даромъ она его такъ заслушивается; но, съ другой стороны, приходило и то въ голову, что дѣвочка ея не глупа и можетъ не только отстояться, но даже и его самого пошатнуть,—на этомъ она покамѣстъ нѣсколько успокоилась.

Сергѣй ходилъ теперь уже совершенно бодро, хотя и съ палкой; по настоянію Надежды Ивановны, ему при перевязкахъ стали залѣплять не закрывшуюся еще рану полосками липкаго пластыря. Она видѣла это въ систовскомъ госпиталѣ и удивлялась тому, что «нѣмцы» упорствуютъ обходиться безъ такого практическаго средства для выздоравливающихъ раненыхъ—не сбивать перевязку.

Впрыскиванія морфина были давно оставлены. Многія знаменитости медицинскаго міра, и русскія, и иностранныя, проѣзжавшія въ это время Бухарестомъ и интересовавшіяся раною Верховцева, настойчиво требовали, чтобъ онъ оставилъ морфій, какъ

ослабляющій его организмъ и задерживающій выздоровленіе, но Сергѣй, послѣ неоднократныхъ попытокъ, отказывался, обѣщая сдѣлать это послѣ, когда онъ будетъ крѣпче.

— Послѣ вы такъ привыкнете, что будете уже не въ состояніи обходиться безъ него.

— Нѣтъ, я увѣренъ, что съумѣю отвыкнуть, когда сдѣлаюсь сильнѣе и боли уменьшатся.

Дѣло оказалось настолько серьезнымъ, что когда одинъ разъ вздумали тихонько убавить положенную порцію морфина, то, вмѣсто успокоенія, Сергѣй былъ охваченъ жесточайшею лихорадкой, продолжавшеюся всю ночь.

Однако, процессъ отучиванія организма отъ яда оказался легче, чѣмъ можно было ожидать: одинъ вечеръ замѣнили морфій хлоралемъ — больной заснулъ; другой разъ стакановъ крѣпкаго вина — опять заснулъ; тамъ опять хлоралъ, вино и вино, и черезъ недѣлю Верховцевъ засыпалъ своимъ натуральнымъ сномъ безъ всякихъ «средствъ», такъ что лежавшій въ сосѣдней палатѣ кавалерійскій полковникъ, съ раздробленною рукой, присылалъ потомъ узнавать секретъ Сергѣя: какимъ образомъ удалось ему отвыкнуть отъ морфина, отъ котораго бравый полковникъ не могъ отвязаться?

Доктора не допускали и мысли о возможности скораго выхода изъ госпиталя и отъѣзда съ незакрытою раной. Со стороны было также не мало совѣтовъ искренней дружбы ѣхать въ Россію отдохнуть и работать тамъ. «О чемъ вамъ хлопотать, зачѣмъ безпокоиться и рисковать жизнью?»—говорили ему, но вопросъ этотъ былъ уже безповоротно рѣшенъ между молодыми людьми и даже день отъѣзда назначенъ. Какъ разъ въ это время пришло извѣстіе о битвахъ гвардіи подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ, о томъ, что Плевна осаждена, наконецъ, вполнѣ, кольцо сомкнуто и что рѣшительныя событія были не далеки. Ѣхать, при такихъ условіяхъ, въ иное мѣсто, кромѣ скобелевскаго отряда, казалось Верховцеву нечестнымъ.

Когда насталъ день отъѣзда, Сергѣю и сестрамъ стало жаль госпиталя,—мѣста, въ которомъ они столько пережили и перечувствовали, гдѣ всѣ съ нимъ были такъ добры и внимательны.

Какъ разъ въ этотъ день умеръ одинъ изъ офицеровъ сосѣдней комнаты, раненый на третьемъ же штурмѣ. Рана его шла было хорошо, но онъ захватилъ тифъ, пожелтѣлъ, сталъ день и ночь бредить. Еще наканунѣ Верховцевъ ходилъ къ нему и хотя ухаживалъ за нимъ, но бесѣдовать уже не могъ, такъ какъ больной все время

говорилъ вздоръ: ясно и спокойно разсказывалъ, не сводя съ одной точки своихъ стеклянныхъ глазъ, о томъ, что не далѣе, какъ въ эту ночь, онъ ѣздилъ въ Плевну и только что оттуда воротился,—теперь онъ отправился туда, откуда еще никто, говорятъ, не возвращался. Его похоронили торжественно, съ хоромъ музыки, и Верховцевъ съ сестрами проводили соотечественника. Потомъ, распрощавшись съ докторами и всѣмъ штатомъ госпиталя, они выѣхали по желѣзной дорогѣ въ Журжево, а тамъ наняли вольнаго извощика съ коляскою, обязавшагося служить за Дунаемъ, сколько потребуется.

Свѣжимъ, почти зимнимъ, но солнечнымъ днемъ поѣхали друзья вдоль Дуная. Наташа была пока въ восхищеніи и даже Надежда Ивановна нѣсколько развлеклась отъ мрачныхъ думъ, навѣянныхъ на нее этою новою поѣздкой въ мѣста «военнаго ада», какъ она называла войну.

Если бы не мысль о предстоявшей разлукѣ, Наталочка была бы вполнѣ счастлива, но теперь, не доѣзжая Систова, она уже начала грустить, а тамъ совсѣмъ упала духомъ и внушенное ей женихомъ храброе рѣшеніе стойко перенести разлуку поколебалось.

Ни возвращеніе на старую квартиру, часть которой была занята какими-то вощиками-евреями, ни свиданіе съ добрымъ докторомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ, искренно обрадовавшимся встрѣчѣ, не могли отвлечь ее отъ одной неотвязной, гнетущей мысли о близкой разлукѣ съ Сергѣемъ. Нѣсколько утѣшало ее то, что они будутъ не далеко одинъ отъ другого и станутъ переписываться, также и его обѣщаніе не рисковать жизнью, думая и помня о ней. Все-таки, было очень тяжело и они долго крѣпко сжимали другъ друга въ объятіяхъ и еще крѣпче цѣловались передъ разставаніемъ.

— Прощай, Сергѣй, береги же себя, возвращайся скорѣе!

— Прощай, Наташа, прощай, дорогая, милая, хорошая! Прощайте, тетя,—улыбнулся онъ Надеждѣ Ивановнѣ, совсѣмъ растроганной горемъ своей племянницы, которую ей никогда еще не доводилось видѣть въ такихъ слезахъ.

— Еще кабы онъ берегъ себя, тетя. Навѣрное, опять пойдетъ въ опасность. Вѣдь, какъ я его уговаривала доѣхать въ коляскѣ,—нѣтъ, взялъ лошадь у какого-то козацкаго офицера ихъ отряда и поѣхалъ верхомъ. Ну, какъ онъ доѣдетъ? Что съ нимъ будетъ, что съ нимъ будетъ? Кажется, я не увижу его больше!

Тетя, сама внутренно глубоко огорченная, все-таки, принялась уговаривать свою дѣвочку, даже усовѣщевать; ея главный доводъ былъ все тотъ же: «Всѣ мы, душа моя, подъ Богомъ ходимъ и волосъ не спадетъ съ головы нашей безъ воли Его».

VI.

Дорогой Верховцевъ задумался о томъ счастьѣ, которое ждало его въ недалекомъ будущемъ, заслужено ли оно? Если не заслужено, то заслужится.

Онъ, всегда жившій независимо, ревниво охранявшій полную свободу мыслей и поступковъ, раздѣлитъ теперь свою судьбу съ другимъ человѣкомъ, который можетъ просто соскучиться въ постоянномъ обществѣ его и его литературныхъ работъ; не слишкомъ ли онъ рискуетъ, не выйдетъ ли помѣхи въ работѣ, въ выборѣ знакомствъ, мѣстожительства, во всѣхъ его вкусахъ и привычкахъ?

Вѣроятно, нѣтъ,—отвѣчалъ онъ самъ себѣ.—Есть поводъ надѣяться, что, напротивъ, будетъ поддержка во всемъ этомъ, такъ какъ товарищемъ будетъ человѣкъ не глупый, любящій, преданный ему,—сомнѣваться въ любви и преданности Наташи онъ не могъ, настолько-то онъ наблюдалъ и знаетъ людей.

Чувство безпокойства, однако, не унималось и подъ вліяніемъ меланхолическаго настроенія, вызваннаго, можетъ быть, столько же разлукой, сколько и пустынностью дороги, по которой лишь изрѣдка попадались отдѣльные козаки да братушки - болгары, Сергѣй раздумался о прошломъ, настоящемъ и будущемъ своей дѣятельности, свѣтлыхъ, добрыхъ и непріятныхъ, тяжелыхъ сторонахъ ея.

Нѣтъ ли какого-нибудь недоразумѣнія между нимъ и Наташей? Можетъ быть, она полюбила не столько лично его, сколько что-нибудь такое, что видитъ въ немъ, но чего въ дѣйствительности нѣтъ? Напримѣръ, талантъ, о которомъ бабушка еще на-двое сказала, есть онъ у него или нѣтъ? Что изъ того, что не одна она, а многіе, почти всѣ, предполагаютъ его въ немъ? Въ часы неудачъ и упадка духа самъ онъ искренно думалъ, что у него нѣтъ настоящаго призванія къ литературѣ, темперамента литератора, а находятъ его, пожалуй, потому, что общество любитъ всякія новинки: старыя имена въ литературѣ и искусствѣ надоѣдаютъ скорѣе, чѣмъ на другихъ поприщахъ человѣческой дѣятельности, и имъ охотно находятъ замѣстителей въ новыхъ людяхъ, подкупающихъ молодостью и оригинальностью. Да и оригинальность-то есть ли въ немъ? Самъ себѣ онъ долженъ былъ признаться, что въ юности многіе писатели имѣли на него вліяніе и нѣкоторыя изъ его работъ были прямо навѣяны примѣромъ. Допустимъ, однако, что она, т.-е. оригинальность есть,—вѣдь, этого еще недостаточно и время только покажетъ, дѣйствительно ли она соединена съ творческимъ духомъ.

Наташа, въ искренности которой онъ не сомнѣвался, говорила

ему, что мысли и рѣчи его съ перваго знакомства показались ей сильны, образны, выразительны, не похожи ни на что прежде ею слышанное и читанное. Въ этомъ есть, можетъ быть, правда, но, вѣдь, она натура непосредственная, слишкомъ неопытная и впечатлительная, ея оцѣнка натурально снисходительна. Лично самъ онъ далеко не удовлетворялся тѣмъ, что дѣлалъ,—почти все ему казалось вымученнымъ, добытымъ не талантомъ, а тяжелымъ трудомъ.

Обыкновенно онъ долго вынашивалъ въ головѣ запавшую туда мысль новаго созданія, повѣсти, романа, и чѣмъ долѣе носился съ нею, тѣмъ яснѣе и легче выливались потомъ его мысли на бумагу.

Въ процессѣ зарожденія новыхъ работъ у себя онъ находилъ сходство съ характеромъ творчества нѣкоторыхъ громкихъ историческихъ именъ, и это, какъ оно ни мелочно, нѣсколько успокоивало его. Напримѣръ, еще въ ранней молодости онъ читалъ съ удивленіемъ и недовѣріемъ, что многія безсмертныя произведенія науки, литературы и искусства были задуманы при самыхъ тривіальныхъ обстоятельствахъ: Ньютона будто бы непосредственно навело на его міровую формулу притяженія тѣлъ упавшее на носъ яблоко, въ то время, какъ онъ лежалъ на травѣ въ саду. Моцартъ будто бы сочинилъ большую часть знаменитой «Паннихиды», играя на билліардѣ. Недалеко ходить: нашъ Гоголь принялся за свою чудную комедію *Ревизоръ* подъ вліяніемъ анекдота, разсказаннаго Пушкинымъ. И что же? Самъ на себѣ, сохраняя разстоянія, онъ испыталъ то же самое: главнѣйшія сцены его послѣдняго романа, имѣвшаго огромный успѣхъ и у насъ, и въ Европѣ, задуманы и частью наброшены въ продолженіи скитаній по Закавказскому краю или на сѣдлѣ лошади, или во время исканія грибовъ, близъ тамошнихъ молоканскихъ поселеній. Словомъ, онъ прослѣдилъ у себя процессъ созиданія совершенно аналогичный съ описаннымъ подъ именемъ *творчества* у другихъ, безспорно талантливыхъ, людей и искренно радовался этому.

Если это «творчество», а позывъ къ нему—«вдохновеніе»,—думалъ Сергѣй,—то они не зависятъ прямо ни отъ богатства или бѣдности, комфорта или убожества обстановки, а скорѣе обусловливаются или жизнерадостнымъ, или горестнымъ настроеніемъ духа. Что вдохновеніе осѣняетъ чаще, что оно плодовитѣе подъ первымъ вліяніемъ, это слѣдуетъ, можетъ быть, отнести къ тому, что человѣкъ, чувствующій себя счастливымъ, напримѣръ, влюбленный, экспансивенъ, по французскому выраженію—ищетъ возможности высказаться, тогда какъ огорченный, несчастный, обманутый расло-

ложенъ скорѣе скрывать свою бѣду,—ему не до изложенія своихъ мыслей.

Для вдохновенія нужно очень многое и, въ то же время, очень немногое,—думалось Верховцеву; къ нему ведутъ часто тѣ минуты, въ которыя, при стеченіи разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, человѣкъ наслаждается, счастливо любитъ, удачно играетъ на бильярдѣ, любуется красивыми видами, или, страстный любитель собиранія грибовъ, встрѣчаетъ лѣсную лужайку, покрытую грибными шляпками.

Такъ это или нѣтъ, вѣрно было то, что ему работалось легче въ иные часы, чѣмъ въ другіе; иногда цѣлый день ничего не выходило и только вечеръ или даже ночь выручали, наквитывали неудачу дня.

Вотъ если встрѣчались препятствія, необходимость справляться съ литературой предмета, разузнавать о мѣстностяхъ, одеждахъ, характерахъ лицъ и проч., то такая масса энергіи уходила на борьбу со всѣмъ этимъ, что ея мало оставалось на самое творчество, которое замедлялось тогда и нужно было, чтобъ извѣстное настроеніе,—скажемъ, вдохновеніе,—было очень сильно для устраненія всѣхъ этихъ препятствій: сейчасъ узнавать, разспрашивать, рыться въ библіотекахъ было иногда такъ тяжко, что задуманная работа откладывалась.

Съ самаго начала своей литературной дѣятельности, когда онъ только еще покинулъ службу, прельстившись «набросками» одного талантливаго француза, Сергѣй сталъ писать короткіе, легко читающіеся очерки и, странно сказать, только послѣ замѣчанія одного свѣтскаго знакомаго съ развитымъ вкусомъ, сказавшаго разъ, что «это мило, но не серьезно», пошелъ по другому пути,—пути осмысливанія работы и тщательной отдѣлки ея.

Теперь онъ давно уже строго держался правила давать въ каждой вещи все, на что онъ былъ въ данное время способенъ, не обходя «непріятныхъ» фактовъ, если таковые встрѣчались. За эту литературную добросовѣстность его упрекали въ поползновеніи копаться въ грязи и въ сухости, излишкѣ подробностей. Первое онъ извинялъ тѣмъ, что смотрѣлъ на большую часть своихъ работъ не больше, какъ на матеріалъ для будущаго, а по поводу второго допускалъ, что онъ еще не выработалъ въ себѣ великаго искусства жертвовать подробностями, часто интересными, но мѣшающими общему впечатлѣнію,—это, вѣдь, дается годами опыта, долгимъ навыкомъ творчества.

Другіе подозрѣвали искренность и правдивость путевыхъ раз-

сказовъ Верховцева, но въ этомъ ошибались. Дѣло въ томъ, что, несмотря на сравнительную молодость (ему было 34 года), онъ столько видѣлъ и слышалъ, что когда оглядывался на пережитое, то не шутя спрашивалъ себя: «Ужь полно я ли все это перевидѣлъ и переиспыталъ?»

Ему припомнился случай по поводу книжки *Путешествія по Персидской границѣ*: участвуя тамъ разъ въ поимкѣ персовъ-разбойниковъ, грабившихъ наши пограничные предѣлы, онъ просто, безъ ложной скромности, описалъ эту оригинальную экспедицію и свое участіе,—какой же поднялся шумъ по этому поводу: «онъ увлекается, онъ все сочиняетъ, онъ просто вретъ»,—говорили со всѣхъ сторонъ, и нужно было, чтобы свидѣтельство англійскаго корреспондента въ одну лондонскую газету совершенно подтвердило какъ самый фактъ, такъ и подробности происшествія, для успокоенія ревнителей правды.

Сергѣй полагалъ и часто говорилъ, что еслибъ онъ вздумалъ хоть сжато и сухо изложить все то, что съ нимъ въ различныхъ обстоятельствахъ приключалось, то разсказъ его окрестили бы названіемъ: *Не любо не слушай, а врать не мѣшай.*

Отъ воспоминаній о пережитыхъ впечатлѣніяхъ мысль Верховцева невольно перешла къ замѣткамъ и наброскамъ недавно видѣннаго и перечувствованнаго, сдѣланнымъ въ свободные часы, за послѣднее время его пребыванія въ госпиталѣ, едва ли менѣе интереснымъ, чѣмъ тѣ, что дѣлались на полѣ битвы; онѣ остались вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими вещами въ рукахъ Надежды Ивановны, то-есть въ надежныхъ рукахъ, но хорошо ли она понимаетъ цѣну этихъ каракуль для него?

Не мѣшало бы предупредить ее—написать пару словъ съ кѣмъ-нибудь изъ встрѣчныхъ, вотъ хотя бы съ этимъ козакомъ. Нѣтъ, вѣрнѣе, съ тою повозкой «Краснаго Креста»—это народъ милый, который не откажетъ въ услугѣ.

Плотный, добродушнаго вида докторъ шелъ рядомъ съ повозкой, и когда Сергѣй попросилъ его передать написанную на лоскуткѣ изъ записной книжки записку въ Систово, сестрамъ милосердія охотно согласился исполнить.

— Скажите имъ, пожалуйста, поклонъ отъ Верховцева, котораго вы встрѣтили въ добромъ здоровьѣ.

— Вы—литераторъ Верховцевъ?—переспросилъ докторъ.

— Да, я—литераторъ.

— Mesdames,—закричалъ толстякъ зычнымъ голосомъ,—ступайте Верховцева смотрѣть!

Какъ муравьи высыпали изъ повозки сестры милосердія и окружили сконфуженнаго литератора, едва успѣвавшаго пожимать протянутыя къ нему руки.

— Не трудитесь, не безпокойтесь, не церемоньтесь!—наперерывъ залепетали веселые голоса, когда онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы слѣзть съ лошади.

— Какъ ваша рана? Мы такъ интересовались вами. Вѣдь, она еще не закрыта, какъ же вы ѣдете верхомъ, зачѣмъ вы такъ рискуете? Мы всѣ поклонницы вашего таланта и боимся за васъ!

— Жаль, что вы не въ моихъ рукахъ,—сказала самая хорошенькая и поэтому, вѣроятно, самая смѣлая сестрица,—я ни за что не позволила бы вамъ такой вольности.

— Она держала бы васъ въ ежовыхъ рукавицахъ,—вмѣшалась другая.

— Я готовъ, возьмите меня подъ свою команду,—отвѣтилъ Сергѣй и невольно подумалъ: «Какъ ты ни хороша, а моя Наталка, все-таки, лучше».

Обѣщано было не только исправно передать записку, но и пожаловаться, всячески очернить и оклеветать его.

«Вотъ эти, поработавшія, повѣрятъ, когда я буду писать о войнѣ,—подумалъ Верховцевъ, направляясь далѣе,—повѣрятъ тому, что нужно самому перечувствовать, выстрадать войну, для того, чтобы вѣрно писать о ней, а общество, особенно высшее, непремѣнно укоритъ меня въ преувеличеніи, легкомысліи и злой тенденціи».

Вообще въ обществѣ утвердилось мнѣніе, что работа легка литераторамъ, а Верховцеву въ особенности, что ему стоило только присѣсть, чтобы набросать очеркъ, написать повѣсть, продать въ какое-нибудь повременное изданіе, получить денежки и т. д.

Какая это была ошибка! Сергѣя Ивановича сердило такое фальшивое представленіе о его трудахъ, потому что онъ страшно мучился надъ своими работами: достаточно было того, чтобы характеръ одного изъ дѣйствующихъ лицъ вышелъ непослѣдователенъ или чтобы какія-нибудь подробности не укладывались въ намѣченныя рамки,—онъ впадалъ въ отчаяніе и буквально лишался аппетита, сна и всякаго покоя, часто на нѣсколько сутокъ сряду, пока дѣло не поправлялось. Онъ зналъ, что за это время становился тяжелъ и непріятенъ для всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ приходилъ въ соприкосновеніе, но измѣнить себя не могъ.

Когда, благодаря упорному труду или случайно набѣжавшей мысли, удавалось побороть трудность, онъ становился сообщите-

ленъ, экспансивенъ, пожалуй, даже слишкомъ, и весьма возможно, что люди, знакомившіеся съ нимъ въ одинъ изъ такихъ часовъ, выносили впечатлѣніе, что въ «верхнемъ» этажѣ у него не совсѣмъ ладно.

«Онъ увлекается»:—говорили о немъ, чтобы не сказать: «онъ бредитъ», не принимая въ соображеніе того простого обстоятельства, что бѣдный литераторъ, пробывши нѣсколько недѣль буквально въ одиночномъ заключеніи, въ борьбѣ съ характерами, типами и разными подробностями, понятными и интересными пока только для него одного, натурально радъ былъ поболтать съ первымъ подвернувшимся ему послѣ того живымъ человѣкомъ о вещахъ, долгое время бывшихъ для него какъ бы запретными.

Предстоявшая женитьба сулила ему больше правильности и покоя въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что въ Наташѣ была артистическая жилка; она серьезно занималась прежде музыкой и ей должны были быть попятны радости и разочарованія артиста-писателя. Кто зналъ, впрочемъ, что̀ готовило будущее въ этомъ отношеніи и два художественныхъ темперамента не сулили ли столкновеній? Во всякомъ случаѣ, приходилось заранѣе мириться съ нѣкоторымъ ограниченіемъ свободы, и Верховцевъ сознательно соглашался съ этимъ изъ любви къ Наталочкѣ,—любви, которая заставила его понять, что всѣ прежнія вспышки этого чувства были только временными привязанностями, довольно невинныхъ свойствъ и силы. Противиться новому чувству онъ не могъ, потому что это значило бы безъ всякой пользы казнить себя, накладывать руки на живого человѣка и на возможное развитіе его таланта; вышло, что, всегдашній противникъ всего банальнаго, онъ мысленно повторилъ избитыя фразы о томъ, что «не могъ бы жить безъ Наташи» и что «онъ просто не жилъ до знакомства съ ней».

«Однако, что было бы со мной,—разсуждалъ онъ,—еслибъ я лишился ея: умеръ бы? Заболѣлъ бы? Пожалуй, нѣтъ, а вотъ развѣ заѣхалъ бы подальше за турецкую цѣпь... Во всякомъ случаѣ, это было бы страшно тяжело, такъ же тяжело, какъ, напримѣръ, передвигаться послѣ того, какъ отняли бы ногу,—что это была бы за ходьба?»

Познакомившись съ Наталкой въ деревнѣ, гдѣ онъ хорошо ее узналъ и понялъ, что это честная, не глупая и энергическая дѣвушка, Сергѣй серьезно пожалѣлъ о необходимости разстаться съ ней и, уѣхавши, просто заскучалъ. Его первое письмо къ ней,—они уговорились переписываться,—было даже немного восторженное отъ сквозившаго между строкъ чувства, но Наташа не поняла

его, потому что далека была отъ мысли, что умный Сергѣй Ивановичъ можетъ полюбить ее.

Въ ея отвѣтѣ не было никакого выраженія привязанности и онъ показался Верховцеву такъ холоденъ, что его второе посланіе было умышленно-разсудительно и коротко, а затѣмъ послѣдовавшее представляло обыкновенныя дружескія сообщенія отсутствовавшаго старшаго товарища. «Напрасно я тратилъ мой порохъ,—думалъ онъ,—напрасно позволилъ себѣ увлечься,—изліянія мои ни мало не интересны ей».

«Такъ и есть,—думала, съ своей стороны, Наташа,—какъ ему прежде скучно было со мной, такъ теперь скучно переписываться; мои письма глупы и неинтересны, въ нихъ сквозитъ деревенскій неучъ»,—и самолюбивая дѣвушка нарочно укоротила свой второй отвѣтъ, исключила изъ него все, что могло дать тѣнь намека на навязчивость и желаніе непремѣнно продолжать переписку.

Тогда Сергѣй, чтобы покончить съ оффиціальными фразами, просто пересталъ писать. «И она,—подумалъ онъ,—такая же, какъ другія: увлеклась, когда пришелъ капризъ, потомъ охладѣла и бросила».

«Оно и лучше,—рѣшила Наташа,—хорошій урокъ мнѣ впередъ—не думать много о себѣ».

Въ то время, какъ она, при наступившемъ перерывѣ отношеній, таила въ душѣ надежду получить еще какое-нибудь извѣстіе отъ него, теперь она удовольствовалась бы самымъ коротенькимъ вопросомъ о здоровьѣ,—онъ, скучая, старался увѣрить себя, что, конечно, гораздо лучше было покончить со всѣмъ этимъ и перестать думать о невозможномъ, довольствуясь тѣмъ, что̀ есть. Однако, въ то же время, онъ смутно чувствовалъ, что зародившаяся привязанность не угасла и при первомъ свиданіи вспыхнетъ, пожалуй, разростется въ настоящую любовь. Вотъ почему онъ рѣшился избѣгать встрѣчи и не ѣздить снова въ деревню, куда дядя опять звалъ его на слѣдующее лѣто.

Къ тому же, хотя Владиміръ и не казался ему серьезно влюбленнымъ въ свою «кузиночку», а, все-таки, неловко было становиться между ними; да, вѣроятно, она и не промѣняла бы Владиміра на него?

Позже, будучи при арміи и узнавъ отъ Володи о томъ, что Ната а съ теткой близко, въ Систовѣ, ухаживаютъ за ранеными, Сергѣ не поддался желанію увидѣться, чтобы не дать чувству снова од лѣть его. Онъ даже ничего не отвѣтилъ на ихъ поклонъ, что ст ило ему не малаго усилія надъ собой.

Держась, такимъ образомъ, вдали отъ искушенія и будучи въ постоянныхъ разъѣздахъ съ порученіями безпокойнаго Скобелева, онъ, все-таки, часто думалъ о Наташѣ: она—та хорошая русская дѣвушка, которая давно грезилась ему и во снѣ, и на яву; онъ зналъ, что въ женской молодежи есть такіе славные характеры, но искать ихъ ему было некогда,—такъ всегда занятъ онъ былъ и настоящими работами, и мыслями, предположеніями о будущихъ.

«Есть, да не про нашу честь,—смѣялся онъ внутренно надъ собой,—это цвѣты, которые надобно культивировать; за ними надобно ухаживать и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ, а нашему брату, вѣчному работнику, нѣтъ на это времени; намъ надобно довольствоваться тѣми дичками, которые ростутъ подъ ногами, около которыхъ нѣтъ традиціоннаго билетика: «мять и рвать воспрещается».

Случайная встрѣча его, раненаго, съ Наталкой, какъ сестрой милосердія, перевернула всѣ соображенія, и теперь, послѣ двухмѣсячнаго «сна на яву», онъ былъ какъ въ туманѣ отъ неожиданности и полноты счастья. Ясно было, что она искренна, и этого было довольно; недостатки въ ихъ характерахъ и разныя другія препятствія, которыя могли бы находиться на пути осуществленія его надежды на хорошій исходъ дѣла, не могли измѣнить сущности его; главное рѣшено, остальное онъ обдумаетъ и, конечно, устроитъ «по-хорошему».

Владиміръ Половцевъ невольно представился ему при этихъ мысляхъ: что, если онъ захочетъ стать поперекъ дороги? Правда, воля Наташи и ея полная искренность въ выборѣ должны быть приняты во вниманіе; къ тому же, вѣдь, товарищъ его благоразуменъ и не захочетъ разыграть мавра, на роль котораго, пожалуй, и не имѣетъ права, но... кто знаетъ? Володя молодъ, горячъ и, къ этому, гвардейскій офицеръ, т.-е. съ экзальтированными понятіями о чести, особенно въ дѣлахъ любви...

«Ну, что-жь, я готовъ на все,—мелькнуло въ головѣ Верховцева,—даже и на глупость...»

Съ другой стороны, съ какой стати онъ будетъ отказываться отъ любви дѣвушки? Чортъ побери! Серьезно говоря, почему ему не быть семьяниномъ? Вѣдь, онъ уже довольно поработалъ и семейное счастье не было бы, въ данномъ случаѣ, похоже на извѣстную малороссійскую галушку, готовою сваливающуюся въ ротъ.

Вѣроятно, все устроится и въ этомъ случаѣ, какъ часто сбывалось то, что намѣченное въ общихъ чертахъ сначала казалось трудно осуществимымъ, главнымъ образомъ, изъ-за его недовѣрія

къ «своему счастью», своего рода суевѣрія, которое за нимъ водилось.

Къ работамъ своимъ, напримѣръ, онъ приступалъ всегда съ маленькою дозой этого суевѣрія, со страхомъ, не надѣясь осилить разныхъ трудностей, и, только благодаря настойчивому труду, доводилъ ихъ до конца; много поработавши и даже выстрадавши, повертывалъ дѣло въ свою пользу, заставлялъ судьбу улыбнуться ему.

Въ противность распространенному убѣжденію, что постоянное счастье портитъ человѣка, Сергѣй убѣдился изъ опыта, что личное его успѣхъ только бодрилъ, сообщалъ новыя силы, давая право разсчитывать, что, осиливши разъ, осиливши другой, осилитъ и третій. Тѣмъ не менѣе, всякій новый трудъ казался ему тяжелѣе предъидущаго: «Ну, да,—разсуждалъ онъ,—то вышло потому, что было легче по существу, а вотъ съ этими трудностями, навѣрное, не совладать, нѣтъ матеріала, мало данныхъ!»

«Нѣтъ, не могу,—часто говорилъ онъ себѣ,—надобно отказаться, бросить; выходитъ слабо, дальше будетъ еще хуже, скажутъ, что я опустился, потерялъ талантъ...»—и нужны были огромныя усилія воли, чтобы не поддаться такимъ разсужденіямъ, послѣ которыхъ, въ лучшемъ случаѣ, работа оставлялась, и онъ принимался пока за другую,—этотъ пріемъ часто удавался,—а въ худшемъ—бросалась, рвалась или иначе уничтожалась, чтобы ужь не имѣть возможности возвратиться къ ней, постылой.

Только послѣ многихъ лѣтъ опыта понялъ онъ, что уничтоженіе начатаго не обусловливало еще невозможности возвращенія къ нему; мало того, иногда прямо приходилось жалѣть о потраченныхъ силахъ и времени, снова приниматься за старое, кляня свою нетерпѣливость и давая торжественное обѣщаніе быть впредь благоразумнѣе. Увы, все это служило до новаго прилива недовольства, когда сразу забывалось разумное рѣшеніе и начатая работа опять летѣла въ печку!

Эти внутреннія страданія литератора были, впрочемъ, не такъ непріятны, какъ разныя несправедливыя проявленія непріязни со стороны. Больше всего возмущали Верховцева обвиненія въ тенденціи: «дашь что-нибудь отдѣланное, красивое, но безъ руководящей мысли, похожее на хорошенькій цвѣтокъ безъ запаха,—говорятъ: пусто, безсодержательно; выпустишь трудъ хорошо обдуманный, осмысленный разсказъ изъ пережитаго, перечувствованнаго,—«тенденція, тенденція! Злой умыселъ! Это вредный человѣкъ!»—и не затруднятся и не постыдятся изречь несогласные со взглядами автора люди.

Этой нетерпимости было меньше за границею, откуда Сергѣй получалъ не мало отзывовъ о его переведенныхъ работахъ; тамъ судили преимущественно литератора, а въ Россіи выворачивали на изнанку самого человѣка, доискивались его тайныхъ помысловъ и побужденій: критика граничила съ ненавистью, сыскомъ и доносомъ.

— О васъ столько писано и говорено, что вамъ, конечно, это прискучило; на васъ не оказываютъ вліянія ни похвалы, ни порицанія—не правда ли?—говорили Верховцеву люди, не знавшіе натуры писателя, а онъ въ послѣднее время даже пересталъ читать критику, чтобы не наталкиваться на брань, неизмѣнно появлявшуюся вслѣдъ за каждымъ новымъ произведеніемъ его,—такъ возмущали его часто умышленно-обидные отзывы и подозрѣнія.

Напрасно старикъ Тургеневъ, цѣнившій талантъ и искренность Сергѣя, успокоивалъ его, настаивая на томъ, что никогда не нужно обращать вниманія на печатную брань, а тѣмъ болѣе отвѣчать на нее. Самъ же утѣшитель вскорѣ схватился печатно съ однимъ господиномъ, излившимъ на него жидкость своего приготовленія, какъ Иванъ Сергѣевичъ выразился: «не изъ тучи, а изъ навозной кучи», и когда Верховцевъ напомнилъ о преподанномъ и позабытомъ правилѣ, старикъ принужденъ былъ сознаться, что и онъ не вытерпѣлъ.

Сергѣй серьезно задавалъ себѣ вопросъ: не уйти ли, не спрятаться ли, какъ улиткѣ, въ ракушку «искусства для искусства», отъ всего этого озлобленія, отъ вѣчныхъ подозрѣній въ подрывѣ устоевъ государства, святынь религіи, семьи и общества?

Съ одной стороны, однако, онъ чувствовалъ, что не вытерпитъ роли олимпійца, съ другой—разсудокъ бралъ-таки свое, признавая, въ концѣ-концовъ, ничтожность такихъ обидъ,—на міру не безъ тревогъ и битвъ, тѣмъ хуже для слабонервнаго, который не выдержитъ и отступитъ. Онъ дастъ возможность противникамъ отпраздновать лишнюю побѣду.

Верховцевъ подъѣзжалъ теперь къ деревнѣ Булгарени, въ которой расположенъ былъ центральный госпиталь. Онъ заѣхалъ въ тотъ самый баракъ, въ которомъ останавливался на пути въ Систово для перевязки. Даже тотъ самый докторъ, который встрѣчалъ его тогда, осмотрѣлъ его рану.

— Сначала мы слышали, что вы умираете, потомъ—умерли; нѣтъ, живы еще, стали поправляться, а вотъ вы и на лошади... Э-э! милостивый государь, да, вѣдь, вы рано рискнули сѣсть на лошадь, бинтъ сбился и отъ перевязки не осталось слѣда; все съѣхало, рана воспалена и полна крови, что вы дѣлаете?

— Ужь очень я былъ радъ вырваться изъ госпиталя на чистый воздухъ; но, по правдѣ сказать, доктора предупреждали меня...

— Насколько чистый воздухъ и эта ѣзда нравственно оживили васъ, настолько же матеріально вы напортили себѣ.

И докторъ серьезно посовѣтовалъ, остановивши лошадь, доѣхать до Парадима въ повозкѣ, а тамъ какъ-нибудь добраться и до Скобелева.

— Какъ же какъ-нибудь? Нѣтъ, ужь я лучше полегоньку поѣду, какъ поѣхалъ, а потомъ, пожалуй, хоть и совсѣмъ оставлю на время лошадь.

— Двигайтесь меньше и старайтесь быть какъ можно спокойнѣе, пока рана не закроется совсѣмъ,—напутствовалъ его докторъ передъ отъѣздомъ. Кромѣ того, онъ повторилъ ему наказъ, данный уже въ Бухарестѣ: не посѣщать ни тифозныхъ, ни какихъ бы то ни было заразныхъ больныхъ, подъ опасеніемъ заразиться самому, такъ какъ теперь эта процедура продѣлается съ замѣчательною легкостью; рану же совѣтовалъ перевязывать не менѣе двухъ разъ въ день,—а онъ-то увѣрялъ добрѣйшую Надежду Ивановну, снаряжавшую его передъ выѣздомъ изъ Систова, что, вѣроятно, это «еще одно послѣднее сказаніе»!

Выѣхавши изъ Булгарени подъ впечатлѣніемъ такихъ неутѣшительныхъ наставленій, Сергѣй возвратился мыслями къ обсужденію своего положенія, на которое, впрочемъ, въ общемъ, все-таки, нельзя было особенно жаловаться.

Благодаря нѣкоторому состоянію, оставленному отцомъ, онъ сразу вступилъ въ кругъ самостоятельныхъ литераторовъ, такъ какъ писалъ не спѣшно, не то, что отъ него требовали, а то, что самъ хотѣлъ. Съ одной стороны, отъ этого выигрывали оригинальность и самостоятельность работъ, съ другой—ему не было надобности принимать невыгодныя условія, предлагающіяся обыкновенно начинающему; онъ самъ издалъ первыя свои работы, издалъ хорошо, хорошо и распродалъ, чѣмъ заставилъ господъ издателей и редакторовъ быть внимательнѣе къ себѣ.

Теперь, однако, когда небольшое состояніе было издержано и предвидѣлась семья съ новыми расходами, матеріальная сторона д[ѣ]а опять стала приходить въ голову и даже немножко безпокоить.

Родители Сергѣя умерли сравнительно недавно. Первымъ умеръ о[тецъ]; никогда не болѣвшій прежде, онъ браво отвѣтилъ на вопросъ с[ына], что это съ нимъ случилось: «Заболѣлъ, братъ, и знай, что э[то] первый и послѣдній разъ». Мать, раньше болѣвшая въ продолже[ніе] н[ѣсколькихъ] лѣтъ, лечившаяся чуть не у всѣхъ докторовъ сто-

лицы, пережила его, но не надолго: одной ей, какъ она говорила, не было мѣста на этомъ свѣтѣ, и она умерла черезъ два года послѣ мужа.

Только тутъ, когда «свершилось», Сергѣй понялъ, что̀ значитъ лишиться родителей, какую страшную пустоту оставляетъ за собою эта̀ непоправимая бѣда. Онъ пожалѣлъ о своихъ ссорахъ съ отцомъ и матерью: понимая жизнь по-новому, въ то время, какъ они думали и поступали по-своему, по-старому, — откуда нелады, — онъ крѣпко схватывался иногда со стариками; впрочемъ, въ послѣдніе годы, часто отлучаясь и видясь рѣже, онъ жилъ съ ними мирнѣе.

Рѣшеніе его покинуть службу и отдаться литературѣ встрѣчено было отцомъ и матерью враждебно: они сулили ему смерть на соломѣ; но уже первые успѣхи его заставили ихъ настолько перемѣнить мнѣніе, что еще при жизни они отдали ему часть состоянія. Когда же молодой Верховцевъ сдѣлался извѣстенъ и о немъ начали говорить и писать, старики стали гордиться имъ и мать, смѣясь, сознавалась, что при выходѣ въ свѣтъ всякаго новаго труда его ей смертельно хотѣлось всѣмъ объявить, что она мать его. Старушка признавалась, что въ то время она нарочно заводила разговоры съ незнакомыми, чтобы имѣть удовольствіе назвать себя «матерью Верховцева» и затѣмъ выслушать изъясненіе уваженія «матери нашего молодого высокоталантливаго писателя». «Милая, нѣжная мама,—подумалъ Сергѣй,—гдѣ-то ты теперь? Какъ порадовалась бы ты за меня и полюбила бы *ее*!»

Какъ, однако, бѣдная Наташа плакала! Она горевала, боясь, не убили бы меня. Даже и она не прочь была бы, чтобъ я бросилъ свое волонтерство и уѣхалъ домой; про другихъ и говорить нечего, всѣ дивятся: «Ну, чего вы-то? До бробыли бы обязаны, а то жертвуете собою изъ любви къ искусству!» «Но, вѣдь, писать-то я буду всю жизнь, а войну врядъ ли когда придется изучать такъ близко. Они не понимаютъ, что это мой постъ для наблюденія, что если я пишу мало корреспонденцій, для которыхъ пріѣхалъ, такъ запечатлѣваю много въ головѣ. И какія впечатлѣнія! Чего стоитъ наблюдать однихъ раненыхъ: по эгоизму и экзальтаціи эти люди превосходятъ намного даже обыкновенныхъ больныхъ».

Онъ убѣдился, напр., что раненому, возвращающемуся съ поля битвы, положительно нельзя вѣрить, когда онъ описываетъ положеніе дѣлъ, обыкновенно отождествляемое имъ съ собственнымъ положеніемъ. А какъ интересны примѣры ихъ крайностей, то капризовъ, то терпѣнія! Онъ не могъ безъ улыбки вспомнить одного раненаго на Зеленыхъ горахъ, ворчливо усѣвшагося около Скобелева,

который расположился было на разостланной буркѣ вмѣстѣ съ начальникомъ штаба. Генералъ, зная «ндравъ» раненыхъ вообще, ничего не сказалъ на такую вольность и остановилъ офицера, хотѣвшаго дать замѣтить солдату его безцеремонность. Тотъ, тѣмъ временемъ, продолжая ворчать и осматривать свою язву, пересѣлъ на самую бурку и, передвигаясь мало-по-малу, такъ стѣснилъ генерала, что Михаихъ Дмитріевичъ потихоньку всталъ и, сдѣлавши знакъ другимъ, ушелъ съ ними прочь, предоставивъ все устроенное сидѣнье солдату.

А другой старый солдатъ, пронизанный пулями, какъ рѣшето, и сохранившій способность шутить! Семнадцать или восемнадцать пуль въ тѣлѣ, нѣкоторыя раны сквозныя, такъ что всего-на-всего около 20—22 отверстій по тѣлу, въ рукахъ, ногахъ и груди—и шутитъ! Этотъ субъектъ, кряхтя немного, далъ себя осмотрѣть и на замѣчаніе Сергѣя, вынувшаго записную книжку, что онъ желаетъ записать его имя, лѣта, родину и проч., а также набросить его портретъ, отвѣтилъ: «Мнѣ ужь теперь одинъ патретъ—на тотъ свѣтъ!»

Очевидно, тутъ не одна живучесть только.

«Жаль, — думалъ Верховцевъ, — что я не довольно занимался естественными науками: при настоящихъ познаніяхъ я не могу дѣлать ни правильныхъ сравненій, ни обобщеній. Надобно же было отдать меня въ инженерное училище! Что изъ того, что я кончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ? На что мнѣ теперь инженерное искусство, развѣ для набросковъ ситуаціи для Скобелева? Разговоръ былъ бы другой, если бы, изучивъ хорошо животное царство, я могъ провѣрить психологическую сторону его инстинктовъ наблюденіями надъ человѣкомъ, надъ храбрымъ, нервнымъ, честолюбивымъ, плутомъ, героемъ, умирающимъ и т. д.,—къ какимъ великимъ выводамъ могъ бы я придти! Матеріалъ, вѣдь, единственный, поле наблюденія удивительное!»

Однако, и теперь онъ не мало извлекъ пользы изъ видѣннаго и слышаннаго, удастся ли только выразить все прочувствованное? Масса въ высшей степени интереснаго матеріала собрана уже, остается высмотрѣть недостающее, тогда можно будетъ и уѣхать со спокойною совѣстью. Покамѣстъ пусть думаютъ и говорятъ, что онъ безъ толку суется туда, гдѣ его не спрашиваютъ, чуть не съ жира бѣсится,— онъ служитъ своему отечеству не менѣе, если не болѣе другихъ!

А что, коли напослѣдки-то опять ранятъ, а то и совсѣмъ ухлопаютъ? И мысль его невольно перенеслась въ Систово: что *она*

теперь дѣлаетъ? Что бы ни дѣлала, конечно, думаетъ о немъ, какъ мысль о ней постоянно примѣшивается теперь ко всему, о чемъ онъ разсуждаетъ.

Что съ нею будетъ, коли его убьютъ? Отъ одной этой мысли не будетъ ли онъ теперь избѣгать опасности, трусить? Не замѣтитъ ли, не скажетъ ли Скобелевъ, что онъ обабился? Скобелевъ былъ у него въ госпиталѣ, онъ это зналъ, но въ самое дурное время болѣзни, такъ что его не впустили. Однако, Михаилъ Дмитріевичъ видѣлъ Наташу и теперь, злодѣй, вѣрно не утерпитъ, чтобы не подтрунить надъ ранами, за которыми ухаживала такая хорошенькая; и ему пришелъ на память добродушный смѣхъ Скобелева: «Гхи, гхи, гхи!

Сидя бочкомъ въ сѣдлѣ,—рана-таки давала знать о себѣ,—Сергѣй размышлялъ о томъ, какъ неловко будетъ для него пребываніе въ отрядѣ теперь, пока онъ такой инвалидъ,—рана-то оказывается упорнѣе, упрямѣе его и, пожалуй, еще долго не придется ему ѣздить съ порученіями. Здоровый, всегда готовый сѣсть въ сѣдло, онъ былъ очень полезенъ Скобелеву, онъ зналъ это, но не будетъ ли ворчать милый генералъ, когда самъ «Вегховцевъ» начнетъ «отлынивать»?

Залпъ съ ближней батареи заставилъ вздрогнуть Верховцева, подъѣзжавшаго къ плевненскимъ позиціямъ и взявшаго въ сторону отъ Парадима, чтобы проѣхать прямо на лѣвый флангъ, поскорѣе въ руки своего пріятеля доктора, милаго малаго, неистово упивавшагося всегда у него чаемъ.

Сергѣй не вытерпѣлъ, чтобы не полюбопытствовать на стрѣльбу залпами, о которой онъ слышалъ еще въ Бухарестѣ, какъ о нововведеніи Тотлебена.

Одна изъ батарей центра была какъ разъ передъ нимъ. Онъ въѣхалъ на возвышенность, потомъ взялъ вправо и направился по дорогѣ, ведшей мимо батареи къ непріятельскому редуту. Турки тотчасъ же замѣтили всадника и стали посылать ему гранату за гранатой. Верховцевъ привязалъ лошадь въ сторонѣ, къ дереву, и, прихрамывая, опираясь на палочку, отправился дальше пѣшкомъ.

Съ редута стали стрѣлять шрапнелью, пролетъ которой сказывался шумомъ будто горячаго вѣника въ банѣ. Интересно, все-таки, было, что вся эта масса металла, очевидно, предназначенная спеціально ему, пролетала мимо, совсѣмъ близко, ни на волосъ не задѣвая его. Онъ дошелъ до бруствера, поклонился офицерамъ и опустился между двумя орудіями.

Въ виду того, что турки стали засыпать батарею гранатами,

пріемъ путнику былъ не особенно симпатичный. Пока Сергѣй жевалъ предложенный ему солдатскій сухарь, одинъ изъ офицеровъ разсказывалъ, что «на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ теперь сидѣлъ, вчера убило двоихъ, да одного третьяго дня». Ясно было, что его хотѣли выжить, чтобъ утишить гнѣвъ турокъ,—видимо, здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, практиковался негласный «вооруженный нейтралитетъ», въ силу котораго избѣгали раздражать турокъ, стараясь стрѣлять порѣже, пока тѣ держали себя спокойно. Этотъ разъ, однако, на бѣшеную стрѣльбу, обрушившуюся безъ видимаго резона по одному человѣку, командиръ батареи приказалъ отвѣтить, «да хорошенько, чтобы проучить ихъ, подлецовъ!» Раздалась команда: «Батарея!...»

— Выпустилъ!—кричалъ поминутно сигнальщикъ.

Со стороны «подлецовъ» показывался бѣлый дымокъ, и граната, жужжа все сильнѣе и сильнѣе, ударялась гдѣ-нибудь по близости, иногда зарывалась въ землю, большею же частью съ страшнымъ трескомъ разрывалась, поднимая раструбомъ огромный столбъ земли и каменьевъ, увѣнчанный круглою шапкой порохового дыма—настоящіе кочаны цвѣтной капусты, думалось Сергѣю. По слову «выпустилъ» всѣ прилегали къ брустверу, пока не проходилъ адскій шумъ взрыва; тогда расправляли спины, даже выглядывали черезъ брустверъ, чтобы провѣрить дѣйствіе нашихъ отвѣтныхъ снарядовъ.

Верховцевъ помнилъ, что у Скобелева это прятанье мало практиковалось: такъ какъ самъ онъ не любилъ хорониться отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, то и окружающимъ было неповадно дѣлать это. Бѣлый генералъ до такой степени привлекалъ на себя непріятельскіе выстрѣлы, что его начальникъ штаба и ординарцы, только становясь рядомъ съ нимъ или окружая его въ такія минуты, заставляли volens-nolens, не безъ воркотни и брани, уходить подъ закрытіе.

Сергѣй всталъ и, не торопясь, прошелъ къ дереву, росшему у конца бруствера и, видимо, служившему точкою прицѣла для турокъ,—странно, что оно не было срублено. Онъ вынулъ бинокль и сталъ разсматривать турецкія укрѣпленія, мало измѣнившія свои физіономіи, за то наши работы сильно подвинулись впередъ. Далеко-далеко увидѣлъ онъ скобелевскіе дымки, и сердце его забилось.

— Однако, вы обстрѣленный,—сказалъ одинъ изъ офицеровъ, когда онъ воротился къ орудію.

— Крѣпко бьютъ сегодня,—замѣтилъ другой.

Раздался стонъ раненаго... Носилки!

— Много перебьютъ людей...

Сергѣй понялъ намекъ и рѣшилъ уйти; ему думалось, однако, что не было бѣды въ произшедшемъ перерывѣ этого негласнаго перемирія, такъ противорѣчившаго, казалось ему, и цѣли, и ходу осады.

И стрѣляли же по немъ турки, пока онъ шелъ назадъ къ своей лошади! Снарядъ за снарядомъ массою шрапнели устилалъ дорогу. Онъ вскарабкался на своего коня, сильно фыркавшаго и поводившаго ушами на выстрѣлы, и выѣхалъ на дорогу.

Теперь онъ былъ уже не далеко отъ мѣста расположенія штаба лѣваго фланга и направился прямо туда.

«Что-то дѣлаетъ мой козакъ Иванъ, «Вано», какъ его въ шутку называли? Вѣрно, съѣлъ и выпилъ весь чай и сахаръ, разсчитывая, что я умру. Хорошо, если онъ запустилъ лапу только туда и не растерялъ чемодановъ, гдѣ мои сокровища—записныя книжки... Кормитъ ли этотъ злодѣй лошадей? Цѣла ли палатка?»

Опять начнется старая жизнь: постоянно захожіе офицеры будутъ съ утра до вечера пить у него чай, валяться на его кровати, постоянно будетъ раздаваться голосъ генерала: «Верховцева позвать!»—а вслѣдъ за этимъ и его голосъ: «Иванъ! лошадь! живо!»

Онъ издали увидѣлъ палатку бѣлаго генерала, близъ которой виднѣлась и его собственная,—кто бы могъ жить теперь въ ней?—и не утерпѣлъ, рысью поѣхалъ туда.

Безспорно, Верховцевъ искренно любилъ Наташу, обѣщалъ, помня ее, избѣгать опасностей, но—чудное дѣло!—приблизившись къ мѣстамъ, на которыхъ чуть было не сложилъ свою голову, забылъ на время и рану свою, и невѣсту, и будущія опасности: очевидно, въ его стремленіи къ опасностямъ сказывалось, кромѣ желанія наблюдать и учиться, какъ онъ увѣрялъ, еще и серьезное увлеченіе войною, какъ спортомъ. Не даромъ начальникъ штаба Скобелева, умница Перепелкинъ, говорилъ ему, что «онъ ошибся призваніемъ, сдѣлавшись литераторомъ, такъ какъ изъ него вышелъ бы образцовый кавалерійскій офицеръ-партизанъ».

VII.

Владиміръ воротился изъ Россіи въ невеселомъ настроеніи духа.

Посланный вслѣдъ затѣмъ въ отрядъ одного извѣстнаго браваго генерала, командовавшаго гвардейскимъ отрядомъ, онъ присоединился къ войскамъ въ то время, какъ они занимали городъ Этрополь.

Половцевъ тотчасъ же по праву вошелъ въ среду блестящей молодежи, окружавшей командира отряда и составлявшей «англійскій клубъ»,—почему англійскій, это было неизвѣстно, развѣ потому только, что, какъ и его прототипы въ столицахъ, онъ носилъ нѣсколько аристократическій характеръ.

Въ «клубѣ» были представители большей части полковъ гвардіи: лейбъ-драгунъ, лейбъ-уланъ, гусаръ, кавалергардъ, кирасиръ; дипломатъ, бывшій секретарь одного изъ нашихъ посольствъ, теперь козацкій урядникъ, тоже исполнялъ должность ординарца. Былъ титулованный корреспондентъ большой московской газеты, за которымъ ухаживали, какъ за хорошенькою дамочкой, особенно послѣ того, какъ въ одной изъ корреспонденцій онъ выдвинулъ ординарца генерала, ротмистра Волона, всѣмъ остальнымъ захотѣлось, чтобъ и ихъ помазали по губамъ, чтобъ и о нихъ что-нибудь сказали въ «письмахъ съ театра войны». Наконецъ, былъ извѣстный художникъ и представитель «Краснаго Креста» при отрядѣ.

Одинъ изъ членовъ кружка, гусаръ, превосходно рисовалъ карикатуры, чѣмъ почти ежедневно утѣшалъ и заставлялъ хохотать товарищей: сходство портретовъ и остроуміе замысла рисунковъ были поразительны. Другой молодой воинъ прелестно пѣлъ... Шутившихъ и отпускавшихъ острыя словечки нечего было и пересчитывать: всѣ были таковыми, всѣ были добрые ребята.

Бравая компанія занимала хорошія квартиры въ городахъ и мѣстечкахъ, всегда близъ генерала, вскладчину ѣла и пила совсѣмъ недурно для военнаго времени и жила, благодаря молодости, не скучно.

Въ клубъ зазывались всѣ пріѣзжавшіе въ отрядъ какъ изъ нашихъ гвардейскихъ офицеровъ, такъ и иностранцы, до англичанъ въ пробковыхъ шапкахъ включительно.

Нельзя, однако, сказать, чтобы все и всегда улыбалось членамъ англійскаго клуба: когда отецъ командиръ былъ не въ духѣ,—а это случалось не рѣдко,—онъ и вечеромъ, въ дождь, слякоть и непроглядную тьму звалъ ординарца; всѣ сердца соболѣзновали товарищу, которому, по всѣмъ вѣроятіямъ, предстояло протрястись ночью на нѣсколькихъ десяткахъ верстъ; каждый побаивался къ тому и за свою особу, такъ какъ не было ничего невѣроятнаго въ томъ, что за однимъ ординарцемъ грозный голосъ не вызоветъ другого и третьяго.

Командовавшій отрядомъ, очень популярный въ арміи и очень добрый человѣкъ, называвшійся въ клубѣ «папашею», былъ изъ тѣхъ съ которыми шутить не слѣдовало. Когда подъ Этрополемъ

генералъ Двугородный, выбившись изъ силъ поднимая пушки на высоты, далъ знать, что втащить туда орудія нѣтъ возможности, отецъ командиръ лаконически отвѣтилъ: «пусть втащитъ зубами», и Двугородный хоть не зубами, а десятками воловъ и буйволовъ, главное же — сотнями солдатскихъ рукъ, втащилъ-таки орудія. Нравственный эффектъ залпа съ этой высоты на турокъ, никакъ того не ожидавшихъ, былъ такъ великъ, что они бросили городъ и побѣжали къ Шандорнику,— укрѣпленной скалѣ, командовавшей надъ Софійскимъ шоссе,— главнымъ переваломъ западныхъ Балканъ въ Болгаріи.

Артиллерія ихъ, сбившись на дорогѣ, отступила туда очень медленно и Половцеву показалось, что съ нашей стороны была сдѣлана серьезная оплошность тѣмъ, что, во-первыхъ, захватили не всю эту артиллерію, а только нѣсколько орудій, и, главное, не попробовали слѣдомъ за нею ворваться въ самое укрѣпленіе.

«Папаша» также очень сердился за недостатокъ энергіи, проявленной при этомъ случаѣ его подчиненными. Въ сущности, ошибка произошла отъ того, что назначенный для преслѣдованія турокъ донской генералъ Черновъ не имѣлъ достаточно авторитета, чтобы заставить слушать себя титулованнаго командира фешенебельнаго гвардейскаго полка, отданнаго ему подъ команду.

Володя и прочая молодежь штаба не мало смѣялись разговору между генералами, въ которомъ, суровый при случаяхъ дурного исполненія его приказаній, командиръ отряда выговаривалъ Чернову, зачѣмъ онъ упустилъ случай попробовать ворваться въ Шандорникъ взлѣдъ за турками.

— Какъ же это ваше превосходительство не попробовали побывать у нихъ въ гостяхъ?

— Я хотѣлъ, ваше превосходительство, только князь Зволенскій отвѣтилъ мнѣ, что «это, говоритъ, не входитъ въ нашу программу».

— Хоть бы вы поинтересовались узнать, умѣютъ ли турки въ Шандорникѣ стрѣлять-то?

— Хотѣлъ, ваше превосходительство, хотѣлъ, да князь Зволенскій положительно сказалъ: «не входитъ, говоритъ, въ нашу программу».

Генералъ Черновъ былъ типъ стараго донца: «Вонъ, видите эту дорожку,— говорилъ онъ конфиденціально Володѣ, котораго полюбилъ, можетъ быть, отчасти за то, что тотъ состоялъ при штабѣ,— видите, куда она выходитъ? Вонъ куда! Вотъ я по этой дорожкѣ и пошелъ бы, да врасплохъ и напалъ бы на нихъ...»

Въ этихъ соображеніяхъ, по какой тропинкѣ или дорожкѣ лучше было бы напасть, непремѣнно врасплохъ,— иначе было бы не по-козацки,— сказывался весь донской офицеръ; за то когда ему пришлось идти по большой дорогѣ, наступать грудью, что козакъ считаетъ всегда неразумнымъ, пороху у него не хватило.

Въ общемъ въ этомъ штабѣ жилось легче, чѣмъ у Скобелева. Генералъ, безспорно храбрый человѣкъ, и самъ не рисковалъ безъ крайней нужды, и ординарцамъ его не приходилось каждый день ходить на смерть; несмотря на суровую внѣшность, въ немъ слышалось доброе сердце, и отъ хорошо знавшаго его Берендѣева Володя слышалъ, что грозный генералъ — очень нѣжный отецъ и семьянинъ; это показалось ему даже нѣсколько страннымъ. Въ отрядѣ боялись его и хорошо знали, что не нужно попадаться на дорогѣ «папашѣ» въ сердитую минуту, которыя выходили-таки частенько.

На другой день помянутаго объясненія съ Черновымъ Володя ѣхалъ за начальствомъ вмѣстѣ съ адъютантами и ординарцами. Былъ какъ разъ «дурной» день; онъ начался съ того, что проводникъ сбился съ дороги, и когда «папаша» своимъ громовымъ голосомъ пообѣщалъ ему «сорвать голову», бѣдный болгаринъ заранѣе принесъ эту жертву, совершенно лишившись ея.

Дорога на Шандорникъ оказалась грязна до невозможности; выпавшій за ночь снѣгъ растаялъ и подъ ногами лошадей обратился въ жидкую грязь; колеса орудій и повозокъ выбили страшныя ямы и ухабы. Тащившіяся на горы повозки, запряженныя часто въ одну лошадь, поминутно засѣдали въ колеяхъ и рытвинахъ и вытаскивать ихъ приходилось солдатамъ. Генералъ вышелъ изъ себя.

Поравнявшись съ полнымъ, аккуратнымъ генераломъ Двугороднымъ, ѣхавшимъ на сытой кругленькой лошадкѣ, въ сопровожденіи деньщика, повара и полнаго штата прислуги, онъ на него перваго и обрушился.

— По Тамбовской губерніи изволите прогуливаться, ваше превосходительство?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство!

— По Тамбовской губерніи, говорю я вамъ, гуляютъ въ одну лошадь,— загремѣлъ голосъ «папаши»,— извольте перепрячь! Въ кругу спущу всѣ одноконныя повозки!

Володѣ было жаль своего пріятеля Двугороднаго, элегантнаго, остроумнаго офицера генеральнаго штаба, тутъ какъ-то съежившагося и отвѣтившаго только, съ рукою подъ козырекъ: «Слушаю-съ!»

Далѣе по дорогѣ горой набитую телѣгу съ офицерскими вещами цѣлая сотня солдатъ, вмѣстѣ съ парою лошадей, силилась и не могла вытащить изъ грязной выбоины.

— Перепадетъ владѣльцу,— только успѣлъ шепнуть Половцевъ товарищу, какъ опять раздался голосъ, хотя и выходившій изъ довольно тщедушной груди, но казавшійся настоящею трубой:

— Чьи вещи?

— Полкового командира, ваше высокопревосходительство! — отвѣчали солдаты изъ грязи, въ которой увязали чуть не по поясъ и которою залиты были буквально отъ головы до пятокъ.

— Позвать сюда полкового командира!

Тотъ немедленно явился, блѣдный, съ дрожавшею у козырька рукою.

— Вашу хурду-мурду тащитъ, выбиваясь изъ силъ, цѣлая рота солдатъ,— почему запряжена только пара лошадей? Стыдитесь, полковникъ! Извольте сейчасъ впрячь быковъ, или я вашу повозку спущу въ кручу!

Далѣе, ближе къ горамъ, лагерь драгунскаго полка оказался расположеннымъ въ большомъ безпорядкѣ.

— Полкового командира сюда!

— Вашъ таборъ?

— Мой полкъ, ваше превосходительство.

— Не полкъ, а таборъ, говорю вамъ! Извольте сейчасъ привести лагерь въ порядокъ,— стыдно смотрѣть на него!

Володѣ вчужѣ было жутко за бросившагося исполнять приказаніе полкового командира, какъ разсказывали, потомъ сломавшаго себѣ ногу въ этотъ день, должно быть, отъ усердія.

Половцевъ провелъ два дня на высотахъ у своего знакомаго, генерала Двугороднаго, въ продолженіе которыхъ былъ свидѣтелемъ нападенія турокъ на Московскій полкъ.

Дѣло было какъ на ладони видно съ позиціи нашего праваго фланга при Шандорникѣ. Началось съ того, что въ этотъ день стали стрѣлять залпами по туркамъ, которымъ большой бѣды отъ этого не вышло, да и сами они, къ тому же, не остались въ долгу. Но Московскій полкъ, забравшійся съ артиллеріею на южную сторону Софійскаго шоссе, пришелся солонъ одному изъ арабъ-конакскихъ укрѣпленій, выславшихъ на него нѣсколько таборовъ пѣхоты. Дѣло было, повидимому, настолько жаркое, что Владиміръ взялъ на себя дружески уговорить Двугороднаго послать сражавшимся одинъ за другимъ три батальона гвардейцевъ. Злые языки, впрочемъ, увѣряли потомъ, что въ этомъ сраженіи было больше шума, чѣмъ

дѣла,— кто разберетъ? — въ кампаніи прохаживаются на счетъ начальства и товарищей еще усерднѣе, чѣмъ въ мирное время.

Здѣсь, на высотахъ, Половцевъ встрѣтилъ того Петю Бѣгичева, содержаніе письма котораго къ своей матери передавалъ отецъ Василій въ день отъѣзда изъ деревни. Бѣгичевъ служилъ прапорщикомъ въ Новгородскомъ полку, одномъ изъ двухъ, которыми командовалъ Двугородный, передъ тѣмъ какъ принялъ гвардейскую дивизію. Володѣ интересно было поболтать о своихъ старикахъ и разныхъ знакомыхъ, но пріятель сталъ что-то сбиваться въ отвѣтахъ, когда зашла рѣчь о его разсказахъ насчетъ храбрости Скобелева и мужества Гурки,— можно было понять, что все это было писано по наслышкѣ, такъ какъ у перваго генерала Петя, оказывается, вовсе и не былъ подъ командою, а ко второму поступилъ только недавно.

Одною изъ самыхъ интересныхъ военныхъ процедуръ было втаскиваніе на высоты орудій,—процедуръ, свидѣтелемъ которыхъ Владиміръ часто бывалъ за проѣзды на горы и обратно, при исполненіи порученій: безъ церемоніи, по поясъ въ жидкой снѣжной грязи, солдаты, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, припряженные въ подмогу двумъ десяткамъ воловъ и буйволовъ, подъ звуки «дубинушки» тянули каждое орудіе на протяженіи двухъ-трехъ верстъ подъема; несмотря на частыя передышки и совсѣмъ не теплое время года, они буквально обливались потомъ и выбивались изъ силъ; лица ни на одномъ человѣкѣ не было видно, такъ какъ обыкновенно вся фигура, начиная отъ башлыка и кончая сапогами, густо покрывалась грязью, чистыми оставались лишь глаза. Казалось бы, тутъ-то ужь было не до смѣха, а, все-таки, проѣзжая мимо этихъ чучелъ человѣческихъ, до половины тѣла завязшихъ въ колеяхъ и ямахъ, Половцевъ слышалъ шутки и остроты, видимо смягчавшія страшную работу. «Какая разница съ нашею работой!» — невольно думалъ онъ подъ звуки далеко раздававшихся по лѣсу звуковъ «дубинушки».

Владиміръ служилъ, т.-е. исполнялъ свои обязанности ординарца, исправно, но на душѣ у него было неладно—смутно и тоскливо. Онъ часто задумывался и нерѣдко изъ-за пустяковъ раздражался; какъ будто характеръ его испортился, что товарищи вскорѣ замѣтили и дѣло не обошлось безъ подтруниванія, иногда участливаго, а когда и кусавшагося.

— Что съ тобой, Володя?—спрашивалъ гусаръ, знавшій его въ Петербургѣ за добраго малаго, съ открытымъ, сообщительнымъ характеромъ.

— «Cherchez la femme»,—вставилъ козакъ-дипломатъ.—Пари держу, что ему измѣнили... Сознайтесь намъ, Половцевъ, вамъ легче будетъ.

— Всѣ по этой дорожкѣ бѣгали, понимаемъ, что les absents ont tort, — добавилъ другой и нешутя посовѣтовалъ Владиміру «плюнуть на измѣнившую бабу».

Шутки попадали не далеко отъ больного мѣста, и Володѣ стоило не малаго усилія не выказать этого, не разсердиться. Разъ, однако, онъ не вытерпѣлъ, вспылилъ и попросилъ одного изъ смѣхуновъ прекратить шутки, «потому что онѣ ему не нравятся». Въ глаза шутить перестали, но за глаза уже серьезно жалѣли его, когда видѣли засиживавшагося надъ раскрытою книгой, съ глазами, устремленными куда-то въ пространство, что стало случаться чаще и чаще.

По правдѣ сказать, сначала онъ и самъ не могъ бы объяснить, что̀ за тоска напала на него—смутная и, въ то же время, неотвязная. Во всѣ часы дня и, особенно, просыпаясь по утрамъ, чувствовалъ онъ, что ему предстоитъ считаться и раздѣлываться съ чѣмъ-то интимнымъ, но нехорошимъ и порядочно для него обиднымъ; и чѣмъ больше думалъ онъ, тѣмъ крѣпче останавливался на мысли, что произошло что-то непочетное для его самолюбія.

Первое время по возвращеніи и пребыванія въ отрядѣ онъ сравнительно меньше думалъ о перемѣнѣ своихъ отношеній къ Наталкѣ, смотрѣлъ на дѣло довольно хладнокровно и снисходительно: «И любовь ко мнѣ была капризъ,—думалъ онъ,—и это еще новый капризъ—считать ихъ за хорошенькими дѣвушками, значитъ, терять напрасно время; однимъ больше, однимъ меньше—не все ли это равно?» Но съ теченіемъ времени, отчасти подъ вліяніемъ шутокъ товарищей, тотчасъ замѣтившихъ и понявшихъ его дурное расположеніе духа, онъ незамѣтно пришелъ къ болѣе нетерпимому образу мыслей.

По возвращеніи изъ Россіи Володя не сдержалъ своего обѣщанія посѣтить друзей въ Систовѣ просто потому, что очень ужь не хотѣлось этого дѣлать,—его тянуло скорѣе подальше отъ нихъ. Въ письмѣ къ Надеждѣ Ивановнѣ онъ, опять подъ предлогомъ необходимости спѣшить съ важными бумагами, сдалъ поклонъ отъ своихъ, попросилъ передать поклонъ Наташѣ и Верховцеву, который, вѣроятно, былъ уже здоровъ, и проѣхалъ мимо.

Больше и больше думая объ одномъ и томъ же, онъ не разъ вспоминалъ про послѣднее свиданіе на балконѣ, когда Наташа, дѣвушка откровенная и искренняя, говорила ему то, что совсѣмъ не

мирилось съ произшедшимъ; такъ и слышался дрожавшій, прерывавшійся отъ слезъ голосъ, говорившій ему: «Знайте, что я полюбила въ первый разъ и чувствую, что никогда никого, кромѣ васъ, не полюблю!»

Зачѣмъ она сказала ему это? Чтобы что-нибудь сказать?—нѣтъ, она не такая. Развѣ онъ старался вызвать ее на это признаніе?—ни мало, оно было совершенно неожиданно для него самого.

Строго провѣряя свои тогдашнія впечатлѣнія, онъ вспоминалъ, что какъ будто замѣтилъ у нея потомъ сознаніе опрометчивости сказаннаго, желаніе, когда онъ снова навелъ было разговоръ на эту тему, обойти необходимость повторенія высказаннаго. Но, вѣдь, не было сомнѣнія, все-таки, въ томъ, что это было ея искреннее чувство. Прямая и независимая дѣвушка, какою онъ ее всегда зналъ, вѣдь, не сдѣлала бы такого признанія для шутки или для того, чтобы порисоваться.

Какъ же все это такъ быстро прошло, куда улетучилось, изъза чего, по чьей винѣ?—конечно, не по его; онъ виноватъ развѣ только тѣмъ, что не поѣхалъ къ нимъ,—такъ какъ служба не позволяла,—и ничѣмъ другимъ.

Нѣтъ, виноватъ не онъ, а другой, и этотъ другой—*онъ!* Вѣдь, *онъ* зналъ объ ихъ отношеніяхъ? Владиміръ хорошо помнилъ, какъ самъ говорилъ Сергѣю, что Наташа нравится ему и что онъ хочетъ—не теперь, а современемъ—на ней жениться; значитъ, *онъ* сознательно сдѣлался ихъ разлучникомъ,—сознательно, обдуманно отнялъ у него, Владиміра Половцева, дѣвушку, бывшую товарищемъ его дѣтства и теперь считавшуюся его невѣстой.

Въ Петербургѣ самолюбіе Владиміра, вѣроятно, скоро нашло бы утѣшеніе: онъ перенесъ бы свое ухаживаніе и искательства на другую особу, благо многія загладывались на него, но здѣсь, при отсутствіи женскаго общества, постоянной работѣ воображенія и поддразниваніяхъ товарищей, ему представилось, что онъ лишился существа, страстно имъ любимаго, и что слова Наташи на балконѣ, а потомъ ея плачъ и поцѣлуй при разставаніи дали ему полное право и на сердце, и на руку ея,—право, которое онъ не очень-то былъ намѣренъ уступить другому.

Недавно, когда онъ видѣлся съ матерью, нарочно пріѣзжавшею въ Петербургъ съ Василіемъ Егоровичемъ для свиданія съ сыномъ во время его командировки курьеромъ, она много, съ участіемъ разспрашивала о Наташѣ, и теперь, въ послѣднемъ письмѣ, еще разъ спрашивая о ней, шутя высказывала подозрѣніе, что «дѣвушка похорошѣла тамъ и изъ-за нея, конечно, больше, чѣмъ

изъ-за турокъ, онъ не находитъ времени писать имъ, старикамъ». Замѣтно было, впрочемъ, въ письмѣ и серьезное безпокойство о томъ, какъ бы изъ-за привязанности къ Наташѣ онъ не отвлекался отъ своихъ прямыхъ обязанностей: «на все свое время», — замѣчала она. Милая мама! возможно ли такъ сильно ошибаться?

Какъ все это не ладно! — думалъ онъ. — Что она похорошѣла — это вѣрно, что мысли о ней часто отвлекаютъ его отъ дѣла — это тоже вѣрно, но при какихъ же обстоятельствахъ? Вѣдь, ему прописана чистая отставка и все дѣло улажено у него подъ носомъ такъ же ловко и гладко, какъ фокусникъ, не дотрогивающійся до платья, вынимаетъ изъ кармана кошелекъ или часы. И кто продѣлалъ съ нимъ эту штуку? — раздражался Володя, — его другъ, проповѣдникъ честности и справедливости, нелюдимъ и бука съ вида, но, очевидно, себѣ на умѣ, плутъ, въ душѣ».

Какъ будто чей-то голосъ заступался, однако, за Сергѣя въ мысляхъ Владиміра и говорилъ, что врядъ ли такое опредѣленіе вѣрно; кажется, напротивъ, поведеніе *его* было безупречно.

— Во-первыхъ, — спрашивалъ голосъ, — вполнѣ ли Володя увѣренъ въ томъ, что Наташа разлюбила его, если любила прежде и привязалась къ Сергѣю?

— О! въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія: и привязалась, и полюбила *его*, и уговорилась и, пожалуй, отдалась ему... Впрочемъ, нѣтъ, не такая она дѣвушка, чтобы сдѣлать послѣднее, но что она его, Владиміра, покинула, промѣняла — это вѣрно: выдавали и лицо ея, и разговоръ, и письмо Надежды Ивановны, сконфуженное, виноватое, съ поклономъ отъ Наташи, — конечно, вмѣсто *поклона*, было бы цѣлое изліяніе дѣвушки, еслибъ у нея было прежнее желаніе его видѣть и съ нимъ болтать. А, главное, ея глаза, такъ знакомые ему, они совсѣмъ не тѣ, что прежде, — они чужіе, безпощадно чужіе для него!

— Хорошо, — продолжалъ защиту тотъ же голосъ, — положимъ, что это вѣрно, — хотя ручаться въ такихъ вещахъ нельзя, — все-таки, названіе плута не подходитъ къ Сергѣю Верховцеву, не сдѣлавшему ничего безчестнаго. Можно думать, что Наташа понравилась ему уже давно, съ перваго знакомства — такъ? Да, Владиміръ это смутно чувствовалъ тогда и ясно сознавалъ теперь. *Онъ*, однако, Володя вѣрно помнитъ, ничѣмъ никогда не показалъ этого, велъ себя съ нею просто, безпритязательно, не рисовался, не интересничалъ, не завлекалъ. Какъ все это сдѣлалось, когда перемѣнилось? Да, съ этой раны, за которую *его* меньше всего можно было винить: она

свела его, безпомощнаго, умирающаго, съ Наташей, для того, вѣдь, поѣхавшею на театръ войны, чтобы ухаживать за ранеными; дѣвушка ходила за нимъ, выходила, выняньчила, подняла на ноги и привязалась къ нему. И кто же сдалъ *его* на руки своей «кузиночки», если не самъ онъ, Володя, когда, въ искренней заботѣ о другѣ, телеграфировалъ, просилъ «не пропустить, встрѣтить» раненаго, а значитъ и успокоить, пригрѣть своими участіемъ и заботами?

Верховцевъ все время неизмѣнно оставался настолько искреннимъ «букою», что, несмотря на его, Владиміра, многократныя напоминанія о пребываніи Наташи съ теткою здѣсь, при раненыхъ, о желаніи ихъ видѣть его, такъ-таки имъ не показался, не напомнилъ о себѣ. Значитъ, онъ, несмотря на то, что былъ уже къ ней неравнодушенъ, поступалъ съ полнымъ самообладаніемъ и уваженіемъ къ чувству друга, не дѣлалъ подвоха подъ него, не навязывалъ своей особы. Можно ли удивляться тому, что, чуть не воскрешенный отъ смерти Наталкою, онъ пересталъ дичиться ея и сошелся съ нею, — можетъ ли благоразумный человѣкъ удивляться, сердиться на это?

— Все это такъ,—подсказывалъ другой, обвинительный, раздраженный голосъ,—но, вѣдь, Сергѣй хорошо зналъ, что это онъ, Владиміръ, его другъ, послалъ ему свою невѣсту въ сестры милосердія,—какъ же могъ онъ дозволить себѣ, въ благодарность за эту услугу, лишать его этой дѣвушки?... Это низко, подло! Поступи такъ человѣкъ безъ правилъ, щеголь, искатель «bonnes fortunes» или выгодной женитьбы, вина была бы меньше,—что тутъ была вина, и очень серьезная, Владиміръ больше не сомнѣвался,—но сдѣлалъ это человѣкъ, гордящійся честными правилами, проводящій ихъ въ своихъ сочиненіяхъ.

Правда, оффиціальнаго предложенія съ его, Володиной, стороны Наташѣ не было, женихомъ ея онъ еще не состоялъ, но, въ виду того, что всѣмъ была извѣстна ихъ близость и что сама она передъ нимъ, какъ передъ мамою и другими, не скрывала своей привязанности, онъ не только можетъ, а долженъ заявить о себѣ и своихъ правахъ.

Онъ очень ошибается, если думаетъ, что дѣло кончится такъ, какъ оно стоитъ теперь, и что Владиміръ великодушно благословитъ ихъ согласіе и союзъ. Конечно, въ продолженіе кампаніи неудобно будетъ разрѣшить этотъ вопросъ, придется отложить его до окончанія войны, но, во всякомъ случаѣ, при первомъ же свиданіи, онъ выскажетъ Верховцеву то, что думаетъ о его поступкѣ, выскажетъ прямо безъ обиняковъ, а тамъ,—кровь бросилась ему въ голову,

при мысли о томъ, что, вѣроятно, будетъ затѣмъ,—тамъ видно будетъ!...

Владиміръ рѣшилъ воспользоваться первымъ же случаемъ возможности съѣздить въ штабъ, а оттуда, конечно, можно будетъ не надолго отлучиться въ отрядъ Скобелева, куда, какъ онъ полагалъ, Верховцевъ уже воротился.

Служба ординарца шла тѣмъ временемъ своимъ чередомъ. Половцевъ ходилъ съ отрядомъ, занимавшимъ Златицкій перевалъ, гдѣ провелъ убійственную ночь въ покинутомъ турецкомъ блокгаузѣ, биткомъ набитомъ солдатами. Первый разъ въ жизни испыталъ онъ здѣсь удовольствіе принять во всѣ складки своего бѣлья и платья извѣстную «сѣренькую солдатскую (животинку)».

Турокъ видѣли только издали, они покинули перевалъ безъ боя и Владиміру такъ-таки и не удалось попасть въ схватку, на что онъ надѣялся. Какъ ни жутко было бы принять участіе въ настоящей дракѣ, ему казалось совѣстнымъ хотя бы передъ тѣмъ же Верховцевымъ, котораго онъ такъ строго судилъ, воротиться домой, не понюхавши пороха вблизи, а, пожалуй, оно такъ и будетъ.

Одно сраженіе, въ которомъ, тоже издали, Половцевъ участвовалъ, было особенно картинно. Это—дѣло подъ Правцемъ, происходившее на горныхъ вершинахъ, въ облакахъ, освѣщенныхъ яркими розовыми лучами заходящаго солнца. Съ мѣста расположенія штаба хорошо была видна противуположная вершина и на ней турецкій отрядъ, готовившійся встрѣтить нашъ, посланный ему въ обходъ; всѣ офицеры наблюдали: вотъ показалось изъ-за скалъ нѣсколько солдатъ Семеновскаго полка... еще и еще... вотъ весь отрядъ нашъ съ крикомъ «ура» бросился на турокъ, которые не выдержали, сначала попятились, потомъ побѣжали внизъ по горѣ, наши за ними... Въ это время поднявшіяся облака окружили сражающихся радужнымъ отъ свѣта заходящаго солнца кольцомъ, такъ что вся сцена представила чисто-театральную, феерическую картину.

Штабъ отряда перешелъ скоро послѣ этого въ городъ Орханіе, расположенный передъ входомъ въ балканскій проходъ, откуда турецкая армія, послѣ правецкаго сраженія, отступила такъ стремительно, что оставила въ нашихъ рукахъ много разныхъ запасовъ, начиная отъ сухарей и кончая хининомъ; кстати, этого послѣдняго у насъ почти не было, и если бы не «Красный Крестъ», понемногу снабдившій имъ армейскіе госпитали, нечѣмъ было бы лечить массу лихорадочныхъ больныхъ арміи.

Наконецъ, среди установившейся уже зимы пришло извѣстіе о сдачѣ Плевны.

Половцевъ узналъ, что Скобелевъ назначенъ комендантомъ города, значитъ, *онъ* въ Плевнѣ и тамъ можно будетъ перехватить *его* и съ глазу на глазъ переговорить о дѣлѣ.

Какъ разъ начальникъ штаба отряда объявилъ Владиміру, что онъ ѣдетъ въ большой штабъ съ донесеніемъ о положеніи дѣлъ, пусть онъ приготовляется, его пошлютъ, лишь только будутъ собраны по отряду необходимыя для доклада свѣдѣнія.

Получивши, наконецъ, бумаги и кое-какія устныя порученія къ начальству, Половцевъ выѣхалъ съ козакомъ, позабывшимъ подковать лошадей на острые шипы, что, въ виду наступившей гололедки, до крайности затрудняло ѣзду. Вдобавокъ, будучи занятъ большую часть послѣдняго времени мыслями о скоромъ свиданіи и объясненіи съ своимъ бывшимъ пріятелемъ,—причемъ даже придумывалось, что̀ и какъ скажется, что получится въ отвѣтъ,—онъ совсѣмъ позабылъ о бѣдномъ, ни въ чемъ неповинномъ желудкѣ. Вышло, что въ дорожной сумкѣ оказалось немного сахару, но совсѣмъ не было чая, затѣмъ была связка баранокъ, бутылка водки и только. По дорогѣ удавалось доставать и кое-гдѣ ставить самоваръ или чайникъ и пить горячую сахарную воду, но раздобыть чего-либо съѣстного на этомъ выгоданномъ пути оказалось рѣшительно невозможно. Съ другой стороны, въ грустныхъ мысляхъ о разныхъ недочетахъ положенія недостатка не было, и Половцевъ думалъ, думалъ дорогой безъ конца...

За эту командировку въ горы, въ продолженіе которой на глазахъ его совершилось столько интереснаго, Владиміръ болѣе чѣмъ когда-нибудь пожалѣлъ о томъ, что не прошелъ курса академіи генеральнаго штаба; конечно, тогда все имъ видѣнное не только дало бы пищу его наблюдательности, но и повело бы къ болѣе прямымъ и практическимъ результатамъ по службѣ: и самъ онъ заинтересовался бы болѣе, и другихъ сильнѣе съумѣлъ бы теперь заинтересовать своимъ личнымъ докладомъ, неизбѣжно поверхностнымъ при настоящихъ условіяхъ.

«Вѣроятно, — приходило ему въ голову, въ хорошія минуты раздумья,—если бы я былъ болѣе приготовленъ къ дѣлу, все кругомъ происходящее заставило бы меня забыть тотъ вздоръ, который наполняетъ теперь голову, всю эту нелѣпую ревность и пошлыя мечты о мщеніи, ближайшій результатъ которыхъ тотъ, что службу я люблю, а служить какъ слѣдуетъ не могу».

Впрочемъ, такихъ свѣтлыхъ минутъ размышленія было немного; образъ Наташи, все-таки, не покидалъ головы Владиміра и досада на случившееся не давала покоя. Дѣло сложилось, въ концѣ-кон-

цовъ, какъ-то такъ, что вся эта досада перешла на одного Верховцева, почти выгородивши и все еще милую Наташу, и не менѣе дорогую свою собственную, полную самолюбія, личность.

А самолюбія Володѣ Половцеву не занимать было стать,—и въ корпусѣ, и на службѣ, оно почти всевластно направляло всѣ его мысли и поступки. Хорошее поведеніе, хорошій фронтъ, порядочные успѣхи въ наукахъ,—все достигалось почти безсознательно изъ-за желанія не отстать отъ однихъ, если возможно, опередить другихъ. Когда, въ 17 лѣтъ, по окончаніи курса въ корпусѣ, пришлось выбирать направленіе для карьеры, когда и отецъ, и графъ А., и собственный здравый смыслъ стояли за приготовленіе къ поступленію въ академію генеральнаго штаба, одно самолюбіе оказалось противъ,—самолюбіе сначала аристократа-кадета, потомъ блестящаго офицера, полнаго свѣтскихъ успѣховъ, передъ болѣе обойденными внѣшностью, но, можетъ быть, болѣе одаренными духовно, товарищами.

Казалось, вся практика военной жизни послѣдняго времени указывала на то, что и въ военной службѣ «претерпѣвый до конца спасенъ будетъ», то-есть доучившійся не будетъ «произведенъ въ генералъ-майоры съ мундиромъ и пенсіономъ по положенію».

Одинъ изъ бывшихъ товарищей Владиміра, срѣзавшійся на экзаменѣ въ академію, на вопросъ Половцева о томъ, зачѣмъ онъ, все-таки, хочетъ поступить въ нее, пренаивно отвѣтилъ: «И генеральство, братецъ мой, не будетъ такъ страшно, и при женитьбѣ, смотришь, десятокъ тысячъ набросятъ на эксельбанты».

Владиміръ былъ выше этихъ маленькихъ разсчетцевъ, но самолюбіе его возмущалось при мысли о необходимости напрашиваться на роль «послѣдняго въ городѣ», когда онъ былъ уже «первымъ въ деревнѣ»; иными словами, ему очень не хотѣлось тянуть лямку въ числѣ плохихъ учениковъ академіи, въ то время, какъ онъ уже буквально блисталъ въ кругу золотой военной молодежи петербургскаго свѣта.

«Успѣхъ въ обществѣ, при исправной службѣ въ полку, дастъ мнѣ не менѣе того, что принесло бы долбленіе», — повторилъ онъ себѣ выслушанную у богатаго лѣнтяя фразу и, выставивъ благовидные предлоги отцу и графу А., не желавшимъ его принуждать, покинулъ мысль о приготовленіи къ продолженію ученія и остался въ Преображенскомъ полку, гдѣ вскорѣ эксельбантъ полкового адъютанта замѣнилъ таковое же украшеніе генеральнаго штаба,—замѣнилъ, не замѣнивъ.

Владиміръ скоро замѣтилъ фальшивость своего разсужденія и

ошибочность сдѣланнаго, чѣмъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе казнился. Въ походѣ, напримѣръ, служба, состоявшая исключительно въ разъѣздахъ, мало улыбалась ему, такъ какъ онъ не могъ не замѣтить, что другіе осматривали, докладывали, рѣшали, онъ же съ товарищами только развозилъ эти доклады и рѣшенія и не было надежды, чтобы даже въ будущемъ порядокъ этотъ измѣнился. Самолюбіе его рѣдко было такъ уязвлено, какъ теперь, отвѣтомъ начальника штаба на его вызовъ объѣхать части отряда и добыть нужныя для доклада свѣдѣнія, — «что для этого нуженъ офицеръ генеральнаго штаба», — очевидно, оставалось надѣяться только на исправность по службѣ и, главное, на протекцію.

Какъ ни хотѣлось Владиміру свернуть, хоть не надолго, въ Плевну, сознаніе обязанности взяло верхъ и онъ, миновавъ городъ, направился въ мѣсто расположенія штаба своего начальника. Тутъ пришлось прослушать массу разсказовъ о событіяхъ послѣдняго времени: тотъ сдѣлалъ то-то, ѣздивши туда-то; этотъ — другое. Одинъ давно уже предсказывалъ то, что потомъ сбылось, но его не хотѣли слушать; другой доказывалъ, какъ дважды-два—четыре, что если бы сдѣлано было по его, то результатъ наступилъ бы скорѣе, былъ бы лучше, полнѣе,—всего не перечтешь и все надобно было выслушать со вниманіемъ, чтобы не обидѣть говорившихъ. Всякій слушалъ другого разсѣянно, лишь дожидаясь возможности снова самому разсказывать. Для приличія, какъ бы изъ снисхожденія, спрашивали и Володю о видѣнномъ имъ, но такъ какъ онъ былъ не особенно разговорчивъ, то охотно снова переходили къ нашпигованію его своими новостями.

Сейчасъ же побывать, хоть не надолго, въ Плевнѣ, какъ разсчитывалъ Половцевъ, не удалось потому, что его послали для личнаго доклада о положеніи дѣлъ въ Балканахъ. Это взяло еще два дня. Когда, наконецъ, онъ урвался съѣздить въ городъ, оказалось, что генералъ Скобелевъ и всѣ при немъ состоявшіе выѣхали по направленію къ Тырнову и Габрову для обхода, какъ говорили конфиденціально, турецкихъ шипкинскихъ позицій.

Незадача эта непріятна была Владиміру уже по одному тому, что кошмаръ нехорошаго чувства къ Верховцеву, долженствовавшій такъ или иначе разрѣшиться, затягиваясь, просто отравлялъ ему жизнь.

«Бросить все это, плюнуть какъ на вздоръ,— мелькнула было мысль въ головѣ его, но не удержалась. — Игра отложена, но не проиграна, и ужь во всякомъ случаѣ не кончена!» — рѣшилъ онъ самъ съ собою и пока воспользовался случаемъ пребыванія въ Плев-

нѣ для того, чтобы осмотрѣть прославленныя послѣдними событіями мѣста, а раньше всего поле битвы, на которомъ послѣдній ударъ турокъ разбился о нашъ гренадерскій корпусъ.

Всюду лежалъ снѣгъ. По дорогѣ къ рѣкѣ Виду Владиміра поразила масса валявшихся ружей; десятки тысячъ ихъ грудами торчали изъ-подъ снѣга, и никто не заботился о томъ, чтобы прибрать ихъ. Тутъ же были разсыпаны патроны сотнями тысячъ, и въ ящикахъ, и отдѣльными грудками, постоянно взрывавшіеся подъ колесами повозокъ и орудій отрядовъ, шедшихъ на подкрѣпленіе балканскихъ войскъ.

Наши убитые были уже унесены съ поля битвы, но турокъ валялось еще множество.

Особенно поразилъ Володю одинъ молодой турецкій кавалеристъ, лежавшій, широко рескинувшись, рядомъ со своею лошадью. Видно, умирая, воинъ не забылъ своего вѣрнаго друга: въ послѣднюю минуту нѣжно обнялъ его шею, да такъ оба и застыли.

На возвышенномъ мѣстѣ поля, на которомъ во время боя стояла наша артиллерія, случившійся солдатъ-артиллеристъ разсказалъ, какъ на его глазахъ турки сначала лѣзли, потомъ бѣжали назадъ; наивно и живо представилъ онъ свое незавидное положеніе, когда, стоя у орудія и зная, что прикрытія по какому-то случаю не было, приходилось ждать, что вотъ-вотъ всѣхъ ихъ переколютъ; нѣсколько нашихъ картечныхъ выстрѣловъ не помогли и турки насѣдали уже совсѣмъ близко. «Такъ и вижу, — разсказывалъ солдатъ, — турецкаго офицера, что бѣжалъ впереди; изъ себя пожилой, рыжебородый, бѣжитъ да все твердитъ въ тактъ: алла, алла! Тоже и солдаты за нимъ, эдакъ всякій полегоньку реветъ: алла, алла! Которые какъ если и упадутъ отъ нашихъ выстрѣловъ, а другіе не останавливаются, все бѣгутъ да ревутъ... Вижу потомъ, этотъ офицеръ ужь лѣзетъ на нашу орудію тутъ мы поворотили и назадъ къ своимъ, а они наши пушки захватили, да по нашимъ и давай стрѣлять. Только не долго было ихняго верха,—глядимъ, бѣгутъ назадъ, а наши тутъ ихъ въ догонку... все поле покрыли».

Плѣнные уже были отправлены въ Россію, и Владиміръ встрѣтилъ лишь послѣднія партіи этого несчастнаго, обезсиленнаго долгою осадой народа, въ промерзшихъ одеждахъ, голоднаго, въ большинствѣ больного, отправлявшагося, при сильныхъ морозахъ, въ далекую ссылку. Половцевъ понималъ, что чувство жалости должно было молчать тутъ, такъ какъ не только не уводить, но и просто согрѣть и до сыта накормить ихъ не было возможности.

Дорога, по которой шли плѣнные, представляла нѣчто ори-

пальное въ своемъ родѣ: на всемъ протяженіи ея и по сторонамъ, пока видно было глазу, десятками валялись замерзшія и еще замерзавшія тѣла. Тамъ, гдѣ партіи останавливались, отдыхали или почевали, десятки смѣнялись сотнями.

Самая дорога, казалось, была вымощена трупами: повозки, не имѣя возможности объѣзжать множество попадавшихся тѣлъ, переѣзжая черезъ нихъ, втискивали часто еще не умершихъ людей въ снѣгъ и, конечно, никому въ голову не приходило портить дорогу, дѣлать выбоины, вытаскивая изъ колей этотъ своеобразный щебень.

Кое-гдѣ торчали части головы, спины, рукъ или ногъ, по которымъ было видно, что весь путь представлялъ одно сплошное кладбище.

Никто, конечно, не обращалъ на это вниманія,—не до того было,—только къ не совсѣмъ замерзшимъ еще туркамъ, порывавшимся двигать кто ногой, кто рукой и издававшимъ какіе-то неясные звуки, чтобы обратить на себя вниманіе, солдатики, что проходили мимо, торопясь догонять свои отряды, обращались, не уменьшая шага, съ отеческими увѣщаніями быть впредь умнѣе: «Вотъ и знай, братъ, турка, каково воевать-то съ нами,—наставительно говорили они,—и дѣтямъ, и внукамъ закажи!»

Надобно было думать, однако, что тѣмъ, къ кому относились эти внушенія, было не до наказовъ дѣтямъ и внукамъ, по крайней мѣрѣ, въ этой жизни.

Потомъ Владиміръ поѣхалъ посмотрѣть нѣкоторые изъ турецкихъ редутовъ, и, прежде всего, тотъ, что былъ занятъ Скобелевымъ, такъ и называвшійся Скобелевскимъ. Около него ранили браваго Верховцева.

Свернувъ съ дороги вправо, чтобы подняться на высоту, Половцевъ наѣхалъ на цѣлое море труповъ или, вѣрнѣе, скелетовъ нашихъ солдатъ, павшихъ въ августѣ и не подобранныхъ, такъ какъ мѣста эти были подъ выстрѣлами турокъ. Обобранные непріятелемъ, фигуры солдатиковъ валялись въ разныхъ позахъ, какъ бросили снимавшіе съ нихъ сапоги и платья ихъ турки. Только обрывки ситцевыхъ и холщевыхъ рубахъ уцѣлѣли на нѣкоторыхъ, вѣроятно, потому, что были такъ разорваны, пропитаны кровью, что ихъ не стоило снимать; кожи на костяхъ, по большей части, не было, но связки костей уцѣлѣли, почему скелеты представляли самыя невѣроятныя фигуры, то скорченныя, то развалившіяся съ широко раскинутыми руками и ногами. Нѣкоторые держали руку надъ головою съ указательнымъ пальцемъ, направленнымъ къ небу,

причемъ глаза, т.-е. глазныя впадины черепа, чернѣли на проходящаго такъ внушительно, что становилось жутко.

— Мати Божія!—процѣдилъ козакъ и сплюнулъ отъ зловонія, все еще стоявшаго въ воздухѣ надъ этимъ своеобразнымъ кладбищемъ.

«Урожай будетъ хорошъ на этомъ мѣстѣ! — подумалъ Владиміръ, оглядывая все кукурузное поле, съ кое-гдѣ торчавшими пнями срубленныхъ деревьевъ, покрытое этимъ оригинальнымъ удобреніемъ.

Скобелевъ занялъ тогда не самый большой редутъ Кришинскій, чернѣвшій недалеко отсюда, а боковой, на обрывѣ всей высоты, расположенной прямо надъ городомъ, и только собирался аттаковать Кришинъ, но за недостаткомъ силъ долженъ былъ и оставить это намѣреніе, и уступить прежде занятое укрѣпленіе.

Тутъ только правильно понялъ Владиміръ критику дѣйствій Скобелева за эти дни, слышанную имъ отъ офицеровъ генеральнаго штаба, прежде казавшуюся совершенно неосновательною. «Зачѣмъ онъ аттаковалъ и взялъ сначала малый редутъ, а не пошелъ прямо на Кришинъ?—говорили они.—Вѣдь, немыслимо было держаться въ немъ, такъ какъ турки засыпали его снарядами съ рядомъ и выше его расположеннаго большого редута. Къ тому же, показавши свое намѣреніе и давши непріятелю приготовиться, онъ позже-то не взялъ бы, вѣроятно, вторую турецкую твердыню даже и съ подкрѣпленіями».

Владиміру показалась, однако, эта критика слишкомъ теоретическою: въ битвѣ,—думалось ему,—дѣлаютъ не всегда то, что должно, а и то, что возможно. Аттаковать такой страшный редутъ, какъ Кришинскій, было бы, пожалуй, не резонно съ небольшими сравнительно силами, да, кромѣ того, если занятое укрѣпленіе, вѣрнѣе, два, будучи ниже Кришинскаго, дѣйствительно, легко обстрѣливались съ него, то, въ свою очередь, и сами могли обсыпать снарядами весь городъ Плевну.

Словомъ, впечатлѣнія Владиміра были болѣе за Скобелева и за цѣлесообразность его дѣйствій, причемъ не выходилъ у него изъ головы отказъ центра помочь ему въ памятный день, послѣ общаго штурма.

Бывшее расположеніе и всѣ тогдашнія дѣйствія войскъ разсказывали любопытствовавшему офицеру два солдата, бродившіе тутъ при его пріѣздѣ. Особенно хвалили они начальника штаба Скобелева, полковника Перепелкина, а на вопросъ о Верховцевѣ отвѣ-

тили: «Знаемъ, это штатскій, что при немъ,—молодецъ, чуть было не убили».

Солдатики, оставшись въ городѣ за разными хозяйственными полковыми надобностями, должны были скоро догонять свой отрядъ, выступившій къ горамъ, и покамѣстъ пришли разыскивать между мертвыми своего товарища-земляка, но такъ и не нашли его.

— Посгнивали всѣ ребята-то, какъ ихъ разберешь?—объяснялъ одинъ, доводившійся родственникомъ убитому.—По рубахѣ только и смотрѣли,—знали, значитъ, какая на ёмъ была рубаха,—такъ много такихъ рубахъ нашли, а глазъ ни у котораго нѣтъ; скалятъ всѣ на тебя зубы, не разберешь кой нашъ-то будетъ!

Солдаты объяснили, что еще на-дняхъ были на молебнѣ, отслуженномъ генераломъ Скобелевымъ на этомъ редутѣ, причемъ генералъ будто бы горько плакалъ «вотъ надъ этою самою канавкой».

— Какая же это канавка?—переспросилъ Половцевъ, слѣдя за едва замѣтнымъ продольнымъ углубленіемъ, обращеннымъ къ сторонѣ Кришинскаго редута.

— Это... это траншея. Какъ наши пошли,— объяснилъ солдатъ, — такъ шанцевый струментъ побросали, для легкости, значитъ. Ну, когда турка сталъ осиливать, пришлось обороняться траншеей, а копать-то не чѣмъ, вотъ и стали рыть штыками да горстями, небось не много нарыли, всѣхъ тутъ перекололи турки, вмѣстѣ съ начальствомъ...

Около большихъ редутовъ, посѣщенныхъ затѣмъ Половцевымъ, опять бросилось въ глаза множество неразорванныхъ гранатъ изъ нашихъ осадныхъ орудій, каждый выстрѣлъ изъ которыхъ, какъ говорили, стоитъ около полутораста рублей; нѣкоторые изъ этихъ страшныхъ заостренныхъ чугунныхъ цилиндровъ лежали даже не зарывшись въ землю, цѣльными, очевидно, въ приготовленіи ихъ были какіе-нибудь недочеты.

Уже подъ вечеръ, возвращаясь въ городъ, Владиміръ наткнулся на новое «поле мертвыхъ»; на этотъ разъ трупы были не обобраны, въ платьяхъ, тѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе массы мертвецовъ, къ оголившимся костямъ которыхъ одежды прилегали плотно, какъ къ палкамъ.

Видъ этихъ тысячъ погибшихъ жизней произвелъ на Володю такое дѣйствіе, что ему стало совѣстно за призракъ собственной непріятности, раздутой воображеніемъ до степени горя,—клинъ дѣйствительнаго несчастія вышибалъ клинъ дѣланнаго, напускного.

Возвращаясь, онъ сталъ подумывать о томъ, что, въ сущности, большой бѣды нѣтъ и ничего не потеряно отъ того, что Наташа до-

была себѣ жениха помимо его,—мало ли дѣвушекъ безъ нея? Пусть она выходитъ за него, пусть они будутъ счастливы, довольно онъ портилъ себѣ здоровья изъ-за этого.

Въ прямое, однако, противорѣчіе такому добродушному направленію мыслей, когда ему передали въ штабѣ письмо отъ Надежды Ивановны, увѣдомлявшей о переѣздѣ въ Габрово, онъ вспыхнулъ и сказалъ себѣ: «понимаю, для того, чтобы быть поближе къ *нему*», и рѣшилъ, что, все-таки, дѣло это нельзя такъ оставить, слишкомъ ужь оно обидно,—необходимо одинъ-на-одинъ переговорить о немъ съ Верховцевымъ.

VIII.

Скобелевъ былъ нервенъ наканунѣ шейновскаго боя, но въ самый день битвы нѣсколько успокоился.

Наканунѣ его мучило сознаніе того, что, не успѣвши спустить съ горъ свои полки, онъ не могъ аттаковать турокъ и поддержать другой отрядъ, отъ самаго утра съ боемъ приближавшійся къ турецкому лагерю съ противуположной стороны. Какъ военный въ душѣ, онъ чувствовалъ, что долженъ былъ спѣшить на выстрѣлы—и не могъ, потому что, несмотря на самыя настойчивыя приказанія, не спустилось еще и половины всего войска.

Въ этотъ самый день потерявши своего начальника штаба и друга, онъ, не привыкнувъ еще къ занявшему это мѣсто офицеру, часто отводилъ Верховцева въ сторону съ разными наивными вопросами: «Ну, что, какъ вы думаете, дѣло идетъ ладно? Какъ вамъ кажется, есть порядокъ? Я знаю, меня будутъ винить, укорять за то, что я не аттакую сегодня—пусть! Я подамъ въ отставку,—мнѣ все равно! Какъ вы думаете, слѣдовало, все-таки, аттаковать, а? Да, скажите же откровенно!»

Верховцевъ успокоивалъ пылавшаго генерала увѣреніемъ, что идти на укрѣпленную позицію съ огромнымъ лагеремъ рядомъ—просто немыслимо при двухъ полкахъ наличныхъ силъ; что онъ поступилъ только благоразумно, такъ какъ, по всей вѣроятности, былъ бы отбитъ и тогда испортилъ бы дѣло... «Дождетесь завтрашняго дня и аттакуете со всѣми силами»...

Этотъ день наступилъ. Утро стояло довольно туманное, догорали костры, зажженные вчера вечеромъ для того, чтобы скрыть отходъ нашихъ войскъ на ночь. То тамъ, то сямъ раздавались въ долинѣ одиночные ружейные выстрѣлы, а на Шипкѣ и пушечные.

Балканы были на половину въ облакахъ и выстрѣлы отт[illegible]да

производили оригинальный, театральный эффектъ. Вся знаменитая «долина розъ» была подъ снѣгомъ, снѣгъ стоялъ на деревьяхъ, на горахъ, снѣгъ же слышался и въ воздухѣ.

Верховцевъ, плохо выспавшійся въ эту ночь въ грязной, полной блохъ избенкѣ деревни Иметли, былъ со своимъ пріятелемъ Тарановымъ впереди, передъ непріятельскою позиціей, откуда посылалъ генералу донесенія обо всемъ замѣченномъ, когда козакъ привезъ имъ приказаніе «отойти назадъ, такъ какъ сейчасъ начнется сраженіе».

Войска стали надвигаться и подскакавшій Скобелевъ, сойдя съ лошади, принялся осматривать въ бинокль шейновскія укрѣпленія.

Съ нимъ было двое ординарцевъ; присоединились Верховцевъ съ Тарановымъ и козакъ съ неизбѣжнымъ генеральскимъ значкомъ, порядочно истрепаннымъ ветераномъ всѣхъ туркестанскихъ битвъ, въ которыхъ Скобелевъ принималъ участіе.

Турки тотчасъ начали стрѣлять изъ орудій по генеральской группѣ, и такъ мѣтко, что нѣсколько гранатъ разорвало совсѣмъ близко.

— Да разойдитесь вы, дураки!—сердито крикнулъ Михаилъ Дмитріевичъ на козаковъ-деньщиковъ, жавшихся къ нему съ лошадями своихъ офицеровъ.—Вѣдь, перебьютъ васъ всѣхъ!

Войска подходили стройно, съ музыкою, съ развернутыми знаменами. Видимо, общій духъ солдатъ и офицеровъ былъ веселый, праздничный.

Сергѣй, нѣсколько разъ ѣздившій съ приказаніями генерала, мимоходомъ любовался на поле битвы: такихъ стройныхъ движеній войскъ, шедшихъ на встрѣчу непріятелю, какъ на прогулку или пирушку, онъ еще не видывалъ до сихъ поръ даже и у Скобелева.

Лѣвый флангъ нашъ, состоявшій изъ стрѣлковъ и болгарскихъ дружинъ, пошелъ въ аттаку на правый флангъ Шейновской позиціи. Скобелевъ внимательно слѣдилъ въ бинокль за аттакующими; широко разставивъ ноги и откинувъ ножны сабли, онъ такъ и впился глазами въ мѣсто дѣйствія.

Резервовъ у аттакующихъ не было или, вѣрнѣе, во избѣжаніе потерь, они были расположены далеко; и отъ этого вышло что-то нелѣпое: солдаты пошли дружно, оттѣснили сначала турокъ, но... непріятеля было много и подкрѣпленія изъ рядомъ расположеннаго лагеря подходили къ нему быстро, а наши какъ оглянулись да увидѣли, что «сикурса» нѣтъ, такъ и не выдержали, дрогнули...

Сергѣй, стоявшій близъ Скобелева, глазамъ своимъ не вѣрилъ:

вотъ наши начали пятиться, все еще стрѣляя и продолжая кричать «ура!»... Множество раненыхъ возвращаются сначала одиночно, потомъ группами; вотъ какъ будто вся линія наша подалась назадъ и уже не раненые только, а всѣ повернули домой... вотъ бѣгутъ...

— Ваше превосходительство, наши, вѣдь, отбиты,— тихо замѣтилъ онъ генералу.

— Это бываетъ,—отвѣтилъ тотъ спокойно, не отнимая бинокля отъ глазъ.—Позовите сюда Пашутина съ полкомъ, а потомъ съѣздите на лѣвый флангъ, узнайте, что тамъ случилось, почему отошли?

Когда устюжане подошли, генералъ сказалъ полковому командиру: «Съ Богомъ!»

Полковникъ снялъ фуражку и перекрестился, то же сдѣлалъ весь полкъ и подъ музыку двинулся впередъ.

— Если Пашутина отобьютъ,—сказалъ Скобелевъ стоявшему за нимъ ординарцу,—я самъ поведу войска.

По обыкновенію, генералъ потребовалъ музыкантовъ.

— Жидовъ сюда!—и ставшая около него музыка Владимірскаго полка,—вмѣстѣ съ суздальцами они больше всѣхъ пострадали подъ Плевною и были этотъ день въ резервѣ,—огласила окрестность звуками традиціонныхъ «Боже, Царя храни», «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ» и разныхъ бойкихъ маршевъ.

Устюжскій полкъ шелъ хорошо, какъ на ученьѣ: то быстро двигаясь впередъ, то, по командѣ, припадая къ землѣ для отдыха. Передъ самыми турецкими траншеями полковой командиръ—высокій, тучный и голосистый—изобразилъ изъ себя картинку: взялъ знамя въ руки и съ крикомъ «ура», бѣгомъ, повелъ войска на штурмъ.

Тоже стройно, тоже подъ музыку прошли мимо генерала костромичи, въ поддержку устюжанамъ. Поздоровавшись съ полкомъ, Скобелевъ сказалъ и имъ: «Съ Богомъ!»

Побѣда, видимо, начала склоняться на нашу сторону, наступавшіе полки скрылись изъ глазъ: очевидно было, что они завладѣли непріятельскими укрѣпленіями и вошли въ сады, окружавшіе деревню Шейново.

Скобелеву привезли неуклюже-посаженнаго на лошадь плѣннаго пѣхотнаго турецкаго офицера, блѣднаго, перепуганнаго, вѣроятно, ожидавшаго, что вотъ-вотъ его сейчасъ убьютъ. Онъ нѣсколько разъ приложилъ руку ко лбу передъ генераломъ и быстро заговорилъ на своемъ гортанномъ языкѣ, что «дѣло ихъ окончательно проиграно, русскіе вездѣ одолѣли».

Пока офицеры разсматривали плѣннаго, подъѣхалъ еще козакъ съ лѣваго фланга и что-то сообщилъ генералу.

— Гдѣ онъ теперь?—спросилъ Скобелевъ.

— Ихъ понесли съ перевязочнаго пункта въ деревню Иметли, ваше превосходительство; полковникъ приказали доложить вашему превосходительству.

— Верховцевъ опять раненъ,—обратился генералъ къ стоявшему около него ординарцу Коробчевскому, и голосъ его какъ будто дрогнулъ.—Съѣздите на дорогу къ Иметли и узнайте, что съ нимъ. Вечеромъ, когда дѣло кончится, я пріѣду провѣдать!—крикнулъ онъ въ догонку.

Со стороны Шейнова маршъ-маршемъ прискакалъ еще козакъ со словами:

— Ваше превосходительство, турки выкинули бѣлый флагъ!

Тотчасъ же Скобелевъ и всѣ при немъ бывшіе вскочили на лошадей и понеслись въ деревню, а оттуда влѣво, къ сторонѣ расположенія турецкаго лагеря, гдѣ передъ небольшою землянкой, окруженный громадною толпой офицеровъ, ждалъ его грустный и сумрачный Вессель-паша, главный начальникъ сдавшейся турецкой шипкинской арміи.

Верховцева, между тѣмъ, несли въ деревню; онъ былъ съ закрытыми глазами, повидимому, въ забытьи; но когда догнавшій его ординарецъ заговорилъ съ сопровождавшимъ носилки молодымъ стрѣлковымъ офицеромъ о томъ, куда лучше направить его, раненый открылъ глаза и выразилъ желаніе быть перенесеннымъ прямо въ Габрово, въ госпиталь.

Офицеры удивленно переглянулись; Коробчевскій замѣтилъ, что это будетъ трудно, такъ какъ придется нести черезъ Балканы, по дорогѣ, по которой еще продолжаютъ спускаться орудія, вьюки и повозки. Но Сергѣй повторилъ просьбу не класть его въ грязную избу, а сдать прямо въ госпиталь. Онъ извинился за трудъ, который налагалъ на носильщиковъ, обѣщалъ хорошо заплатить имъ и дружески просилъ котораго-нибудь изъ офицеровъ не оставить его.

— Куда онъ раненъ?—тихо спросилъ Коробчевскій санитара.

— Не могимъ знать, ваше высокоблагородіе, должно, въ животъ.

— Ужь, право, не знаю, какъ быть, — продолжалъ перешептываться съ офицеромъ Коробчевскій,—вѣдь, Михаилъ Дмитріевичъ хотѣлъ навѣдаться вечеромъ.

— Что такое, въ чемъ затрудненіе?—раздраженно протянулъ

раненый, неподвижно лежавшій на спинѣ и понимавшій, что рѣчь идетъ о немъ.

— Ничего,—отвѣтилъ поспѣшно стрѣлковый офицерикъ,—говоримъ, трудновато будетъ нести, но я попробую...

— Пожалуйста, сдѣлайте все, что возможно,—выговорилъ Сергѣй, ухватившійся за мысль хоть передъ смертью увидѣть Наташу въ Габровѣ, куда она съ теткой переѣхала. «Если я могу еще жить, то, конечно, она скорѣе, чѣмъ кто бы то ни было, возвратитъ мнѣ здоровье»,—подумалъ онъ, и появленіе дѣвушки надъ его кроватью въ Бухарестѣ, съ зеленою вѣточкой въ рукахъ, будто символомъ выздоровленія и счастія, мелькнуло въ его головѣ. «Теперь,—подумалъ онъ,—коли я выздоровѣю, Наташу въ охапку и домой, въ Россію—баста! Довольно воевать, пора за перо!»

Исполняя приказаніе генерала, Верховцевъ поскакалъ на лѣвый флангъ и, охваченный волной отступавшихъ солдатъ, пробовалъ кричать: «Стой, стой!»—но никто его не слушалъ. «Да, какъ же, стой самъ!»—проговорилъ солдатскій голосъ и потерялся въ общемъ шумѣ. Онъ обратился къ какому-то молодому офицеру, отходившему съ саблей на-голо, но тотъ прошмыгнулъ мимо, даже не поднявъ на него глазъ.

Другой, должно быть, уже самъ пробовавшій останавливать солдатъ, сначала ничего не отвѣчая, тоже миновалъ было, но потомъ, вдругъ остановясь, досадливо выкрикнулъ совершенно охрипшимъ голосомъ:

— Что вы съ этими подлецами подѣлаете!

Верховцевъ увидѣлъ невдалекѣ храбраго командира стрѣлковъ, барона Келлера-Ковельскаго, собиравшаго отступавшія разрозненныя части для новаго наступленія, и только что повернулъ къ нему лошадь съ намѣреніемъ передать вопросъ генерала, какъ схватился за животъ. Сопровождавшій его осетинъ видѣлъ, что «баринъ» что-то сначала покривился на сѣдлѣ, потомъ вздрогнулъ, повалился на шею лошади и, тихо перевернувшись, свалился съ нея.

Его подняли, положили на носилки, и молоденькій стрѣлковый офицеръ, не разъ видѣвшій этого волонтера съ крестомъ около генерала и въ разъѣздахъ съ порученіями, озаботился доставить раненаго на перевязочный пунктъ.

Точно горячимъ чѣмъ-то ударило Сергѣя по животу, но боли онъ не почувствовалъ. Затѣмъ еще ударъ въ голову,—этотъ разъ будто обухомъ топора,—и онъ почувствовалъ, что все окружающее пропадаетъ у него изъ глазъ. Несмотря на сознательное желаніе

удержаться на сѣдлѣ, онъ понялъ, что это невозможно: невольно выпустивъ изъ рукъ поводъ, онъ ударился о землю и на минуту потерялъ сознаніе.

«Кажется, я живъ»,—подумалъ онъ вслѣдъ затѣмъ, смутно сознавая и свое паденіе, и безпомощное желаніе освободиться отъ чего-то, дергавшаго его по землѣ. Кто-то остановилъ его лошадь и выпуталъ ногу изъ стремени, въ которомъ она запуталась.

Какъ въ туманѣ услышалъ онъ надъ собою вопросъ:

— Убитъ?—голосъ чей-то начальническій, знакомый, будто барона Ковельскаго,—подумалъ Сергѣй, но не могъ поднять глазъ.

— Никакъ нѣтъ! Ранены, должно быть,—отвѣтилъ другой голосъ. «Мой осетинъ»,—узналъ раненый.

Тотъ же голосъ начальника выговорилъ быстро:

— Вы съ нимъ? Смотрите же, позаботьтесь! Поручаю его вашему вниманію, скажете мнѣ потомъ, какъ вы распорядились...

Сергѣй слышалъ и сознавалъ, какъ подошли санитары и завозились съ укладываніемъ его на носилки, причемъ перепихивались и переговаривались: «Да бери же! Чего сталъ? Иди, што ли!»—какъ понесли его, стараясь попасть въ ногу.

Сначала онъ не чувствовалъ никакой боли, но только до тѣхъ поръ, пока не начали его встряхивать, а это случилось тотчасъ же, какъ несшіе вступили въ сферу орудійнаго огня, направленнаго по резервамъ: каждая граната, рвавшаяся вблизи, заставляла людей останавливаться, бросаться въ сторону, сбиваться съ шага.

Сергѣй открылъ глаза только тогда, когда докторъ началъ бережно ощупывать и осматривать рану: стала чувствоваться сначала неловкость, потомъ жгучая боль въ кишкахъ, нѣсколько капель крови показалось на рубашкѣ. Докторъ зналъ Сергѣя, гдѣ-то пивали вмѣстѣ чаекъ, и отнесся къ нему съ полною внимательностью: не безпокоя много, старательно осмотрѣлъ, снова привелъ въ порядокъ бѣлье и платье и ласково, ободрительно выговорилъ:

— Шальная пуля, на излетѣ, не вышла. Богъ дастъ, поправитесь.

Сергѣй глазами поблагодарилъ его, и носилки, по приказанію ю[illegible]го офицера, снова потащились по направленію деревни Иметли, ка[illegible] мѣсту расположенія штаба генерала; раненый впалъ въ ново полубезпамятство, прервавшееся только, когда офицеры заго[illegible]во или около него о томъ, куда его направить.

Путь въ Габрово былъ очень тяжелъ; чтобы протащить по немъ бо[illegible]ьного на носилкахъ, надобно было не мало самоотверженія и со ст[illegible]ны людей, и со стороны офицера, попросившаго Коробчев-

скаго увѣдомить на всякій случай барона о принятой имъ на себя печальной обязанности.

— Да, вѣдь, онъ же поручилъ вамъ его, какъ вы говорите, такъ чего вамъ безпокоиться?

Верховцева потащили на перевалъ по той самой прорытой въ снѣгу дорогѣ, по которой сутки тому назадъ, здоровый и сильный, онъ спустился съ горъ. Несшіе не разъ падали, задѣвая за колеса и зарядные ящики, роняли носилки съ раненымъ, снова и снова падали и, проведя всю ночь въ пути, къ двумъ часамъ слѣдующаго дня, совершенно обезсиленные, доставили больного, не разъ крякнувшаго, стонавшаго и даже впадавшаго въ обморокъ, въ габровскій барачный госпиталь, по ту сторону Янтры.

Твердая надежда скоро увидѣть Наташу поддерживала Сергѣя и помогала переносить страшную боль. Принявшій его докторъ, вмѣсто того, чтобы выразить удивленіе прямо геройскому подвигу людей, въ сутки перенесшихъ раненаго черезъ Балканы и отъ перевала до Габрова, не утерпѣлъ, чтобы не обругаться,—въ такомъ ужасномъ видѣ оказалась рана, воспалившаяся отъ толчковъ и паденій, вынесенныхъ на пути.

Санитары, получившіе по золотому, забыли обращенную къ нимъ «дохтурскую» реприманду, а юный офицерикъ такъ опѣшалъ отъ нея, что, не зная, какъ теперь поступить, сѣлъ въ ногахъ больного въ ожиданіи чего-нибудь болѣе утѣшительнаго, — а ну, какъ ему достанется отъ начальства?

Эсаулъ Тарановъ былъ посланъ Скобелевымъ для извѣщенія командовавшаго шипкинскою позиціей генерала Радецкаго о томъ, что турецкій главнокомандующій Вессель-паша со всею арміей положилъ предъ нимъ оружіе. Онъ выпросилъ позволеніе проѣхать потомъ съ Шипки въ Габрово, чтобы повидать раненаго Верховцева, по словамъ Коробчевскаго, туда направленнаго.

— Скажите ему, чтобы поскорѣе поправлялся,—крикнулъ въ напутствіе Скобелевъ,—вмѣстѣ пойдемъ въ Константинополь!

Бравый осетинъ какъ кошка взобрался на гору св. Николая, быстро выполнилъ оффиціальное порученіе и не менѣе быстро очутился въ Габровѣ.

Но какъ найти Сергѣя Ивановича?

Въ главномъ госпиталѣ его не было, совѣтовали освѣдомиться въ баракахъ.

Первыя лица, встрѣтившіяся Таранову по выходѣ изъ госпиталя на улицу, были Надежда Ивановна съ Наталочкою, пробиравшіяся домой отъ своихъ больныхъ.

— Вы здѣсь?—могъ только выговорить онъ отъ изумленія.

— Какъ видите, а вы? Что?—широко открывши глаза, спросила дѣвушка, знавшая уже о бывшей за балканами большой битвѣ, выстрѣлы которой доносились съ утра до нихъ. Она замѣтила сконфуженный видъ офицера.—Что Сергѣй Ивановичъ? Что вы не говорите? Да отвѣчайте же!—допрашивала она потѣвшаго отъ смущенія подъ ея взглядомъ Таранова, не рѣшавшагося сказать правды.

— Онъ раненъ? Гдѣ онъ? Да говорите же скорѣе!

— Здѣсь онъ, здѣсь, только я самъ не знаю, гдѣ именно... Не бойтесь, онъ здоровъ, т.-е. нѣтъ, онъ раненъ, но легко, ей-Богу, легко!... Хочу навѣстить его, знаете, Михаилъ Дмитріевичъ просилъ непремѣнно... только вы не безпокойтесь. Вы знаете, вѣдь, турецкая армія положила оружіе предъ Михаиломъ Дмитріевичемъ—Вессель-паша прислалъ ему шпагу... Какой клинокъ!... Впрочемъ, гдѣ же вамъ это знать, я и забылъ, вѣдь, что я первый съ этимъ извѣстіемъ... Да, да, надобно поискать!—заговорилъ онъ въ отвѣтъ на нетерпѣливое движеніе дѣвушки.—Гдѣ тутъ бараки?

Не долго думая, женщины потащили его, по хорошо знакомымъ уже имъ улицамъ, къ баракамъ.

Въ первомъ же офицерскомъ помѣщеніи, на койкѣ только что умершаго передъ тѣмъ майора, положенъ былъ Верховцевъ.

Онъ былъ въ глубокомъ забытьи. Въ ногахъ, на кровати, сидѣлъ, ожидая прихода больного въ сознаніе, молодой стрѣлковый офицерикъ, шибко сконфузившійся при появленіи Наташи и Надежды Ивановны.

До прихода дамъ онъ сидѣлъ въ жалостномъ настроеніи, съ одной стороны, жалѣя боевого товарища, съ другой—боясь отвѣтственности за долгое отсутствіе изъ батальона; къ тому же, онъ недоумѣвалъ, какой принести отвѣтъ о раненомъ своему начальству, давшему такой положительный наказъ. Увидѣвъ хорошенькую дѣвушку, подошедшую къ кровати, онъ быстро вскочилъ и еще быстрѣе улетучился изъ барака, такъ что когда фельдшеръ захотѣлъ указать на него приступившимъ къ разспросамъ дамамъ, какъ на очевидца всего того, что произошло съ раненымъ, его уже и слѣдъ простылъ.

Сергѣй Ивановичъ открылъ черезъ нѣкоторое время глаза, но скоро снова закрылъ ихъ, даже не обративъ вниманія на пришедшихъ, повидимому, не признавши ихъ.

Докторъ, на вопросъ Надежды Ивановны о томъ, въ какомъ положеніи рана, увидѣвши, съ какимъ боязливымъ интересомъ молодая дѣвушка—родственница, невѣста?—ожидала его опредѣленія,

скомкалъ свой отвѣтъ въ нѣсколько неясныхъ фразъ: «Есть надежда, что поправится, лихорадки пока нѣтъ... послѣ увидимъ»...

Надежда Ивановна и Наташа изъявили желаніе перенести раненаго въ болѣе спокойное мѣсто, туда, гдѣ онѣ занимались съ больными, въ госпиталь, расположенный въ женскомъ монастырѣ, и докторъ, усталый-переусталый отъ работы надъ начавшими уже прибывать ранеными, тотчасъ далъ свое согласіе на это.

Тарановъ, внутренно мучившійся за своего пріятеля, тяжесть положенія котораго ясно видѣлъ, чтобы не показать передъ дамами своего безпокойства, сталъ усиленно суетиться и распоряжаться: досталъ чистыя носилки, обѣщалъ людямъ на водку, если понесутъ въ ногу и не будутъ встряхивать больного, а по улицамъ, какъ власть имѣющій, расчищалъ дорогу, что̀ было не легко, потому что она была вся запружена пѣшими, конными и повозками. Въ зданіи монастыря «дикій человѣкъ», какъ его называлъ Скобелевъ, въ сущности же добрый и бравый, пустилъ въ ходъ авторитетъ своего патрона для приданія важности и значенія своему товарищу, что, пожалуй, было лишнее, такъ какъ «сестрицы» были тутъ у себя дома и все, что можно было сдѣлать для болѣе покойнаго помѣщенія больного, исполнили.

Сергѣя помѣстили очень хорошо вмѣстѣ съ однимъ офицеромъ генеральнаго штаба; на полъ послали войлоковъ, войлокомъ же велѣли обить стучавшую дверь,—это послѣднее ужь прямо по настоянію предупредительнаго Таранова, со слезами на глазахъ простившагося съ барынями и съ все еще неприходившимъ въ себя другомъ своимъ.

Сестры, попрежнему, стали дежурить около больного: Наташа днемъ, Надежда Ивановна по ночамъ.

Первую же ночь, почти всю напролетъ, тетѣ пришлось пробиться около раненаго, которому было нехорошо: пульсъ былъ очень частъ, въ сердцѣ сказывался безпорядокъ, сознаніе временами затемнялось... рана, видимо, вступала въ какой-то нехорошій періодъ развитія. Сергѣй былъ часто въ забытьи, но въ сознаніи, серьезенъ и какъ-то мало сообщителенъ; на вопросы отвѣчалъ «да» или «нѣтъ» и только разъ выговорилъ доктору, освѣдомившемуся о томъ, «какъ онъ себя чувствуетъ»:

— Начинаю слышать какую-то глухую тяжесть, должно быть, конецъ...

Онъ не обмолвился ни однимъ интимнымъ словомъ съ Наташею, даже въ часы, когда товарищъ его по комнатѣ спалъ и дѣвушка съ замираніемъ сердца ждала хотя нѣсколькихъ, хотя одно-

го ласковаго слова. Она приходила въ отчаяніе отъ его безучастнаго взгляда, часто подолгу устремленнаго на нее, какъ на чужую,—сердце ея холодѣло отъ этого металлическаго взора.

Только разъ ей показалось, что, когда она дотронулась до его руки, чтобы пощупать пульсъ, онъ тихо пожалъ ей пальцы, но такъ ничего и не промолвилъ. А какъ бы ей хотѣлось разспросить его о томъ, что онъ чувствуетъ, гдѣ у него больше болитъ!

Наказъ доктора былъ ясенъ и положителенъ: «Никакого возбужденія!»—особенно въ виду возможности сотрясенія головного мозга, не вызывать больного на разговоры, и она не рѣшалась спрашивать его ни о чемъ, такъ какъ послѣдствія всякаго напряженія мысли были бы, по словамъ доктора, очень печальны.

— Это шокъ,—объяснялъ молодой докторъ Наташѣ, удрученной особенно безстрастіемъ и равнодушіемъ Сергѣя Ивановича,—состояніе, которое иногда слѣдуетъ за травматическими поврежденіями. Нервная система, вѣдь, не у всякаго относится одинаково къ однимъ и тѣмъ же раздраженіямъ, къ тому же, душевное состояніе въ моментъ пораженія имѣетъ не мало значенія.

— Но что же это значитъ, докторъ, что онъ смотритъ и какъ будто не видитъ, не узнаетъ?

— Сущность этого состоянія заключается въ необыкновенно сильномъ раздраженіи нервной системы, послѣ котораго она уже относится почти безразлично къ новымъ раздраженіямъ... Мысль его и всѣ психическія отправленія чрезвычайно вялы, отсюда — то, что васъ такъ смущаетъ.

На вторую ночь, когда Надежда Ивановна, какъ когда-то въ Бухарестѣ, дремала около подушки больного, онъ тихо окликнулъ ее.

— Что вамъ, душа моя?

— Я скоро умру.

— Полноте, душа моя, дастъ Богъ... на все Его святая воля...

— Возьмите бумаги, запишите... какъ тогда... помните?

Надежда Ивановна принесла перо и бумаги, но видѣла плохо отъ застилавшихъ глаза ея слезъ.

«Мое единственное желаніе, — тихо, съ разстановкой, но довольно твердо продиктовалъ Сергѣй, состоитъ въ томъ, чтобы оставшееся послѣ меня имущество... было употреблено на дѣло устройство школъ... на моей родинѣ. Поручаю это дѣло заботливости друзей моихъ... Владиміра Половцева и Наталіи Ганъ...»

— Согласится ли она?—тихо спросилъ онъ Надежду Иванов-

ну, которая только кивнула головой, такъ какъ душившія ее слезы совсѣмъ отняли у нея голосъ.

— Что касается той особы, о которой... помните ли?... я уже распорядился... написалъ,—проговорилъ Сергѣй, дѣлая послѣднее усиліе.

Къ утру Верховцеву сдѣлалось, видимо, хуже.

— Если это «шокъ»,—наединѣ совѣтовалась Надежда Ивановна со старшимъ докторомъ Пожарнымъ, перевидавшимъ много ранъ на своемъ еще не старомъ вѣку и особенно въ эту кампанію,—если это шокъ, то, вѣдь, онъ можетъ пройти... можно ли имѣть надежду?

— Надежды покидать никогда не слѣдуетъ,—отвѣтилъ тотъ,—но кто вамъ сказалъ что это «шокъ»?

— Мы слышали, здѣсь говорили...

— «Шокъ» совсѣмъ не то. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ «септизэміей» или гнилостнымъ воспаленіемъ брюшины. Вы видите эту подавленность, безучастіе къ окружающему, тусклые глаза, подернутые какъ бы легкимъ флеромъ,—больной не проситъ ни ѣсть ни пить, такъ, вѣдь?

— Да, онъ ничего не требуетъ, только по нашему настоянію проглотилъ немного бульона.

— Ну, да, вотъ видите, обратите вниманіе на сухія, потрескавшіяся губы, сильно обложенный языкъ...

— Но, вѣдь, онъ ни на что теперь не жалуется, докторъ.

— Это-то и дурно, нервная дѣятельность его тихо угасаетъ...

— Значитъ, рана очень опасна?

— Сама по себѣ—нѣтъ, бываютъ и хуже; но, вслѣдствіе дурныхъ условій, она загрязнилась или дорогою, или отъ пули, которая могла затащить съ собою клочья платья, бѣлья... Меня безпокоитъ температура его,—онъ сгораетъ. Кромѣ того, возможно, что есть сотрясеніе мозга.

— Сказать правду, докторъ, съ перваго взгляда онъ поразилъ меня своимъ осунувшимся лицомъ и какимъ-то темно-желтымъ цвѣтомъ... Скажите правду, докторъ, есть ли надежда, или ждать...

— Повторяю вамъ, что надежды не надобно терять, — у него крѣпкій организмъ,—отвѣтилъ докторъ, стараясь не глядѣть въ глаза тетушкѣ и дѣлая видъ, что ему пора идти къ другимъ больнымъ.— Можетъ быть, въ борьбѣ съ септическимъ или заразнымъ началомъ организмъ побѣдитъ...—и докторъ прописалъ къ мускусу, дававшемуся внутрь, еще подкожныя вспрыскиванія эѳира, для поддержанія падавшей дѣятельности сердца.

Надежда Ивановна поняла, но поостереглась сообщить свои опасенія Наташѣ, какъ-то застывшей въ страхѣ и ожиданіи всего худшаго...

Володинъ начальникъ князь ***, переѣзжая въ Казанлыкъ, остановился на время въ Габровѣ, гдѣ онъ хотѣлъ осмотрѣть госпитали и сдѣлать кое-какія распоряженія. Одно изъ первыхъ посѣщеній было въ монастырскій госпиталь, гдѣ онъ пробылъ довольно долго въ бесѣдѣ съ ранеными и докторами.

Тамъ лежалъ между прочими и полковникъ Перепелкинъ, начальникъ штаба Скобелева, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ арміи, раненый въ спину, въ то время, какъ онъ вмѣстѣ съ неуязвимымъ генераломъ рекогносцировалъ дорогу спуска съ горъ.

Его свѣтлость долго говорилъ съ нимъ, а потомъ хотѣлъ посѣтить и Верховцева, но докторъ замѣтилъ, что раненый находится въ крайней степени опасности, такъ что всякое возбужденіе можетъ привести прямо къ «концу».

Владиміръ переѣхалъ въ Габрово за своимъ начальствомъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь занятый мыслью о томъ, что теперь уже скоро, не далѣе, какъ завтра, увидитъ своего бывшаго пріятеля и, наконецъ, сведетъ съ нимъ счеты: безъ задора, но и безъ слабости, потребуетъ отъ него объясненія побужденій, заставившихъ его нарушить самыя элементарныя правила дружбы—отбить у него невѣсту.

Полковникъ Воллонъ, бывшій при обходѣ госпиталя и встрѣтившій потомъ Половцева, спросилъ мимоходомъ, видѣлъ ли онъ своего пріятеля Верховцева?

— Нѣтъ, не видалъ,—отвѣтилъ Владиміръ, покраснѣвшій отъ волненія при этомъ вопросѣ,—развѣ онъ здѣсь?

— Здѣсь, умираетъ...

Володѣ показалось, что онъ ослышался.

— Что такое? Кто умираетъ?—переспросилъ онъ.

— Сергѣй Верховцевъ умираетъ, говорю тебѣ.

— Гдѣ? Ты видѣлъ его?

— Нѣтъ, не видалъ. Его свѣтлость хотѣлъ войти, но его не впустили. Я спрашивалъ доктора, есть ли надежда,—онъ отвѣтилъ, что «ни малѣйшей», больше часу, говоритъ, не проживетъ, такъ что если ты хочешь застать его въ живыхъ—поторопись!

Владиміръ схватилъ фуражку и опрометью бросился на улицу.

О! какъ жалки, какъ ничтожны показались ему теперь его

счеты съ Сергѣемъ! «Неужели онъ умеръ? неужели я его не застану въ живыхъ?»

Онъ не засталъ.

Сергѣй лежалъ съ спокойнымъ величіемъ неостывшаго еще трупа молодого, красиваго человѣка, осмысленно жившаго, браво умершаго и какъ будто не разставшагося еще съ мыслями, навѣрное, не злобными, наполнявшими его голову при жизни. Едва замѣтная ироническая улыбка какъ будто блуждала на губахъ почившаго и лицо показалось Владиміру такимъ привлекательнымъ, какимъ, можетъ быть, оно никогда не было при жизни.

Около тѣла сидѣла, нагнувшись, молодая дѣвушка, въ которой, раньше чѣмъ она подняла голову, Владиміръ узналъ Наташу. Когда она взглянула на него, Половцевъ чуть не вскрикнулъ,—до того ея личико измѣнилось: оно осунулось и похорошѣло, въ то же время, глаза расширились, блестѣли лихорадочно,—видно, много пережила и перечувствовала она за то время, пока сначала строилось, а потомъ разрушалось ея счастье.

Владиміръ заплакалъ; онъ крѣпко поцѣловалъ рано надломившагося товарища и, вглядываясь въ дорогія черты чуть-чуть улыбавшагося лица—такая знакомая улыбка!—мысленно извинился за всѣ дурныя предположенія и намѣренія, долго не выходившія у него изъ головы.

На вопросъ, съ которымъ Владиміръ обратился къ Наташѣ, дѣвушкѣ было такъ трудно, повидимому, отвѣчать, что онъ не настаивалъ и сталъ разспрашивать подошедшую Надежду Ивановну, прямо обнявшую его и откровенно выплакавшую на его груди горе своей Наталочки.

— Какъ это случилось? Какъ же я не слышалъ объ этомъ раньше? Мы узнали только, что турецкая армія положила оружіе,—быстро сталъ разспрашивать Володя тетушку въ углу комнаты.

Потомъ онъ сталъ разспрашивать о Наташѣ: какъ она это переноситъ—какъ она похудѣла!

— Я, вѣдь, знаю, что они близко... сдружились за это время... Что дѣлать?... Вамъ необходимо скорѣе уѣхать отсюда домой, дорогая Надежда Ивановна,—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Разстояніе, время умалятъ, сгладятъ потерю...

— Да, милый Владиміръ Васильевичъ, уѣхать, уѣхать! Помогите мнѣ уговорить ее! У насъ не было еще съ нею разговора объ этомъ,—все случилось такъ неожиданно,—но она способна еще остаться, совсѣмъ убить себя... Конечно, я могу употребить власть, заставить ее послушаться, но, вѣдь, я всегда избѣгала этого, да и,

сказать вамъ правду, душа моя, боюсь прибѣгнуть къ этому теперь,—она на себя не похожа.

— Конечно, конечно,—отвѣтилъ Владиміръ, и они рѣшили, что сейчасъ онъ уйдетъ, но затѣмъ, сказавшись по начальству, придетъ скоро снова и поможетъ уговорить Наталочку уѣхать въ Россію тотчасъ же послѣ похоронъ Сергѣя Ивановича.

Противъ ожиданія, дѣвушка не выказала сопротивленія и выслушала, не прерывая, все, что сказалъ Владиміръ въ пользу немедленнаго отъѣзда; не прерывала его и тогда, когда онъ говорилъ о своемъ сочувствіи ея горю.

Они похоронили Сергѣя на другой же день, просто и скромно, на общемъ кладбищѣ.

Владиміръ, получивъ разрѣшеніе князя остаться въ Габровѣ на сутки, чтобы проводить до могилы тѣло своего пріятеля, торопился выпроводить барынь изъ зараженнаго города еще при себѣ. Онъ говорилъ, что не будетъ покоенъ, пока не посадитъ ихъ въ дорожный экипажъ.

Передъ отъѣздомъ онъ еще разъ просилъ Наташу, когда-то его Наталочку, не думать теперь ни о чемъ, кромѣ своего покоя и здоровья.

— Она такъ много поработала, принесла столько жертвъ своимъ ближнимъ, что имѣетъ право на покой и... на счастіе,—прибавилъ онъ, едва сдерживая слезы.

Надежда Ивановна умилилась, слушая Владиміра: «Милый молодой человѣкъ, золотая душа!»—шептала она и рѣшила сдѣлать все отъ нея зависящее, чтобы загладить рану его сердца и снова сблизить молодыхъ людей.

Наташа, съ своей стороны, очень серьезно слушала пожеланія Владиміра и можно было думать, что она хорошо понимаетъ, цѣнитъ его дружбу, можетъ быть, даже не теряетъ надежду на счастіе...

Они простились хорошими пріятелями и горячо, со слезами на глазахъ, пожали другъ другу руки. Кто знаетъ, однако, къ кому относились ея слезы?

Событія на театрѣ войны шли быстро. Главная квартира перешла въ Казанлыкъ, откуда сначала кавалерія съ Докторовымъ и Струковымъ, а потомъ и пѣхота со Скобелевымъ выступили по дорогѣ къ Адріанополю.

Скоро было получено извѣстіе о томъ, что Струковъ встрѣтилъ и отправилъ къ главнокомандующему турецкихъ пословъ, Намира и Сервера пашей, для переговоровъ о мирѣ.

Потомъ стало извѣстно, что тотъ же бравый генералъ занялъ съ отрядомъ кавалеріи Адріанополь.

Молодежь въ штабѣ не утерпѣла, чтобы не подшутить надъ почтенными пашами, черезъ-чуръ торговавшимися съ нами и искренно увѣрявшими нашихъ дипломатовъ, что тѣ не должны быть слишкомъ требовательны, такъ какъ въ Адріанополѣ войска наши встрѣтятъ новую Плевну. Когда одинъ разъ ночью пришло извѣстіе о занятіи города передовымъ кавалерійскимъ отрядомъ, пашей нарочно тотчасъ же разбудили для того, чтобы поздравить со сдачею этой второй Плевны. Бѣдные паши чуть не заплакали.

Для Владиміра были какъ-то смутны и всѣ эти событія, и то, что происходило въ его внутренней жизни. Съ одной стороны, сожалѣлъ онъ о потерѣ своего товарища и друга, съ другой — все происшедшее было ужь очень горько и для сердца его, и для самолюбія.

Самолюбіе, впрочемъ, утѣшалось тѣмъ, что, по всей вѣроятности, Наташа увлеклась не столько собственно Сергѣемъ, сколько его положеніемъ одинокаго, безпомощнаго, страдающаго, — вѣдь, женщины любятъ самихъ себя въ лицѣ тѣхъ, которымъ онѣ оказываютъ помощь. Значитъ, дѣло тутъ было не въ предпочтеніи ему Верховцева, а чисто въ состраданіи къ больному, раненому.

Также и сердцу было легче отъ размышленія о томъ, что памятныя ему слова сказаны были Наташею не столько потому, что она рѣшила окончательно соединить свою судьбу съ его, Владиміра, судьбою, сколько выразить свою привязаность ему, уѣзжавшему тогда на войну, казавшемуся ей героемъ, жертвою... Это, вѣдь, натурально! Такъ что въ тогдашней близости ихъ многое было не досказано и нарушеніе этой близости, навѣрное, не могло быть названо невѣрностью,—измѣны не было.

Къ тому же, нельзя было не видѣть, что *она* держала себя теперь совсѣмъ не какъ виноватая въ чемъ-нибудь, кому-нибудь измѣнившая, а какъ ни въ чемъ неповинная, честная дѣвушка, открыто оплакивающая свое горе. Вотъ Надежда Ивановна скорѣе какъ бы заискивала въ немъ, будто сознавала за собою что-то неладное, но и ее винить нельзя, такъ какъ ей, конечно, не подъ силу направлять побужденія сердца такой независимой дѣвушки, какъ Наташа.

Словомъ, Владиміръ, умягченный неожиданною смертью друга, самъ собою, безъ всякаго посторонняго заступничества, совершенно выгородилъ Наташу, Сергѣя и даже Надежду Ивановну и призналъ во всемъ несправедливымъ себя, а свое намѣреніе мстить за обиду,

на три четверти созданную его воображеніемъ, — прямо ребяческимъ.

Этому полному примиренію со всѣми помогло и то обстоятельство, что Наталочка еще похорошѣла за послѣднее время; красота ея разцвѣла, развернулась за дни ея счастія, дни любви къ Сергѣю, хотя Владиміръ относилъ перемѣну совсѣмъ къ другому, именно къ ея трауру, къ черному платью, которое, казалось ему, поразительно шло къ ней.

«Она никогда не была хороша такъ, какъ въ эти два послѣдніе дня,—черное къ ней положительно идетъ!»—и онъ представлялъ себѣ эффектъ появленія Наталочки въ черномъ бархатномъ платьѣ въ Петербургѣ...

Неужели, однако, онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ жениться на ней?

А почему бы нѣтъ? Вѣдь, эта глупая исторія съ Сергѣемъ никому неизвѣстна и дѣвушка теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, оцѣнитъ его любовь и пойметъ его великодушіе; нѣтъ сомнѣнія, что теперь она отвѣтитъ полною, безпредѣльною взаимностью. Тщеславіе при этомъ подсказывало, что красота Наташи непремѣнно будетъ замѣчена въ столицѣ, и воображеніе рисовало самые блестящіе успѣхи съ нею въ обществѣ.

Онъ опять сравнилъ Наталочку съ тою свѣтскою барышней, которая намекала на свое приданое и свою привязанность, также какъ и на готовность выйти за него замужъ, и сравненіе выходило опять въ пользу первой; правда, Наташа не такъ богата, какъ та, но, во-первыхъ, и у Наташи, съ имѣніемъ тетки, кругленькое приданое; во-вторыхъ, за нее все остальное: способности, умъ, красота и неиспорченность; нѣтъ умѣнья жить и держать себя въ свѣтѣ, но, вѣдь, это пустяки, это само собою придетъ съ годами и привычкою.

Владиміръ увѣренъ былъ, что ко времени пріѣзда его въ деревню, по окончаніи кампаніи, и ко времени свиданія съ Наташею минолетная смута въ хорошенькой головкѣ ея пройдетъ и отношенія ихъ сдѣлаются еще болѣе искренними, чѣмъ были до отъѣзда его въ армію.

Письмо Надежды Ивановны изъ Систова увѣдомило о томъ, что онѣ благополучно выѣзжаютъ изъ этого города, направляясь въ Бухарестъ, гдѣ, по всей вѣроятности, останутся нѣкоторое время, чтобъ отдохнуть и развлечься какъ отъ дороги, такъ и отъ тяжести перенитаго.

В Наташѣ она писала, что, не будучи больна, дѣвушка выказываетъ признаки не то усталости, не то маленькаго недомоганія,

вѣрнѣе, и того, и другого вмѣстѣ. Надежда Ивановна не объясняла, чѣмъ именно проявляется это недомоганіе, упоминала лишь о вялости и легкихъ головныхъ боляхъ и выражала сожалѣніе о томъ, что Володя не съ ними,—навѣрное, онъ развлекъ бы свою «кузиночку», отвлекъ бы ее отъ печальныхъ мыслей, вродѣ того, что «для нея все кончено», что «ей надобно ждать теперь только смерти» и т. п.

Тетушка передавала ему поклонъ Наташи и еще—по ея настойчивому требованію—«желаніе Владиміру быть счастливымъ и ее дурно не поминать».

Надежда Ивановна сдѣлала приписочку, что ей стоило усилія исполнить послѣдній капризъ племянницы, но не послушать ее она не рѣшилась, въ виду маленькой нервности дѣвушки.

Отъ себя почтенная дама подчеркивала выраженіе надежды *видѣть Владиміра у себя въ деревнѣ въ возможно скоромъ времени*.

Молодому человѣку тѣмъ пріятнѣе были этотъ намекъ и это приглашеніе, что они какъ нельзя болѣе согласовались съ его собственнымъ, безповоротно принятымъ рѣшеніемъ. Нетерпѣливѣе прежняго сталъ онъ ждать теперь конца кампаніи и возможности получить отпускъ. Такъ какъ письмо Надежды Ивановны немножко обезпокоило его, то мысль, сказавшись больнымъ, сейчасъ поѣхать провожать развинтившуюся Наталку, не разъ приходила ему въ голову, но сознаніе служебнаго долга брало верхъ и прогоняло малодушное памѣреніе.

Когда главная квартира перешла въ Санъ-Стефано и переговоры о мирѣ стали подвигаться, Володя началъ считать дни, остающіеся до отъѣзда. «Терпѣніе, терпѣніе! — приходилось ему говорить себѣ,—ждать уже не долго!»—и дѣйствительно, ждать пришлось не долго.

Новое письмо отъ Надежды Ивановны, на этотъ разъ съ черною печатью.

Половцевъ такъ и замеръ. Онъ долго не рѣшался вскрыть конвертъ, потому что содержаніе письма было для него и такъ ясно. Желаніе знать подробности заставило, наконецъ, прочесть его.

Наташа умерла въ Бухарестѣ отъ тифа, зачатки котораго, надобно думать, таились въ ней уже нѣсколько дней,—такъ, по крайней мѣрѣ, сказали доктора, тѣ самые, съ которыми она вмѣстѣ занималась прежде въ госпиталѣ Бранковано.

Въ болѣзни она часто много бредила, но передъ самою смертью пришла въ сознаніе и еще разъ попросила «передать Володѣ Полов-

цеву ея послѣдній поклонъ и пожеланіе счастія», а также просьбу «не сердиться на нее».

Надежда Ивановна заканчивала письмо обычною фразой выраженія довѣрія къ Провидѣнію: «Да будетъ во всемъ Его святая воля—и волосъ не спадетъ съ головы нашей безъ воли Его!»

Володя женился на той самой свѣтской барышнѣ, которой онъ нравился и которая не ненравилась ему. Наташу онъ вспоминаетъ только про себя, потому что молодая жена его относится не совсѣмъ хладнокровно къ памяти «объ этой дѣвочкѣ»: отъ кого-то, какъ-то слышала она про романическую исторію за Дунаемъ и о ранней любви своего мужа къ героинѣ этой исторіи.

Надежда Ивановна вся ушла въ дѣла благотворительности, въ память своей Наталочки. Въ перстнѣ на ея рукѣ морфій, отъ употребленія котораго она отвыкла на театрѣ войны, замѣненъ теперь маленькою прядью мягкихъ бѣлокурыхъ волосъ, надъ которыми она почасту и подолгу плачетъ.

В. Верещагинъ.

Нищій.

Вижу-ль въ скорбныхъ лицахъ муку
Мимо-ль нищаго иду
И въ протянутую руку
Лепту жалкую кладу,—
За безпечною толпою
Тороплюсь, потупя взглядъ,
Словно въ чемъ-то предъ тобою
Я постыдно виноватъ...
Ты молилъ меня напрасно,
Братъ мой, именемъ Христа:
Сердце мертвое безстрастно
И молчатъ мои уста...
Съ безнадежною тоскою
И съ невѣрьемъ подаю
Я небратскою рукою
Лепту жалкую мою...
Лучше-бъ гнѣвъ и возмущенье!
Ты же, кротко осѣня
Ликъ крестомъ, благословенье
Призываешь на меня.
Предъ собою лгать обидно:
Не люблю я никого...
Только страшно, только стыдно—
За себя и за него!...

Д. Мережковскій.

СЕМЕЙНЫЯ БУРИ *).

(La Tourmente).

Романъ Поля Маргеритъ.

XIV.

Поѣздъ тронулся, а Жакъ стоялъ на платформѣ, чувствуя еще горячіе поцѣлуи Лизеты и пожатіе руки сестры, державшей до послѣдней минуты его руку. Онъ смотрѣлъ вслѣдъ быстро убѣгавшему поѣзду, въ пустое темное пространство, прорѣзанное рельсами. Сердце рвалось за краснымъ огнемъ, сверкавшимъ въ фонарѣ послѣдняго вагона, и мучительно тоскливо было, и все на свѣтѣ казалось утратившимъ всякій смыслъ. Гнетущее ощущеніе кошмара, нереальности всего окружающаго, вызванное нервнымъ переутомленіемъ, охватывало Жака мракомъ и неопредѣленною тревогой. Онъ едва могъ вѣрить, что Агнеса на самомъ дѣлѣ его покинула, что д'Эльбэ, быть можетъ, умираетъ въ эту минуту и что послѣ всего, случившагося въ ихъ домѣ, Тереза и баронъ Форже ждутъ его обѣдать. Онъ чувствовалъ, что не въ состояніи вернуться теперь домой, и направился къ своей каретѣ.

На мгновеніе ему показалось,—такъ велика сила привычки,—будто хорошо теперь привалиться на мягкихъ подушкахъ экипажа, отдаться убаюкивающему покою въ быстро и мягко несущейся каретѣ. Но вдругъ онъ неожиданно отшатнулся отъ этой лакированной клѣтки съ неподвижнымъ кучеромъ на козлахъ, запряженной крупною вороною лошадью, грызущею удила и покачивающею головой. Ему ясно представился тонкій запахъ кожи, наполнявшій карету и часто казавшійся ему необыкновенно противнымъ. И это чисто-физическое чувство тотчасъ же уступило мѣсто нравствен-

*) *Русская Мысль*, кн. II.

ному отвращенію отъ всей этой роскоши, которой онъ придавалъ такое большое значеніе когда-то и которая теперь потускнѣла, утратила всякій смыслъ въ его глазахъ. Сознаніе, что при всемъ своемъ богатствѣ, которое онъ считалъ однимъ изъ видовъ счастья, онъ такъ жалокъ и несчастенъ, сжимало ему горло до тошноты. Далеко ли было то время, когда, въ борьбѣ за безбѣдное существованіе, онъ, усталый, но счастливый, засыпалъ въ объятіяхъ Терезы, когда онъ вѣрилъ ей и молодъ былъ, и былъ убѣжденъ въ благородствѣ и въ чистотѣ своей жены!

— Жозефъ, поѣзжайте домой и скажите, чтобы меня не ждали къ обѣду!

Кучеръ тронулъ возжами, колеса завертѣлись сначала медленно, потомъ все скорѣе; темный кузовъ кареты быстро удалялся. Какой-то рабочій остановился противъ Жака и смотрѣлъ вслѣдъ исчезающему экипажу, потомъ перевелъ глаза на владѣльца этой завидной запряжки, — Жаку неловко стало отъ этого взгляда, казавшагося ему нѣмымъ упрекомъ. Не въ первый разъ уже чувствовалъ онъ себя беззащитнымъ передъ насмѣшливымъ выраженіемъ глазъ такихъ же бѣдняковъ, но никогда еще нежданно выпавшее на его долю богатство, обладаніе которымъ онъ почти готовъ былъ признать дѣломъ произвола и несправедливости, не представлялось ему настолько ничтожнымъ, тягостнымъ и мало утѣшительнымъ. «И кто же знаетъ даже,—подумалъ онъ,—не отъ него ли зло, не богатство ли, освободивши Терезу отъ повседневныхъ мелкихъ заботъ по хозяйству, развило въ ней тщеславное желаніе нравиться и первенствовать, не оно ли, давая ей слишкомъ много празднаго времени, было причиной ея слабаго сопротивленія, не оно ли способствовало ея паденію своимъ ежеминутнымъ развращающимъ вліяніемъ?»... Сравнивая настоящее съ прошедшимъ временемъ, вспоминая строго-экономную жизнь своихъ родителей въ ихъ старой и незатѣйливой трудовой обстановкѣ, онъ со страхомъ видѣлъ,—но слишкомъ поздно и безъ возможности что-либо предпринять,—теперешнюю страстную погоню за наслажденіями, всю утонченность роскоши и комфорта, создающихъ искусственную атмосферу, подрывающихъ семейную жизнь, ослабляющихъ волю, вводящихъ мужчинъ и женщинъ извѣстнаго общества въ соблазны лѣни, сластолюбія, гордости и нѣги, помогающихъ имъ забыть объ окружающей нищетѣ, спокойно очерствѣть съ улыбкой на устахъ, оставаться слѣпыми и глухими передъ безчисленными страданіями бѣдныхъ и голодныхъ.

— Но,—пытался Жакъ самъ себѣ возражать,—развѣ же мое

несчастіе обычно только въ кругу богатыхъ людей? Допуская, что подъ вліяніемъ заботъ о хозяйствѣ и повседневныхъ нуждъ многія женщины буквально не имѣютъ времени подумать о любви, что онѣ находятся постоянно на глазахъ своихъ мужей и зоркихъ сосѣдей, принуждены жить у всѣхъ на виду, лишены возможности уединяться,—слѣдуетъ ли изъ этого, что въ ихъ средѣ измѣны менѣе обыкновенны? Онѣ часты и заурядны до отвращенія!... Вверху и внизу, въ великолѣпныхъ палатахъ и въ грязныхъ чуланахъ, неизмѣнная дочь Евы, соблазнительная и лживая, отдается пороку съ мерзкимъ, затаеннымъ разсчетомъ воспользоваться хищническимъ сластолюбіемъ любовника, подлою снисходительностью мужа. И сколько такихъ невѣдомыхъ обществу примиреній найдется въ богатыхъ домахъ, сколько скрытаго позора! Почти всегда мужъ, кидающійся на любовника, уже разъ простилъ женѣ, а, быть можетъ, и не одинъ разъ. Въ самомъ фактѣ брака есть особое очарованіе, нѣчто волшебное для того, кто женился молодымъ, по любви. Мужчина, получившій первый поцѣлуй дѣвушки, не можетъ допустить, чтобы она, сдѣлавшись его женою и матерью его ребенка, сроднившись съ нимъ, слившись воедино, перестала принадлежать ему, если бы даже измѣнила ему. Вѣроятно также, что среди рабочихъ классовъ болѣе часто и болѣе настоятельно мужъ вынужденъ подчиняться своей горькой участи, прощать по слабости или изъ любви. Вѣчная забота о прокормленіи семьи, удручающій и непрерывный трудъ должны лишать его досуга слишкомъ много задумываться надъ своимъ несчастіемъ. А затѣмъ совмѣстная жизнь въ тѣснотѣ, постоянная и неизбѣжная близость должны скоро привести къ примиренію, за которымъ, почти всегда, слѣдуютъ ссоры и побои съ рѣдкими просвѣтами нѣжности, съ проблесками солнца среди цѣлыхъ годовъ мрака. Запряженные въ тяжелую работу и задавленные физическимъ трудомъ, такіе бѣдняки, въ большинствѣ случаевъ, не могутъ раздумывать долго, засыпаютъ отъ утомленія, покончивши свое дѣло. Насколько же, при всей его независимости и при всемъ богатствѣ, болѣе жалкимъ былъ онъ, свободный отъ обязательныхъ занятій, ничѣмъ не отвлекаемый отъ угнетающей думы, отдающій все свое время душевнымъ терзаніямъ. Правда, онъ могъ дѣйствовать, поступать, какъ ему вздумается, ни отъ кого, кромѣ собственной воли, онъ не зависѣлъ, и потому-то именно онъ чувствовалъ себя особенно несчастнымъ, немощнымъ, неспособнымъ на что-либо рѣшиться.

Затерянный въ толпѣ пѣшеходовъ и снующихъ экипажей, Жакъ шелъ безъ цѣли, бродилъ по улицамъ и тротуарамъ. Истомленная

мысль ни на чемъ не останавливалась, слѣдила на мгновеніе за Агнесой и ея дѣвочкой, мчащихся въ вагонѣ, перекидывалась на фантасмагорическія фигуры прохожихъ, вырисовывающіяся въ яркомъ свѣтѣ фонарей и тонущія потомъ въ дальнемъ сумракѣ ночи. Никто не обращалъ на него вниманія, никто не заговаривалъ съ нимъ, и онъ шелъ одинокій, съ тоскою въ сердцѣ.

На перекресткѣ стояли жалкія женщины. До слуха Жака доносились ихъ слова, тихо сказанныя вслѣдъ ему, и присутствіе этихъ женщинъ, ихъ постыдныя предложенія снова оживили его мученія, наводя на сравненіе этихъ уличныхъ рабынь въ плохихъ платьяхъ, едва держащихся на нихъ, съ прелестнымъ нѣжнымъ созданіемъ, которое тревожно ждетъ его, при мягкомъ блескѣ свѣчей, въ теплой и ароматной комнатѣ. Это видѣніе захватило его сердце и всѣ чувства. Онъ всѣми силами гналъ прочь сознаніе, что любитъ еще Терезу, любитъ, несмотря ни на что, и никогда не любилъ ее сильнѣе и мучительнѣе. Неужели онъ такъ и не добьется отвѣта на вопросъ: что долженъ онъ, что надо ему дѣлать? Развѣ уже нѣтъ никого у него, ни одного друга, который могъ бы дать ему добрый совѣтъ? Кругомъ люди идутъ торопливо, волнуются, спѣшатъ куда-то, встрѣчаются съ нимъ и обгоняютъ его, и во всей этой толпѣ нѣтъ ни души, къ кому онъ счелъ бы удобнымъ обратиться съ полнымъ довѣріемъ и надеждой! Вотъ прошла мимо молодая женщина съ ребенкомъ на рукахъ, у нея такіе добрые и хорошіе глаза; вотъ идетъ тихими шагами священникъ, у него, быть можетъ, найдутся слова утѣшенія. Жаку такъ хотѣлось избавиться отъ своего одиночества! Онъ жадно смотрѣлъ на всѣхъ этихъ незнакомыхъ людей и задыхался при мысли, что навсегда они останутся незнакомыми и равнодушными, точно не были они его братьями и сестрами по естеству, по духу и мысли. Тогда въ его головѣ сложилось сознаніе, что единственное существо, которому онъ могъ бы довѣриться, у котораго онъ найдетъ настоящее, необходимое ему сочувствіе,—Тереза. Она одна нанесла ему рану и только она съумѣетъ облегчить страданія, если не совсѣмъ исцѣлить его. Всѣмъ сердцемъ онъ рванулся къ ней... Мимо проѣзжали фіакры, стоило рукой махнуть и черезъ нѣсколько минутъ... Нехорошій, ложный стыдъ удержалъ его, и отъ Бастиліи до бульваровъ онъ продолжалъ бродить въ толпѣ, переходилъ безцѣльно съ тротуара на тротуаръ, исчезалъ въ темныхъ улицахъ и опять появлялся на ярко освѣщенныхъ, останавливался передъ окнами магазиновъ, смотрѣлъ на выставленные товары и не видалъ ихъ, шелъ дальше, подхваченный общимъ движе-

ніемъ, терялся въ непрерывной толкотнѣ улицы. Цѣль, однако, была у Жака, только представлялась она какою-то неясной.

Говоря, что во всемъ городѣ съ двухъ-миліоннымъ населеніемъ нѣтъ никого, кромѣ Терезы, къ кому бы онъ могъ обратиться за милостыней сочувствія, Жакъ оказывался сознательно неблагодарнымъ. Не было развѣ гдѣ-то, въ переулкѣ съ домами, сверху до низу наполненными бѣднымъ людомъ, на пятомъ этажѣ, въ комнаткѣ съ хорошо знакомыми ему двумя окнами, изъ которыхъ одно занято цвѣтами, другое—большою клѣткой, не было развѣ тамъ стараго и надежнаго друга, мадемуазель Пуле, помощницы униженныхъ и угнетенныхъ, «сестры сердобольной»? Забылъ онъ про нее, и какъ онъ неправъ, что забылъ! Отъ одного взгляда на ея истомленное и некрасивое лицо, отъ звука ея голоса, умѣвшаго кротко утѣшать несчастныхъ, ему стало бы легче; въ ея бѣдномъ жилищѣ онъ забылъ бы объ ужасныхъ признаніяхъ, о человѣкоубійствахъ, подъ щебетанье птицъ, въ легкомъ ароматѣ цвѣтовъ, душою бы отдохнулъ, какъ бы ни былъ измученъ и удрученъ, ожилъ бы въ атмосферѣ безграничной доброты, окружавшей старую дѣвушку. И чѣмъ больше онъ раздумывалъ объ этомъ, тѣмъ опредѣленнѣе и сильнѣе подступало искушеніе направиться въ ту сторону, гдѣ она жила. Мимо проѣзжалъ омнибусъ, Жакъ вскочилъ въ него и помѣстился между толстою женщиной съ корзиной въ рукахъ и старикомъ, державшимъ на колѣняхъ безпокойнаго мальчика, ежеминутно толкавшаго Жака ногами. Старикъ забиралъ въ руку шаловливыя ноженки, и ребенокъ сидѣлъ смирно, почувствовавши же свободу, принимался опять толкать сосѣда. Жакъ на минуту заинтересовался имъ, старикомъ съ сѣдою бородой и другими пассажирами омнибуса. Всѣ были, видимо, утомлены дневною работой, головы покачивались въ полудремотѣ. Женщина, молодая еще, но съ преждевременно увядшимъ лицомъ, упорно смотрѣла въ одну точку; выраженіе ея глазъ было почти свирѣпое. Какое горе таила она въ себѣ, измѣну или ревность? Старуха сидѣла молча, не переставая шевелить губами съ сосредоточеннымъ видомъ безумной. Въ дальнемъ углу горбунъ, похожій на одѣтую въ сюртукъ жабу, в[illegible]жно и значительно топырился, какъ то часто дѣлаютъ горбатые л[illegible]ди. Остальные не представляли собою ничего особеннаго; тру[illegible]зая жизнь, заботы и лишенія истрепали ихъ, стерли, обезличи[illegible]; иные сидѣли неподвижно, безъ думы, безъ выраженія, напо[illegible]нали собою восковыя фигуры. Жакъ въ своемъ горѣ, не пере[illegible]авшемъ томить его, какъ зубная боль, почувствовалъ сожалѣ[illegible]ко всѣмъ этимъ людямъ, подобнымъ ему, менѣе утонченнымъ,

конечно, но знающимъ и радости, и страданія, сходныя съ его собственными. И при этомъ, все-таки, вопреки его волѣ, въ немъ шевельнулась мысль о его интеллектуальномъ и соціальномъ превосходствѣ надъ ними. Представленіе о томъ, что все, съ нимъ случившееся, и его несчастіе принадлежатъ къ иной, болѣе возвышенной категоріи, вызвало въ немъ приливъ мелкаго тщеславія, настолько забавнаго, что самъ онъ надъ собою разсмѣялся. Тѣмъ не менѣе, вѣрно было, что поѣздка въ омнибусѣ, когда къ его услугамъ была щегольская карета, давала ему извѣстнаго рода превосходство, доставлявшее ему нѣкоторое удовольствіе, хотя и крайне ничтожное по существу. Жаку начинало казаться, что едва ли уже такъ необходимо ему взбираться на пятый этажъ мадемуазель Пуле: быть можетъ, ея и дома нѣтъ. Потомъ его ужаснула вся эта дрянь, которую онъ видѣлъ въ себѣ, гаденькія мысли, эгоизмъ, тщеславіе, осадокъ грязи, таящійся въ глубинѣ наименѣе низкихъ человѣческихъ душъ. Онъ выпрыгнулъ изъ омнибуса, чтобы вздохнуть свѣжимъ, болѣе чистымъ воздухомъ. Къ тому же, онъ былъ почти у цѣли своей поѣздки. Въ концѣ переулка слабо мерцалъ свѣтъ въ двухъ знакомыхъ окнахъ. Жакъ взошелъ на лѣстницу, не касаясь засаленныхъ перилъ и держась подальше отъ стѣнъ.

Задребезжалъ слабый, словно охрипшій, звонокъ, и спустя немного времени скрипнулъ замокъ, въ дверяхъ появилась мадемуазель Пуле, высоко держа въ рукѣ тусклую лампу, освѣщавшую ея невзрачное и доброе лицо, окаймленное сѣдыми волосами съ слишкомъ широкимъ проборомъ.

— Вы! мосье Жакъ! Надѣюсь, васъ не несчастье какое-нибудь привело сюда?

«Да, милая старушка, да, добрый другъ, если бы вы знали, какъ велико мое несчастіе! Тереза обманула меня съ лучшимъ моимъ другомъ. Она во всемъ призналась, и я такъ растерянъ, такъ тяжело мнѣ, что временами хотѣлось бы умереть. Поговорить пришелъ я съ вами, дайте мнѣ ваши руки. Вы утѣшаете всѣхъ удрученныхъ скорбью, скажите же и мнѣ что-нибудь такое, что подкрѣпило бы меня, дало бы надежду, вернуло бы возможность и желаніе жить!»—вотъ что думалъ онъ, вотъ что хотѣлъ сказать и не сказалъ, а только пораженный догадливостью старой дѣвицы проговорилъ:

— Да, у насъ горе, я только что проводилъ Агнесу на поѣздъ; она уѣхала къ своему мужу, опасно раненому.

И онъ сталъ передавать подробности въ то время, какъ мадемуазель Пуле ставила лампу на покрытый клеенкою столъ и руки

старушки дрожали подъ свѣтомъ, отраженнымъ изорваннымъ бумажнымъ абажуромъ. Ея изумленный и встревоженный видъ дѣйствовалъ раздражающимъ образомъ на нервы Жака. Его приходъ сюда показался ему совершенно безсмысленнымъ. За тѣмъ ли, чтобы передать это, взбирался онъ по лѣстницамъ? Не другое ли совсѣмъ онъ долженъ разсказать старушкѣ?

— Что васъ давно не видно?—спросилъ онъ.—Отъ васъ можетъ статься, что вы расхвораетесь и никому знать не дадите. Не вернулись ли прежнія недомоганія?

Онъ намекалъ на приступъ остраго ревматизма, продержавшій старушку двѣ недѣли въ комнатѣ, причемъ мадемуазель Пуле, изъ стыдливости, изъ гордости и чрезмѣрной деликатности, не дала Галюйсамъ знать о своей болѣзни, не желая ихъ безпокоить и предпочитая страдать въ одиночествѣ.

Она отвѣтила:

— Нѣтъ, нѣтъ, ваша жена такъ хорошо ухаживала за мною прошлый разъ!—Тереза, дѣйствительно, пріѣзжала къ ней каждый день къ концу ея болѣзни.—Что Тереза?—продолжала хозяйка привѣтливо и участливо.—Не очень она утомляется? Какъ хорошо было бы для нея переѣхать поскорѣе въ Фульвы! Слишкомъ пылкая душа у нея, горитъ и изнуряетъ тѣло. Счастлива она должна бы быть съ такимъ мужемъ, какой у нея, а порою она такъ печальна. Не было ли тому причной пребываніе у васъ хорошенькой Лизеты? Знаете, Тереза все еще не можетъ утѣшиться послѣ потери...

Жакъ отрицательно покачалъ головой; онъ переживалъ такое ощущеніе, будто мадемуазель Пуле пальцами дотрогивается до ранъ, раскиданныхъ по всему его тѣлу.

— У васъ все есть для того, чтобы быть счастливыми,—продолжала она съ выраженіемъ самой искренней нѣжности.—Любите ее, милый мой Жакъ, любите всѣмъ сердцемъ вашимъ.

Зачѣмъ она говорила это теперь? Онъ чувствовалъ, какъ на его глазахъ проступаютъ слезы, все горе въ немъ всколыхнулось,—такъ бы и разрыдался!

— Вы грустны, другъ мой,—сказала она,—васъ занимаетъ мысль объ этомъ несчастномъ?

Д'Эльбэ? О немъ Жакъ могъ бы думать и немного больше, но, не желая говорить неправду, онъ отвѣтилъ:

— Вы знаете, я и мой зять не очень-то любимъ другъ друга; по милости несчастлива Агнеса, и я, главнымъ образомъ, огорченъ за нее. Разстроило меня нѣчто другое.

Онъ самъ не зналъ, для чего говорилъ это, предвидѣлъ только, что, благодаря извѣстной уловкѣ, раскроетъ передъ добрымъ другомъ часть своего горя, и, боясь, какъ бы голосъ не выдалъ затаеннаго волненія, продолжалъ:

— Грустное это и тяжелое дѣло измѣна мужу молодой женщины, красивой, которую всѣ считали безупречною. Одна пріятельница Терезы, вы ее знаете, и вамъ одной я могу сказать ея имя... мадамъ Гильемъ...—Это имя онъ выговорилъ очень тихо и нервно улыбнулся, замѣтивши крайне удивленное, озадаченное выраженіе лица мадемуазель Пуле: что сталось бы съ нею, еслибъ она узнала подлинную суть дѣла?—У этой молодой женщины была любовная связь, это дошло до мужа, и въ припадкѣ отчаянія онъ довѣрился мнѣ, спрашивалъ, что ему дѣлать, и... мнѣ показалось, что, въ виду раскаянія жены, онъ готовъ ей простить.

Старушка слушала, сложивши руки, и проговорила:

— Да, простить... Что же бы дѣлать ему иначе?

— Ну, разойтись,—сказалъ Жакъ,—начать дѣло о разводѣ.

— А любитъ ли онъ ее?—живо спросила мадемуазель Пуле.

— Думаю, что... любитъ.

— Вотъ видите,—продолжала хозяйка, какъ бы торжествуя,—и дѣлать ему нечего, какъ только простить. О, это должно быть очень большое и очень болѣзненное наслажденіе простить при такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ! Я не знаю тѣхъ, про кого вы говорите, забываю ихъ имя... но не приходила ли вамъ когда-нибудь въ голову мысль, что, какъ бы ни былъ достоинъ сожалѣнія мужъ, есть нѣкто, кого слѣдуетъ пожалѣть еще больше, это — жену? Бѣдняжка она! Кто знаетъ, кто способенъ разгадать, какія обстоятельства, какія увлеченія, какія ошибки, неосторожности или неловкости лучшаго изъ мужей могутъ довести женщину до паденія и послужить не къ оправданію ея, разумѣется, а къ уменьшенію ея виновности? Какой мужъ, провѣривши себя добросовѣстно, посмѣетъ сказать: «Нисколько я не повиненъ въ постигшемъ меня несчастіи!» И если онъ признаетъ себя хотя въ чемъ-нибудь неправымъ,—въ излишней слабости, происходящей отъ доброты сердца, или въ неровности характера, или въ недостаткѣ нѣжности, или въ малой бдительности, я не говорю о матеріальномъ надзорѣ, а о душевной бдительности, умѣющей по лицу любимой женщины угадывать ея мысли,—тогда мужъ обязанъ сказать съ смиреніемъ кающагося: «Это мой грѣхъ, это мой великій грѣхъ!» Есть, правда, несчастныя созданія, которыхъ влечетъ къ себѣ порокъ, — такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ, я лично такихъ никогда не встрѣчала и думаю, не виноватъ

ли въ такихъ случаяхъ воспитаніе, примѣры, бывшіе у нихъ передъ глазами... Большая же часть женщинъ, — повѣрьте, добрый другъ, опытности бѣдной старухи, не настолько глупой, какою она кажется,—большая часть женщинъ созданы, чтобы жить счастливыми, уважаемыми и честными. Обманываютъ лишь тѣхъ мужей, которые сами до того доводятъ.

Жакъ смотрѣлъ на клеенчатую скатерть и на изорванный абажуръ и горько усмѣхался, далеко не убѣжденный рѣчью своей собесѣдницы.

— А затѣмъ, въ чемъ тутъ бѣда, въ чемъ необыкновенное несчастіе? Я никогда не могла понять той важности, которую мужчины, въ своемъ чрезмѣрномъ самолюбіи, придаютъ словамъ: жена обманула. Ужасно не быть любимымъ больше, ужасно не съумѣть ни заслужить, ни сохранить дорогую привязанность, и тогда надо сдѣлать все возможное, чтобы пріобрѣсти ее вновь. Можетъ ли быть другая цѣль въ жизни? Нѣтъ такой женщины, которая, испытавши всю гадость, всю пустоту и ничтожество незаконной любви, не жаждала бы,—вы понимаете?—не жаждала бы страстно вернуться на добрый путь и снова полюбить нѣжно, честно и преданно! Я лично знаю одну чудную и очень грустную исторію, случившуюся съ моими друзьями. Женѣ представилось, будто мужъ ее не любитъ, характерами они не сходились, она измѣнила мужу и съ отчаянія во всемъ ему призналась. Онъ оказался настолько добрымъ, великодушнымъ, стоящимъ выше несчастныхъ обстоятельствъ, что жена созналась въ своемъ неумѣньи цѣнить его и полюбила его. Но воспоминаніе о сдѣланномъ проступкѣ не покидало ее, она считала себя опозоренною, недостойною того счастья, которымъ онъ старался окружить ее, недостойною любви мужа. Это отравило жизнь бѣдняжкѣ, и она умерла молодою, — не спасли ее ни дивныя заботы мужа, ни двое милыхъ дѣтей, родившихся послѣ примиренія супруговъ. Я была при ея смерти. Все, что могутъ въ подобную минуту внушить самая чистая нѣжность и самая пламенная благодарность, все это высказывала несчастная женщина, сжимая руки мужа, не отходившаго отъ нея пятнадцать ночей,—да, мосье Жакъ, пятнадцать ночей,—и умолявшаго ее простить его въ томъ, что не всегда умѣлъ онъ дать ей такое счастье, какого желалъ! Отчаяніе обоихъ было трогательно, непередаваемо и ужасно. Но, — продолжала она, перемѣняя тонъ, задумчиво и серьезно, — тотъ мужъ простилъ по-настоящему, сполна, безъ затаенной думы, безъ эгоистическихъ воспоминаній. Прощеніе прощенію рознь, и такія бываютъ, за которыми слѣдуютъ намеки, ревность, упреки, унизи-

тельные для обоихъ, парализующіе первый порывъ великодушія. Прощать надо, какъ надо любить, всѣмъ сердцемъ, какъ бы мы хотѣли, чтобы простили насъ самихъ!

Наступило молчаніе, среди котораго послышалось жалобное мяуканіе. Мадемуазель Пуле встала съ своимъ обычнымъ и ей одной свойственнымъ добродушіемъ и отворила дверь, въ которую проскользнула вся истрепанная, хромая и изуродованная кошка, противнѣйшее изъ всѣхъ животныхъ, когда-либо видѣнныхъ Жакомъ.

— Я подобрала ее на улицѣ,—объяснила мадемуазель Пуле,—мальчишки уже добивали ее до смерти. Она такъ привязалась ко мнѣ, что оставаться безъ меня не можетъ, ѣстъ только при мнѣ...

И она приласкала изувѣченную кошку съ большими жалобными глазами, съ немного безумнымъ взглядомъ животнаго, испытавшаго мученія и помнящаго, какъ приходилось ему плохо.

— Дѣти, — продолжала хозяйка, — такъ же жестоки, какъ и взрослые, хотя они... Что же вы думаете, развѣ любилъ свою жену тотъ господинъ, который не побоялся обезславить ее дуэлью съ вашимъ зятемъ? Ранилъ его, хороша месть! Проливать кровь ближняго, нечего сказать, чудесное удовольствіе, восхитительное, выставлять себя на всенародное позорище, рисковать жизнью и пытаться убить человѣка для того, чтобы сказали: господинъ такой-то ранилъ на дуэли любовника своей жены! Да развѣ же это, по вашему мнѣнію, не отвратительное и мерзкое тщеславіе?

Жакъ отвѣтилъ утомленнымъ, вялымъ голосомъ:

— Если кто любилъ человѣка настолько, что, не задумываясь, довѣрилъ бы ему свои деньги, свою честь и даже жизнь, и если этотъ другъ, холодно, спокойно, соблазнитъ вашу жену, о! тогда, конечно, никакая уже встрѣча между ними невозможна, ни даже со шпагами въ рукахъ. Да и чего ради? Между этими людьми все уже покончено, все умерло.

Онъ поднялся.

— Вы уходите, дорогой мой?

— Поздно уже. Я радъ, что засталъ васъ. Такъ тяжело мнѣ было сегодня; горе Агнесы, плохое здоровье Терезы, эта исторія съ моимъ пріятелемъ,—все меня сильно разстроило. Выдаются такіе деньки. Прощайте, приходите къ намъ скорѣе!

— Приду, мнѣ еще надо вамъ дать отчетъ. Сколько бѣдноты нуждается въ помощи въ одной этой улицѣ, нищета такая, что волосы дыбомъ становятся. Если бы всѣ скучающія женщины, ищущія въ любви развлеченій отъ праздности, могли заглянуть на бѣдствія, которыя вижу я, если бы онѣ попробовали не подачки разд

вать, а придти къ бѣднякамъ съ милостыней сердечной, съ утѣшеніемъ и съ любовью во имя Христа, о, дорогой мой Жакъ, никогда бы эти женщины ни о чемъ другомъ не стали думать, божусь въ томъ, не было бы у нихъ досуга и скучать онѣ перестали бы! Подождите, я посвѣчу, лѣстница у насъ дрянная. Поцѣлуйте Терезу, поцѣлуйте за меня покрѣпче. Я думаю, она очень встревожена, очень волнуется теперь. Любите ее, добрый другъ мой, любите ее всѣмъ сердцемъ, чтобы она васъ любила всѣмъ своимъ сердцемъ. У нея такая чудная, такая чистая душа. Ну, прощайте. Вы будете счастливы, стоитъ захотѣть этого, и счастье придетъ. А когда видишь такія несчастія, какъ случившееся съ господиномъ д'Эльбэ, тогда въ особенности чувствуешь потребность тѣснѣе сблизиться съ тѣми, кого любишь. Поцѣлуйте ее за меня. Вотъ увидите, какую пользу принесетъ ей деревня, да и вамъ тоже. Хорошо тамъ, тихо, спокойно.

Съ площадки она освѣщала лампой темныя ступеньки лѣстницы, и Жакъ, поднявши голову, чтобъ улыбнуться ей въ послѣдній разъ, видѣлъ, какъ она слѣдитъ за нимъ любящимъ взглядомъ и улыбается ему кроткою, покорною улыбкой. Добрая, преданная женщина, чуткая и разумная; все, что думала она и не могла высказать, отразилось на ея блѣдномъ и ясномъ лицѣ. Жаку казалось, будто онъ еще слышитъ ея голосъ:

— Любите ее! — а затѣмъ еще: — Поцѣлуйте ее за меня!

Онъ былъ уже внизу лѣстницы, а слабый путеводный свѣтъ продолжалъ мерцать съ площадки. Жакъ почувствовалъ, что въ немъ шевельнулось что-то новое, сердце затрепетало въ потемкахъ, кровь заработала сильнѣе. Ему казалось, что онъ становится другимъ человѣкомъ, и на секунду онъ узналъ чистую жалость и истинную любовь.

— Моя жена! — прошепталъ онъ, растроганный, охваченный надеждою и нѣжностью, и повторилъ тише, точно формулу вступленія вновь въ обладаніе: — Моя жена!

И слово это получило для него новый смыслъ, неизмѣримо болѣе широкій и болѣе глубокій. Мимо проѣзжалъ фіакръ; онъ вскочилъ въ него.

XV.

[illegible]ь всѣхъ думъ его, мелочныхъ, эгоистичныхъ, навѣянныхъ усло[illegible]чностями и предразсудками, слѣда не осталось за время этого возв[illegible]щенія домой, казавшагося ему слишкомъ долгимъ, — такъ не-

терпѣливо хотѣлъ онъ увидать Терезу. Онъ себя начиналъ презирать за свои колебанія, изъ-за смѣшного самолюбія,— за то, что не облегчилъ ея терзаній, изъ-за жестокой отплаты. Онъ находилъ низкимъ, что не хватило у него рѣшимости обратиться къ ней съ добрыми словами, которыхъ заслуживала ея правдивость, что не далъ ей примирительнаго поцѣлуя, который вернулъ бы нѣкоторый покой ея душѣ, доведенной до отчаянія.

«Подлость это! — говорилъ онъ самъ себѣ. — Фальшь, тщеславіе, эгоизмъ! Что значатъ твое униженіе и твое горе въ сравненіи съ тѣмъ, что она выноситъ? Подумай только, сколько выстрадала она въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ. Поднимись же и ты въ своей жалости къ ней на высоту ея раскаянія. Вспомни мучительность ночи ея признаній, вспомни ея страдальческое лицо, ея отчаянные взоры. Какъ тиха и молчалива была ея мольба, какъ пыталась она удержать тебя больная въ постели, съ которой поднялась, чтобы исполнить обязанности гостепріимства по отношенію къ уѣзжавшей Агнесѣ! И ты не нашелся сказать ей ничего, кромѣ пустыхъ словъ притворной вѣжливости, ты мучилъ ее безполезными и неполными разспросами. Какъ бы ни была она виновата передъ тобою, она выше тебя была въ этихъ простыхъ сценахъ, безъискусственныхъ и страшно трагическихъ по существу своему. Загляни же вглубь себя, обратись къ своей совѣсти. Самъ-то ты правъ ли во всемъ этомъ? Ты сейчасъ только сваливалъ все на роскошь, на богатство и мало ли на что еще. Что же мѣшало тебѣ устроить вашу жизнь и опредѣлить расходы, какъ ты считалъ нужнымъ? Ты винишь ее въ праздности, почему же ты не развилъ въ ней любви къ труду, почему не попытался заантересовать ее серьезнымъ дѣломъ, ученіемъ, занятіями искусствомъ, музыкой, напримѣръ, къ которой она такъ способна? Она пользовалась слишкомъ большою свободой и ты недостаточно внимательно относился къ тому, что она дѣлала, съ кѣмъ была дружна, въ чемъ искала развлеченій... Кто же виноватъ? И, съ другой стороны, не раздражалъ ли ты самъ Терезу, при самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ? Сперва твоя мать, потомъ сестра были причиною вашихъ раздоровъ, и ты долженъ былъ исключительно силою своей нѣжности заставить жену полюбить ихъ. А почему еще не остерегся ты дружбы между такою молодой женщиной, какъ она, и такимъ человѣкомъ, какъ Филиппъ? Твоя довѣрчивость была безуміемъ или, по меньшей мѣрѣ, большою неосторожностью. Но бѣда случилась, дѣло непоправимо, Тереза горько кается и, весьма вѣроятно, ея сообщникъ тоже. Есть достаточно основаній предполагать, что про ея вину никто не узнаетъ

если самъ ты не сдѣлаешь какого-нибудь нелѣпаго скандала. Чего же тебѣ еще нужно? Если бы ты не любилъ Терезу, ты могъ бы, какъ ни жестоко это, погубить ее открытымъ разрывомъ. Но мыслимо ли это, когда ты любишь ее такою любовью,— а ты, вѣдь, дѣйствительно, любишь ее всѣми силами души, хотя и не умѣлъ любить, какъ бы слѣдовало! И что же теперь, неужели ты захочешь безполезно отравить жизнь старика, ея отца, милаго и безобиднаго человѣка, искренно любящаго тебя за то счастье, которое ты, по его мнѣнію, далъ его дочери? Ты скажешь ему: «Уходите вонъ съ нею, она вотъ что сдѣлала!»... Нѣтъ, ты объ этомъ никогда не думалъ серьезно. Ты ломалъ голову надъ тѣмъ, какъ поступить, чтобы тебѣ лучше было и чтобы исполнить свой долгъ. То и другое сходится въ одномъ: прости Терезу и люби ее, не во что бы то ни стало, а именно потому, что она виновата, въ особенности же, забудь. Но прощеніе должно быть полнымъ, безповоротнымъ и самоотверженнымъ. Надо такъ сдѣлать, чтобы и молчаніе твое не было укоромъ женѣ, чтобы и въ глазахъ твоихъ она не видала тѣни упрека. И знай, это будетъ началомъ новой жизни, за которую ты берешь на себя всю отвѣтственность. Но не воображай, что, простивши, ты перестанешь страдать. Года пройдутъ, прежде чѣмъ заживетъ твоя рана, если только она залечится когда-либо. Достанетъ ли у тебя силы на то, чтобы улыбаться, съумѣешь ли ты быть добрымъ непритворно и по-братски?»

Жакъ разсуждалъ такъ и по тому, какъ судорога сжимала ему сердце, сознавалъ, что исполнить все это будетъ далеко не легко, но въ такомъ страданіи было уже своего рода наслажденіе.

«Надо прямо смотрѣть на вещи и не говорить: есть вопросы, о которыхъ я не хочу думать, рѣшеніе которыхъ я могу отложить. Съ ними теперь же необходимо покончить разъ навсегда. Если ты простишь Терезу, будетъ ли полнымъ это прощеніе, сердцемъ ли только простишь ты ее, или же всѣмъ любящимъ и очарованнымъ ею существомъ твоимъ ты забудешь про ея измѣну? Поцѣлуй примиренія, которымъ вы обмѣняетесь, превратится ли когда-нибудь въ поцѣлуй любви, въ символъ добраго супружескаго союза? Помни, для тебя союзъ этотъ будетъ ужасенъ, будетъ отравленъ ревностью, отвратительными воспоминаніями. Вы оба молоды и полны жизни. Рѣшитесь ли вы отказаться отъ молодыхъ порывовъ, согласитесь ли жить, какъ нѣкоторые супруги первыхъ временъ христіанства, неразлучно и подобно трупамъ съ заледенѣвшими устами, съ окаменѣлыми руками? Убережетесь ли вы отъ нѣжащаго вліянія весны, отъ сладкихъ увлеченій, отъ прелести вечеровъ? Подумай только,

ты, судящій такъ строго безумный порывъ, погубившій Терезу,— самъ-то ты какъ измѣнялъ ей во время ея долгой болѣзни, поддаваясь дѣйствію климата, неба Италіи, своей молодости. Въ этихъ мимолетныхъ измѣнахъ проявилъ ли ты особливую сдержанность? Если у тебя не хватило силы остаться безупречнымъ, какое же право имѣешь ты жену такъ горько укорять въ измѣнѣ, когда въ оправданіе себѣ не можешь привести, — правда, очень тяжелаго въ данномъ случаѣ довода, — большой любви, страстнаго увлеченія заколдованной, порабощенной, обезумѣвшей души? И въ этихъ грѣхахъ твоихъ,— мелкихъ, допустимъ,— признаешься ли ты женѣ? Нѣтъ, разумѣется. А почему? Изъ деликатности или просто изъ боязни утратить долю ея мнѣнія о тебѣ, которое ты хочешь удержать за собою?»

И, весь отдавшись возврату нѣжности, онъ продолжалъ:

«Прочь всякія фразы! Прощеніе должно быть въ сердцѣ, а не на языкѣ. Она должна видѣть его въ моихъ глазахъ, чувствовать въ пожатіи руки, убѣдиться всѣми поступками моими, вниманіемъ, нѣжными заботами о ней, а не словами только, что я хочу сдѣлать ее счастливою, если смогу, смочь же я долженъ, такъ какъ хочу этого!»

Жаку казалось, будто Тереза становится необычайно и необъяснимо дорогою, потому ли, что она принадлежала другому и черезъ то пріобрѣла въ его глазахъ нежданную и прискорбную цѣну, или потому, что ему предстояло вновь ее завоевать и что, потерявши ее и найдя опять, онъ болѣе дорожить ею будетъ, или же замѣшивалось тутъ неясное и мучительное, а потому особенно страстное влеченіе къ опозоренной женѣ,— этого онъ опредѣлить не могъ. Когда же фіакръ остановился у его дома, уже запертаго и темнаго, все въ головѣ Жака опять спуталось, онъ чувствовалъ дрожь, пробѣгающую вдоль спины, какой-то неопредѣленный и острый страхъ, томительный до боли.

— Ничего нѣтъ новаго?—спросилъ онъ Антуана, отворившаго ему дверь.—Телеграммы не было?

Серьезное лицо слуги навело его на мысль о новомъ несчастіи, о смерти д'Эльбэ. Антуанъ подалъ только газеты и письма. Адресъ одного изъ нихъ былъ написанъ Ферраномъ, извѣщавшимъ, что по его просьбѣ и настояніямъ министръ разрѣшилъ помѣстить юнаго Рамбера стипендіатомъ въ версальскій лицей. Эта маленькая удача, которую бѣдная мадамъ Рамберъ сочтетъ за огромное одолженіе, вызвала у него улыбку,—такъ пришлось это во-время. Онъ освѣдомился о господинѣ Форже. Антуанъ отвѣтилъ, что въ ком-

натѣ барона видѣнъ еще свѣтъ, и Жакъ направился туда, полагая, что тесть останется доволенъ родственнымъ вниманіемъ, побудившимъ его придти побесѣдовать съ старикомъ о событіяхъ дня. Жакъ тихонько постучалъ въ дверь.

— Можно войти, отецъ?

Одѣтый въ легкую фуфайку, старикъ читалъ, сидя въ покойномъ креслѣ. Стаканъ сахарной воды и флаконъ флёръ-д'оранжа стояли на мраморной доскѣ ночного столика, пара туфель чинно, рядкомъ стояла у кровати, платье аккуратно сложено на стулѣ, все въ этой комнатѣ было въ симметрическомъ порядкѣ, обличавшемъ легкую манію хозяина. Былъ ли г. Форже очень углубленъ въ чтеніе или отдался полудремотѣ, неподвижность которой дѣлаетъ старыхъ людей похожими на куколъ, но онъ, сидя тутъ одинъ, никого не ожидая, весь какъ бы опустился, разслабъ. Лицо казалось значительно постарѣвшимъ, почти лишеннымъ выраженія, вѣки поднимались вяло надъ потускнѣвшимъ взглядомъ. Повидимому, всегда щеголеватый и корректный баронъ не особенно былъ доволенъ тѣмъ, что его застали не одѣтымъ, слишкомъ по-домашнему. Жакъ это заподозрилъ, но лишь на мигъ одинъ, такъ какъ старикъ уже подбадривался, настраивалъ свое лицо и улыбался обычною привѣтливою улыбкой.

— Вотъ, отецъ, каковъ намъ сюпризъ и пренепріятный! Вы очень удивились, вѣроятно, когда узнали, вернувшись домой, что Агнеса уѣхала съ дочерью. Я проводилъ ихъ на станцію.

— А, да,—сказалъ г. Форже,—Тереза передала мнѣ. Она обѣдала со мной, то-есть, вѣрнѣе, сѣла со мною за столъ и почти тотчасъ же ушла въ свою комнату. Я очень опасаюсь, что она все еще больна.

— Руссело былъ,—проговорилъ Жакъ,—посовѣтовалъ въ деревню ѣхать, прописалъ подкрѣпляющія средства. Мы ускоримъ отъѣздъ. Вы съ нами?

— Я... я еще не знаю,—отвѣтилъ старикъ, скрывая зѣвоту.—Мой старый другъ, генералъ д'Англяръ, настоятельно зоветъ меня на мѣсяцъ къ себѣ въ имѣніе около Бордо.

Оба смолкли. Жакъ, пришедшій было душу отвести, слегка разгорячился въ виду утомленнаго и безучастнаго тона г. Форже, и къ нему вернулось упорно-отклоняемое предположеніе, что баронъ начинаетъ слабѣть съ лѣтами. Пройдетъ еще немного времени, и появятся старческія немощи, потомъ съ года на годъ увеличивающееся одряхленіе превратится въ полудѣтство, предшествующее смерти. Онъ, несомнѣнно, преувеличивалъ, барону далеко еще бы-

ло до этого, и Жакъ, самъ не отдавая себѣ отчета, на основаніи какого-то внезапнаго провидѣнія, слишкомъ забѣгалъ впередъ. Тѣмъ не менѣе, у него сложилась увѣренность, что если бы и захотѣлъ онъ, то ничѣмъ не могъ бы вывести тестя изъ его старческой апатіи, а, стало быть, пусть уже лучше онъ ничего не знаетъ. И такое рѣшеніе, по существу своему не имѣвшее ничего общаго съ великодушіемъ, все-таки, доставило Жаку нѣкоторое затаенное удовольствіе.

— Да,—заговорилъ онъ опять,—мы поторопимся уѣхать въ деревню и ради того еще, чтобъ избавиться отъ выраженій соболѣзнованія любопытствующаго и сплетничающаго общества, отъ нежелательныхъ посѣщеній, въ особенности, если...

И самъ онъ удивился тому, что отнесся такъ просто къ большему несчастію, къ теоретическому предположенію, которое, осуществившись въ дѣйствительности, представилось бы ему, безъ сомнѣнія, тяжелымъ и ужаснымъ. Онъ не высказалъ, однако, опредѣленно, какого несчастія онъ опасается, изъ того соображенія, что г. Форже, подобно большинству стариковъ, не любилъ разговоровъ о смерти.

— Будемъ надѣяться, — докончилъ Жакъ,—что Максиминъ скоро оправится.

Баронъ ничего не отвѣтилъ, потому ли, что такой надежды не раздѣлялъ, или же изъ обычной боязни стать въ неловкое положеніе, высказавши свое мнѣніе о поведеніи капитана д'Эльбэ.

Вновь наступившее молчаніе Жакъ прервалъ словами:

— Покойной ночи, отецъ. Я пойду провѣдать Терезу. Вы о ней не безпокойтесь. Руссело нашелъ, что общее состояніе ея здоровья стало много лучшимъ. Вотъ увидите, какъ она поправится въ деревнѣ.

Г. Форже улыбнулся, стиснулъ зубы, сдерживая непреодолимую зѣвоту, и подалъ зятю руку, показавшуюся Жаку болѣе дряблою и морщинистою, чѣмъ всегда,—возможно, впрочемъ, что это лишь показалось ему.

— Покойной ночи, отецъ,—повторилъ онъ и съ нѣжностью, которую онъ выказывалъ отъ времени до времени, поцѣловалъ старика въ лобъ.

Выходя изъ комнаты, онъ уносилъ такое впечатлѣніе, что видѣлъ тестя совершенно инымъ, чѣмъ всегда, то-есть видѣлъ его такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Жакъ тихо притворилъ дверь, болѣе осторожно даже, чѣмъ это было нужно, и прошелъ не къ Терезѣ, а сначала къ себѣ, чтобъ освѣжить лицо и

руки. Онъ взглянулъ на себя въ зеркало и удивился, не замѣтивши никакой перемѣны въ лицѣ, лишь чуть-чуть потемнѣло подъ глазами и рѣзче вырисовывалась складка около рта. Онъ не посѣдѣлъ въ одну ночь, какъ разсказывалось въ старыхъ романахъ, и даже, благодаря лихорадочному блеску глазъ, имѣлъ видъ особенно бодрый,—словомъ, точно на смѣхъ, по его внѣшности незамѣтно было ни признака несчастія. И, кромѣ того, Жакъ почувствовалъ, что голоденъ,—въ этотъ день онъ не обѣдалъ и совсѣмъ забылъ о ѣдѣ. Что же удивительнаго въ этомъ, когда онъ живой человѣкъ изъ костей и плоти, мыслящее существо съ инстинктами животнаго? Не избѣжать и Терезѣ такихъ же неизмѣнныхъ требованій природы, соединившей въ насъ божественное съ звѣрскимъ. Эти мысли спутали его до глубины души. Черезъ двѣ-три минуты онъ опять увидитъ жену, опять будетъ съ нею?

Она, несомнѣнно, ждала его, такъ какъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ взяться за ручку двери, послышался звукъ отпираемой задвижки, и, войдя, онъ увидалъ въ полныхъ почти потемкахъ бѣлую фигуру, торопливо удаляющуюся къ кровати. Рука ощупью искала спичекъ на ночномъ столикѣ.

— Нѣтъ, не зажигай,—проговорилъ Жакъ.

Узкая полоска свѣта отъ ночника, горѣвшаго въ уборной, прокрадывалась сквозь неплотно притворенную дверь. Жакъ сѣлъ на низенькій стулъ у изголовья постели, его ноги очутились на пеньюарѣ, брошенномъ на коверъ.

— Какъ ты поздно вернулся,—сказала Тереза,—я уже начала безпокоиться.

Разспрашивать его она не посмѣла. Онъ отвѣтилъ:

— Я усталъ, долго бродилъ по улицамъ.

— Обѣдалъ ты?—спросила она, и эти слова, выражавшія вѣчную материнскую заботу женщины, посвятившей себя домашнимъ попеченіямъ о мужчинѣ, прозвучали нѣжною и трогательною тревогой.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—мнѣ ѣсть не хотѣлось. Я усталъ только.

Онъ разыскалъ руки жены, приложилъ ихъ къ своему лбу и склонился головой на край постели въ сладкой истомѣ.

— У тебя все еще жаръ,—продолжалъ онъ.—Ты опять мучила себя, волновалась.

— О, что мнѣ!...—она тихо вздохнула.—Это ничего!

— Не надо быть больною,—говорилъ онъ,—надо перестать

болѣть, ты должна быть здоровою, сильною, на жизнь должна смотрѣть бодро и быть счастливою.

Это было сказано такимъ страннымъ тономъ, что Тереза опять протянула руку за спичками, чтобы взглянуть ему въ лицо.

— Нѣтъ,—прошепталъ онъ,—подожди еще зажигать.

Онъ слегка приподнялъ голову и приложилъ руки Терезы къ своимъ глазамъ: они были влажны, онъ плакалъ, и слезы текли по ея пальцамъ.

— О, мужъ мой, милый мой!—и она залилась слезами, припавши къ его плечу.

Оба отдавались своему горю безъ заднихъ мыслей, безъ примѣси чего-либо низменнаго и себялюбиваго, оба плакали отъ чистаго сердца, отъ всей души.

Заслышавши ихъ тихія, сдержанныя рыданія, маленькое существо встревожилось въ сосѣдней комнатѣ, пробралось въ дверь и передними лапками оперлось на кровать. Жакъ и Тереза узнали Сиба, собачку Дестеля, и не рѣшились отогнать ее, такъ какъ она ласкалась къ нимъ, а только заплакали они еще сильнѣе, еще болѣе горько. Но къ ихъ тяжелой скорби примѣшалось и свѣтлое чувство; въ порывѣ обоюдной жалости ихъ губы встрѣтились и соединились ихъ сердца въ сумракѣ этой ночи.

XVI.

«*Госпожѣ Галюйсъ*,

„въ замокъ Флувы, черезъ Корси (Ньевръ).

«Милая моя жена.

«Я обѣщалъ писать тебѣ каждый день, и моя короткая записочка, тотчасъ по пріѣздѣ въ Марсель, успокоила тебя относительно моего путешествія. Въ какомъ состояніи я нашелъ сестру, ты можешь себѣ представить по тѣмъ чувствамъ, которыя мы сами испытали, получивши телеграмму о томъ, что Максимину осталось жить лишь нѣсколько часовъ. Несмотря на худыя вѣсти, которыя цѣлую недѣлю подготовляли насъ къ этой утратѣ, мы все еще продолжали надѣяться. Ночь, проведенная мною въ курьерскомъ поѣздѣ, который мчалъ меня къ несчастному умирающему, была настолько тягостна, что я ни мало не сожалѣю о моемъ отказѣ взять тебя съ собой. Твое здоровье не вынесло бы этой поѣздки, утомленія и волненій, которыя пришлось бы тебѣ перенести.

«Изъ моей вчерашней телеграммы ты уже знаешь, что бѣдняго

д'Эльбэ я не засталъ въ живыхъ. Онъ скончался передъ утромъ на рукахъ жены. Никогда я не забуду лица моей дорогой сестры, ея глазъ, измученныхъ семью безсонными ночами. Никакія убѣжденія сестры милосердія не могли поколебать ея самоотверженной рѣшимости,—Агнеса отходила отъ постели мужа лишь на то время, пока врачи дѣлали перевязки. Первое время д'Эльбэ былъ въ полномъ разсудкѣ и имѣлъ достаточно здраваго смысла, чтобы порадоваться пріѣзду жены. Остатокъ деликатности и раскаяніе побудили его принять Агнесу какъ должно. Первымъ его движеніемъ было поцѣловать ея руку, прошептать, что она слишкомъ добра къ нему, что онъ не стоитъ ея заботъ и желанія поставить его на ноги, на что онъ не надѣется, однако, но если удастся это, то всей жизни его не достаточно будетъ, чтобы загладить надѣланныя имъ безумства. Вмѣсто отвѣта, Агнеса позвала Лизету, подвела ее къ отцу, чтобъ онъ поцѣловалъ ее. Онъ покорно исполнилъ ея желаніе, но безъ малѣйшаго увлеченія, почти тотчасъ же заявилъ, что чувствуетъ себя утомленнымъ, и отворотилъ голову къ стѣнѣ. Затѣмъ два или три дня онъ продолжалъ выказывать ей доброе расположеніе; она вѣрила этому и въ ней оживала надежда на лучшее будущее. Врачи не высказывались опредѣленно, но и надежды у нея не отнимали. Но положеніе больного быстро ухудшилось, и душевное настроеніе Максимина дошло до того, что онъ не могъ выносить присутствія жены. Онъ сдѣлался раздражительнымъ, жаловался на то, что она не умѣетъ ему угодить, запретилъ приводить къ себѣ Лизету, говоря, что ребенку много лучше будетъ идти гулять и играть въ саду. Ночи сдѣлались очень тревожными, въ бреду онъ уже никого не узнавалъ, звалъ Маделену Дарси, изъ-за которой онъ умиралъ и которую мужъ увезъ въ Тунисъ. Приходя въ себя, онъ упрекалъ Агнесу въ томъ, что она не даетъ ему покоя, не отходитъ отъ него и ждетъ его смерти, взводилъ на нее всякія напраслины. Она все переносила молча, не отходила отъ него, въ надеждѣ, что проблескъ сознанія вернется къ умирающему. И на самомъ дѣлѣ, часа за два до агоніи, Максиминъ подозвалъ ее, проговорилъ: «Прости... прости меня!» Потомъ, послѣ припадка слабости, вспомнилъ о дочери и прошепталъ: «Лиза!» Съ этой минуты онъ потерялъ сознаніе, сталъ задыхаться и умеръ. Агнеса все время держала его руки. Несчастная женщина, что она должна была выстрадать за эти дни! Она держится на ногахъ только силою нервнаго возбужденія, но упадокъ силъ будетъ ужасный. На основаніи нѣсколькихъ словъ давно знающаго ее доктора Корнена, я опасаюсь душевнаго разстройства въ самомъ недалекомъ будущемъ. Ея

здоровье было всегда непрочно, она жила нервами, и дай Богъ, чтобы не оказалось оно окончательно подорваннымъ. Жизнь ея такъ нужна ея дѣвочкѣ!

«Весь вчерашній день занятъ былъ хлопотами и распоряженіями относительно похоронъ. Не знаю, какъ справилась бы съ этимъ Агнеса, если бы была одна. Отецъ и мать Максимина лишь въ пять часовъ пріѣхали изъ Біарица. Они такъ стары, что рѣшительно ни на что не пригодны. На маркизу д'Эльбэ смотрѣть тяжело, — такъ судорожно она дрожитъ. Маркизъ еще болѣе сгорбился, сталъ еще морщинистѣе, чѣмъ въ послѣдній разъ, когда мы его видѣли. Въ своемъ бѣлокуромъ парикѣ, онъ едва ноги передвигаетъ и почти впалъ въ дѣтство. Оба огорчены страшно и, стоя по обѣ стороны камина, имѣли видъ высокихъ траурныхъ каріатидъ. Братъ Максимина пріѣхалъ только сегодня, — очень холоденъ и крайне сухъ, какимъ ты его знаешь. Съ покойникомъ они никогда въ ладахъ не были, и теперь толки, которые возбудила здѣсь эта смерть, газетные пересуды, преслѣдованіе, которое намѣрена, говорятъ, прокуратура возбудить противъ графа Дарси и секундантовъ, весь этотъ скандалъ приводитъ въ отчаяніе его чопорность и преклоненіе передъ всякими условностями. Мы надѣемся, впрочемъ, что судебныя власти воздержатся отъ вмѣшательства съ своими придирчивыми вопросами въ эту прискорбную исторію, которая, что бы тамъ ни говорили, по свѣтскимъ понятіямъ о чести, разыгралась вполнѣ благородно... Я телеграфировалъ и послалъ длинное письмо Феррану, вліяніе котораго можетъ имѣть немаловажное значеніе въ глазахъ судебной власти. Похороны были сегодня утромъ при множествѣ народа, въ присутствіи всѣхъ драгунскихъ и гусарскихъ офицеровъ. Д'Эльбэ, несмотря на всѣ свои безумства, отлично былъ принятъ во всѣхъ кругахъ общества и очень любимъ въ полку. Несчастными онъ сдѣлалъ только свою жену и своихъ кредиторовъ. И то еще вопросъ относительно послѣднихъ-то...

«Я не передаю тебѣ, въ какомъ положеніи оставилъ свои дѣла этотъ несчастный малый, скорѣе безумный, чѣмъ дурной человѣкъ, — это полное безобразіе, и мнѣ придется довольно поработать, чтобы все распутать въ тѣ нѣсколько дней, которые я вынужденъ пробыть здѣсь. Я необыкновенно доволенъ, что тебя нѣтъ тутъ! Это совсѣмъ уже эгоистическое замѣчаніе, такъ какъ бѣдной, одинокой Агнесѣ очень была бы нужна близость женщины и нѣжное сочувствіе, которое, — я въ томъ увѣренъ, — внушила бы тебѣ жалость къ ней. Но, признаюсь, мнѣ много пріятнѣе знать, что ты въ деревнѣ, устраиваешься теперь, развлеклась, хотя, быть можетъ,

и утомилась немного, любуешься чудными видами, окружающими тебя. Я мечталъ о томъ, какъ мы уѣдемъ вмѣстѣ, какъ я тебя похищу, какъ мы явимся въ Флувы, никѣмъ нежданные, къ великому смятенію управляющаго, садовника и его жены. Безъ телеграммы отъ Агнесы такъ бы мы и сдѣлали. На-скоро прибранныя комнаты, кое-какъ смастеренная ѣда,—все это представлялось бы прелестнымъ, новымъ и юнымъ чѣмъ-то, и я уже мечталъ о томъ, какъ опять станутъ румяными твои щеки, милая жена моя, и онѣ должны быть румяными къ моему пріѣзду,—ты мнѣ обѣщала это, и я разсчитываю на это. Я предложилъ сестрѣ воспользоваться нашимъ гостепріимствомъ, но не знаю, какъ она рѣшитъ впослѣдствіи; теперь же старики д'Эльбэ такъ любовно и печально упрашивали ее провести у нихъ нѣсколько мѣсяцевъ, что у нея не хватило духа отказать имъ въ этомъ утѣшеніи. Они, вѣдь, всегда относились къ ней очень хорошо и были очень ласковы къ Лизетѣ. Не весело будетъ Агнесѣ съ двумя стариками, но она намѣрена посвятить себя исключительно дочери и хочетъ сама учить ее. Благодарю тебя за письмо, которое ты ей написала. Агнеса давала мнѣ его прочесть, она очень имъ тронута. Пиши мнѣ обо всемъ подробнѣе, ты знаешь, какъ я люблю это: такія письма даютъ мнѣ возможность представить себѣ, что̀ ты дѣлаешь. А какъ отецъ, что подѣлываетъ, собирается ли къ своему старому другу д'Англару?

«Уже часъ ночи, милая моя Тереза, и, несмотря на усталость, для меня отдыхъ и радость думать о тебѣ, давно уже спящей, навѣрное. А, можетъ быть, ты проснулась въ эту минуту, если не исчезли совсѣмъ противныя безсонницы, портившія тебѣ ночи въ Неаполѣ,—проснулась и, можетъ быть, думаешь обо мнѣ? Какъ бы хотѣлось мнѣ заглянуть въ твои думы, какъ бы хотѣлось узнать твое мнѣніе обо мнѣ, чѣмъ ты объясняешь мое поведеніе и чего я стою въ твоихъ глазахъ! Опасенія, что невѣрно будутъ поняты намѣренія, побудившія насъ поступать такъ или иначе, всегда тревожили меня, а въ настоящую минуту волнуютъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Мнѣ хотѣлось бы знать тебя лучше и быть убѣжденнымъ въ твоей полной и довѣрчивой откровенности. Вся бѣда наша въ томъ и была, что мы были слишкомъ сдержаны, недостаточно искренни. Сколько разъ изъ ложной деликатности я не смѣлъ ни предложить тебѣ вопросъ, ни высказать тебѣ сполна мою мысль. Мнѣ кажется, что ты стала другою женщиной, совсѣмъ новою, которую мнѣ надо еще узнать, что стала ты одновременно лучше и хуже, но какова бы ты ни была, я люблю тебя страстно и хочу, чтобы ты была счастлива. Вѣрь мнѣ, это единственное мое желаніе

и единственная цѣль. Не можемъ мы развѣ *теперь* подняться выше всякихъ мелочей повседневной жизни, ничтожныхъ огорченій и раздраженій изъ-за пустяковъ, которыя слишкомъ часто проскальзывали въ первые годы нашего супружества? Не думаешь ли ты, что теперь, ясно распознавши другъ друга, мы могли бы устроить нашу жизнь на основахъ обоюднаго довѣрія и взаимной любви, не оглядываясь на прошлое, а имѣя въ виду лишь будущее?

«Чѣмъ больше я думаю объ этомъ, — а я только объ этомъ и думаю эти дни въ промежутки, оставляемые мнѣ несчастіемъ Агнесы,—тѣмъ болѣе крѣпнетъ мое рѣшеніе. Бываютъ, разумѣется, минуты, когда при воспоминаніи о томъ, что безусловно необходимо намъ забыть, — иначе жить нельзя будетъ, — мое сердце сжимается невыносимою болью, весь ужасъ которой ты, быть можетъ, и представить себѣ не можешь. Я доходилъ до того, что говорилъ себѣ: «Изъ-за чего такъ страдать, когда можно легко и быстро освободиться, отдѣлаться отъ себя самого и отъ всего?» Но тогда я видѣлъ опять твое милое лицо, дивное выраженіе твоихъ глазъ, твою страдальческую улыбку, вспоминалъ твой порывъ отчаянной правдивости и часы убійственнаго отупѣнія, нашего душевнаго разгрома, и я поднимался нравственно, желая быть достойнымъ тебя, возвыситься до тебя, милая жена! Ты страдала, такъ пойми же и силу моихъ страданій и разсуди, не должны ли мы любить другъ друга за эти страданія изъ обоюдной жалости и сочувствія, изъ желанія все исправить. Возможно ли это, можемъ ли мы смѣло сказать себѣ: что было, то было, и вспоминать объ этомъ нечего? Я думаю, что это возможно. Сколько людей живетъ послѣ ампутаціи, сколько несчастныхъ дышетъ однимъ только легкимъ! А, вѣдь, живутъ же они и есть у нихъ въ жизни проблески счастья. Неужели мы не съумѣемъ создать себѣ хотя бы блѣднаго счастья, при молодости, здоровьѣ, разумѣ, которые у насъ есть еще? Милая, дорогая моя, это возможно, если мы по-настоящему захотимъ этого. Было время, когда подобная попытка показалась бы мнѣ немыслимою, но въ то время зналъ ли я самъ?... Мнѣ необходимо было заглянуть въ самую глубь самого себя, вступить въ борьбу съ идеями и принципами, руководившими всею моею жизнью, пришлось ощупью искать выхода. Многія сомнѣнія все еще смущаютъ меня. Разумно ли я поступаю, оба ли мы безумствуемъ, что пытаемся еще жить другъ для друга? Не лучше ли было бы намъ разойтись и каждому искать своего особливаго счастья? Но осталась ли для насъ какая-нибудь доля его? Не знаю я твоего мнѣнія объ этомъ, что же меня касается, то я слишкомъ сильно люб-

тебя для того, чтобы когда-нибудь отъ тебя отказаться... И, однако, если бы ты захотѣла быть свободной, на что твое письмо давало намъ право, то изъ любви къ тебѣ я, быть можетъ, согласился бы и на эту жертву... Нѣтъ, даже теперь, когда я пишу это, я вѣрить не хочу, допустить не могу подобнаго предположенія,—такъ сильно я люблю тебя, дорогая! Какъ бы много ни страдали мы вмѣстѣ, я не могу жить безъ тебя, въ разлукѣ съ тобою, и все на свѣтѣ предпочитаю такому несчастью!

«Письмо это вышло очень длиннымъ, а мнѣ многое осталось еще написать тебѣ. Мнѣ легче изложить мою мысль на бумагѣ, чѣмъ высказать ее тебѣ лично,—настолько трудно въ присутствіи наиболѣе любимаго существа выразить полно и точно свои чувства. Въ моихъ ты усомниться не можешь. Сердцемъ твоимъ дополни недостаточность моихъ словъ и вѣрь въ искреннюю, нѣжную и безграничную любовь твоего мужа и твоего лучшаго друга.

«Жакъ».

«*Господину Жаку Галюйсу, у госпожи д'Эльбэ.*

„Вилла Сантесъ, на Прадо, въ Марсели.

«Милый мужъ мой.

«Твое письмо глубоко меня растрогало, я плакала, читая его, ты такъ добръ, слишкомъ добръ ко мнѣ. Какъ ясно я сознаю все зло, сдѣланное мною, сдѣланное тебѣ, милый мой, когда сопоставляю горе, причиненное тебѣ моею виной, съ снисхожденіемъ и съ жалостью, которыя ты мнѣ выказалъ! Ты не разлюбилъ меня, ты все еще любишь меня, несмотря ни на что, любишь бѣдную Терезу, безсердечную, безумную и злую, изъ-за которой перенесъ столько страданій? Неужели правда это? Повтори мнѣ это, мой Жакъ! О, если бы ты зналъ, какъ понятна мнѣ теперь моя обязанность и легко и сладко мнѣ ее исполнить—любить тебя и всѣ силы употребить на то, чтобы ты былъ счастливъ! Но вѣришь ли ты мнѣ, когда я говорю, что люблю тебя? Умоляю, вѣрь мнѣ, я не сказала бы этого, если бы то была неправда. Я чувствую, что неспособна лгать теперь. Простивши меня, ты поднялъ, возвысилъ меня, и мучительно мнѣ, и стыдно предположеніе, что ты можешь усомниться въ моей любви. Я не вправѣ напоминать о моихъ мученіяхъ и о мѣсяцахъ терзаній и отчаянія, которыя я пережила, но я знаю, я чувствую, что они возбуждаютъ твое состраданіе и что въ нихъ заключается единственный доводъ, на основаніи котораго ты можешь когда-нибудь простить меня. Зачѣмъ я недостаточно вѣрила тебѣ? Зачѣмъ не поняла я, что къ тебѣ одному мнѣ слѣдовало

обратиться, прежде чѣмъ охватило меня безуміе? Я стараюсь уяснить себѣ, какъ могла я превратиться въ Терезу, дошедшую до этого, и объяснить не могу. Даже память не въ состояніи воспроизвести, чѣмъ я была тогда, я сообразить не могу, что̀ я чувствовала въ то время,—это былъ кошмаръ, какой-то мракъ... Но ты такъ добръ, ты хочешь, чтобы мы забыли о прошломъ, и я забуду, я забываю. О, какъ хотѣлось бы забыть, если бы только это было возможно!

«Милый мой Жакъ, я думаю о тебѣ съ невыразимою нѣжностью, и ты представляешься мнѣ такъ же какъ будто другимъ человѣкомъ, выдающимся, стоящимъ много выше того, какимъ ты мнѣ казался! Нѣтъ, я не умѣла тебя оцѣнить, я не знала тебя! Твое письмо страшно взволновало меня: ты могъ думать о... Мужъ милый мой, что же бы сталось со мною безъ тебя? Завѣряю тебя, что жить я была бы не въ силахъ! Нѣтъ и нѣтъ, объ этомъ и думать не слѣдуетъ, смерть слишкомъ ужасна. Когда я пытаюсь представить себѣ бѣднаго Максимина недвижимымъ, безъ мысли, меня охватываетъ нестерпимая дрожь. Жакъ мой, ты не могъ думать серьезно о смерти за меня, я хочу сказать—по моей винѣ,—не стою я этого. Разстаться... если бы ты потребовалъ этого, мнѣ ничего бы другого не оставалось, какъ только повиноваться тебѣ и уйти изъ твоего дома, возвративши тебѣ все, что̀ ты далъ мнѣ,—не могу я забыть, что всѣмъ я тебѣ обязана. Но теперь я могу тебѣ признаться въ томъ, что пережить этого я была бы не въ состояніи: есть болѣзни, которыя приходятъ по нашему желанію, ихъ стоитъ лишь позвать, и я исчезла бы незамѣтно, и, быть можетъ,—такая мысль мнѣ часто приходитъ въ голову,—такъ было бы лучше: объ исчезнувшихъ всегда жалѣютъ немножко. Но надо жить,—ты говоришь это и возвращаешь мнѣ немного бодрости. А мнѣ она такъ нужна! Твоя доброта должна бы поднять меня и укрѣпить мои силы, но порою на меня находитъ такое уныніе, что я начинаю сомнѣваться въ возможности для насъ начать жизнь снова и вернуть счастье. Если бы ты зналъ, какъ я хочу этого, какъ желаю, чтобы ты не страдалъ, не думалъ, чтобы вся тяжесть страданій легла на меня одну!

«Ты радуешься тому, что я не съ вами въ эти горестные дни, а я жалѣю объ этомъ и если бы только смѣла, не боялась бы, что ты недоволенъ останешься, я бы пріѣхала, чтобы быть съ тобою. Ты не повѣришь, до чего тоскливо безъ тебя и до чего томительно мнѣ одиночество въ этомъ большомъ домѣ. На меня безпрестанно нападаетъ страхъ, что ты не вернешься. Когда принесли

письмо, я долго не рѣшалась его распечатать, боялась, что въ немъ ты говоришь о необходимости разстаться со мною. Я ничего не таю отъ тебя, какъ видишь, и безъ всякой задней мысли. Пріѣзжай скорѣе, милый Жакъ, я едва смѣю просить объ этомъ, но тебя зоветъ мое сердце, и ты найдешь меня безгранично покорною, благодарною, жаждущею угождать тебѣ. Мнѣ жаль Агнесу, оставшуюся одинокою съ ребенкомъ на рукахъ, но она потеряла совсѣмъ не такого мужа, каковъ ты, и если бы я тебя лишилась, то была бы неизмѣримо болѣе достойна жалости, чѣмъ Агнеса. Я вспоминаю о ней съ большою печалью и съ любовью, а также о бѣдномъ Максиминѣ. Мнѣ порою не вѣрится даже, что это правда, несмотря на получаемыя мною письма соболѣзнованія и на трауръ, который я надѣла. Мнѣ очень тяжело было бы остаться теперь въ Парижѣ, даже запретивши принимать кого бы то ни было; всегда находятся навязчивые друзья, не стѣсняющіеся ворваться въ домъ чуть не силой. Въ Фульвахъ никто у насъ не бываетъ. Отецъ пріѣхалъ помочь мнѣ устроиться, но не останется съ нами на будущій мѣсяцъ, такъ какъ собирается уѣхать въ Бордо.

«Онъ необыкновенно хорошъ ко мнѣ, заставляетъ меня исполнять всѣ предписанія доктора, про которыя я постоянно забываю, и катаетъ меня по вечерамъ, такъ какъ вечера еще довольно свѣжи. Онъ хотѣлъ купить мнѣ англійскую лошадь, очень смирную, чтобы я могла ѣздить верхомъ съ тобою. Я отъ лошади отказалась, это слишкомъ разорительная прихоть, и я не хочу наносить ущербъ его величайшему и единственному удовольствію — пополнять свою коллекцію. Но какъ ни добръ отецъ, какъ ни балуетъ меня, все же это не мой Жакъ. Милый, не оставайся надолго вдали отъ твоей Терезы! Я должна признаться въ моей слабости: я ужасно боюсь по ночамъ, хотя кладу Бланку спать въ комнатѣ рядомъ съ моею уборной, хотя у садовника заряженное ружье, а управляющій для моего успокоенія дѣлаетъ обходы съ двумя большими собаками. Пріѣзжай скорѣе, добрый другъ мой, мнѣ представляется, что безъ тебя могутъ случиться всякія бѣды. Безсонницы у меня нѣтъ, но я вижу страшные сны, ужасные сны, разстраивающіе меня на цѣлый день. Прощай, мужъ мой, возлюбленный мой, цѣлую тебя, обнимаю, если позволишь, крѣпко-крѣпко, отъ всего сердца.

«Твоя Тереза».

XVII.

Поѣздъ скорымъ ходомъ приближался къ Ньевру. Жакъ испытывалъ такое ощущеніе, что его подхватили событія и мчатъ съ

быстротою колесъ, несущихся по рельсамъ. Поля, дома, деревья мелькали мимо и тотчасъ же исчезали. И ему представлялось, что такъ же спѣшно и неудержимо летитъ его жизнь среди живыхъ образовъ и рѣзкихъ впечатлѣній, и онъ пытался сосредоточиться, разобраться въ этой путаницѣ. Сколько событій произошло въ эти нѣсколько дней, послѣ многихъ недѣль полнаго покоя: его семейная бѣда, прежде всего, потомъ смерть зятя,—смерть, въ дѣйствительность которой онъ только теперь, придя немного въ себя, начиналъ вѣрить, причемъ упрекалъ себя въ томъ, что недостаточно огорченъ ею и чувствуетъ лишь смутную жалость. Отъ всѣхъ тревогъ этихъ тяжелыхъ дней онъ поблѣднѣлъ и похудѣлъ, постарѣлъ даже, какъ ему показалось, когда онъ взглянулъ на себя въ зеркало во время остановки на одной станціи съ буфетомъ. Жакъ меланхолично смотрѣлъ на бѣгущіе мимо ландшафты, развлекаемый на четверть секунды то коровой, пасшеюся на лугу, то барьернымъ сторожемъ, выставившимъ свой флагъ какимъ-то автоматическимъ, деревяннымъ движеніемъ. Женщина, молодая и очень хорошенькая, на видъ приличная и скромная, сидѣла въ углу вагона противъ Жака. Онъ часто взглядывалъ на нее, когда могъ предполагать, что, занятая чтеніемъ, она этого не замѣчаетъ. Остальные спутники, престарѣлая супружеская пара и юный лицеистъ, мало интересовали его. Незнакомка занимала его загадочностью всей своей фигуры: откуда она? куда ѣдетъ совсѣмъ одна? И онъ пытался угадать ея общественное положеніе, пускался въ фантастическія предположенія. У этой блондинки съ голубыми глазами, немного мутнаго цвѣта бирюзы, были чудные свѣтлые волосы соломеннаго оттѣнка, который больше всѣхъ другихъ нравился Жаку, хотя волосы его жены были немного темнѣе. Его въ восторгъ приводили также высокія и стройныя женщины, а такую красивую и тонкую талію онъ рѣдко встрѣчалъ въ своей жизни.

Она не была похожа на Терезу, но напоминала ее стройностью и граціозностью. Жаку показалось какъ будто невѣроятнымъ даже, что онъ уже такъ недалеко отъ жены, что ихъ отдѣляютъ другъ отъ друга всего нѣсколько минутъ ѣзды. И такъ, онъ сейчасъ увидитъ ее, опять возьметъ ее, признаетъ своею навсегда эту кающуюся грѣшницу, виновную въ прелюбодѣяніи? Что это такое съ ея стороны, безуміе или гадость? Быть можетъ, то и другое вмѣстѣ. Доподлинно ли знаетъ онъ сокровенные тайники собственной души? И ему стыдно становилось, въ головѣ проходили жгучія и очаровательныя воспоминанія. Взглядывая украдкой на покатыя плечи незнакомки, на ея руки, держащія книгу, на суконную юбку, на

дающую мягкими складками, онъ думалъ о таинственномъ и волшебномъ вліяніи женской привлекательности. Лишенный столько времени ласки, онъ пустился въ несбыточныя мечты о связи съ одинокою путешественницей. Въ самый разгаръ горя, среди хлопотъ въ домѣ только что умершаго родственника въ Марсели, на него нападали предательскія искушенія, неодолимая потребность любить и быть любимымъ. Теперь онъ испытывалъ такое же томленіе, такую же опасную нѣгу при мысли о новой жизни, о неопредѣлившихся еще отношеніяхъ, ожидающихъ его на порогѣ супружеской комнаты. Приходилось миновать какое-то темное и опасное мѣсто. Онъ отлично сознавалъ, что тутъ-то и кроется таинственная, щекотливая основа удручающихъ его волненій. Безъ полнаго супружескаго единенія не можетъ быть искренняго прощенія, настоящаго примиренія и забвенія. Если бы гордость и инстинктивное отвращеніе, исходящее изъ самой пламенной любви, впрочемъ, сдержали Жака въ теченіе недѣль и мѣсяцевъ, онъ все же предвидѣлъ, что наступитъ день, когда ихъ уста сольются въ роковомъ поцѣлуѣ. Какими судьбами не случилось этого до сихъ поръ? Онъ помнилъ, какъ слезы Терезы увлажали его щеки въ тотъ вечеръ, когда, измученный, безъ словъ, онъ припалъ къ ея изголовью, принося ей и молчаливое прощеніе, и примиряющія слезы. Далеко ли было до того, чтобы разнѣженные горемъ въ сумракѣ ночи они увлеклись до самозабвенія?

Жакъ не могъ спокойно представить себѣ такой минуты. Исчезнетъ ли въ пылу страсти отвратительное воспоминаніе? Мыслима ли иллюзія, что Тереза, вновь отдавшись ему, никогда не переставала ему принадлежать? Кто знаетъ, не захватитъ ли его бѣшенство въ такую минуту? Кто поручится въ томъ, что онъ не убьетъ ее въ моментъ полнаго опьяненія страстью?... Жакъ закрылъ глаза, стараясь не думать больше объ этомъ. Такого рода смѣны настроеній были ужасны, и тѣмъ рѣзче онѣ были, чѣмъ неожиданнѣе наступали; прорываясь сквозь полудремоту его сознанія, они волновали его до глубины души. Доброй воли оказывалось—увы!—недостаточно, слишкомъ ужь просто это было бы — простить и забыть. Жакъ твердо рѣшилъ не страдать ради Терезы, ...ть такъ, будто ничего не случилось, относиться къ женѣ съ та... же нѣжностью, какъ прежде, съ еще большею даже. Рѣшеніе ...роическое, несомнѣнно, но осуществленіе его было бы равно... ...льно добровольному мученичеству, постоянному и ежеминутному. ...точему знать, не преувеличивалъ ли онъ трудность принимаемой ...ебя роли? Конечно, полное прощеніе обусловливалось тѣмъ,

чтобъ онъ любилъ жену такъ же, какъ въ первое время ихъ супружества. И, быть можетъ, сладость такого брака совсѣмъ не превратится въ ѣдкую горечь, которой онъ боялся. Послѣ большихъ униженій мы не можемъ утѣшиться,—сказалъ Вовенаргъ,—но мы ихъ забываемъ. Возможно, что и Жакъ найдетъ дивное и меланхолическое забвеніе въ объятіяхъ Терезы! Она никогда не принадлежала ему вполнѣ, по собственному ли темпераменту, или потому, что у Жака недоставало смѣлости со всѣмъ пыломъ отдаться страсти. Какъ знать, не проснулась ли въ ней чувственность, купленная ужасною цѣной для нихъ обоихъ, не разбудилъ ли въ ней опозоривающій грѣхъ таинственной способности заворожить и поработить до забвенія всего? Отвратительна такая мысль, но бываютъ минуты, когда цинизмъ овладѣваетъ самыми возвышенными душами. И Жакъ, призывая и отгоняя, въ то же время, побужденія, въ которыхъ себѣ признаться стыдно, вызванныя безъисходностью имъ самимъ созданнаго положенія, наклонился всѣмъ тѣломъ, поставилъ локти на колѣни и закрылъ руками глаза. «А! пусть Тереза будетъ какою хочетъ,—проносилось въ его головѣ,—лишь бы мнѣ забыться съ нею, стыдливою и скромною попрежнему, или же развращенною, какъ мнѣ можетъ почудиться; пусть меня терзаетъ образъ отсутствующаго или пусть я унижусь до того, что свыкнусь съ мучительнымъ сознаніемъ,— мнѣ безразлично это, такъ какъ я люблю ее, люблю! Почему, за что? Я цѣлые годы мучился съ нею и видѣлъ лишь рѣдкіе дни счастья, купленнаго дорогою цѣной. Величайшія страданія, самое мерзкое униженіе я испыталъ по ея милости, и я, все-таки, люблю ее! Если бы еще она была изъ тѣхъ, которыхъ красота возводитъ въ царицы и чей умъ ослѣпляетъ. Но и этого нѣтъ, ничего нѣтъ, кромѣ необычайной очаровательности, которую чувствуешь и объяснить себѣ не можешь. Какъ бы несовмѣстимо сложны ни были мои чувства къ ней, — нѣжность, презрѣніе, жалость, отвращеніе,—доля моя такова, что отъ любви къ ней я не въ силахъ избавиться!»

— А Филиппъ?—крикнулъ злой голосъ.—Какъ бы посмѣялась эта хорошенькая дама, что смотритъ на тебя теперь, какъ бы распотѣшились твои пріятели, еслибъ они узнали! Улыбнулся бы самъ Гильемъ, о которомъ ты вспоминалъ не иначе, какъ съ ироніей!

«Э, пусть ихъ знаютъ,—отвѣтилъ себѣ Жакъ,—пусть знаетъ весь свѣтъ! Быть можетъ, избавившись отъ такого опасенія, открыто отдавшись опозоренной женщинѣ, я безъ боязни буду любить ее въ какомъ-нибудь далекомъ уголкѣ безстыдною и мерзкою любовью!»

Онъ приподнялъ голову и чуть не пожалъ плечами. Ясно, что, вопреки разнымъ разсужденіямъ, литература, фразы романовъ подрывали,—не извращая ея, впрочемъ, окончательно,—искренность его чувствъ. Онъ сказалъ себѣ: «Ради чего пережевывать постоянно эту горечь?»—и попытался мысленно схватиться за иное, за воспоминаніе объ Агнесѣ, очень больной, которую, покончивши съ неотложными дѣлами въ Марсели, онъ проводилъ до Тулузы и отправилъ въ Біарицъ съ Лизетой, въ сопровожденіи преданной имъ женщины, бывшей кормилицы дѣвочки. Въ памяти его проходили только что видѣнныя лица пріятелей д'Эльбэ и чиновъ судебнаго вѣдомства. Онъ купилъ лошадей Максимина: пару вороныхъ упряжныхъ и двухъ верховыхъ. Благодаря любезности полковника, вѣстовой д'Эльбэ и солдатикъ, отпущенный на нѣсколько дней, отправились довести ихъ по желѣзной дороги до Ньеврa, а оттуда до Фульвъ. Жакъ машинально дотронулся рукой до портфеля, спрятаннаго у его груди; въ немъ письмо Феррана, успокоившее Жака: слѣдствія по поводу дуэли не будетъ,—уже цѣлую недѣлю журналы и вниманіе общества заняты большимъ скандальнымъ дѣломъ. Но въ портфелѣ есть и еще нѣчто, кромѣ письма Феррана, есть другая бумага, исписанная торопливымъ, неровнымъ почеркомъ,—бумага, которую Жакъ въ теченіе двухъ недѣль не уничтожилъ, хотя существованіе ея жгло его, причиняло жестокую боль. Изъ-за какого непростительнаго ребячества сохранилъ онъ эту исповѣдь Терезы, рискуя потерять ее, дрожа при мысли, что она можетъ попасть въ чужія руки и быть невѣдомо кѣмъ прочтена? Не разсчитывалъ же онъ въ самомъ дѣлѣ держать ее въ качествѣ угрозы на всякій случай и воспользоваться ею, какъ скрытымъ орудіемъ? Или же онъ предполагалъ уничтожить ее въ присутствіи Терезы, сказать женѣ: «Сожги!»—какъ сдѣлалъ Гильемъ съ своею женой? И вышло бы это не болѣе, какъ подражаніемъ, завѣдомо даже для Терезы,—и Жакъ представлялъ себѣ всю дрянность подобной сцены, мелодраматичность жестовъ. Нѣтъ, нѣтъ, лучше сейчасъ же покончить съ этимъ. Освободившись отъ желанія хранить это письмо и перечитывать его, мучиться изъ-за него, онъ почувствуетъ облегченіе навсегда, быть можетъ,—такъ велико значеніе, придаваемое нами чисто-условнымъ поступкамъ и осязательнымъ символамъ! Онъ вынулъ портфель, досталъ письмо и, не взглянувши на него, началъ неторопливо, аккуратно разрывать на мельчайшіе клочки, которые послѣдовательно разбрасывалъ по вѣтру. Хорошенькая путешественница отвела глаза отъ книги и разсѣянно

слѣдила взглядомъ за крошечными бѣлыми лоскутками бумаги. Когда исчезли послѣдніе изъ нихъ, Жакъ рѣшилъ, что такъ и слѣдовало сдѣлать. Совершилось нѣчто непоправимое, имѣющее формальное значеніе,—въ этомъ онъ, по крайней мѣрѣ, старался увѣрить себя самого. И грустный и милый голосъ безвозвратно сдѣланнаго, минутъ, единственныхъ въ жизни, тихо шепталъ ему: «Это прошлое, прошлое!»

Въ то время, какъ поѣздъ на всѣхъ парахъ подходилъ къ станціи, Жаку совсѣмъ уже иною представлялась разыгрывавшаяся въ его душѣ драма, въ которой онъ былъ одновременно дѣйствующимъ лицомъ и зрителемъ. Испытываемыя имъ мученія не имѣли отношенія къ дѣйствительности настоящаго времени, цѣплялись за исчезнувшее, далекое, за умершія чувства. Еслибъ онъ все зналъ съ перваго дня, то прошло уже довольно мѣсяцевъ для того, чтобъ успѣть все забыть теперь. Мѣсяцы—это такой длинный срокъ, въ который у людей, потерявшихъ самое любимое существо,— будь то любимая женщина или любовникъ,— глаза перестаютъ плакать и сердце охладѣваетъ. Пройдетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, и каковы же будутъ его ощущенія при воспоминаніи о теперешнихъ часахъ страданія? И Жакъ говорилъ себѣ: «Это—прошедшее!» Почему не сказалъ онъ этого съ самаго начала? И онъ повторилъ, какъ припѣвъ старой пѣсни: «Это—прошедшее, это—прошедшее!»

Поѣздъ вдругъ замедлилъ ходъ и остановился у станціи Корси. На дебаркадерѣ ждала Тереза.

Супруги почти одновременно увидали другъ друга; Тереза увидала мужа впередъ, и онъ узналъ ее по радостной улыбкѣ и по сіяющему лицу, такъ какъ Тереза была одѣта въ черное, и что-то въ ней измѣнилось, чего Жакъ не распозналъ сразу. Когда онъ отворилъ дверцу вагона, и жена торопливо двинулась ему на встрѣчу, онъ понялъ, въ чемъ дѣло: она остригла волосы и они вились у нея на затылкѣ, какъ у бретонскихъ мальчиковъ. Это дѣлало ее похожею на юнаго пажа, придавало ей видъ оригинальный и необыкновенно милый.

— Мой Жакъ,— прошептала она, поднимая вуаль, и они поцѣловались прямо въ губы. — Ты хорошо съѣздилъ, не очень усталъ?

Онъ выставилъ наружу свой чемоданъ и, обычно вѣжливо приподнявъ шляпу, поклонился своей молчаливой спутницѣ, которую Тереза окинула проницательнымъ взглядомъ, выразившимъ ко-

торую подозрительность. Отъ Жака это не ускользнуло, и оба почувствовали легонькій, очень легонькій толчокъ.

— Ты знакомъ съ этою дамой?—спросила Тереза.

— Я? Совсѣмъ не знакомъ.

— Ты же ей поклонился?

— Просто изъ вѣжливости.

Она вздернула голову тѣмъ обычнымъ движеніемъ, съ которымъ всегда принимала объясненія мужа. И ему почудилась едва замѣтная, правда, перемѣна въ тонѣ и манерахъ жены. Сомнѣнія не было, она оставалась такою же точно, какою была, подозрительною и своенравною. А она опять улыбалась и повторяла:

— Наконецъ-то, наконецъ!... Какимъ долгимъ показалось мнѣ это время!—и мило, стѣсняясь немного, почти робко, она прибавила:—Видишь, я занялась собою, чтобы тебѣ понравиться. Хорошъ фасонъ моего платья? Я выбрала самый простой, чтобы пришелся тебѣ по вкусу. Ты смотришь на волосы? Я принуждена была ихъ остричь.

— И похожа теперь на мальчика,—сказалъ онъ.

— Пойдемъ, тамъ насъ ждетъ экипажъ.

Она приготовила сюрпризъ: пара вороныхъ капитана д'Эльбэ стояла въ новой сбруѣ запряженною въ щегольскую викторію съ кучеромъ въ голубой ливреѣ на козлахъ.

— Вотъ и экипажъ... нравится тебѣ? Жербо пріѣхалъ въ кабріолетѣ и возьметъ твой багажъ. А, вотъ онъ!

Подошелъ Жербо, управляющій Флувами, краснощекій господинъ съ просѣдью въ волосахъ, одѣтый въ темно-сѣрую пару. Десять лѣтъ онъ завѣдывалъ имѣніемъ госпожи д'Эрвинъ и занималъ одинъ изъ флигелей на краю парка. Жакъ, весьма мало склонный къ сельскому хозяйству и ничего въ немъ не смыслившій, очень охотно оставилъ у себя Жербо. Здороваясь, онъ дружески пожалъ управляющему руку. Тотъ держалъ себя спокойно, съ подобающимъ почтительнымъ достоинствомъ. Бывшій офицеръ, награжденный во время войны медалью за храбрость, выказанную въ бою при Резонвилѣ, Жербо отличался безупречною честностью, знаніемъ своего дѣла и большою предусмотрительностью. Потерявши жену, онъ жилъ съ дочерью, двѣнадцатилѣтнею дѣвочкой, и съ старухой матерью. Жакъ спросилъ его объ ихъ здоровьѣ, Жербо отвѣтилъ и спросилъ разрѣшенія на полученіе багажа.

— Вотъ билетъ и благодарю васъ, Жербо,—сказалъ Жакъ.

Управляющій пошелъ къ станціи. Тереза крикнула ему:

— Не забудьте про мои цвѣты, мосьё Жербо!

Онъ пріостановился и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, сударыня, Анета принесетъ вамъ ихъ вечеромъ.

— Какіе цвѣты?—полюбопытствовалъ Жакъ. Его шокировало нѣчто фамильярное, оттѣнокъ кокетства, въ тонѣ Терезы, хотя, впрочемъ, ровно ничего особеннаго не было въ томъ, что она такъ обратилась къ Жербо.

— Такъ, рѣдкіе цвѣты для моей гостиной. Что же ты ничего не скажешь про нашъ экипажъ?

— Ты мнѣ объясни, откуда онъ взялся.

— Очень просто: ты хотѣлъ купить викторію, отецъ поѣхалъ и привезъ эту изъ Парижа, по указанію де-Малерта. Молодой графъ де-Фонтекъ, племянникъ мадамъ де-Маржай, заказалъ себѣ одинъ маль-кочь и три англійскихъ телѣжки, когда его отдали подъ опеку. Этотъ экипажъ былъ еще въ мастерской каретника. Жербо добылъ мнѣ кучера и ручается за него. Какъ ты находишь *мой* сюрпризъ?

— Нахожу его очень милымъ,—проговорилъ Жакъ и, хотя, въ сущности, противъ этого сказать было нечего, въ душѣ его шевельнулось непріятное чувство, при видѣ стриженыхъ волосъ жены, викторіи, кучера, необыкновенности или, вѣрнѣе, неожиданности такой встрѣчи, крайне привѣтливой, впрочемъ. Онъ находилъ, что Тереза, только что надѣвшая трауръ, могла бы подумать о чемъ-либо менѣе пустячномъ, чѣмъ о покупкѣ экипажа для преподнесенія ему сюрприза. Ему представлялось яснымъ, что и навсегда она останется балованнымъ ребенкомъ, всѣ капризы котораго исполняетъ безъ возраженій слишкомъ слабый отецъ. Однимъ взглядомъ Жакъ окинулъ экипажъ и запряжку, одинаково безукоризненные, и недоволенъ остался тѣмъ, что покритиковать и покорить нечего,—такъ щекотливо бываетъ мужское самолюбіе. Онъ подалъ руку женѣ, и Тереза легко вспрыгнула на подножку, сѣла, оправляя свои юбки, онъ помѣстился рядомъ, и экипажъ мягко покатился, уносимый рѣзвою рысью хорошо съѣзженныхъ лошадей. Во время этой быстрой ѣзды, возбуждавшей легкое опасеніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріятной и покойной, Жакъ полною грудью вдыхалъ на просторѣ свѣжій воздухъ и недоумѣвалъ, онъ ли это на самомъ дѣлѣ и дѣйствительно ли рядомъ съ нимъ сидитъ Тереза такъ близко, что онъ ощущаетъ теплоту ея тѣла? Онъ взглянулъ на нее,—неужели коротко волосы до такой степени измѣнили ея лицо? Она казалась необыкновенно юною, въ самомъ разцвѣтѣ жизни, съ румянцемъ розы на щекахъ, какъ бы вернувшеюся къ той порѣ, когда онъ по-

любилъ ее молоденькою дѣвушкой, почти ребенкомъ. Ея чудесные глаза сіяли, точно изумруды, въ которыхъ играетъ лучъ солнца. Трауръ не омрачилъ ея красоты, напротивъ, онъ придавалъ ей особенно странную пикантность. И Тереза улыбалась ему, нѣжно смотрѣла на него глубокимъ, блестящимъ взоромъ.

— Ну, что? — проговорилъ Жакъ послѣ долгаго молчанія, не спуская глазъ съ нея.

Она отвѣтила:

— Я счастлива, — и, точно спохватившись, добавила со вздохомъ: — слишкомъ счастлива!

1.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

СМЕРТЬ САНОВНИКА.

(Очеркъ).

Князь уѣзжалъ по Николаевской дорогѣ съ 8-ми часовымъ курьерскимъ поѣздомъ въ свое приволжское имѣніе. Стоялъ іюньскій ясный и теплый вечеръ; но на платформѣ, не особенно людной, все виднѣлось въ какомъ-то полусвѣтѣ, съ которымъ пріятно гармонировали отсутствіе суеты, мѣрный, спокойный говоръ уѣзжавшихъ и провожавшихъ, темная масса поѣзда, стоявшаго уже наготовѣ, и высокій, сводчатый навѣсъ надъ нимъ. Все было внушительно, чинно, дышало внутреннею силой, избѣгающею рѣзкаго звука, порывистаго движенія.

Князь вошелъ въ купэ и занялъ мѣсто у открытаго окна, возлѣ котораго толпилась группа лицъ, его провожавшихъ. У самаго окна стояла его племянница, пожилая, слегка сгорбленная дама въ скромной темно-лиловой шляпѣ нѣсколько старомоднаго фасона. Она молча поглядывала на князя, отвѣчавшаго ей по временамъ легкою улыбкой, чуть замѣтно оживлявшею его старческое лицо. Тутъ же находился генералъ-адъютантъ чрезвычайно внушительнаго вида, высокій, прямой, сѣдой, съ николаевскою осанкой. Въ сторонкѣ бесѣдовали между собой нѣсколько дамъ и мужчинъ, принадлежавшихъ, очевидно, къ высшему свѣту; они иногда поглядывали на князя, но лишь изрѣдка перекидывались съ нимъ мимолетнымъ замѣчаніемъ.

Генералъ-адъютантъ слегка нагнулся къ окну.

— Oh oui! Vous vous êtes éreinté, cher prince. Reposez-vous maintenant,—проговорилъ онъ тихо.

Затѣмъ, приблизивъ голову уже къ самому уху князя, онъ прибавилъ:

— Vous savez: l'on a besoin de vous!

На тщательно-выбритомъ лицѣ князя промелькнула не то улыбка, не то легкая тѣнь разочарованія, когда онъ отвѣтилъ:

— Je tâcherai, chéri, je tâcherai...

Раздался послѣдній звонокъ. Генералъ-адъютантъ отступилъ на шагъ. Князь перекрестилъ свою племянницу, которая какъ бы украдкою поцѣловала его мягкую холеную руку. Затѣмъ онъ обмѣнялся рукопожатіями съ генералъ-адъютантомъ и остальными провожавшими его лицами. Все это дѣлалось не спѣшно, какъ будто не могло быть сомнѣнія, что поѣздъ не тронется съ мѣста раньше, чѣмъ не окончится сцена прощанія. И дѣйствительно, только въ тотъ моментъ, когда князь привѣтливо кивнулъ какому-то элегантному молодому человѣку, стоявшему изъ скромности позади всѣхъ остальныхъ, послышался какъ бы издалека глухой, протяжный свистъ локомотива, и поѣздъ тронулся плавно, безъ всякаго толчка, еле чувствительно, словно не желая нарушить гармоніи этой прощальной сцены людей, знавшихъ себѣ цѣну и привыкшихъ къ внѣшнему почету. Племянница вынула платокъ и замахала имъ вслѣдъ удалявшемуся поѣзду. Жандармъ бойко взялъ подъ козырекъ, неподвижно глядя на продолжавшаго стоять у окна князя, на котораго были устремлены и взоры большинства находившихся на платформѣ лицъ, успѣвшихъ уже проститься съ уѣзжавшими пріятелями, родственниками или знакомыми. Князь же прощался со всѣми привѣтливо, легкимъ наклоненіемъ головы, пока поѣздъ, миновавъ платформу, не понесся на полныхъ парахъ въ полусвѣтлую вечернюю даль.

Когда промелькнули желѣзно-дорожныя строенія и поѣздъ выбрался на просторъ, князь повернулся и увидалъ стоявшаго за нимъ камердинера Ивана. Онъ велѣлъ ему приблизиться и сдѣлалъ кое-какія распоряженія насчетъ чая и постели.

— Ты самъ, впрочемъ, все знаешь,—прибавилъ онъ въ заключеніе.—Служишь у меня давно: въ этомъ мѣсяцѣ стукнетъ, кажется, двадцать лѣтъ.

— Точно такъ, ваше сіятельство,—лаконически отвѣтилъ слуга, ничѣмъ не проявляя радости по поводу оказаннаго ему вниманія: ни одинъ мускулъ его жирнаго лица съ рыжими бакенбардами не дрогнулъ.

— Ну, ступай себѣ,—промолвилъ князь утомленнымъ голосомъ, и слуга вышелъ изъ купе.

Оставшись одинъ, князь грузно опустился на мягкое сидѣнье. Глядя въ окно, онъ правою рукой машинально открылъ положенный камердинеромъ на сосѣдній столикъ чемоданчикъ и вынулъ изъ

него книгу—послѣдній романъ Золя. Развернувъ ее, онъ взглянулъ на одну страницу, перевернулъ ее, началъ читать въ другомъ мѣстѣ, но ему не читалось, и онъ положилъ книгу на столикъ рядомъ съ чемоданчикомъ.

«Vous vous êtes éreinté, cher prince,— повторилъ онъ фразу своего друга, генералъ-адъютанта.—Да, да, я еще никогда не чувствовалъ себя такимъ утомленнымъ».

Онъ сталъ мысленно перебирать все, что сдѣлалъ за послѣдніе мѣсяцы. Затянулись же засѣданія государственнаго совѣта въ этомъ году. Уѣхалъ бы раньше, да нужно же было заболѣть Павлу Петровичу! А тутъ эти законопроекты! Кто бы ихъ провелъ, особенно теперь?

Опять какая-то мимолетная улыбка промелькнула по его лицу. Онъ скрестилъ свои мягкія руки на колѣнѣ и продолжалъ смотрѣть въ окно.

«По утрамъ, когда встаю,—вотъ когда la fatigue vous suffoque. Et parfois ces éblouissements et étincellements à ne rien voir. Доктора говорятъ: въ деревнѣ все пройдетъ. Посмотримъ. Но въ Ольгино я поѣхалъ бы и безъ ихъ совѣта. Никогда еще не хотѣлось такъ увидѣть родное гнѣздо. Сорокъ лѣтъ не былъ... Сорокъ лѣтъ!»

Поѣздъ мчался на всѣхъ парахъ. Князь снялъ мягкую сѣрую фетровую шляпу и, откинувшись головой на спинку кресла, точно застылъ. Бритое его лицо казалось въ вечернемъ полусвѣтѣ особенно блѣднымъ, а тонкія губы—совершенно безкровными; на высокомъ лбу, слабо оттѣненномъ остатками сѣдыхъ волосъ, выступали синеватыя жилки. Онъ казался мертвецомъ, но по лицу его, на этотъ разъ вполнѣ явственно, промелькнула прежняя улыбка или, скорѣе, тѣнь разочарованія, затаеннаго, глубокаго.

«L'on a besoin de vous,—прошептали его тонкія губы.—Sans vous l'on ne saurait que faire!»

Поѣздъ летѣлъ, какъ стрѣла, плавно разсѣкая воздухъ и гремя надъ мостами. Скрывавшаяся въ немъ сила теперь прорвалась, и страшно было подумать: что, если онъ натолкнется на какое-нибудь препятствіе,—все раздавитъ, размозжитъ, уничтожитъ?...

Улыбка на лицѣ князя замѣнилась выраженіемъ холоднаго безучастія. Онъ изрѣдка открывалъ глаза, и тогда сквозь золотныя очки вспыхивала искра тонкаго, проницательнаго ума. Затѣмъ глаза опять закрывались, и снова безжизненнымъ, мертвенно-блѣднымъ казалось его лицо.

Князь раннимъ утромъ (онъ вставалъ всегда очень рано) сидѣлъ въ гостиной своей приволжской усадьбы передъ большимъ поясным портретомъ миловидной дѣвушки. Онъ смотрѣлъ на портретъ сквозь золотыя очки, слегка жмуря глаза, и ,казалось, долго не могъ оторвать отъ него взора. «Сорокъ лѣтъ,—повторялъ онъ мысленно,—тогда и теперь, теперь и тогда. Все измѣнилось, но она не измѣнилась, потому что умерла. Люди бальзамируютъ умершихъ. Pourquvi faire? La mort elle-même graves pour toujour dans notre mémoire l'image de ceux, que nous aimons...»

Князь грустно улыбнулся собственному афоризму, но продолжалъ смотрѣть на портретъ. Онъ сличалъ, провѣрялъ. Похожъ ли портретъ на образъ, сохранившійся въ его душѣ? Нѣтъ, художнику (князь опять улыбнулся: какіе ужь тогда были художники!) не удалось схватить основное выраженіе лица, то, что называется душою человѣка. Но онъ все продолжалъ сличать, провѣрять. Мысль его, очевидно, съ трудомъ могла оторваться отъ милаго ему въ эту минуту прошлаго. Наконецъ, онъ отвелъ взоръ отъ портрета и началъ внимательно осматривать комнату: все было по-старому, какъ тогда, сорокъ лѣтъ тому назадъ. Распоряженіе его, чтобы все хранилось въ прежнемъ видѣ, строго соблюдалось: актеры исчезли, но сцена не измѣнилась, только выцвѣла, полиняла, пріобрѣла старомодный оттѣнокъ...

Все та же мебель краснаго дерева, тотъ же круглый столъ, даже прежняя лампа, а надъ нею...

Князь быстро всталъ и приблизился къ столу, чтобы посмотрѣть на другой портретъ, висѣвшій на противуположной стѣнѣ.

«Bonne mère! — неслышно прошептали его тонкія губы. — Bonne mère!—повторилъ онъ, и воспоминанія новою волной нахлынули на него.—Te voilà fatiguée... Ты отдыхаешь минуточку, одну только минуточку, чтобы кое-что сообразить, и затѣмъ съ новыми силами приняться за свои вѣчныя хлопоты по хозяйству. Michel, подойди! Mon bon garçon. Aujourd'hui tu as été sage: tu le seras toujours,—n'est-ce pas, cher enfant?»

Да, она прерывала свои хлопоты по хозяйству, только чтобы любоваться имъ, чтобы поласкать его. Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ отецъ, она любила только его и Ольгино... Быть можетъ, даже Ольгино больше, чѣмъ его. Сильна была эта любовь, но какъ она развилась въ ней?

Князь точно никогда въ жизни еще не задавался этимъ вопросомъ,—съ такимъ интересомъ мысль его теперь останавливалась на немъ. Любовь къ Ольгину была несомнѣнно преобладающею

страстью матери. Князь анализировалъ это чувство и, въ то же время, спрашивалъ себя, почему онъ не унаслѣдовалъ его отъ матери?

Дочь сосѣдняго помѣщика, она выросла въ деревнѣ, затѣмъ родители повезли ее въ Москву, чтобы выдать замужъ, и выдали прекрасно, составили ей блестящую партію. Значительная разница въ лѣтахъ между нею и мужемъ не могла служить препятствіемъ: съ одной стороны богатство, княжескій титулъ, блестящія связи и родня, слава бывшаго великосвѣтскаго льва, героя военныхъ подвиговъ; съ другой—эта разница въ лѣтахъ, къ тому же, скрашенная все еще очень представительною и изящною наружностью. Но, тѣмъ не менѣе, годы сдѣлали свое: отцу уже не жилось въ столицѣ; онъ попросился въ отставку и повезъ молодую жену послѣ всего двухлѣтней жизни въ столичной свѣтской сутолокѣ въ деревенскую глушь, въ Ольгино. Этотъ переходъ отъ столичнаго блеска къ деревенскому уединенію, однако, нисколько не опечалилъ и не разстроилъ молодой жены. Она, вѣдь, выросла въ деревнѣ: ей пріятнѣе было быть первой въ деревнѣ, чѣмъ одной изъ многихъ въ свѣтѣ, при дворѣ. Кромѣ того, она искренно полюбила мужа, всегда ровнаго, привѣтливаго, отдыхавшаго съ наслажденіемъ въ деревенской тиши отъ шума, чада, безцѣльной суеты великосвѣтскаго общества и блестящей военной карьеры. Мужъ отдыхалъ; но она не отдыхала. Напротивъ, это была жизненная натура, искавшая осмысленной дѣятельности въ привычной и свойственной ей средѣ. Ольгино въ ея рукахъ превращалось въ прелестный уголокъ. Надо было много любви, много вкуса и подчасъ много практичности, чтобы изъ довольно запущеннаго имѣнія создать маленькій прелестный мірокъ, цвѣтущій, теплый, доставлявшій отраду глазу и вкусу, поражавшій благосостояніемъ, нѣжившій своею красотой и осмысленностью разумнаго и дѣльнаго управленія. О, да, можно было отдыхать и наслаждаться въ такомъ земномъ раѣ, все болѣе разцвѣтавшемъ благодаря попеченіямъ молодой и миловидной жены, придававшей ему еще болѣе прелести своею изящною личностью, своею стойкою домовитостью, своимъ любовнымъ отношеніемъ къ мужу, сыну и къ хозяйству.

«Bonne mère!»—повторилъ князь любовно.

Однако, отецъ причинилъ ей вскорѣ большое горе: онъ умеръ. Но, втянувшись въ жизнь вѣчно-хлопотливой и озабоченной хозяйки, полюбивши Ольгино, сроднившись съ нимъ, какъ съ твореніемъ собственныхъ рукъ, какъ съ дѣтищемъ, рожденнымъ въ мукахъ безконечныхъ заботъ и хлопотъ, поглотившихъ почти всѣ ея помыслы и чувства, она, несмотря на постигшее ее горе, не опустила

рукъ и продолжала съ прежнею энергіей свое хозяйственное дѣло, незамѣтно превратившееся для нея въ жизненную задачу. Сквозь призму этой жизненной задачи она стала смотрѣть на все. Воспитаніе сына стало ей представляться также не иначе, какъ подготовленіемъ къ принятію наслѣдства, надъ пріумноженіемъ и украшеніемъ котораго она такъ дѣятельно и любовно трудилась. Что могло въ жизни быть дороже Ольгина, этого гнѣздышка, свитаго ея любящею рукой, теплаго, уютнаго, родимаго? Только подчиняясь настойчивымъ совѣтамъ друзей и родныхъ, заботившихся о карьерѣ будущаго владѣльца Ольгина и полагавшихъ, что ему необходимо получить образованіе въ столицѣ, въ привилегированномъ учебномъ заведеніи, она, скрѣпя сердце, согласилась послать его въ Петербургъ и... предпочла разлуку съ сыномъ, но съ Ольгинымъ не разсталась. Такъ онъ одинъ попалъ въ водоворотъ столичной жизни, который его скоро увлекъ, наполнилъ его умъ и сердце новыми впечатлѣніями, стремленіями, надеждами. Деревня стала представляться ему чѣмъ-то наивнымъ, старосвѣтскимъ, скучнымъ. Bonne mère и Ольгино были почти забыты...

Но наступилъ моментъ, когда ея мечта, казалось, могла осуществиться. Это было въ то время, когда онъ кончалъ курсъ. Пріѣхавъ на лѣтніе каникулы въ Ольгино, онъ засталъ мать уже не одну: въ домѣ поселилась пріемышъ bonne mère, сирота-дѣвушка, дочь сосѣдняго помѣщика. Мать взяла въ свое управленіе ея имѣніе и пріютила у себя дѣвушку. Только впослѣдствіи, впрочемъ, а не тогда, князь себѣ уяснилъ, что тутъ былъ цѣлый обстоятельно задуманный планъ, клонившійся къ тому, чтобы прикрѣпить навсегда наслѣдника Ольгина къ родному гдѣзду. Даже теперь, когда онъ вспоминалъ воспитанницу матери, случайно называвшуюся Ольгой и этимъ какъ бы предназначенную стать хозяйкой Ольгина,—даже теперь онъ не могъ не признать, что выборъ матери былъ очень удаченъ. О, у bonne mère было много чутья, много вкуса!

Сколько онъ видѣлъ съ тѣхъ поръ красивыхъ и обворожительныхъ женщинъ, но ни одна не произвела на него такого устойчиваго впечатлѣнія, какъ эта избранная ею дѣвушка. Простота, умъ, душевность, миловидность, нравственная чистота,—все это слилось въ образъ, который постоянно живъ былъ въ его душѣ и который воскресъ съ новою силой теперь, когда онъ послѣ сорокадневнаго отсутствія посѣтилъ родныя мѣста.

Князь повернулся и снова сталъ присматриваться къ портрету на противуположной стѣнѣ. На него повѣяло свѣжестью молодости,

его душу обдало тепломъ, задушевностью, обаяніемъ роскошнаго весенняго утра, которое не повторяется, сверкнетъ, лучезарно освѣтитъ всю жизнь и затѣмъ не меркнетъ только въ воспоминаніяхъ. Да, онъ никогда больше въ жизни не любилъ. Des amourettes, oui, mais plus d'amour...

А тогда? Тогда, въ эти незабвенные дни молодости, образъ дѣвушки, такъ прочно запечатлѣвшійся въ его душѣ, обворожилъ его, заставилъ его—увы, на одну секунду—подумать, что все, что его плѣняло, забавляло, поглощало тамъ, въ Петербургѣ, не можетъ дать ему счастья, не можетъ наполнить его жизнь. Онъ чуть-было не промѣнялъ столицу на деревню, блестящую карьеру, ожидавшую его въ свѣтѣ, на уединенную жизнь въ приволжскомъ захолустьѣ. Да, мечта bonne mère была близка къ осуществленію.

Но она не осуществилась. Бѣдная bonne mère!

Молодость взяла свое. И онъ, «мятежный», искалъ «бурь, какъ будто въ буряхъ есть покой». Какого же рода бурь онъ искалъ и что заставляло его искать ихъ? Какъ ясно онъ отвѣчалъ себѣ теперь на этотъ вопросъ! Онъ подчинялся одному чувству, одному основному стремленію: онъ былъ уже рабомъ столицы. Прозябать въ деревнѣ, когда тамъ, въ Петербургѣ, жизнь бьетъ ключомъ, когда его товарищи мечтаютъ о карьерѣ, о громкой дѣятельности на глазахъ у всей Россіи, о лаврахъ на разнообразныхъ поприщахъ, когда все его воспитаніе приготовило его къ стяжанію этихъ лавръ, когда впереди была слава, и блескъ, и женская любовь, не мѣщанская, не деревенская, а упоительная, сверкающая остроуміемъ, плѣняющая утонченнымъ вкусомъ,—такая любовь, о которой мечтаютъ поэты,—когда душа жаждала чего-то необычайнаго и все казалось возможнымъ, когда кровь кипѣла,—въ такой моментъ похоронить себя въ Ольгинѣ, да это было бы самоубійствомъ! Вотъ настроеніе, заставившее его, хотя и не безъ внутренней борьбы, отречься отъ Ольгина, пойти наперекоръ желаніямъ bonne mère, бросить дѣвушку, которую онъ полюбилъ и которая успѣла уже полюбить его, и, порвавъ навсегда съ деревней, очертя голову броситься въ столичный омутъ. Это настроеніе постепенно приняло опредѣленную, ясную форму; оно кристаллизировалось въ тяжелую глыбу, подавившую всю его жизнь.

«Бѣдная bonne mère, нѣтъ, мечта твоя не осуществилась... Michel n'a pas été sage...»

Князь снова печально улыбнулся и окинулъ всю комнату долгимъ взглядомъ. Ему, видимо, не хотѣлось разставаться съ нею и со всѣми этими воспоминаніями. Они не только прельщали ег

своею свѣжестью, но съ новою силой предлагали ему неразрѣшенный вопросъ...

На верандѣ его ожидалъ утренній кофе. Камердинеръ Иванъ стоялъ поодаль. Князь сперва махнулъ ему рукой, желая остаться одинъ. Но затѣмъ, передумавъ, окликнулъ слугу.

— Иванъ!

Тотъ приблизился.

— Есть кто-нибудь?

— Управляющій, ваше сіятельство.

— Потомъ, не теперь.

— Слушаю-съ.

Камердинеръ ушелъ. Да, потомъ, не теперь, — только не теперь. Всецѣло находясь подъ впечатлѣніемъ воспоминаній, навѣянныхъ на него обстановкой, князь налилъ себѣ кофе, хлебнулъ, но отставилъ чашку. Затѣмъ наскоро допилъ ее, всталъ, направился къ выходу въ садъ, но остановился, пораженный красотою утра.

Вокругъ было тихо. Все ожидало наступленія жаркаго лѣтняго дня. На небѣ не было ни одного облачка. Солнце ярко освѣщало безконечную панораму. Направо разстилался вдоль нагорнаго берега Волги городъ съ домами, окруженными зеленью цвѣтниковъ, кустовъ, деревьевъ. Зелень отсутствовала только въ центрѣ города, гдѣ столпились бѣлые дома съ красными крышами. Остальные дома и постройки были разбросаны въ живописномъ безпорядкѣ на большомъ пространствѣ, и нѣкоторые изъ нихъ тянулись до самаго парка Ольгина. По ту сторону рѣки зеленѣли еще свѣжею зеленью безконечные луга, терявшіеся въ необозримой дали. Необозримо было и водное пространство; широкое раздолье великой рѣки манило, поражало, опьяняло...

— Какъ хорошо!

Но отъ этой шири, отъ этого яркаго свѣта у него закружилась голова. Онъ прислонился плечомъ къ косяку двери и закрылъ глаза. Такъ онъ стоялъ долго неподвижно. Онъ хотѣлъ любоваться видомъ, но не могъ: въ глазахъ у него рябило, огненные круги мѣшали ему смотрѣть и наполняли его душу смутнымъ страхомъ, тревожнымъ предчувствіемъ. Но, въ то же время, внутренній голосъ ему говорилъ: «Нѣтъ, не можетъ быть». Среди этой роскошной природы, среди этого избытка жизни и силъ мысль о близкой смерти казалась ему невѣроятной, чудовищной.

Дѣйствительно, онъ скоро оправился, открылъ глаза, огненные круги исчезли, и вновь роскошная природа окружала его, манила,

опьяняла. Онъ сталъ внимательнѣе всматриваться въ ландшафтъ и бросилъ взглядъ налѣво. Внизу, на нѣкоторомъ разстояніи отъ него, виднѣлись куполы церкви въ густой зелени парка.

«Тамъ наша усыпальница,— подумалъ князь.— Тамъ лежитъ матушка. Тамъ и она. Въ порядкѣ ли могильныя плиты? Сорокъ лѣтъ, и я не выбралъ минуты, чтобы взглянуть на нихъ, даже ни разу не освѣдомился, цѣлы ли онѣ».

Князь не трогался съ мѣста. Онъ все еще не могъ оторвать глазъ отъ разстилавшагося передъ нимъ чуднаго вида. Но не одна красота природы дѣйствовала на него. Въ немъ снова пробуждалось и чувство любопытства. Все ли осталось по-старому? Какія перемѣны произошли въ этомъ уголкѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ нимъ простился? Въ самомъ домѣ все сохранилось въ неизмѣнномъ видѣ; но паркъ, но городъ, но деревня?...

Онъ взглянулъ на паркъ. Тѣнистъ онъ былъ попрежнему; дорожекъ, повидимому, не прибавилось. Но что это за крыша тамъ виднѣется направо? И какъ городъ приблизился! Рядъ, правда, еще разбросанныхъ домовъ какъ бы врѣзался въ паркъ, который въ этомъ направленіи сильно порѣдѣлъ. «Ахъ, да,— припоминалъ князь,—вѣдь, я самъ разрѣшилъ открыть эту часть парка городскимъ жителямъ для прогулокъ и даже устроить эстраду для музыки. Тишина Ольгина теперь по вечерамъ нарушается... Музыка, толпа... La marée democratique envahit tout... Кажется, управляющій даже просилъ о разрѣшеніи построить театръ въ паркѣ... Да, да, припоминаю...»

И князь вдругъ круто повернулъ налѣво. Черезъ церковь онъ взглянулъ на деревушку, ютившуюся въ оврагѣ. Тѣ же соломенныя крыши; кажется, столько же дворовъ, сколько ихъ было тогда. Тутъ, вѣроятно, все осталось по-старому. Увеличилось ли въ этой мѣстности количество пахотной земли? Судя по статистическимъ даннымъ, вѣроятно, нѣтъ. Помѣщичье хозяйство! А крестьяне...

И князь вспомнилъ одинъ изъ губернаторскихъ отчетовъ сосѣдней губерніи, прочитанный имъ недавно и сильно его поразившій, несмотря на то, что и другіе губернаторскіе отчеты рисовали довольно мрачную картину. «Дурное крестьянское хозяйство всѣхъ поражаетъ... Народъ очень разстроился... Тридцать лѣтъ тому назадъ губернія давала 20 милліоновъ четвертей; теперь даже при весьма хорошемъ урожаѣ только 13 милліоновъ». Значитъ, регрессъ, да еще какой!

Князь сталъ медленно спускаться по широкимъ ступенямъ террасы. На этотъ разъ по его лицу уже совершенно ясно скользнула

саркастическая улыбка, когда онъ, миновавъ садъ, вышелъ въ паркъ и, направляясь тихою поступью къ церкви, снова повторилъ:

«Sans vous l'on ne saurait que faire...»

Безъ него! Да знаетъ ли кто-нибудь, какъ онъ прожилъ свою жизнь, — нѣтъ, не то. Его жизнь, конечно, всѣмъ извѣстна во всѣхъ подробностяхъ, даже въ такихъ, до которыхъ, въ сущности, никому нѣтъ никакого дѣла. Не даромъ онъ—государственный дѣятель, сановникъ, имя котораго будетъ занесено въ исторію. Но знаетъ ли кто-нибудь внутренніе мотивы его дѣятельности: чувства, мысли, истинныя побужденія?

Князь направился прямо къ церкви. Ему пришлось идти по дорожкѣ, заросшей съ обѣихъ сторонъ жасминомъ и акаціями, образовавшими густую изгородь. Все это было въ цвѣту; природа благоухала, но кругомъ не было слышно ни звука: только попутчикъ, перелетая съ одной стороны дорожки на другую и какъ бы заманивая князя въ глубь парка, изрѣдка насвистывалъ свое: «фюитъ-чикъ-чикъ-чикъ, фюитъ-чикъ-чикъ-чикъ».

Слишкомъ сорокъ лѣтъ князь жилъ, повидимому, сознательною жизнью, осмысленно исполнялъ сложныя порученія, какъ лицо подчиненное, самъ руководилъ другими, направлялъ, приказывалъ, писалъ проекты, задумывалъ и проводилъ реформы, придерживался очень опредѣленныхъ принциповъ, такъ что всѣми признавался человѣкомъ необыкновенно стойкихъ убѣжденій, и, тѣмъ не менѣе, онъ долженъ былъ сознаться передъ самимъ собою, что дѣятельность его, эта выдающаяся дѣятельность, обратившая на себя вниманіе всей Россіи и доставившая ему репутацію искуснаго государственнаго человѣка, очень долго отличалась непродуманностью, вытекала изъ мотивовъ и соображеній, которыя были для него чѣмъ-то наноснымъ, чѣмъ-то внѣшнимъ, не составляла потребности лучшей части его духовнаго «я» и не вызывалась сколько-нибудь глубокимъ изученіемъ условій, въ которыя поставлена Россія.

Теперь, въ эту минуту, когда онъ послѣ сорокалѣтней разлуки опять былъ на родинѣ, какъ живо представлялись ему тѣ чувства, то настроеніе, съ которыми онъ вступалъ въ жизнь, на тотъ длинный путь административной службы, который привелъ его на высоту государственнаго вліянія!

Одно ли честолюбіе, однако, побудило его порвать съ деревней и навсегда уѣхать въ Петербургъ? Неизвѣстное прельщаетъ молодость; она жаждетъ новизны, широкой дѣятельности, смѣлаго по-

лета мысли, подъема духа, разгара страсти; все обыденное ее отталкиваетъ, все заурядное, какъ бы оно ни было необходимо, ее не привлекаетъ.

Князь думалъ уже не о себѣ одномъ. Онъ обобщалъ.

Что увлекаетъ молодежь?

Аристократическая и демократическая молодежь подчинялась въ этомъ отношеніи одному вліянію. И той, и другой нужны были des hauts faits, подвиги. Лечить больныхъ, ухаживать за ними—fi donc! Въ дни его молодости никто не считалъ этого подвигомъ. Онѣгинъ, Печоринъ, даже Базаровъ, который самъ былъ врачомъ, не были бы героями, еслибъ посвятили себя всецѣло уходу за больными, забывъ обо всемъ остальномъ. Они не только не были бы героями, но даже сдѣлались бы смѣшными. Геройство, проявляемое при помощи ипекакуаны и касторового масла,—странное геройство. Или идти за сохой, опроститься! А теперь? Теперь врачи, даже повивальныя бабки—герои и героини романовъ. Обыденное стало подвигомъ. Это было бы прогрессомъ, если бы...

Князь махнулъ только рукой. Много ли измѣнилось по существу въ эти сорокъ лѣтъ? C'est toujours la même chose. Какъ тогда, такъ и теперь тщеславіе, честолюбіе, желаніе отличиться, обратить на себя вниманіе, чье-бы то ни было: общества, начальства, женщины,—составляютъ главный стимулъ. Много ли среди молодежи такихъ, которые сознаютъ свой долгъ передъ обществомъ и государствомъ? Сознавалъ ли онъ самъ его?

Князь вдругъ остановился. Понутчикъ продолжалъ насвистывать и, перелетая съ куста на кустъ, попрежнему, какъ бы зазывалъ его все дальше въ паркъ. Но гдѣ же церковь? Неужели такъ далеко до нея? Князь, очевидно, въ эти сорокъ лѣтъ утратилъ представленіе о разстояніи, отдѣлявшемъ церковь отъ усадьбы. Постоявъ немного, онъ опять зашагалъ.

Тщеславіе заставило его прервать связь съ деревнею, тщеславіе толкало его впередъ по ступенямъ той административной іерархіи, которая сулила ему славу, почетъ, привлекательную и достойную жизненную цѣль. Слава Богу, что ему еще не пришлось, подобно многимъ другимъ, пуститься во всѣ нелегкія: интриговать, подставлять ножку сопернику, лицемѣрить, лукавить, фальшивить. Способности, выдержка, усидчивость, связи избавляли его отъ этого позора. Но, тѣмъ не менѣе, онъ жилъ для того, чтобы скорѣе проложить себѣ дорогу къ высшимъ мѣстамъ. Съ какою страстностью составлялъ онъ проекты разныхъ административныхъ реформъ, какъ внимательно присматривался и прислушивался къ своему на-

чальству, чтобы достигнуть своей цѣли! Лишь постепенно онъ охладѣлъ къ этого рода лаврамъ, но, тѣмъ не менѣе, малѣйшая неудача его раздражала и, въ сущности, огорчала. Успѣхъ его уже не радовалъ, но и неудачу онъ перенести не могъ. Долгіе годы напряженнаго сосредоточенія мысли на одномъ предметѣ, на одной цѣли создали привычку, сильную привычку. Но это не все. Онъ сжился съ цѣлымъ міромъ административныхъ взглядовъ, понятій, представленій, традицій. Даже впослѣдствіи, когда онъ окончательно сталъ на ноги, когда онъ сдѣлался вліятельнымъ дѣятелемъ, когда не онъ сообразовался съ намѣреніями и видами другихъ, а всѣ интересовались его воззрѣніями и провозглашали ихъ верхомъ государственной мудрости, даже тогда онъ не чувствовалъ себя въ силахъ свернуть съ избраннаго имъ пути. Не значило ли это mettre tout en question, утратить вліяніе, признать всю жизнь ошибкою?... Не такъ смотрѣли на него другіе, но онъ самъ лучше другихъ понималъ себя.

Князь снова остановился и сталъ осматриваться. Ему уже нѣсколько разъ слышались какіе-то неопредѣленные звуки: то песокъ хрустнетъ, то его точно кто-то догоняетъ, то вѣтки сосѣдняго куста словно раздвигаются невидимою рукой. Ему даже разъ показалось, что изъ-за куста кто-то на него смотритъ. Эти таинственные звуки, эта мерещившаяся ему погоня прерывали свободное теченіе мысли, нарушали настроеніе, которому онъ хотѣлъ всецѣло себя отдать. Теперь шаги послышались ему уже совершенно явственно, и князь рѣшилъ отдѣлаться отъ человѣка, сопровождавшаго его такъ назойливо. Кто бы это могъ быть? Не злоумышленникъ же какой? Воръ или грабитель?

Князь долго стоялъ неподвижно, прислушиваясь къ звукамъ или шороху, которые онъ думалъ уловить. Но вокругъ царила прежняя тишина; даже попутчику, видимо, наскучило заманивать князя все глубже въ паркъ: онъ улетѣлъ въ густую тѣнь, скрываясь отъ жары. Только гдѣ-то вдали послышался жалобный крикъ кулика, и затѣмъ все стихло, все окончательно замерло.

Должно быть, только померещилось... J'ai perdu l'habitude d'être s[illegible]...

Князь снова двинулся въ путь, удивляясь, что до церкви такъ д[illegible]леко.

Къ тщеславію присоединялся другой мотивъ,—продолжалъ онъ в[illegible]поминать,—убѣжденіе, что только изъ центра, изъ столицы, можн[illegible] принести пользу обществу. Вначалѣ онъ этимъ мотивомъ не р[illegible]ководствовался; впослѣдствіи и онъ исходилъ изъ того убѣжде-

нія, что вся сила въ центральной администраціи, въ государственной власти, что помимо нея нѣтъ выхода, спасенія, прогресса, благополучія, что отъ нея все зависитъ, что ею все устрояется, созидается и одухотворяется...

Какое заблужденіе! Многое, но далеко не все—loin de là.

Князь запыхался. Когда дѣло касалось этого вопроса, онъ наперекоръ своей уравновѣшенной натурѣ, той сдержанности, которая выработалась въ немъ долголѣтнею правительственною практикой, горячился. Слишкомъ близко принималъ онъ къ сердцу этотъ вопросъ.

«Je m'échauffe, — остановилъ онъ самъ себя, но тотчасъ же прибавилъ:—et moi-même?...»

«И я самъ вѣрилъ въ это, — отвѣтилъ себѣ князь, — я вѣрилъ, что могу много сдѣлать. Но, Боже, какъ я теперь далекъ отъ этой вѣры! Мнѣ иногда кажется, что и я похожу на тѣхъ искателей подвиговъ, противъ которыхъ я боролся со всею страстью глубокаго внутренняго убѣжденія. Да, я вѣрилъ, что въ столицѣ есть тотъ рычагъ, которымъ можно перевернуть громадную Россію и при помощи нѣсколькихъ крупныхъ реформъ осчастливить ее. Но я, по крайней мѣрѣ, придавалъ громадное значеніе исторически сложившимся силамъ, а они отвергали эти силы... Oh, société russe! Hier encore tu dormais d'un sommeil profond!... Гдѣ твой опытъ, твое разумѣніе, чтобы стать во главѣ сложнаго и многотруднаго государственнаго дѣла? Дороги у тебя непролазныя, мосты проваливаются, школъ нѣтъ, санитарныя условія ужасны, сельское хозяйство приходитъ въ упадокъ, города заражены нечистотами и зловоніемъ,— словомъ, дѣла на каждомъ шагу не оберешься. Но не объ этомъ ты думаешь. Все обыденное внушаетъ тебѣ отвращеніе. Романтизмъ всецѣло еще царствуетъ въ твоемъ политическомъ міросозерцаніи. Тебѣ нужны подвиги, тебѣ нужна широкая сфера дѣятельности, ты задыхаешься въ провинціальной глуши и рвешься въ столицу для удовлетворенія тщеславія, для болѣе разнообразной жизни, для приложенія своихъ силъ къ широкому дѣлу, а не къ тому узкому, скучному, которое не даетъ разыграться воображенію, но котораго ждетъ, не дождется родина. А, между тѣмъ, взвѣсить, обнять пользу *отечества* — удѣлъ немногихъ избранныхъ, заботиться же о благополучіи *родины* можетъ всякій...»

Князь снова остановился. На этотъ разъ онъ серьезно испугался. Весь поглощенный своими мыслями, онъ не замѣтилъ, какъ свернулъ на другую дорожку и при поворотѣ столкнулся лицомъ къ

лицу съ какимъ-то человѣкомъ,—должно быть, съ тѣмъ человѣкомъ, который его такъ назойливо преслѣдовалъ. Оба они слегка отшатнулись другъ отъ друга.

— Что вамъ здѣсь нужно?—хотѣлъ было спросить князь.

Но незнакомецъ его предупредилъ и, быстро снявъ съ головы соломенную шляпу, отвѣсилъ почтительный, очень низкій поклонъ, промолвивъ по-нѣмецки:

— Простите, Durchlaucht, я васъ испугалъ...

Лысина его сверкала на яркомъ солнцѣ, лучи котораго пробивались сквозь густую листву; сѣдыя, коротко подстриженныя бакенбарды обрамляли красное здоровое лицо съ умнымъ, но нѣсколько жесткимъ выраженіемъ глазъ, свѣтло-голубыхъ, немного на-выкатъ; желтый пиджакъ изъ чичунчи былъ точно съ иголочки; массивная золотая цѣпь матовымъ блескомъ оттѣняла бѣлизну жилета и дородность его приличной во всѣхъ отношеніяхъ фигуры.

Князь удивился, что тотчасъ же призналъ его. «Да, вѣдь, это вѣчно-свѣжій, вѣчно-довольный, вѣчно-предупредительный и милый Herr Ротенбергъ, управляющій Ольгинымъ съ тѣхъ поръ, какъ bonne mère умерла»,—подумалъ князь и прибавилъ вслухъ, съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи въ голосѣ:

— Вы давно уже гуляете въ паркѣ...

— Durchlaucht,—отвѣтилъ Ротенбергъ серьезно и внушительно,—безопасность такой высокопоставленной особы требуетъ всевозможной заботливости. Въ качествѣ управляющаго вашимъ имѣніемъ я чувствую себя лично отвѣтственнымъ за ваше благополучіе...

— Schon gut, schon gut,—прервалъ его князь, подавая ему руку и продолжая бесѣду по-нѣмецки.—Вѣрно ли я иду къ церкви?

— Ach, nein, Durchlaucht. Вамъ надо вернуться, но теперь мимо деревни ближе.

— Я пройду черезъ деревню: надо и на нее взглянуть. Все ли у васъ въ порядкѣ? — спросилъ онъ управляющаго, продолжая путь и приглашая его слѣдовать за собой.

Ротенбергъ могъ съ спокойною совѣстью отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. У него несомнѣнно все было въ порядкѣ. Когда онъ вступилъ въ управленіе имѣніемъ, оно приносило дохода всего 6,000, а теперь онъ высылалъ князю ежегодно до 12,000. Княжеское имѣніе процвѣтало: количество пахотной земли увеличивалось съ каждымъ годомъ, скота все прибывало, хозяйство велось на самую широкую ногу, съ примѣненіемъ всевозможныхъ

усовершенствованій. Князь могъ заглянуть, куда ему заблагоразсудится, и вездѣ онъ натолкнется на самый образцовый порядокъ. Да, въ этомъ отношеніи Ротенбергъ могъ быть совершенно спокойнымъ, особенно же если принять во вниманіе, что владѣльцы большинства сосѣднихъ имѣній либо разорились, либо еле сводили концы съ концами, что и крестьянское хозяйство приходило въ страшное разстройство, а у Ротенберга имѣніе походило на полную чашу: и князю онъ выплачивалъ большой доходъ, и себя не забывалъ. Не даромъ его жена Фанни ему говорила, что второго такого хозяина, пожалуй, во всей Россіи не сыскать, что онъ — одинъ въ своемъ родѣ: умѣетъ изъ ничего сдѣлать все. На что походилъ его собственный флигелекъ, когда онъ принялъ имѣніе? — жалкая избенка, одно слово. А теперь это благоустроенный, шикарный котеджъ, ein allerliebstes Nestchen, съ хорошенькимъ садикомъ, въ которомъ красуются рѣдкія растенія (о, Ротенбергъ былъ и прекраснымъ садоводомъ!). Когда сыновья его,—одинъ состоялъ профессоромъ въ Дерптѣ, другой управлялъ большимъ заводомъ, а дочь выдана прекрасно замужъ (Ротенбергъ успѣлъ позаботиться и объ этомъ),— пріѣзжали къ нему гостить, всѣмъ было въ Ольгинѣ хорошо, и какую отрадную семейную картину представлялъ тогда этотъ цвѣтущій оазисъ въ пустынѣ безобразной russischer Wirthschaft съ пропойцами-мужиками и разоряющимися помѣщиками! Ротенбергу, несомнѣнно, было чѣмъ похвастаться; онъ могъ быть доволенъ и собою, и достигнутыми результатами упорнаго долголѣтняго труда. Двѣ вещи его только безпокоили. Что, если князь вздумаетъ выйти въ отставку и поселиться въ Ольгинѣ, чтобы на склонѣ дней отдохнуть отъ своихъ государственныхъ трудовъ? Тогда adieu schönes Stillleben in Olgino. Но нѣтъ, Ротенбергъ не хотѣлъ этому вѣрить: такіе большіе господа и подъ старость не разстаются со столицей, чтобы похоронить себя въ какомъ-нибудь провинціальномъ захолустьѣ, имѣющемъ прелесть для него, Ротенберга, но никакъ не для нихъ. Нѣтъ, нѣтъ, князь не поселится въ Ольгинѣ. Но у Ротенберга была еще другая забота. Согласится ли князь на дальнѣйшее уменьшеніе парка, на отведеніе новой значительной его части подъ увеселительное заведеніе и театръ? Арендная плата составитъ изрядный кушъ, да и за устройство этого дѣла Ротенбергу было обѣщано вознагражденіе, которое вмѣстѣ съ прежними его сбереженіями довело бы его капиталецъ до цифры вполнѣ достаточной для полнаго обезпеченія его семьи и собственной его старости въ мѣрѣ понесенныхъ имъ почти сорокалѣтнихъ трудовъ и заботъ. Такимъ образомъ, пріѣздъ князя имѣлъ для него

важное значеніе, и если Ротенбергъ утверждалъ, что онъ сегодня, въ этотъ лѣтній знойный день, неотступно слѣдилъ за княземъ во время его утренней прогулки для огражденія его безопасности, то онъ немного слукавилъ: въ сущности, Ротенбергу было очень мало дѣла до безопасности князя; смерть князя даже, можетъ быть, лучше устроила бы его дѣла. Нѣтъ, не для этого онъ шелъ за княземъ по пятамъ, хотя и на почтительномъ разстояніи: онъ ждалъ и не могъ дождаться минуты, когда ему, наконецъ, удастся узнать изъ собственныхъ его устъ, зачѣмъ онъ пожаловалъ въ Ольгино, и если онъ пріѣхалъ только на временную побывку, то разрѣшитъ ли онъ ему сдать южную часть парка въ аренду?

Но онъ, понятно, воздержался отъ прямыхъ вопросовъ. Нѣтъ Ротенбергъ былъ и тонкій дипломатъ. Онъ поспѣшилъ только увѣрить князя, что имѣніе находится съ полномъ порядкѣ. Онъ сослался на постоянное увеличеніе его доходности, въ краснорѣчивыхъ и, по нѣмецкому обыкновенію, нѣсколько высокопарныхъ выраженіяхъ указалъ на общее разореніе сосѣднихъ помѣщиковъ и крестьянъ, не безъ чувства самодовольства распространился своимъ густымъ звучнымъ баритономъ о тѣхъ средствахъ и пріемахъ, при помощи которыхъ ему удалось не только предохранить княжеское имѣніе отъ упадка, распространяющагося на всю окрестную мѣстность, но и довести его до цвѣтущаго состоянія.

Князь слушалъ Ротенберга, повидимому, внимательно; разными вопросами онъ даже какъ будто поощрялъ его къ дальнѣйшимъ объясненіямъ. Но, въ сущности, онъ думалъ о другомъ. Съ одной стороны, онъ сопоставлялъ результаты, достигнутые его управляющимъ, съ тѣми свѣдѣніями, которыя доходили до него о положеніи помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства вообще, и у него все вертѣлась на умѣ мысль: значитъ, есть же возможность хозяйничать съ успѣхомъ; вѣдь, и нѣмецкіе колонисты, и латыши, и эстонцы хозяйничаютъ недурно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ русскіе разоряются, и нѣмецкіе управляющіе добиваются значительной доходности довѣренныхъ имъ имѣній, да и нѣкоторые, правда, немногіе, русскіе помѣщики процвѣтаютъ. Съ другой же стороны, онъ, какъ человѣкъ, привыкшій отгадывать затаенную мысль собесѣдника, видѣлъ, что Ротенбергъ, несмотря на весь наружный жаръ, съ которымъ онъ давалъ объясненія и отвѣчалъ на вопросы князя, интересовался вовсе не предметомъ бесѣды, а чѣмъ-то другимъ, и князь, замѣтивъ это, не могъ воздержаться отъ улыбки при видѣ, какъ этотъ нѣмецъ старается провести его, стараго воробья, и незамѣтно подойти къ интересовавшему его вопросу.

Самъ Ротенбергъ, наконецъ, это понялъ, когда князь предложилъ ему въ упоръ вопросъ:

— Да, да, я очень доволенъ всѣмъ, что вы сдѣлали, но скажите, нельзя ли еще увеличить доходность имѣнія?

Этотъ вопросъ, столь естественный при данныхъ обстоятельствахъ, однако, смутилъ Ротенберга: надо было приступить къ сущности дѣла, раскрыть затаенную свою мысль. А князь тонко улыбался, какъ бы догадываясь, что предшествовавшій разговоръ былъ только вступленіемъ. Ротенбергъ, однако, собрался съ силами и, придавъ своему лицу самое простодушное выраженіе, какъ будто у него не было никакой задней мысли, отвѣтилъ:

— Какъ же, какъ же, ваше сіятельство, весьма возможно. Я много думалъ объ этомъ и составилъ нѣкоторый проектъ. Но только...—запнулся вдругъ Ротенбергъ, озаренный мыслью, что ему сразу удастся вывѣдать у князя все.

— Въ чемъ же дѣло?—поощрилъ его князь привѣтливо.

— Дѣло въ томъ, что мой проектъ можетъ осуществиться только при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

— При какихъ же?

Ротенбергъ еще сильнѣе замялся подъ пристальнымъ, острымъ взглядомъ князя. Прошло нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ онъ началъ отвѣчать:

— Wie soll ich sagen, Durchlaucht? Вы, можетъ быть, пріѣхали къ намъ погостить auf längere Zeit или, можетъ быть, намѣрены остаться... у насъ навсегда? Въ такомъ случаѣ...

— Что же въ такомъ случаѣ?—переспросилъ князь, котораго предположеніе Ротенберга также въ душѣ смутило: оставаться здѣсь, въ Ольгинѣ, навсегда... Этотъ нѣмецъ точно угадывалъ его мысль. Князь невольно опять вспомнилъ слова своего друга, генералъ-адъютанта: «Vous savez: l'on a besoin de vous». Ротенбергъ могъ по наивности высказать подобное предположеніе; но что за невѣроятная мысль! И, тѣмъ не менѣе, развѣ она не приходила самому князю на умъ?

— Что же, въ такомъ случаѣ?—спросилъ онъ еще разъ.

— Въ такомъ случаѣ, Durchlaucht, мой проектъ могъ бы сказаться не совсѣмъ удобнымъ. Вы нуждаетесь въ спокойствіи, es wäre undenkbar ihre Ruhe zu stören: das Publicum lärmt und tobt, ist manchmal ausgelassen...

— Ахъ, да,—спохватился князь,—вы мнѣ уже объ этомъ писали; но я еще не принялъ окончательнаго рѣшенія. Сколько же предлагаютъ за аренду?

Къ этому вопросу Ротенбергъ былъ вполнѣ подготовленъ. Онъ началъ, однако, издалека, заговорилъ о томъ, что городъ, дѣйствительно, нуждается въ увеселительномъ заведеніи и въ театрѣ, но что число жителей невелико и что поэтому арендная плата можетъ показаться князю низкою. Однако, антрепренеръ соглашается, все-таки, уплатить сравнительно крупную цифру, надѣясь, что прекрасный паркъ и достоинства труппы, которую онъ намѣренъ выписать, представятъ для публики достаточную приманку, чтобы покрыть его значительные расходы.

Слушая все это, князь впалъ въ задумчивость и молчалъ. Ротенбергъ силился вывести изъ нея князя указаніемъ на размѣры арендной платы, прельщая его надеждою на возможность современемъ, когда дѣла антрепренера пойдутъ хорошо, поприжать его и заставить платить больше. Онъ говорилъ горячо, представлялъ всевозможные доводы въ пользу своего проекта, но князь слушалъ его разсѣянно, и человѣкъ, менѣе увлеченный, чѣмъ Ротенбергъ, давно бы уже замѣтилъ, что князь тяготится разговоромъ и старается отдѣлаться отъ нѣсколько назойливаго собесѣдника. Но Ротенбергъ не унимался: онъ хотѣлъ выиграть сраженіе сразу, зная, что къ такимъ большимъ господамъ неудобно нѣсколько разъ обращаться съ одною и тою же просьбой.

— Такъ вы предполагаете, что я здѣсь останусь навсегда?— прервалъ его, наконецъ, князь.—Нѣтъ, я пока этого не имѣю въ виду. Но я еще не могу вамъ дать окончательный отвѣтъ. На-дняхъ поговоримъ...

И князь протянулъ Ротенбергу руку. Аудіенція подъ открытымъ небомъ, очевидно, кончилась.

— Благодарю васъ за всѣ ваши труды и заботы,— прибавилъ онъ еще,—а пока до свиданія...

Ротенбергъ снова обнажилъ сверкающую лысину и, низко кланяясь, рѣшился только еще указать князю на вѣрную дорогу.

— Найду, найду,—успокоивалъ его князь жестомъ,—а о моей безопасности вамъ нечего заботиться... И такъ, до свиданія.

Князь направился къ деревнѣ. Бесѣда съ Ротенбергомъ служила какъ бы дополненіемъ къ тѣмъ мыслямъ, которыя занимали его в[illegible] утро. Хозяйничать можно, не какой-нибудь геній же въ самомъ д[illegible]ѣ этотъ нѣмецъ-управляющій. Хозяйничала прекрасно и bonne п[illegible]ге. То было, правда, при крѣпостномъ правѣ, но нѣмецъ не менѣе у[illegible]ѣшно хозяйничаетъ и теперь. Значитъ, давнишнее предположеніе к[illegible]язя, что дѣло не столько въ условіяхъ, сколько въ людяхъ, вполнѣ

оправдывается и въ данномъ случаѣ. Если бы русскіе помѣщики походили не на русскихъ помѣщиковъ, а вотъ хотя бы, напримѣръ, на этого нѣмца Ротенберга, то освобожденіе крестьянъ никогда не отразилось бы такъ сильно на ихъ благополучіи. Но, въ такомъ случаѣ, чего собственно можно достигнуть такъ называемыми общими реформами, надъ которыми князь столь ревностно трудится? Не пересоздадутъ же онѣ людей. Во всѣхъ этихъ реформахъ его поражала та общая черта, что ихъ поминутно приходилось передѣлывать, ослаблять часто до полнаго извращенія ихъ основной мысли, что нерѣдко приходилось даже совершать контръ-реформы въ діаметрально-противуположномъ направленіи, т.-е. разрушать собственное дѣло. Князь вспоминалъ по этому поводу цѣлый рядъ основныхъ вопросовъ: о преимуществахъ классической и реальной образовательной системы, усиленіи губернаторской власти или расширеніи самоуправленія: земскаго, городского, крестьянскаго, о протекціонизмѣ и фритредерствѣ, и многіе другіе, которые ему приходилось самому рѣшать или которые рѣшали его товарищи и предшественники. А вотъ этотъ Ротенбергъ не задается широкими общественными и государственными цѣлями; онъ заботится только о себѣ, не выкрикиваетъ либеральныхъ или консервативныхъ фразъ, не думаетъ реформировать всю Россію, а тѣмъ менѣе все человѣчество: онъ—буржуа и больше ничего. Но вокругъ него помѣщики и крестьяне разоряются, а Ольгино подъ его управленіемъ процвѣтаетъ. Въ глубинѣ народной жизни, у ея основъ: въ народной школѣ, земской больницѣ, помѣщичьей усадьбѣ, сельской общинѣ осуществляются посредствомъ кропотливой работы преимущественно широкія общественныя и государственныя цѣли. Не Бисмаркъ и Мольтке—comme l'on disait autrefois, а школьный учитель побѣдилъ французовъ. Истинный нашъ подвигъ—въ заурядномъ, обыденномъ, повседневномъ. Только когда мы проникнемся этимъ сознаніемъ, прекратится безпочвенность русской общественной мысли, русскаго прогресса, отчасти и русскаго законодательства...

«J'y suis de nouveau!»—воскликнулъ князь.

Передъ отъѣздомъ въ Ольгино онъ далъ себѣ слово не думать обо всѣхъ этихъ вопросахъ, а, между тѣмъ, постоянно возвращался къ нимъ. Поэтому онъ почти обрадовался, когда увидѣлъ передъ собою деревню.

Дорога шла все время въ гору и теперь круто спускалась въ деревнѣ, которая ютилась какъ бы у ногъ князя въ поросшемъ

старникомъ оврагѣ. Глядя на нее, князь провѣрялъ свое первое впечатлѣніе. И теперь ему казалось, что она нисколько не разрослась, что дворовъ въ ней приблизительно столько же, сколько было сорокъ лѣтъ назадъ. Тѣ же соломенныя крыши, та же часовенка въ концѣ деревни, только все какъ будто потускнѣло, состарилось. Тогда все казалось чище, опрятнѣе, свѣжѣе, новѣе. Что за пустое пространство образовалось за деревнею, насколько глазъ хватаетъ? Тутъ что-то было иначе. Ахъ, да, вѣдь, за деревней тянулся хорошій лѣсъ, частью даже строевой и мачтовый. Куда онъ дѣвался? Конечно, туда, куда уходятъ всѣ наши лѣса. Проданъ на срубъ, вырубленъ крестьянами. Князь вспомнилъ знакомую картину: среди груды засохшихъ сучьевъ обгорѣлые и полусгнившіе пни, печальные свидѣтели большого лѣсного богатства, только кое-гдѣ обросшіе брусникою и напоминающіе могилы, какъ вообще всѣ такія мѣстности напоминаютъ безпорядочное, засоренное кладбище, на которомъ и трава отказывается расти. Желѣзныя дороги и, главное, хищническое безобразное хозяйство превратили зеленѣющіе холмы въ черные курганы, озерки—въ болота со скудною растительностью, опустошили громадныя пространства до тла, убили въ нихъ всякую жизнь, и только вересъ въ короткое время своего цвѣтенія облекаетъ ихъ въ полутраурный лиловый нарядъ,—печальный остатокъ бывшаго разнообразія зеленѣющей и цвѣтущей природы. Вездѣ одно и то же. Нужда и невѣжество совершаютъ свое разрушительное дѣло, et ce que est navrant: нужда, быть можетъ, рѣже, чѣмъ распущенность, невѣжество. Вырубилъ Иванъ, Петру стало обидно и, хотя нужды особенной не было, сталъ вырубать и онъ. Вѣдь, общее же добро! Сусѣдъ сусѣду завидуетъ.

Увеличилось ли, по крайней мѣрѣ, количество пахотной земли?—продолжалъ осматриваться князь.—Нѣтъ, въ сторону вырубленнаго лѣса что-то незамѣтно: тамъ нови нѣтъ. Князь взглянулъ налѣво отъ деревни, гдѣ желтѣла скудная рожь и зеленѣлъ еще тощій овесъ: и тутъ увеличенія пахотной земли, насколько онъ могъ припомнить, не произошло, а помнилъ онъ эти поля хорошо. Сколько разъ онъ мальчикомъ ходилъ и бѣгалъ по нимъ среди густой ржи, г[illegible]ясь за овсянками или собирая васильки съ bonne mère. Je le v[illegible] bien: крестьянское хозяйство не сдѣлало никакихъ замѣтныхъ, п[illegible] крайней мѣрѣ, успѣховъ. Все осталось по-старому, какъ сорокъ л[illegible]ъ назадъ,—сорокъ лѣтъ, mais c'est presque un demi-siècle!

Князь началъ спускаться къ деревнѣ. Съ какимъ-то щемящимъ ч[illegible]ствомъ открылъ онъ калитку свѣже-выкрашеннаго въ зеленый ц[illegible]тъ забора, отдѣлявшаго роскошный господскій паркъ отъ кресть-

янской земли, медленно, какъ бы нехотя закрылъ ее и направился къ деревнѣ.

Тихо и пустынно было въ ней. Даже пѣтухи и куры забились гдѣ-то въ тѣни. Зной всѣхъ разогналъ. Палящее солнце донимало и князя: голова у него часто кружилась, раза два даже ноги подкашивались. Но любопытство въ немъ все болѣе разгоралось: ему хотѣлось поскорѣе взглянуть собственными глазами на этотъ мірокъ, покинутый имъ сорокъ лѣтъ назадъ, о которомъ онъ, повидимому, совсѣмъ забылъ и который теперь такъ сильно приковывалъ къ себѣ его вниманіе, находясь въ неразрывной связи съ занимавшими его столь часто мыслями. Приглядѣться къ нему значило до извѣстной степени провѣрить свою дѣятельность, увидѣть результаты ея, примѣрно, какъ свѣтъ сильнаго огня отражается въ ничтожной каплѣ воды.

Вдругъ раздался зычный мужской голосъ, но не на улицѣ и не изъ избы, а гдѣ-то въ отдаленіи. Князь уже прошелъ съ полдеревни, когда услышалъ этотъ голосъ, одиноко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, грубо нарушившій безмолвную тишину знойнаго дня. Прислушиваясь къ нему, князь разобралъ, что это говоритъ мужикъ изъ глубины бокового палисадника съ кѣмъ-то, также скрывавшимся въ палисадникѣ или въ сосѣдней избѣ.

— И скулитъ-то она, и воетъ, подлая, заливается, окаянная, всю ночь, на всѣ т.-е. тоны, восходитъ до такихъ, что душу у тебя вымотаетъ, вытянетъ. Есть же такія твари. А еще лягавый песъ, чистокровный. Спокоя людямъ не даетъ. Ну, и моя-то сука мнѣ съ тѣхъ поръ опротивѣла, какъ этотъ самый Азоръ управляющаго повадился къ ней, да и воровата стала. Съ голоду оно, конечно; но и у самого-то у меня не густо: свой кусокъ псу отдать жаль. Билъ я ее, да ни къ чему. Ну, осерчалъ, самъ, вѣдь, голодаешь. Взялъ, камень на шею, да и въ рѣку. А Азоръ, хоть песъ-то ученый, этого не сообразилъ, прибѣжалъ ночью, да и музыку свою разводитъ. У, окаянный! Думаю все: надоѣстъ, уймется, уйдетъ. Нѣтъ, подавай ему Арапку, а Арапка, его собачья женка, вѣдь, лежитъ на самомъ днѣ рѣки. Но ничего онъ этого знать не хочетъ. Не втерпежъ стало; всталъ потихоньку, схватилъ топоръ, подошелъ къ окну, раскрылъ его и вижу: стоитъ Азоръ по серединѣ улицы, весь припо[д]нимается, точно его къ мѣсяцу такъ и тянетъ, и воетъ. Я какъ [п]рицѣлился,—одно слово: ловко. Въ самый задъ ему попалъ, такъ что онъ только взвизгнулъ и давай удирать. А я ему крикнулъ: хоша нашъ зять, а нечего взять. Значитъ, и даромъ поро[х] не трать...

— Ха, ха, ха!—звонко залилась баба, должно быть, собесѣдница мужика.

— Ха, ха, ха!—разсмѣялся густымъ басомъ самъ разскащикъ и самодовольно повторилъ: — Вѣстимо, хоша нашъ зять, а нечего взять...

Князь не дослушалъ разсказа и, круто повернувъ назадъ, вышелъ изъ деревни. Чувство щемящей тоски усилилось въ немъ. И видъ деревни, и этотъ разсказъ окончательно разстроили его. Ему показалось, что не только никакихъ успѣховъ деревня не сдѣлала въ эти сорокъ лѣтъ, но что она даже какъ будто огрубѣла, одичала. Помнилъ онъ крѣпостныхъ мужичковъ, приходившихъ къ его покойной матушкѣ. Въ нихъ было больше человѣческаго, чѣмъ въ этомъ мужикѣ, котораго онъ, правда, не видѣлъ, но который ему представлялся, по его разсказу, существомъ страшно грубымъ и дикимъ. Не дай Богъ вступать съ такими людьми въ бесѣду. Ни одного правдиваго слова все равно не услышишь: будутъ кривить душою, подличать, чтобы только что-нибудь выпросить.

Князь поравнялся съ послѣднею избой и уже почти ее миновалъ, какъ замѣтилъ, что съ крыльца къ нему спускается, вся запыхавшись и съ трудомъ передвигая ноги, какая-то старуха.

— Не уходи, родимый, — кричала она ему вслѣдъ, — сразу признала тебя, да и дочка Арина говорила, что ты пріѣхалъ. Она утречкомъ была у нѣмца.

Князь остановился.

— Какъ шелъ ты, родненькій, въ деревню,—продолжала, съ трудомъ переводя дыханіе, старуха,—выглянула я въ оконце и сразу, Богъ видитъ, тебя признала по бородавкѣ на правой-то щечкѣ. Да это онъ, нашъ князекъ,—думаю себѣ, и ну, давай скорѣе платочекъ накидывать, чтобы выйти къ тебѣ, когда назадъ будешь ворочаться. Заглянешь ли опять когда-нибудь въ нашу деревушку-то! Нѣтъ, ни за что не упущу, а Ариши-то, какъ на зло, нѣтъ. Въ городъ ушла молочка снести. Ну, вотъ, я и выбѣжала, а силенокъ-то ужь нѣтъ. Ой, умаялась... Прости, родненькій...

И старуха опустилась на валявшееся у избы бревно.

Князь приблизился къ ней.

— Вона сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ тебя не ви[illegible]ла. Состарились мы оба: только ты еще молодецъ, а я совсѣмъ [illegible]руха,—не ужо, такъ завтра Боженькѣ душу отдамъ. И жить-то [illegible] не хочу, какая мнѣ тамъ жизнь? Маюсь, да и только. Развѣ [illegible]ъ молодость вспоминаю, когда нами княгиня, твоя матушка-то, [illegible]равляла, а я при ней въ дѣвкахъ состояла. Помнишь, князекъ,

Авдотьюшку, аль забылъ? Нѣтъ, помнишь, по глазамъ вижу, что помнишь; вишь какіе они у тебя добрые стали. Знать, и ты молодость вспоминаешь. Да какъ тебѣ ее не вспоминать, когда у тебя мать-то была такая? Охъ, княгиня-княгинюшка! Съ чего вздумала умирать такъ рано? Ты, князекъ, молодое твое дѣло, въ Питеръ укатилъ, а насъ съ нѣмцемъ оставилъ. Ну, и пошла у насъ жизнь. Такъ теперь только и любо молодость вспоминать, какъ тогда жилось, какъ порядокъ и довольство на деревнѣ были...

— Что же, развѣ управляющій чѣмъ-нибудь обижаетъ васъ?— спросилъ князь старуху.

— Ничѣмъ онъ насъ не обижаетъ. Развѣ что за потраву взыскиваетъ. Да чужой онъ намъ человѣкъ. Ни намъ до него, ни ему до насъ нѣтъ дѣла. А княгинюшка своимъ человѣкомъ была, да и ты, родненькій, нашъ. И любо-то мнѣ на тебя смотрѣть, вспоминаючи, какъ намъ всѣмъ жилось смолоду...

— Ты замужемъ, Авдотья?—спросилъ князь.

— Была князекъ, была. Скоро послѣ смерти княгинюшки вѣнчалась съ Ефимомъ,—помнишь, у садовника подручнымъ былъ, али не помнишь?... Да скоро онъ, на волю-то вышедши, въ Москву въ садовники угодилъ и тамъ, баютъ люди, спился, а мнѣ только Аринушку оставилъ. И за нее-то ему спасибо: дѣвка славная, старость мою покоитъ, но трудно ей приходится. Коровушкой одной живемъ, да стиркой въ городѣ пробавляемся. Въ деревнѣ всѣмъ плохо: лѣсъ вырубленъ, въ твой нѣмецъ не пускаетъ, хлѣба своего не хватаетъ, покупать надоть, а на что купишь? Ну, вотъ, мужички, кто помоложе, въ города уходятъ, тамъ себѣ живутъ и работаютъ. Есть, что и деньги присылаютъ, да такихъ мало, охъ, мало! Вся деревня бабами держится да стариками. Въ старикахъ есть еще толкъ: умнѣе они, степеннѣе; ну, а молодежь,—Богъ съ нею!...

Старуха махнула рукой.

— Да что я тебя, князекъ ты мой,—спохватилась она,—нашимъ горемъ все утруждаю? Не поможешь ты намъ, коли народъ исповѣсничался. Были такіе, что богатѣли тамъ, въ городахъ, да быстро опять разорялись. Не о томъ я съ тобою хотѣла говорить,—хотѣла я только на тебя поглядѣть, молодые годы вспомнить, спросить, помнишь ли и ты насъ? Должно быть, помнишь или на старости лѣтъ вспомнилъ, если въ сторонку нашу убогую заглянулъ. Спасибо тебѣ, родной, спасибо, и покойница княгинюшка тебя за это тамъ, у Боженьки, поблагодаритъ. Любила она наши мѣста, любила и свою усадебку. И барышня тебя поблагодаритъ. Лежатъ онѣ тамъ, подъ церковью, да порадуются, когда ты

ихъ навѣстишь, и косточки ихъ взыграютъ, когда ты помолишься надъ ихъ прахомъ: знать, Миша ихъ не забылъ, знать, вспомнилъ и усадебку, и мать, и суженую... Только не въ укоръ я тебѣ говорю, родненькій. Не мнѣ, темной старухѣ, судить да рядить о твоихъ дѣлахъ. Прости, князекъ, прости, родимый, говорю я отъ радости, что передъ смертью довелось мнѣ тебя еще разъ увидѣть, да старину съ тобою вспомнить. Ну, довольно ты моихъ глупыхъ рѣчей наслушался, а если удосужишься, загляни еще разъ къ намъ, любо, вѣдь, мнѣ на тебя смотрѣть.

— Загляну, Авдотьюшка, загляну,—отвѣтилъ князь, и чуждымъ показался ему звукъ собственнаго голоса: что-то сдавливало ему горло, что-то мѣшало ему говорить спокойно, ровно, нѣсколько насмѣшливо, въ томъ тонѣ, который онъ усвоилъ себѣ чуть ли не съ тѣхъ поръ, какъ покинулъ Ольгино.

Онъ вышелъ изъ деревни, раза два оглянувшись на Авдотью, которая привѣтливо кивала ему вслѣдъ своею старческою головой, добрался опять до забора, открылъ и закрылъ калитку съ совершенно ему несвойственною медлительностью, точно этотъ человѣкъ, такъ рѣдко прерывавшій усиленную умственную дѣятельность, въ первый разъ въ жизни глубоко призадумался, и поплелся тихою поступью опять по парку, свернувъ только по дорожкѣ направо, такъ какъ по этому направленію виднѣлись куполы церкви.

Встрѣча съ Авдотьей, почти совершенно имъ забытою, еще тѣснѣе связала отдаленное прошлое съ настоящимъ. Какую сильную власть пріобрѣло прошлое надъ нимъ, если онъ, привыкшій смотрѣть прямо въ глаза, безъ всякаго смущенія, безъ всякой робости, сильнымъ міра сего, знавшій, что сотни вліятельныхъ людей сами потуплялись, когда онъ обращалъ на нихъ свой взглядъ, не могъ безъ чувства не то стыда, не то боязни взглянуть въ глаза этой деревенской старухѣ! Почему? И вопросъ, мучившій его уже такъ долго, предсталъ предъ нимъ съ новою силой, опять онъ спрашивалъ себя, такъ ли онъ прожилъ жизнь, какъ слѣдовало ее прожить? Положимъ, онъ вначалѣ жилъ безсознательно, подчиняясь тщеславію, искалъ удовольствій, удовлетвореній самолюбія,—положимъ. Но потомъ развѣ у него, несмотря на административную рутину, которой онъ до извѣстной степени подчинялся, не было болѣе или менѣе ясной жизненной цѣли, развѣ онъ не служилъ по своему разумѣнію честно и добросовѣстно государству, родинѣ? Но въ такомъ случаѣ ему ни передъ кѣмъ не приходится краснѣть. Почему же прошлое его смущаетъ и стоитъ какою-то за-

гадкой передъ нимъ? Почему онъ передъ этою деревенскою женщиной почувствовалъ себя точно виноватымъ? Почему ему кажется, что онъ настоящаго дѣла не дѣлалъ, что это дѣло было здѣсь, въ Ольгинѣ, а не тамъ, въ Петербургѣ? «Enfantillage, — утѣшалъ онъ себя,—вижу, что здѣсь много не сдѣлано такого, что могло и должно бы быть сдѣлано,—вотъ мнѣ и кажется, что настоящее дѣло было здѣсь». Но тайный голосъ продолжалъ ему говорить, что онъ самъ обманываетъ себя. «Да, вѣдь, изъ такихъ Ольгиныхъ состоитъ вся Россія. Если моя дѣятельность не принесла здѣсь пользы, то гдѣ она ее принесла? Значитъ, нигдѣ». Этотъ силлогизмъ стоялъ передъ нимъ, точно длинная и высокая стѣна, черезъ которую нельзя перелѣзть, которую нельзя обойти. «Почему это такъ?—продолжалъ онъ размышлять.—Да все потому же; потому что здѣсь, въ Ольгинѣ, работниковъ нѣтъ. Еслибъ они здѣсь были, не въ лицѣ однихъ Ротенберговъ, промышленниковъ и кулаковъ, но въ лицѣ преданныхъ родинѣ, умѣлыхъ и мужественныхъ дѣятелей, способныхъ служить и себѣ, и ближнему, то Ольгино не было бы Ольгинымъ,—барскою усадьбой съ роскошнымъ паркомъ, возлѣ котораго деревня разлагается, гніетъ,— а ячейкой новой русской жизни, просвѣщенной, культурной, заглаживающей вѣковые недочеты и грѣхи, носительницей свѣта, довольства и благосостоянія... Еслибъ Ольгино не было Ольгинымъ...»

На высотѣ славы и величія онъ чувствовалъ себя совершенно безсильнымъ: онъ могъ предписывать, приказывать, взыскивать, метать громы, уничтожать, сокрушать, но создать что-либо прочное онъ не могъ, какъ нельзя построить прочнаго зданія на пескѣ, какъ не можетъ быть здоровымъ организмъ, въ которомъ большинство клѣточекъ атрофировано или разлагается...

Князь подошелъ къ церкви. Ротенбергъ, вѣроятно, не успѣлъ еще предупредить священника, и князь нашелъ ее запертой. Помолиться ему хотѣлось, но не теперь: душа его была слишкомъ взволнована. Въ эту минуту онъ не могъ молиться; бросивъ бѣглый взглядъ на столь хорошо ему памятную церковь, тщательно отремонтированную, но сохранившую свой прежній видъ съ бѣлыми стѣнами и зелеными куполами, онъ обогнулъ ее и направился прямо къ княжеской усыпальницѣ, находившейся въ горкѣ, на которой стояла церковь. И горка, и церковь, и усыпальница,—все заросло свѣжею душистою зеленью. Но вездѣ поддерживался образцовый порядокъ: заботливая рука нѣмца-управляющаго, зоркій его глазъ, повидимому, не допускали ни малѣйшаго недочета въ

этомъ отношеніи. Дорожка отъ бокового входа церкви къ усыпальницѣ была также тщательно подметена; но когда князь спустился съ горки и вошелъ въ ограду, онъ замѣтилъ, что тутъ царилъ нѣкоторый безпорядокъ, или, лучше сказать, что этотъ уголокъ не вызывалъ въ Ротенбергѣ такой заботливости, какъ остальныя части парка. Заросъ онъ гуще и въ двухъ мѣстахъ князю пришлось раздвинуть вѣтки, чтобы проложить себѣ дорогу. Наконецъ, онъ очутился передъ рѣшетчатою чугунною дверью усыпальницы. Онъ приблизился и заглянулъ внутрь, набожно снявъ шляпу. На него пахнуло сыростью, холодомъ. Темно было внутри, но въ этотъ яркій солнечный лѣтній день свѣтъ проникалъ даже въ царство мертвыхъ и хотя слабо, все же освѣщалъ ихъ мрачное жилище. Бѣлыя мраморныя плиты почернѣли, но князь могъ ихъ различить. Вотъ могила отца, рядомъ могила матери, а нѣсколько поодаль, но въ той же линіи, и ея могила. Съ непокрытою головой долго стоялъ онъ неподвижно и нѣсколько разъ набожно осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ. Онъ только что думалъ, что молиться не можетъ,—нѣтъ, онъ могъ молиться; во всякомъ случаѣ, имъ овладѣло молитвенное настроеніе. Онъ на мигъ отрѣшился отъ всего земного; душа его, измученная сомнѣніями, вдругъ какъ-то странно успокоилась, окунулась въ чистыя воспоминанія дѣтства, юности и, словно очищенная ими, слилась съ тѣмъ міромъ, гдѣ все, что дремлетъ въ человѣческомъ сердцѣ свѣтлаго, хорошаго, святого, вздымается плавною волной, разростается и охватываетъ, подчиняетъ себѣ всѣ помыслы, всѣ чувства...

Князь вдругъ очнулся, точно грубая рука прервала его прекрасный сонъ. Гдѣ-то по близости раздались звуки шарманки, наигрывавшей арію изъ *Травіаты*, и почти въ тотъ же мигъ онъ замѣтилъ, что около его ногъ валяются окурки папиросъ и апельсинныя корки. На него вдругъ пахнуло воздухомъ петербургскихъ увеселительныхъ мѣстъ. Онъ быстро отошелъ отъ усыпальницы: какое-то чувство безсилія овладѣло имъ, голова у него закружилась и онъ, словно махнувъ на все рукой, грузно опустился на скамейку.

Шарманка играла долго; арія изъ *Травіаты* смѣнилась аріей и[з] *Трубадура*; затѣмъ пошли другіе мотивы. Паркъ огласился и в[ь]сомъ изъ *Мадамъ Анго*, и маршемъ изъ *Фауста*, и мандолин[о]й, и модным[ъ] гавотомъ. Наконецъ, шарманка умолкла, но князь п[о]должалъ сидѣть неподвижно и глядѣть на окурки и апельсинныя к[о]рки. Можетъ быть, онъ очень долго просидѣлъ бы такъ, еслибъ н[е] [з]ти надъ самымъ его ухомъ не раздались легкіе шаги, хрустѣніе

песка, вслѣдъ затѣмъ шуршаніе женскаго платья и сдавленный вздохъ...

— Здѣсь.

Произнесъ ли кто-нибудь это слово, или это былъ только шелестъ вѣтерка въ листвѣ, князь въ точности разобрать не могъ; но онъ повернулся въ сторону, откуда оно ему послышалось, и сквозь листья кустарника словно въ рамкѣ увидѣлъ на близкомъ отъ себя разстояніи бѣлокурую, миловидную дѣвушку въ свѣтленькомъ платьѣ, съ большою соломенною шляпой, повѣшенною за голубыя ленты на одной рукѣ, и съ зонтикомъ въ другой, которымъ она, усѣвшись на скамейку подъ кленомъ, что-то тихо и сосредоточенно чертила по песку. Поэтиченъ былъ ея обликъ, столь неожиданно явившійся князю въ этой зеленой рамкѣ, въ особенности когда дѣвушка, словно кого-то поджидая, взглянула въ сторону и потомъ съ нѣкоторымъ разочарованіемъ, но, въ то же время, и съ грустною покорностью посмотрѣла вверхъ, давъ князю возможность уловить выраженіе ея кроткихъ глазъ.

Снова послышались шаги, на этотъ разъ опредѣленные, рѣшительные, мужскіе. Еще мигъ и—князь увидѣлъ въ той же рамкѣ высокую и статную фигуру молодого человѣка въ кителѣ съ серебряными пуговицами и съ фуражкой студента военно-медицинской академіи на энергичной головѣ.

— Вы меня долго ждали, Надежда Ивановна?—спросилъ онъ дѣвушку скороговоркой и тихо, какъ бы преодолѣвая сильное внутреннее волненіе.

— Нѣтъ, сама только что пришла,—отвѣтила дѣвушка и взглянула на него взглядомъ, не допускавшимъ сомнѣній относительно нѣжныхъ чувствъ, которыя она къ нему питала.

Князь ли неосторожно пошевельнулся, птичка ли затрепетала въ вѣткахъ, бѣлка ли, перескакивая съ дерева на дерево, обломала засохшій сучокъ, но послышался какой-то посторонній звукъ, и оба молодые люди, студентъ слабо, дѣвушка сильнѣе, вздрогнули. Они, очевидно, не привыкли къ тайнымъ свиданіямъ.

— Нѣтъ никого,—сказалъ, оглянувшись, студентъ успокоительно, но взволнованнымъ, слегка дрогнувшимъ голосомъ.

— Никого нѣтъ,—повторила беззвучно дѣвушка.

— Да и кому здѣсь быть?—продолжалъ увѣреннѣе молодой человѣкъ.—Въ эту часть парка заглядываютъ только по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ крестьяне и небольшое число городскихъ жителей, которымъ сюда въ церковь ближе. Въ будни же никто здѣсь не бываетъ; городская часть парка, вѣдь, отгорожена чугун

ною рѣшеткой. Вотъ почему я вамъ и предложилъ придти сюда. Ну, а теперь поговоримъ: вы можете быть увѣрены, что насъ никто не услышитъ...

— Поговоримте,—промолвила дѣвушка прежнимъ беззвучнымъ голосомъ.

— И такъ, повторяю,—уже съ жаромъ началъ студентъ,—неужели вы серьезно хотите похоронить себя въ этомъ глухомъ городѣ? Развѣ вы не видите, что здѣсь нѣтъ людей, которые могли бы васъ оцѣнить? Развѣ такимъ женщинамъ, какъ вы, мѣсто здѣсь? Здѣсь одни пропойцы, кулаки, чиновалы, грубые, невѣжественные, губящіе и себя, и другихъ; они васъ заѣдятъ; вы будете между ними мученицей и никому вы пользы не принесете. Самыя лучшія ваши намѣренія не будутъ оцѣнены, напротивъ, за нихъ-то васъ и будутъ преслѣдовать, истязать, мучить, пока вы не истощитесь въ неравной борьбѣ и начнете прозябать между ними, жить одною жизнью съ ними или бросите ихъ, убѣжите, когда ужь будетъ поздно. О, повѣрьте мнѣ, вы здѣсь не на мѣстѣ! У насъ у всѣхъ есть святое, кровное дѣло. Окончивъ гимназію съ золотою медалью, вы теперь можете поступить на высшіе курсы, которые, правда, никакихъ правъ не даютъ, но которые даютъ то, что̀ лучше всякихъ правъ: умственное развитіе, сохраняя въ насъ человѣка. Послушайте, Надежда Ивановна! Я васъ зналъ ребенкомъ, я былъ товарищемъ вашихъ дѣтскихъ игръ, затѣмъ, когда я изрѣдка пріѣзжалъ къ дядѣ погостить на каникулы, я видѣлъ, какъ вы развивались, хорошѣли, какъ ваша душа жаждала другой, лучшей, болѣе достойной жизни, какъ вы внимательно прислушивались къ моимъ разсказамъ о молодежи въ Петербургѣ, о томъ, что̀ ее тамъ занимаетъ, волнуетъ, радуетъ и печалитъ. Я все это видѣлъ, я вами любовался, болѣе того: я вамъ удивлялся, я понялъ, что въ вашей душѣ скрываются сокровища, если вы въ провинціальной глуши, въ обществѣ такихъ людей, какъ ваши родители,—простите за откровенное слово,—ихъ родня и знакомые, могли сохранить столько душевной свѣжести, столько благородства, столько возвышенныхъ побужденій, и—я васъ полюбилъ. Если я въ это лѣто пріѣхалъ на короткое время сюда, то только потому, что я хотѣлъ во что бы то ни стало вырвать васъ изъ этого омута, вывести васъ на свѣтъ Божій, на широкій просторъ человѣческой жизни. О, послушайтесь меня: бросьте, бросьте этотъ муравейникъ, это гнѣздо сплетенъ, невѣжества, чисто-животной жизни; поѣдемте со мной въ Петербургъ. Тамъ васъ встрѣтятъ съ распростертыми объятіями мои товарищи, вся учащаяся молодежь, которая,—вѣрьте мнѣ,—умѣетъ цѣнить

благородный порывъ, заставляющій другихъ презирать мѣщанскую мораль... Поѣдемте, Надежда Ивановна, умоляю васъ, поѣдемте!...

Дѣвушка долго ничего не отвѣчала. Князь видѣлъ только, какъ ея грудь высоко вздымалась, какъ она нервно, а не съ прежнею сосредоточенностью водила зонтикомъ по песку.

— Что же вы ничего не отвѣчаете?—продолжалъ тѣмъ временемъ студентъ.—Надя, милая, дорогая, скажите: «да».

Дѣвушка вздрогнула. Яркій румянецъ разлился по ея блѣднымъ щекамъ; она съ величайшимъ усиліемъ хотѣла что-то произнести, но не могла. Студентъ подсѣлъ къ ней ближе и обнялъ ее одною рукой. Тутъ только она произнесла прежнимъ беззвучнымъ и какъ бы сдавленнымъ отъ сильнаго внутренняго волненія голосомъ:

— А отецъ?

— Да, вѣдь, онъ отъявленный пьяница,—поспѣшилъ возразить студентъ.

— Я его, все-таки, сдерживаю; безъ меня онъ погибнетъ.

— Никто не въ состояніи его сдержать: онъ давно уже погибъ.

— А мать?—произнесла дѣвушка прежнимъ беззвучнымъ, но умоляющимъ голосомъ.

— Да, вѣдь, она—кофейница, сплетница, не любитъ мужа, всѣхъ въ домѣ только терзаетъ своимъ раздражительнымъ, взбалмошнымъ нравомъ...

— Безъ меня всѣмъ будетъ еще хуже.

— Но неужели вамъ губить себя изъ-за такого отца, изъ-за такой матери?...

— А сестренка, а братишка?—молила со слезами въ голосѣ дѣвушка.—Можетъ быть, въ нихъ кроются несравненно болѣе богатые задатки, чѣмъ во мнѣ. Какое право я имѣю ихъ губить ради себя? Борисъ, Борисъ, не терзайте меня. Я за васъ готова положить душу, но свою... не чужую...

Князь съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался къ разыгрывавшейся передъ нимъ драмѣ,—драмѣ обыденной, но, можетъ быть, именно поэтому особенно горестной. Онъ привыкъ принимать къ сердцу горе не десятковъ людей, а тысячей, милліоновъ... Но дослушать разговора онъ не могъ. Съ нимъ снова повторился приступъ головокруженія: въ глазахъ зарябило, опять показались огненные круги, и на этотъ разъ скамейка, даже сама земля подъ нимъ заколебалась. Онъ разслышалъ только еще, какъ студентъ спросилъ дѣвушку:

— Такъ вы твердо рѣшились остаться здѣсь?

Но отвѣта онъ уже разобрать не могъ. Въ вискахъ у него застучало такъ сильно, что эти удары, все ускоряясь, казалось, раздробятъ ему черепъ. Онъ хотѣлъ приподняться, но не могъ, хотѣлъ позвать на помощь, но у него изъ груди вырвался только глухой хрипъ.

Однако, молодые люди на горкѣ услышали этотъ хрипъ. Они прибѣжали и увидѣли сидѣвшаго на скамейкѣ старика, какъ будто заснувшаго глубокимъ сномъ: только одна рука и нога у него судорожно подергивались. Студентъ быстро наклонился надъ старикомъ; онъ чуялъ недоброе.

— Сбѣгайте въ усадьбу, къ управляющему, за помощью,—тихо сказалъ онъ дѣвушкѣ.—Съ нимъ нехорошо.

Дѣвушка стремглавъ побѣжала, а студентъ сталъ поспѣшно разстегивать у старика галстукъ и рубашку, чтобъ облегчить ему дыханіе. Но усилія его были напрасны. Князь въ сознаніе болѣе не приходилъ; онъ коснѣющимъ языкомъ только еще пробормоталъ:

— Останусь... здѣсь... навсегда...

На другой день разнеслась по Россіи вѣсть, что князь скончался отъ удара въ своемъ имѣніи, на Волгѣ.

Р. Сементковскій.

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ *).

Романъ Генрика Сенкевича.

IV.

Поланецкій, придя къ Плавицкимъ, засталъ тамъ Гонтовскаго. Молодые люди поздоровались другъ съ другомъ съ видимою холодностью и недоброжелательствомъ. Въ этотъ день на всемъ свѣтѣ не было человѣка болѣе несчастнаго, чѣмъ Гонтовскій. Старикъ Плавицкій издѣвался надъ нимъ, какъ и всегда, пожалуй, даже и болѣе: онъ былъ въ превосходномъ настроеніи духа по поводу смерти своей родственницы, отъ которой разсчитывалъ получить большое наслѣдство; Мариню связывало его присутствіе, и она напрасно старалась прикрыть это любезнымъ обращеніемъ и добротою. Наконецъ, Поланецкій почти дѣлалъ видъ, что совсѣмъ не замѣчаетъ его. Было также очевидно, что Гонтовскій ничего не сказалъ пану Плавицкому и теперь трепещетъ, какъ бы Поланецкій не упомянулъ какъ-нибудь о его столкновеніи съ Машко или прямо не разсказалъ бы всей исторіи.

Поланецкій понялъ это сразу, какъ и то, какое преимущество надъ «медвѣжонкомъ» даетъ ему его молчаніе. Этимъ преимуществомъ онъ хотѣлъ воспользоваться въ интересахъ Машко и молчалъ до поры до времени, хотя не могъ отказать себѣ въ желаніи уязвить Гонтовскаго другимъ манеромъ. И вотъ въ теченіе всего вечера онъ велъ себя съ Мариней такъ, какъ никогда со смерти Литки, и это, видимо, радовало Мариню. Предоставивъ Гонтовскаго пану Плавицкому, Поланецкій ходилъ съ Мариней по комнатѣ и дружески бесѣдовалъ о чемъ-то, потомъ они сѣли подъ пальмой,—подъ тою самой, подъ которою Поланецкій видѣлъ пани Эмилію п-

*) *Русская Мысль*, кн. II.

слѣ возвращенія съ похоронъ Литки,—сѣли и разговаривали о предстоящемъ вступленіи пани Эмиліи въ сестры милосердія. Но Гонтовскому по временамъ казалось, что такъ могутъ разговаривать только женихъ съ невѣстой, и въ это время онъ чувствовалъ то, что̀ можетъ чувствовать душа,—не въ чистилищѣ, потому что тамъ есть еще какая-нибудь надежда, а та, которая переступаетъ врата съ надписью: «Lasciate ogni speranza». Видя ихъ вмѣстѣ, онъ думалъ, что Поланецкій, можетъ быть, купилъ лѣсъ вмѣстѣ съ землей, чтобы пріобрѣсти хоть часть Кшеменя для Марини,—значитъ, не безъ ея вѣдома и согласія. И при одной мысли, что онъ такъ завязъ въ исторіи съ Машко, Гонтовскій чувствовалъ, что волосы встаютъ дыбомъ на его головѣ, а панъ Плавицкій, выслушивая его безсвязные и вовсе къ дѣлу не подходящіе отвѣты, все болѣе и болѣе потѣшался на счетъ «провинціала», который на улицѣ большого города теряетъ остатки разума. Панъ Плавицкій считалъ уже себя человѣкомъ «столичнымъ».

Но наступила минута, когда Мариня вышла въ другую комнату разливать чай, а панъ Плавицкій къ себѣ за сигарой, и молодые люди остались вдвоемъ. Тогда Поланецкій обратился къ Гонтовскому и сказалъ:

— Послѣ чаю выйдемъ вмѣстѣ; я хочу поговорить съ вами по поводу вашего столкновенія съ паномъ Машко.

— Хорошо,—мрачно сказалъ Гонтовскій. Онъ сообразилъ, что Поланецкій является секундантомъ Машко.

Но нужно было еще пить чай, а потомъ просидѣть еще довольно долго, потому что панъ Плавицкій не любилъ рано ложиться спать и предложилъ Гонтовскому сыграть партію въ шахматы. Во время ихъ игры Мариня и Поланецкій опять-таки сидѣли вдвоемъ и оживленно говорили о чемъ-то, къ великому горю «медвѣжонка».

— Пріѣздъ пана Гонтовскаго,—вдругъ сказалъ Поланецкій,—должно быть, очень пріятенъ вамъ,—онъ напоминаетъ вамъ Кшемень.

По лицу Марини промелькнула тѣнь удивленія, что Поланецкій первый вспоминаетъ про Кшемень. Она думала, что, въ силу молчаливаго соглашенія, это дѣло покрыто вѣчнымъ молчаніемъ. Но черезъ минуту она отвѣтила:

— Я больше уже не думаю о Кшеменѣ.

Говоря это, она сказала неправду, потому что въ глубинѣ сердца ей было жаль и мѣста, въ которомъ она выросла, и работы многихъ лѣтъ, и своихъ разбитыхъ надеждъ, но она думала, что гово-

рить такъ ей приказываетъ и обязанность, и съ каждою минутой возростающее чувство къ Поланецкому.

— Кшемень,—прибавила она немного взволнованнымъ голосомъ,—былъ причиной нашей ссоры, а я теперь хочу согласія, и согласія навсегда.

И, говоря это, она смотрѣла въ глаза Поланецкому съ такимъ милымъ кокетствомъ, на которое дурная женщина способна всегда, а хорошая тогда только, когда начинаетъ любить. Поланецкій подумалъ:

«Однако, какъ же она добра!»

И тотчасъ же сказалъ вслухъ:

— Вы были бы вооружены безконечно сильнѣе меня,—добротою меня можно было бы довести до ада.

А она отвѣтила:

— Я не хочу вести васъ туда.

И въ доказательство, что она дѣйствительно не хочетъ, она съ улыбкой тряхнула своею прелестною головкой, а Поланецкій, смотря на ея лицо, на ея улыбающіяся губы, подумалъ про себя:

«Люблю ли я тебя, или не люблю, никто меня такъ не притягиваетъ къ себѣ... словно клещами».

И дѣйствительно, никогда она не восхитила его, никогда не понравилась больше, даже сравнительно съ тѣмъ, когда у него не было ни тѣни сомнѣнія въ томъ, что онъ ее любитъ, и когда онъ боролся съ этимъ чувствомъ.

Часъ былъ уже поздній, нужно было прощаться, и черезъ нѣсколько минутъ они оба съ Гонтовскимъ очутились на улицѣ.

Тогда Поланецкій, который никогда не могъ удержаться отъ запальчивости, задержалъ несчастнаго «медвѣжонка» и спросилъ чуть не вызывающимъ тономъ:

— Вы знали, что лѣсъ въ Кшеменѣ купилъ я?

— Зналъ,—отвѣтилъ Гонтовскій,—вашъ коммиссіонеръ, тотъ, который говоритъ, что будто бы родомъ изъ татаръ... забылъ, какъ его тамъ?... былъ у меня въ Ялбжиковѣ и говорилъ, что это вы.

— Почему же вы напали на пана Машко, а не на меня?

На это Гонтовскій отвѣтилъ:

— Не прижимайте меня такъ къ стѣнѣ, потому что я этого не люблю. Напалъ я на того барина, а не на васъ, потому, что Плавицкимъ отъ васъ ничего не слѣдуетъ, а тотъ долженъ платить имъ каждый годъ столько, сколько онъ обязался, а какъ онъ разоритъ Кшемень, то и платить будетъ не изъ чего. Вы

хотѣли знать, почему я наговорилъ адвокату столько, такъ вотъ вамъ.

Поланецкій внутренно долженъ былъ признаться, что въ отвѣтѣ Гонтовскаго была доля правды, и тотчасъ же перевелъ разговоръ на другую почву.

— Панъ Машко просилъ меня быть секундантомъ,—сказалъ онъ,—поэтому я и вмѣшиваюсь въ это дѣло. Какъ секундантъ, я буду у васъ завтра, а сегодня, какъ частный человѣкъ и какъ родственникъ пана Плавицкаго, хотя и далекій, могу сказать вамъ только слѣдующее: вы оказали самую плохую услугу пану Плавицкому, и если онъ и панна Марія останутся безъ куска хлѣба, то обязаны этимъ они будутъ вамъ. Да!

Глаза Гонтовскаго стали совершенно круглыми.

— Безъ куска хлѣба?... Будутъ обязаны мнѣ?...

— Да, — повторилъ Поланецкій. — Выслушайте меня хорошенько. Не станемъ говорить о томъ, каковъ будетъ результатъ вашего столкновенія... обстоятельства таковы, что этотъ результатъ можетъ быть очень трагическимъ... Я говорю вамъ, обязывая васъ молчаніемъ, что вы, по всей вѣроятности, разорили пана Плавицкаго, отняли у него и у его дочери всякія средства, вѣрнѣе, всякую возможность существованія.

Если Гонтовскій дѣйствительно не любилъ, чтобъ его прижимали къ стѣнѣ, то теперь представлялась возможность выказать это отвращеніе. Но онъ совершенно потерялъ голову и стоялъ, растерянный, съ открытымъ ртомъ, не зная, что сказать, и только немного погодя промолвилъ:

— Какъ?... какимъ образомъ? Будьте увѣрены, что до этого дѣло не дойдетъ, хотя бы я имъ долженъ былъ отдать свой Ялбжиковъ.

Но Поланецкій перебилъ его:

— Панъ Гонтовскій, не тратьте словъ по-пустому! Я ваши мѣста знаю съ малаго дѣтства. Что такое Ялбжиковъ?... А долгу на немъ сколько?

То была правда. Ялбжиковъ была деревушка со ста тридцатью десятинами земли, да, кромѣ того, у Гонтовскаго было на ѣдственныхъ долговъ выше ушей, и поэтому у него руки совсѣмъ опустились.

Но въ голову ему пришло, что, можетъ быть, дѣла стоятъ совсѣмъ не такъ, какъ ихъ представляетъ Поланецкій, и онъ схватился за эту мысль, какъ утопающій за соломенку.

- Я не понимаю того, что̀ вы говорите,— сказалъ онъ. —

Видитъ Богъ, я предпочелъ бы погибнуть самъ, чѣмъ погубить Плавицкихъ. Знайте и то, что я охотно накостылялъ бы шею пану Машко, но если это нужно, если дѣло идетъ о Плавицкихъ, то пусть черти возьмутъ меня перваго... Послѣ этой исторіи я былъ у пана Ямиша,—онъ теперь пріѣхалъ на мировой съѣздъ,—и разсказалъ ему все. Онъ сказалъ, что я сдѣлалъ глупость, и обругалъ меня,—это правда. Если бы дѣло шло о моей шкурѣ,—велика бѣда!—я бы и пальцемъ не пошевелилъ; но коль скоро что-нибудь иное, то что мнѣ ни скажетъ панъ Ямишъ, то я и сдѣлаю, хотя бы потомъ меня громъ разразилъ. Панъ Ямишъ живетъ въ Саксонской гостиницѣ и я тамъ же.

На этомъ они разстались и Гонтовскій пошелъ въ свою гостиницу, проклиная Машко, себя и Поланецкаго. Онъ чувствовалъ, что было такъ, какъ говорилъ Поланецкій, что случилось какое-то непоправимое несчастіе и что онъ причинилъ великую бѣду той самой паннѣ Маріи, за которую отдалъ бы послѣднюю каплю крови, чувствовалъ, наконецъ, что если и была для него какая-нибудь надежда, то онъ и ее утратилъ. Плавицкій запретъ двери у него передъ носомъ. Панна Марія выйдетъ за Поланецкаго, развѣ только онъ самъ этого не захочетъ. А кто бы не захотѣлъ этого? И одновременно съ этимъ бѣдный Гонтовскій увидѣлъ ясно, что между тѣми, которые могли бы добиваться ея руки, онъ, во всякомъ случаѣ, былъ бы послѣднимъ, за котораго она бы вышла. «Что у меня есть?—ничего!—говорилъ онъ себѣ.—Этотъ паршивый Ялбжиковъ и ничего больше,—ни разума, ни денегъ. Всякій знаетъ что-нибудь, только я ничего не знаю. Всякій значитъ что-нибудь, только я ничего не значу. Какой-нибудь Поланецкій и ученый, и деньги у него есть, а что я люблю ее больше него, такъ чорта ли мнѣ отъ того, да и ей также, коли я такой дурень, что ради этого врежу ей, а не помогаю?»

Поланецкій, возвращаясь домой, думалъ о Гонтовскомъ то же самое и вообще не ощущалъ въ себѣ ни капли сочувствія къ нему. Дома онъ засталъ Машко, который первымъ словомъ сказалъ ему:

— Другимъ секундантомъ будетъ Кресовскій.

Поланецкій немного поморщился и отвѣтилъ:

— Я видѣлъ Гонтовскаго.

— Ну, и что-жь?

— Дуракъ онъ.

— Это прежде всего. Говорилъ ты ему что-нибудь отъ моего имени?

— Отъ твоего — нѣтъ. Я только говорилъ ему, какъ родственникъ пана Плавицкаго, что онъ оказалъ ему самую плохую услугу.

— Ты не давалъ никакихъ объясненій?

— Никакихъ. Слушай, Машко, тебѣ нужно полное удовлетвореніе, а я, съ своей стороны, рѣшительно ничего не буду имѣть противъ того, чтобы вы палили другъ другу въ лобъ. На основаніи того, что я сказалъ Гонтовскому, я готовъ поддерживать всѣ твои требованія. Къ счастью, онъ обратился къ судьѣ Ямишу, человѣку очень умному и мягкому, который также пойметъ, что Гонтовскій поступилъ какъ дуракъ и будетъ радъ дать ему нагоняй.

— Хорошо,— сказалъ Машко.— Дай мнѣ перо и кусокъ бумаги.

— Возьми на письменномъ столѣ.

Машко сѣлъ и началъ писать, а когда кончилъ, то подалъ исписанную четвертушку Поланецкому.

Поланецкій прочелъ слѣдующее:

«Симъ удостовѣряю, что я напалъ на пана Машко пьяный, въ безсознательномъ состояніи, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаю. Теперь, вытрезвившись, въ присутствіи моихъ свидѣтелей и свидѣтелей пана Машко, а также лицъ, при которыхъ произошло мое нападеніе, я признаю свой поступокъ грубымъ и безумнымъ и съ величайшимъ сожалѣніемъ и покорностью обращаюсь къ великодушію и милости пана Машко, прося у него прощенія и признавая публично, что его поведеніе было и есть во всѣхъ отношеніяхъ выше суда людей, подобныхъ мнѣ».

— Гонтовскій долженъ это продекламировать, а потомъ подписать,— сказалъ Машко.

— Это дьявольски безжалостно. На это никто не согласится.

— Ты признаешь, что этотъ шутъ допустилъ что-то неслыханное по отношенію ко мнѣ?

— Признаю.

— Понимаешь, какія послѣдствія вызоветъ для меня это приключеніе?

— Этого нельзя знать.

— А я знаю и скажу тебѣ только одно: эти дамы въ глубинѣ ду ши жалѣютъ, что связались со мной, и воспользуются первымъ сл чаемъ, которымъ можно прикрыться во мнѣніи свѣта,— это вѣрн Я погибъ, для меня почти нѣтъ спасенія.

— О, чортъ...

— Теперь ты понимаешь: то, что бѣситъ меня, я долженъ вы стить на комъ-нибудь, и Гонтовскій тѣмъ или другимъ об-

разомъ долженъ будетъ заплатить за испытываемую мною несправедливость.

Поланецкій пожалъ плечами.

— И я не растрогиваюсь его участью. Пусть будетъ такъ.

— Кресовскій придетъ къ тебѣ завтра въ девять часовъ утра.

— Хорошо.

— Затѣмъ до свиданія... Ахъ, да! Если увидишь завтра Плавицкаго, скажи ему, что въ Римѣ умерла его родственница, Плошовская, послѣ которой онъ ожидалъ наслѣдства. Завѣщаніе было здѣсь у нотаріуса Подвуйнаго и завтра должно быть вскрыто.

— Плавицкій уже знаетъ объ этомъ, потому что она умерла пять дней тому назадъ.

Поланецкій остался одинъ. Сначала онъ думалъ о своихъ деньгахъ, не видя возможности, какъ онъ ихъ получитъ отъ разорившагося Машко, и эта мысль встревожила его. Наконецъ, онъ вспомнилъ, что сумма эта не можетъ быть вычеркнута изъ долга, лежащаго на Кшеменѣ,— значитъ, въ крайнемъ случаѣ, онъ останется тѣмъ, чѣмъ былъ прежде, то-есть залогодателемъ Кшеменя. Правда, Кшемень былъ не лучшимъ должникомъ, чѣмъ Машко,— утѣшеніе здѣсь небольшое,— но пока нужно ограничиться хоть и этимъ.

Потомъ ему въ голову пришло нѣчто совсѣмъ иное. Началъ онъ вспоминать Литку, пани Эмилію, Мариню и его поразило, какъ такого рода женщины, главный интересъ которыхъ сосредоточивается на любви, на счастьѣ ближнихъ, разнятся отъ ихъ міра, мужского, полнаго соперничества, борьбы, распрей, дуэлей, усилій для добычи денегъ и... утомленія. И онъ понялъ въ эту минуту то, чего не чувствовалъ уже давно, что если есть на свѣтѣ отдыхъ, счастье, умиротвореніе, то искать ихъ нужно у любимой женщины. Это чувство было прямо противуположно его философіи послѣднихъ дней и поэтому обезпокоило его, но, сравнивая далѣе эти два міра, онъ не могъ не признать, что міръ женскій, любящій, имѣетъ свои основанія и свои резоны жизни.

Если бы Поланецкій былъ болѣе знакомъ со св. Писаніемъ, то ему непремѣнно пришли бы въ голову слова: «Марія избрала лучшую участь».

V.

Кресовскій опоздалъ почти на цѣлый часъ. То былъ, по извѣстному у насъ опредѣленію, одинъ изъ администраторовъ свѣжаго воздуха въ городѣ, то-есть одинъ изъ ничего недѣлающихъ

людей. Имя у него было довольно хорошее, кромѣ того, онъ растратилъ довольно значительное состояніе. На этихъ двухъ основаніяхъ онъ стоялъ, жилъ, бывалъ всюду и всюду считался порядочнымъ человѣкомъ. Какъ вышеупомянутый титулъ можетъ доставить подобную репутацію,—это уже секретъ большихъ городовъ; достаточно, что не только положеніе Кресовскаго было признано и утверждено всѣми, но его считали за человѣка, къ которому можно безопасно обратиться въ деликатныхъ дѣлахъ. Въ судахъ чести его призывали въ качествѣ посредника, при дуэляхъ — какъ секунданта. Высокія финансовыя сферы съ удовольствіемъ приглашали его на обѣды, свадьбы, крестины и тому подобныя торжества, потому что у него было типичное польское лицо и патриціанская лысина, такъ что онъ являлся крупнымъ украшеніемъ стола.

На самомъ дѣлѣ это былъ человѣкъ страшно разочаровавшійся въ людяхъ, немного чахоточный и очень сварливый. Однако, онъ обладалъ нѣкоторою дозой юмора, которая дозволяла ему видѣть смѣшныя стороны вещей, въ особенности очень мелкихъ, — въ чемъ онъ до нѣкоторой степени напоминалъ Букацкаго,—и смѣяться надъ собственною сварливостью. Онъ и другимъ дозволялъ шутить надъ нею, но въ мѣру. Когда мѣра эта исчерпывалась, онъ вдругъ выпрямлялся и прижималъ шутника къ стѣнѣ, вслѣдствіе чего считался человѣкомъ не безопаснымъ. О немъ разсказывали, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ находилъ отвагу тамъ, гдѣ для другихъ бы ея не хватило, и что вообще онъ умѣлъ «высоко носить носъ». Онъ не уважалъ никого и ничего, за исключеніемъ своей дѣйствительно благородной физіономіи, въ особенности не уважалъ времени, потому что опаздывалъ всегда и всюду.

Войдя къ Поланецкому, онъ, послѣ первыхъ привѣтствій, началъ объяснять причину своей неаккуратности.

— Замѣтили ли вы,— сказалъ онъ,— чѣмъ больше человѣкъ спѣшитъ и чѣмъ больше ему нужно спѣшить, тѣмъ труднѣе отыскать самыя необходимыя вещи, точно они въ воду канули. Горничная ищетъ шляпу — нѣтъ шляпы; ищетъ калоши — нѣтъ калошъ; ищетъ портмоне — нѣтъ портмоне. Готовъ пари держать,— всегда.

— Бываетъ и такъ,— сказалъ Поланецкій.

— Я даже придумалъ одно средство противъ этого. Когда что-будь у меня канетъ въ воду, я сажусь, улыбаюсь и говорю омко: «Ужасно я люблю потерять что-нибудь: ищешь, двигаешь, оживляешься, наполняешь время,— это необыкновенно здорово ріятно». И что-жь вы думаете? Сразу находится то, что пропало.

— На такія изобрѣтенія можно бы взять патентъ,— сказалъ Поланецкій,— но поговоримъ лучше о дѣлѣ Машко.

— Мы должны идти къ судьѣ Ямишу. Машко прислалъ мнѣ росписку, которую онъ приготовилъ для Гонтовскаго. Онъ не хочетъ измѣнить ни слова, но это невозможно, черезъ-чуръ остро,— это не можетъ быть принято... Я понимаю, что насъ ждетъ дуэль, ничто иное,— другого выхода я не вижу.

— Гонтовскій во всемъ положился на пана Ямиша и сдѣлаетъ все, что ему скажетъ панъ Ямишъ, а панъ Ямишъ, прежде всего, также возмущенъ Гонтовскимъ; во-вторыхъ, онъ человѣкъ больной, мягкій, спокойный, такъ что,— кто знаетъ?— можетъ быть, приметъ и такія условія.

— Панъ Ямишъ тюфякъ,— отвѣтилъ Кресовскій,— но идемъ, поздно.

Спустя нѣсколько минутъ сани съ Поланецкимъ и Кресовскимъ остановились у Саксонской гостиницы. Панъ Ямишъ ждалъ, но принялъ ихъ въ халатѣ, потому что дѣйствительно былъ нездоровъ. Кресовскій, смотря на его умное, но утомленное и опухшее лицо, подумалъ:

«Этотъ дѣйствительно готовъ согласиться на все».

— Садитесь, господа,— сказалъ панъ Ямишъ.— Я пріѣхалъ только три дня тому назадъ, и, хотя чувствую себя нехорошо, очень радъ помочь уладить какъ-нибудь это непріятное дѣло. Вѣрьте мнѣ, я первый надралъ уши моему вертопраху.

Онъ пожалъ плечами и, обратившись къ Поланецкому, спросилъ:

— Что тамъ у Плавицкихъ? Я до сихъ поръ не былъ у нихъ, а скучно мнѣ безъ моей золотой Марини.

— Панна Мариня здорова,— отвѣтилъ Поланецкій.

— А старичокъ?

— Нѣсколько дней тому назадъ умерла его дальняя родственница, очень богатая, такъ онъ разсчитываетъ на наслѣдство. Онъ мнѣ говорилъ это вчера, но я еще раньше слышалъ, что покойница завѣщала все свое состояніе на благотворительныя дѣла... Завѣщаніе будетъ вскрыто сегодня или завтра.

— Хорошо, если бы Богъ внушилъ ей оставить что-нибудь М[а]ринѣ... Но приступимъ къ дѣлу. Господа, мнѣ не нужно говорить, что наша обязанность — окончить дѣло какъ возможно мирол[ю]бивѣе.

Кресовскій поклонился. Ему надоѣдали подобныя вступленія, которыя онъ слышалъ Богъ вѣсть сколько разъ. И онъ переби[л]

— Мы глубоко проникнуты этою обязанностью.

— Такъ я и разсчитывалъ, — добродушно отвѣтилъ панъ Ямишъ.— Я самъ признаю, что панъ Гонтовскій не имѣлъ ни малѣйшаго права поступить такъ, какъ онъ поступилъ; я даже признаю справедливымъ, чтобъ онъ былъ наказанъ, и поэтому склоню его ко всѣмъ, даже очень значительнымъ, уступкамъ, могущимъ гарантировать пану Машко надлежащее удовлетвореніе.

Кресовскій вынулъ изъ кармана сложенный листокъ бумаги, съ улыбкой подалъ его пану Ямишу и сказалъ:

— Панъ Машко не требуетъ ничего больше, какъ того, чтобы панъ Гонтовскій сначала прочиталъ этотъ маленькій документикъ въ присутствіи своихъ и его свидѣтелей, а также въ присутствіи писцовъ, бывшихъ во время непріятнаго приключенія, а потомъ подписалъ бы подъ нимъ свое почтенное имя.

Панъ Ямишъ отыскалъ между бумагами очки, надѣлъ ихъ на носъ и началъ читать. Лицо его сначала покраснѣло, потомъ поблѣднѣло, потомъ онъ засопѣлъ, потомъ Поланецкій и Кресовскій почти глазамъ своимъ не хотѣли вѣрить, тотъ ли это самый панъ Ямишъ, который за минуту до того готовъ былъ на всѣ уступки.

— Господа,— сказалъ онъ прерывающимся голосомъ,— панъ Гонтовскій поступилъ какъ забіяка, какъ сорванецъ, но панъ Гонтовскій... дворянинъ, и вотъ что отъ его имени я отвѣчаю пану Машко.

Съ этими словами онъ разорвалъ листокъ на четыре части и бросилъ его на полъ. Этотъ исходъ не былъ предвидѣнъ. Кресовскій началъ размышлять, не оскорбилъ ли панъ Ямишъ этимъ поступкомъ его достоинства, какъ секунданта, и лицо его въ одну минуту начало холоднѣть и сморщиваться, какъ у злого пса, но Поланецкому, который любилъ пана Ямиша, понравилось его негодованіе.

— Панъ судья, — сказалъ онъ разстановисто, — панъ Машко такъ жестоко оскорбленъ, что меньшаго требовать не можетъ, но я и панъ Кресовскій предвидѣли вашъ отвѣтъ, и онъ только еще болѣе увеличиваетъ уваженіе, которое мы питаемъ къ вамъ.

Панъ Ямишъ сѣлъ,—у него была астма,—и долго не могъ отдышаться, затѣмъ успокоился и сказалъ:

— Я бы могъ предложить вамъ извиненіе со стороны пана Гонтовскаго, но совсѣмъ въ другихъ выраженіяхъ, а теперь вижу, что мы потеряли бы понапрасну время. Будемъ говорить по-простому объ удовлетвореніи съ оружіемъ въ рукахъ. Черезъ нѣсколько минутъ

пріѣдетъ сюда панъ Вильковскій, другой секундантъ Гонтовскаго, и, если вы можете подождать, мы сейчасъ же составимъ условія.

— Вотъ это называется идти прямо къ цѣли, — сказалъ Кресовскій, совершенно примиренный съ паномъ Ямишемъ.

— Но мы идемъ въ силу необходимости, въ силу печальной необходимости,—отвѣтилъ панъ Ямишъ.

Поланецкій посмотрѣлъ на часы.

— Въ одиннадцать часовъ я долженъ быть въ конторѣ,—сказалъ онъ,—но если вы позволите, буду здѣсь около часа для просмотра и подписанія условій.

— Хорошо. Я заранѣе предупреждаю васъ, что условія не могутъ быть составлены такъ, чтобы возбуждать людской смѣхъ, но я разсчитываю также и на то, что вы, господа, не захотите довести ихъ до крайности.

— Нѣтъ, вы можете быть увѣрены, что я не думаю быть черезъ-чуръ запальчивымъ за счетъ чужой шкуры.

Поланецкій отправился въ контору, гдѣ его, дѣйствительно, ожидало нѣсколько довольно важныхъ дѣлъ, которыя онъ, за отсутствіемъ Бигеля, долженъ былъ рѣшить одинъ. Въ полдень онъ подписалъ условія дуэли,—серьезныя, но не особенно жестокія, а потомъ отправился обѣдать, разсчитывая встрѣтить въ ресторанѣ Машко.

Но Машко, очевидно, былъ у Краславскихъ, за то первымъ, кого увидалъ Поланецкій, былъ панъ Плавицкій, одѣтый съ обычною старательностью, выбритый, застегнутый на всѣ пуговицы, но мрачный, какъ ночь.

— Что вы тутъ дѣлаете, почтенный дядюшка? — спросилъ Поланецкій.

— Когда меня огорчитъ что-нибудь, я обыкновенно не обѣдаю дома, чтобы не огорчать Мариню, — отвѣтилъ панъ Плавицкій.— Я иду куда-нибудь, и вотъ — крылышко каплуна, ложечка компота—это все, что мнѣ нужно. Садись, если не разсчитываешь найти болѣе веселаго собесѣдника.

— Что случилось?—спросилъ Поланецкій.

— Гибнутъ старыя традиціи,—вотъ что случилось!

— О! да, вѣдь, не личное же это ваше горе?

Панъ Плавицкій посмотрѣлъ на него мрачно и, вмѣстѣ съ тѣ ь, торжественно, и сказалъ:

— Сегодня вскрыли завѣщаніе.

— Ну, и что-жь?

— Да то-жь! Болтаютъ теперь въ Варшавѣ: «Помнила о а-

мыхъ дальнихъ родственникахъ». Хорошо помнила! Марпия получитъ—да. А знаешь, сколько? Четыреста рублей ежегодно... А еще милліонерка! Горничной такую сумму оставляютъ — не родственницѣ.

— А вы?

— А я ничего. Управляющему завѣщала пятнадцать тысячъ рублей, а обо мнѣ ни словечка.

— Что-жь дѣлать?

— Гибнутъ старыя традиціи! Прежде-то сколько людей обогащались путемъ наслѣдства, а отчего?—оттого, что существовала любовь и родовая солидарность.

— И теперь еще я знаю такихъ, которымъ на голову свалилось наслѣдство.

— Да. Есть такіе, есть, много такихъ, но я не изъ ихъ числа.

Панъ Плавицкій оперся на руку и изъ устъ его вышло что-то вродѣ монолога:

— Всегда и всюду—гдѣ-то, кому-то, кто-то, что-то...

Тутъ онъ вздохнулъ и черезъ минуту прибавилъ:

— А мнѣ нигдѣ и никогда, никто и ничего...

Поланецкому пришла ужасная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, шальная мысль развеселить папа Плавицкаго и онъ сказалъ:

— Э, она умерла въ Римѣ, завѣщаніе писано давно, а передъ этимъ, какъ я слышалъ, было совсѣмъ другого содержанія. Кто знаетъ, не придетъ ли изъ Рима какое-нибудь добавленіе и не проснетесь ли вы въ одно прекрасное утро милліонеромъ?

— Не придетъ,—отвѣтилъ панъ Плавицкій.

Но слова Поланецкаго взволновали пана Плавицкаго; онъ началъ посматривать на своего собесѣдника, началъ ёрзать на своемъ стулѣ и, наконецъ, сказалъ:

— И ты думаешь, что это возможно?

А Поланецкій отвѣтилъ съ истинно плутовскою важностью:

— Не вижу въ этомъ ничего неправдоподобнаго.

— Если бы воля Провидѣнія...

— И это можетъ быть.

Панъ Плавицкій окинулъ взоромъ залу ресторана: они были о и. Вдругъ онъ отодвинулъ стулъ и сказалъ, указывая на жи ку:

— Мой мальчикъ! иди сюда!...

Поланецкій наклонилъ голову и панъ Плавицкій дважды поцѣ лъ его.

— Ты придалъ мнѣ надежды, подкрѣпилъ меня... Пусть будетъ

такъ, какъ Богу угодно, но ты подкрѣпилъ меня. Теперь я признаюсь тебѣ, что писалъ къ ней. Ничего особеннаго, такъ только... напомнить, что мы живы. Спрашивалъ, когда кончится срокъ аренды одного хутора. Ты понимаешь, у меня не было намѣренія брать его въ аренду, но поводъ былъ хорошій... Да заплатитъ тебѣ Богъ за то, что ты подкрѣпилъ меня... Это завѣщаніе могло быть совершено до полученія моего письма, потомъ она поѣхала въ Римъ, по дорогѣ должна была думать о моемъ письмѣ, значитъ, и о насъ, и... ты говоришь, что это можетъ быть? Да вознаградитъ тебя Богъ!

Черезъ нѣсколько минутъ панъ Плавицкій, съ совершенно прояснившимся лицомъ, положилъ руку на колѣно Поланецкаго, щелкнулъ языкомъ и крикнулъ:

— Знаешь что, мальчикъ? Можетъ быть, ты сказалъ это въ счастливую минуту! А если бы мы выпили бутылку Мутонъ-Ротшильдъ на счетъ этого добавленія, а?

— Ей-Богу, не могу,—сказалъ Поланецкій, который начиналъ немного стыдиться своего остроумія,—не могу и не буду.

— Долженъ.

— Честное слово, не могу. У меня масса дѣла и я ни за что на свѣтѣ не позволю, чтобъ у меня шумѣло въ головѣ.

— Козелъ упрямый, чистый козелъ! Ну, такъ я одинъ выпью за счастливый часъ.

Онъ приказалъ подать себѣ вина и потомъ спросилъ у Поланецкаго:

— Какія такія у тебя дѣла?

— Разныя. Сейчасъ же послѣ обѣда я долженъ быть у Васковскаго... Да вотъ вамъ, и на него свалилось послѣ брата, инженера, наслѣдство, и большое. Но онъ все это раздаетъ бѣднымъ.

— Раздаетъ бѣднымъ, а самъ ходитъ въ хорошій ресторанъ. Люблю я такихъ филантроповъ. Если бы мнѣ было что раздавать, то я во всемъ бы себѣ отказывалъ.

— Онъ долго хворалъ и докторъ предписалъ ему хорошую пищу. Но онъ и здѣсь ѣстъ только то, что стоитъ дешево. Живетъ въ дрянномъ чуланѣ и воспитываетъ птицъ, а рядомъ у него двѣ большихъ комнаты и знаете, кто въ нихъ ночуетъ? Дѣти, которыхъ онъ собираетъ на улицахъ.

— Мнѣ съ перваго взгляда показалось, что у него что-то здѣсь есть...

Панъ Плавицкій постучалъ себѣ пальцемъ въ лобъ.

Васковскаго Поланецкій не засталъ и около пяти часовъ отправился къ Маринѣ, потому что совѣсть грызла его по поводу тѣ

глупостей, которыя онъ наболталъ Плавицкому. «Старикъ,—говорилъ онъ себѣ,— будетъ пить дорогія вина на счетъ этого добавленія, а они, по моему мнѣнію, и такъ живутъ выше своего состоянія. Не нужно, чтобы шутка продолжалась долго».

Мариню онъ засталъ въ шляпѣ. Она собиралась къ Бигелямъ, но задержала Поланецкаго.

— Поздравляю васъ съ наслѣдствомъ,—сказалъ онъ.

— И я рада,— отвѣтила Мариня, — что-нибудь вѣрное, а въ нашемъ положеніи это очень важная вещь. Вообще я хотѣла бы быть очень богатой.

— Зачѣмъ?

— Помните, вы говорили мнѣ, что хотѣли бы имѣть столько, чтобы основать фабрику и бросить торговый домъ? Я запомнила это, а такъ какъ у каждаго свои желанія, то и мнѣ хотѣлось бы много, много денегъ.

И, думая, что, можетъ быть, она сказала черезъ-чуръ много и черезъ-чуръ ясно, она начала расправлять складки своего платья,— это позволило ей низко склонить голову.

— Я пришелъ еще и для того, чтобы попросить у васъ прощенія,—сказалъ Поланецкій.—Сегодня за обѣдомъ я наговорилъ глупостей пану Плавицкому, что панна Плошовская, можетъ быть, измѣнила свое завѣщаніе и оставила ему все свое состояніе. Къ моему удивленію, онъ принялъ это серьезно. Я не хотѣлъ бы, чтобы онъ заблуждался, и если вы позволите, я сейчасъ же пойду въ его комнату, чтобы какъ-нибудь объяснить ему это.

Мариня засмѣялась.

— Я уже объяснила. Онъ обругалъ меня, и сильно. Видите, что вы надѣлали. Правда, вамъ есть за что просить прощенія у меня.

— Я и прошу.

И, схвативъ ея руку, онъ началъ осыпать ее поцѣлуями. Мариня не вырывала руки и повторяла, какъ будто бы шутливо, но на самомъ дѣлѣ съ волненіемъ:

— Недобрый панъ Стахъ, недобрый панъ Стахъ!

Въ этотъ день Поланецкій до тѣхъ поръ, пока не заснулъ, чувствовалъ на своихъ губахъ теплоту руки Марини и не думалъ уже ни о Машко, ни о Гонтовскомъ, а только упорно повторялъ себѣ:

«Пора все это покончить!»

VI.

Кресовскій съ докторомъ и съ ящикомъ съ пистолетами сидѣли въ одной каретѣ, а Поланецкій и Машко въ другой и ѣхали на

Бѣляны. День былъ ясный и морозный, полный розовой мглы. Колеса со скрипомъ катились по снѣгу, лошади дымились и покрывались инеемъ, всѣ деревья стояли, какъ опушонныя.

— Вотъ это морозъ, такъ морозъ,— сказалъ Машко.— У насъ пальцы къ куркамъ примерзнутъ.

— А какъ пріятно снимать шубы!

— Вы ужь смилуйтесь, не тяните. Дорогой мой, скажи Кресовскому, чтобы сразу приступилъ къ дѣлу.

Машко протеръ запотѣвшее пенснэ и добавилъ:

— Прежде чѣмъ доѣдемъ, солнце поднимется и отъ снѣга будетъ страшное отраженіе.

— Это скоро кончится,— отвѣтилъ Поланецкій.— Разъ Кресовскій явился во-время, остальныхъ ждать не будемъ,— тѣ привыкли вставать рано.

— Знаешь, что меня занимаетъ въ эту минуту? — сказалъ Машко,— что есть на свѣтѣ одинъ факторъ, съ которымъ никто въ своихъ планахъ и въ своихъ дѣяніяхъ не считается, а по милости котораго все можетъ разбиться, испортиться, обмануться, это — человѣческая глупость. Скажемъ, у меня въ десять разъ больше ума, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, что мои интересы — не интересы господина Машко, что я, допустимъ, великій политикъ, какъ Бисмаркъ или Кавуръ, которому нужно составить состояніе для проведенія своихъ плановъ и который разсчитываетъ каждый свой шагъ, каждое свое слово. Что-жь? Приходитъ скотина, не принимаемая въ разсчетъ никакимъ разумомъ, и все сразу разрушаетъ своимъ лбомъ. Это что-то сказочное! Застрѣлитъ ли онъ меня, или не застрѣлитъ,— теперь дѣло не въ томъ,— но скотина испортила работу всей моей жизни.

— Кто же можетъ разсчитать это?— сказалъ Поланецкій.— Это то же самое, какъ если бы крыша свалилась тебѣ на голову.

— Потому-то меня и разбираетъ бѣшенство.

— А что касается того, что онъ тебя застрѣлитъ,— не безпокойся.

Машко остылъ, снова протеръ пенснэ и заговорилъ:

— Дорогой мой, я вижу, что съ минуты отъѣзда ты немного наблюдалъ за мной, а теперь хочешь придать мнѣ храбрости. Это естественно. Съ своей стороны, я также долженъ успокоить тебя и, ручаюсь тебѣ честнымъ словомъ, не осрамлю васъ. Очень пустая вещь, что я ощущаю нѣкоторое безпокойство вотъ тутъ, внизу, но знаешь почему? То, что составляетъ опасность для жизни, что въ тебя будутъ стрѣлять,— это ничего! Пусть мнѣ и ему ...

дутъ ружья, пустятъ насъ въ лѣсъ,— ей-Богу, я полдня буду охотиться за этимъ дуракомъ и полдня выдерживать его выстрѣлы. Но у меня уже была одна дуэль и я знаю, что это такое. Комедія эта безпокоитъ человѣка, эти приготовленія, эти свидѣтели, эта мысль, что на тебя будутъ смотрѣть, и опасеніе, какимъ ты самъ проявишь себя. Вѣдь, это просто публичный выходъ и вопросъ самолюбія — не больше. Для нервныхъ натуръ чистое испытаніе. Но я не особенно нервный. Я понимаю также, что въ этомъ отношеніи имѣю преимущество надъ противникомъ, потому что болѣе привыкъ къ людямъ, чѣмъ онъ. Правда, у такого осла менѣе воображенія, онъ не съумѣетъ, напримѣръ, представить, каковъ онъ будетъ какъ трупъ, какъ начнетъ разлагаться и такъ далѣе. Но владѣть собою я, все-таки, съумѣю лучше... Притомъ, я тебѣ скажу еще вотъ что. Философія философіей, но въ такихъ случаяхъ дѣло разрѣшаютъ темпераментъ и страсть. Меня эта дуэль ни къ чему не приведетъ, ни отъ чего не спасетъ,— напротивъ, можетъ доставить только непріятность. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, я не могу лишить себя этого... Столько въ душѣ моей собралось негодованія, такъ я этого осла ненавижу, такъ бы хотѣлъ смять, растоптать его, что въ этомъ случаѣ перестаю владѣть разумомъ. И въ этомъ ты можешь быть увѣренъ, что, какъ только я увижу эту болванью рожу, то позабуду о безпокойствѣ, позабуду о комедіи и буду видѣть только его.

— Это я хорошо понимаю,— сказалъ Поланецкій.

А на лицѣ Машко пятна увеличивались и стали синими отъ мороза. Онъ казался настолько же свирѣпымъ, насколько отвратительнымъ.

Тѣмъ временемъ они пріѣхали на мѣсто. Почти въ ту же самую минуту заскрипѣла карета съ Гонтовскимъ, Ямишемъ и Вильковскимъ. Вновь прибывшіе вышли изъ экипажа, раскланялись съ противниками, и потомъ всѣ семеро, считая въ томъ числѣ доктора, направились къ мѣсту, которое еще вчера высмотрѣлъ Кресовскій.

Кучера, поглядывая на эти семь шубъ, такъ рѣзко и такъ странно вырисовывающихся на бѣломъ фонѣ снѣга, начали перемигиваться другъ съ другомъ.

— Знаешь, что такое будетъ? — спросилъ одинъ.

— Развѣ мнѣ въ первинку? — отвѣчалъ другой.

— Пускай дураки дерутся другъ съ другомъ.

А тѣ, шлепая тяжелыми калошами и выпуская изъ ноздрей какъ бы бѣлаго пара, направлялись къ другому краю лѣса. По до-

рогѣ панъ Ямишъ, немного вопреки обычаямъ, обязательнымъ въ подобныхъ случаяхъ, приблизился къ Поланецкому и заговорилъ:

— Мнѣ искренно хотѣлось бы, чтобы мой Гонтовскій извинился передъ паномъ Машко, но при такихъ условіяхъ это невозможно.

— Я также предлагалъ Машко смягчить то, что онъ написалъ, но онъ не хочетъ...

— Значитъ, выхода нѣтъ... Все это ужасно глупо, но выхода нѣтъ!

Поланецкій не отвѣчалъ и они шли молча. Панъ Ямишъ вновь заговорилъ:

— Да! Я слышалъ, что Мариня Плавицкая получила какое-то наслѣдство?

— Маленькое, но получила.

— А старикъ?

— Злится, что не все состояніе отказано ему.

Панъ Ямишъ ударилъ себя перчаткой по лбу.

— У него здѣсь немного не въ порядкѣ,— сказалъ онъ и осмотрѣлся вокругъ. — Однако, мы далеко идемъ.

— Сейчасъ будемъ на мѣстѣ.

Они пошли дальше. Солнце поднялось надъ лѣсомъ. Отъ деревьевъ ложились на снѣгъ синеватыя тѣни, но въ чащу проникало все болѣе и болѣе свѣта. Спрятавшіяся гдѣ-то въ верхушкахъ вороны и галки стряхивали сухой, какъ пухъ, снѣгъ, который безшумно падалъ внизъ и образовывалъ подъ деревьями маленькія остроконечныя кучки. Повсюду царили удивительная тишина и спокойствіе. Только люди нарушили его для того, чтобы стрѣлять другъ въ друга. Наконецъ, всѣ остановились на опушкѣ лѣса, на свѣтлой прогалинѣ. Короткую рѣчь пана Ямиша о превосходствѣ мира надъ войной Машко и Гонтовскій выслушали съ ушами, закрытыми мѣховыми воротниками, потомъ Кресовскій зарядилъ пистолеты, противники сбросили шубы и стали другъ противъ друга съ дулами, обращенными къ землѣ.

Гонтовскій дышалъ часто, лицо у него было красное, на усахъ висѣли ледяныя сосульки. По всей его фигурѣ видно было, что онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ принужденія, что на мѣстѣ удерживаютъ его только стыдъ и сила воли и что еслибъ онъ повиновался естественному влеченію, то предпочиталъ бы наскочить на противника и отвалять его дуломъ пистолета, а то и просто кулаками. Машко, который прежде притворялся, что не видитъ его, теперь смотрѣлъ на него съ ненавистью, свирѣпостью и презрѣніемъ. Ш-

ки его были всѣ въ пятнахъ. Владѣлъ онъ собою, однако, лучше Гонтовскаго, и, одѣтый въ длинный сюртукъ, съ высокою шляпой на головѣ, со своими длинными бакенбардами, казался ужь черезъ-чуръ деревяннымъ, черезъ-чуръ похожимъ на актера, играющаго роль джентльмена на дуэли.

«Застрѣлитъ онъ медвѣжонка, какъ собаку»,— подумалъ Поланецкій.

Раздались слова команды, и два выстрѣла всколебали лѣсную тишину. Машко обратился къ Кресовскому и холодно сказалъ:

— Я прошу зарядить пистолеты.

Но одновременно съ этимъ у его ногъ на снѣгу показалось кровавое пятно.

— Вы ранены,— сказалъ докторъ, поспѣшно приближаясь къ нему.

— Можетъ быть... Я прошу зарядить пистолеты.

И Машко зашатался, потому что дѣйствительно былъ раненъ. Пуля повредила у него часть кости въ колѣнѣ.

Дуэль была прервана. Только Гонтовскій стоялъ еще на мѣстѣ съ вытаращенными глазами, изумленный тѣмъ, что произошло.

Послѣ первой перевязки, подъ вліяніемъ толчка пана Ямиша, онъ приблизился къ Машко и сказалъ такъ же неуклюже, какъ и искренно:

— Теперь я признаю, что не имѣлъ права приходить къ вамъ, беру назадъ всѣ свои слова и прошу извиненія. А что вы ранены, то я этого не хотѣлъ.

И, черезъ минуту, когда Гонтовскій уходилъ вмѣстѣ съ Ямишемъ и Вильковскимъ, было слышно, какъ онъ говорилъ:

— Богомъ клянусь, чистая случайность,— это ужь пистолеты такіе: я цѣлилъ поверхъ его головы.

Машко въ этотъ день не раскрывалъ рта, а на вопросъ доктора, сильно ли онъ страдаетъ отъ раны, только отрицательно покачалъ головой.

Бигель, который днемъ раньше вернулся изъ Пруссіи съ карманами, набитыми условіями на продажу хлѣба, узнавъ обо всемъ, что произошло, сказалъ Поланецкому:

— Машко какъ будто умный человѣкъ, но, ей-Богу, между нами у каждаго что-нибудь да есть... Вотъ онъ, напримѣръ: и репутація у него, и множество хорошихъ дѣлъ, могъ бы имѣть большой доходъ, составлять состояніе, такъ нѣтъ! Онъ предпочитаетъ мотаться повсюду, исчерпывать кредитъ до дна, покупать недвижимыя имущества, разыгрывать крупнаго собственника, лорда,

быть Богъ вѣсть чѣмъ, только бы не быть тѣмъ, что онъ есть. Какъ это странно,—и тѣмъ болѣе странно, что такъ повсюду. Я иногда думаю, что жизнь сама по себѣ недурна, но всѣ портятъ ее отсутствіемъ равновѣсія въ головѣ, какою-то дьявольскою фантазіей. Я понимаю, что человѣкъ хочетъ значить больше, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ. Но пусть же онъ не стремится къ этому фантастическою дорогой. За Машко я первый признаю и умъ, и энергію; но, принимая во вниманіе все,—ей-Богу, у него что-то тутъ есть.

Бигель нѣсколько разъ стукнулъ себѣ пальцемъ въ лобъ.

А Машко въ это время страдалъ со стиснутыми зубами, потому что его рана, хотя и не опасная, была очень мучительна. Вечеромъ онъ дважды лишался чувствъ въ присутствіи Поланецкаго. Потомъ пришла слабость, при которой душевная гордость, которая поддерживала молодого адвоката въ теченіе цѣлаго дня, исчерпалась окончательно. Послѣ перевязки, когда докторъ ушелъ, Машко пролежалъ нѣсколько времени спокойно, а потомъ сказалъ:

— Ну, ужь и счастье же мнѣ!

— Не думай объ этомъ,—отвѣтилъ Поланецкій,—а то лихорадка еще болѣе усилится.

Машко продолжалъ далѣе:

— Оклеветанный, раненый, разоренный,—все сразу!

— Повторяю тебѣ, не время думать объ этомъ.

Машко оперся локтемъ о подушку, зашипѣлъ отъ боли и сказалъ:

— Оставь меня въ покоѣ. Это послѣднее мое время, когда я могу наговориться съ порядочнымъ человѣкомъ. Черезъ недѣлю или черезъ двѣ я буду принадлежать къ числу людей, которыхъ избѣгаютъ... Что мнѣ тамъ лихорадка! Что-то несносное кроется въ такомъ полномъ разрушеніи, въ такомъ крушеніи человѣческой доли... Въ особенности потомъ... потомъ всякій кретинъ, всякая индюшка безмозглая будутъ говорить: «Я это давно зналъ!» «Я это давно предвидѣла!» Да, всѣ всегда все предвидятъ... послѣ факта, и изъ человѣка, въ котораго громъ ударилъ, дѣлаютъ, вдобавокъ, дурака или сумасшедшаго.

Поланецкій въ эту минуту вспомнилъ слова Бигеля, а Машко, по странному стеченію обстоятельствъ, продолжалъ такъ, как будто хотѣлъ оправдаться:

— А ты думаешь, я не отдавалъ себѣ отчета, что шелъ по рискованной дорогѣ, что летѣлъ сломя голову, что хотѣлъ быть бо́льшимъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, что черезъ-чуръ высоко задиралъ носъ?... Этой справедливости мнѣ никто не окажетъ, по

ты знай, что я говорилъ себѣ это... Только, вмѣстѣ съ тѣмъ, я говорилъ и вотъ что: такъ нужно,—это единственная дорога, чтобы выплыть, и что-жь?—можетъ быть, я разсчиталъ не такъ, можетъ быть, общественная жизнь идетъ шиворотъ на выворотъ, но, однако, еслибъ не это безумно-глупое, не предвидѣнное и не разсчитанное обстоятельство, то, можетъ быть, я и выплылъ бы, и только потому, что я былъ таковъ, а не иной... Будь я скромнымъ человѣкомъ, не достать бы мнѣ панны Краславской... У насъ всегда нужно притворяться чѣмъ-нибудь, и если меня черти берутъ, то вовсе не за мою гордость, а только по милости этого дурака.

— Да, вѣдь, чортъ возьми, ты не можешь навѣрное знать, что твоя свадьба не состоится?

— Милый мой, ты не знаешь этихъ женщинъ. Онѣ за отсутствіемъ чего-нибудь лучшаго согласились на пана Машко, потому что пану Машко хорошо везло... Если хоть какая-нибудь тѣнь падетъ на мое состояніе, на мое положеніе, то онѣ покинутъ меня безъ сожалѣнія, а потомъ станутъ валить на меня цѣлыя горы, чтобы спасти себя во мнѣніи свѣта... Что ты знаешь о нихъ? Панна Краславская, вѣдь, это не панна Плавицкая.

Наступила минута молчанія, но потомъ Машко заговорилъ опять слабѣющимъ голосомъ:

— Та могла бы меня спасти... Для нея я вступилъ бы на другой путь, гораздо болѣе спокойный... При такихъ условіяхъ Кшемень былъ бы спасенъ... Сразу погасился бы ея долгъ, рента Плавицкому... Я бы выпутался... Притомъ, знаешь ли ты, что я былъ влюбленъ въ нее, какъ гимназистъ?... Такъ вотъ, подошло невѣдомо откуда... Но она предпочитала гнѣваться на тебя, чѣмъ любить меня... Теперь я понимаю. Противъ этого никакого средства нѣтъ.

Поланецкій, которому такой разговоръ былъ не по вкусу, прервалъ его и сказалъ съ оттѣнкомъ нетерпѣнія:

— Меня удивляетъ, что человѣкъ съ такою энергіей считаетъ все пропавшимъ, хотя пропало далеко не все. Панна Плавицкая—это прошедшее, надъ которымъ ты самъ поставилъ крестъ, когда присватался къ паннѣ Краславской. Что касается настоящаго, на т[illegible] напали, это вѣрно, но ты дрался на дуэли; ты раненъ, но т[illegible]ъ, что черезъ недѣлю будешь здоровъ, а эти дамы еще не заяв[illegible]и, что порываютъ съ тобой сношенія. До тѣхъ поръ, пока ты н[illegible] будешь имѣть неопровержимыхъ доказательствъ, ты не имѣешь п[illegible]ва говорить объ этомъ... Ты болѣнъ и поэтому заранѣе читаешь н[illegible]ъ собою отходную. Но я тебѣ скажу кое-что другое. Надо этимъ б[illegible]ынямъ дать знать, что произошло. Хочешь, я пойду къ нимъ

завтра утромъ? Потомъ пускай онѣ дѣлаютъ, что имъ угодно, но пускай онѣ это извѣстіе услышатъ изъ устъ очевидца, а не отъ какихъ-нибудь городскихъ сплетниковъ.

Машко подумалъ съ минуту и сказалъ:

— Я и такъ хотѣлъ написать моей невѣстѣ, но если ты пойдешь, это будетъ еще лучше. У меня нѣтъ надежды, чтобъ она осталась вѣрна мнѣ, но, все-таки, нужно сдѣлать, что слѣдуетъ. Благодарю тебя. Ты съумѣешь передать дѣло съ лучшей стороны... Только ни слова ни о какихъ денежныхъ затрудненіяхъ... Эту продажу лѣса ты долженъ уменьшить до нуля, до любезности, которую я хотѣлъ оказать тебѣ... Искренно благодарю тебя... Скажи, что Гонтовскій просилъ у меня извиненія.

— У тебя есть кто-нибудь, кто присматривалъ бы за тобой?

— Мой слуга и его жена. Докторъ придетъ еще разъ и приведетъ съ собой фельдшера... Колѣно у меня болитъ чертовски, но вообще я чувствую себя не дурно.

— Ну, до свиданія.

— Будь здоровъ. Благодарю тебя. Ты...

— Спи спокойно.

И Поланецкій вышелъ. По дорогѣ онъ думалъ о Маринѣ, и думалъ съ нѣкоторымъ гнѣвомъ: «Вотъ Машко—не романтикъ, на что ужь меньше, но и тотъ чувствуетъ потребность притворства въ этомъ родѣ... Панна Плавицкая! онъ любилъ ее... вступилъ бы на другой путь... она могла бы спасти его... вотъ подать-то, которую платятъ романтизму, да еще, вдобавокъ, фальшивою монетой, потому что черезъ мѣсяцъ онъ присватался къ той куклѣ изъ-за денегъ. Можетъ быть, я глупѣе его, но я не понимаю этого и въ искренность разочарованій, которыя такъ легко находятъ утѣшеніе, не вѣрю... Еслибъ онъ любилъ одну и испыталъ разочарованіе, то черезъ мѣсяцъ не сталъ бы свататься за другую. Пусть меня чортъ возьметъ, еслибъ я сдѣлалъ это. Но въ одномъ онъ правъ: Мариня совсѣмъ другой видъ, чѣмъ панна Краславская... Тутъ и говорить нечего,—совсѣмъ другой, совсѣмъ другой!»

Эта мысль была необыкновенно пріятна ему. Возвратившись домой, онъ засталъ письмо Букацкаго изъ Италіи и записку Марини, полную безпокойства и разспросовъ по поводу вѣсти о дуэли. Мариня просила отвѣтить завтра утромъ, что произошло, изъ-за чего вышло дѣло и, въ особенности, окончено ли все и не грозятъ ли новыя осложненія.

Поланецкій, подъ вліяніемъ мысли, что это «другой видъ, чѣмъ панна Краславская», отвѣтилъ гораздо болѣе сердечно, чѣмъ самъ

хотѣлъ, и приказалъ слугѣ доставить письмо завтра въ девять часовъ. Потомъ онъ приступилъ къ письму Букацкаго, но съ самаго же начала сталъ пожимать плечами.

Букацкій писалъ вотъ что:

«Да испроситъ тебѣ Саніа-Муни благословенное Ничто! Кромѣ того, скажи Капланеру, чтобы слѣдуемыхъ мнѣ трехъ тысячъ рублей не высылалъ во Флоренцію, а задержалъ бы у себя впредь до моего распоряженія. На этихъ дняхъ я рѣшилъ подумать о принятіи намѣренія (замѣчаешь, какъ это рѣшительно) сдѣлаться вегетаріанцемъ. Если эта мысль не замучитъ меня, если намѣреніе мое обратится въ рѣшимость, а рѣшимость не будетъ превышать мои силы, то я перестану быть плотоядным звѣремъ и жизнь будетъ стоить мнѣ дешевле. Въ этомъ все дѣло. Что касается тебя, то умоляю тебя всѣмъ на свѣтѣ, успокойся, потому что жизнь не стоитъ труда.

«Знаешь? Я понялъ теперь, почему славяне предпочитаютъ синтезъ анализу: потому что они—лѣнтяи, а анализъ требуетъ работы. Синтетировать можно послѣ обѣда за сигарой. Впрочемъ, они правы, оставаясь лѣнтяями. Во Флоренціи довольно тепло, въ особенности на Lung - Arno. Я хожу себѣ и составляю синтезъ флорентинской школы. Познакомился здѣсь съ однимъ способнымъ акварелистомъ, тоже славяниномъ, который живетъ искусствомъ, но доказываетъ, что искусство—это свинство, разцвѣтшее изъ мѣщанскаго стремленія къ роскоши и излишка денегъ, который одни люди собрали на счетъ другихъ. Однимъ словомъ, искусство, по его мнѣнію, это—подлость и несправедливость. Напалъ онъ на меня, какъ на собаку, утверждая, что быть буддистомъ и заниматься искусствомъ—это верхъ непослѣдовательности; но я еще свирѣпѣе напалъ на него и отвѣчалъ, что признавать послѣдовательность чѣмъ-то лучшимъ непослѣдовательности—верхъ мѣщанскаго обскурантизма, мѣщанскихъ предразсудковъ и подлости. Акварелистъ мой былъ изумленъ и потерялъ даръ слова... Я его уговариваю повѣситься, но онъ не хочетъ... Скажи мнѣ, ты дѣйствительно увѣренъ, что земля вертся вокругъ солнца и что все это не шутка? Мнѣ кажется, о это все равно! Въ Варшавѣ мнѣ жаль было одного ребенка, торый умеръ. Здѣсь я также часто о немъ думаю. Какъ это упо! Что дѣлаетъ пани Эмилія? Всякому человѣку заранѣе предзначена роль на свѣтѣ, а на ея долю выпала роль съ крыльи и страданіемъ. Зачѣмъ она была добродѣтельна? Иначе было веселѣй. Что касается тебя, человѣче, окажи мнѣ одну ус-

лугу. Умоляю тебя, не женись. Помни, что если ты женишься, если у тебя будетъ сынъ, если ты будешь работать, чтобъ оставить ему состояніе, то сдѣлаешь это только исключительно для того, чтобы твой сынъ былъ тѣмъ же, чѣмъ я, а я очень милый малый, но у меня есть нѣкоторое сомнѣніе, что я — человѣкъ неизлечимый. Да здравствуетъ кипучая энергія, да здравствуетъ торговый домъ, коммиссіонное товарищество, переходная форма, привычная работа, денежныя хлопоты, будущій отецъ семейства, воспитатель дѣтей и заботъ! Обними отъ меня Васковскаго. Онъ тоже синтетикъ. Да откроетъ тебѣ Сакіа-Муни глаза, чтобы ты позналъ, что на солнцѣ тепло, а въ тѣни холодно, и что лучше лежать, нежели стоять! Твой Букацкій».

«Шальной!»—подумалъ Поланецкій.

А потомъ онъ сказалъ самому себѣ:

«Все это искусственно, все это самообманъ. Но если человѣкъ привыкаетъ къ этому, то оно обращается въ его натуру, причемъ черти отнимаютъ у него разумъ, а энергія и душа разлагаются, какъ трупъ. Можно очертя голову броситься въ такую пропасть, въ какую бросился Машко, или въ такую, въ какую Букацкій. Въ обоихъ случаяхъ люди идутъ подъ ледъ. Что за чертовщина! Должна же быть какая-нибудь здоровая и нормальная жизнь, нужно только имѣть немного мозгу въ головѣ. Такому, какъ Бигель, однако, не худо живется на свѣтѣ. Есть у него жена, которую онъ любитъ, дѣти, которыхъ любитъ тоже, работаетъ онъ, какъ волъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, питаетъ въ душѣ пристрастіе къ общимъ вопросамъ и къ своей віолончели, на которой играетъ при свѣтѣ мѣсяца, задеря голову къ потолку. Нельзя сказать, чтобъ это былъ совершенно оматеріализовавшійся человѣкъ. Нѣтъ. Въ немъ это какъ-то уживается одно съ другимъ. И благо ему!»

Поланецкій началъ ходить по комнатѣ и отъ времени до времени поглядывать на смѣющееся изъ-за березъ личико Литки. Потребность свести съ собой точные счеты овладѣвала имъ все сильнѣе. Какъ купецъ, онъ принялся разсматривать свой «кредитъ и дебетъ», что, впрочемъ, не было трудно. Въ рубрикѣ положительныхъ сторонъ его жизни чуть не главное мѣсто занимало его чувство к Литкѣ. Въ свое время она была такъ дорога ему, что еслибъ год назадъ ему сказали: «возьми ее въ собственность, какъ родного ребенка», онъ взялъ бы ее и зналъ бы, что ему есть для чего жить. Но теперь это обратилось въ воспоминаніе и отъ рубрики счастья перешло въ рубрику несчастья. Что у него осталось еще?

Прежде всего, самая жизнь, во-вторыхъ—умственный диллетантизмъ, который, какъ на него ни смотри, ничто иное, какъ роскошь; потомъ будущее, которое интересуетъ его; потомъ матеріальныя утѣхи и, наконецъ, торговый домъ. Все это имѣло цѣну, но Поланецкій замѣтилъ, что во всемъ этомъ нѣтъ цѣли. Что касается торговаго дома, то Поланецкому были пріятны его успѣхи, а не самый родъ труда, который требовался торговымъ домомъ. Наоборотъ, даже этотъ трудъ не удовлетворялъ его,—онъ былъ черезъ-чуръ мелоченъ, тѣсенъ и злилъ его. Съ другой стороны, диллетантизмъ, книжки, умственный міръ,—все это имѣло значеніе окраски жизни, но не могло быть ея основаніемъ. «Букацкій (говорилъ себѣ Поланецкій) влѣзъ въ это по уши, хотѣлъ жить этимъ—и свихнулся, сдѣлался немощнымъ, безплоднымъ. Цвѣты—сами по себѣ вещь хорошая, но кто захочетъ дышать исключительно ихъ запахомъ, тотъ отравится». И правда, не нужно быть великимъ мудрецомъ, чтобы увидать вокругъ себя множество свихнувшихся людей, духовное здоровье которыхъ этотъ диллетантизмъ подорвалъ такъ, какъ морфинъ подкапываетъ здоровье физическое.

Онъ и Поланецкому принесъ не мало вреда, хотя бы потому, что обратилъ его въ скептика. Отъ тяжелой болѣзни его спасли только здоровый организмъ, чувствующій необходимую потребность излить куда-нибудь избытокъ энергіи, и трудъ. Но что будетъ дальше, и можно ли такъ идти дальше? На этотъ вопросъ Поланецкій теперь отвѣчалъ рѣшительно: нѣтъ! Коль скоро дѣла торговаго дома не въ состояніи были наполнить его жизнь, коль скоро и диллетантизмомъ наполнять ее было небезопасно, то нужно наполнить чѣмъ-нибудь другимъ, создать новый міръ, новыя обязанности, открыть новые горизонты, а на это было одно средство—жениться.

Одно время, когда Поланецкій говорилъ себѣ это, онъ видѣлъ передъ собою какую-то неопредѣленную фигуру, совокупляющую въ себѣ всѣ моральныя и физическія достоинства, но безъ тѣла и безъ имени. Теперь это была фигура опредѣленная. У нея были спокойные голубые глаза, темные волосы, немного широкій ротъ и называлась она Мариней Плавицкой. О комъ-нибудь другомъ не могло быть и рѣчи, но эту Поланецкій представлялъ себѣ такъ ...ально, что у него даже жилы на вискахъ забились сильнѣе. ...днако, онъ ясно отдавалъ себѣ отчетъ, что теперь чего-то недоставало въ его чувствѣ къ Маринѣ, именно того, вокругъ чего вьются его мечтанія,—того, что не смѣетъ пожелать ничего, а надѣется на все,—того, что боится, что дрожитъ, что преклоняетъ колѣна, что говоритъ любимой женщинѣ: «къ твоимъ ногамъ», что

изъ любви, которая есть ничто иное, какъ влеченіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлаетъ культъ, а этотъ культъ въ отношенія мужчины къ женщинѣ вводитъ въ какой-то мистическій оттѣнокъ, обращаетъ мужчину не только въ любовника, но и благоговѣйнаго поклонника. Это прошло. Поланецкій, думая теперь о Маринѣ, думалъ трезво, чуть не развязно. Онъ чувствовалъ, что можетъ придти, взять и обладать ею, и если онъ сдѣлаетъ это, то по двумъ соображеніямъ: во-первыхъ, потому, что для него Мариня самая привлекательная женщина изъ всѣхъ; во-вторыхъ, что разумъ повелѣваетъ ему жениться, и жениться на ней.

«Она,—думалъ Поланецкій,—не можетъ подвергаться никакимъ сомнѣніямъ. Въ ней нѣтъ ничего безплоднаго, ничего изсохшаго. Эгоизмъ не убилъ въ ней сердца, и несомнѣнно, что такая не будетъ думать только о томъ, что̀ ей слѣдуетъ по праву. Это олицетворенная доброта, олицетворенное сознаніе долга, нужно будетъ сдѣлать такъ, чтобъ она не думала о себѣ черезъ-чуръ мало. Если разумъ приказываетъ мнѣ жениться, то я сдѣлалъ бы глупость, еслибъ сталъ искать другую».

Потомъ онъ задалъ себѣ вопросъ, что, отвергнувъ Мариню, не сдѣлалъ ли бы онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, дурного дѣла? Ихъ соединила Литка... Въ его сердцѣ что-то поднималось при одной мысли сопротивляться волѣ и жертвѣ дорогого ребенка. Но еслибъ, однако, онъ хотѣлъ поступить наперекоръ ея волѣ, то такъ ли онъ долженъ былъ держать себя, какъ держалъ? Нѣтъ. Въ такомъ случаѣ, со дня смерти Литки онъ долженъ былъ не показываться у Плавицкихъ, не видать Марини, не цѣловать ея рукъ, не дать себя унести той волнѣ, которая унесла его, можетъ быть, благодаря случайностямъ, но занесла такъ далеко, что теперь онъ доставилъ бы Маринѣ горькое разочарованіе и упалъ бы въ ея глазахъ до мизерной роли человѣка, который самъ не знаетъ, чего хочетъ. Онъ долженъ былъ быть слѣпымъ, чтобы не замѣтить, что Мариня считаетъ себя его невѣстой, и что если до сихъ поръ его молчаніе не тревожило ее, то только потому, что она приписывала это молчаніе трауру, который они оба носили въ своемъ сердцѣ по Литкѣ.

«И такъ, смотря съ этой точки зрѣнія, на ней нужно жениться,—размышлялъ Поланецкій:—съ точки зрѣнія инстинкта самосохраненія—нужно, съ точки зрѣнія чувства—нужно, съ точки зрѣнія порядочности—нужно. Затѣмъ что? Затѣмъ я былъ бы тряпкой и негодяемъ, еслибъ колебался дольше и не считалъ дѣло вполнѣ уясненнымъ. Это вещь рѣшенная!»

Онъ вздохнулъ и началъ ходить по комнатѣ. Подъ лампой...

жало письмо Букацкаго. Поланецкій взялъ его и началъ читать съ того мѣста, на которое случайно упалъ его взглядъ:

«Умоляю тебя, не женись. Помни, что если ты женишься, если у тебя будетъ сынъ, если ты будешь работать, чтобъ оставить ему состояніе, то сдѣлаешь это только исключительно для того, чтобъ твой сынъ былъ бы тѣмъ же, чѣмъ и я...»

«И вотъ, пріятель,—съ нѣкоторою долей злобы отвѣтилъ Поланецкій,—я женюсь, женюсь на Маринѣ Плавицкой, слышишь?—буду составлять состояніе, а если у меня будетъ сынъ, то я не сдѣлаю изъ него декадента,—понимаешь?»

И онъ былъ доволенъ собою.

Минуту спустя онъ посмотрѣлъ на Литку и почувствовалъ, что имъ овладѣваетъ внезапное волненіе. Волны скорби о ней и любви къ ней съ новою силой поднялись въ его сердцѣ. Онъ началъ разговаривать съ ребенкомъ, какъ обыкновенно въ важныхъ случаяхъ жизни разговариваютъ съ дорогими покойниками.

— Ты, котенокъ, доволенъ?—спрашивалъ онъ.

А она смѣялась ему изъ-за березъ, нарисованныхъ Мариней; казалось, она моргнула глазами и отвѣтила:

— Да, панъ Стахъ, да!

У Поланецкаго глаза наполнились слезами.

Въ этотъ же вечеръ, передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, онъ взялъ назадъ у слуги письмо, которое должно было пойти къ Маринѣ, и написалъ другое, еще болѣе сердечное:

«Дорогая панна Марія. Гонтовскій въ высшей степени безтактно поступилъ съ Машко и отсюда вытекла дуэль. Машко легко раненъ. Противникъ просилъ у него извиненія на мѣстѣ. Никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій не будетъ, кромѣ того, однако, что я еще разъ убѣдился, насколько вы добры и заботливы, и что завтра, если вы позволите, я приду съ благодарностью поцѣловать вашу дорогую ручку,—приду послѣ полудня, потому что утромъ прямо изъ конторы долженъ быть у Краславскихъ, а потомъ проститься съ профессоромъ Васковскимъ, хотя, еслибъ было можно, предпочиталъ бы начать день не съ нихъ.

«Поланецкій».

Онъ посмотрѣлъ на часы, и хотя было уже одиннадцать, приказ[illegible]ь отнести письмо не завтра, а сейчасъ.

— Войдешь черезъ кухню,—сказалъ онъ слугѣ,—и, если барышня спитъ, оставишь.

И, оставшись одинъ, онъ обратился къ барышнѣ со слѣдующею р[illegible]ью:

«Ты будешь очень не догадлива, если не поймешь, зачѣмъ я приду завтра утромъ».

VII.

Пани Краславская приняла Поланецкаго съ большимъ удивленіемъ,—для визита часъ былъ очень ранній,—но, все-таки, приняла, догадываясь, что онъ является по поводу какого-нибудь необыкновенно важнаго дѣла. Поланецкій, безъ долгихъ вступленій, разсказалъ все, что произошло, и совралъ настолько, насколько было необходимо, чтобъ охранить Машко отъ подозрѣнія въ банкротствѣ.

Онъ замѣтилъ, что во время его разсказа старая дама не спускала съ него своихъ зеленыхъ глазъ, точно выточенныхъ изъ камня и лишенныхъ всякаго блеска, и что ни одинъ мускулъ на ея лицѣ не дрогнулъ.

Только когда онъ кончилъ, пани Краславская сказала:

— Во всемъ этомъ я не понимаю одного: зачѣмъ панъ Машко продавалъ эти дубы? Во всякомъ случаѣ, это не малое украшеніе всякой усадьбы.

— Эти дубы находятся далеко отъ дома,— отвѣтилъ Поланецкій,—и портятъ поле, потому что подъ ихъ тѣнью ничего не родится, а панъ Машко человѣкъ практичный. Наконецъ, говоря откровенно, мы старые знакомые и онъ сдѣлалъ это по дружбѣ ко мнѣ. Вы знаете, что я купецъ, мнѣ нужны были дубы и Машко уступилъ мнѣ, сколько могъ.

— Въ такомъ случаѣ, я не понимаю, почему тотъ молодой человѣкъ...

— Если вы знаете пана Ямиша,—перебилъ Поланецкій,—то онъ, какъ близкій сосѣдъ Кшеменя и Ялбжикова, объяснитъ вамъ, что тотъ молодой человѣкъ не совсѣмъ въ своемъ умѣ,—это знаютъ во всемъ околоткѣ.

— Въ такомъ случаѣ, панъ Машко не долженъ былъ драться.

— Пани Краславская, — съ оттѣнкомъ нетерпѣнія сказалъ Поланецкій,—въ такихъ случаяхъ наши понятія не сходятся съ дамскими.

— Вы позволите мнѣ сказать нѣсколько словъ моей дочери?

Поланецкій подумалъ, что пора было бы встать и проститься, но такъ какъ онъ пришелъ для рекогносцировки и хотѣлъ принести какое-нибудь извѣстіе Машко, то сказалъ:

— Если у васъ есть какое-нибудь порученіе къ пану Машко, то я иду прямо къ нему.

— Черезъ минуту,—отвѣтила пани Краславская.

Поланецкій остался одинъ и ждалъ долго, такъ долго, что началъ уже терять терпѣніе. Наконецъ, появились пани и панна Краславскія.

Панна, одѣтая въ бѣлую «шемизетку» съ матросскимъ галстукомъ и небрежно причесанная, несмотря на немного воспаленные глаза и нѣсколько прыщиковъ на лбу, присыпанныхъ пудрой, показалась Поланецкому вовсе недурной. Отъ нея вѣяло какою-то милою сонливостью, отъ которой она, обыкновенно встающая очень поздно, не успѣла еще отряхнуться, и такою же милою утреннею небрежностью костюма. Но вообще на ея анемичномъ лицѣ не было ни тѣни волненія.

Обмѣнявшись поклономъ съ Поланецкимъ, она сказала холоднымъ, спокойнымъ голосомъ:

— Будьте добры, скажите пану Машко, что я очень огорчена и испугана. Правда это, что рана легкая?

— Безусловно.

— Я просила мама навѣстить пана Машко, я сама отвезу ее и буду въ каретѣ ожидать извѣстій. Потомъ я заѣду за мама, и такъ каждый день, пока панъ Машко не выздоровѣетъ окончательно. Мама такъ добра, что дозволяетъ мнѣ это. Пожалуйста, передайте это пану Машко.

Тутъ легкій, едва уловимый румянецъ промелькнулъ по ея блѣдному лицу. Поланецкому, для котораго эти слова явились совершенною неожиданностью и переполнили его изумленіемъ, теперь она казалась совсѣмъ хорошенькой, и нѣсколько минутъ спустя, идя къ Машко, онъ говорилъ себѣ:

«Ну, однако, женщины лучше, чѣмъ онѣ кажутся... Собственно говоря, вѣдь, это два графина замороженной воды, а, однако, у этой дѣвушки есть сердце. Машко не узналъ ее и ему предстоитъ пріятное разочарованіе. Старуха поѣдетъ къ нему, увидитъ всѣхъ этихъ епископовъ и каштеляновъ съ кривыми носами, надъ которыми такъ потѣшался Букацкій, и совершенно увѣруетъ въ величіе Машко».

Размышляя такимъ образомъ, онъ очутился въ квартирѣ Машко и должен былъ подождать, потому что явился какъ разъ во время перевязки. Но едва докторъ вышелъ, какъ Машко приказалъ просить къ себѣ Поланецкаго, и, даже не поздоровавшись съ нимъ, задалъ вопросъ:

— Ну, что, былъ?

— Какъ ты себя чувствуешь? Какъ спалъ?

— Хорошо. Не въ этомъ дѣло... Былъ?

— Былъ. Скажу тебѣ коротко: черезъ четверть часа пани Краславская пріѣдетъ тебя провѣдать. Панна приказала сказать тебѣ, что отвезетъ сюда мать и будетъ ожидать извѣстія, какъ ты себя чувствуешь. Она приказала сказать еще, что очень испугалась, очень несчастна, но благодаритъ Бога, что нѣтъ худшаго. Видишь, Машко!... Еще я прибавлю, что она очень мила, что тронула меня... и ухожу, потому что у меня нѣтъ времени.

— Будь снисходителенъ, подожди минуту. Стой, милый мой, у меня нѣтъ лихорадки, и если ты говоришь изъ опасенія...

— Ты очень скученъ,—перебилъ Поланецкій.—Даю тебѣ слово, что говорю правду и что ты напрасно осуждалъ свою невѣсту.

Машко опустилъ голову на подушку и молчалъ нѣсколько минутъ, потомъ сказалъ, какъ бы про себя:

— Я готовъ былъ бы и вправду полюбить ее...

— И отлично,—одобрилъ Полонецкій,—будь здоровъ! Иду прощаться съ Васковскимъ.

Вмѣсто Васковскаго, онъ пошелъ къ Плавицкимъ, но не засталъ ихъ: Плавицкій никогда не сидѣлъ дома, а о Маринѣ Поланецкому сказали, что она вышла часъ тому назадъ. Обыкновенно, когда идешь къ женщинѣ, которая живо интересуетъ тебя, обдумываешь дорогой, что сказать ей, и если не застаешь ее дома, то невольно скорчишь глупую мину. Поланецкій чувствовалъ это и былъ золъ. Но, несмотря на то, онъ зашелъ въ цвѣточный магазинъ, накупилъ множество цвѣтовъ и приказалъ отослать ихъ къ Плавицкимъ. Мысль, съ какою радостью приметъ Мариня его цвѣты и съ какимъ біеніемъ сердца будетъ дожидаться вечера, доставила Поланецкому такое удовольствіе, что къ Васковскому онъ явился въ самомъ лучшемъ расположеніи духа.

— Я пришелъ проститься съ вами, профессоръ, — сказалъ онъ,—когда вы уѣзжаете?

— Какъ поживаете, дорогой мой?— отвѣтилъ Васковскій.—Я долженъ былъ отложить свой отъѣздъ на два дня, потому что, видите, я пріютилъ на зиму нѣсколько мальчишекъ...

— Маленькихъ арійцевъ, которые, въ свободное отъ занятій время, вытаскиваютъ кошельки изъ кармана проходящихъ?

— Нѣтъ... То-есть, видите ли, это добрыя души, но безъ надзора оставить ихъ невозможно. Я долженъ найти себѣ преемника, который будетъ жить здѣсь на моемъ мѣстѣ.

— И который здѣсь изжарится... Какъ вы можете выносить такую жару?

— Я сижу безъ сюртука и вы позволите мнѣ не надѣвать его. Здѣсь немного тепло, но испарина—здоровая вещь, а вотъ эта крылатая мелочь страстно любитъ тепло.

Поланецкій осмотрѣлся вокругъ. Въ комнатѣ было, по крайней мѣрѣ, полторы дюжины песчанокъ, жаворонковъ, синицъ и щегловъ, не считая воробьевъ, которые, видимо, привыкли къ подачкамъ и цѣлыми стаями заглядывали въ окно. Профессоръ держалъ въ комнатѣ только тѣхъ птицъ, которыхъ покупалъ у птичниковъ, а воробьевъ не пускалъ къ себѣ, утверждая, что этому «не было бы конца, а принять однихъ, другимъ же отказать было бы несправедливо». У птицъ были свои клѣтки на стѣнахъ и оконныхъ переплетахъ, но шли они туда только на ночь, а днемъ свободно летали по всей комнатѣ, наполняя ее щебетаньемъ и оставляя слѣды на книгахъ и рукописяхъ, которыми были завалены всѣ столы и углы.

Нѣкоторыя птицы, болѣе прирученныя, садились даже на голову Васковскаго. На полу подъ ногами трещала шелуха коноплянаго сѣмени. Поланецкій, хотя и хорошо зналъ эту комнату, пожалъ плечами и сказалъ:

— Все это очень хорошо, но что вы позволяете имъ драться или объясняться въ любви на вашей головѣ, это, ей-Богу, ужь черезъ-чуръ! Притомъ, здѣсь такая духота.

— Это вина святого Франциска Ассизскаго,— отвѣтилъ Васковскій,—это отъ него я научился любить такую мелюзгу. У меня даже пара голубей, но тѣ любятъ сидѣть поближе къ печи.

— Вы вѣрно увидитесь съ Букацкимъ, — сказалъ Поланецкій.—Я отъ него получилъ письмо. Вотъ оно.

— Можно прочитать?

— Для этого я и даю его вамъ.

Васковскій прочиталъ письмо и, когда кончилъ, сказалъ:

— Я всегда очень любилъ Букацкаго, это добрая душа, но... видите ли... у него что-то здѣсь не ладно!

И онъ постукалъ себя пальцемъ по лбу.

— Это ужь, наконецъ, начинаетъ меня забавлять!—крикнулъ Поланецкій.—Представьте себѣ, профессоръ, нѣсколько дней подрядъ мнѣ приходится слышать, какъ мои знакомые стукаютъ себя по лбу и говорятъ о другихъ моихъ знакомыхъ: «у него что-то тутъ не ладно!» Милое общество!

— А, вѣдь, немного-то оно такъ и есть, такъ и есть! — съ улыбкой отвѣтилъ Васковскій.—А знаете вы, что такое есть-то?— обыкновенное, арійское безпокойство духа, а у насъ, у славянъ,

его больше, чѣмъ на Западѣ, потому что мы самые младшіе изъ арійцевъ и, вслѣдствіе этого, ни разумъ, ни сердце еще не дошли у насъ до равновѣсія. Мы, младшіе изъ арійцевъ, живѣе чувствуемъ, горячѣе принимаемъ все къ сердцу и съ большимъ энтузіазмомъ прилагаемъ это къ житейской практикѣ... Я много видалъ, и давно это замѣтилъ... Что за странныя натуры!... Напримѣръ, нѣмецкіе студенты шляются по пивнымъ и что же?—это не мѣшаетъ имъ ни трудиться, ни вырабатываться въ практичныхъ людей; но если славянинъ перейметъ эту моду и начнетъ шляться по пивнымъ, то онъ пропалъ, потому что сопьется на смерть. И такъ во всемъ. Нѣмецъ будетъ пессимистомъ, будетъ писать цѣлые томы о томъ, что жизнь—это отчаяніе, и при этомъ будетъ пить пиво, воспитывать дѣтей, сколачивать деньги, поливать свой огородъ и спать подъ периной. Славянинъ повѣсится или сгубитъ себя безумною жизнью, развратомъ, захлебнется грязью, въ которую нарочно будетъ взлѣзать... Я, дорогой мой, помню людей, которые на смерть забайронизировались... Я много видѣлъ... Я видѣлъ, напримѣръ, людей, которые любили народъ и которые кончали тѣмъ, что совсѣмъ спивались съ круга въ корчмахъ. Нѣтъ у насъ мѣры и быть не можетъ, потому что у насъ къ способности чрезмѣрно проникаться каждою идеей присоединяется еще легкомысленность и знаете еще что? — тщеславіе. Ахъ, Боже, какіе мы всѣ тщеславные! Какъ мы всѣ хотимъ всегда высунуться впередъ, чтобы насъ видѣли и удивлялись намъ! Возьмите какого-нибудь Букацкаго: влѣзъ, — право, влѣзъ, — по уши въ скептицизмъ, въ пессимизмъ, въ буддизмъ, въ декадентство, — наконецъ, почемъ я знаю, во что еще, потому что и въ этомъ теперь царитъ хаосъ,—влѣзъ такъ глубоко, что эти міазмы его дѣйствительно отравляютъ, но вы думаете, что при этомъ онъ не позируетъ? Что за странныя натуры! и самыя искреннія, и наиболѣе чутко понимающія, и сильнѣе всѣхъ принимающія все къ сердцу,—и комедіантскія. Когда я думаю о нихъ, то люблю ихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ хочется смѣяться и плакать.

Поланецкій вспомнилъ, какъ во время своего перваго пребыванія въ Кшеменѣ онъ разсказывалъ Маринѣ о своей бельгійской жизни, когда, играя съ нѣсколькими молодыми бельгійцами въ пессимизмъ, онъ, наконецъ, замѣтилъ, что онъ всѣ эти теоріи принимаетъ гораздо ближе къ сердцу, чѣмъ они, что эти теоріи тѣмъ самымъ гораздо больше портятъ его жизнь, и онъ сказалъ Васкоскому:

— То, что вы говорите, правда. Такія явленія видѣлъ и я, и поэтому всѣхъ насъ черти возьмутъ.

Но Васковскій устремилъ на замерзшія стекла свои мистическіе глаза и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, насъ всѣхъ привлечетъ къ себѣ Другой. Эта горячность крови, эта способность проникаться идей,—все это великіе задатки для миссіи, которую Христосъ предназначилъ славянскому міру.

Тутъ Васковскій указалъ на запачканную птицами рукопись и таинственно проговорилъ:

— Видите, я съ этимъ ѣду. Это—трудъ моей жизни... Хотите, я прочту вамъ?

— Ей-Богу, у меня нѣтъ времени. Поздно уже.

— Правда. Смеркается. Тогда я вамъ скажу въ короткихъ словахъ... Я не только думаю, но и глубоко вѣрю, что славянамъ предстоитъ выполнить великую миссію.

Васковскій остановился на минуту, потеръ рукою лобъ и продолжалъ:

— Какое удивительное число «три»!... Въ немъ что-то таинственное!

— Вы хотѣли сказать что-то о миссіи,—нетерпѣливо заявилъ Поланецкій.

— Не бойтесь: одно связано съ другимъ. Видите ли, въ Европѣ три міра: романскій, германскій и славянскій. Два уже выполнили, что должны были выполнить. Будущность—это третій.

— Этотъ третій что же долженъ сдѣлать?

— Отношенія общественныя, право, отношеніе человѣка къ человѣку, жизнь отдѣльныхъ людей и то, что оказывается частною жизнью, такъ или иначе основаны на христіанскомъ ученіи. Человѣческія слабости искривили его, но, однако, все на немъ держится. Но, вѣдь, это только первая половина задачи разрѣшена, первый предѣлъ!... Есть люди, которые думаютъ, что христіанство кончается. Нѣтъ. Второй предѣлъ долженъ начаться. Христосъ существуетъ въ жизни отдѣльныхъ людей, но Его нѣтъ въ исторіи,—понимаете? Ввести Его въ исторію, основать на Немъ историческія отношенія, любовь къ ближнему создать и въ историческомъ значеніи, вся миссія, которую долженъ исполнить славянскій міръ... Только ему и остаетъ сознанія, и на эту миссію ему нужно открыть глаза.

Поланецкій молчалъ, потому что ему нечего было отвѣтить. Васковскій продолжалъ:

— Вотъ надъ чѣмъ я думалъ всю жизнь и что высказалъ въ

этомъ трудѣ,—и онъ указалъ пальцемъ на рукопись.—Это—трудъ моей жизни. Это указанная мнѣ миссія.

«На которую тѣмъ временемъ синицы...—подумалъ Поланецкій,—и, должно быть, такъ еще долго будетъ»,—и онъ сказалъ громко:

— Вы надѣетесь, что такая вещь появится въ печати?

— Нѣтъ, я ни на что не надѣюсь. У меня есть немного любви, но я черезъ-чуръ недостойный человѣкъ, и умъ у меня черезъчуръ слабый...Это пропадетъ,—какъ будто кто камень бросилъ въ воду,—но будутъ волны, будутъ круги. Пускай потомъ придетъ какой-нибудь избранникъ... Почемъ знать?... Что предназначено, то не минетъ. Они не съумѣютъ отказаться отъ миссіи, хотя бы и сами хотѣли... И знаете, человѣческую природу нельзя отвлекать отъ ея предназначенія или измѣнять насильно. Что хорошо гдѣ-нибудь, то можетъ быть плохо у насъ, потому что насъ Богъ сотворилъ для чего-то другого. Впрочемъ, тщетный трудъ. И вы тщетно внушаете себѣ, что хотите только пріобрѣтать деньги, и вы должны пойти за голосомъ предназначенія и природы...

— Я и иду, потому что женюсь... То-есть женюсь, если меня захотятъ.

Васковскій обнялъ его.

— О, чтобъ васъ! Вотъ это превосходно! Да благословитъ васъ Богъ!... Знаю! Вамъ приказала эта дѣвочка... А помните, я говорилъ вамъ, что и она должна что-то исполнить, что не умретъ, пока не исполнитъ этого? Да пошлетъ ей Господь свѣтъ небесный, а вамъ благословеніе... Мариня, вѣдь, это золото!...

— А вамъ, дорогой профессоръ, счастливаго пути и счастливой миссіи.

— И вамъ, и вамъ, чего сами пожелаете.

— Я? чего я себѣ желаю?—весело переспросилъ Поланецкій.—Да такъ, съ полдюжины маленькихъ миссіонеровъ...

— Ахъ, школьникъ, какъ всегда школьникъ!—отвѣтилъ Васковскій.—Ну, летите, летите, я еще приду къ вамъ.

Поланецкій вылетѣлъ, сѣлъ въ пролетку и приказалъ вести себя къ Плавицкимъ. По дорогѣ онъ сочинялъ, что скажетъ Марин и сочинилъ рѣчь, въ мѣру чувствительную, въ мѣру трезву какъ приличествуетъ положительному человѣку, который, правд нашелъ то, чего искалъ, но который, вмѣстѣ съ тѣмъ, женится и разсудку.

Мариня, очевидно, ожидала его гораздо позже, потому что оги

въ комнатахъ не были еще зажжены, хотя на дворѣ догорали послѣдніе лучи зари.

Поланецкій сразу началъ цѣловать ея руки и, совершенно забывъ о приличномъ предисловіи, спросилъ слегка невѣрнымъ и взволнованнымъ голосомъ:

— Вы получили цвѣты и письмо?

— Да.

— И вы поняли, зачѣмъ я посылаю ихъ вамъ?

У Марини сердце билось такъ сильно, что она не могла отвѣчать.

Но Поланецкій допрашивалъ все болѣе прерывающимся голосомъ:

— Вы соглашаетесь исполнить волю Литки? хотите взять меня?

— Да,—отвѣтила Мариня.

Тогда онъ, сознавая, что ему нужно благодарить ее, напрасно искалъ словъ. Онъ только все крѣпче прижималъ къ губамъ ея руки и все ближе и ближе притягивалъ ее къ себѣ. Вдругъ его охватилъ огонь, онъ обнялъ Мариню и началъ искать своими устами ея уста. Но она откинула голову назадъ, такъ что онъ могъ только цѣловать волосы на ея вискахъ. Наконецъ, Мариня вырвалась изъ его объятій.

Черезъ нѣсколько минутъ горничная внесла лампу. Поланецкій немного остылъ, испугался своей дерзости и безпокойно началъ заглядывать въ глаза Марини. Онъ былъ увѣренъ, что оскорбилъ ее и готовъ былъ просить прощенія, но, къ удивленію своему, замѣтилъ, что на лицѣ ея не было ни малѣйшихъ слѣдовъ гнѣва. Глаза ея были опущены внизъ, щеки разгорѣлись, волоса въ безпорядкѣ; было видно, что она смущена, оглушена до нѣкоторой степени, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, проникнута сладкимъ страхомъ любящей женщины, которая, переступая порогъ новой жизни, чувствуетъ, что при этомъ она должна пожертвовать чѣмъ-то, но которая, все-таки, переступаетъ его и приноситъ жертву потому, что такъ хочетъ, потому что и обязана сдѣлать такъ передъ лицомъ права, которое она признаетъ за мужчиной.

Поланецкій замѣтилъ это и преисполнился чувствомъ благодарности. Ему казалось теперь, что онъ любитъ Мариню такъ же, какъ любилъ ее прежде, до смерти Литки. Онъ почувствовалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ эту минуту онъ не можетъ быть ни черезъ-чуръ деликатнымъ, ни черезъ-чуръ великодушнымъ по отношенію къ Марини, взялъ ея руку, почтительно поднесъ ее къ губамъ и сказалъ:

— Я знаю, что не стою васъ,—объ этомъ и говорить нечего! Но видитъ Богъ, я сдѣлаю для васъ все, что будетъ въ моихъ силахъ.

Мариня посмотрѣла на него необсохшими отъ слезъ глазами.

— Только вы были бы счастливы...

— Развѣ съ вами можно не быть счастливымъ? Я это видѣлъ съ первой минуты въ Кшеменѣ. Но потомъ, вы знаете, все испортилось. Я думалъ, что вы выйдете за Машко, и что я выстрадалъ...

— Это я была такая злая и прошу прощенія... дорогой мой панъ Стахъ!...

А Поланецкій воскликнулъ съ великимъ энтузіазмомъ:

— Еще сегодня профессоръ говорилъ: «Мариня—это золото!» Правда, всѣ это говорятъ,—не только золото, но сокровище, драгоцѣнное сокровище!

Добрые глаза Марини улыбнулись ему.

— Можетъ быть, и очень тяжелое...

— Вы не заботьтесь объ этомъ; у меня достаточно силъ и я съумѣю свое сокровище носить на рукахъ... Теперь, по крайней мѣрѣ, мнѣ есть для чего жить.

— И мнѣ,—отвѣтила Мариня.

— Вы знаете, я былъ уже здѣсь, а потомъ прислалъ эти хризантемы. Послѣ вашего вчерашняго письма я сказалъ себѣ: это просто ангелъ, и нужно не имѣть ни сердца, ни пятой клѣпки въ головѣ, чтобы медлить дольше.

— Я такъ безпокоилась за исходъ этой дуэли и была несчастна. Но теперь это ужь совсѣмъ окончено?

— Даю вамъ слово, совершенно.

Мариня хотѣла было разспрашивать дальше, но въ это время пришелъ панъ Плавицкій. Слышно было, какъ, покашливая, онъ ставилъ палку и снималъ пальто въ прихожей, потомъ отворилъ двери и спросилъ:

— Вы такъ тутъ вдвоемъ и сидите?

Мариня подбѣжала къ нему, положила ему руки на плечи и, подставляя лобъ къ его губамъ, отвѣтила:

— Какъ женихъ съ невѣстой, папа.

Панъ Плавицкій немного попятился и спросилъ:

— Какъ ты говоришь?

— Я говорю,—отвѣтила Мариня, спокойно смотря ему въ глаза,—что панъ Станиславъ хочетъ взять меня замужъ и что я очень счастлива...

Поланецкій приблизился къ пану Плавицкому, крѣпко обнялъ его и сказалъ:

— Хочу взять съ вашей воли и согласія.

Панъ Плавицкій крикнулъ: «Дитя мое!» невѣрными шагами дотащился до канапе и тяжело опутился на него.

— Позвольте!—сказалъ онъ.—Это волненіе... Это ничего, не обращайте вниманія на меня... Дѣти мои!... Если вамъ это нужно, благословляю отъ всей души...

И онъ благословилъ ихъ, причемъ его волненіе еще больше усилилось, потому что онъ дѣйствительно любилъ Мариню. Голосъ его каждую минуту застревалъ въ горлѣ и молодые люди слышали отрывистыя фразы въ такомъ родѣ: «Уголъ при васъ для старца, который всю жизнь трудился»... «единое дитя»... «сирота»...

Его успокоивали и успокоили такъ хорошо, что черезъ полчаса послѣ этого панъ Плавицкій вдругъ ударилъ Поланецкаго по плечу и сказалъ:

— Охъ, разбойникъ! Ты думалъ о Маринѣ, а я думалъ о тебѣ, что ты немного...

Остальное онъ досказалъ на ухо Поланецкому, который покраснѣлъ отъ негодованія и отвѣтилъ:

— Какъ вы могли допустить это? Если бы мнѣ кто-нибудь другой посмѣлъ сказать это...

— Ну, ну, ну!—отразилъ, смѣясь, панъ Плавицкій. — Нѣтъ дыма безъ огня.

Въ этотъ же вечеръ Мариня, прощаясь съ Поланецкимъ, спросила:

— Вы не откажете мнѣ въ одной вещи?

— Что только вы прикажете.

— Я давно себѣ обѣщала, что если придетъ такая минута, то мы вмѣстѣ поѣдемъ къ Литкѣ.

— О, дорогая моя!—отвѣтилъ Поланецкій.

Она продолжала:

— Я не знаю, что скажутъ люди, но что намъ до свѣта? Правда?

— Конечно. Еще бы намъ на людей обращать вниманіе! Всею душой, всемъ сердцемъ я благодарю васъ за эту мысль, моя дорогая, моя... Мариня!

— Я буду думать, что она смотритъ на насъ и молится за насъ.

— Да, она наша маленькая покровительница.

— Доброй ночи.

— Доброй ночи.

— До завтра.

— До завтра,— сказалъ и онъ, цѣлуя ея руки,— до послѣзавтра, каждый день и до...

Тутъ онъ добавилъ тише:

— И до свадьбы.

— Да,—отвѣтила Мариня.

Поланецкій ушелъ. Въ головѣ и сердцѣ онъ чувствовалъ величайшій хаосъ мыслей, чувствъ, впечатлѣній, надъ которыми одно главное представленіе, что произошло что-то необыкновенно рѣшительное, что судьба его рѣшена, что время размышленій, колебаній и перемѣнъ прошло и что нужно начинать новую жизнь. И это сознаніе не только не было непріятно для него,—напротивъ, оно граничило чуть не съ упоеніемъ, въ особенности, когда онъ вспомнилъ, какъ цѣловалъ виски и волосы Марини. То *что-то*, чего не хватало въ его чувствѣ, при этомъ воспоминаніи умалялось, таяло, и Поланецкому казалось, что онъ нашелъ все, что нужно для полнаго счастья. «Этимъ не пресытишься никогда!» — думалъ онъ, это казалось ему прямо невозможнымъ. При этомъ онъ думалъ о добротѣ Марини, какъ можно положиться на такое сердце и такой характеръ, какъ въ жизни съ нею ничто угрожать не можетъ, какъ она не потопчетъ въ немъ ничего, ничего не разрушитъ, какъ приметъ за золото то, что въ немъ, дѣйствительно, золото, какъ будетъ жить для него, не для себя,—и, думая такъ, задавалъ себѣ вопросъ, что лучшее онъ могъ найти? И почти дивился своимъ прежнимъ колебаніямъ.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ чувствовалъ, что то, что должно произойти, будетъ такою огромною перемѣной, чѣмъ-то до такой степени неизмѣримо рѣшительнымъ, что на днѣ его души, гдѣ-то въ самомъ затаенномъ уголкѣ, пробуждалось безпокойство передъ этимъ незнакомымъ счастьемъ.

Но онъ не колебался. «Я не трусъ, не тряпка,—думалъ онъ.— Теперь нужно идти впередъ, и я пойду».

Возвратившись домой, онъ посмотрѣлъ на Литку и передъ нимъ сразу открылся точно какой-то новый ясный горизонтъ. Онъ подумалъ, что у него могутъ быть дѣти. Вотъ такая дорогая, русоволосая головка—и отъ Марини! При одной мысли объ этомъ сердце его забилось живѣй и къ порыву страсти присоединилась новая, незнанная отрада, которую онъ не испытывалъ много уже лѣтъ. Онъ чувствовалъ себя почти совершенно счастливымъ и, случайно взглянувъ на письмо Букацкаго, засмѣялся такъ чистосердечно,

что его слуга съ удивленіемъ заглянулъ въ комнату. У Поланецкаго явилось желаніе сказать ему, что онъ женится.

Заснулъ онъ только передъ утромъ, но всталъ бодрый, свѣжій, и, одѣвшись, полетѣлъ въ контору, чтобы поскорѣе сообщить свою новость Бигелю.

Бигель обнялъ его, потомъ съ обычною своею медленностью началъ разбирать дѣло и, наконецъ, сказалъ:

— Съ точки зрѣнія разума, это самая умная вещь, какую ты сдѣлалъ въ жизни.

Потомъ онъ указалъ на столъ съ бумагами и добавилъ:

— Вотъ эти договоры должны быть выгодны, но тотъ еще лучше.

— Что? Не правда?—хвастливо воскликнулъ Поланецкій.

— Бѣгу сказать женѣ,—сказалъ Бигель,—не могу удержаться, а ты ступай себѣ и не стѣсняйся. Я буду замѣнять тебя до дня свадьбы и даже до конца медоваго мѣсяца.

— Хорошо, — отвѣтилъ Поланецкій, — а я пойду провѣдать Машко, а потомъ мы съ Мариней поѣдемъ къ Литкѣ.

— Такъ и слѣдуетъ.

Поланецкій снова накупилъ цвѣтовъ, приложилъ къ нимъ записку, что скоро придетъ, а самъ отправился къ Машко.

Машко подъ опекой пани Краславской чувствовалъ себя гораздо лучше и съ минуты на минуту ожидалъ ея появленія. Выслушавъ извѣстіе Поланецкаго, онъ съ волненіемъ пожалъ его руку и проговорилъ:

— Я скажу тебѣ только одно: не знаю, будетъ ли она съ тобой счастлива, а ты съ ней навѣрное.

— Потому что женщины лучше насъ, — отвѣтилъ Поланецкій.—Послѣ того ,что случилось съ тобой, я надѣюсь, и ты такого же мнѣнія.

— Признаюсь, я до сихъ поръ не могу придти въ себя отъ изумленія. Онѣ, въ одно и то же время, и лучше насъ, и болѣе таинственны... Представь себѣ...

Машко запнулся, какъ бы не рѣшаясь говорить дальше.

— Что?—спросилъ Поланецкій.

— Да! ты умѣешь хранить секреты и, притомъ, представилъ такія доказательства дружбы, что между нами можетъ и не быть нъ. Такъ вотъ вообрази себѣ, что вчера послѣ твоего ухода я училъ анонимное письмо,—здѣсь, какъ ты знаешь, существу- благородный обычай писанія анонимныхъ писемъ,—а въ немъ стіе, что папа Краславскій существуетъ, живетъ, и не дурно.

— Что такое?... Можетъ быть, сплетня?

— А, можетъ быть, и нѣтъ. Живетъ, кажется, въ Америкѣ. Письмо я получилъ въ присутствіи пани Краславской. Я не сказалъ ей ничего, но когда она осмотрѣла вотъ эти портреты и начала разспрашивать меня о родственныхъ связяхъ, и я, въ свою очередь, спросилъ, давно ли она вдовѣетъ, она мнѣ отвѣтила: «Мы съ дочерью остались одни на свѣтѣ девять лѣтъ тому назадъ, но это такая грустная исторія, что мнѣ не хотѣлось бы сегодня говорить объ этомъ». Замѣть, что она не отвѣтила прямо, когда умеръ ея мужъ.

— А ты что?

— Я думаю, если папа живъ, то долженъ быть фигурою такого сорта, о которой обыкновенно не говорятъ, и что здѣсь дѣйствительно могла быть «грустная исторія».

— Тайна давно вышла бы наружу.

— Эти барыни нѣсколько лѣтъ сидѣли за границей. Кто знаетъ? Наконецъ, это ничѣмъ не измѣняетъ моихъ плановъ. Если папа Краславскій наслаждается жизнью въ Америкѣ и не является сюда, то для этого должны быть какія-нибудь важныя соображенія. Это все равно, какъ будто бы его и не было. Наоборотъ, я теперь пріобрѣтаю надежду, что мое сватовство окончится благополучно; я понимаю, что когда люди должны скрывать что-нибудь, тогда они дѣлаются не такими требовательными.

— Прости мнѣ мое любопытство,—сказалъ Поланецкій и взялъ свою шляпу,—меня интересуетъ и моя закладная, и Плавицкіе: ты навѣрное знаешь, что у барынь есть деньги?

— Я отвѣчу тебѣ откровенно: кажется, есть, и большія, хотя я ставлю на карту, до нѣкоторой степени закрытую. Вѣроятнѣе всего, они въ наличномъ капиталѣ. Мать говорила мнѣ нѣсколько разъ, что ея дочери нѣтъ надобности смотрѣть на состояніе мужа. Желѣзную кассу я самъ видѣлъ. Домъ онѣ ведутъ на широкую ногу. Я знаю въ Варшавѣ всѣхъ жидовъ и не жидовъ, дающихъ деньги взаймы, и мнѣ извѣстно навѣрное, что Краславскія никому ни гроша не должны. Какъ ты самъ знаешь, у нихъ хорошенькая дача недалеко отъ Бигелей. Капитала онѣ не проживаютъ, потому что достаточно умны для того.

— Но точной цифры ты не знаешь?

— Пробовалъ выпытывать, но издалека. Я былъ не совсѣмъ увѣренъ въ прочности нашихъ отношеній и потому не могъ очень напирать. Мнѣ дали понять, что будетъ двѣсти тысячъ, а современемъ и больше.

Полянецкій простился и, идя по дорогѣ къ Плавицкимъ, думалъ: «Все это какія-то тайны, какой-то мракъ, какой-то рискъ. Я предпочитаю Мариню».

Черезъ полчаса онъ ѣхалъ уже съ Мариней на кладбище къ Литкѣ. День былъ теплый, какъ бываетъ весною, но сѣрый; весь городъ смотрѣлъ унылымъ и грязнымъ. На кладбищѣ тающій снѣгъ цѣлыми пластами отваливался съ могилъ на землю и обнаруживалъ пожелтѣвшую, на половину сгнившую мураву. Съ перекладинъ крестовъ и съ безлиственныхъ вѣтвей деревьевъ спадали крупныя капли. Порывы теплаго вѣтра рвали платье Марини такъ, что она принуждена была придерживать его. Наконецъ, они остановились у могилы Литки.

И тутъ все было мокро, угрюмо, на половину обнажено отъ тающаго снѣга. Мысль, что ребенокъ, котораго когда-то такъ стерегли, котораго такъ любили и нѣжили, теперь лежитъ во мракѣ и сырости, почти не хотѣла умѣститься въ головѣ Полянецкаго. «Все это, можетъ быть, естественно,—думалъ онъ,—но со смертью невозможно примириться». Такъ и всегда бывало: сколько разъ ни навѣщалъ онъ Литку, всегда возвращался съ кладбища съ какимъ-то неудержимымъ бунтомъ, съ какимъ-то страстнымъ трепетомъ въ душѣ. Подобныя же мысли начали терзать его и въ эту минуту; ему казалось просто страшнымъ любить Литку и примирить любовь съ сознаніемъ, что въ нѣсколькихъ аршинахъ отсюда лежитъ она, черная и разлагающаяся. «Я не долженъ приходить сюда,—думалъ онъ,—потому что бѣшусь, теряю голову; подо мною колеблятся всѣ жизненныя основы».

Прежде всего, однако, онъ мучился тѣмъ, что если о смерти невозможно думать, то и невозможно придумать что-нибудь противъ нея, и поэтому все, что приходитъ о ней въ голову, все это, покуда человѣкъ не протянетъ рукъ къ простой вѣрѣ, и отчаянно, и плоско, и пошло. «Для меня тутъ вопросъ больше, чѣмъ въ одномъ существованіи, а я умѣю отвѣчать себѣ только общими мѣстами. Настоящій заколдованный кругъ!» И то была правда. Если онъ думалъ, напримѣръ, что при первомъ воспоминаніи о смерти все становится прахомъ и дымомъ, и чувствовалъ, —увы!—это такъ и есть, то чувствовалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлыя тысячи людей до него пришли къ такому же убѣжденію и одинъ изъ нихъ не нашелъ въ этомъ ни утѣшенія, ни даже ого удовлетворенія, какое даетъ открытіе истины.

же, что онъ могъ сказать себѣ, было и страшно, и мелко, въ л то же время. Ему легко было понять, что вся человѣческая

жизнь, всеобщая исторія, всѣ философскія системы, въ сущности, только борьба со смертью, неумолимою, отчаянною, борьба совершенно сознательная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бездонно глупая и безцѣльная, потому что, въ концѣ-концовъ, все кончалось проигрышемъ. Но такое размышленіе не могло принести никакого утѣшенія, оно было только новымъ подтвержденіемъ заколдованнаго круга. Если единственною цѣлью всѣхъ человѣческихъ усилій есть жизнь, а единственнымъ результатомъ—смерть, то безсмыслица переходитъ всякую мѣру и ее просто невозможно было бы допустить, если бы не эта отвратительная и немилосердная очевидность, которая живыхъ и любимыхъ нами существъ обращаетъ въ прахъ и тлѣнъ.

Поланецкій при каждомъ посѣщеніи кладбища отравлялся подобными мыслями. Сегодня онъ думалъ, что присутствіе Марини охранитъ его отъ нихъ, а на самомъ дѣлѣ вышло скорѣе противное. Смерть Литки подорвала въ немъ увѣренность въ смыслѣ и моральной цѣлесообразности жизни, подкопалась и подъ его первую, прежнюю любовь къ Маринѣ, такую наивную и лишенную сомнѣній; теперь же, когда вмѣстѣ съ Мариней онъ стоялъ у могилы Литки, когда эта смерть, которая уже, казалось, отошла въ область воспоминаній, стала вновь чѣмъ-то осязательнымъ, отравляющее вліяніе ея заговорило съ новою силой. Снова ему представилось, что вся жизнь, значитъ, и любовь — только одинъ обманъ, а жизненныя стремленія что-то такое пустое и ничтожное. Если надъ жизнью нѣтъ ни разума, ни милосердія, то зачѣмъ трудиться, зачѣмъ любить, зачѣмъ связывать себя брачными узами? Затѣмъ развѣ, чтобы народить дѣтей, привязаться къ нимъ каждою каплей крови, а потомъ безпомощно смотрѣть, какъ эта слѣпая, глупая, ошеломляющая и грубая сила душитъ ихъ, словно волкъ ягнятъ, да приходить на ихъ могилы съ мыслью, что они гніютъ во мракѣ и сырости? Вѣдь Литка... тамъ она лежитъ...

Необычайно унылый день только усиливалъ горечь этихъ чувствъ. Прежде кладбище иногда казалось Поланецкому какою-то гигантскою нирваной, въ которой расплывается жизнь, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, расплывается и горе, чѣмъ-то соннымъ и умиротворяющимъ. Но сегодня на кладбищѣ не было спокойствія. Пласты с[нега] осѣдали съ древесныхъ пней и могилъ; въ вѣтвяхъ мокрыхъ [де]ревьевъ толклись и каркали вороны. Неожиданные и сильные [по]рывы вѣтра срывали съ деревьевъ капли влаги, безжалостно с[ры]вали безлистныя вѣтви и водворяли какую-то отчаянную сумато[ху] среди неподвижныхъ и равнодушныхъ каменныхъ крестовъ.

Мариня окончила свою молитву и сказала такимъ пониженнымъ голосомъ, какимъ обыкновенно говорятъ на кладбищахъ:

— Теперь ея душа должна быть между нами.

Поланецкій не отвѣчалъ ничего, но, прежде всего, подумалъ, что онъ и Мариня — это два существа изъ различныхъ міровъ, а потомъ, что если бы въ томъ, что она говоритъ, была бы хоть частичка правды, всѣ его духовныя треволненія стоили бы меньше, чѣмъ этотъ тающій снѣгъ. «Въ такомъ случаѣ,—думалъ онъ,—существуетъ разлука съ жизнью, существуютъ кладбища, но смерти нѣтъ».

Мариня начала укладывать на могилѣ вѣнки изъ безсмертниковъ, которые они купили у кладбищенскихъ воротъ, а Поланецкій поспѣшно думалъ, скорѣе при помощи чувства, чѣмъ при помощи мысли:

«Въ моемъ мірѣ на это нечего отвѣчать; тамъ только одни заколдованные круги, которые скатываются въ пропасть».

И его поразило то, что если бы такія понятія о смерти, какія были у Марини, не выплывали изъ вѣры и были никому неизвѣстны, и если бы какой-нибудь философъ обнародовалъ ихъ, какъ гипотезу, то эту гипотезу признали бы наигеніальнѣйшей изъ геніальныхъ, потому что она все объясняетъ, на все даетъ отвѣтъ, освѣщаетъ не только жизнь, но и смерть, которая есть мракъ. Человѣчество съ удивленіемъ преклонилось бы передъ такимъ мудрецомъ и передъ такою гипотезой.

Съ другой стороны, онъ чувствовалъ, что, однако, какая-то частица Литки была между ними. Она сама разсыпалась въ прахъ, но что-то пережило ее; остались какія-то волны ея мысли, ея воли, ея чувства. То, что онъ сблизился съ Мариней, что они были женихъ и невѣста, что теперь они оба стояли у могилы Литки, что жизнь ихъ пойдетъ вмѣстѣ, что у нихъ будутъ дѣти, которыя въ свою очередь будутъ жить, любить и множиться,—чѣмъ же это было, какъ не волной, которая, выйдя изъ этого ребенка, могла идти и идти въ безконечность, возрождаясь въ безсмертной цѣпи явленій? Какъ же тогда понять, что изъ смертнаго существа вышла безсмертная и безконечная энергія? Мариня въ простотѣ своей вѣры нашла на это отвѣтъ, а Поланецкій не нашелъ.

А Мариня была права: Литка была между ними. У Поланецкаго промелькнуло въ головѣ какое-то неясное и не связанное въ точную мысль предположеніе, что, можетъ быть, все то, что человѣкъ во время своей жизни подумаетъ, все, чего онъ хочетъ, все, что онъ любитъ,—все это—матерія, во сто разъ болѣе неуловимая, во сто

разъ болѣе тонкая, чѣмъ эѳиръ,—матерія, изъ которой образуется какое-то астральное существо, самосознающее и вѣчное или преобразующееся въ существо еще болѣе совершенное, еще болѣе тонкое и такъ до безконечности. И казалось ему, что атомы мысли и чувства могутъ слиться въ отдѣльное цѣлое собственно потому, что, исходя изъ одного мозга или сердца, они родственны и стремятся другъ къ другу по тому таинственному закону, по которому сливаются физическіе элементы, чтобъ образовать физическую единицу. Теперь у него не было времени обдумывать это, но ему казалось, что чего-то онъ достигъ, что въ завѣсѣ, закрывающей его глаза, образовалась какая-то щель. Это могло оказаться заблужденіемъ, но въ настоящую минуту, когда онъ чувствовалъ, что Литка дѣйствительно между ними, онъ понималъ, что ея присутствіе только и можно объяснить такимъ образомъ.

Приближалась какая-то погребальная процессія, — на колокольнѣ, стоящей по серединѣ кладбища, начали звонить. Поланецкій подалъ Маринѣ руку и повелъ ее къ воротамъ. По дорогѣ Мариня, вѣроятно, все думала о Литкѣ, потому что сказала:

— Теперь я вполнѣ увѣрена, что мы будемъ счастливы.

И она крѣпче прильнула къ плечу Поланецкаго, потому что порывы вѣтра сдѣлались такъ сильны, что имъ трудно было сопротивляться. Одинъ изъ такихъ порывовъ обвилъ вуаль Марини вокругъ шеи Поланецкаго. Дѣйствительность начала призывать его къ себѣ. Онъ прижималъ къ боку руку любимой женщины и чувствовалъ, что любовь если и не способна заслонить смерть, то, по крайней мѣрѣ, примиряетъ съ жизнью.

Усѣвшись въ карету, онъ взялъ руку Марини и не выпускалъ ее всю дорогу. По временамъ къ нему чуть не возвращалась надежда; онъ думалъ, что такая кроткая и до глубины души добрая дѣвушка съумѣетъ пополнить и воскресить все, что поблекло въ немъ. «Моя жена, моя жена!» — повторялъ онъ про себя, глядя на нее, а ея правдивые, свѣтлые глаза отвѣчали ему: «Твоя!»

Когда они пріѣхали домой, панъ Плавицкій не возвратился еще съ предъобѣденной прогулки. Поланецкій сѣлъ возлѣ Марини и подъ впечатлѣніемъ тѣхъ мыслей, которыя проходили у него въ головѣ во время дороги, сказалъ:

— Вы говорили, что Литка была между нами,— это правда Я всегда возвращаюсь съ кладбища какъ разбитый, но хорошо, что мы были тамъ.

Мариня отвѣтила:

— Это такъ, какъ будто мы ѣздили за благословеніемъ.

— У меня осталось такое же впечатлѣніе и, кромѣ того, мнѣ кажется, что мы уже соединены, по крайней мѣрѣ, ближе другъ къ другу, чѣмъ передъ этимъ.

— Да, это и печальное, и хорошее воспоминаніе.

Тогда онъ снова взялъ ея руку и сказалъ:

— Если вы вѣрите, что мы будемъ счастливы, зачѣмъ намъ откладывать наше счастье? Дорогая моя, и я увѣренъ, что намъ будетъ хорошо,— не будемъ откладывать свадьбу. Мы должны начать новую жизнь,— начнемъ же ее скорѣе.

— Рѣшайте вы. Я ваша всею душой.

Онъ привлекъ ее къ себѣ, какъ вчера, и снова началъ искать своими устами ея устъ, а она, подъ вліяніемъ ли мысли, что его права сегодня гораздо больше, чѣмъ были вчера, или подъ вліяніемъ пробуждающейся страсти, не откидывала уже голову, а, закрывъ глаза, сама протянула къ нему губы, какъ бы истомленныя долгою жаждой.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Пускай меня теперь совсѣмъ не любишь ты
И пусть ко мнѣ хранишь одно лишь чувство злое,
Но я въ тебѣ люблю угасшія мечты,
Но я люблю въ тебѣ погибшее былое.

Въ томъ прошломъ каждый мигъ былъ полонъ ясныхъ грёзъ
Мнѣ озарявшихъ жизнь лучомъ такого свѣта,
Что, вѣрь мнѣ, стоитъ онъ потока горькихъ слезъ,
Проливщихся изъ глазъ забытаго поэта.

Всѣхъ горестей моихъ, всѣхъ выстраданныхъ мукъ
Корить я не хочу, недугомъ ихъ бичуемъ,
Вѣдь, и сейчасъ еще, какъ райскихъ гимновъ звукъ,
Минувшая любовь звучитъ мнѣ поцѣлуемъ.

Забыть ли радость ту?... Безгрѣшна и свѣтла,
Она влилась въ меня, наполнивъ сердце страстью,
И, все порочное испепеливъ до тла,
Мнѣ указала путь къ короткому, но счастью.

Я на крылахъ любви встрѣчалъ свою зарю,
При нѣжной музыкѣ стыдливаго признанья...
Нѣтъ ничего теперь, но я благодарю
За то, что небомъ мнѣ даны воспоминанья.

Л. Медвѣдевъ.

Былинное преданіе въ Олонецкой губерніи *).

Уже въ 60-хъ годахъ знакомство съ произведеніями народной словесности, особенно съ былинами, было внесено въ программу русскаго языка среднихъ учебныхъ заведеній. Въ теченіе тридцатилѣтія русская наука прилежно занимается изслѣдованіемъ народнаго эпоса, уясняетъ происхожденіе былинныхъ сюжетовъ, ихъ исторію, складъ, языкъ. Но не одному кружку ученыхъ спеціалистовъ наша народная поэзія представляется предметомъ, достойнымъ вниманія и изученія. Къ чести нашего общества, нашей литературы и печати нужно сказать, что нигдѣ въ Европѣ интересъ къ народу, его жизни, изученію его прошлаго и настоящаго, его духовнаго склада не поднятъ такъ высоко, не согрѣтъ такимъ живымъ сочувствіемъ, какъ въ нашемъ отечествѣ. Въ обществѣ народъ, его судьба, его значеніе и проч. служатъ не однимъ украшеніемъ салонныхъ разговоровъ, но чувствуется живая потребность узнать его жизнь, сблизиться съ нимъ духовно, принести ему матеріальную пользу. Изящная словесность въ безчисленныхъ повѣстяхъ и очеркахъ воспроизводитъ народные типы, рисуетъ складъ народной жизни, раскрываетъ міръ понятій и чувствъ народа. Науки соціально-экономическія собираютъ цифровыя данныя о его матеріальномъ бытѣ и изыскиваютъ условія къ его улучшенію. Разные вопросы, связанные съ его интересами, ежедневно мелькаютъ передъ нами на столбцахъ газетъ. Наши композиторы черпаютъ мотивы изъ народной музыки и художественно ихъ разрабатываютъ. Наши художники съ любовью изображаютъ народные типы и сцены. Наконецъ, та научная область, которая посвящаетъ себя всецѣло изученію матеріальнаго и особливо духовнаго быта народа,—этнографія—породила за послѣднее 30-тилѣтіе огромную литературу въ видѣ изслѣдованій и сборниковъ народныхъ пѣсенъ, преданій, сказокъ, легендъ, пословицъ, заговоровъ, юридическихъ обычаевъ и проч., и проч. Этимъ высокимъ интересомъ къ народу, въ данномъ случаѣ къ его старинной пѣснѣ позволяю я себѣ объяснить и многочисленность сегодняшняго нашего

*) Публичная лекція, прочитанная въ засѣданіи Этнографическаго отдѣла 1 ап[ре]ля 1894 года.

собранія. Мы собрались здѣсь, чтобы послушать олонецкаго «сказителя» Ивана Трофимовича Рябинина, отецъ котораго обогатилъ сборники былинъ Рыбникова и Гильфердинга цѣлымъ рядомъ лучшихъ №№ всего нашего былиннаго репертуара. Большинство изъ присутствующихъ уже въ средней школѣ получили нѣкоторое понятіе о былинахъ, прочли нѣсколько былинъ въ хрестоматіяхъ и слышали еще въ школѣ, что гдѣ-то на сѣверѣ Россіи въ народѣ до сихъ поръ живутъ былины въ устной традиціи. *Кто* въ народѣ поетъ былины, *какъ* онѣ исполняются, *какъ* могли въ устной передачѣ эти произведенія сѣдой старины, говорящія о Владимирѣ и его богатыряхъ, о Новгородѣ, его купцахъ и удальцахъ, дойти до нашего времени,— все это вопросы, надъ которыми мало останавливаются въ средней школѣ при знакомствѣ съ былинами, и немудрено, что олонецкіе сказители остаются для большинства въ какихъ-то туманныхъ очертаніяхъ. И вотъ лучшій представитель этихъ сказителей предъ нами налицо. Изъ занесенной снѣгомъ своей деревеньки Гарницы, Кижской волости, Петрозаводскаго уѣзда, онъ явился сюда, какъ живое преданіе глубокой старины, какъ одинъ изъ послѣднихъ хранителей эпической традиціи. Не изъ хрестоматіи, не изъ печатныхъ сборниковъ, какъ всѣ мы, знаетъ онъ свои былины; да этимъ путемъ, какъ неграмотный, не могъ бы онъ и получить ихъ. Онъ прислушивался къ нимъ въ молодости, когда ихъ пѣлъ его отецъ, и онѣ, вмѣстѣ съ напѣвомъ, отложились въ его богатой памяти, какъ раньше отложились въ памяти его отца. Только въ его пѣніи былина перестаетъ для насъ быть какимъ-то на вѣки закрѣпленнымъ печатью произведеніемъ, какъ всякое другое литературное произведеніе: она чувствуется какъ *словесное*, живое, развивающееся въ частностяхъ, тѣсно слитое съ напѣвомъ и метрически складное. Никакое детальное научное изученіе не можетъ воспроизвести въ нашемъ воображеніи того впечатлѣнія живой старины, которое мы получимъ отъ безискуственнаго пѣнія олонецкаго крестьянина. Но, прежде чѣмъ вы провѣрите на себѣ это, уже испытанное мною, впечатлѣніе, я позволю себѣ войти въ нѣкоторыя подробности о научномъ нашемъ знакомствѣ съ олонецкими сказителями и о томъ, въ какомъ видѣ дошли до насъ былины въ ихъ устахъ.

Для изученія того періода, предшествовавшаго письменной литературѣ, который обыкновенно называютъ періодомъ безъискуственной устной поэзіи, Россія представляетъ богатѣйшую почву. Между тѣмъ какъ въ Западной Европѣ уже въ средніе вѣка эпическія пѣсни замолкли въ народѣ и послужили отдѣльнымъ лицамъ къ сложенію искусственныхъ эпопей, сагъ, рыцарскихъ романовъ, которые уже книжнымъ путемъ распространялись въ обществѣ и снова въ своихъ отголоскахъ достигли неграмотнаго простонародья, у насъ еще въ текущемъ столѣтіи записывались былины и историческія пѣсни прямо изъ народныхъ устъ не только на окраинахъ, но даже въ центральныхъ губерніяхъ вблизи городовъ,—фактъ замѣчательной живучести старины и преданія въ нашемъ простонародьѣ. Однако, до конца 50-хъ годовъ русская наука еще не подозрѣвала, что главный очагъ и-

вой эпической традиціи находится въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ отъ Петербурга, въ Олонецкой губерніи. Въ научной литературѣ извѣстенъ былъ сборникъ былинъ, записанныхъ еще въ прошломъ столѣтіи въ Сибири и приписываемый Киршѣ Данилову, извѣстно было собраніе былинъ изъ поволжскихъ, сѣверныхъ и центальныхъ губерній, записанныхъ для Кирѣевскаго. Среди былинъ попадались и доставленныя изъ Олонецкой губерніи. Но только благодаря пребыванію въ ней П. Н. Рыбникова, благодаря энергичнымъ поискамъ этого энтузіаста народной поэзіи, эпическая старина предстала передъ нами во всей свѣжести и разнообразіи.

Занесенный судьбою, противъ своего желанія, въ Петрозаводскъ, П. Н. Рыбниковъ, бывшій питомецъ Московскаго университета, человѣкъ высокообразованный, вращавшійся въ Москвѣ отчасти въ кружкѣ старшихъ славянофиловъ (Хомякова, Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ), уже раньше собиралъ народныя пѣсни и сказки въ Черниговской губерніи, питалъ живой интересъ къ народной жизни и поэзіи, такъ что и на новыхъ мѣстахъ мечталъ о возможности продолжать свою собирательскую дѣятельность. Но никогда не мечталъ онъ о возможности тѣхъ неожиданныхъ открытій, которыя онъ сдѣлалъ. Съ зимы 1859—60 года онъ принялся, по его словамъ *), собирать памятники народной поэзіи, но сначала удавалось записывать только бытовыя пѣсни, заплачки и духовные стихи. Сказители былинъ какъ-то не попадались ему при его разъѣздахъ, хотя о нихъ доходили до него слухи. Какъ страстно Рыбникову желалось встрѣтить какого-нибудь сказителя былинъ, видно изъ слѣдующаго. Отправившись зимою 1859 года на Шунгскую ярмарку (Повѣнецкаго уѣзда), онъ узналъ, что одинъ извѣстный сказитель, по прозванію Бутылка (собств. Абрамъ Евтихіевъ Чуковъ), долженъ находиться или въ Великой губѣ, или въ Сѣнной губѣ. Рыбниковъ бросилъ почтовый трактъ и рѣшился воротиться въ Петрозаводскъ чрезъ Заонежье проселочными дорогами и чрезъ Онежское озеро. На пути онъ завертывалъ во всѣ мѣста, гдѣ надѣялся найти перехожаго пѣвца, но все напрасно. «Три раза впослѣдствіи,—говоритъ Рыбниковъ,—я преслѣдовалъ Бутылку: два раза изъ-за него мнѣ приходилось въ лютую зиму переѣзжать чрезъ Онего по льду, а лѣтомъ 1860 года переплывать въ дрянной лодченкѣ озеро изъ Кижей до Пудожгорскаго погоста, и все понапрасну. Уже въ 1863 году я успѣлъ познакомиться съ нимъ и со словъ его исправить то, что отъ него было записано прежде другими лицами» **). Отыскивая съ такимъ необыкновеннымъ рвеніемъ сказителей былинъ посредствомъ развѣдокъ и опросовъ, Рыбниковъ познакомился съ нѣкоторыми отличными знатоками, имена которыхъ извѣстны занимающимся нашимъ былевымъ эпосомъ. Таковы: Трофимъ Рябининъ, Козьма Романовъ, Трилій Щеголёнокъ, Никифоръ Прохоровъ и др. Личное знакомство съ сказителями и записи съ ихъ голоса цѣлаго ряда превосходныхъ былинъ,

*) Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ, часть III, прил., стр. VI.

**) Ibid., стр. X.

точно также какъ довольно продолжительныя наблюденія въ краѣ, дали Рыбникову полную возможность фактически доказать, что былевая поэзія еще бытуетъ во многихъ мѣстахъ Олонецкой губерніи (въ уѣздахъ Петрозаводскомъ, Пудожскомъ, Каргопольскомъ, отчасти въ Повѣнецкомъ, Вытегорскомъ и Лодейнопольскомъ), что въ первыхъ трехъ уѣздахъ каждый крестьянинъ знакомъ съ содержаніемъ былинъ и именами нѣкоторыхъ богатырей и что въ Заонежьѣ и на Пудожскомъ побережьѣ у всякаго смышленаго пожилого человѣка отыщется въ памяти одна-двѣ былины *).

Такимъ образомъ, Рыбниковъ проложилъ путь къ изученію нашего былевого пѣснопѣнія на мѣстѣ, и высокій интересъ къ народному эпосу, возбужденный въ обществѣ и наукѣ его сборникомъ, долженъ былъ повести къ новымъ поискамъ живой народной старины въ тѣхъ же краяхъ. Черезъ 4 года, по выходѣ въ свѣтъ 4 тома (1867 г.) собранныхъ Рыбниковымъ пѣсенъ, по его слѣдамъ пошелъ не менѣе энергичный и преданный дѣлу изслѣдователь—покойный славистъ А. Ѳ. Гильфердингъ, открытія котораго являются еще болѣе поразительными. Какъ Рыбниковъ, приступая въ 1859 году къ собиранію памятниковъ народнаго творчества въ Олонецкой губерніи, не мечталъ напасть на такое обиліе эпическихъ пѣсенъ, такъ въ свою очередь Гильфердингъ, отправившись туда на лѣтніе мѣсяцы 1871 года, не могъ въ своемъ воображеніи представить тѣхъ блестящихъ результатовъ, которыми увѣнчается эта лѣтняя экскурсія его изъ Петербурга. Его манило, по его собственному признанію, въ Олонецкую губернію желаніе послушать хоть одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ рапсодовъ, какихъ здѣсь нашелъ П. Н. Рыбниковъ. «Имѣя въ виду, что сборникъ Рыбникова былъ плодомъ многолѣтняго пребыванія въ краѣ,—говоритъ Гильфердингъ,—я, располагавшій только двумя мѣсяцами, вовсе не разсчитывалъ вначалѣ на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотѣлъ только удовлетворить личному любопытству знакомствомъ съ нѣсколькими сказителями. Между тѣмъ, счастливый случай скоро заставилъ меня изъ туриста превратиться въ собирателя». Счастливымъ случаемъ было знакомство съ однимъ хорошимъ сказителемъ, за этимъ случаемъ послѣдовалъ рядъ другихъ, не менѣе счастливыхъ, и результатомъ 48-ми дневной работы явилось ни болѣе, ни менѣе, какъ слѣдующее положительно богатырское дѣло: запись былинъ, содержащая болѣе 2,000 страницъ, писанная вся рукою Гильфердинга; прослушано 70 пѣвцовъ и пѣвицъ, собраны біографическія о нихъ свѣдѣнія, записано и провѣрено 318 пѣсенъ. Отдавъ все свое время по возвращеніи въ Петербургъ обработкѣ всего записаннаго матеріала для печати и отпечатавъ болѣе 20 листовъ, Гильфердингъ на слѣдующее лѣто въ началѣ іюня отправился на новые поиски, на новые подвиги. Но не выдержалъ упорной работы и физическихъ неудобствъ его подорванный работой организмъ. Уже скоро пришло печальное извѣстіе о его болѣзни и 20 іюня 1872 года не стало этого неутомимаго и самоотверженнаго изслѣдователя.

*) Ibid., стр. LI.

Изданіе онежскихъ былинъ, записанныхъ Гильфердингомъ и приготовленныхъ имъ вполнѣ къ печати, вышло въ 1873 году и можетъ быть названо образцовымъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Соблюденіе былинныхъ размѣровъ, точность въ передачѣ особенностей мѣстнаго говора, указанія мѣстностей, біографическія данныя о сказителяхъ, свѣдѣнія о лицахъ, отъ которыхъ тотъ или другой сказитель «перенялъ» былины, дневникъ путешествія, личныя наблюденія мѣстныхъ бытовыхъ особенностей,—все это дѣлаетъ сборникъ Гильфердинга незамѣнимымъ источникомъ для изученія современнаго состоянія народной эпической традиціи. Если послѣ 1-го тома Рыбникова къ нашему олонецкому живому эпосу, казавшемуся тогда поразительнымъ, еще могло быть предъявлено требованіе объ оправдательныхъ документахъ, то теперь такихъ документовъ было слишкомъ достаточно. Стали извѣстны біографическія данныя о цѣломъ рядѣ сказителей, а наиболѣе извѣстные изъ нихъ—Рябининъ, Щеголёнокъ, Касьяновъ—даже были вызываемы въ столицы: Трофимъ Рябининъ, по приглашенію Импер. географическаго общества, пѣлъ свои былины въ Петербургѣ въ 1871 г., Щеголёнокъ и Касьяновъ были въ Петербургѣ и въ Москвѣ, гдѣ пѣли свои былины въ засѣданіи общества любителей русской словесности.

Познакомившись въ общихъ очертаніяхъ съ обиліемъ эпическаго матеріала, доставленнымъ Олонецкою губерніей, всмотримся нѣсколько ближе въ населеніе этого края, чтобы понять условія, при которыхъ ему возможно было стать хранителемъ эпическаго преданія.

Всѣ отзывы лицъ, дѣлавшихъ этнографическія наблюденія въ Олонецкой губерніи, сводятся къ тому, что олонецкіе крестьяне—народъ закаленный въ борьбѣ съ суровою природой, энергичный, предпріимчивый, не лишенный чувства собственнаго достоинства и одаренный поэтическою воспріимчивостью *). Вдали отъ крѣпостного рабства, которое не коснулось большей части губерніи, народъ ощущалъ себя сравнительно свободнымъ и не терялъ сочувствія (по выраженію Гильфердинга) къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемой въ былинахъ. Дѣйствительно, нельзя не отмѣтить, что въ тѣхъ полосахъ Россіи, гдѣ было въ полной силѣ крѣпостное право, сохранились только жалкіе остатки былинъ и не выработалось въ народѣ традиціи, передающей ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Помимо нашего сѣвера—губерній Олонецкой и Архангельской—былины въ большей сохранности были извѣстны на окраинахъ, у козаковъ (донскихъ, уральскихъ) и въ Сибири (вспомнимъ знаменитый сборникъ Кирши Данилова и сборникъ Гуляева), т.-е. въ мѣстахъ, гдѣ жили потомки вольнолюбиваго населенія, уходившаго на окраины отъ государственныхъ тяготъ. Но, помимо чувствія къ идеаламъ свободнаго человѣка, которое, конечно, бытовало всюду въ русскомъ крестьянствѣ, но не могло высказываться, въ населеніи Заонежья есть и другое условіе, всего болѣе необходимое для со-

*) „Народа добрѣе, честнѣе и болѣе одареннаго природнымъ умомъ и житейскимъ смысломъ я не видывалъ“,—говоритъ Гильфердингъ, стр. VIII.

хранения эпической старины. Это—твердая вѣра въ возможность фактовъ былевого эпоса, какъ бы они намъ ни казались чудесными, глубокое убѣжденіе, что лица, вродѣ Ильи Муромца или Тугарина Зміевича, такія же реальныя историческія личности, какъ царь Иванъ Грозный или Петръ Великій. Безъ этой вѣры въ чудесное не можетъ жить эпическая былевая поэзія: если въ народѣ возникъ скептицизмъ, если содержаніе былины въ его глазахъ утратило достовѣрность, перешло на степень сказки-складки, эпическая традиція уже ослабла и неминуемо должна вымереть. Относясь безъ должнаго уваженія къ былинѣ, смотря на нее, какъ на досужій, хотя и интересный вымыселъ, сказитель уже не будетъ стараться «перенять» ее во всей полнотѣ, не будетъ напрягать памяти, чтобы свято сберечь всѣ детали, и ущербы памяти будетъ восполнять собственнымъ воображеніемъ. Этой опасной для эпической традиціи ступени еще не достигли сказители, по крайней мѣрѣ, большинство ихъ, въ то время, когда Гильфердингъ записывалъ былины. Безусловно вѣрятъ былинамъ и слушатели, жадно прислушиваясь къ сказителямъ и всею душой живя и чувствуя вмѣстѣ съ богатырями. Скептики, которые не всему вѣрятъ въ былинахъ, по словамъ Гильфердинга *), составляютъ самыя рѣдкія исключенія.

Благодаря такому серьезному отношенію къ былевой пѣснѣ, она не низводится до степени праздной забавы, вродѣ лирическихъ пѣсенъ, хороводныхъ, качельныхъ, игровыхъ,—забавы, приличной молодости. Напротивъ, былины поются крестьянами солидными, зрѣлаго возраста или стариками, людьми, уважаемыми всею деревней, исправными домохозяевами, нерѣдко даже весьма зажиточными, въ чемъ можно убѣдиться, просмотрѣвъ біографіи сказителей.

Вмѣстѣ съ былинами нѣкоторые сказители поютъ и духовные стихи, что нерѣдко отражается и на складѣ нѣкоторыхъ былинъ.

Любовь къ пѣнію и слушанію былинъ еще изстари укоренилась въ краѣ и сохранилась кое-гдѣ и до нашихъ дней. «Встарину,—разсказывалъ Рыбникову сказитель Романовъ,—соберутся, бывало, старики и бабы вязать сѣти, и тутъ сказители, а особенно Илья Елустафьевичъ, станутъ пѣть былины. Начнутъ они передъ сумерками, а пропоютъ до глубокой ночи»**). Даже въ городскомъ населеніи г. Пудожа въ старое время былевыя пѣсни были въ большомъ ходу. «Лѣтъ 50 тому назадъ, не только купцы и мѣщане, но и чиновники сходились по вечерамъ на бесѣдѣ, чтобы слушать былины» ***). По словамъ одного изъ сказителей, Андрея Сорокина, онъ выучился былинамъ мальчикомъ и молодымъ человѣкомъ, когда живалъ подолгу на мельницѣ, гдѣ собиралось много крестьянъ изъ окрестныхъ деревень и коротали время, распѣвая «старины» ****). По сообщенію калики Латышова Рыбникову, онъ пѣлъ былины въ Архангельской губерніи, гдѣ по деревнямъ богатые крестьяне, а

*) *Гильфердингъ*, стр. XIII.
**) *Рыбниковъ*, ч. III, стр. XXIV.
***) Тамъ же, стр. XXXI.
****) *Гильфердингъ*, столб. 372.

въ уѣздныхъ городахъ купцы и даже чиновники любятъ слушать разсказы о богатыряхъ *).

Любопытно и то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на сѣверо-востокъ отъ Онежскаго озера (на Водлозерѣ), по словамъ Гильфердинга, эпическая поэзія только начинаетъ водворяться, заносимая съ разныхъ сторонъ **), такъ что, исчезая въ однихъ мѣстахъ, она дѣлаетъ новыя завоеванія.

Отсюда покойный изслѣдователь дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «нѣтъ никакого сомнѣнія, что на Кенозерѣ и Водлозерѣ нашъ народный эпосъ еще совершенно живучъ и можетъ тамъ долго-долго продержаться, если только въ эту глушь не проникнутъ промышленное движеніе и школа» ***).

Собирая свѣдѣнія о томъ, отъ кого тотъ или другой сказитель научился былинамъ, Гильфердингъ могъ иногда по живымъ слѣдамъ намѣтить недавнее распространеніе традиціи: такъ, одинъ сказитель (Нигозеркинъ) выучился былинамъ осенью 1870 года отъ старика, проѣзжавшаго изъ-за Кенозера черезъ его деревню и два раза проведшаго ночь въ его избѣ ****). Другой (Курниковъ) заявлялъ, что былину о Кострюкѣ онъ перенялъ не задолго передъ тѣмъ (также въ 1870 году) отъ прохожаго мужичка, который, зная только одну эту былину, ходитъ изъ дома въ домъ просить милостыни и тутъ поетъ свою былину *****). При опросѣ сказителей оказывалось, что иногда традиція идетъ либо отъ матери, но чаще отъ отца и дѣда, такъ что можно было отмѣтить три поколѣнія въ той же семьѣ (такъ, по словамъ Швецова, его дѣдъ славился какъ знатокъ былинъ, а его сынъ перенялъ почти всѣ былины, которыя онъ самъ знаетъ) ******). Если мы примемъ въ разсчетъ, что иногда внукъ, сказывавшій свои былины, идущія отъ дѣда, уже былъ человѣкъ солиднаго возраста (въ 70-хъ годахъ), то традицію можно прослѣдить до 2-й половины XVIII в. Широко распространенная въ населеніи любовь къ былинамъ окружала особеннымъ уваженіемъ извѣстныхъ сказителей, обладавшихъ выдающимся репертуаромъ. Такихъ сказителей, каковъ былъ встарину Елустафьевъ, слушали всегда съ особеннымъ вниманіемъ и «перенимали» ихъ былины. Отъ Елустафьева научился былинамъ не менѣе извѣстный сказитель Трофимъ Рябининъ, котораго репертуаръ весь вошелъ въ сборники Рыбникова и Гильфердинга, и еще нѣсколько другихъ сказителей. Объ одномъ извѣстномъ въ свое время каликѣ Мѣщаниновѣ его ученикъ Фепоновъ сообщаетъ почти невѣроятный фактъ, что онъ зналъ семьдесятъ былинъ *******). Если, быть можетъ, это извѣстіе преувеличено, то едва ли на много. Нѣкоторые изъ сказителей, опрошенныхъ Рыбниковымъ

---

*) *Рыбниковъ*, ч. III, стр. XXXIV.
**) *Гильфердингъ*, стр. XXXI.
***) Тамъ же, стр. XXI.
***) Тамъ же, ст. 1022.
****) Тамъ же, ст. 1329.
***) Тамъ же, ст. 1293.
***) Тамъ же, ст. 296.

и Гильфердингомъ, знали до 20 былинъ. Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о дѣйствительно богатой памяти лучшихъ сказителей, стоитъ только просмотрѣть сборникъ Гильфердинга. Мы найдемъ тамъ нѣсколькихъ сказителей, отъ которыхъ записано отъ 2,000 до 3,000 стиховъ (Воиновъ, Чукòвъ, Щеголёнокъ, Прохоровъ Никифоръ), но такіе общеизвѣстные, какъ Калининъ и Трофимъ Рябининъ, продиктовали собирателю каждый болѣе 5,000 стиховъ.

Очевидно, такіе сказители должны имѣть если не феноменальную, то, во всякомъ случаѣ, выдающуюся по обширности память. Но нужно помнить, что хорошая память вообще въ крестьянствѣ явленіе заурядное, объясняющееся тѣмъ, что она не ослаблена и не избалована грамотностью. Дѣйствительно, между 70 сказителями, выслушанными Гильфердингомъ, только 6 оказались грамотными, но всѣ они были не изъ лучшихъ сказителей, знали немного, а одинъ (Касьяновъ) даже признался, что «чтеніе книгъ церковныхъ заглушило былины въ его памяти» *). Вообще память является необходимымъ условіемъ для усвоенія обширныхъ былинъ, иногда переходящихъ за 600—800 стиховъ и даже за тысячу: личное сочинительство, по крайней мѣрѣ, сознательное самому сказителю, почти отсутствуетъ. Если сказитель, по наблюденію Гильфердинга **), несмотря на желаніе спѣть такъ, какъ пѣлъ его учитель, чего-нибудь не упомнилъ, то либо пропускаетъ, либо разсказываетъ словами; но какъ бы онъ ни зналъ содержаніе какого-нибудь эпизода или цѣлой былины, онъ, разъ забывши, какъ она поется, никогда не рѣшится возстановить ее стихами, хотя при однообразіи эпическаго склада это казалось бы весьма легко.

Въ виду условій, конечно, второстепенныхъ, содѣйствовавшихъ распространенію былинъ въ Заонежьи, Гильфердингъ указываетъ на нѣкоторыя ремесла. Многіе изъ *хорошихъ* сказителей либо сами занимаются портняжнымъ или сапожнымъ ремесломъ, переходя изъ деревни въ деревню, или изготовленіемъ рыболовныхъ снастей, либо заимствовали былины отъ лицъ, занимавшихся этими мастерствами. Сами крестьяне объясняли изслѣдователю, что, сидя долгіе часы на мѣстѣ за однообразною работой шитья или плетенья сѣтей, приходитъ охота пѣть «старины», и онѣ тогда легко усвоиваются; напротивъ того, «крестьянство» (т.-е. земледѣліе) и другія тяжелыя работы не только не оставляютъ къ тому времени, но заглушаютъ въ памяти даже то, что прежде помнилось и пѣвалось» ***).

Выше я упомянулъ, что открытіе Рыбниковымъ столь обильной эпической старины въ мѣстахъ сравнительно не столь отдаленныхъ отъ столицы казалось особенно поразительно. Казалось бы, что такія открытія скорѣе можно было бы ожидать въ глухихъ захолустьяхъ Сибири, а не въ Олонецкой губерніи. Однако, справившись со свѣдѣніями о природѣ и

*) Тамъ же, столб. 794.
**) Тамъ же, стр. XXIII.
***) Тамъ же, стр. XXVIII.

бытовыхъ условіяхъ этой губерніи, мы убѣдимся, что она на значительномъ протяженіи представляетъ не меньшую глушь, чѣмъ самыя удаленныя сѣверо-восточныя губерніи.

Вотъ что говоритъ Гильфердингъ про природу и бытовыя условія этого края: «Матеріальная обстановка сѣверно-русскаго крестьянина нѣсколько сносна у Онежскаго озера, потому что тутъ онъ располагаетъ большимъ водоемомъ, который находится въ прямой связи съ Петербургскимъ портомъ; но дальше къ сѣверу и востоку вы видите только лѣсъ, лѣсъ и болото и опять лѣсъ; озера, разбросанныя въ этомъ краѣ, служатъ для сообщенія между деревнями, ихъ окружающими. Климатъ такой, что здѣсь природа отказываетъ въ томъ, безъ чего намъ трудно себѣ представить жизнь русскаго человѣка: у него нѣтъ ни капусты, ни гречи, ни огурцовъ, ни луку; овесъ, разными способами притоговляемый, составляетъ существеннѣйшую часть пищи. Отсутствуетъ и другая принадлежность русскаго народа—телѣга. Телѣга не можетъ пройти по тамошнимъ болотистымъ дорогамъ. Она появляется только 35 верстъ южнѣе Кенозера, въ Ошевенской волости, съ которой начинается болѣе сухая и плодородная часть Каргопольскаго уѣзда. Сѣвернѣе (около Кенозера, Водлозера, Выгозера и по Заонежью) *) возятъ, что нужно, и лѣтомъ на саняхъ (дровняхъ) или же на волокàхъ, т.-е. оглобляхъ, которыя передними концами прикрѣпляются къ хомуту, а задними волочатся по землѣ; къ нимъ придѣлана поперечная доска, къ которой привязывается кладь. Когда же нужно ѣхать человѣку, онъ отправляется верхомъ тамъ, гдѣ не можетъ пользоваться водянымъ сообщеніемъ. Для своза хлѣба съ ближайшихъ къ деревнямъ полей есть кое-гдѣ двухколесныя таратайки, съ неуклюже сколоченными, скорѣе многоульными, чѣмъ круглыми, деревянными, безъ желѣзныхъ шинъ, колесами. Главныя и единственно-прибыльныя работы—распахиваніе «нивъ», т.-е. небольшихъ полянъ, расчищаемыхъ изъ-подъ лѣсу и черезъ три года забрасываемыхъ, и рыбная ловля въ осеннее время—сопряжены съ невѣроятными физическими усиліями. Но, чтобы существовать, крестьянинъ долженъ соединять съ этимъ и всевозможные другіе заработки, а потому никто не ограничивается однимъ хлѣбопашествомъ и рыболовствомъ: кто занимается въ свободное время какимъ-нибудь деревенскимъ ремесломъ, кто идетъ въ извозъ къ Бѣлому морю зимою, а лѣтомъ въ бурлаки на каналъ, кто «полѣсуетъ», т.-е. стрѣляетъ и ловитъ дичь, и т. д. Крестьянинъ этихъ мѣстъ радъ и доволенъ, если совокупными усиліями семьи онъ, по тамошнему выраженію, «огорюетъ» какъ-нибудь подати и не умретъ съ голоду. Это—народъ труженикъ въ полномъ смыслѣ слова» **). Эта краткая и сильная характеристика природы и бытовыхъ условій, среди которыхъ живутъ хранители эпической традиціи,

*) Заонежьемъ русскіе (когда колонизація этого края шла съ востока на западъ) назвали тотъ большой полуостровъ, который вдается въ Онежское озеро по сю сторону (т.-е. съ сѣверо-запада) его бассейна.

**) *Гильфердингъ*, стр. VIII и IX.

даетъ намъ возможность понять, что при всѣхъ физическихъ и духовныхъ способностяхъ, которыми, несомнѣнно, одарено олонецкое населеніе, оно въ этой тяжкой борьбѣ съ суровою природой, живя въ глухихъ поселкахъ, нерѣдко въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ разобщенныхъ другъ отъ друга, окруженное лѣсами и болотами, должно было сохранить, и дѣйствительно сохранило, не мало старины въ быту, вѣрность преданію и вѣру въ чудесное. Консерватизмъ отмѣчается изслѣдователями губерніи и въ матеріальномъ быту, и въ обрядности, и въ вѣрованіяхъ. Немудрено, что такими же консерваторами являются олончане и въ былевой поэзіи.

Сверхъ перечисленныхъ условій, благопріятствовавшихъ сохраненію эпоса, есть еще два, указываемыя Рыбниковымъ: «Если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Олонецкаго края сохранилось столько остатковъ богатырскаго эпоса, то тому причиной поэтическая природа жителей и ихъ поселенія на украйнѣ между Корелою и Чудью, гдѣ они должны были поддерживать свою народность былевою памятью о славномъ кіевскомъ и новгородскомъ прошедшемъ» *). Я не рѣшусь сказать, насколько послѣднее обстоятельство имѣетъ значеніе, но о поэтической жилкѣ олончанъ ярко свидѣтельствуютъ прекрасныя лирическія причитанья (свадебныя, рекрутскія, похоронныя), также записанныя въ огромномъ количествѣ среди нихъ Рыбниковымъ и Е. В. Барсовымъ. Среди женщинъ, между которыми нашлось 15 сказительницъ былинъ во время поѣздки Гильфердинга, встрѣчаются нерѣдко положительно высокоодаренныя натуры, способныя изливать свое горе въ длинныхъ, складныхъ и иногда художественныхъ импровизаціяхъ. Нѣкоторыя изъ такихъ женщинъ пользуются извѣстностью далеко за предѣлами родной деревни и приглашаются спеціально на свадьбы и похороны. Есть не мало среди женскаго населенія и любительницъ былинъ: въ біографіяхъ сказителей мы нерѣдко читаемъ, что они научились имъ отъ матерей, особенно сказительницы. Рыбниковъ сдѣлалъ наблюденіе, что у женщинъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть свои любимыя былины—«бабьи старины», какъ ихъ называютъ сказители: это, повидимому, такія, въ которыхъ изображена любовь и гдѣ значительная роль выпадаетъ женщинѣ (наприм., про Ставра, про Чурилу, про Ивана Годиновича). Меньше знаютъ онѣ болѣе серьезныя былины—про Илью Муромца, про Садка, Вольгу и т. д.

Резюмируя разсмотрѣнныя условія, содѣйствовавшія въ Олонецкой губерніи сохраненію живого былевого пѣснопѣнія, мы приходимъ къ выводу, что главными условіями были: примитивность въ матеріальномъ и духовномъ быту, обусловленная природой, климатомъ и исторіей, отсутствіе крѣпостного права, малое распространеніе грамотности и несомнѣнная поэтическая воспріимчивость населенія.

Перехожу теперь къ другимъ вопросамъ, которые имѣютъ существенное значеніе для метода изслѣдованія былинъ: въ какомъ видѣ дошелъ до насъ

*) *Рыбниковъ*, ч. III, стр. IX.

текстъ былинъ? Насколько можно довѣрять точности традиціи? Насколько личность сказителей отражается въ текстахъ, отъ нихъ записанныхъ?

Значительную гарантію въ точности традиціи слѣдуетъ видѣть въ постоянствѣ и прочности *сюжетовъ* и былевыхъ *типовъ*. Дѣйствительно, если мы просмотримъ оглавленіе тѣхъ сотенъ былинъ, которыя помѣщены въ сборникахъ Рыбникова и Гильфердинга, мы убѣдимся, что число отдѣльныхъ сюжетовъ не очень многочисленно и что при значительномъ разногласіи въ подробностяхъ общія очертанія сюжета вездѣ одни и тѣ же. Новыхъ сюжетовъ почти не далъ огромный сборникъ Гильфердинга, новыхъ сюжетовъ нѣтъ надежды найти и впредь. Если дѣло идетъ объ Ильѣ Муромцѣ, мы увѣрены, что встрѣтимъ давно извѣстныя похожденія его съ Соловьемъ, съ разбойниками, съ идолищемъ и т. п., если о Добрынѣ, то услышимъ о змѣеборствѣ или о попыткѣ Алеши взять замужъ его жену и т. д.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ надежды и познакомиться съ какимъ-нибудь новымъ типомъ богатыря. Типы ихъ прочно установлены, такъ сказать, застыли въ народной памяти и представляются столь же конкретными и сказителю, и его слушателямъ. Конечно, и здѣсь бываютъ ошибки памяти,— случится, что сказитель припишетъ одному богатырю подвигъ, совершонный другимъ, но такіе промахи довольно рѣдки. Нравственный обликъ богатырей весьма типиченъ: Илья всегда будетъ идеаломъ мужества и спокойной увѣренности въ силѣ, всегда будетъ съ чувствомъ достоинства относиться къ князю Владимиру и съ покровительственною лаской къ юнымъ богатырямъ; Добрыня Никитичъ всегда отличаться вѣжествомъ, Чурило— франтовствомъ и женолюбіемъ и т. д.

Во-вторыхъ, не меньшею устойчивостью отличаются и такъ называемыя *общія* мѣста (loci communes) нашего эпическаго описанія: наприм., подношеніе и испитіе чары въ $1^1/_2$ или $2^1/_2$ ведра, процеесъ сѣдланія коня, снаряженіе корабля и друг. (кстати упомяну замѣчаніе Гильфердинга, что именно сѣдланіе коня и снаряженіе корабля особенно близко знакомы сѣверно-русскому крестьянину. Когда ему нужно отправиться въ путь, приходится либо осѣдлать себѣ лошадь, либо снарядить парусную лодку *). Къ такимъ loci communes относятся и описанія южно-русской природы, древняго вооруженія и воинскаго быта. Мы такъ прислушались къ этимъ чертамъ нашего эпоса, что онѣ намъ не кажутся поразительны. «Мы, жители сѣверныхъ широтъ,— говоритъ Гильфердингъ **),— не находимъ ничего особенно для насъ необычнаго въ природѣ, изображаемой нашимъ богатырскимъ эпосомъ, въ этихъ «сырыхъ дубахъ», въ этой «ковыль-травѣ», въ этомъ «раздольѣ чистомъ полѣ», которые составляютъ обстановку каждой сцены въ нашихъ былинахъ. Мы не замѣчаемъ, что сохраненіе этой обстановки придворской природы въ былинахъ Заонежья есть такое же чудо народ-

*) *Гильфердингъ*, стр. XXV.

**) Тамъ же, стр. XXIV и XXV.

ной памяти, какъ, наприм., сохраненіе образа «гнѣдого тура», давно исчезнувшаго, или облика богатыря съ шеломомъ на головѣ, съ колчаномъ за спиною, въ кольчугѣ и съ «палицей боевою». Видалъ ли крестьянинъ Заонежья дубъ? Дубъ ему знакомъ столько же, сколько намъ съ вами какой-нибудь бананъ. Знаетъ ли онъ, что это такое ковыль-трава? Онъ не имѣетъ о ней ни малѣйшаго понятія. Видалъ ли онъ хоть разъ на своемъ вѣку «раздолье чистое поле»? Нѣтъ, поле, какъ раздолье, на которомъ можно проскакать, есть представленіе для него совершенно чуждое, ибо поля, какія онъ видитъ, суть маленькіе, по большей части усѣянные каменьемъ и пнями клочки пашни, либо сѣнокосу, окруженные лѣсомъ; если же виднѣется кое-гдѣ чистое, гладкое мѣсто, то это не раздолье для скакуна, это—трясина, куда не отважится ступить ни лошадь, ни человѣкъ. А крестьянинъ этого края продолжаетъ пѣть про раздолье чистое поле, какъ будто онъ жилъ на Украйнѣ!»

Если, такимъ образомъ, въ нашихъ былинахъ можно констатировать значительную прочность сюжетовъ, богатырскихъ типовъ и даже нѣкоторыхъ бытовыхъ деталей, которыя говорятъ въ пользу замѣчательной прочности традиціи, то все же нельзя забывать, что цѣлые вѣка устной передачи должны были отразиться во многомъ на современныхъ текстахъ былинъ. Какъ бы ни была обширна память сказителей, какія бы усилія они ни дѣлали, чтобы сохранить былины въ томъ видѣ, въ какомъ они сами ихъ переняли отъ учителей, все же излагаемыя ими былины не могутъ представляться точными оттисками прежнихъ и по необходимости являются новыми изданіями, иногда значительно пополненными или сокращенными, иногда даже значительно передѣланными. Извѣстно, какое множество варіантовъ представляетъ иногда въ различныхъ записяхъ одинъ и тотъ же былевой сюжетъ. Для объясненія происхожденія варіантовъ мы должны воспользоваться драгоцѣнными наблюденіями, лично сдѣланными Гильфердингомъ надъ сказителями, которые въ такомъ значительномъ числѣ прошли передъ его глазами.

«Можно сказать, — говоритъ онъ, — что въ каждой былинѣ есть двѣ составныя части: мѣста *типическія*, по большей части описательнаго характера, либо заключающія въ себѣ рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ, и мѣста *переходныя*, которыя соединяютъ между собою типическія мѣста и въ которыхъ разсказывается ходъ дѣйствія. Первыя изъ нихъ сказитель знаетъ наизусть и поетъ совершенно одинаково, сколько бы разъ онъ ни повторялъ былину; переходныя мѣста, должно быть, не заучиваются наизусть, а въ памяти хранится только общій остовъ, такъ что всякій разъ, какъ сказитель поетъ былину, онъ ее тутъ же сочиняетъ, то прибавляя, то сокращая, то мѣняя порядокъ стиховъ и самыя выраженія. Въ устахъ *лучшихъ* сказителей, которые поютъ часто и выработали себѣ, такъ сказать, постоянный текстъ, эти отступленія составляютъ, конечно, весьма незначительные варіанты; но возьмите сказителя съ менѣе сильною памятью и заставьте его раза два кряду пропѣть одну и ту же былину —

вы удивитесь, какую услышите большую разницу въ ея текстѣ, кромѣ типическихъ мѣстъ».

Изъ этого мы можемъ вывести то заключеніе, что одинъ и тотъ же сюжетъ (наприм., бой Ильи съ сыномъ) можетъ совпадать у разныхъ сказителей только въ общихъ чертахъ и въ большемъ или меньшемъ числѣ деталей, такъ какъ ходъ дѣйствія, по наблюденію Гильфердинга, не заучивается цѣликомъ наизусть, а составляетъ переходную часть былины. Въ такъ называемыхъ *типическихъ* мѣстахъ, указываемыхъ Гильфердингомъ, я на основаніи его же словъ различилъ бы два разряда: во-первыхъ, общія мѣста (loci communes), т.-е. эпическія описанія, которыя отлились изстари въ опредѣленную форму (наприм., описаніе процесса сѣдланія) и переносятся свободно изъ одного сюжета въ другой, если есть для этого какой-нибудь случай. Эти мѣста составляютъ такую же принадлежность эпическаго склада, какъ постоянные эпитеты въ народной поэзіи. Какъ сказитель всякій разъ при упоминаніи поля прибавитъ къ нему эпитетъ *чистаго*, такъ онъ же при описаніи сѣдланія каждый разъ воспользуется готовою, давно установленной картинкой.

Во-вторыхъ, *типическія* мѣста, какъ видно изъ приведеннаго Гильфердингомъ примѣра, это — «рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ». Такія рѣчи уже не шаблоны, а въ собственномъ смыслѣ типическія, т.-е. изъ нихъ, главнымъ образомъ, слагается типъ, духовный обликъ того или другого дѣйствующаго лица. Онѣ важны для характеристики того или другого богатыря и потому заучиваются наизусть или, по крайней мѣрѣ, тверже усвоиваются въ деталяхъ, такъ какъ на нихъ сосредоточенъ психологическій интересъ. «Перенимая» былину отъ другого, всякій, конечно, старался твердо запомнить, что, наприм., говорилъ при такомъ-то случаѣ Илья Муромецъ, или Добрыня, или Владиміръ князь, потому что въ ихъ рѣчахъ выражается ихъ духовный складъ, и сравнительно меньше заботился о внѣшнихъ подробностяхъ сюжета, такъ какъ тутъ ему могли подслужиться готовыя шаблонныя подробности эпическаго разсказа.

Различивъ, такимъ образомъ, въ *типическихъ* мѣстахъ Гильфердинга два элемента далеко не одинаковой важности (общія мѣста и психическія характеристики), перейдемъ къ его дальнѣйшимъ наблюденіямъ.

«Эти типическія мѣста,— продолжаетъ онъ,— у каждаго сказителя имѣютъ свои особенности и каждый сказитель употребляетъ одно и то же типическое мѣсто всякій разъ, когда представляется къ тому подходящій смыслъ, и иногда даже некстати, прицѣпляясь къ тому или другому слову. Отого всѣ былины, какія поетъ одинъ и тотъ же сказитель, представляютъ много сходныхъ и тождественныхъ мѣстъ, хотя бы не имѣли ничего общаго между собою по содержанію. Такимъ образомъ, типическія мѣста, о которыхъ я говорю, всего болѣе отражаютъ на себѣ личность сказителя. Каждый выбираетъ себѣ изъ массы готовыхъ эпическихъ картинъ запасъ, болѣе или менѣе значительный, смотря по силѣ своей памяти, и, затвердивъ его, этимъ запасомъ одинаково пользуется во всѣхъ *своихъ* былинахъ. У

двухъ сказителей, Ивана Фепонова и Потапа Антонова, богатыри отличаются особенною набожностью,—они то и дѣло молятся Богу; а изъ этихъ сказителей, Фепоновъ — калика, т.-е. пѣвецъ духовныхъ стиховъ по профессіи, Антоновъ же хотя простой крестьянинъ-земледѣлецъ, но выучился былинамъ тоже отъ калики по профессіи, нынѣ умершаго. Такимъ образомъ, набожный складъ духовныхъ стиховъ отразился у нихъ и въ былинахъ» *).

Всматриваясь въ эти наблюденія собирателя, мы можемъ выставить слѣдующія положенія относительно текстовъ былинъ.

Во-первыхъ, всего болѣе измѣненій входитъ въ описаніе хода дѣйствія, въ такъ называемыя *переходныя* мѣста. Помня часто лишь только общія очертанія сюжета, сказитель вводитъ въ разсказъ тѣ или другія детали, по своему вкусу, пользуясь обыкновенно уже готовыми образами изъ запаса своей памяти, т.-е. перенося какую-нибудь понравившуюся ему черту изъ одной былины въ другую. Примѣромъ такого перенесенія можно привести извѣстную расправу съ татариномъ: богатырь схватываетъ его и, махая имъ, прокладываетъ себѣ дорогу. Этотъ мотивъ встрѣчается всего чаще въ приложеніи къ Ильѣ Муромцу въ его столкновеніяхъ съ Калиномъ-царемъ, съ Батыемъ, съ идолищемъ и даже съ разбойниками, но при случаѣ такъ же расправляются съ татарами Добрыня, Иванушко Даниловичъ, Василій Ивановичъ, сынъ князя Карамышевскаго, богатырь Суровецъ, причемъ нерѣдко мотивъ маханія татариномъ приплетенъ совершенно некстати, безъ достаточнаго логическаго основанія. Однако, разъ введено сказителемъ маханіе татариномъ, оно обыкновенно сопровождается извѣстными традиціонными словами («А и крѣпокъ татаринъ—не изломится, а и жиловатъ, собака,—не изорвется»).

Во-вторыхъ, если описательныя мѣста и прочнѣе въ своихъ деталяхъ, то все же измѣненія въ текстахъ былинъ обычны и въ этомъ отношеніи. Тотъ или другой сказитель можетъ по личному вкусу вставлять ихъ чаще или рѣже, затягивая ими ходъ разсказа или, напротивъ, сокращая его. Напримѣръ, упоминая о входѣ богатыря въ то или другое помѣщеніе, онъ можетъ вставить обычное описаніе *крестовъ* и *поклоновъ* или миновать его. Такимъ образомъ, одинъ и тотъ же сюжетъ съ большими или меньшими деталями, съ повтореніями шаблонныхъ мѣстъ или безъ нихъ, можетъ быть развитъ въ былинѣ въ 200 стихахъ и въ 500—800. Такъ, въ Приопежьѣ былины, вообще говоря, по наблюденію Гильфердинга, отличаются растянутостью, достигаютъ тысячи стиховъ и даже болѣе, и слышится пристрастіе къ длинному стиху, а на сѣверо-востокъ отъ озера былины обыкновенно короче, ходъ разсказа живѣе и менѣе обставленъ подробностями, такъ что рѣдкая былина достигаетъ 300—400 стиховъ **).

Въ-третьихъ, и въ *психическихъ* характеристикахъ, въ рѣчахъ дѣ-

---

*) Тамъ же, стр. XXVII.

**) *Гильфердингъ,* стр. XXIX.

ствующихъ лицъ могутъ происходить значительныя измѣненія. Не нарушая сложившагося типа богатыря, сказители могутъ по своему вкусу подчеркивать ту или другую его сторону, подбѣляя или подчерняя его нравственный характеръ.

Наконецъ, какъ мы видѣли, типическія рѣчи, сопровождающія то или другое *дѣйствіе* (наприм., маханіе татариномъ), переносятся вмѣстѣ съ этимъ дѣйствіемъ, иногда довольно произвольно, съ одного богатыря на другого, и это, конечно, можетъ такъ или иначе видоизмѣнить или оттѣнить его духовный обликъ.

Въ-четвертыхъ, личность сказителя отражается на текстахъ и въ переходныхъ мѣстахъ, и въ типическихъ, и вообще на всемъ складѣ былинъ, а также на языкѣ, въ выборѣ и болѣе или менѣе частомъ употребленіи излюбленныхъ выраженій, эпитетовъ и т. д. Отсюда вытекаютъ слѣдующія *два* явленія, которыя наблюдаются въ дошедшихъ до насъ былинныхъ текстахъ.

Во-первыхъ, одинъ и тотъ же сюжетъ дошелъ до насъ во множествѣ варіантовъ, изъ которыхъ одни отличаются между собою лишь незначительными деталями, другіе сходны только въ главныхъ очертаніяхъ сюжета.

Во-вторыхъ, разные сюжеты въ устахъ одного и того же сказителя пріобрѣтаютъ замѣтное сходство въ подробностяхъ, такъ что при болѣе внимательномъ изученіи мы можемъ опредѣлить пошибъ того или другого сказителя, подобно тому, какъ можемъ изучить стиль какого-нибудь оригинальнаго писателя.

Мы видѣли, какимъ процессамъ измѣненія подвергается текстъ былинъ, такъ сказать, на нашихъ глазахъ при переходѣ ихъ отъ одного сказителя къ другому. Мы видѣли, что даже одинъ и тотъ же сказитель, повторяя былину, никогда не воспроизведетъ ее во всей точности, безъ всякихъ измѣненій. Конечно, этотъ процессъ измѣненія текстовъ въ зависимости отъ тѣхъ же условій (личности сказителя, большей или меньшей его памяти, болѣе или менѣе самостоятельнаго отношенія къ преданію) длился многія столѣтія, въ теченіе длиннаго ряда поколѣній. Не трудно сказать, къ какимъ результатамъ долженъ былъ привести этотъ процессъ: современныя былины представляютъ, говоря вообще, плодъ послѣдовательнаго *искаженія* древнихъ былинъ. Благодаря условіямъ, представляемымъ населеніемъ Олонецкой губерніи, былевой эпосъ только что сохранился въ своихъ главныхъ чертахъ, и это уже великая заслуга онежскихъ сказителей передъ русскимъ народомъ и наукою. Но онъ не *развивался* на этой неудобной для него почвѣ, а послѣдовательно глохнулъ, вырождался, какъ глохнетъ растеніе, пересаженное на новую почву и привезенное изъ другой страны, другого климата. Нѣтъ сомнѣнія, что былины онежскія не сложены олонецкими крестьянами и не были сложены ихъ предками. Онѣ были только, по мѣрѣ силъ и способностей, усвоены этими предками и переданы потомкамъ. Въ настоящее время наша былевая поэзія есть крестьянская поэзія, въ томъ смыслѣ, что только крестьянское сословіе еще сохранило

былины. Но онѣ были слагаемы въ другой средѣ, въ другомъ быту, чуждомъ для мужика-пахаря, и ни въ богатырскихъ типахъ, ни въ бытовыхъ чертахъ не представляютъ связи съ крестьянскою средой.

Отмѣчу лишь одинъ крупный фактъ, доказывающій, что крестьяне были только *хранителями* старины въ былевой поэзіи, но не развивали ея новыми сюжетами. Просматривая оглавленіе сборниковъ Рыбникова и Гильфердинга, можно убѣдиться въ томъ, что всѣ былины и историческія пѣсни суть только наслѣдство, полученное олонецкими сказителями отъ старины. Тутъ вы найдете былины, прикрѣпленныя къ имени и времени «стараго» Владимира, былины, связанныя съ историческимъ прошлымъ Нова-города, пѣсни историческія съ именемъ Грознаго и другихъ московскихъ царей. Все это—«старины, старинушки», по терминологіи мѣстныхъ сказителей, которыя говорятъ о лицахъ и событіяхъ иногородныхъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ Онежскому краю. Онежскіе сказители не прикрѣпили ни одного богатыря къ своей почвѣ, не создали новыхъ былевыхъ сюжетовъ, они только повторяли, что слышали, что когда-то до нихъ дошло въ видѣ былевой пѣсни. Въ громадномъ сборникѣ Гильфердинга мы найдемъ только одну *старинушку*, связанную съ олонецкими мѣстами. Это—старинушка о Рахтѣ Рагнозерскомъ (№ 11), записанная только *въ одномъ* пересказѣ (отъ Калинина). Здѣсь идетъ разсказъ о мѣстномъ, рагнозерскомъ *), мужикѣ-силачѣ, слава о которомъ дошла до одного *князя* въ Москвѣ. Князь вызываетъ его изъ его деревни, чтобы выставить его противникомъ одному *невѣрному* борцу, и Рахта сбилъ его въ кучку, за что получилъ отъ князя право на исключительную ловлю въ родномъ озерѣ. Если вы внимательно прочтете эту *старину*, то вы увидите въ ней лишь одиночную, неудачную попытку представить въ формѣ былины мѣстное преданіе о силачѣ. Обычный эпическій складъ лишь нѣкоторыми чертами подслужился сказителю, но вообще старина и въ этомъ отношеніи плохо выдержана. Про эту старину можно сказать то, что сказалъ Гильфердингу одинъ сказитель, Андрей Сорокинъ: «Онъ пробовалъ распѣвать въ видѣ былинъ сказки, которыя разсказываются «словами» (т.-е. прозаическою рѣчью), но это ему не удалось: видя, что дѣло не ладится, онъ бросилъ эту мысль» **). Такъ же не могутъ и не могли слагать новыхъ былинъ олонецкіе крестьяне. Они сами говорили Гильфердингу, что то, что разсказывается словами, никоимъ образомъ не можетъ быть пѣто стихомъ; когда онъ замѣчалъ имъ, что они пропустили что-нибудь или спѣли нескладно, то иные старались «выполнить» лучше это мѣсто, но никому въ голову не приходило сгладить пропускъ или нескладицу собственнымъ измышленіемъ. Обыкновенно же, хотя бы указана была въ былинѣ *явная* нелѣпица, сказитель отвѣчалъ: «такъ поется», а про что разъ сказано, что *такъ поется*,

*) Рагнозеромъ называется небольшое озеро и деревушка къ юго-востоку о[т] Пудожской горы, къ юго-западу отъ Водлозера.

**) *Гильфердингъ*, столб. 372.

свято; тутъ, значитъ, разсуждать нечего. Когда попадалось въ былинѣ какое-нибудь непонятное слово и Гильфердингъ спрашивалъ объясненія, то получалъ его только въ такомъ случаѣ, когда слово принадлежало къ употребительнымъ мѣстнымъ провинціализмамъ; если же слово не было въ употребленіи, то былъ всегда одинъ отвѣтъ: «такъ поется» или: «такъ пѣвали старики, а что значитъ, мы не знаемъ» *).

Такимъ образомъ, и былины про богатырей, и историческія пѣсни московскаго періода были произведеніями заносными въ Онежскомъ краѣ, и такіе заносы болѣе позднихъ пѣсенъ до-петровскаго времени можно констатировать и въ послѣдующее время. Такъ, въ репертуаръ сказителей попала и солдатская пѣсня о прусскомъ королѣ (№ 205), и петербургская трактирная пѣсня (№ 318), и даже одно переводное съ сербскаго стихотвореніе Щербины **). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже не трудно прослѣдить, кѣмъ и когда была занесена какая-нибудь недавняя пѣсня. Такъ, сказитель пѣсни о прусскомъ королѣ Иванъ Захаровъ былъ, какъ узнаемъ изъ его біографіи, человѣкъ «волокитный», т.-е. разъѣзжавшій много по разнымъ мѣстамъ Россіи (ему случалось бывать даже на Волгѣ) и наслушавшійся разныхъ пѣсенъ ***); сказитель «Петербургской старины» (какъ озаглавлена эта трактирная пѣсня Гильфердингомъ ****), человѣкъ *грамотный*, бывалый, ѣздящій по зимамъ къ Бѣлому морю для закупки сельдей, которыя продаетъ по городамъ. Немудрено, что въ обществѣ бурлаковъ и въ городскихъ трактирахъ онъ усвоилъ себѣ это произведеніе кабацкой музы.

Для упроченія текстовъ былинъ въ устной традиціи не было еще одного условія, которое кое-гдѣ служило къ сохраненію извѣстнаго эпическаго репертуара въ болѣе архаическомъ видѣ: въ Олонецкой губерніи нѣтъ и не было сказителей былинъ *по профессіи*. Былины знаютъ и при случаѣ поютъ и мужики, и бабы, и дѣвушки, и портные, и рыболовы, и калики, и нигдѣ это пѣніе не составляетъ профессіи, какъ, наприм., пѣніе духовныхъ стиховъ каликами. Послѣдніе, распѣвая свои стихи, снискиваютъ себѣ этимъ пропитаніе, но пѣніе былинъ не даетъ имъ заработка и онѣ только случайно попадаютъ въ ихъ репертуаръ. Конечно, нашихъ сказителей поэтому нельзя сопоставлять, наприм., съ сѣверо-французскими труверами, кельтскими бардами и филами или исландскими скальдами, которые на храненіе преданій старины, на пѣніе эпическихъ сказаній смотрѣли какъ на свою профессію или ремесло, которые кормились своимъ искусствомъ и поэтому упражнялись въ немъ, изучали его основательно. Извѣстно, напримѣръ, что такъ называемая младшая или прозаичная эдда, сложенная в[ъ] началѣ XIII вѣка Снорри Стурлусономъ (сыномъ Стурлы), представля-

*) Тамъ же, стр. XXIV.
**) *Гильфердингъ*, стр. XIX.
**) Тамъ же, столб. 941.
***) „Со Щукина двора идетъ сѣдая борода, тотъ миленькій мой, пріятель дорог[ой] и т. д.

есть нѣчто вродѣ учебника для *скальдовъ* и на ряду съ нѣкоторыми отдѣлами сѣвернаго эпоса содержитъ учебникъ поэтики, метрики и даже трактаты грамматическаго и реторическаго содержанія для обученія скальдовъ. У насъ подобнаго обученія не было: если мы видимъ, что былины передаются отъ дѣда къ сыну и внуку, то эта передача не школьная, не основанная на внимательномъ спеціальномъ изученіи, а лишь механическое усвоеніе *при случаѣ*, насколько хватитъ памяти и усердія. На такія случайныя перениманія нерѣдко встрѣчаемъ указанія въ біографическихъ свѣдѣніяхъ объ олонецкихъ сказителяхъ (переночевалъ прохожій, пропѣлъ былину, былина понравилась, повторилъ, и хозяинъ избы или кто-нибудь изъ семьи ее запомнилъ по возможности, а затѣмъ и самъ сталъ повторять въ присутствіи другихъ.) При такой случайности въ традиціи, обусловленной отсутствіемъ профессіональныхъ пѣвцовъ, можно еще удивляться, что и въ современномъ своемъ видѣ наши былины сохранили такъ много старины въ именахъ, древнихъ бытовыхъ чертахъ и во всемъ складѣ и ладѣ.

Если мы вспомнимъ, что хранителями этого чуднаго наслѣдія старины являются исключительно крестьяне, что высшіе классы уже въ XVIII в. порвали свою связь съ народнымъ эпосомъ и утратили къ нему живой интересъ, то высоко оцѣнимъ услугу, оказанную олонецкими сказителями русской наукѣ и обществу. Они сохранили свято духовное добро, которымъ питался и услаждался въ теченіе многихъ вѣковъ весь русскій народъ до поворота части его на другую дорогу,—дорогу къ европейскому просвѣщенію, приведшую только въ наше время къ тому, что образованное общество снова проникается глубокимъ интересомъ къ изученію духовнаго быта простонародья и родной поэтической старины.

Всев. Миллеръ.

Крестьянское хозяйство и переселеніе *).

(Итоги размѣровъ и результатовъ переселенческаго движенія за истекшее тридцатилѣтіе).

Всякій, кто изучаетъ современный общественно-экономическій строй Россіи съ цѣлью отыскать основныя черты будущаго его развитія, по необходимости долженъ заняться, главнымъ образомъ, судьбою крестьянскаго хозяйства, составляющаго главный и опредѣляющій элементъ всего хозяйства Россіи. Крестьянское переселеніе, если въ прошломъ и не играло (какъ ниже увидимъ) замѣтной роли въ ряду другихъ общественно-экономическихъ факторовъ, опредѣляющихъ то или иное состояніе крестьянскаго хозяйства, то оно имѣетъ, во всякомъ случаѣ, безспорное значеніе, какъ симптомъ для настоящаго и какъ опытъ для будущаго.

О крестьянскомъ переселеніи за послѣднее 30-тилѣтіе писали очень многіе и очень много. Но ни въ одной книгѣ и ни въ одной статьѣ не было, насколько я знаю, сдѣлано удовлетворительной попытки опредѣлить общее значеніе переселенія для крестьянскаго хозяйства въ пореформенную эпоху. Громадное большинство статей занимались лишь частными вопросами объ одной какой-нибудь его сторонѣ,—напримѣръ, бѣдствіями «переселенческой эпопеи», которымъ посвящена едва ли не бо́льшая половина изъ всего напечатаннаго о переселеніи. Существуетъ, правда, нѣсколько болѣе или менѣе дѣльныхъ мѣстныхъ изслѣдованій, среди коихъ, впрочемъ, до сихъ поръ можно назвать только два дѣйствительно серьезныхъ труда: извѣстную книгу г. Григорьева *Переселенія крестьянъ Рязанской губерніи* и очеркъ г. Щербины въ *Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Острогожскому уѣзду, Воронежской губерніи*, т. II, выпускъ II, глава

*) Настоящая статья составляетъ лишь часть болѣе подробной работы автора, имающей и нѣкоторыя другія стороны изслѣдуемаго явленія, здѣсь не затронутыя, ъ, наприм., отношеніе правительства къ переселенческому движенію, характеръ пособъ этого движенія и т. д. Часть пятой главы, трактующей о результатахъ ленія въ Азіатскую Россію, была болѣе подробно разработана авторомъ въ статьѣ *зультаты вселеній въ Азіатской Россіи*, напечатанной въ *Запискахъ Зап.-Сибир. дла Русск. Имп. Географ. Общества*, кн. XVI. *Авт.*

III: *Переселеніе*; наконецъ, нѣкоторые авторы пытались придти и къ общимъ выводамъ, но не обладали необходимымъ для того матеріаломъ, почему и принуждены были ограничиться однимъ повтореніемъ и иллюстрированіемъ своихъ апріорныхъ предположеній. Едва ли не единственною дѣльною книжкой обобщающаго характера является очеркъ г. Исаева, который, однако, имѣлъ цѣлью возбудить вниманіе къ извѣстнымъ вопросамъ, а не рѣшить ихъ, и потому использовалъ очень малую долю имѣвшагося матеріала. Такимъ образомъ, повторяю, до сихъ поръ, насколько знаю, не являлось работы, исчерпывающей *весь* (или почти весь) имѣющійся матеріалъ и пытающейся подвести итоги результатамъ и размѣрамъ *всего* переселенческаго движенія за истекшее 30-тилѣтіе.

Пытаясь разрѣшить вопросъ о будущности, ожидающей крестьянское хозяйство и крестьянскую общину, я, между прочимъ, постарался прочесть все, что напечатано было о крестьянскихъ переселеніяхъ за послѣднее 30-тилѣтіе. Хотя многое, вѣроятно, было мною упущено (по незнанію ли, или по невозможности воспользоваться какими-либо источниками), но большая часть изъ всего того, что напечатано до сихъ поръ о переселеніи, во всякомъ случаѣ, была мною просмотрѣна. Въ результатѣ получился матеріалъ, хотя и непригодный для точнаго статистическаго опредѣленія изслѣдуемыхъ явленій, но вполнѣ достаточный для нѣкоторыхъ выводовъ и заключеній. Въ виду того, что не было еще сдѣлано удовлетворительной попытки обобщить всѣ имѣющіяся данныя о переселеніи, я и рѣшился сдѣлать такого рода попытку.

Настоящая статья далеко, конечно, не эксплуатируетъ всего собраннаго матеріала, а представляетъ лишь сжатый очеркъ, резюмирующій лишь главнѣйшіе выводы, къ какимъ я рѣшился придти, и ограничивающійся только самымъ краткимъ ихъ развитіемъ и освѣщеніемъ.

Такой очеркъ, быть можетъ, явится кстати въ настоящій моментъ, когда вниманіе общества усиленно привлечено къ претерпѣвшему жестокій кризисъ крестьянскому хозяйству и когда по отношенію къ переселеніямъ подготовляются, по слухамъ, какія-то законодательныя или административныя мѣропріятія.

I.

Главнымъ содержаніемъ послѣреформенной экономической эволюціи Россіи является процессъ разрушенія крестьянскаго хозяйства. Какую роль по отношенію къ этому процессу играло и можетъ играть крестьянское переселеніе? Прежде, чѣмъ прямо отвѣчать на этотъ вопросъ, мы должны разсмотрѣть причины и размѣры сказаннаго разстройства крестьянскаго хозяйства.

Благосостояніе крестьянина, являющагося хозяиномъ-работникомъ и плательщикомъ податей, обусловливается размѣрами средствъ производства, налоговъ и характеромъ труда. Разстройство крестьянскаго хоз-

ства получилось какъ результатъ недостаточнаго земельнаго надѣла и крупныхъ налоговъ, сразу стѣснившихъ крестьянское хозяйство и не давшихъ крестьянину времени скопить капиталъ и развиться культурно для перехода къ высшимъ системамъ земледѣлія.

Поэтому не только этотъ переходъ, требовавшій предварительнаго періода избытка и роста, сталъ въ общемъ невозможенъ, но даже, вслѣдствіе отсутствія этого земледѣльческаго прогресса, и хозяйственное status quo стало невозможнымъ, такъ что скоро началось въ этой области регрессивное движеніе: возникла чрезмѣрная распашка полей, истощившая пашню, захватившая даже выгоны и, значитъ, сократившая скотъ рабочій и молочный и тѣмъ самымъ ухудшившая удобреніе, а за этимъ рѣзко понизилась урожайность, стали исчезать лѣса, мелѣть рѣки, изсякать источники и т. д. Въ неурожаѣ 1891 года достаточно ярко проявились всѣ эти симптомы паденія земледѣльческой культуры, а это паденіе, явившееся слѣдствіемъ разстройства крестьянскаго хозяйства, въ свою очередь все ускоряетъ дальнѣйшее его разрушеніе...

Этотъ упадокъ крестьянскаго хозяйства можетъ, очевидно, остановиться только тогда, когда исчезнутъ причины, его обусловившія и обусловливающія: когда уменьшатся налоги, увеличится крестьянское землевладѣніе, организуется мелкій дешевый кредитъ, распространятся сельско-хозяйственныя знанія и осуществятся прочія условія, необходимыя для перехода крестьянства къ высшей земледѣльческой культурѣ. Пока же такой перемѣны не произошло, пока причины упадка крестьянскаго хозяйства остаются, развивается и этотъ упадокъ. Рельефнѣе всего выражается онъ въ цифрахъ земельнаго дефицита, главнымъ образомъ, и разстроившаго крестьянское хозяйство, и въ количествѣ безлошадныхъ, прямо опредѣляющемъ степень этого разстройства.

Различными изслѣдователями разно опредѣлялось, сколько именно земли недостаетъ крестьянину до того минимума, при которомъ онъ могъ бы на одномъ своемъ надѣлѣ вести самостоятельное хозяйство. Г. Южаковъ принимаетъ, что если бы раздѣлить всю принадлежащую нынѣ крестьянамъ землю на нормальнаго размѣра надѣлы, то таковыхъ не хватило бы для 6.822,400 ревизскихъ душъ или, круглымъ счетомъ, для 20 милліоновъ наличныхъ душъ обоего пола (считая одну ревизскую душу за 3 души наличныхъ обоего пола *).

*) См. его *Нормы народнаго землевладѣнія* въ *Русской Мысли* 1885 г., кн. IV. Привожу еще разсчетъ г. Ходскаго (въ его книгѣ *Земля и земледѣлецъ*). По численію г. Ходскаго, 5.905,000 ревизскихъ душъ, т.-е. 27,7% всего числа ихъ душъ въ 49 губерніяхъ, при освобожденіи получили недостаточный надѣлъ; въ стоящее же время эти почти 6 милл. ревизскихъ или около 18 милліоновъ наличихъ душъ обоего пола уже, очевидно, частью безземельныя, частью крайне нужются, а почти $8^1/_2$ милл. ревизскихъ душъ (въ тѣхъ же 49 губ.), получившихъ редній надѣлъ, въ настоящее время, вслѣдствіе прироста населенія въ $1^1/_2$ раза, тавляютъ болѣе 25 милліоновъ душъ обоего пола и уже тоже, значитъ, имѣютъ дѣлъ менѣе средняго и испытываютъ замѣтный земельный дефицитъ.

На основаніи цифръ, сведенныхъ въ статьѣ г. Фортунатова въ I томѣ *Итоговъ эконом. изслѣдованія Россіи*, можно сдѣлать другой разсчетъ, охватывающій, впрочемъ, не всю Россію, а одну только земскую Россію. Именно, если принять среднею нормой крестьянскаго надѣла круглымъ счетомъ 5 десятинъ на мужскую душу (ревизскимъ душамъ, т.-е. мужскимъ душамъ 1858 г. было надѣлено въ среднемъ по 5,2 дес.), то окажется, что въ 133 уѣздахъ, гдѣ земско-статистическимъ изслѣдованіемъ была произведена мѣстная подворная перепись и гдѣ на 19.494,951 душу обоего пола приходилось 37.446,979 десятинъ надѣльной земли, ея, слѣдовательно, не хватало до сказанной 5-ти десятинной нормы круглымъ счетомъ 11,300 тысячъ десятинъ; если ту же пропорцію принять для всѣхъ 359 земскихъ уѣздовъ, то въ нихъ земельный дефицитъ крестьянскаго хозяйства опредѣлится круглымъ счетомъ въ 30,500 тыс. десятинъ, что, при переводѣ въ 5-ти десятинные надѣлы, дастъ намъ въ *земскихъ* только *губерніяхъ* 6,100 тысячъ муж. душъ или болѣе 12 милліоновъ душъ обоего пола, коимъ, по нормальномъ надѣленіи остальныхъ, земли не хватило бы.

Этотъ земельный дефицитъ, распредѣляясь въ различной степени между различными категоріями крестьянъ и не давая имъ возможности существовать одними доходами съ надѣла, значительную часть ихъ вынуждаетъ покрывать его уже внѣнадѣльными доходами: внѣнадѣльною арендой и заработками (земледѣльческими, отхожепромысловыми, кустарными); нѣкоторая же часть крестьянства и вовсе теряетъ возможность продолжать на надѣлѣ самостоятельное хозяйство и должна уходить на сторону, либо окончательно вступая въ ряды городского и сельскаго пролетаріата, либо переселяясь, т.-е., напротивъ, пытаясь на новомъ мѣстѣ возстановить свою хозяйственную самостоятельность. Не касаясь здѣсь внѣнадѣльной аренды и промысловъ, перейду къ той части крестьянства, которая уже и въ отношеніи къ надѣлу своему не сохранила существеннѣйшихъ признаковъ хозяйственной самостоятельности. Безлошадные дворы должны быть помѣщены въ эту категорію. Среди нихъ (по нѣсколько устарѣвшему изслѣдованію г. С—каго въ *Сѣверн. Вѣст.* 1886 г.) $^3/_5$ еще прилагаютъ свой трудъ къ надѣлу (исполняя наймомъ работы, требующія лошади), а остальные $^2/_5$ прямо сдаютъ свои надѣлы. Ясно, что $^3/_5$ безлошадныхъ, обрабатывающіе надѣлъ наймомъ, не могутъ считаться самостоятельными хозяевами, ибо не имѣютъ, все-таки, слишкомъ существеннаго элемента средствъ производства, а остальныя $^2/_5$ «сдатчиковъ» уже и прямо называются безхозяйными.

По военно-конской переписи 1888 года, безлошадные дворы въ 41 и слѣдованной въ этомъ году губерніи составляли 29,4% всего числа дворовъ (всего здѣсь зарегистровано 6.808,278 дворовъ и изъ нихъ безлошадныхъ—2.003,037 дворовъ). Но такъ какъ мы рѣшили ограничить въ нашихъ опредѣленіяхъ только тѣмъ ядромъ Россіи, какимъ являются земскія губерніи, то мы отбросимъ изъ числа этихъ 41 губ. 3 прибалтійскихъ и 10 привисляпскихъ, а также нѣкоторыя изъ западныхъ, прин-

лежащихъ еще скорѣе къ польскому промышленно-бытовому типу, и тѣ нѣсколько малороссійскихъ губерній, гдѣ крестьяне работаютъ волами и гдѣ, поэтому, безлошадность не есть признакъ безхозяйности. Въ остальныхъ русскихъ 19 губерніяхъ *), довольно полно представляющихъ различные народно-хозяйственные районы, безлошадные дворы составляютъ 22% всѣхъ дворовъ. Если этотъ % безлошадности мы примемъ для всей земской Россіи, то получимъ, что изъ 50 приблизительно милліоновъ (въ 34 земскихъ губерніяхъ) ея крестьянскаго населенія уже въ 1888 году было 11 милл. безлошадныхъ; 1891 годъ прибавилъ къ этимъ 11 милліонамъ еще не менѣе 4 милліоновъ безлошадныхъ **), а всего ихъ стало, такимъ образомъ, послѣ 1891 года не менѣе 15 милліоновъ душъ.

И такъ, мы нашли, что разстройство крестьянскаго хозяйства достигло уже весьма значительныхъ размѣровъ: оно выражается, по нашимъ вычисленіямъ, въ земельномъ дефицитѣ для 12 милліоновъ душъ и въ безхозяйности 15 милл. безлошадныхъ. Полученные итоги, нужно еще разъ замѣтить, неточны, но это еще увеличиваетъ силу основанныхъ на нихъ выводовъ, ибо неточность эта заключается въ умаленіи, а не преувеличеніи.

Какіе же выводы вытекаютъ изъ этихъ итоговъ?

Прежде всего, является вопросъ: что могло бы остановить этотъ упадокъ крестьянскаго хозяйства, столь далеко зашедшій? Конечно, повторяю, устраненіе его причинъ: уменьшеніе крестьянскихъ платежей, увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія, распространеніе сельско-хозяйственнаго кредита, знаній и прочихъ условій для развитія высшей системы агрикультуры. Второе условіе—увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія—является, конечно, главнымъ: при извѣстной степени этого увеличенія и существующіе платежи не вели бы къ полному упадку болѣе слабыхъ хозяйствъ, и, даже безъ повышенія земледѣльческой культуры, путемъ экстензивнаго увеличенія земледѣльческаго производства, могло бы возстановиться и даже развиться крестьянское благосостояніе. Правительственная помощь развитію крестьянской земледѣльческой культуры не можетъ повысить благосостоянія крестьянъ, пока она оказывалась бы на средства, доставляемыя, главнымъ образомъ, тѣми же крестьянами; переложенія же налоговъ съ крестьянъ на другіе классы, которое позволило бы правительству, одновременно, и помочь развитію крестьянской агрикультуры, и понизить крестьянскіе платежи, невозможно ожидать въ ближайшемъ будущемъ. Но нѣкоторое пониженіе налоговъ съ нѣкоторою помощью крестьянскому земледѣлію, конечно, мыслимы и могли бы содѣйствовать возста-

---

*) Витебская, Владимірская, Воронежская, Калужская, Курская, Могилевская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Орловская, Псковская, Рязанская, С.-Петербургская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Черниговская, Ярославская.

**) Это вычисленіе сдѣлано на основаніи оффиціальныхъ данныхъ весенняго выпуска сельско-хозяйственнаго обзора министерства государственныхъ имуществъ за 1891 годъ.

новленію крестьянскаго хозяйства, если бы только рядомъ съ ними осуществлялось *главное* и *необходимое* для этого условіе: *увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія*.

При данныхъ общественно-политическихъ условіяхъ увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія можетъ осуществиться, главнымъ образомъ, въ формѣ переселенія. Послѣднее можетъ совершаться самопроизвольно и можетъ быть организовано правительствомъ; оно можетъ направляться на казенныя земли или занимать, наприм., съ помощью крестьянскаго банка, частныя имѣнія, но, за исключеніемъ очень немногихъ случаевъ, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія не можетъ совершиться непосредственно, а можетъ быть осуществлено лишь переселеніемъ части крестьянъ.

Но если разстройство крестьянскаго хозяйства не можетъ остановиться безъ увеличенія крестьянскаго землевладѣнія,— а послѣднее можетъ осуществиться только путемъ переселенія,— то мы должны заключить, что *переселеніе есть необходимое условіе для возстановленія разрушающагося крестьянскаго хозяйства*.

Но, конечно, какъ выше замѣчено, не одно переселеніе—и, замѣтимъ теперь, не всякое переселеніе — можетъ успѣшно противодѣйствовать разстройству крестьянскаго хозяйства. Если оно происходитъ при извѣстныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, то оно можетъ даже ускорить, а не остановить этотъ процессъ; если бы, наприм., земля (и инвентарь) выселяющихся попадала не остающимся на мѣстѣ крестьянамъ, а частнымъ владѣльцамъ и кулакамъ, и если бы сами выселяющіеся не успѣвали добиться на новыхъ мѣстахъ хозяйственной самостоятельности, то, въ такомъ случаѣ, переселеніе, очевидно, скорѣе способствовало бы распаденію, а не возстановленію крестьянскаго хозяйства.

Отсюда понятно, какой интересъ представляетъ разсмотрѣніе условій и результатовъ переселенческаго движенія за послѣднее 30-тилѣтіе: по этимъ результатамъ и по причинамъ, ихъ обусловившимъ, мы можемъ судить и о будущихъ его результатахъ и рѣшить вопросъ: можетъ ли и самое переселеніе остановить процессъ разрушенія крестьянскаго хозяйства?

II.

Изъ множества разнообразныхъ, разрозненныхъ, разноцѣнныхъ и часто противорѣчивыхъ цифръ, разсѣянныхъ въ газетныхъ корреспонденціяхъ, журнальныхъ статьяхъ и книгахъ, въ оффиціальныхъ запискахъ, «памятныхъ книжкахъ», «отчетахъ», «обзорахъ» и т. п., которыя мнѣ удалось собрать, только немногія, сравнительно, данныя обладали достаточною степенью достовѣрности, а, главное, обнимали достаточно значительное число фактовъ, чтобы послужить матеріаломъ для какихъ-либо общихъ замѣчаній. Мнѣ удалось только найти нѣсколько общихъ оффиціальныхъ опредѣленій числа переселенцевъ за извѣстные періоды времени и въ извѣстныхъ мѣстностяхъ вселенія и, затѣмъ, провѣрить, т.-е. въ общемъ подтвердить, эти опредѣленія

разными способами при помощи другихъ болѣе частныхъ цифръ, регистрировавшихъ переселенцевъ также по періодамъ, по мѣстностямъ вселенія и иногда по мѣстностямъ выселенія.

По періодамъ переселенцы распредѣляются приблизительно такъ:

60-е	годы	дали	отъ	150	до	200	тысячъ переселенцевъ
70-е	»	»	»	300	»	400	» »
80-е	»	»	»	450	»	500	» »
90-й, 91-й и 92-й	»	»	»	болѣе		200	» »

Итого, за 32 года было не менѣе 1 мил. 100 тысячъ и до 1.300,000 душъ переселенцевъ *).

Такую цифру мы получаемъ, высчитывая переселенцевъ по періодамъ переселенія. Подсчитывая ихъ по областямъ вселенія, мы получаемъ приблизительно тотъ же итогъ (вычисленія по областямъ выселенія нельзя сдѣлать для провѣрки, за неимѣніемъ данныхъ), а именно:

Съ 61 по 92 г. включительно поселилось **):

Въ Азіатской Россіи:

въ Восточной Сибири	въ Томской губ.	въ Тобол. губ.	въ Степномъ краѣ (въ 3-хъ областяхъ	въ Туркестанѣ (въ 3-хъ обл.)	въ Тургайской обл.
отъ 60 до 70 т. д. об. пола	отъ 300 до 330 т. д. об. пола	не менѣе 40 т. д. об. пола	до 90 т. д. об. пола	до 40 т. д. об. пола	до 40 т. д. об. пола

Итого во всей Азіатской Россіи отъ *570 до 610* тысячъ душъ обоего пола.

*) За 60-е годы, первые годы послѣ освобожденія, шло немногимъ больше переселенцевъ, чѣмъ теперь идетъ однихъ ходоковъ; даже въ тяжелый 67-й годъ переселилось немногимъ болѣе 20,000 д. Въ 70-е годы переселенческій потокъ начинаетъ пробиваться энергичнѣе, но, направляясь въ мѣстности, гдѣ, какъ увидимъ, ждали его крайнія неудачи, и, вообще, совершаясь наобумъ, безъ всякихъ почти свѣдѣній о новыхъ мѣстахъ, онъ, все-таки, еще имѣетъ лишь то значеніе, что расчищаетъ дорогу движенію 80-хъ годовъ,—движенію, съ 81-го года сразу сильною волной хлынувшему въ найденную, наконецъ, обѣтованную землю — въ Сибирь, вообще въ Азіатскую Россію. Приведенныя въ текстѣ цифры составлены мной на основаніи нѣсколькихъ цифръ о выселеніи изъ Курской, Тамбовской, Воронежской, Рязанской и Самарской губ. (см. земско-статист. сборники по этимъ губерніямъ), по коимъ можно было опредѣлить, какой процентъ переселенцевъ отсюда, когда выселился. Совѣщанія свѣдущихъ людей въ 82-мъ г. (см. *Объяснительная записка къ проекту о переселеніи, составленному совѣщаніемъ свѣд. людей*) опредѣляло движеніе въ 70-е годы „*не ниже* 30,000 душъ ежегодно, а въ послѣдніе годы (79-й, 80-й и 81-й), по мнѣнію совѣщанія, „сила переселенческаго движенія значительно превышала эту цифру". Другія свѣдѣнія, дѣйствительно, поднимали эту цифру и для 70-хъ годовъ до максимума въ 4[illegible]000 душъ. „Въ началѣ 80-хъ годовъ министерство внутреннихъ дѣлъ уже насчитывало *не менѣе* 40,000 душъ переселенцевъ ежегодно" (цитирую по *Русск. Вѣд.*). И дѣйствительно, по точнымъ даннымъ переселенческихъ станцій оно было не ниже этого числа, повысившись къ 90-мъ гг. такъ, что черезъ одну Тюмень въ 90-мъ году прошло 36,000 переселенцевъ, въ 91-мъ году—болѣе 60,000 и въ 92-мъ году—болѣе 7[illegible],000 переселенцевъ.

**) Для того, чтобы дать понятіе о томъ, какъ я пришелъ къ приведеннымъ въ текстѣ цифрамъ,— всюду, конечно, приблизительнымъ, а иногда даже гадательнымъ,—

Въ Европейской Россіи:

	Въ южныхъ степяхъ:		
Кубанск. обл. 320 т. д. об. пола	Ставропольск. губ. болѣе 50 т. д. об. пола	въ остальныхъ нѣсколько десятковъ тыс. душъ об. пола	Всего не менѣе 400 т. д. об. пола
	Въ восточныхъ степяхъ:		
Уфимск. губ. болѣе 100 т. д. об. пола	Оренбургск. губ. отъ 150 до 180 т. д. об. пола	въ остальныхъ нѣсколько десятковъ тыс. душъ об. пола	Всего не менѣе 300 т. д. об. пола

Всего въ Европейской Россіи не менѣе *700* тысячъ душъ обоего пола.

Итого въ Европейскую и Азіатскую Россію переселилось за послѣдніе 32 года около 1.300,000 душъ обоего пола.

Такимъ образомъ, подсчитывая переселенцевъ по областямъ вселенія, мы получаемъ максимумъ того опредѣленія, къ которому пришли при счетѣ по періодамъ переселенія. Этотъ результатъ обусловливается, вѣроятно, тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ мѣстахъ вселенія попали въ счетъ не одни

я приведу здѣсь мои вычисленія для трехъ наиболѣе принявшихъ переселенцевъ районовъ вселенія: для Томской губерніи и южныхъ и восточныхъ степей Европейской Россіи:

1. *Томская губернія.* Вселеніе шло, главнымъ образомъ, въ Алтайскій горный округъ (земли Кабинета). Сюда было причислено переселенцевъ:

по 1 іюля 82 г.	съ 1 іюля 82 г. по 1 янв. 84 г.	съ 84 г. по 88 г. включительно	съ 89 г. по 92 г. включительно

26,687 д. об. п. + около 8,100 д. об. п. + 96,331 д. об. п. + отъ 46 до 50 т. д. об. п., итого по 93 годъ здѣсь было причислено отъ 176 до 180 тыс. душъ переселенцевъ; кромѣ того, къ 1 января 93 года считалось въ Алтайскомъ гори. окр. 69,816 душъ об. п. „не причисленныхъ“ переселенцевъ (такихъ, которые не выписаны изъ обществъ на родинѣ и не приписаны къ новымъ), а дѣйствительное число не причисленныхъ обыкновенно раза въ полтора превосходитъ оффиціальное; поэтому и нужно считать всѣхъ новоселовъ въ Алтайскомъ горн. окр. отъ 250 до 280 тыс. душъ. Въ остальной части Томской губ. поселилось не менѣе 50,000 душъ об. п. И такъ, всего въ Томскую губ. вселилось отъ 300 до 330 тыс. душъ. Цифра о не причисленныхъ взята мной изъ *Вѣдомостей о движеніи переселенія по Томской губ.* Томской перес. станціи за 1892 г.; три первыя цифры о перечисленныхъ я цитирую по сборнику *Алтай*, а четвертую вычисляю по третьей.

2. *Восточныя степи.* На основаніи данныхъ о вятскихъ переселенцахъ (см. книгу г. Романова) и общихъ данныхъ о вселеніи въ Уфимской губ. въ статьѣ г. А. Ч. (см. *Сѣверн. Вѣстн.* 1887 г., кн. V) я опредѣлилъ число переселенцевъ здѣсь до 80-хъ годовъ въ 50 слишкомъ тысячъ; за 80-е годы ихъ было тоже почти столько же (см. *Памятную книжку Уфимской губ.*). Итого въ Уфимск. губ. болѣе 100,000 душъ. Въ отчетѣ переселенческаго чиновника г. Сувчинскаго число переселенцевъ въ Оренбургск. губ. опредѣлено въ 150—180 тыс. душъ, а всего, стало быть, съ переселенцами другихъ восточныхъ степныхъ губерній (въ Самарской губ. ихъ считали десятками тысячъ) не менѣе 300,000 душъ.

3. *Южныя степи.* Въ Кубанской области по 1885 годъ считалось „иногородних“ (т.-е. въ громадномъ большинствѣ—переселенцевъ) болѣе 320,000 душъ (см. *Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ*, т. VIII, 1885 г. *Списки населенныхъ мѣстъ Кубанской области*. Въ Ставропольской губ. „иногородних“ поселилось до 50 тысячъ душъ (см. *Экономическій Журналъ* 1889 г., кн. IX). Съ другими мѣстностями нужно, такимъ образомъ, считать не менѣе 400 тысячъ переселенцевъ въ южныхъ степяхъ.

только вселившіеся, а вселившіеся съ ихъ естественнымъ приростомъ на новыхъ уже мѣстахъ. Впрочемъ, такъ какъ, въ виду этого, я всюду бралъ минимальныя опредѣленія, то цифру переселенія по районамъ вселенія я считаю довольно близкой къ дѣйствительности.

Я привелъ подробнѣе всѣ эти вычисленія, во-первыхъ, потому, что до сихъ поръ еще, насколько знаю, не было сдѣлано ни одной такой попытки общаго опредѣленія размѣровъ переселенія за послѣднее 30-тилѣтіе, и, во-вторыхъ, еще для того, чтобы читатель возможно яснѣе увидѣлъ, какую роль могло играть донынѣ бывшее переселеніе въ развившемся въ послѣднее 30-тилѣтіе процессѣ разрушенія крестьянскаго хозяйства. Читатель видитъ теперь съ полною очевидностью, что все тридцатилѣтнее переселеніе, давшее лишь отъ 1 милліона до 1.300,000 душъ переселенцевъ, не могло оказать замѣтнаго противодѣйствія этому процессу, результаты котораго—въ видѣ милліонныхъ итоговъ земельнаго дефицита и безхозяйности—стоятъ теперь передъ нами...

III.

Но отъ этого отнюдь не меньшій интересъ представляютъ для насъ результаты этого переселенія. Оно было слишкомъ недостаточнымъ, чтобы разрѣшить хотя часть задачи, стоявшей передъ нимъ, но оно было достаточно обширнымъ опытомъ для того, чтобы выяснить: можетъ ли оно въ будущемъ рѣшить эту задачу?

Къ сожалѣнію, здѣсь мы можемъ болѣе или менѣе обстоятельно разсмотрѣть только одну сторону переселенія, а именно его результаты для переселившихся, результаты вселенія. Результаты же выселенія (для остающихся) мы принуждены опредѣлить почти a priori, за полнымъ почти отсутствіемъ матеріала для болѣе глубокаго ихъ изслѣдованія. Изъ отдѣльныхъ изслѣдователей, кромѣ гг. Гурвича и Григорьева, никто не интересовался до сихъ поръ вопросомъ: какъ отозвалось выселеніе милліона слишкомъ крестьянъ на хозяйствѣ оставшихся? Нельзя не пожелать, чтобы въ различныхъ программахъ статистическаго изслѣдованія народнаго хозяйства было отведено мѣсто этому, казалось бы, не безъинтересному вопросу. Среди земско-статистическихъ изслѣдованій, насколько я могъ ими пользоваться, я не нашелъ сколько-нибудь точныхъ и подробныхъ данныхъ о томъ, какое дѣйствіе на хозяйства остающихся оказываютъ выселенія, къ кому переходитъ остающаяся отъ переселенцевъ земля, кто скупаетъ ихъ дешево сбываемый инвентарь, понижается ли, и насколько ощутительно, арендная плата за частныя земли и повышается ли соотвѣтственно батрацкій заработокъ?

A priori, впрочемъ, несомнѣнно, и нѣсколькими частными свѣдѣніями и сообщеніями, все-таки, подтверждается, что послѣ извѣстныхъ размѣровъ выселенія общія хозяйственныя условія для массы крестьянства измѣняются къ лучшему. Дешевая распродажа избъ, инвентаря, хозяйствен-

наго скарба, безъ сомнѣнія, можетъ принести пользу не однимъ только кулакамъ *). Тутъ выигрываетъ и вся вообще масса остающихся ровно настолько, насколько уходящіе при этомъ теряютъ. Переселеніе, затѣмъ, уменьшая число арендаторовъ и батраковъ, не можетъ не понизить арендной платы и не увеличить батрацкаго заработка. Конечно, такія послѣдствія бываютъ ощутительны только послѣ болѣе или менѣе значительныхъ выселеній: повидимому, выселеніе изъ волости 5—10% ея населенія уже замѣтнымъ образомъ оказываетъ сказанныя благопріятныя воздѣйствія на крестьянскія хозяйства **).

Но имѣетъ ли мѣсто главный возможный результатъ выселенія,—увеличиваетъ ли оно дѣйствительно крестьянское землевладѣніе въ мѣстахъ выселенія? Не попадаетъ ли земля уходящихъ по преимуществу кулакамъ или частновладѣльцамъ? На этотъ вопросъ даютъ довольно точный и категорическій отвѣтъ слѣдующія цифры: изъ 14,311 семей переселенцевъ, опрошенныхъ за 89, 90, 91 и 1892 гг. въ Томскѣ, 1,767 сем. или 12,3% вовсе на родинѣ земли не имѣли, а изъ остальныхъ 12,544 сем., имѣвшихъ землю, передали обществу—9,358 с., т.-е. *74,6%*, роднымъ—1,566 с., т.-е. *12,5%*, бросили—64 с., т.-е. *0,5%*, отдали въ аренду—407 с., т.-е. *3,2%*, продали—1,149 с., т.-е. *9,2%*.

Необходимо признать, что земля, оставленная обществу и роднымъ переселенцевъ, переходитъ вся цѣликомъ въ крестьянскія руки, а такой было *87,1%*. Тутъ необходимо сдѣлать одну оговорку. По закону 13 іюля

---

*) Вотъ таблица, показывающая, кому оставили свои дома переселенцы, опрошенные объ этомъ въ Томскѣ за 87, 88, 89, 90, 91 и 1892 гг. Изъ 18,153 семей спрошенныхъ за это время, 1,222 семьи, т.-е. 6,7%, вовсе не имѣли на родинѣ домовъ, а *изъ 16,931 сем., имѣвшихъ дома:*

продали ихъ:	сдали въ аренду:	сдали роднымъ:	бросили:
13,397 с., т.-е. *79,2%*,	515 с., т.-е. *3%*,	2,691 с., или *15,9%*,	321 с., т.-е. *1,9%*.

Какъ видимъ, почти 1/5 домовъ (у бросившихъ и оставившихъ роднымъ) поступили безвозмездно крестьянамъ; но болѣе 4/5 переселенческихъ домовъ, проданныхъ и сданныхъ въ аренду, поступили уже, вѣроятно, частью не крестьянамъ и, притомъ, не даромъ. Относительно остального инвентаря свѣдѣній не имѣется.

**) Вотъ, напримѣръ, нѣсколько отзывовъ объ этого рода послѣдствіяхъ выселенія: „Усиленное переселенческое движеніе, происходившее весною 1883 г. въ Фатежскомъ уѣздѣ (Курск. губ.), отразилось весьма замѣтно на многихъ сторонахъ крестьянской жизни: продажная стоимость и арендныя цѣны на нее замѣтно понизились“ (*Сборн. статист. свѣдѣній по Фат. уѣзду, Кур. губ.*, стр. 1). То же сообщается вообще о Курской губ. (см. *Русск. Вѣдом.* 1888 г.): „арендныя цѣны понизились въ такой мѣрѣ, что теперь, вмѣсто 25 р., за озимь даютъ 10—15 р. На это вліяетъ, между прочимъ, переселеніе: изъ одной волости, въ которой особенно [illegible] низились арендныя цѣны, ушло въ этомъ году до 9% наличнаго состава семей... Съ уходомъ ихъ, нѣкоторая,—правда, небольшая,—часть оставшихся перестала брать въ аренду землю, такъ какъ получила возможность пользоваться надѣльною землей переселенцевъ“. И вотъ что пишетъ г. Григорьевъ: „Въ мѣстахъ усиленнаго выселенія оно не остается безъ значенія для измѣненія арендныхъ цѣнъ на землю и заработной платы при земледѣльческомъ трудѣ крестьянъ“ (См. *Григорьевъ*: „Переселеніе крестьянъ Рязанской губ.“, стр. 139).

1889 г., земля при выселеніи изъ общинъ остается имъ безусловно, безъ вознагражденія выселяющихся, а такъ какъ законъ этотъ можетъ быть измѣненъ, то намъ интересно было бы знать, что происходитъ съ землей выселяющихся независимо отъ закона; на это намъ дастъ отвѣтъ сравненіе переселенцевъ 1889 г., еще не захваченныхъ упомянутымъ закономъ, съ переселенцами послѣдующихъ трехъ лѣтъ:

Изъ имѣвшихъ землю:	Оставили обществу:	Оставили роднымъ:	Бросили:	Отдали въ арен.:	Продали:
Въ 90, 91 и 1892 гг. (изъ 9.175 с.)	76,5%	10,2%	0,8%	3,7%	8,8%
„ 89 году (изъ 3,379 сем.)	69,3%	18,7%	0,2%	1,8%	10%

Какъ видимъ, дѣйствительно, до закона нѣкоторая часть, до 7% переселенцевъ, предпочитали и успѣвали не отдавать свою землю общинамъ, но она все равно не уходила изъ крестьянскихъ рукъ, оставаясь роднымъ переселенцевъ. Такъ что до закона 88% земли переселенцевъ, навѣрное, попадало крестьянамъ же, а послѣ закона—86,7%, отдавалось же въ аренду и продавалось, т.-е. неизвѣстно въ чьи руки попадало, до закона 11,8%, а послѣ закона—12,5%. И такъ, независимо отъ существующихъ законоположеній, почти $^9/_{10}$ переселенцевъ оставляютъ свою землю прямо и безспорно въ крестьянскія руки и лишь немного болѣе $^1/_{10}$ переселенцевъ неизвѣстно кому оставляютъ ее. Такъ какъ всѣхъ переселенцевъ изъ мѣстностей съ подворнымъ владѣніемъ — немногимъ больше $^1/_{10}$ всего ихъ числа, то приходится признать, что всѣ или почти всѣ случаи продажи (или отдачи въ аренду) надѣльной земли, могущей отдать ее въ не-крестьянскія руки, совершаются въ мѣстностяхъ съ подворнымъ владѣніемъ и что, стало быть, въ мѣстностяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ вся безъ исключенія земля выселяющихся крестьянъ достается остающимся и не выходитъ изъ крестьянскихъ рукъ. Нѣсколько другихъ цифръ, не приводимыхъ здѣсь за недостаткомъ мѣста, вполнѣ подтверждаютъ этотъ выводъ.

И такъ, насколько позволяютъ неполныя данныя, мы должны заключить, что и инвентарь, и дома уходящихъ переходятъ въ крестьянскія руки, что съ уходомъ ихъ улучшаются для крестьянъ условія аренды и заработка и что, наконецъ, самое главное, вся почти земля уходящихъ безспорно остается также въ крестьянскихъ рукахъ. Стало быть, должны мы заключить, переселеніе одною своею стороной, выселеніемъ, дѣйствительно осуществляло и можетъ осуществлять задачу расширенія крестьянскаго землевладѣнія и возстановленія разрушающагося крестьянскаго хозяйства.

Но это только отрицательная сторона задачи. Выполняетъ ли переселеніе и положительную ея сторону,—отвоевываетъ ли оно на мѣстахъ вселенія новыя территоріи крестьянскому землевладѣнію? Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, главнымъ образомъ, именно и опредѣляющій возможную въ будущемъ роль переселенія, обратимся къ прошлому вселенія.

На этотъ разъ на основаніи болѣе многочисленныхъ и точныхъ данныхъ мы постараемся отвѣтить на слѣдующіе вопросы: каковы были до

сихъ поръ результаты вселенія, какими причинами они обусловливались и, слѣдовательно, каковы они могутъ быть въ будущемъ?

Анализировавъ весь собранный мною по этому предмету довольно обширный матеріалъ, я пришелъ къ заключенію, что вселеніе по результатамъ его должно быть раздѣлено на два района (совпадающіе съ двумя періодами), въ которыхъ сказанные результаты были діаметрально противуположными: первый районъ составляетъ колонизаціонная окраина Европейской Россіи, т.-е. степи ея (куда исключительно шло переселеніе до 80-хъ годовъ), а вторымъ райономъ является вся Азіатская Россія (куда переселенцы двинулись съ 1881 года и куда они все сильнѣе стремятся и понынѣ).

Въ первомъ районѣ переселенцы, какъ общее правило, окончательно разорялись и переходили къ разнымъ формамъ зависимаго труда (арендаторству, батрачеству); во второмъ районѣ—новоселы, напротивъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ нѣсколько лѣтъ добивались полной хозяйственной самостоятельности. Общественно-экономическія условія діаметрально противуположны въ этихъ двухъ районахъ: въ Азіатской Россіи переселенцы сравнительно легко получали обширные надѣлы изъ сплошь почти казенныхъ и кабинетскихъ ея земель, а въ восточныхъ и южныхъ степяхъ Европейской Россіи для нихъ казенныхъ земель уже почти не имѣлось, за раздачей таковыхъ въ годы, предшествовавшіе переселенію, крупнымъ частнымъ землевладѣльцамъ. Къ послѣднимъ-то и еще къ башкирамъ и козакамъ и попадало поэтому большинство пришедшихъ сюда переселенцевъ въ качествѣ арендаторовъ и батраковъ.

Въ слѣдующихъ двухъ главахъ я изложу, въ возможно краткой формѣ, тѣ цифры и факты, которые привели меня къ только что резюмированному выводу.

IV.

Въ европейскомъ районѣ вселенія послѣднее произошло приблизительно такъ, какъ его теперь и въ Сибири предполагаютъ устроить *Московскія Вѣдомости*. Настаивая на послѣдовательномъ проведеніи дворянскаго принципа, «признаннаго нынѣ всѣми здравомыслящими людьми», «въ новое пока еще дѣло переселенія», эта консервативная газета приводитъ много аргументовъ въ пользу своихъ предложеній, не указывая главнаго: результатовъ громаднаго осуществленнаго уже опыта рекомендуемаго ею порядка,—опыта, имѣвшаго мѣсто въ Уфимской, Оренбургской губерніяхъ и въ южныхъ степяхъ.

Въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ было роздано частнымъ лицамъ (въ видѣ пожалованія или льготныхъ продажъ) до 500,000 дес., да башкирскихъ земель было расхищено (по опредѣленію г. Ремезова въ его *Очеркахъ дикой Башкиріи*) до 2 милліоновъ десятинъ; въ Ставропольской губ. было пожаловано частнымъ лицамъ казенной земли около

300,000 дес., а въ Кубанской области—до 800,000 дес., по черноморскому побережью было роздано (по 10 руб. за десятину съ разсрочкой на 10 лѣтъ) до 170,000 дес. и т. д. Неужели это не достаточный опытъ?

Образованіе дворянскихъ участковъ среди переселенцевъ *Моск. Вѣдомости* считаютъ «дѣйствительною мѣрой къ поднятію дворянства». Что повтореніе только что упомянутыхъ раздачъ казенной земли было бы очень прибыльно дворянамъ, ихъ получающимъ,—это безспорно; но надо замѣтить, что это сильное средство нисколько не помогло въ прошломъ «поднятію дворянства». *Московскія Вѣдомости* пекутся и о крестьянскихъ интересахъ: дворянскіе участки,—говорятъ они,—«явятся мѣстами, гдѣ мужикъ найдетъ и защиту, и указаніе, и заработокъ».

Посмотримъ, отъ чего защиту, о чемъ указаніе и какой заработокъ находятъ переселенцы на частновладѣльческихъ,—конечно, и дворянскихъ,—земляхъ, розданныхъ въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ по способу, нынѣ снова рекомендуемому *Московскими Вѣдомостями*.

Вотъ что читаемъ мы въ оффиціальномъ отчетѣ:

«Въ Оренбургской губ. изъ общаго числа оффиціально извѣстныхъ до 1886 г. переселенцевъ (109,485 душъ) только 9,1% устроились прочно въ поземельномъ отношеніи. Именно: 5,8% пріобрѣли земли на свои средства, 1,7%—при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка (ниже мы увидимъ, насколько «прочно» это пріобрѣтеніе) и 1,6% получили казенныя земли въ аренду на основаніи высочайшаго повелѣнія отъ 10 іюля 1881 г.; всѣ же затѣмъ остальные, составляющіе до 91%, собственной земли не имѣютъ; изъ нихъ: 53,2% проживаютъ на заарендованныхъ земляхъ отдѣльными хуторами, 1,7%—въ городахъ, 3,2%—на заторгованныхъ земляхъ и, наконецъ, 32,8%—въ селеніяхъ бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ или же въ козачьихъ поселкахъ и выселкахъ» *).

Г-нъ А. Ч. **) имѣлъ свѣдѣнія не болѣе какъ о половинѣ переселенцевъ Уфимской губ. и, притомъ, именно о состоятельной половинѣ: онъ говоритъ только объ образовавшихъ отдѣльныя селенія и, значитъ, опускаетъ почти всю совершенно безхозяйную часть переселенцевъ, ибо послѣдніе обыкновенно живутъ въ селеніяхъ старожиловъ, какъ, напримѣръ, 32,8% переселенцевъ въ Оренбургской губ.

И, все-таки, вотъ какія печальныя цифры приводитъ онъ:

«На земляхъ, купленныхъ въ собственность, проживаетъ 35,5% общаго числа всѣхъ переселенцевъ-домохозяевъ, на земляхъ арендованныхъ—46,3% и на земляхъ заторгованныхъ и выкупаемыхъ переселенцами по ... овіямъ, имѣющимъ характеръ запродажныхъ записей,—16,1%. Остальные 2,1% имѣютъ казенный надѣлъ или живутъ по пріемнымъ приговорамъ.

*) Отчетъ переселенческаго чиновника г. Сувчинскаго.

**) *Сѣверный Вѣстникъ* 1887 г., кн. V: *Переселеніе и переселенцы въ Уфимской губ.*

рамъ на земляхъ мѣстныхъ сельскихъ обществъ. Такимъ образомъ, и здѣсь только 37,6% (35,5%+2,1%) мало-мальски прочно обезпечены землею, остальные же 62,4% не обезпечены. Повторяю, если бы счесть всѣхъ переселенцевъ Уфимской губ., то % обезпеченныхъ получился бы не менѣе, чѣмъ вдвое ниже, ибо въ нашемъ счетѣ собственно совершенно не сосчитаны всѣ безхозяйные.

Но и изъ тѣхъ переселенцевъ Уфимской и Оренбургской губерній, которыхъ мы сочли «обезпеченными», большинство поставлено въ такія тяжелыя условія, что, по всей вѣроятности, не продержатся долго и на этой ступени хозяйственной самостоятельности. Это нужно сказать какъ о купившихъ землю на собственныя деньги, такъ, особенно, о воспользовавшихся помощью крестьянскаго банка.

Г. Абрамовъ, наприм., подробно анализировавъ характеръ этой помощи, приходитъ къ выводу, что «положеніе крестьянъ, пріобрѣвшихъ землю съ помощью крестьянскаго банка, въ общемъ ничуть не лучше, а въ нѣкоторыхъ частностяхъ даже хуже положенія переселенцевъ, оставляемыхъ безъ всякой помощи и идущихъ искать новыхъ мѣстъ на свой собственный рискъ и страхъ».

Статья г. Абрамова писана въ 1887 г., а послѣ нея еще чуть не въ десяткахъ обстоятельныхъ статей разныхъ авторовъ, главнымъ образомъ, въ отчетахъ самого банка было безспорно доказано, что, во-первыхъ, если банкъ и помогъ кому-либо, то только немногимъ зажиточнымъ крестьянамъ, и что, во-вторыхъ, значительную часть бѣдныхъ заемщиковъ онъ уже разорилъ, продавъ съ аукціона ихъ имѣнія, или же обрекъ на разореніе въ ближайшемъ будущемъ.

Надо еще теперь замѣтить, что переселенцы вынуждены, вслѣдствіе «раздачъ» и «покупокъ», въ большинствѣ случаевъ, селиться на земляхъ не башкиръ, что для нихъ бываетъ значительно вѣрнѣе и выгоднѣе, но на земляхъ частныхъ владѣльцевъ *). Послѣдствіемъ этого является, во-

*) „Вообще благосостояніе переселенцевъ на земляхъ башкирскихъ значительно выше, чѣмъ у водворившихся у частныхъ владѣльцевъ. Такъ, въ Мензелинскомъ уѣздѣ, гдѣ всѣ заселки на земляхъ частныхъ лицъ, земленользованіе ихъ=8,6 десятины на ревизскую душу, а въ Стерлитамакскомъ и особенно въ Златоустовскомъ уѣздахъ, гдѣ, напротивъ, переселенцы занимаютъ преимущественно башкирскія земли, приходится на ревизскую душу уже 15,1 десятины земли.

„Но, предоставляя арендаторамъ всевозможныя льготы въ пользованіи землею, башкиры не забываютъ и себя, и въ этомъ сказывается типическая сторона ихъ хозяйственнаго быта. Свои сюзеренныя права на землю они при каждомъ удобномъ случаѣ выставляютъ на видъ переселенцамъ и дешевизну аренды восполняютъ данью въ натурѣ. Безвозмездный видъ сбора этой дани, выражающійся въ періодическомъ требованіи угощеній со стороны арендаторовъ, составляетъ обычное явленіе среди башкиръ. Каждый вотчинникъ считаетъ своею обязанностью въ теченіе извѣстнаго времени побывать у новоселовъ и погостить у нихъ двое или трое сутокъ, навѣщая поочередно извѣстные дома. Доброе согласіе между контрагентами устанавливается лишь мѣрою этого угощенія. Отказъ въ угощеніи или нерадушный пріемъ со стороны арендаторовъ вызываетъ всегда неудовольствіе среди башкиръ, доходящихъ

первыхъ, невѣрность владѣнія и, во-вторыхъ, крайняя невыгодность условій какъ покупки, такъ и аренды.

Такъ, изъ числа «прочно» обезпеченныхъ землею переселенцевъ надо исключить тѣхъ, которые купили ее, но по актамъ, не имѣющимъ безспорной судебной силы; между тѣмъ, напримѣръ, изъ числа 296 поселковъ въ Уфимской губ., о которыхъ говоритъ г. А. Ч., въ цѣлой половинѣ эти акты вовсе не имѣли значенія не только безспорной, но и какой бы то ни было силы. Стало быть, половина купившихъ землю переселенцевъ владѣла ею не по формальному праву, а полагаясь на совѣсть владѣльцевъ, расхитившихъ казенныя и башкирскія земли. Въ Оренбургской губ. на такихъ, не имѣющихъ силы, документахъ основано владѣніе или пользованіе землей въ $^3/_4$ всѣхъ случаевъ, когда только переселенцу удавалось заполучить землю хотя на такихъ условіяхъ. Кромѣ того, если даже актъ заключенъ вполнѣ законно, все-таки, крестьяне могутъ часто лишиться своей земли по той простой причинѣ, что купили они ее у лица, незаконно ею владѣвшаго: въ Уфимской губерніи уже возбуждено 23 дѣла объ уничтоженіи купчихъ крѣпостей, очевидно, у слишкомъ уже безцеремонныхъ и зарвавшихся хищниковъ. И, въ концѣ-концовъ, на такихъ-то отчаянныхъ условіяхъ переселенцу по большей части удается завладѣть только самымъ ничтожнымъ количествомъ земли: по даннымъ г. Ремезова (*Переселенческая эпопея*, стр. 40), изъ владѣющихъ купленною землей 25% владѣли отъ одной до пяти десятинъ на дворъ, т.-е. принадлежали къ разряду крайнихъ бѣдняковъ, 45% имѣли отъ 5 до 20 десятинъ, т.-е. не достигли еще средняго достатка, отъ 20 до 50 десятинъ, т.-е. средняго достатка, было 21% хозяевъ и только 9%—зажиточныхъ, имѣвшихъ болѣе 50 десятинъ земли на хозяйство. Итого бѣдныхъ оказывается 70% изъ всего числа купившихъ землю.

А вотъ каковы отношенія между переселенцами и частнымъ владѣльцемъ, установившіяся въ силу разныхъ арендныхъ контрактовъ, условій и запродажи: «Обыкновенно условія говорятъ только о правахъ съ одной стороны и объ обязательствахъ съ другой, обставленныхъ, притомъ, всевозможными штрафами, неустойками и платежами въ пользу владѣльца. Неуплата денегъ къ сроку, плохая расчистка выговореннаго, по условію, участка земли владѣльцу, сдача своей доли другому лицу безъ вѣдома вла-

---

угрозъ нарушеніемъ контракта, выдвореніемъ съ участка или прямо уводомъ лошадей. Оторванные отъ остального русскаго населенія, новоселы стараются, естественно, не доводить свои отношенія до открытой вражды и временами, чтобы сгладить возникшія недоразумѣнія, устраиваютъ имъ общественныя пиршества, на которые созывается вся вотчинная деревня. Угощенія въ видѣ заколотаго быка, лошади, нѣсколькихъ фунтовъ чаю и т. п. примиряютъ интересы сторонъ, и до поры до времени *вотчинники* оставляютъ въ покоѣ переселенцевъ. Такая повинность, выплачиваемая натурою, обходится переселенцамъ, по отзывамъ ихъ, нисколько не ниже стоимости договоренной платы за землю, а при случаѣ превышаетъ ее въ два и въ три раза" (*А. Ч.*: „Переселенія и переселенцы въ Уфимской губ.". *Сѣверный Вѣстникъ* 1887 г., кн. V).

дѣльца, рытье колодцевъ, канавъ, замочка мочала въ проточныхъ водахъ, *грубое обхожденіе съ владѣльцемъ и несоблюденіе интересовъ его,* замѣченныя въ средѣ арендаторовъ *наклонность къ нетрезвой жизни и небреженіе къ хозяйству* и т. п. влекутъ за собой если не удаленіе съ участка *съ конфискаціей имущества,* то двойные, тройные штрафы, въ обезпеченіе которыхъ и вообще всѣхъ платежей владѣльцу служатъ посѣвы хлѣбовъ, движимый хозяйственный инвентарь и всѣ возведенныя на участкѣ постройки» (*А. Ч.:* «Переселеніе и переселенцы въ Уфимской губерніи». *Съв. Вѣстн.* 1887 г., кн. V).

Таковы «защита, указаніе и заработокъ», коими частные владѣльцы помогаютъ дѣйствительно беззащитнымъ, безпомощнымъ и голоднымъ переселенцамъ, судьба коихъ зависитъ тутъ, такимъ образомъ, отъ того, что понимаетъ владѣлецъ подъ «несоблюденіемъ его интересовъ», «наклонностью къ пьянству» или «грубымъ поведеніемъ». По словамъ г. Ремезова, землевладѣльцы и сами, не стѣсняясь, говорятъ о сидящихъ на ихъ землѣ переселенцахъ: «они у насъ въ рукахъ, что хотимъ, то и сдѣлаемъ съ ними: захотимъ—покараемъ, захотимъ—помилуемъ». Какъ вѣрно намекаетъ и г. Ремезовъ, здѣсь отношенія между землевладѣльцами и переселенцами совершенно тѣ же, что были въ томъ фазисѣ развитія крѣпостного права, когда существовалъ еще «Юрьевъ день».

Такимъ образомъ, если мы нашли, что положеніе даже имѣющихъ собственную землю переселенцевъ, въ сущности, развѣ въ насмѣшку можетъ быть названо «прочнымъ», что арендующіе «отдѣльными хуторами землю» переселенцы находятся въ совершенно уже шаткихъ, стѣсненныхъ и кабальныхъ условіяхъ, то что же сказать о тѣхъ, которые по большей части вовсе не имѣютъ ни собственной, ни арендованной земли и «проживаютъ въ селеніяхъ старожиловъ»?

Такихъ цѣлая треть переселенцевъ (въ Оренбургской губ. 32,8%), а условія ихъ существованія уже совсѣмъ почти нищенскія. «Значительное число переселенцевъ, поселившихся среди коренного населенія Оренбургской губ., объясняется бѣдностью переселенцевъ, не обладающихъ достаточными средствами для того, чтобъ обзавестись самостоятельнымъ хозяйствомъ, и вынужденныхъ проживать среди болѣе богатаго населенія въ надеждѣ на заработки. Изъ числа означенныхъ переселенцевъ (7,740 семей или 35,792 д.) проживаютъ въ работникахъ 34,1%, занимаются хлѣбопашествомъ (?)—36,1%, занимаются ремеслами—21,3% и занимаются торговлей—8%. Такъ какъ трудъ деревенскихъ ремесленниковъ, вслѣдствіе примитивныхъ требованій отъ нихъ, оплачивается такъ же плохо, какъ и трудъ чернорабочихъ, то оказывается, что свыше 55% указанныхъ выше переселенцевъ не имѣютъ самостоятельныхъ средствъ къ жизни и находятся въ самыхъ плохихъ экономическихъ условіяхъ. Отсутствіе достатка подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что большинство не имѣетъ собственныхъ домовъ, а именно 50,3%» (отчетъ г. Сувчинскаго).

«Положеніе такихъ переселенцевъ или, по мѣстному выраженію, «стр-

ныхъ людей» (а ихъ насчитываютъ въ Уфимской губ. въ многолюдныхъ селахъ по 50—70 семей на селеніе) не представляетъ ничего утѣшительнаго. Они составляютъ какой-то отбросокъ въ пріютившемъ ихъ обществѣ и лишены всякихъ гражданскихъ и юридическихъ правъ. Имъ не дозволяется ставить отдѣльнаго дома на землѣ общества, не дозволяется приписаться къ нему и снимать общественную землю. Экономическая маломочность ихъ такова, что они не въ состояніи даже арендовать дешевыя башкирскія земли и принуждены во время страды наниматься въ чужія работы съ поденною въ 30—40 коп. платою на хозяйскихъ харчахъ (задѣльная плата отъ 1 р. 50 к. до 4 р. съ каждыхъ сжатыхъ 40 кв. саж.) или уходятъ въ батраки. Въ послѣднемъ случаѣ работникъ живетъ отдѣльно отъ семьи и на полученную годовую плату, 50—100 р., содержитъ семью, снимая для нея гдѣ-нибудь на окраинѣ села квартиру въ видѣ простой «скотской заднюшки» (*А. Ч.*: «Переселеніе и переселенцы въ Уфимской губ.»).

Такъ печально, такъ необезпеченно и бѣдственно положеніе переселенцевъ восточной степи, преимущественно въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ. Каково же устраиваются переселенцы въ южной степи? Если только не хуже, то, во всякомъ случаѣ, и не лучше. Выше мы уже говорили о недостаточности и неудовлетворительности помощи переселенцамъ со стороны крестьянскаго банка. Все, что сказано было тогда, главнымъ образомъ, и приложимо именно къ южной степи; здѣсь банкъ дѣйствуетъ дольше и интензивнѣе.

Но, повторяю, съ крестьянскимъ банкомъ имѣетъ дѣло только самое меньшинство переселенцевъ и, притомъ, болѣе зажиточныхъ. А большинство? Вотъ отвѣтъ: «Въ настоящее время въ одной Кубанской области насчитывается до 300 тысячъ переселенцевъ. Изъ нихъ только наиболѣе зажиточные, т.-е. очень немногіе, могли пріобрѣсти земли въ собственность. Большинство же или осѣли на землѣ арендаторами, или поступили въ батраки къ козакамъ. Первоначально, при дешевизнѣ арендныхъ цѣнъ въ краѣ, положеніе переселенцевъ было сносно, но теперь, когда самый наплывъ переселенцевъ поднялъ цѣны очень высоко, *они влачатъ самое жалкое существованіе*» (*Спв. Вѣстн.* 1888 г., I отдѣлъ: «Изъ провинціальной печати». *Южный Край*, № 2386).

«Крайне неприглядно и положеніе переселенцевъ на сѣверномъ Кавказѣ и на сѣверо-восточномъ побережьи Чернаго моря. Крайняя нужда и притѣсненія старожиловъ—вотъ что ожидаетъ здѣсь переселенцевъ» (*Терскія Вѣд.* 1886 г., №№ 87, 96, 98).

Вполнѣ точныя цифровыя данныя подтверждаютъ и дорисовываютъ эти печальныя общія описанія.

Уже изъ голыхъ оффиціальныхъ цифръ о числѣ «иногородныхъ» (которые почти всѣ переселенцы), имѣющихъ и не имѣющихъ осѣдлость, мы можемъ заключить о результатахъ вселенія въ Кубанской области, гдѣ поселилось большинство переселенцевъ южной степи. Очевидно, что не имѣющіе осѣдлости переселенцы уже, конечно, не имѣютъ и хозяйственной са-

мостоятельности, судя же по примѣру Оренбургской губерніи, гдѣ даже половина совершенныхъ бѣдняковъ все же имѣла дома, и принимая, что почти всѣ арендаторы должны, очевидно, считаться имѣющими осѣдлость, мы должны заключить, что не имѣющіе осѣдлости въ Кубанской области—уже не арендаторы, а батраки. Между тѣмъ, изъ 321,342 человѣка «иногородныхъ» (считавшихся въ 1885 году въ Кубанской области) 120,543 человѣка или 37,5% было не имѣвшихъ осѣдлости.

Но вотъ другія, болѣе точныя и подробныя данныя, доставленныя нѣкоторыми земско-статистическими изслѣдованіями объ отдѣльныхъ мѣстахъ выселенія. Изъ 5,492 семей переселенцевъ Курской губ., поселившихся въ предъ-кавказскихъ губерніяхъ и о которыхъ есть свѣдѣнія, какъ онѣ устроились (всего въ предъ-кавказскія губерніи пошло изъ Курской губерніи съ 1825 до 1885 гг. 6,815 семей) основались:

На *купленныхъ* земляхъ—652 семьи или *11,8%*.

На *арендованныхъ* земляхъ—4,220 семей или *76,9%*.

Въ городахъ, на станціяхъ, *на заработкахъ*—620 семей или *11,3%*.

Итого больше 88% не добились хозяйственной самостоятельности. 2,652 семьи переселенцевъ Курской губ., поселившихся въ Тавріи и на Дону, устроились:

13%—на купленныхъ и душевыхъ земляхъ;

2,1%—на арендованныхъ;

72,3%—въ городахъ и на заработкахъ (о 4,3% нѣтъ свѣдѣній). (*Итоги земско-статистическихъ изслѣдованій по Курской губ.*).

Итого и здѣсь опять не менѣе ¾ переселенцевъ не достигли хозяйственной самостоятельности и въ огромномъ большинствѣ уже стали чистыми батраками.

А вотъ и еще болѣе подробныя и разработанныя данныя, представленныя г. Щербиной (въ *Сборникѣ статистич. свѣдѣній объ Острогожскомъ уѣздѣ, Воронежской губ.*, томъ II, вып. II, глава III). Изъ переселенцевъ Острогожскаго уѣзда въ южныя степи идутъ по большей части «не перечисленные», составляющіе 61% всѣхъ переселенцевъ этого уѣзда (съ 1861 по 85 гг. отсюда переселилось 9,378 семей) и являющіеся менѣе состоятельными, нежели перечисленные; изъ всего числа перечисленныхъ переселенцевъ Острогожскаго уѣзда 80% переселилось въ южныя степи и потому хозяйственныя условія ихъ поселенія могутъ быть приняты какъ общія условія переселенцевъ въ южной степи. Сказанные острогожскіе переселенцы дѣлятся на разныя категоріи. Первая группа, пребывающіе въ неизвѣстной отлучкѣ, составляющая 10,5%, представляетъ несомнѣнно почти совершенно бродяжескій элементъ; ихъ односельцы не могли дать статистикамъ никакихъ опредѣленныхъ указаній ни объ ихъ мѣстопребываніи, ни о родѣ занятій и часто такъ и называли ихъ «бродягами», «бурлаками». «Паспортовъ они не беруть, податей большею частью не платятъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда полиція препровождаетъ ихъ на родину по этапу, какъ безпаспортныхъ, они оставляютъ село при первой возможности, и

очень часто «утекомъ», по выраженію крестьянъ». Опредѣленнаго мѣстопребыванія они по большей части не имѣютъ. «Однимъ словомъ, это—своего рода южно-русская вольница, нотящаяся на шахтахъ, на рыболовныхъ заводахъ, въ притонахъ Ростова и проч., вольница бездомовая, часто безсемейная и почти всегда ничего не имущая».

Переходимъ теперь къ просто-перечисленнымъ «отсутствующимъ», о которыхъ есть опредѣленныя свѣдѣнія. «Эта группа отсутствующихъ домохозяевъ въ свою очередь рѣзко распадается на двѣ неравныя подгруппы: 1) на переселенцевъ, живущихъ на сторонѣ личнымъ трудомъ въ качествѣ батраковъ, чернорабочихъ, поденщиковъ и проч., и 2) на переселенцевъ, ведущихъ собственное хозяйство. Въ составъ первой подгруппы входятъ 3,056 хозяевъ или 59,8% изъ общаго числа 5,109 отсутствующихъ внѣ уѣзда хозяевъ. Въ составъ второй — 1,515 хозяевъ или 21,7% изъ того же общаго числа».

«Очень характерное явленіе для всѣхъ вообще не перечисленныхъ переселенцевъ представляетъ собственно первая подгруппа ихъ. Вся она состоитъ почти изъ сплошной рабочей массы. У крестьянъ эта подгруппа переселенцевъ извѣстна подъ именемъ «дончаковъ», т.-е. лицъ, забросившихъ хозяйства на родинѣ и ушедшихъ на Донщину въ качествѣ рабочепромысловой силы, не находящей удовлетворительнаго исхода на родинѣ. Слѣдовательно, отъ переселенцевъ, находящихся въ неизвѣстной отлучкѣ, «дончаки» отличаются, главнымъ образомъ, тѣмъ, что ведутъ болѣе осѣдлую и опредѣленную жизнь».

Послѣдняя подгруппа не перечисленныхъ переселенцевъ, «ведущихъ самостоятельное хозяйство» (по Щербинѣ), раздѣляется на 3 части: не имѣвшихъ и имѣющихъ скотъ (крупный), коихъ оказывается 396 или 7,7% (изъ 5,109 семей отсутствующихъ), на не имѣвшихъ и теперь имѣющихъ скотъ,—такихъ 85 семей или 1,7%, и, наконецъ, на прежде имѣвшихъ скотъ, а теперь неизвѣстно,—послѣднихъ 1,034 семействъ или 20,3%. Относительно послѣднихъ г. Щербина справедливо полагаетъ, что болѣе вѣроятія для нихъ представляетъ болѣе печальный результатъ переселенія, т.-е. ухудшеніе экономическаго состоянія. Напротивъ, переселенцевъ, только что намѣченныхъ, перваго и второго разряда нужно считать нѣсколько поправившимися на новыхъ мѣстахъ. Но ихъ всего только 9,4% изъ всего числа перечисленныхъ переселенцевъ Острогожскаго уѣзда. Изъ этихъ *поправившихся только до 5% имѣютъ собственную купчую землю, всѣ же остальные ведутъ хозяйство на землѣ арендованной.* Такимъ образомъ, изъ переселенцевъ Острогожскаго уѣзда въ южной степи болѣе 70% совершенныхъ батраковъ, а изъ остальныхъ только 5% успѣваютъ прочно завладѣть главнымъ признакомъ полной хозяйственной самостоятельности землей.

Читатель видитъ теперь, что я былъ правъ, говоря, что судьба переселенца въ южной степи скорѣе еще печальнѣе, а, во всякомъ случаѣ, не лучше, нежели и въ восточной степи.

И потому, подводя теперь итогъ результатамъ вселенія въ восточныхъ и южныхъ степяхъ Европейской Россіи, я не нахожу болѣе подходящаго резюме, нежели слѣдующія слова Глѣба Успенскаго: въ «разбитомъ корытѣ»,— говоритъ онъ,— заключается этотъ итогъ. Разбитымъ корытомъ съ незапамятныхъ временъ и начинается, и оканчивается всякая русская волшебная сказка; начинаясь въ тоскѣ и страданіи, продолжаясь мечтаніями о свѣтломъ правильномъ житьѣ, она, послѣ цѣлаго ряда безчисленныхъ мученій, перенесенныхъ искателемъ приволья, приводитъ его опять-таки къ горю и страданію, и передъ нимъ опять разбитое корыто» (*Гл. Успенскій*, т. III: *Отъ Оренбурга до Уфы*). Читатель видитъ, что въ этихъ горькихъ словахъ нѣтъ ни капли преувеличенія; вполнѣ точныя цифры показали намъ выше, что именно къ «разбитому корыту», къ потерѣ хозяйственной самостоятельности, пришло громадное большинство, гораздо болѣе $^3/_4$ переселенцевъ въ южныхъ и восточныхъ степяхъ Европейской Россіи. Причины такого печальнаго результата намъ станутъ уже безспорно ясны, когда мы сравнимъ его съ блестящимъ результатомъ вселенія въ Сибири, къ которому мы и перейдемъ

К. Кочуровскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Зависимость общественнаго прогресса отъ чувствованій.

(*Тардъ:* «La logique sociale des sentiments»).

I.

Въ моей послѣдней статьѣ я показалъ на разборѣ двухъ противуположныхъ направленій одной и той же эволюціонной этики, что вопросъ о самостоятельности человѣческаго прогресса и творчества не можетъ быть рѣшенъ на почвѣ чистой біологіи. Безъ введенія данныхъ психологіи, мы всегда уткнемся въ стѣну, на которой крупными буквами красуется дальнѣйшій вопросъ: «какимъ образомъ возникаютъ въ людяхъ тѣ идеи и чувствованія, которыя затѣмъ являются намъ видимыми двигателями прогресса?» Не кажутся ли они, вслѣдствіе нашей иллюзіи, источниками самостоятельнаго (автономнаго) творчества человѣка? Не правъ ли Лесли Стефенъ, утверждая, что мы—простыя игрушки космическаго процесса и считаемъ *своими* цѣлями лишь *результаты* этого процесса, намѣченные не нами, а только впередъ угаданные нами благодаря нашему сознанію? Это утвержденіе подобно давнишнему утвержденію метафизиковъ, объявлявшихъ, что если бы падающій камень или ручей, бѣгущій съ горы, могли *сознавать* себя, они были бы увѣрены, что падаютъ внизъ *по своей* волѣ, т.-е. что это — ихъ добровольная цѣль.

Замѣчу здѣсь кстати, что эти метафизики (и въ числѣ ихъ Шопенгауеръ), должно быть, никогда не падали, иначе они отлично знали бы по собственному опыту, что ихъ утвержденіе — вздорная болтовня: человѣкъ не только въ случаяхъ невольнаго *физическаго* паденія отлично знаетъ, что падаетъ вопреки своей волѣ, но онъ сознаетъ это и тогда, когда падаетъ морально или умственно, если, конечно, у него за душой есть хотя какой-нибудь идеалъ, руководящая идея, принципъ, поставленная заранѣе цѣль и т. п.,— однимъ словомъ, критеріумъ, съ которымъ онъ можетъ сравнить дѣйствительность и оцѣнить ее.

Такихъ остроумныхъ афоризмовъ пущено въ обращеніе не мало: поражая поверхностный умъ своимъ кажущимся блескомъ, они легко воспринимаютъ-

ся, запоминаются и затѣмъ совершенно ослѣпляютъ насъ относительно самыхъ простыхъ и ясныхъ фактовъ нашего же собственнаго внутренняго опыта. Но, конечно, бороться съ ними *только* на *этой* почвѣ невозможно: всякій внутренній опытъ можно свести на иллюзію и, такимъ образомъ, начнется сказка про бѣлаго бычка. Стало быть, безъ психологіи, а именно безъ изслѣдованія происхожденія нашихъ идей и чувствованій, мы обойтись не можемъ.

Вотъ почему я считаю особенно цѣнными двѣ работы, появившіяся въ печати по этому поводу: одна изъ нихъ — *Psychologie des idées-forces* А. Фуллье — говоритъ намъ, какъ показываетъ и заглавіе, о значеніи *идейнаго процесса* въ явленіяхъ жизни, другая — *La logique sociale des sentiments* Тарда—говоритъ о значеніи *процесса развитія чувствованій* въ общественномъ прогрессѣ.

Обѣ работы какъ бы дополняютъ одна другую. Благодаря имъ, мы въ состояніи будемъ придти къ нѣкоторому примиренію, объединенію области мысли и области чувствованій въ прогрессѣ. А это весьма важно: обыкновенно говорятъ, что наша мысль — рабыня чувствованій, а чувствованія слагаются въ насъ такъ безсознательно, такъ непроизвольно, что контроль надъ ними невозможенъ или почти невозможенъ. Тардъ даетъ намъ блестящую попытку указать, что и въ чувствованіяхъ есть опредѣленная логика, и, притомъ, руководимая *чисто-человѣческимъ* стремленіемъ или цѣлью, корни которыхъ кроются не въ чемъ иномъ, какъ въ *симпатіи людей другъ къ другу,* въ любви, являющейся подъ весьма различными формами.

Такъ какъ онъ не касается вопроса о происхожденіи чувствованій вообще и симпатіи въ частности (послѣднюю онъ считаетъ, повидимому, основнымъ и врожденнымъ свойствомъ человѣка), то его теорія въ этомъ направленіи должна быть дополнена. Работа Фуллье отчасти можетъ быть намъ полезна для такого дополненія, такъ какъ въ ней болѣе всего разработано именно происхожденіе и развитіе *волевого* элемента въ *идеяхъ,* т.-е. элемента двигающаго, толкающаго насъ на *дѣйствія*. Этотъ элементъ и въ чувствованіяхъ, и въ идеяхъ — одинъ и тотъ же, потому что въ идеяхъ (по Фуллье) онъ зависитъ *отъ чувствованій же,* которыя постоянно и неизбѣжно сопровождаютъ каждое ощущеніе. Чувствованія эти (пріятныя или непріятныя) сами въ себѣ имѣютъ зародыши *воли* или стремленій: такъ, всякое непріятное ощущеніе вызываетъ само собою стремленіе удалить его или предметъ, вызвавшій его. Наоборотъ, пріятное чувствованіе, сопровождая ощущеніе, вызываетъ стремленіе сохранить его, удержать или повторить. При соединеніи ощущеній въ идеи, эта двигательная сила (сила *реакціи*) остается въ идеяхъ, и вотъ почему идеи обладаютъ также двигательною силой, вотъ почему онѣ — «идеи-силы».

Много лѣтъ тому назадъ я развилъ совершенно подобную теорію относительно чувствованій въ моей работѣ *Развитіе чувствованій*. Въ своемъ мѣстѣ я позволю себѣ дополнить теорію Тарда и Фуллье тѣми результа-

тами, къ которымъ пришелъ я самъ. Внѣ этихъ результатовъ теорія Тарда останется безъ настоящей почвы. Фуллье только отчасти помогаетъ намѣтить эту почву, но его вниманіе сосредоточено на *идеяхъ*. Между тѣмъ, для нашей цѣли важно узнать: какъ и почему зарождаются, складываются и развиваются сами чувствованія. На это-то и отвѣчаетъ, надѣюсь, моя работа. Тардъ же указываетъ только дальнѣйшій процессъ,— процессъ логики или діалектики *уже сложившихся* и готовыхъ чувствованій.

Въ каждой работѣ важно, прежде всего, установить интересъ задачи, ея значеніе. Такъ какъ работа Тарда всего нагляднѣе объяснитъ намъ значеніе чувствованій въ *прогрессѣ*, то съ нея я и начну, дополнивъ ее затѣмъ теоріей Фуллье и закончивъ моею собственною работой, спускающеюся къ самымъ корнямъ вопроса,—къ *элементамъ* или *генезису* чувствованій и, слѣдовательно, *двигательной силы* идей.

Таковъ мой планъ. Его хватитъ на двѣ статьи. Въ этой статьѣ я займусь пока только теоріей Тарда, имѣющей интересъ и значеніе и помимо моей основной цѣли. Если я упомянулъ объ этой общей цѣли впередъ, то для того, конечно, чтобы читатель имѣлъ въ виду и этотъ общій мой планъ, соединяющій отдѣльныя и самостоятельныя статьи въ одно идейное цѣлое, хотя каждая статья имѣетъ свой *самостоятельный* интересъ.

II.

По теоріи Тарда, каждый прочный общественный строй держится не одними только взаимными интересами или общими идеями, но еще и *системами или аккордами различныхъ чувствованій*. Въ этомъ отношеніи общество (или общественное сердце) напоминаетъ музыкальный инструментъ: черезъ извѣстные промежутки времени инструментъ разстроивается и тогда нуженъ «настройщикъ» (реформаторъ, проповѣдникъ).

Впрочемъ, въ теченіе всей статьи Тардъ нигдѣ не указалъ далѣе необходимости такихъ настройщиковъ. Эволюція общества идетъ у него постепенною смѣной однихъ гармоній или аккордовъ другими аккордами, или, говоря иначе, однѣхъ системъ чувствованій другими. При этомъ новыя системы представляютъ все больше и больше устойчивости, благодаря тому, что *пропорція чувствъ симпатіи перевѣшиваетъ все больше и больше пропорцію антипатій*.

Такимъ образомъ, передъ нами, дѣйствительно, развертывается извѣстная логика, цѣль которой ясна: *замѣнить менѣе стойкія системы чувствованій болѣе прочными* и достигнуть этого посредствомъ *преобладанія въ обществѣ дружественныхъ чувствъ надъ враждебными*.

Ниже я изложу подробнѣе эту теорію, и читатель убѣдится, что ея *фактическая* сторона чрезвычайно близка къ дѣйствительности. Вначалѣ же отвѣчу на самый интересный вопросъ: *какой основной стимулъ или мотивъ направляетъ эту логику чувствованій къ опредѣленной цѣли или результату*, указываемому Тардомъ?

Въ различныхъ мѣстахъ его новой работы мы находимъ весьма вѣскія указанія на то, что этотъ основной мотивъ или стимулъ лежитъ въ особомъ чувствованіи *симпатіи, альтрюизма, врожденныхъ человѣчеству*, помимо всякихъ разсчетовъ выгоды или интереса. Въ теченіе всей статьи онъ горячо полемизируетъ съ тѣми соціологами-эволюціонистами, которые выводятъ общественный прогрессъ (наприм., уменьшеніе числа войнъ и т. п.) изъ *однихъ утилитарныхъ разсужденій*. Тардъ не отрицаетъ этого элемента, но онъ видитъ рядомъ съ нимъ самостоятельный процессъ развитія, вытекающій прямо изъ потребностей *чувства*. Даже болѣе: этотъ второй процессъ преобладаетъ надъ первымъ и управляетъ имъ. И вотъ какимъ образомъ это совершается: что̀ такое разсчетъ пользы или выгоды,— спрашиваетъ Тардъ,— какъ не стремленіе получить больше наслажденія (пріятныхъ чувствованій) и меньше страданія (т.-е. непріятныхъ чувствованій)? Но забываютъ, что наслажденія бываютъ различны по степенямъ своей силы или внутренней цѣнности. Отъ этого-то и не понимаютъ общественнаго прогресса. Полагаютъ, что его цѣль — доставить вообще лишь наибольшую *сумму* наслажденій. Это вѣрно отчасти; но такъ какъ среди наслажденій и страданій есть разныя степени силы или цѣнности, то очевидно, что наиболѣе могучія изъ нихъ должны и вліять сильнѣе на нашу волю, т.-е. на процессъ развитія.

Но самое сильное наслажденіе для человѣка — сознавать себя любимымъ, и самое величайшее страданіе — сознавать себя ненавидимымъ.

И вотъ въ чемъ, — въ этомъ-то основномъ мотивѣ людей, — кроется и основной мотивъ или стимулъ той соціальной *логики чувствованій*, которую я указалъ выше: этотъ мотивъ самъ собою (т.-е. *въ непосредственномъ чувствѣ*) ведетъ къ наибольшему единенію людей (наприм., изъ малыхъ обществъ образуетъ большія, изъ насильственныхъ организацій добровольныя и т. д.). Но несомнѣнно, что, въ то же время, долженъ достигаться и другой результатъ—наибольшей пользы или интереса, выгоды. Вѣдь, выше уже сказано, что выгода или польза, въ концѣ-концовъ, есть стремленіе къ наибольшему наслажденію и наименьшему страданію. Очевидно, что если эта выгода правильно понята, если сознано, что она, прежде всего и *главнѣе* всего, лежитъ *въ наслажденіи быть любимымъ и въ страданіи быть ненавидимымъ*, то логика чувствованій должна неизбѣжно совпадать съ утилитарною логикой *разсужденій*. Конечно, въ прочности общества играетъ роль и то, чтобы солидарные между собою *интересы* преобладали надъ враждебными. Но этого мало: нужно и преобладаніе симпатическихъ *чувствованій* надъ враждебными.

Общество не есть также лишь сѣть вѣрованій, согласныхъ между со[бою] въ значительномъ большинствѣ; оно, прежде всего, есть система или сѣть [си]мпатическихъ чувствованій, къ которымъ, конечно, могутъ примѣшиваться [и] антипатіи, однако, въ устойчивыхъ обществахъ, эти антипатіи примѣшива[ются] въ видѣ исключеній, по крайней мѣрѣ, въ области взаимныхъ отнош[еній] членовъ данной общественной группы (а не ея иноплеменныхъ сосѣд[ей]

III.

Практическое значеніе этой новой точки зрѣнія очевидно: изучая, наприм., причины какой-нибудь революціи, не достаточно искать эти причины только въ нарушеніи идейной гармоніи или согласія интересовъ,—слѣдуетъ обратить вниманіе и на разрушеніе въ большинствѣ дружескихъ и симпатическихъ чувствованій.

Точно также, при оцѣнкѣ какого-нибудь новаго порядка, не достаточно спросить себя, приводитъ ли онъ въ большую гармонію только *идеи и интересы* даннаго общества,—нужно еще узнать: породилъ ли онъ *дружественности* больше, чѣмъ разрушилъ?

Общественный процессъ, стимулы котораго я разсмотрѣлъ выше, стремится, во-первыхъ, согласовать различныя и даже враждебныя чувствованія, гармонизируя ихъ и даже приводя въ системы, и, во-вторыхъ, онъ стремится замѣстить равновѣсія и системы менѣе устойчивыя болѣе стойкими.

Какъ я уже сказалъ выше, это вездѣ достигается тѣмъ, что пропорція симпатическихъ чувствованій увеличивается на счетъ пропорціи антипатическихъ, связанныхъ съ первыми.

Возьмемъ фактъ самый общій въ исторіи: постоянное увеличеніе соціальныхъ группъ «въ ширину и глубину». Подъ «глубиной» Тардъ понимаетъ паденіе тѣхъ перегородокъ, которыя раздѣляютъ классы или слои. Подъ шириной онъ подразумѣваетъ границы, раздѣлявшія сосѣднія группы.

Съ перваго взгляда кажется, что объединеніе малыхъ группъ въ большія обязано только войнамъ. Но, вѣдь, сліяніе, ассимиляція побѣжденныхъ съ побѣдителями совершалась, главнымъ образомъ, *подражаніемъ* (религіи, идеямъ, обычаямъ). А это есть выраженіе, одна изъ формъ-чувствованій, относящихся къ группѣ симпатическихъ.

Наконецъ, самыя войны между племенами велись ради чувствованій, связывавшихъ между собою каждое изъ борящихся племенъ или группъ, то-есть ради чувства симпатіи: въ первобытныхъ, маленькихъ группахъ взаимныя чувствованія между членами были очень сердечны и только къ чужимъ были жестоки. Такимъ образомъ, съ расширеніемъ группъ или границъ какъ бы расширялось и сердце ихъ, охватывающее симпатическими чувствованіями все большее и большее число сообщественниковъ. Иными словами, въ этомъ расширеніи можно видѣть основной моральный прогрессъ. По мѣрѣ того, какъ примитивныя кучки доростали до обширныхъ государствъ и ихъ союзовъ, система общественныхъ чувствованій расширялась, усложнялась и, въ то же время, укрѣплялась.

Разсмотримъ ближе этотъ процессъ, т.-е. увеличеніе обществъ въ ширину, а затѣмъ прослѣдимъ процессъ его *углубленія* (т.-е. паденія сословныхъ перегородокъ).

IV.

Всѣ замкнутыя націи начинаютъ съ взаимной ненависти, прежде чѣмъ узнаютъ другъ друга. Отсюда возникаютъ первоначально войны, но это же подготовляетъ и будущее согласіе. Оно устанавливается не вдругъ, а постепенно и разными путями: побѣдители пріобрѣтаютъ уваженіе побѣжденныхъ, сопровождаемое страхомъ и завистью.

Сообразно съ этимъ, у побѣдителей является чувство презрѣнія и покровительства. Вотъ то новое согласованіе (аккордъ противуположныхъ чувствъ), которое замѣнило прежнюю взаимную ненависть. Естественно, что страхъ, уваженіе и зависть среди побѣжденныхъ порождаютъ въ нихъ подражаніе, а въ результатѣ совершается ассимиляція (уподобленіе). Такъ древній Римъ романизировалъ окружающія его племена и т. п.

Группы расширяются. Но между группами продолжается прежнее уваженіе къ самимъ себѣ и невѣжественное презрѣніе къ другимъ. Оба эти чувства находятся въ извѣстной логической зависимости другъ отъ друга: такъ, увеличеніе уваженія къ себѣ влечетъ усиленіе презрѣнія къ другимъ и наоборотъ. Въ первобытныхъ малыхъ обществахъ чувство коллективной ненависти къ сосѣдямъ было очень живо и опредѣленно: вѣдь, они знали почти всѣхъ членовъ сосѣдней группы, считали ихъ своими традиціонными врагами. Но впослѣдствіи, когда эти маленькія группы сдѣлались большими государствами, ненависть обращалась уже не на отдѣльныхъ людей, а на огромныя коллективныя единицы, и не могла не ослабляться по одной уже этой причинѣ: вѣдь, теперь это чувствованіе расширилось на безчисленное множество головъ, стоящее гдѣ-то вдалекѣ и сливающееся тамъ лишь въ одно отвлеченное имя. Наприм., какъ бы ни была сильна современная ненависть французовъ къ нѣмцамъ и обратно, она не можетъ быть даже и сравниваема съ ненавистью двухъ сосѣднихъ племенъ краснокожихъ или двухъ греческихъ городковъ передъ междуусобною войной.

Правда, по той же причинѣ и чувство гражданской солидарности между членами большого государства должно быть слабѣе того же чувства между членами малой группы. То-есть, можетъ казаться, что если при этомъ слабѣетъ чувство вражды, то слабѣетъ и чувство симпатіи, а пропорція ихъ остается одна и та же.

Тардъ остроумно доказываетъ, что это—не такъ. Вѣдь, кругъ нашихъ согражданъ,—какъ бы онъ ни расширился,—все же продолжаетъ включать въ себя, прежде всего, тѣхъ ближайшихъ лицъ, которыхъ мы продолжаемъ любить попрежнему. Стало быть, дальнѣйшія наши симпатіи къ остальнымъ согражданамъ, — какъ бы онѣ не расширялись въ объемѣ, съ увеличеніемъ радіуса государства,—являются лишь *добавленіемъ* къ прежнимъ чувствамъ симпатіи, ничего отъ нихъ не *отнимая*.

Наоборотъ, первобытное чувство вражды къ ближайшему сосѣднему племени, дѣйствительно, ослабляется по мѣрѣ отодвиганія отъ насъ его границъ. Чувства вражды къ этому далекому, невидимому врагу уже совсѣмъ

иныя. Большая часть самыхъ ужасныхъ, укоренившихся чувствъ вражды исчезаетъ вовсе, благодаря отдаленности объекта ихъ.

Семейныя и наслѣдственныя вендеты, ненависть расовая и религіозная вызывали такую кровожадную злобу, которая не имѣетъ и подобія съ чувствами современныхъ народовъ, хотя бы и находящихся во враждѣ.

Вотъ почему и самыя войны между обширными государствами становятся все рѣже и рѣже, а прежде между мелкими сосѣдями онѣ были постоянными, хроническими.

Кромѣ того, въ теченіе этихъ увеличивающихся промежутковъ между войнами цивилизованный человѣкъ,—какъ бы онъ ни былъ еще воинственнымъ,—привыкаетъ жить въ атмосферѣ благожелательности и «любезности». Теперь это составляетъ его естественную среду. Между тѣмъ, первобытный и древній человѣкъ былъ окруженъ атмосферой кровавой вражды.

Нѣкоторые соціологи, стремясь все свести на разсчетъ или эгоизмъ, устраняя чувствованія и симпатіи, рисуютъ дѣло иначе. Между прочимъ, итальянецъ Вакаро полагаетъ, что увеличеніе мирныхъ періодовъ (т.-е. безъ войнъ) обусловлено простымъ эгоистическимъ разсчетомъ, такъ какъ съ развитіемъ земледѣлія и промышленности войны стали, будто бы, опаснѣе и вреднѣе для этихъ источниковъ жизни: невыгоды войны, порождаемыя нарушеніемъ мирной работы, перевѣшиваютъ ея выгоды даже въ случаѣ побѣды.

Такъ ли это? Нѣтъ, — отвѣчаетъ Тардъ, — наоборотъ: въ примитивныя времена, когда торговля только что зарождалась, а добываніе жизненныхъ продуктовъ было въ зародышѣ, убытки и рискъ войны были гораздо значительнѣе. Они грозили прямымъ голодомъ, чумой, избіеніемъ плѣнныхъ, пытками и мученіями. Правда, первобытныя войны стоили меньше денегъ, но какія же и средства были тогда сравнительно съ современными? Говоря, что уменьшеніе войнъ обязано развитію земледѣлія, Вакаро принимаетъ результатъ за причину. Наоборотъ, потому и развились промышленность и земледѣліе, что уменьшеніе войнъ обезпечивало мирный трудъ.

И такъ, уменьшеніе войнъ есть результатъ развитія пропорціи мирныхъ чувствованій. Конечно, расширеніе границъ государствъ, породившее этотъ результатъ, само имѣло какую-нибудь причину. Какая же причина обусловливала сліяніе малыхъ группъ все въ большія и въ большія? Вначалѣ, конечно, войны; но онѣ, какъ мы уже сказали, не привели бы къ ассимиляціи и сліянію безъ *подражанія*, составляющаго всеобщій соціальный фактъ. Но *подражаніе есть* лишь внѣшнее выраженіе симпатіи человѣка къ человѣку.

Такъ дѣйствовало расширеніе границъ. Посмотримъ теперь, какъ дѣйствовало ихъ *углубленіе*, т.-е. паденіе перегородокъ внутреннихъ, между классами или демократизація обществъ.

V.

Всякія отличія внѣшнія какого-либо высшаго класса, а также всякіе иные внѣшніе знаки почета, напримѣръ, даже академическіе, выставля-

ются съ гордостью одними и возбуждаютъ зависть въ другихъ. Такое отношеніе между классами представляетъ, по теоріи Тарда, *логическое согласіе*, но иногда *телеологическій диссонансъ*. Я сейчасъ объясню значеніе этихъ терминовъ: очень часто два чувствованія,—какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ,—понятны *логически:* такъ, вдохновеніе художника можетъ вызывать восхищеніе, стремленіе подражать ему изъ зависти или ревности. Одно чувствованіе логически вызываетъ другое. Это будетъ *логическій аккордъ*. Но онъ будетъ телеологическимъ, т.-е. достигающимъ *полезныхъ цѣлей*, въ томъ случаѣ, если ведетъ къ единенію, а не наоборотъ. Такъ, восхищеніе художникомъ возбуждаетъ его силы, помогаетъ ему полнѣе исчерпать ихъ. Оно даетъ возможность и массѣ глубже воспринять его вдохновеніе.

Зависть, вызывающая, наоборотъ, пристрастное отношеніе къ художнику, не только ослабляетъ его дѣйствіе на массу, но и уменьшаетъ дѣйствіе массы на него, т.-е. на полное развитіе его вдохновенія.

Теперь вернемся къ взаимнымъ чувствованіямъ классовъ. Они будутъ въ *телеологическомъ* согласіи тогда, когда кичливости одного класса соотвѣтствуетъ уваженіе и благоговѣніе другого. Такъ было, напримѣръ, въ періодъ развитія феодальной системы, когда слуги вѣрили въ любовь къ нимъ господина, когда ихъ идеалы были одинаковы, т.-е. въ ихъ воображеніи рисовался идеальный феодъ (фикція). Къ этому присоединялось и единство ненависти къ сосѣднему феодалу, и единство традицій и т. д.

На дѣлѣ этотъ идеалъ могъ осуществиться рѣдко въ своей чистотѣ. Рядомъ съ благоговѣніемъ и единеніемъ могли возникать чувства ненависти, насмѣшки надъ феодаломъ, соотвѣтствующія, опять-таки, *логически* тому презрѣнію и горделивости, которыя проявлялись у феодала.

Такое состояніе уже представляетъ телеологическій диссонансъ,—конечно, въ различныхъ степеняхъ,—потому что создаетъ общественную рознь, вредную для примѣненія общихъ силъ къ одной цѣли.

Презрѣніе грековъ къ завоеваннымъ варварамъ и благоговѣніе передъ ними этихъ послѣднихъ представляетъ аккордъ сразу и логическій, и телеологическій: благоговѣніе варваровъ помогало усвоенію ими греческой культуры.

Когда въ феодальномъ строѣ постепенно экзальтированная преданность и вѣрность одному общему королю прибавляется къ прежнему чувству вассала, то сперва это создаетъ мощную силу, но мало-по-малу возникаетъ противорѣчіе между новымъ чувствомъ и прежнимъ: новое чувство требуетъ абсолютной власти монарха, а прежнее—полной власти феодала и независимости феода.

Новое чувство вытѣсняетъ старое по закону наибольшей энергіи или интензивности. Новый монархическій строй съ его новою системой чувствованій могъ также представлять различныя степени согласія: бывали монархи, чувствованія которыхъ къ народу соотвѣтствовали благоговѣйному довѣрію массъ. Это создавало могучую силу единенія. Но исторія

знаетъ, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ ведетъ односторонній энтузіазмъ массъ, направленный, напримѣръ, на узурпатора, какъ Наполеонъ: правда, такой энтузіазмъ внушаетъ и узурпатору безумную вѣру въ себя,— своего рода энтузіазмъ и страшную силу, — но эта сила чаще всего гибельна для людей.

Въ демократіяхъ развитіе тѣхъ же законовъ логики или діалектики чувствованій особенно любопытно.

Уничтоженіе если не неравенства вообще, то всѣхъ перегородокъ, которыя *внѣшнимъ* образомъ выражаютъ и подчеркиваютъ неравенство, имѣютъ здѣсь результатомъ то, что для каждаго гражданина расширяется кругъ, въ которомъ онъ чувствуетъ себя свободнымъ избирать самъ свои отношенія, своихъ знакомыхъ и друзей. Такимъ образомъ, получается больше шансовъ въ пользу того, что его привязанности и уваженія опираются на личномъ и свободномъ выборѣ.

Если уничтожаются чувствованія феодальной вѣрности, наслѣдственной привязанности и традиціоннаго покровительства,—которыя требуютъ *принятаго и признаннаго* неравенства,—за то чувствованія личной симпатіи, хотя и болѣе или менѣе поверхностныя, измѣнчивыя, но *взаимныя*, умножаются и обладаютъ сильною заразительностью. Съ точки зрѣнія общественнаго единенія появляется если не выигрышъ, то, во всякомъ случаѣ, компенсація, а съ точки зрѣнія общаго блага—положительный выигрышъ.

Дефицитъ же получается, по мнѣнію Тарда, въ отношеніяхъ управляемыхъ къ правящимъ. Происходитъ это по слѣдующимъ причинамъ. Здѣсь нѣтъ возможности поддержать традицію равенства, такъ какъ факты противуположнаго сорта бросаются въ глаза: вѣдь, тотъ, кто распоряжается и издаетъ декреты, наглядно оказывается выше тѣхъ, которые принуждены повиноваться.

Одно изъ обычныхъ средствъ, которымъ демократіи стремятся примирить это противорѣчіе, состоитъ въ томъ, что управляемые подчиняются своимъ главамъ, постоянно критикуя ихъ («ворча на нихъ»). Иными словами, они постоянно напоминаютъ имъ, что настоящій господинъ — сами граждане и что они покажутъ себя при ближайшихъ выборахъ.

Другое средство состоитъ въ краткосрочности полномочій, съ предупрежденіемъ о переизбраніи. Это, по внѣшности, открываетъ надежду для всѣхъ и каждаго получить въ свою очередь ту же роль, благодаря частому обновленію личнаго состава правящихъ.

Третье средство состоитъ въ зажиманіи рта оффиціальнымъ лицамъ, въ подрывѣ ихъ престижа путемъ приписыванія имъ несправедливостей, странностей и т. п. Цѣлью является здѣсь—уменьшить въ публикѣ, насколько возможно, уваженіе къ ихъ краткосрочному могуществу. Такъ поступали греки съ самимъ Периклемъ, а римляне—съ своими великими людьми.

Наконецъ, есть еще одно средство, самое печальное, которое, къ счастью, практикуется весьма рѣдко: оно состоитъ въ избираніи людей, лишенныхъ таланта, характера, собственнаго авторитета и личнаго или

традиціоннаго достоинства. Вредъ этого средства очевиденъ: если среди такихъ ничтожествъ случайно попадаетъ крупный военный талантъ или трибунъ и государственный человѣкъ, онъ затмѣваетъ остальныхъ, разсѣиваетъ въ глазахъ толпы фикцію равенства, и народъ рабски простирается у его ногъ, а на обломкахъ или фальсификаціяхъ свободы воздвигается деспотизмъ.

Мы уже видѣли, какъ узурпаторство, создавая энтузіазмъ въ массахъ, наполняетъ самоувѣренностью узурпатора. Этотъ логическій аккордъ страшно опасенъ въ смыслѣ телеологическомъ, когда приходится утилизировать это взаимное перевозбужденіе (намекъ на франко-прусскую войну). Это заразительное *довѣріе* демократіи представляетъ такой же ихъ недостатокъ, какъ иногда обратное явленіе—*излишнее недовѣріе*. Это послѣднее парализируетъ силы людей, стоящихъ у власти, порождаетъ въ нихъ страхъ и угодливость, т.-е., наприм., внесеніе въ декреты всѣхъ требованій своихъ подвластныхъ, и т. д. Иногда это представляетъ телеологическій аккордъ, но если правители противупоставляютъ недовѣрію безстрашную гордость, то является диссонансъ и логическій, и телеологическій. Онъ можетъ привести къ пропасти.

Отсюда читателю станетъ совершенно понятно, почему демократическій режимъ всего менѣе соотвѣтствуетъ потребностямъ войны, когда нужна власть сильная и непререкаемая. Если по какимъ-либо обстоятельствамъ общество, демократизируясь, въ то же время, становится и воинственнымъ, то подобное совпаденіе представляетъ аномалію, грозящую ему гибелью.

Понятно поэтому, что подобную же аномалію составляетъ совпаденіе демократизаціи съ преувеличеннымъ развитіемъ патріотизма. Я уже показалъ, что патріотизмъ (въ своемъ излишнемъ развитіи) представляетъ, по Тарду, избытокъ самоуваженія и презрѣнія къ другимъ. Такое настроеніе противорѣчитъ самой сущности демократическаго строя. Назначеніе этого послѣдняго, его заслуга именно въ томъ, что онъ *понижаетъ презрѣніе къ иностранцамъ, создаетъ поворотъ къ космополитизму, т.-е. мирнымъ путемъ достигаетъ дальнѣйшаго процесса единенія человѣчества*, которое на зарѣ исторіи совершалось преимущественно завоеваніями.

VI.

Тардъ прослѣживаетъ частныя проявленія этой «эволюціи сердца». Я остановлюсь здѣсь на *религіи*. Религіи оказали значительную помощь эволюціи чувствованій. Ихъ развитіе отъ поклоненія вещамъ (фетишизма) и одухотворенія (анимизма) до утонченнѣйшаго идеализма высшихъ религій совершалось весьма разнообразными путями. Въ общемъ же, вліяніе религій болѣе или менѣе подобно тому, какое оказывало развитіе всякаго рода изобрѣтеній политическихъ, промышленныхъ, идейныхъ (философія) и художественныхъ.

Даже самая эволюція этихъ послѣднихъ факторовъ подобна эволюціи религій или «религіозныхъ изобрѣтеній».

Обыкновенно думаютъ, что какое-нибудь вновь явившееся чувствованіе, наприм., сыновняя любовь, супружеская вѣрность, феодальная преданность только потому выступали на свѣтъ, т.-е. распространялись, а не замирали, что оказывались *полезными обществу*.

Конечно, это отчасти вѣрно, но что значитъ: они оказывались полезными *обществу?* Это значитъ, что они содѣйствовали общественной солидарности, прочности. Религія или вѣрованія дѣйствовали такъ же при этомъ двумя путями на «общественное сердце». При своемъ распространеніи, они увеличивали симпатіи къ единовѣрцамъ и уменьшали ихъ относительно иновѣрцевъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ они часто вели къ открытой борьбѣ. И такъ, сперва они направляютъ симпатіи только къ извѣстной фракціи человѣчества. Стало быть, даже въ борьбѣ между фракціями можно ли видѣть только одинъ *разсчетъ* выгоды? Можно ли сказать, что эти фракціи связывала для борьбы только потребность защиты и нападенія? Вѣдь, защищаясь, онѣ защищали свои вѣрованія, могилы предковъ, ихъ обычаи,—однимъ словомъ, онѣ боролись, потому что *любили*. И не сами вѣрованія, т.-е. не «идейное» ихъ выраженіе, не идейныя формы религіознаго чувства были тѣмъ основнымъ психологическимъ началомъ, которое связывало этихъ людей въ группы: вѣдь, эти формы вѣрованій мѣнялись, а связь оставалась. Стало быть, связь была въ *чувствованіи*, въ томъ, что *они любили* ту или иную *форму*, а не въ *самой формѣ*.

Отношенія утилитарныя, вытекающія изъ разсчета, наприм., между гражданами одного города, это—продуктъ новѣйшей цивилизаціи. Болѣе древнія связи, опиравшіяся на чувство, дѣлали и поступки людей болѣе безразсчетными, героическими.

Однимъ словомъ, религія представила энергическое средство «подражательнаго ассимилированія» между людьми одной и той же цивилизаціи, а, въ то же время, и средство дифференціаціи (т.-е. раздѣленія) между людьми разныхъ цивилизацій, вслѣдствіе такой же подражательности у тѣхъ, идущей параллельно.

Хотя, какъ уже сказано, религія порождаетъ усиленныя симпатіи между своими и вражду къ чужимъ, вслѣдствіе подмѣченной разницы въ изобрѣтеніяхъ, однако, даже это усиленіе вражды ведетъ къ дальнѣйшему сліянію, потому что вызываетъ новую подражательность. Это происходитъ такъ: обыкновенно, націи, еще не зная другъ друга, уже презираютъ взаимно одна другую. Когда между ними возникаютъ отношенія, это пре[з]рѣніе переходитъ или во взаимную ненависть (борьбу, порабощеніе), или [в] ревность, подражаніе одной стороны и презрительную жалость другой. [П]озднѣе, когда вѣковой процессъ приводитъ къ ассимиляціи обоими этими [п]утями (т.-е. и завоеваніемъ, и подражательностью), антипатичныя чув[ст]вованія сглаживаются, и эта болѣе широкая группа объединенныхъ об[ъ]единяетъ свою коллективную антипатію на кого-нибудь другого и т. д., и

т. д. Мы видѣли выше этотъ процессъ расширенія границъ и его послѣдствія для уменьшенія антипатій и увеличенія симпатій. Здѣсь мы видимъ, какъ ему содѣйствовали «чувствованія» религіозныя (а, стало быть, какъ сказано выше, чувствованія къ одинаковымъ изобрѣтеніямъ вообще). Но отсюда слѣдуетъ, что на какомъ-либо континентѣ, наприм., въ Европѣ, вражда или національныя антипатіи могутъ идти до извѣстныхъ предѣловъ, въ концѣ же концовъ ихъ радіусъ не можетъ больше увеличиваться.

Но тутъ можетъ возникнуть одно возраженіе: дарвинисты давно замѣтили, что «борьба за существованіе» принимаетъ особенно жестокій характеръ между «видами» (species) наиболѣе сходными и близкими. Не вправѣ ли мы ожидать, что съ прогрессомъ ассимиляціи или *сходства*, земля еще увидитъ жестокую борьбу между народами?

Это предположеніе какъ будто подтверждается тѣмъ фактомъ, что, дѣйствительно, и среди людей не такъ сильна вражда между религіями и цивилизаціями наиболѣе чуждыми (наприм., между буддизмомъ и христіанствомъ или магометанствомъ, между римлянами и варварами), какъ между сектами одной и той же религіи, между племенами одной и той же цивилизаціи (протестанты и католики, римляне и коринеяне, французы и нѣмцы и т. п.).

Но исторія показываетъ намъ, что всѣ эти ненависти смягчаются, наприм., католики и протестанты теперь отлично живутъ рядомъ, роднятся. Развитіе науки, критики, мысли (философіи) создаетъ вѣротерпимость. Теперь легко можно встрѣтить мыслящаго человѣка, имѣющаго друзей среди самыхъ различныхъ представителей идейныхъ, религіозныхъ и національныхъ группъ. Смягчились самыя чувствованія антипатіи.

Даже остающаяся еще расовая рознь, выражающаяся теперь въ сравнительно мягкихъ формахъ нетерпимости къ смѣшаннымъ бракамъ, въ стремленіи жить въ особыхъ жилищахъ, ѣздить въ особыхъ омнибусахъ и вагонахъ (Америка), иногда объясняется просто ассоціаціей идей. Такъ, Клодъ Жане замѣтилъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ презираютъ негровъ, но охотно терпятъ аборигеновъ.

Представленіе о «рабѣ» ассоціировалась съ негромъ. Вотъ и все. Тутъ нѣтъ никакого расоваго инстинкта. Еще болѣе это ясно изъ слѣдующаго: тотъ же Жане замѣчаетъ, что послѣ освобожденія негровъ, число смѣшанныхъ браковъ съ ними не увеличилось, а *уменьшилось*. Это объяснимо тѣмъ, что экономическая независимость негровъ отдалила ихъ отъ бѣлыхъ, устранила постоянное, близкое, *личное* соприкосновеніе между расами. Еще примѣръ: японцы сперва презирали и ненавидѣли европейцевъ, теперь подражаютъ имъ, и т. д.

Вообще не надо забывать, что одновременно съ *борьбой за жизнь* совершается,—и даже сильнѣе, чѣмъ она,—единеніе или *ассоціація для жизни*.

Интересно замѣчаніе Тарда, что *древняя племенная и религіозная ненависть замѣняется теперь больше и больше враждой политическихъ и соціальныхъ* партій, выражающейся въ прессу.

«Въ высшихъ религіяхъ,—говоритъ онъ,—постепенное ослабленіе фанатизма влечетъ ослабленіе ненависти и нетерпимости, но, однако, не ослабленіе (параллельное) любовной солидарности, объединяющей одинаково вѣрующихъ. Ихъ взаимная привязанность можетъ поддерживаться, даже увеличиваться, несмотря на ослабленіе религіозности, сводящейся иногда почти къ словесной тѣни себя самой. Мы, наприм., видимъ свободныхъ мыслителей, совершенно отдѣлившихся отъ догматизма даннаго вѣроисповѣданія, но глубоко привязанныхъ сердцемъ къ обществу вѣрующихъ. Въ настоящее время *фабриками ненависти* являются не религіозныя секты, а политическія партіи и особенно политическая пресса. Никогда руководители лиги или монахи, возбудившіе нѣкогда походъ противъ альбигойцевъ, не внесли столько разногласія, какъ наши антисемитическіе и соціалистическіе публицисты, возбуждая народный ужасъ,—надо сознаться, не всегда неосновательный,—противъ банкировъ и буржуазіи».

VII.

Было бы жаль не познакомить читателей и еще съ нѣкоторыми деталями работы Тарда, освѣщающими тѣ или иныя стороны нашей эпохи съ новой стороны. А читатель не могъ не замѣтить, если внимательно слѣдилъ за предъидущимъ изложеніемъ, что многое, дѣйствительно, освѣщается Тардомъ. Наприм., вспомнимъ высказанное имъ въ началѣ замѣчаніе, что «общественныя формы (ихъ прочность) оцѣниваются не однимъ только единствомъ идей или выгодъ, но и пропорціей чувствъ симпатіи и антипатіи», обусловливаемой этими формами. Припомнимъ и предостереженіе, заключающееся въ словахъ, что никогда «борьба не представляется такою жестокой между полюсами какой-нибудь человѣческой формы, какъ между ея промежуточными стадіями, между сектами одной и той же религіи, между группами одной и той же цивилизаціи».

То, что происходитъ теперь передъ нашими глазами хотя бы во Франціи, во взаимномъ озлобленіи нѣкоторыхъ партій,—озлобленіи, доходящемъ до послѣдней крайности, не должно быть упускаемо изъ вида. Не должно игнорировать вліянія формъ жизни,—какъ бы выгодны сравнительно онѣ ни казались,—на чувствованія массы.

Но посмотримъ, вмѣстѣ съ Тардомъ, теперь на детали нашей жизни, на ихъ эволюцію, подъ вліяніемъ эволюціи чувствованій.

Возьмемъ дружбу.

Прежде она закрѣплялась единствомъ цеха, корпораціи, а въ деревнѣ—сѣдствомъ, долгимъ знаніемъ другъ друга. Часто она передавалась по наѣдству.

Люди, находившіеся въ услуженіи, наприм., у деревенскихъ господъ, или цѣлыми поколѣніями у одной и той же семьи. Возникала сильная взаимная привязанность, но она лишь отчасти была «личная»: товарища о цеху любили не какъ Ивана или Петра, а своего барина или сосѣда

не какъ «личность» того или иного характера и свойствъ, а какъ *помѣщика*, какъ *сосѣда*, хотя ихъ личныя свойства могли иногда быть вполнѣ антипатичны.

Съ развитіемъ «городской жизни», чувство дружеской привязанности, а также привязанности слугъ къ хозяевамъ и обратно, измѣняется уже потому, что возможны тысячи *свободныхъ* встрѣчъ и болѣе свободный выборъ дружбы и отношеній. Поэтому эти отношенія становятся болѣе индивидуальными. Прислуга, рабочіе мѣняются по свободному выбору. Прежнее обязательное чувство было устойчивѣе, за то новое есть симпатія по свободному (или болѣе свободному) выбору. Если оно теряетъ въ интенсивности, то выигрываетъ въ числѣ лицъ, охватываемыхъ имъ.

Такъ, напримѣръ, фабрикантъ, устраивающій что-нибудь благодѣтельное для своихъ рабочихъ, не можетъ чувствовать того, что чувствовалъ римскій патрицій или русскій помѣщикъ, надѣляя по завѣщанію своихъ рабовъ или крѣпостныхъ. Для современнаго фабриканта его рабочіе представляютъ *безличную* массу: чувство проигрываетъ въ интензивности, но выигрываетъ въ объемѣ (въ идеальности и безкорыстіи, прибавляю я отъ себя).

То же можно сказать и о любви къ женщинѣ. При деревенскихъ отношеніяхъ, которыя были и въ прежнихъ небольшихъ городахъ, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга, связи съ женщиной, конечно, были крѣпче. Въ большихъ городахъ есть бо́льшая возможность выбора. Она же развиваетъ и требованія, и вкусъ: видя передъ собою постоянно множество женщинъ разныхъ типовъ, мы требовательнѣе, что обратно вліяетъ и на женщинъ.

Несчастіе большихъ городовъ въ томъ, что любовь и дружба часто фальсифицируются, но слѣдуетъ прибавить, что прежнее сожительство и выборъ, опредѣлявшіяся необходимостью, тѣснымъ кругомъ избираемыхъ, традиціями и т. п., теперь становятся болѣе свободными, болѣе индивидуальными, основываясь на дѣйствительной личной симпатіи и потребностяхъ.

Такова новая работа Тарда.

Я уже сказалъ, что въ ней нѣтъ объясненія самаго генезиса чувствованій. У него этого не было и въ виду. Въ слѣдующей статьѣ я постараюсь пополнить этотъ пробѣлъ на основаніи данныхъ научной психологіи.

Л. Оболенскій.

Судьба крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ *).

V.

Особое значеніе, которое получило крестьянское дѣло въ польскомъ вопросѣ послѣ возстанія 1863 года.—Н. А. Милютинъ, его прошлое, его друзья-славянофилы и ихъ взгляды на польскій вопросъ и крестьянское дѣло въ Польшѣ.—Какъ представлялась Милютину его роль и задача въ Царствѣ Польскомъ въ 1863 году?

Мы видѣли въ предъидущей главѣ, въ какомъ положеніи находилось крестьянское дѣло въ Царствѣ Польскомъ въ эпоху послѣдняго возстанія 1863 года.

Возстаніе это было подавлено вооруженною силой. Однако, страна не могла считаться замиренною. «Матеріальная сила,—по выраженію записки статсъ-секретаря Энохa, приписываемой перу Велепольскаго, — оказалась дѣйствительно достаточной для подавленія возстанія»; но «матеріальная сила,—какъ сказано въ той же запискѣ,—есть только одинъ изъ базисовъ власти» **).

При императорѣ Николаѣ правительство наше не признавало этого положенія. Система, посредствомъ которой правилъ въ Царствѣ Польскомъ фельдмаршалъ Паскевичъ, основывалась всецѣло на матеріальной силѣ.

Правительство русское шестидесятыхъ годовъ, несмотря на то, что матеріальная сила безпорно оказалась на его сторонѣ, сознавало выставленную Энохомъ истину. Оно понимало, что матеріальная сила не можетъ считаться прочнымъ основаніемъ для спокойной и мирной системы управленія

---

*) *Русская Мысль*, кн. II.

**) Записка статсъ-секретаря Энохa, поданная князю Горчакову (намѣстнику въ Царствѣ П.) 2 марта 1861 года. Напечатана въ приложеніи къ труду *Lisikciego*: „Alexander Wielopolski", т. II, № 11, стр. 42. Тамъ сказано: „La force materielle, lont dispose le Gouvernement sera certainement suffisante pour terroriser le mouvenent, mais la force materielle ne constitue, qu'une des bases, sur lesquelles le pouroir peut être assis. *Outre celle-ci il importe de chercher dans le pays même un élément sur lequel il puisse s'appuyer*".

Ср. *Спасовича*, назв. соч.

страной. Оно чувствовало необходимость органической связи съ самимъ управляемымъ обществомъ. Было, наконецъ, признано, что необходимо среди подвластнаго народа найти тотъ или другой элементъ, тотъ или другой общественный классъ, на который власть могла бы опереться.

Очевидно, для этого было нужно, чтобы классъ этотъ свободно и сознательно желалъ служить опорою правительству; чтобы онъ сознавалъ въ томъ прямую выгоду—свою или національную.

Первый опытъ организаціи власти на такомъ принципѣ предложенъ былъ маркизомъ Велепольскимъ. По его мысли, правительству императора Александра II надлежало опереться на интеллигенцію страны, привлечь ее къ себѣ дарованіемъ ей широкой политической автономіи на новѣйшихъ quasi *) демократическихъ основаніяхъ. Система его была примѣнена не вполнѣ. Правительство принимало предложенныя имъ реформы какъ бы подъ давленіемъ событій, которыя ихъ опережали, вслѣдствіе чего сами реформы получали характеръ вынужденныхъ уступокъ. Это, конечно, значительно подрывало и искажало систему. Въ концѣ-концовъ, она потерпѣла фіаско. Маркизъ Велепольскій палъ. Вспыхнуло вооруженное возстаніе, которое было подавлено силой. Однако, правительство, воспользовавшись силою для подавленія возстанія, не переставало считать необходимымъ, для замиренія страны, найти себѣ прочную опору среди вновь усмиреннаго народа.

Интеллигенція страны скомпрометировала себя въ его глазахъ открытымъ возстаніемъ; естественно явилась мысль опереться на народную массу, которая, будучи еще въ первобытномъ состояніи культуры, не проявляла никакихъ сознательныхъ патріотическихъ чувствъ и политическихъ или національныхъ стремленій, а въ силу соціально-экономическихъ условій, въ которыхъ находилась тогда, была враждебно настроена по отношенію къ высшимъ интеллигентнымъ классамъ страны, служившимъ главнымъ факторомъ только что усмиреннаго возстанія. Положеніе крестьянскаго сословія въ Царствѣ Польскомъ давало русскому правительству возможность попробовать систему полнаго соединенія Польши съ Россіей, притомъ, соединенія, основаннаго не на одной лишь матеріальной силѣ, а на искренней, повидимому, и сознательной поддержкѣ всего крестьянскаго населенія Царства. Для этого требовалось привлечь къ себѣ прочное его расположеніе, кореннымъ образомъ измѣнивъ то положеніе, въ которомъ оно находилось до тѣхъ поръ.

Для выполненія этой миссіи обратились къ тому человѣку, который былъ душой крестьянской реформы, только что проведенной въ Россіи, и главой передовой партіи въ редакціонныхъ коммиссіяхъ—къ Н. А. Милютину.

---

*) Говорю quasi потому, что не могу, согласно съ мнѣніемъ В. Д. Спасовича, считать маркиза Велепольскаго послѣдовательнымъ демократомъ. Мы видѣли, каковы были воззрѣнія его въ крестьянскомъ вопросѣ, а это для общественнаго дѣятеля пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ могло служить пробнымъ камнемъ искренности и глубины его демократическихъ убѣжденій.

Милютинъ отдыхалъ въ это время за границей, отдыхалъ не вполнѣ добровольно. Вынужденное бездѣйствіе его обусловливалось торжествомъ реакціонной партіи, наступившимъ непосредственно вслѣдъ за крестьянскою реформой.

Остановимся немного на предшествующей его жизни и дѣятельности *).

Происходившій изъ среды помѣстнаго дворянства, родной племянникъ, по матери, графа Киселева, извѣстнаго министра императора Николая, Милютинъ, хотя и не былъ въ университетѣ, но, повидимому, получилъ хорошее домашнее воспитаніе. Поступивъ очень рано на службу, онъ съ первыхъ шаговъ обнаружилъ стремленіе къ просвѣщенной преобразовательной дѣятельности и, послѣ немногихъ лѣтъ службы, имѣлъ случай въ суровыя николаевскія времена провести серьезное преобразованіе въ системѣ городского управленія, которая въ зародышевомъ видѣ заключала уже въ себѣ черты будущаго городского самоуправленія. Этимъ закономъ онъ создалъ себѣ репутацію демократа, въ то время чрезвычайно опасную. Въ началѣ новаго царствованія онъ былъ уже директоромъ хозяйственнаго департамента въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Но репутація демократа и краснаго оставалась при немъ и въ 1857 году едва не заставила его вовсе оставить государственную службу, послѣ того, какъ государь выразился о немъ въ комитетѣ министровъ какъ о человѣкѣ неблагонадежномъ. Однако, спустя два года, когда крестьянская реформа была уже рѣшена въ принципѣ, и потребовалось имѣть талантливаго и энергичнаго человѣка для направленія законодательныхъ работъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, то министръ Ланской рѣшился указать государю на Милютина, какъ на такое лицо, которое можетъ съ честью справиться съ этою задачей. Послѣ нѣкотораго колебанія и весьма неохотно согласился государь назначить Н. А. Милютина исправляющимъ должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Н. А. принялъ ближайшее участіе въ работахъ редакціонныхъ коммиссій въ качествѣ члена и предсѣдателя одного изъ отдѣловъ. Но какъ только выработанное ими положеніе было обнародовано, Милютину, какъ и Ланскому, пришлось оставить свой постъ и временно удалиться отъ дѣлъ. Онъ уѣхалъ за границу и прожилъ тамъ два съ половиною года. Въ это время, смотря по колебанію политическаго барометра въ Петербургѣ, ему то сулили постъ министра внутреннихъ дѣлъ **), то предлагали въ видѣ спокойной синекуры мѣсто директора Публичной библіотеки. Въ началѣ 1862 года у государя неожиданно явилась мысль назначить его начальникомъ гражданскаго управленія въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ уже возстаніе готовилось вспыхнуть ***). Милютинъ, всѣ

*) *A. Leroy-Beaulieu:* „Un homme d'état Russe" (Nicolas Milutine) etc. P., 1884. *Н. А. Милютинъ. Некрологи.* Москва, 1873 г. (собраніе всѣхъ напечатанныхъ въ газетахъ и журналахъ некрологовъ о немъ).

**) *Leroy-Beaulieu,* op. cit., p. 128 и слѣд., 145 и слѣд.

***) Тамъ же, p. 129. Объ этомъ упоминается также въ корреспонденціи маркиза Велепольскаго. См. *Спасовича* назв. соч., стр. 271, и *Lisickiego,* op. cit., томъ II, стр. 319.

планы и помыслы котораго принадлежали мирнымъ, гуманитарнымъ реформамъ, не былъ совершенно приготовленъ къ подобной миссіи, гдѣ приходилось бы по обстоятельствамъ времени, быть можетъ, суровыми мѣрами подавлять народное возстаніе. Будучи вызванъ въ Петербургъ, онъ очень желалъ отклонить отъ себя это назначеніе. Обстоятельства ему благопріятствовали. Когда онъ пріѣхалъ, то мысль о его назначеніи была уже оставлена и государь императоръ рѣшился ввѣрить этотъ постъ маркизу Велепольскому, назначивъ, въ то же время, намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ великаго князя Константина.

Милютинъ на этотъ разъ спокойно вернулся за границу; но избѣжать участія въ польскихъ дѣлахъ ему не было суждено. Послѣ паденія маркиза Велепольскаго и выставленной имъ системы, когда окончательно рѣшено было сдѣлать опорой всей русской политики въ Польшѣ крестьянское населеніе, Милютина вновь вызвали въ Петербургъ. Въ двухъ чрезвычайно благосклонныхъ аудіенціяхъ государь *) пояснилъ Милютину въ общихъ чертахъ свои мысли и взглядъ на польскій вопросъ и причины, почему онъ рѣшился избрать именно его исполнителемъ своихъ предначертаній. Затѣмъ государь выразилъ Милютину полное довѣріе къ его такту и дарованіямъ и предоставилъ ему самому, изслѣдовавъ дѣло, рѣшить, что и какъ нужно сдѣлать въ этой еще незнакомой Милютину странѣ, въ видахъ полнаго ея замиренія. Ему же было предоставлено самому опредѣлить свое оффиціальное положеніе и отношеніе къ властямъ и учрежденіямъ Царства Польскаго.

Въ полномъ сознаніи отвѣтственности той роли, которую ему предстояло сыграть, Милютинъ не рѣшился теперь отклонить отъ себя этой миссіи. Онъ не принялъ, впрочемъ, никакой опредѣленной должности, а рѣшился отправиться въ Царство Польское съ тѣмъ, чтобы изслѣдовать тамъ положеніе дѣлъ съ самыми неопредѣленными и неограниченными полномочіями.

Вмѣстѣ съ нимъ, по его приглашенію, отправились ближайшіе друзья его и сотрудники по крестьянскому дѣлу въ Россіи, Ю. Ѳ. Самаринъ и князь В. А. Черкасскій.

Тѣсная связь этихъ двухъ именъ съ именемъ Н. А. Милютина въ двухъ главныхъ дѣлахъ его жизни весьма знаменательна вообще, а по отношенію къ польскому вопросу въ особенности. Она указываетъ на связь Милютина съ славянофилами, и это обстоятельство чрезвычайно много разъясняетъ во взглядахъ Милютина на польскій вопросъ **).

---

*) *Leroy-Beaulieu*, op. cit., p. 162 и слѣд.

**) Его связи съ московскими славянофилами не ограничивались отношеніями къ Самарину и Черкасскому. Еще ранѣе именно онъ рекомендовалъ географическому обществу отправить для изслѣдованія торговли на малороссійскихъ ярмаркахъ И. С. Аксакова (объ этомъ свѣдѣнія въ *Журналѣ общаго собранія Императ. русск. географ. общест.* 19 февраля 1872 г.). Въ числѣ ближайшихъ сотрудниковъ Милютина впослѣдствіи былъ и Гильфердингъ, работавшій, главнымъ образомъ, по преобразованію

Поэтому для насъ пріобрѣтаютъ особое значеніе печатныя статьи главнѣйшихъ представителей славянофильства по польскому вопросу. Особенно важна въ этомъ отношеніи статья Ю. Ѳ. Самарина *), напечатанная подъ заглавіемъ *Современный объемъ польскаго вопроса* въ № 38 аксаковскаго *Дня*, 21 сентября 1863 года, такъ сказать, наканунѣ отъѣзда въ Польшу самого Самарина вмѣстѣ съ Милютинымъ.

Славянофилы по самой сути своего ученія не могли относиться враждебно къ полякамъ, какъ націи, принадлежащей къ общеславянской семьѣ; они ненавидѣли *полонизмъ*, какъ западное латинское просвѣтительное начало, дѣлающее изъ Польши, по выраженію Самарина, «острый клинъ, вогнанный въ самую сердцевину славянскаго міра, съ цѣлью расколоть его въ щепы». Къ полякамъ, *какъ націи*, они относились совершенно иначе и были, во всякомъ случаѣ, далеки отъ того озлобленія, которое, даже и въ консервативныхъ представителяхъ нашей печати и общества, тогда еще почти не проявлялось **). Даже въ минуту взрыва народнаго негодованія,

---

учебной части въ Царствѣ Польскомъ, а равно А. И. Кошелевъ, приглашенный имъ на постъ главнаго директора коммиссіи финансовъ въ Царствѣ Польскомъ.

Принять участіе въ работахъ учредительнаго комитета были приглашены въ 1864 году и кіевскіе славянофилы, какъ В. М. Бѣлозерскій, Кулішъ и др.

*) Большое значеніе имѣютъ также статьи Гильфердинга въ *Днѣ* и *Русскомъ Инвалидѣ*, вошедшія потомъ въ собраніе его сочиненій: *Въ чемъ искать разрѣшеніе польскому вопросу*, т. II, стр. 313; *Положеніе и задача Россіи въ Царствѣ Польскомъ*, т. II, стр. 333; *За что борются русскіе съ поляками*, т. II. Тамъ же: *Письмо къ Ригеру*, стр. 279. Отвѣтъ Ригера въ *Днѣ* 1863 г., № 63 отъ 13 іюля. См. также передовыя статьи И. С. Аксакова въ *Днѣ* за 1863 и 1864 года.

См. также: *Проектъ адреса самарскаго дворянства*, написанный Самаринымъ и помѣщенный на стр. 299 I-го тома его *Сочиненій*.

Статья *О современномъ объемѣ польскаго вопроса*, тамъ же, на стр. 325.

**) Такъ, напримѣръ, *Московскія Вѣдомости*, въ передовой статьѣ 12 марта 1863 г. (№ 55), признаютъ возможность и желательность полной внутренней автономіи Царства Польскаго подъ скипетромъ русскаго государя, но только: 1) безъ самостоятельной арміи и 2) подъ условіемъ отказа поляковъ отъ всѣхъ дальнѣйшихъ притязаній (на присоединеніе западныхъ губ. и т. п.).

Въ передовой статьѣ отъ 29 марта (№ 69) признается необходимость единства съ имперіей въ отношеніяхъ финансовомъ и военномъ и общихъ политическихъ учрежденій; остальныя вѣтви управленія могутъ быть автономны.

Впрочемъ, въ томъ же № есть статья Шипова, которая намекаетъ уже на желательность въ Польшѣ той политики, которую практиковали прусскіе администраторы Познани, и, между прочимъ, указывается также на желательность распространенія въ Польшѣ русскаго языка.

4 апрѣля (№ 71), по поводу амнистіи, объявленной государемъ всѣмъ возставшимъ полякамъ, которые положатъ оружіе до 1 мая, помѣщена большая передовая статья, по духу своему противная амнистіи, хотя это прямо и не высказывается. Тамъ проводится мысль, какъ все было спокойно при крѣпкомъ режимѣ матеріальной силы и какъ все заколебалось при попущеніяхъ императора Александра II. Впрочемъ, статья кончается все же совѣтомъ накрѣпко присоединить Польшу къ Россіи, предложить ей совмѣстно идти по пути прогресса при одинаковыхъ политическихъ правахъ и учрежденіяхъ (*Московскія Вѣдомости* желали еще тогда учрежденій представительныхъ) и при нѣкоторой автономіи.

когда вмѣшательство иностранныхъ державъ задѣло и подняло національное самолюбіе въ русскомъ обществѣ, Самаринъ счелъ нужнымъ въ адресѣ, поданномъ государю самарскимъ дворянствомъ, вставить слова примиренія по отношенію къ возставшимъ полякамъ: «Мы готовы,—сказано тамъ,—и оставляемъ за собою мѣсто въ передовой шеренгѣ народной рати; но въ самый разгаръ борьбы, если она начнется, ненависть къ ближайшимъ ея виновникамъ не найдетъ доступа въ наши сердца. Мы не потребуемъ отплаты за разсчитанныя оскорбленія и за невинную коварно-пролитую кровь, но сбережемъ для лучшихъ временъ сознаніе нашего племеннаго родства съ поляками. Пусть знаютъ они, что не мы обрадуемъ враговъ славянскаго міра отреченіемъ отъ увѣренности, что рано или поздно благодушіе побѣдитъ озлобленіе, улягутся предубѣжденія и примиренные поляки протянутъ намъ братскую руку» *).

Въ польскомъ вопросѣ Самаринъ видѣлъ три элемента: *поляки*, какъ нація; *Польша*, какъ самостоятельное государство; *полонизмъ*, какъ просвѣтительное начало, «какъ представительство и вооруженная пропаганда латинства въ средѣ славянскаго міра» **).

«Эти три понятія безпрестанно смѣшиваются и переходятъ одно въ другое,—говоритъ онъ.—Вся политика поляковъ заключается въ ихъ отождествленіи; наша политика—въ ихъ разъединеніи».

Такова исходная точка воззрѣнія его, а, вмѣстѣ съ нимъ, и другихъ славянофиловъ ***) на польскій вопросъ. Главнаго врага Россіи и славянства Самаринъ видитъ въ полонизмѣ и полагаетъ, что противъ него и надо направить всѣ усилія. Противъ него онъ выставляетъ восточно-славянское просвѣтительное начало, православіе, и всю задачу русскаго правительства въ Западномъ краѣ полагаетъ въ доставленіи торжества этому просвѣтительному началу надъ западнымъ латинскимъ.

Существованіе Польши, какъ самостоятельнаго государства, онъ не считаетъ возможнымъ теперь допустить именно и только потому, что оно стремится обратиться въ передовой постъ латинской пропаганды и въ умахъ поляковъ соединяется съ отнятіемъ у Россіи отдѣльныхъ русскихъ областей.

Напротивъ, поляковъ, какъ націю, онъ признаетъ безусловно и говоритъ, что признаніе этого факта «естественно ведетъ къ признанію права на такое устройство, которое бы не нарушало свободы народной жизни

Въ № 75, въ передовой статьѣ отъ 9 апрѣля, сказано: „Русскіе люди не только не желали бы, чтобы русское правительство казнями продолжало борьбу противъ поляковъ, но они не желали бы, чтобы по усмиреніи возстанія у Польскаго края были отняты или стѣснены виды на дальнѣйшее развитіе. Не подавлять польскую народность, а призвать ее къ новой общей съ Россіей политической жизни,—вотъ что можетъ въ интересахъ Россіи, самой Польши и цѣлой Европы".

*) *Сочиненія*, т. I, стр. 300.

**) *Сочиненія*, т. I, стр. 325 и слѣд.

***) Статья была напечатана въ главномъ славянофильскомъ органѣ — аксаковскомъ *Днѣ*, и въ передовой статьѣ въ слѣдующемъ 39 № *Дня* Аксаковъ ссылается на нее, какъ на выраженіе мнѣнія редакціи.

во всѣхъ ея проявленіяхъ, составляющихъ *необходимое условіе всякой живой народности*», разумѣя подъ этимъ: «свободу вѣроисповѣданія, оффиціальное употребленіе народнаго языка въ дѣлахъ внутренняго управленія и своеобразность гражданскаго быта» *).

Мѣры, предложенныя *Московскими Вѣдомостями*, Самаринъ совершенно осуждаетъ, какъ новое посягательство на національность поляковъ.

«Это было бы,—говоритъ онъ,—въ полномъ смыслѣ не сліяніе, а поглощеніе Польши Россіей, — поглощеніе, въ которомъ бы на долю первой выпала чисто-пассивная роль подчиненія внѣшней силѣ».

Окончательное разрѣшеніе польскаго вопроса Самаринъ видитъ въ полномъ и сознательномъ примиреніи Польши съ Россіей и славянствомъ; но такое примиреніе, по его мнѣнію, будетъ возможно лишь тогда, когда Польша пойметъ свою историческую ошибку и добровольно и сознательно откажется отъ своихъ западныхъ латинскихъ традицій. Самаринъ сознаетъ, что надѣяться на такое окончательное разрѣшеніе вопроса возможно лишь въ отдаленномъ будущемъ. Для настоящаго времени онъ считаетъ нужнымъ лишь сдѣлать поляковъ безвредными для Россіи и для этого подсѣчь корни полонизму.

Поэтому у него, какъ и у другихъ славянофиловъ, сильно разнится программа политики для Западнаго края отъ программы политики въ собственной Польшѣ. Въ первомъ онъ считаетъ необходимой дѣятельную и энергичную борьбу съ полонизмомъ, причемъ выдвигаетъ на сцену восточное просвѣтительное начало—православіе; во второй онъ считаетъ возможнымъ ограничиться лишь подавленіемъ возстанія *и выведеніемъ на историческую сцену крестьянскаго населенія освобожденіемъ его отъ всякой зависимости отъ дворянства.*

Когда все это будетъ сдѣлано, «польскій политическій вопросъ будетъ въ рукахъ Россіи». Какъ рѣшится этотъ вопросъ окончательно, это будетъ зависѣть отъ совокупности многихъ обстоятельствъ. Самаринъ считаетъ возможнымъ указать лишь два мыслимыхъ для Россіи пути къ его разрѣшенію: во-первыхъ, нераздѣльное сочетаніе Польши съ Россіей учрежденіемъ въ первой власти, *въ русскихъ рукахъ сосредоточенной,* и настолько сильной, чтобъ убѣдить поляковъ въ безнадежности всякаго возстанія; во-вторыхъ, добровольное и полное отреченіе Россіи отъ Польскаго Царства **).

---

*) *Сочиненія*, т. I, стр. 326.

**) Гильфердингъ въ статьѣ *Въ чемъ искать разрѣшеніе польскому вопросу* (т. II, стр. 316) не видитъ тутъ никакого выхода сколько-нибудь удовлетворительнаго. Онъ говоритъ, что Польша ставитъ Россію въ постоянное противорѣчіе съ самою собой.

Мы не можемъ, по его мнѣнію, отдать Польшу полякамъ, потому что поляки захотѣли бы захватить и наши западныя провинціи; не можемъ ее отдать Германіи или Австріи, потому что это было бы измѣной славянскому міру.

Соединить Польшу съ Россіей можно двумя способами: 1) диктатурой, но ея вредъ доказанъ; 2) какими-либо общими государственными учрежденіями (мысль *Московскихъ Вѣдомостей*), но и тутъ зерно раздора—западныя губерніи.

Никакихъ другихъ посредствующихъ путей въ видѣ болѣе или менѣе проведенной автономіи Самаринъ не признаетъ, хотя тѣмъ самымъ онъ становится, повидимому, въ противорѣчіе съ началомъ своей статьи, гдѣ онъ выражаетъ признаніе правъ поляковъ на существованіе въ видѣ отдѣльной живой націи.

Отправляясь въ Польшу осенью 1863 года, Милютинъ былъ несомнѣнно солидаренъ съ общею славянофильскою точкой зрѣнія на польскій вопросъ. Иначе онъ не обратился бы за помощью къ Самарину и Черкаскому. А извѣстно, что онъ считалъ ихъ своими главными сотрудниками и единомышленниками и безъ нихъ не считалъ даже возможнымъ приступить къ дѣлу. Изъ разговоровъ его съ государемъ, содержаніе которыхъ изложено въ книгѣ Leroy-Beaulieu по источникамъ, повидимому, вполнѣ достовѣрнымъ *), и изъ писемъ его къ Ю. Ѳ. Самарину, относящихся къ тому времени **), видно, что ему очень хотѣлось ограничить свою личную задачу въ Польшѣ одною аграрною реформой. Но государь возлагалъ на него задачу болѣе обширную и требовалъ отъ него пересмотра законодательства, опредѣляющаго весь гражданскій строй страны ***). Милютинъ пробовалъ отклонить отъ себя эту миссію и принялъ ее на себя лишь въ виду прямого требованія государя. Однако, и принявъ ее, онъ продолжалъ видѣть основную свою задачу въ осуществленіи широкой крестьянской реформы, которая вывела бы на историческую сцену крестьянское населеніе страны.

Вотъ что писалъ онъ по этому поводу Я. А. Соловьеву въ началѣ

Корень зла, по его мнѣнію, не въ Польшѣ, а въ западной Руси. Зло въ томъ, что русскій народъ въ Западномъ краѣ подъ властью польскаго пана.

Изъ статьи Гильфердинга можно сдѣлать выводъ, что если бы русскій народъ въ Западномъ краѣ выбился изъ-подъ власти польскаго пана и окрѣпъ въ своемъ самосознаніи, то для Россіи настала бы возможность отказаться отъ собственной Польши, не опасаясь при этомъ отдѣленія западныхъ губерній.

Въ настоящее время, по мнѣнію Гильфердинга, въ Польшѣ для насъ представляются двѣ задачи, разрѣшеніе которыхъ можетъ если не разрѣшить, то временно устранить польскій вопросъ: 1) доставить самостоятельность польскому крестьянству; 2) употребить въ Польшѣ всѣ усилія для распространенія серьезнаго научнаго образованія. Самостоятельность крестьянства устранитъ польскій вопросъ, потому что устранитъ преобладаніе шляхты, которая его поддерживаетъ; наука устранитъ мистически-религіозный сепаратизмъ и историческую фальшь изъ польскаго общества (т. II, стр. 360, *Положеніе и задача Россіи въ Царствѣ Польскомъ*).

И. С. Аксаковъ (въ передовыхъ статьяхъ въ №№ 17 и 18 *Дня* 1863 г.), въ видахъ разрѣшенія польскаго вопроса, рекомендовалъ спросить всю польскую націю, чего она хочетъ; но предварительно онъ считалъ необходимымъ усмирить возстаніе и освободить крестьянъ.

„Для блага самой Польши, для полноты и цѣльности ея развитія, нужно желать, чтобы тамъ образовалось крѣпкое и независимое крестьянство, и чтобъ оно наравнѣ со шляхтою получило участіе въ земскомъ представительствѣ".

*) *Leroy-Beaulieu*, op. cit., p. 187.

**) Ibidem, p. 179 и 191.

***) См. переписку его съ княземъ Долгорукимъ, начальникомъ собственной Е. И. В. канцеляріи, у *Leroy-Beaulieu*, pp. 187, 188 и 190.

1864 года, посылая ему текстъ и объяснительные документы къ только что изданнымъ указамъ 19 февраля 1864 г.:

«Это лишь первый шагъ по пути реформъ, которыя должны теперь получить энергическое развитіе и коснуться всѣхъ вѣтвей администраціи: финансовъ, народнаго просвѣщенія, полиціи и судовъ. Все это должно быть сдѣлано въ виду ясно поставленной цѣли: *поднять и поставить на ноги угнетенныя массы, противупоставляя ихъ олигархіи, которою до сихъ поръ были пропитаны всѣ польскія учрежденія*» *).

Цѣль и объемъ этой статьи не позволяютъ намъ слѣдить за развитіемъ всей дѣятельности Н. А. Милютина въ Царствѣ Польскомъ. Отмѣтимъ лишь, что въ дѣятельности этой онъ и особенно ближайшіе его сотрудники, Черкаскій и Соловьевъ, впослѣдствіи значительно уклонились отъ первоначально начертанной славянофильской программы и принциповъ газеты *Дня*. Уклоненіе это произошло въ сторону руссификаціи края, причемъ права поляковъ, какъ націи, несомнѣнно существенно потерпѣли. Для Милютина это уклоненіе нельзя считать случайнымъ, скорѣе нужно признать его неизбѣжнымъ, потому что корни его лежали уже въ той программѣ, которую выставилъ Самаринъ передъ самымъ отъѣздомъ въ Польшу. Отрицаніе всякой автономіи края и требованіе сосредоточить власть въ русскихъ рукахъ уже одно подрывало выставленное въ началѣ статьи Самарина положеніе о правахъ польской народности на самобытное существованіе. Когда же возстаніе было окончательно усмирено и крестьянская реформа на очень широкихъ основахъ прошла въ законодательномъ порядкѣ и когда наступилъ послѣдній періодъ въ крестьянскомъ дѣлѣ—проведеніе въ жизнь новаго положенія, то неизбѣжно явился вопросъ, откуда взять дѣятелей для надлежащаго осуществленія реформы?

Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, какъ разрѣшеніе этого вопроса въ смыслѣ невозможности довѣрить дѣло проведенія реформы представителямъ мѣстнаго чиновничества и шляхетства и боевое положеніе, занятое по отношенію къ интеллигенціи страны русскими преобразователями въ Царствѣ Польскомъ въ связи съ нѣкоторыми другими обстоятельствами, привели ихъ шагъ за шагомъ къ системѣ полной инкорпораціи, а впослѣдствіи и руссификаціи края.

Борьба съ полонизмомъ, необходимая, по программѣ славянофиловъ, въ западныхъ губерніяхъ имперіи, была перенесена въ само Царство Польское и приняла здѣсь формы вполнѣ принудительныя, а выставленная публицистами *Дня* идея неприкосновенности польской народности въ увлеченіи борьбой была совершенно отброшена.

Однако, имѣя въ виду собственно крестьянскій вопросъ и сохраняя хронологическую послѣдовательность въ изложеніи хода дѣла, обратимся къ первымъ шагамъ дѣятельности Милютина и его сотрудниковъ.

---

*) Я перевожу это письмо съ французскаго текста, приведеннаго у *Leroy-Beaulieu*, op. cit., p. 282. Письмо отъ 23 марта 1864 г.

VI.

Поѣздка Милютина въ Варшаву. — Отношеніе его къ представителямъ мѣстной администраціи.—Способы ознакомленія его съ дѣломъ и собранные имъ матеріалы.— Выработанные имъ и его сотрудниками проекты указовъ 19 февраля 1864 года и утвержденіе этихъ проектовъ въ Петербургѣ.

Принявъ новую миссію, Милютинъ постарался, прежде всего, не выѣзжая еще изъ Петербурга, выяснить себѣ, каково должно быть положеніе польскихъ крестьянъ de jure. Съ этою цѣлью онъ изучилъ всѣ матеріалы по этому вопросу, какіе оказались въ статсъ-секретаріатѣ по дѣламъ Царства Польскаго, и познакомился до нѣкоторой степени съ литературою вопроса. Затѣмъ въ октябрѣ 1863 года онъ выѣхалъ въ Варшаву вмѣстѣ съ Самаринымъ и Черкасскимъ.

Въ Польшѣ ему пришлось, конечно, вступить въ извѣстныя сношенія съ представителями мѣстной администраціи. Главныхъ представителей административной власти, съ которыми предстояло имѣть дѣло, тамъ было два: генералъ М. Н. Муравьевъ—въ Вильнѣ, которому была подчинена Августовская губернія, и графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ — въ Варшавѣ, исправлявшій должность намѣстника послѣ отозванія великаго князя Константина Николаевича. Первый изъ нихъ былъ извѣстный противникъ крестьянской реформы въ Россіи, прославившійся усмиреніемъ возстанія въ Западномъ краѣ самыми жестокими мѣрами. Второй былъ старый придворный, человѣкъ тщеславный и лукавый, очень дорожившій своими намѣстническими прерогативами и не разъ жаловавшійся впослѣдствіи государю, что Милютинъ «слишкомъ его заслоняетъ» *).

Со стороны Муравьева, вмѣсто ожидаемой оппозиціи крестьянской реформѣ, Милютинъ встрѣтилъ, наоборотъ, полное сочувствіе и готовность всяческой поддержки **). Объяснялось это видимое противорѣчіе тѣмъ, что въ Царствѣ Польскомъ Муравьевъ считалъ крестьянскую реформу наилучшимъ *политическимъ орудіемъ* для борьбы съ высшими классами, враждебными Россіи. Напротивъ, Бергъ, при всей внѣшней любезности, сталъ весьма скоро оказывать мелочную, но упорную и систематическую оппозицію всѣмъ предпріятіямъ Милютина не столько, быть можетъ, по несочувствію къ его планамъ, которые, впрочемъ, ему, какъ придворному и коренному балту, врядъ ли могли нравиться, сколько изъ ревниваго опасенія за неприкосновенность своихъ прерогативъ. На первыхъ порахъ все шло,

---

*) См. переписку кн. В. А. Черкасскаго съ Н. А. Милютинымъ и отрывки изъ дневника княгини Черкасской, напечатанные въ *Славянскомъ Обозрѣніи* за 1892 годъ, также переписку Я. А. Соловьева съ Н. А. Милютинымъ въ *Русской Старинѣ* за 1881 годъ и у Leroy-Beaulieu, op. cit., chap. VIII, p. 199 etc.

Д. Г. Анучинъ въ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ въ *Русск. Стар.* за 1893 г., представляетъ дѣло нѣсколько иначе, но его освѣщеніе дѣла опровергается всѣми вышеприведенными документальными источниками.

**) См. интересное письмо этого послѣдняго къ Милютину отъ 25 сентября 1863 года, цѣликомъ приведенное у Leroy-Beaulieu на стр. 202.

однако, совершенно гладко: Милютину, какъ лицу, облеченному особыми полномочіями, не легко было ставить препятствія.

Не теряя времени, онъ приступилъ, вмѣстѣ съ своими сотрудниками, къ изслѣдованію законовъ, инструкцій и различнаго рода дѣлъ, опредѣляющихъ положеніе крестьянъ въ Польшѣ, продолжая здѣсь работу, начатую еще въ Петербургѣ. Для той же цѣли онъ озаботился собраніемъ значительнаго количества статистическихъ свѣдѣній, относившихся какъ къ положенію крестьянъ, такъ и вообще къ состоянію края въ экономическомъ, финансовомъ, судебномъ, административномъ и религіозномъ отношеніяхъ *). Результаты этого обстоятельнаго и изумительнаго по быстротѣ и интензивности труда были изданы въ видѣ массы статистическихъ данныхъ и цѣлаго ряда объяснительныхъ записокъ и законодательныхъ проектовъ въ шести большихъ фоліантахъ подъ названіемъ: *Изслѣдованія въ Царствѣ Польскомъ, по высочайшему повелѣнію произведенныя подъ руководствомъ сенатора статсъ-секретаря Милютина 1863—1864 гг.* **).

Послѣ изученія крестьянскаго вопроса въ Царствѣ Польскомъ по собраннымъ ими статистическимъ, законодательнымъ и архивнымъ даннымъ, Милютинъ, Самаринъ и Черкасскій предприняли поѣздку по нѣкоторымъ мѣстностямъ Царства Польскаго съ цѣлью дополнить свои свѣдѣнія личными, живыми впечатлѣніями отъ непосредственнаго ознакомленія съ бытомъ и физіономіей польскаго крестьянства ***). Эта поѣздка была описана въ художественномъ очеркѣ, составленномъ Ю. Ѳ. Самаринымъ и приложеннымъ къ прочимъ собраннымъ ими матеріаламъ ****).

Посвящая дни и ночи усиленной работѣ, Милютинъ и его сотрудники выработали къ концу ноября проекты четырехъ указовъ, долженствовавшихъ вывести на сцену польской общественной жизни новую силу — народъ и положить, такимъ образомъ, основу новому гражданскому строю страны.

Проекты эти, хранившіеся авторами ихъ въ строгомъ секретѣ, были привезены въ Петербургъ и представлены въ началѣ декабря государю. Государь, одобривъ ихъ въ принципѣ, передалъ ихъ для подробнаго обсуж-

---

*) Н. А. Милютинъ придавалъ особое значеніе статистикѣ въ дѣлахъ законодательства и администраціи. Съ начала 40-хъ годовъ онъ болѣе, нежели кто-либо, способствовалъ развитію въ Россіи какъ оффиціальной, такъ и частной статистики. Срав. въ журналѣ Импер. русск. географич. общества 19 февраля 1872 г. перечень статистическихъ работъ и предпріятій, въ которыхъ Милютинъ принималъ болѣе или менѣе близкое участіе.

**) Издано было in folio въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и нынѣ представляетъ библіографическую рѣдкость. Въ Румянцевскомъ музеѣ, въ Москвѣ, нѣтъ и все; въ Императорской Публичной библіотекѣ, въ Петербургѣ, есть неполный экземпляръ, въ которомъ нѣтъ ни объяснительныхъ записокъ, ни проектовъ, составленныхъ Н. А. Милютинымъ и его сотрудниками.

***) Въ поѣздкѣ принялъ участіе также сенаторъ В. А. Арцимовичъ и, въ качествѣ начальника эскорта, капитанъ Анненковъ, нынѣ генералъ-отъ-инфантеріи.

****) Очеркъ этотъ вошелъ также въ собраніе его сочиненій, т. I, стр. 353.

денія въ особо учрежденный для этого комитетъ *), которымъ они были разсмотрѣны и приняты безъ существенныхъ измѣненій въ январѣ 1864 г.

19 февраля, ровно черезъ три года послѣ изданія положенія 1861 года, журналъ комитета былъ высочайше утвержденъ.

Новое законодательство основалось на тщательномъ изученіи какъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Польшѣ **), такъ и того положенія, въ которомъ крестьяне находились въ моментъ изслѣдованія, а также на глубокомъ пониманіи государственнаго значенія данной минуты для дальнѣйшихъ взаимныхъ отношеній Россіи и Польши.

Реформа 19 февраля 1864 года такъ или иначе разрѣшила два вопроса: съ одной стороны, она дала новое поземельное устройство крестьянамъ, уничтоживъ экономическую зависимость ихъ отъ помѣщиковъ и рѣшивъ, такимъ образомъ, давно бывшій на очереди вопросъ аграрный; съ другой стороны, она дала имъ новое административное устройство на началахъ самоуправленія съ полнымъ уничтоженіемъ вотчинной зависимости ихъ отъ помѣщиковъ.

Что касается поземельнаго устройства крестьянъ, то тутъ за исходную точку отправленія были приняты указы 4 мая 1835 г. и 26 мая 1846 года—двѣ мѣры русскаго правительства, которыя Милютинъ признавалъ единственными принесшими существенную пользу. Въ этомъ отношеніи указъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, несмотря на всю радикальность проведенныхъ имъ мѣръ, можетъ быть разсматриваемъ, какъ дальнѣйшій, конечно, огромный шагъ по пути, намѣченному до извѣстной степени еще въ 1846 году.

Что же касается указа объ общественномъ устройствѣ и самоуправленіи крестьянъ, то здѣсь все совершенно ново и никакихъ связей съ прошедшимъ, по крайней мѣрѣ, ближайшимъ, не имѣетъ.

VII.

Содержаніе указовъ 19 февраля. — Указъ I—поземельное устройство крестьянъ. — Указъ II—новое общественное устройство крестьянъ и сельскихъ гминъ.—Указъ III—финансовая сторона реформы 19 февраля 1864 года.

Собственно поземельному устройству крестьянъ посвященъ указъ первый; второй указъ содержитъ въ себѣ устройство крестьянскихъ обществъ и

*) Въ составъ комитета, подъ предсѣдательствомъ кн. П. Гагарина, вмѣстѣ съ министрами различныхъ министерствъ, вошли и составители проектовъ: Н. А. Милютинъ, Ю. Ѳ. Самаринъ и кн. В. А. Черкасскій, а также и помогавшій имъ въ Варшавѣ В. А. Арцимовичъ, взгляды котораго, однако, не вполнѣ совпадали со взглядами „тріумвирата“.

Оппозицію проектамъ составляли: вице-канцлеръ кн. Горчаковъ и отчасти В. П. Панинъ; особенно поддерживали: кн. Гагаринъ и Чевкинъ.

Leroy-Beaulieu, op. cit., p. 236 etc.

**) Тутъ пригодились, безъ сомнѣнія, солидныя научныя познанія Ю. Ѳ. Самарина, хорошо знакомаго вообще съ исторіей аграрныхъ отношеній на Западѣ, о чемъ

сельскихъ гминъ, третій указъ опредѣляетъ принципы и условія ликвидаціонной операціи; и, наконецъ, четвертый—установляетъ порядокъ введенія въ дѣйствіе новаго законодательства *).

Статьями 1-ю и 5-ю перваго указа всѣ земли, состоявшія въ пользованіи крестьянъ во время изданія указа въ имѣніяхъ частныхъ, различныхъ учрежденій, майоратныхъ и казенныхъ, поступили *въ полную собственность* крестьянъ, тѣми землями владѣвшихъ, независимо отъ того, подходили эти земли подъ дѣйствіе указа 26 мая 1846 года или не подходили, безо всякаго ограниченія какимъ бы то ни было размѣромъ, и на какомъ бы основаніи крестьяне ими ни владѣли (т.-е. по утвержденнымъ ли правительствомъ табелямъ повинностей, либо по вѣдомостямъ, составленнымъ на основаніи положенія 24 мая 1862 г. объ обязательномъ очиншеваніи, по престаціоннымъ табелямъ, по привилегіямъ, по контрактамъ, письменнымъ или словеснымъ, срочнымъ или безсрочнымъ, либо, наконецъ, безъ контрактовъ, по одному обычаю), и какого бы рода повинности они ни отбывали (ст. 14).

Такимъ образомъ, наравнѣ съ усадьбами тяглыхъ крестьянъ, сюда же были отнесены усадьбы бобылей, коморниковъ и проч., не заключавшія въ себѣ 3-хъ морговъ земли и не подошедшія поэтому подъ законъ 1846 года **).

Въ этомъ заключается первая и, можетъ быть, самая существенная разница между аграрною реформой, проведенною Милютинымъ въ Царствѣ Польскомъ, и русскимъ положеніемъ 19 февраля. Тогда какъ по русскимъ положеніямъ крестьянамъ нарѣзывался надѣлъ согласно извѣстнымъ установленнымъ нормамъ, часто весьма стѣснявшимъ крестьянское землевладѣніе, въ Царствѣ Польскомъ по указу 19 февраля крестьяне получили *всю* землю, бывшую фактически въ ихъ владѣніи.

Кромѣ того, крестьянамъ давалось право возвратить отъ помѣщиковъ тѣ усадьбы, которыя подходили подъ дѣйствіе указа 26 мая 1864 г., но были неправильно присоединены помѣщиками къ господскимъ полямъ или находились впустѣ. Для предъявленія правъ на такія усадьбы назначенъ былъ трехлѣтній срокъ. Точно также предоставлялось крестьянамъ требо-

---

свидѣтельствуютъ замѣчательныя статьи его, помѣщенныя подъ заглавіемъ *Упраздненіе крѣпостнаго права и устройство отношеній между помѣщиками и крестьянами въ Пруссіи*"—въ журналѣ *Сельское Благоустройство* за 1858 годъ. Онѣ вошли во II т. его сочиненій, стр. 191—400.

*) Указы эти напечатаны въ *Dziennik'ѣ praw*, т. LXII, и въ *Сборникѣ узаконеній по учрежд. дому губ. Ц. П.*, т. I, стр. 1 (изданіе зем. отд. м-ва вн. дѣлъ).

**) Однако, исключенія, установленныя въ 1846 году совѣтомъ управленія для усадебъ корчемныхъ, мельничныхъ, при кирпичныхъ заводахъ и кузницахъ, или занятыхъ овчарями, садовниками, лѣсными сторожами и др. господскими служителями; если, притомъ, усадьбы эти находились не въ деревнѣ, а на мызѣ или при барскомъ дворѣ, или въ лѣсу и на опушкѣ лѣса, а равно и для земель сданныхъ крестьянамъ по письменнымъ контрактамъ на срокъ *вмѣстѣ съ фольварочными* (господскими) статьями, остались въ силѣ и вошли въ статью 10 указа I.

вать возвращенія отъ помѣщиковъ прежнихъ своихъ земель, подходившихъ подъ дѣйствіе указа 26 мая, но неправильно обмѣненныхъ помѣщиками на другія земли безъ согласія на то крестьянъ, утвержденнаго законнымъ порядкомъ. Послѣднимъ срокомъ для заявленія этого рода претензій крестьянамъ назначался день, въ который имъ будетъ предъявленъ проектъ ликвидаціонной табели (т.-е. уставной грамоты).

Вмѣстѣ съ землями крестьяне получали въ собственность весь находившійся при усадьбахъ живой и мертвый инвентарь.

Крестьяне сохраняли всѣ сервитутныя права, какъ записанныя въ престаціонную табель 1846 года, такъ и опредѣленныя по контрактамъ словеснымъ или письменнымъ, или же по обычаю.

Сервитутныя права, принадлежавшія имъ во время изданія указа 1864 года и затѣмъ неправильно уничтоженныя помѣщиками, должны были быть возстановлены въ прежнемъ размѣрѣ и видѣ.

Становясь собственниками земли, крестьяне пріобрѣтали право не только на поверхность ея, но и на нѣдра, съ тѣми лишь ограниченіями, какія установлены для всѣхъ общими законами.

Къ крестьянскимъ обществамъ перешли права охоты и рыбной ловли.

Вотчинное право *пропинаціи* (т.-е. право выдѣлки и розничной продажи вина) также предоставлено крестьянскимъ обществамъ, но доходъ отъ этого права временно, впредь до окончательной уплаты казной вознагражденія помѣщикамъ, обращался на усиленіе средствъ, изъ которыхъ должно быть произведено это вознагражденіе.

По указу 19 февраля 1864 года, польскіе крестьяне признаны были *полными собственниками ихъ земель немедленно по обнародованіи указа*: въ этомъ вторая существенная разница съ положеніемъ 19 февраля 1861 года. Въ правѣ распоряженія своими усадьбами они были временно ограничены лишь слѣдующими двумя постановленіями: 1) домъ и надворныя строенія не могли быть ни закладываемы, ни отчуждаемы отдѣльно отъ земли, и 2) брать въ залогъ и пріобрѣтать крестьянскія усадьбы могли только крестьяне. Учредительный комитетъ прибавилъ впослѣдствіи 3-е ограниченіе, что крестьянскія усадьбы не могутъ быть дробимы на части меньшія 6 морговъ (3 десятинъ *). Въ 1891 году эти временныя ограниченія перешли въ постоянный законъ, установившій недробимость и неотчуждаемость въ руки лицъ другихъ сословій крестьянской земли въ Царствѣ Польскомъ.

Что касается обмѣна черезполосныхъ земель въ имѣніяхъ, еще не устроенныхъ (колоніально), и отмѣны сервитутовъ, то въ указѣ обѣщано было издать особыя правила, имѣющія опредѣлить, при какихъ условіяхъ и какимъ порядкомъ подобный обмѣнъ земель и отмѣна сервитутовъ могутъ быть допущены, независимо отъ обоюднаго согласія, по требованію од[ной]

*) Постановленія учредительнаго комитета, ст. 524, *Сборникъ Узаконеній*, т. I, стр. 311.

лишь стороны. До тѣхъ же поръ этого рода дѣла предоставлялись добровольному соглашенію сторонъ, законнымъ порядкомъ засвидѣтельствованному.

Что касается повинностей, которыя крестьяне до тѣхъ поръ отбывали съ находившихся въ ихъ пользованіи земель, то первоначально проектировался выкупъ этихъ повинностей посредствомъ особой выкупной операціи. Но, при обсужденіи проектовъ Милютина, въ особомъ комитетѣ, ихъ разсматривавшемъ, было принято во вниманіе, согласно указанію Милютина же, что крестьяне въ Царствѣ Польскомъ съ начала возстанія не отбывали и не платили въ пользу помѣщиковъ никакихъ повинностей и что земли, состоявшія въ ихъ пользованіи, декретами революціоннаго правительства объявлены уже ихъ собственностью безъ всякаго выкупа. Поэтому признано было болѣе цѣлесообразнымъ дать совершившемуся факту законодательное признаніе, а для уплаты помѣщикамъ вознагражденія изыскать другіе источники, въ видѣ, главнымъ образомъ, простого возвышенія налоговъ на поземельную собственность, какъ крестьянскую, такъ и другихъ категорій. Въ этомъ заключается третья существенная разница указовъ 1864 года съ русскимъ положеніемъ 1861 года. Тутъ отразилось несомнѣнно всего сильнѣе косвенное вліяніе декретовъ и циркуляровъ «Narodowego Rządu» на милютинское законодательство.

Такова собственно аграрная сторона законодательства 1864 года. Другая—общественно-административная—сторона реформы имѣла несомнѣнно не меньшую, важность. Она заключалась въ совершенномъ уничтоженіи вотчинной юрисдикціи помѣщиковъ и въ образованіи новаго крестьянскаго и гминнаго самоуправленія на истинно-демократическихъ основахъ.

Въ самомъ указѣ объ устройствѣ сельскихъ гминъ содержится указаніе на внутреннюю связь этихъ двухъ сторонъ крестьянской реформы. Тамъ сказано, что съ упраздненіемъ вотчинныхъ правъ помѣщиковъ на землю, занятую крестьянами, не осталось никакой уважительной причины сохранять далѣе за помѣщиками патримоніальную юрисдикцію и сопряженную съ званіемъ войтовъ гмины власть, «тѣмъ болѣе, что уже и въ прежнее время учрежденіе сіе далеко не обезпечивало общественнаго порядка и строгой справедливости». Съ другой стороны, указывается на трехлѣтній опытъ въ Имперіи, доказавшій пользу дарованія крестьянамъ самоуправленія, причемъ выражена увѣренность, что и польскіе крестьяне оправдаютъ оказанное имъ довѣріе.

Сельская гмина *) *признана единицею всесословной; въ составъ ея в[ошли]: деревни и колоніи, крестьянами населенныя, и фольварки или л[ишь] помѣщиковъ и прочихъ землевладѣльцевъ.*

Каждая деревня или колонія составила меньшую самоуправляющуюся

*) Указъ 1864 года распространялся лишь на сельскія гмины, причемъ, временно, [было] удержано прежнее дѣленіе на гмины 1859 г. Но учредительному комитету по[ручалось] выработать проектъ новаго административнаго дѣленія Царства на гмины.

единицу — сельское общество. Но это единица не всесословная, а исключительно крестьянская.

Помѣщики и мелкіе землевладѣльцы со своими фольварками, мызами и домами, а равно ихъ оффиціалисты, прислуга, наемные рабочіе и проч. лица, живущія на господской землѣ и въ домахъ мелкой шляхты, въ составъ сельскихъ обществъ не входятъ.

Напротивъ, крестьяне, хотя бы и живущіе внѣ деревни особымъ дворомъ, причисляются вмѣстѣ со своими семействами къ ближайшему обществу одной съ ними гмины.

Каждое сельское общество управляется сельскимъ сходомъ и его выборнымъ представителемъ—солтысомъ.

Сельскій сходъ составляется изъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ крестьянъ-домохозяевъ, принадлежащихъ къ составу сельскаго общества и живущихъ въ собственныхъ своихъ домахъ. Крестьянки, владѣющія усадебными участками и самостоятельно управляющія хозяйствами, могутъ участвовать въ сельскихъ сходахъ наравнѣ съ прочими домохозяевами.

Вѣдѣнію сельскаго схода подлежатъ слѣдующія дѣла:

1. Совѣщанія и ходатайства объ общественныхъ нуждахъ сельскаго общества.

2. Распоряженіе общественными строеніями, школами, богадѣльнями и т. п. заведеніями, учрежденными на общественные съ сельскаго общества сборы.

3. Распоряженіе участками земли, принадлежащими всему обществу. Сюда же относится изъявленіе согласія или несогласія на раздѣленіе такихъ земель на подворные участки, а также на разверстаніе общихъ съ помѣщиками или съ другими деревнями пастбищъ и на отмѣну или замѣну принадлежащихъ обществу сервитутныхъ правъ.

4. Назначеніе сборовъ на общественные расходы сельскаго общества.

5. Выборъ солтыса, сборщика податей и другихъ должностныхъ лицъ сельскаго управленія, а также избраніе повѣренныхъ для хожденія по дѣламъ общественнымъ.

6. Учетъ должностныхъ лицъ, сельскимъ обществомъ избранныхъ.

7. Ходатайства о производствѣ между домохозяевами новой, болѣе уравнительной раскладки поземельнаго налога *).

Созывается сельскій сходъ, смотря по надобности, солтысомъ или гминнымъ войтомъ, преимущественно въ дни воскресные и праздничные.

Рѣшенія сельскихъ сходовъ признаются законными тогда только, когда на сходѣ былъ солтысъ или войтъ (въ особыхъ указанныхъ случаяхъ и

*) Высочайшій указъ 15 ноября 1868 года объ устройствѣ государственн окладныхъ податей въ Царствѣ Польскомъ расширилъ въ этомъ послѣднемъ о шеніи права сельскихъ сходовъ, предоставивъ имъ самимъ, сообразно разъ навс установленнымъ правиламъ (ст. 18 того же указа), производить внутреннюю раскл налоговъ между отдѣльными домохозяевами. *Сборникъ Узаконеній*, т. I, стр. 545, г. 2374 пост. учред. комитета.

не менѣе половины всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право участвовать въ сходѣ. Всѣ дѣла рѣшаются по большинству голосовъ, причемъ по нѣкоторымъ особо указаннымъ дѣламъ требуется большинство ⅔ голосовъ. Сюда относятся, главнымъ образомъ, дѣла, касающіяся распоряженія общественнымъ имуществомъ и имущественныхъ правъ общества.

Солтысъ соединяетъ въ своихъ рукахъ власть сельскаго старосты и сотскаго въ русскихъ губерніяхъ.

Въ своемъ обществѣ онъ является представителемъ и исполнителемъ рѣшеній сельскаго схода; въ гминѣ же онъ является помощникомъ войта особенно по дѣламъ полицейскимъ. Въ предѣлахъ своего общества ему предоставлена нѣкоторая карательная власть за маловажные полицейскіе проступки, совершенные крестьянами. Онъ можетъ подвергать виновныхъ аресту до 2 дней, денежному штрафу до 1 рубля, или назначать на общественныя работы, въ случаѣ несостоятельности, до 2 дней.

Въ предѣлахъ каждой гмины общественными дѣлами завѣдуетъ *гминный сходъ* и его выборный представитель—*гминный войтъ* со своими помощниками—солтысами.

Сверхъ того, въ каждой гминѣ былъ учрежденъ выборный судъ.

Такъ какъ гмина признана была,—въ противность нашей волости,—единицею всесословной, то и участниками гминнаго схода по новому закону являлись всѣ безъ различія сословій и вѣроисповѣданія совершеннолѣтніе домохозяева гмины, владѣющіе въ предѣлахъ ея на правахъ личной собственности не менѣе какъ тремя моргами земли. Отъ участія въ гминномъ сходѣ устранены лишь: мѣстные мировые судьи, чины уѣздной полиціи и лица духовнаго званія, хотя бы они и владѣли въ предѣлахъ гмины установленнымъ поземельнымъ цензомъ.

Вѣдѣнію гминнаго схода подлежатъ слѣдующія дѣла:

1. Постановленіе о всѣхъ вообще предметахъ, относящихся до хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлъ цѣлой гмины.

2. Распоряженіе общественнымъ имуществомъ, принадлежащимъ цѣлой гминѣ.

3. Мѣры общественнаго призрѣнія, а равно учрежденіе гминныхъ училищъ.

4. Назначеніе и раскладка гминныхъ сборовъ и повинностей, относящихся до цѣлой гмины.

5. Выборъ войта, лавниковъ и другихъ гминныхъ должностныхъ лицъ, а также избраніе повѣренныхъ для хожденія по дѣламъ гмины.

6. Повѣрка дѣйствій и учетъ должностныхъ лицъ.

7. Наконецъ, разрѣшеніе всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда по закону или в[ѣ]дствіе частныхъ распоряженій правительства требуется на что-либо с[о]гласіе всей гмины или разрѣшеніе ея.

Рѣшенія гминнаго схода считаются законными, когда на сходѣ присутствовалъ войтъ гмины или замѣняющій его солтысъ и не менѣе полов[и]ны домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ. Рѣшенія постанов-

ляются, какъ и на сельскомъ сходѣ, по большинству голосовъ, причемъ для дѣлъ, касающихся гминныхъ имуществъ, требуется $^2/_3$ голосовъ.

Приговоры по дѣламъ особой важности записываются въ книгу.

Обязанности войта гмины имѣютъ двоякій характеръ. По дѣламъ общественнымъ онъ является представителемъ и исполнителемъ рѣшеній гминнаго схода. По дѣламъ полицейскимъ онъ является послѣднимъ представителемъ полицейской власти по самымъ разнороднымъ предметамъ полиціи, благосостоянія и безопасности въ предѣлахъ своей гмины. Онъ отвѣчаетъ за охраненіе общаго порядка и спокойствія въ гминѣ и на немъ же лежитъ обязанность надзора и общихъ заботъ о состояніи путей сообщенія и всякихъ общественныхъ учрежденій гмины. Онъ же обязанъ безпрекословно исполнять всѣ законныя требованія уѣзднаго начальника, мирового судьи и прочихъ судебныхъ мѣстъ и иныхъ правительственныхъ установленій по предметамъ ихъ вѣдомства. Онъ же завѣдуетъ гминными общественными суммами, отвѣтствуя за цѣлость ихъ и правильное ихъ употребленіе.

Въ виду всесословности гмины, войту подвѣдомственны всѣ безъ исключенія лица, проживающія въ предѣлахъ гмины. За маловажные полицейскіе проступки онъ могъ по указу 19 февраля собственною властью подвергать ихъ денежному штрафу до 1 р. съ замѣною общественными работами, въ случаѣ несостоятельности (за исключеніемъ, впрочемъ, лицъ, изъятыхъ по закону отъ этого рода взысканій), и аресту до 2 дней *).

Хотя при войтѣ нѣтъ никакого постояннаго совѣта, какъ это предполагалось по проекту Велепольскаго, однако, законъ обязываетъ его «совѣщаться съ лавниками и солтысами и приглашать ихъ къ совокупной съ нимъ дѣятельности» по всѣмъ предметамъ его вѣдомства, а особенно по дѣламъ, касающимся пользы и общественнаго хозяйства гмины. Такъ, если гминный сходъ не составитъ раскладки между жителями гмины казенныхъ и гминныхъ повинностей, то войтъ обязанъ предупредить сходъ, что онъ самъ составитъ раскладку. И если сходъ и затѣмъ не сдѣлаетъ раскладки, то она немедленно составляется войтомъ, но непремѣнно при участіи лавниковъ и солтысовъ подъ общею ихъ отвѣтственностью (ст. 16).

Однако, указъ не опредѣляетъ ближе характеръ участія всѣхъ этихъ лицъ въ подобныхъ совѣщаніяхъ, ни правъ ихъ какъ членовъ такого совѣщанія, ни значеніе ихъ голоса для войта, въ виду чего совѣщанія эти на практикѣ получили значеніе пустой формальности.

Для письмоводства при войтѣ установлена должность писаря, по указу 19 февраля 1864 года, однако, не обязательно кѣмъ-либо замѣщаемая. Войтъ могъ и самъ, если находилъ возможность, вести все письмоводство гминнаго управленія.

Всѣ должностныя лица гминнаго и сельскаго управленія выбираю я

*) Съ введеніемъ въ 1875 году въ Царство Польское судебныхъ уставовъ императора Александра II статья эта потеряла силу.

на три года, причемъ по истеченіи этого срока они могутъ быть выбраны вновь.

Для избранія на должность гминнаго войта и лавника (члена суда) необходимо имѣть въ предѣлахъ гмины, на правахъ личной собственности, не менѣе 6 морговъ земли.

Для избранія въ солтысы требуется принадлежность къ мѣстному крестьянскому обществу и поземельный цензъ въ три морга.

На выборахъ въ каждую изъ этихъ должностей избирается по 2 кандидата, причемъ одинъ изъ нихъ утверждается уѣзднымъ начальникомъ въ должности, а другой допускается къ временному замѣщенію перваго въ случаяхъ его болѣзни, смерти, отпуска и проч.

Законъ не опредѣляетъ основаній, по которымъ уѣздный начальникъ можетъ отказать въ своемъ утвержденіи тому или другому кандидату. Въ случаѣ же, если онъ не признаетъ возможнымъ допустить къ должности ни одного изъ выбранныхъ кандидатовъ, то распоряжается о производствѣ новыхъ выборовъ. Если же и на нихъ будутъ избраны кандидаты, которыхъ, по мнѣнію уѣзднаго начальника, нельзя допустить къ должности, то онъ представляетъ объ этомъ губернатору, который и рѣшаетъ окончательно, утвердить ли одного изъ выбранныхъ кандидатовъ, или распорядиться о производствѣ третьихъ «окончательныхъ» выборовъ.

На незаконныя дѣйствія уѣзднаго начальника жалобы могутъ быть подаваемы губернатору въ 30-ти дневный срокъ. Войты гмины и лавники могутъ быть отставлены отъ должности въ административномъ порядкѣ губернаторомъ, а временно и уѣзднымъ начальникомъ. Солтысы могутъ быть отставлены отъ должности уѣзднымъ начальникомъ. Отъ тѣхъ же инстанцій зависитъ преданіе этихъ должностныхъ лицъ суду.

Всѣ должностныя лица гминнаго и сельскаго управленія вполнѣ подчинены уѣздному начальнику, который можетъ штрафовать ихъ въ дисциплинарномъ порядкѣ: выговорами, замѣчаніями, денежными штрафами до 5 рублей и арестомъ до 7 дней. Распоряженія этого рода могутъ быть обжалованы губернатору въ семидневный срокъ.

Вновь образованнымъ крестьянскимъ учрежденіямъ также предоставленъ былъ надзоръ за ходомъ гминнаго и сельскаго самоуправленія. Надзоръ этотъ, особенно въ виду даннаго ему направленія позднѣйшими циркулярами Я. И. Соловьева, получилъ впослѣдствіи важное значеніе, какъ мѣра, могшая сдерживать произволъ уѣздныхъ начальниковъ.

Указъ 19 февраля 1864 года объ устройствѣ сельскихъ гминъ на-ряду с общественнымъ самоуправленіемъ установилъ особый гминный судъ, со-ѣтствовавшій по назначенію своему нашему волостному суду. По указу 2 февраля, гминный судъ состоялъ изъ войта гмины и лавниковъ. Лав- я избирались гминнымъ сходомъ въ числѣ отъ 2 до 3 на каждую гмину, с тря по ея обширности.

Вѣдомству гминнаго суда подлежали изъ уголовныхъ дѣлъ маловажные п чейскіе проступки, наказуемые денежными штрафами до 3 руб. или

арестомъ до 7 дней. Изъ дѣлъ гражданскихъ ему подвѣдомственны были иски и тяжбы лишь о движимомъ имуществѣ или по исполненію личнаго обязательства, причемъ цѣнность иска не могла превышать 30 руб. *).

Гминному суду подлежали всѣ лица безъ различія сословій, имѣющія жительство въ предѣлахъ гмины. Впрочемъ, по добровольному согласію сторонъ, гминный судъ могъ разбирать гражданскія дѣла, выходившія изъ предѣловъ его вѣдомства.

Гминный судъ долженъ былъ собираться не рѣже одного раза въ недѣлю. Всѣ дѣла въ немъ производились словесно. Приговоры и условія мировыхъ сдѣлокъ по гражданскимъ дѣламъ записывались въ книгу.

Рѣшенія гминнаго суда приводились въ исполненіе представителями сельской полиціи—войтами и солтысомъ **).

Финансовая сторона реформы изложена въ указѣ ликвидаціонной коммиссіи.

Владѣльцы имѣній въ Царствѣ Польскомъ получили вознагражденіе не за землю, укрѣпленную за крестьянами въ собственность, а за тѣ повинности, которыя крестьяне въ ихъ пользу съ этой земли отбывали. Впрочемъ, изъ этихъ повинностей подлежали вознагражденію лишь тѣ, которыя подходили подъ понятіе правильной барщины, денежнаго окупа или опредѣленнаго чинша, денежнаго или натуральнаго. Всѣ даремщины, лаудеміи и проч. поборы отмѣнялись безвозмездно. Безвозмездно же была отмѣнена и вотчинная юрисдикція.

Что касается способовъ оцѣнки выкупаемыхъ государствомъ повинностей, то всѣ имѣнія въ Царствѣ были раздѣлены указомъ 19 февраля на 2 категоріи. Къ первой отнесены тѣ, гдѣ повинности отбывались въ видѣ барщины или замѣнившаго его денежнаго окупа; ко второй—всѣ имѣнія очиншованныя.

Въ имѣніяхъ первой категоріи барщина переводилась на деньги, причемъ стоимость крестьянской работы оцѣнивалась по таксѣ, установленной въ законѣ о денежномъ окупѣ. Если сверхъ барщины въ такихъ имѣніяхъ платился еще въ видѣ дополненія денежный чиншъ или хлѣбный оброкъ, то сумма его (переложенная на деньги) прибавлялась къ стоимости барщины. Изъ вычисленной такимъ образомъ цѣнности барщины скидывалась $^1/_3$, а остальныя $^2/_3$ составляли повинность, подлежавшую вознагражденію, если только размѣръ ея не превышалъ высшаго размѣра поземельной платы съ морга, установленной въ 21 ст. того же указа.

Оцѣнка повинностей въ имѣніяхъ второй категоріи производилась такъ: если платился денежный чиншъ, то онъ и принимался за цѣнность лежащей на крестьянскомъ участкѣ повинности; если платился натуральный

*) Вскорѣ она была возвышена до 100 руб. Высочайш. указъ 15 ноября 65 года. *Сборникъ Узаконеній*, т. I, стр. 289.

**) Все устройство гминныхъ судовъ и судопроизводства въ нихъ подверглось впослѣдствіи полному преобразованію съ введеніемъ въ Царствѣ Польскомъ судебной реформы въ 1875 году.

(хлѣбный) оброкъ, то цѣнность его вычислялась по особой таксѣ; если сверхъ чинша или хлѣбнаго оброка съ участка отбывалась еще дополнительная барщина, то цѣнность ея, вычисленная по таксѣ, прилагалась къ суммѣ чинша или оброка.

Изъ вычисленной такимъ образомъ цѣнности чинша или оброка скидывалась $^1/_5$ часть, а $^4/_5$ составляли повинность, подлежавшую вознагражденію, если, опять-таки, она не превышала высшаго установленнаго указомъ размѣра поземельной ренты съ морга.

Учредительному комитету предоставлялось понижать этотъ размѣръ до 40% въ тѣхъ случаяхъ, когда въ виду особенностей имѣнія примѣненіе означенныхъ нормъ «имѣло бы послѣдствіемъ чрезмѣрное сравнительно съ дѣйствительною стоимостью земли возвышеніе вознагражденія».

Для опредѣленія всей суммы слѣдующаго помѣщику вознагражденія, вычисленная на изложенныхъ основаніяхъ, цѣнность годичныхъ повинностей крестьянъ капитализировалась изъ 6%, т.-е. помножалась на $16^2/_3$.

Въ случаѣ, если бы помѣщикъ находилъ опредѣленный такимъ образомъ размѣръ вознагражденія не соотвѣтствующимъ цѣнности укрѣпленной за крестьянами земли, онъ могъ ходатайствовать о производствѣ на мѣстѣ спеціальной оцѣнки таковой. Въ такомъ случаѣ доходность ея, подлежавшая вознагражденію, опредѣлялась по правиламъ, принятымъ въ казенныхъ имѣніяхъ для исчисленія слѣдуемаго съ крестьянъ чинша, и вознагражденіе уже вычислялось капитализаціей изъ 6% этой доходности.

Вознагражденіе выдавалось помѣщикамъ ликвидаціонными листами, подлежавшими погашенію въ теченіи 42 лѣтъ. Листы эти приносили 4% годичнаго дохода.

На покрытіе расходовъ казны по этому предмету, т.-е. на веденіе всей ликвидаціонной операціи, кромѣ поземельнаго налога съ крестьянскихъ усадебъ, опредѣленнаго указами 19 февраля, *возвышены были всѣ окладные налоги съ прочей недвижимой собственности Царства* и на ту же цѣль обращалась, до окончанія всей операціи, вся выручка отъ пропинаціоннаго дохода на крестьянскихъ земляхъ и всѣ случайные доходы по ликвидаціонной операціи вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, менѣе значительными источниками, указанными въ 12 статьѣ указа о ликвидаціонной коммиссіи.

Для веденія всей операціи учреждалась особая ликвидаціонная коммиссія при учредительномъ комитетѣ.

Мы не будемъ здѣсь подробнѣе останавливаться на началахъ ликвидаціонной операціи, такъ какъ ихъ сущность не имѣетъ прямого отношенія къ предмету настоящаго изслѣдованія—къ судьбѣ крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ.

Не будемъ также излагать въ этомъ мѣстѣ содержанія четвертаго указа 19 февраля 1864 года, такъ какъ, опредѣляя порядокъ исполненія новыхъ постановленій, онъ относится къ слѣдующей части нашей работы—къ исторіи проведенія реформы 1864 года въ жизнь.

VIII.

Необходимость просвѣщенія для освобожденнаго крестьянства.—Начальное народное образованіе въ Царствѣ Польскомъ до милютинской реформы.—Милютинская критика прежнихъ системъ народнаго образованія въ Царствѣ и главныя основанія предпринятой имъ реформы.—Содержаніе указа 30 августа 1864 года.

Этими четырьмя указами для Милютина не исчерпывался и не могъ исчерпываться весь крестьянскій вопросъ въ Царствѣ Польскомъ. Вѣрный своей основной мысли—вывести на историческую сцену въ преобразуемой странѣ крестьянство, какъ новый, самостоятельный, свободный и сознательный элементъ общественной жизни,—онъ не могъ считать дѣло оконченнымъ, обезпечивая крестьянству лишь матеріальное благосостояніе, да независимость отъ дворянства и нѣкоторую самостоятельность въ общественныхъ дѣлахъ. Чтобы быть партіей и играть роль самостоятельнаго элемента въ общественной и политической жизни страны, крестьянамъ, едва освободившимся отъ вотчинной опеки помѣщиковъ, недоставало сколько-нибудь развитаго *самосознанія*. Пробужденію и развитію самосознанія, очевидно, могло и должно было содѣйствовать дарованное имъ самоуправленіе; но одного этого фактора, конечно, было недостаточно,—не хватало еще просвѣщенія.

Позволимъ себѣ въ этомъ мѣстѣ небольшое отступленіе и посмотримъ, каково было состояніе начальнаго народнаго образованія въ Царствѣ Польскомъ ко времени предпринятыхъ Милютинымъ реформъ.

Въ XVIII вѣкѣ народное образованіе въ Рѣчи Посполитой было въ зачаточномъ состояніи, хотя сознаніе его необходимости, видимо, пробудилось среди передовой части общества.

Въ герцогствѣ Варшавскомъ эдукаціонная палата (соотвѣтствовавшая министерству народнаго просвѣщенія) сознавала важность учрежденія возможно бо́льшаго числа начальныхъ училищъ. 12 января 1808 года она издала воззваніе къ гражданамъ, въ которомъ призывала ихъ содѣйствовать учрежденію начальныхъ училищъ. Въ воззваніи этомъ провозглашенъ великій принципъ всеобщаго обученія. Къ основанію училищъ привлекались значительнѣйшіе жители деревень. Казна герцогства средствъ на это не ассигновала, а были установлены добровольныя школьныя общества, члены которыхъ давали складку на содержаніе школы для своей деревни и для небольшого района, заключающаго нѣсколько маленькихъ сосѣднихъ деревень. Личному почину и энергіи обывателей предоставлено было, такимъ образомъ, широкое поле. На нихъ же былъ возложенъ надзоръ и ближайшее завѣдываніе этими школами. Для этого учреждались дозоры, состоявшіе подъ предсѣдательствомъ владѣльца, на землѣ котораго устраивалась школа, изъ приходскаго священника и еще двухъ мѣстныхъ обывателей.

Въ короткое время число основанныхъ въ герцогствѣ школъ достигло 1,300.

Военныя дѣйствія, по свидѣтельству коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія *), помѣшали развитію этого движенія.

Съ образованіемъ Царства Польскаго коммиссія народнаго просвѣщенія, которая считала въ числѣ своихъ членовъ такихъ людей, какъ, наприм., Сташицъ, унаслѣдовала прогрессивныя идеи эдукаціонной палаты. Впрочемъ, разоренная казна Царства не могла и теперь ассигновать отъ себя на содержаніе училищъ денегъ. Главныя надежды возлагались, попрежнему, на личный починъ. Было учреждено даже особое званіе «организаторовъ» училищъ изъ частныхъ лицъ, въ число которыхъ приглашались люди, проявлявшіе сочувствіе къ дѣлу народнаго образованія. На нихъ возлагалась обязанность заботиться о средствахъ на содержаніе существующихъ училищъ и объ открытіи новыхъ путемъ сбора пожертвованій.

Уставы русскаго правительства 1833 **) и 1840 ***) годовъ стремились, сообразно принятымъ тогда принципамъ системы графа Уварова, не столько къ увеличенію числа училищъ и къ распространенію просвѣщенія среди низшихъ классовъ, сколько къ регламентаціи преподаванія.

Общее число школъ за время съ 1828 до 1860 гг. возросло, правда, на 360 ****); но изъ числа 360 вновь открытыхъ школъ 250 были евангелическія. Въ 1828 г. всѣхъ элементарныхъ училищъ было 714; въ 1860 г.—1,074. Но половина этихъ училищъ принадлежала городамъ. Собственно сельскихъ школъ въ 1828 г. было 340, въ 1860 г.—557, съ 1850 года число училищъ не возростаетъ, а падаетъ: въ 1850 г. начальныхъ училищъ было 1,254, въ 1860 г.—1,074 ****).

Существующія училища поставлены подъ клерикальный надзоръ приходскаго священника и цѣлаго ряда стоящихъ надъ нимъ бюрократическихъ инстанцій. У общества отнята всякая инціатива и до шестидесятыхъ годовъ всякій частный починъ въ этомъ дѣлѣ замираетъ.

Хотя правительство оказывало начальнымъ школамъ нѣкоторое денежное пособіе, однако, онѣ не процвѣтали. Жалованье учителю полагалось самое нищенское—30—50 руб. въ годъ.

По проекту устава маркиза Велепольскаго, высочайше утвержденному 8 мая 1862 года *****), предполагалось всеобщее обученіе, на этотъ разъ

---

*) *Изслѣдованія въ Царствѣ Польскомъ статсъ-секретаря Н. А. Милютина въ 1863—1864 г.*, вып. IV, тетр. I, стр. 13.

**) *Dziennik praw*, т. XV, стр.

***) Ibidem, т. XXVI, стр. 168.

****) Общая объяснительная записка объ устройствѣ учебной части въ Царствѣ ьскомъ напечатана въ *Славянскомъ Обозрѣніи* за 1892 г. кн. VII—VIII, стр. 302.

*****) Въ изслѣдованіяхъ Н. А. Милютина въ Царствѣ Польскомъ, вып. IV, тетрадь II, есть вѣдомость о числѣ сельскихъ и городскихъ училищъ въ Царствѣ съ 0—1860 гг. (кромѣ 1854 г., за который свѣдѣній не было доставлено):

Года:	1850	1851	1852	1853	1855	1856	1857	1858	1859	1860
ло школъ	1254	1222	1208	1228	1165	1135	1120	1116	1110	1074

******) *Dziennik praw*, т. LX, стр. 226.

обязательное, съ установленіемъ штрафовъ съ родителей, не посылающихъ дѣтей въ школу *).

Во многихъ отношеніяхъ уставъ этотъ возвращался къ идеямъ эдукаціонной палаты Варшавскаго герцогства, но принципъ добровольной складки былъ оставленъ. На содержаніе низшихъ училищъ назначалась теперь особая подать въ 370,237 руб. На эту сумму предполагалось, по подробно исчисленнымъ штатамъ, учредить 2,195 казенныхъ училищъ. Такимъ образомъ, общее число училищъ вмѣстѣ съ содержимыми на средства разныхъ завѣщанныхъ капиталовъ и «фундушей» и съ частными школками грамоты должно было превысить 3,000.

Впредь до открытія казенныхъ училищъ оставленъ былъ неприкосновеннымъ принципъ частной иниціативы. Во время движенія, кончившагося возстаніемъ 1863 года, эта иниціатива проявилась во многихъ случаяхъ, хотя, повидимому, весьма непрочно и лихорадочно. По этимъ лихорадочнымъ проявленіямъ нельзя, конечно, судить о нормальномъ отношеніи польскаго общества шестидесятыхъ годовъ къ дѣлу народнаго образованія, такъ какъ на первый планъ тутъ выступалъ интересъ политическій. Были случаи открытія въ одной только губерніи въ теченіе одной какой-нибудь недѣли 7-ми школъ **). Онѣ открывались и скоро опять закрывались. Администрація, состоявшая въ это время изъ военныхъ офицеровъ, ихъ преслѣдовала за стремленіе къ политической пропагандѣ. Впрочемъ, во вновь учрежденныхъ уѣздныхъ совѣтахъ, засѣдавшихъ въ концѣ 1862 года, всѣ постановленія ихъ, какъ это видно изъ оффиціальной газеты Царства Польскаго, сводились, главнымъ образомъ, также къ увеличенію числа школъ ***).

Польское общество сознало, что народная масса, по неразвитости умственной, совершенно лишена всякаго національнаго сознанія, всякихъ сознательныхъ патріотическихъ чувствъ, и оно стало стремиться поэтому къ просвѣщенію этой массы.

Въ концѣ-концовъ, изъ вновь открытыхъ школъ къ 1864 году уцѣлѣли, однако, немногія. Въ 1861 г. общее число школъ было 1,074, въ 1864 г.—1,093 ****).

Въ уставѣ Велепольскаго, помимо принципа всеобщаго обученія, было еще одно важное преимущество по сравненію съ уставами 1833 и 1840

---

*) Впрочемъ, установленіе обязательнаго обученія было отвергнуто въ Петербургѣ при окончательномъ разсмотрѣніи проекта, и статья эта была исключена изъ устава. См. общую объяснительную записку объ устройствѣ учебной части въ Царствѣ Польскомъ, напечатанную въ *Славянскомъ Обозрѣніи* за 1892 г., кн. VII—VI, стр. 308.

**) *Павлищевъ:* „Семницы польскаго мятежа", т. I, стр. 70. См. *Изслѣдов* *Н. А. Милютина въ Царствѣ Польскомъ*, т. I. Мятежническія воззванія къ крес янамъ и проч.

***) См. статью объ этомъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, № 12, отъ 16 янв. 1864 года.

****) *Изслѣдованія въ Царствѣ Польскомъ Н. А. Милютина*, вып. IV, тетрад

годовъ,—это передача дѣла начальнаго народнаго образованія изъ рукъ бюрократіи въ руки мѣстнаго самоуправленія. Главная опека надъ школами поручалась вновь образованнымъ уѣзднымъ совѣтамъ. Ближайшее завѣдываніе школами уставъ, обращаясь къ порядку, установленному эдукаціонною палатой въ 1808 году, ввѣрялъ особымъ дозорамъ, въ которыхъ, впрочемъ, теперь предсѣдательство предоставлено было приходскому священнику, что, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими чертами его вліянія, придавало уставу о начальныхъ школахъ нѣсколько клерикальный колоритъ *).

Въ своей объяснительной запискѣ объ устройствѣ учебной части въ Царствѣ Польскомъ, составленной чрезвычайно обстоятельно **), Н. А. Милютинъ подвергъ рѣзкой критикѣ, какъ руссификаціонную и репрессивную систему 30-хъ и 40-хъ годовъ, введенную Уваровымъ и Паскевичемъ ***), такъ и только что изданный уставъ 8 мая 1862 года, выработанный по плану маркиза Велепольскаго.

Въ глазахъ Милютина самымъ существеннымъ недостаткомъ какъ той, такъ и другой системы являлось то, что народное просвѣщеніе не служило въ нихъ цѣлью само по себѣ, а низводилось на степень политическаго оружія. Этимъ объясняются обскурантныя тенденціи первой и клерикальный и узко-національный характеръ—второй.

«Общественное образованіе было,—говоритъ онъ,—политическимъ орудіемъ въ рукахъ нашихъ съ 1831 по 1861 годъ; въ 1861 г. оно же обратилось, какъ политическое орудіе, противъ насъ. Можемъ ли мы оставаться на этой почвѣ? Надобно себѣ рѣшительно сказать, что нѣтъ» ****).

---

*) Въ этомъ обвиняетъ Велепольскаго Н. А. Милютинъ въ объяснительной запискѣ къ уставу 30 августа 1864 г. и обвиненіе это старается опровергнуть, по-моему не вполнѣ безпристрастно, В. Д. Спасовичъ. Наз. соч., стр. 185.

**) Въ составленіи ея, главнымъ образомъ, участвовалъ А. Ѳ. Гильфердингъ, и она воспроизводитъ въ значительной степени идеи, высказанныя имъ въ статьѣ: *Положеніе и задача Россіи въ Царствѣ Польскомъ. Сочиненія*, т. II, стр. 333.

***) Значеніе этой системы Милютинъ резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Результаты системы не оправдали ожиданій... Уровень образованія палъ. Поколѣніе, воспитанное послѣ 1830 г., невѣжественнѣе прежняго, и, въ то же время, гораздо хуже въ политическомъ отношеніи, гораздо намъ враждебнѣе.

„Затрудняя полякамъ доступъ къ высшему образованію и распространяя поверхностное матеріальное знаніе въ ущербъ серьезной наукѣ, мы тѣмъ самымъ открывали просторъ революціонной пропагандѣ, которая всего успѣшнѣе дѣйствуетъ на людей полуобразованныхъ... Система воспитанія отстраняла все то, что способно направить молодого человѣка къ критическому анализу и пріучить его къ логической повѣркѣ своихъ мыслей. Такимъ образомъ приготовилась почва, на которой всякая ь могла привиться къ обществу, по своей природѣ легковѣрному, и гдѣ крайній ріализмъ такъ безобразно сочетался съ подчиненіемъ фанатическому духовенству.

„Съ другой стороны, явное предпочтеніе, оказываемое русскому языку передъ ъскимъ во всѣхъ училищахъ, имѣло послѣдствіемъ, что мы раздражили поляковъ, достигая никакихъ существенныхъ результатовъ; мы не обрусили ни одного по-а, а, между тѣмъ, являлись какъ бы посягающими на польскую національность"...

**) Общая объяснительная записка. *Славянское Обозрѣніе* 1893 г., кн. VII—VIII, 311.

Сообразно съ этимъ Милютинъ не считалъ возможнымъ отъ колонизаторскихъ принциповъ системы Велепольскаго вновь возвратиться къ принципамъ системы руссификаторской. Онъ предложилъ только устранить изъ системы маркиза Велепольскаго все клерикальное и узко-національное, оставивъ неприкосновеннымъ все хорошее и общечеловѣческое, что въ ней было, и преслѣдуя на будущее время въ дѣлѣ народнаго воспитанія однѣ лишь цѣли просвѣщенія и серьезной науки *).

По отношенію къ начальному образованію передъ Милютинымъ были трудности, съ которыми менѣе широкій политическій умъ не такъ легко бы справился. Ему было извѣстно то значеніе, которое получило въ глазахъ польскихъ революціонеровъ 1863 года умственное развитіе крестьянства для дѣла польской революціи, когда они поняли, что при полной умственной неразвитости крестьяне не имѣли и не могли имѣть никакихъ національныхъ и политическихъ чувствъ и стремленій, и бросились тогда заводить начальныя и воскресныя школки ad hoc. Милютинъ полагалъ даже, что въ прежней дореформенной Польшѣ при той противуположности интересовъ и всей жизненной обстановкѣ народной среды и среды польской интеллигенціи, крестьянинъ, получившій хотя бы только начальное образованіе, но съ той спеціальной клерикально-патріотической окраской, которое ему давалось, сразу выходилъ изъ своей среды, изъ крестьянства, и примыкалъ къ другимъ городскимъ и интеллигентнымъ классамъ.

Однако, послѣ изданія указовъ 19 февраля это нисколько не пугало Милютина. Онъ, совершенно послѣдовательно со своими общими взглядами, отвергъ неблаговидную мысль держать, въ русскихъ политическихъ видахъ,

---

*) Эти общія основанія выражены и въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ 30 августа 1864 года на имя намѣстника въ Царствѣ:

„Общій о семъ уставъ, утвержденный Мною 8 мая 1862 года, положилъ уже въ основаніе всѣхъ тамошнихъ учебныхъ заведеній нравственно-религіозное образованіе; для училищъ высшаго разряда принялъ преимущественно *общее классическое обученіе*, не исключающее, впрочемъ, развитіе спеціальныхъ познаній; *доступъ во всѣ вообще учебныя заведенія открылъ лицамъ всѣхъ состояній и вѣроисповѣданій*, наконецъ, *значительно распространилъ число и составъ училищъ*, особенно среднихъ и высшихъ, и обезпечилъ имъ, бо́льшею частью, достаточныя для существованія средства.

„Эти коренныя основанія устава 1862 года должны быть сохранены въ точности и на будущее время"...

Далѣе говорится:

„При устройствѣ учебныхъ заведеній, особенно среднихъ и высшихъ, собственно въ отношеніи педагогическомъ, главною заботой правительства должно быть распространеніе въ юношествѣ здравыхъ познаній и развитіе въ немъ любви къ дѣльному труду и основательному научному образованію. Не дозволяя ни себѣ, ни кому бы ни было превращать разсадникъ науки въ оружіе для достиженія политическихъ цѣлей, учебныя начальства должны имѣть въ виду одно лишь безкорыстное служеніе просвѣщенію, постоянно улучшая системы общественнаго воспитанія въ Царствѣ, возвышая въ немъ уровень преподаванія"...

Dziennik praw, т. LXII, стр. 326—330.

польское крестьянство въ невѣжествѣ, изъ опасенія возможнаго соединенія его противъ насъ съ остальными сословіями Польши.

Онъ полагалъ лишь необходимымъ устранить изъ начальной школы клерикальное вліяніе и пресѣчь всякую возможность вести путемъ школы политическую пропаганду.

Ему представлялось въ этомъ отношеніи наиболѣе цѣлесообразнымъ, устранивъ изъ школы всякое непосредственное отношеніе къ ней пановъ и ксендзовъ, передать прямое завѣдываніе его въ руки вновь созданныхъ гминныхъ и сельскихъ сходовъ. Предполагалось, что освобожденные крестьяне сами устремятся къ просвѣщенію, и потому по отношенію къ начальному образованію Милютинъ, выражаясь словами его записки, предположилъ: «*преобразованіе устройства начальныхъ училищъ на началахъ гминнаго самоуправленія, установленнаго указомъ 19 февраля, и равноправности всѣхъ народностей въ Царствѣ*» *).

На этихъ основаніяхъ составленъ былъ указъ 30 августа 1864 года о начальныхъ училищахъ въ Царствѣ Польскомъ, служащій какъ бы логическимъ дополненіемъ къ указамъ 19 февраля о поземельномъ и общественномъ устройствѣ крестьянъ **).

На основаніи этого указа гминнымъ и сельскимъ сходамъ предоставлено опредѣленное участіе какъ въ завѣдываніи существующими уже начальными училищами, такъ и въ учрежденіи новыхъ (ст. 1). Вѣдѣнію *гминнаго* схода предоставлены школы мужскія, женскія и общія, которыя, будучи учреждены для цѣлой гмины, содержатся изъ суммъ казенныхъ, «фундушевыхъ», завѣщанныхъ частными лицами или собираемыхъ въ предѣлахъ гмины. Вѣдѣнію *сельскаго* схода предоставлены училища, учрежденныя для одного лишь селенія и содержимыя на средства сельскаго общества (ст. 3).

---

*) Общая объяснительная записка по устройству учебной части въ Царствѣ Польскомъ. *Славянское Обозрѣніе* за 1892 г., кн. VII—VIII, стр. 315.

„Съ новымъ устройствомъ сельскаго быта въ Польшѣ, какъ въ экономическомъ, такъ и административномъ отношеніи,—сказано въ высочайшемъ рескриптѣ 30 августа 1864 г. на имя графа Берга, — возникаетъ настоятельная надобность распространить и упрочить элементарное обученіе между крестьянами. При такомъ лишь условіи они вполнѣ воспользуются благодѣяніями новаго закона и представятъ твердый оплотъ для охраненія общественнаго мира и порядка. Изъ представленныхъ свѣдѣній усмотрѣвъ съ истиннымъ удовольствіемъ, что сами крестьяне почти повсемѣстно начинаютъ ясно сознавать потребность въ образованіи, Я съ довѣріемъ возлагаю на вновь созданныя сельскія общества ближайшее попеченіе о распространеніи сельскихъ школъ и снабженіи ихъ нужными средствами; правительственнымъ же мѣ с ъ и лицамъ, до коихъ сіе касается, поручаю принять въ этомъ дѣлѣ самое дѣя т ное и живое участіе. Не сомнѣваюсь, что при вашемъ личномъ содѣйствіи воз н нетъ и устроится, въ самомъ непродолжительномъ времени, надлежащее число с ьскихъ школъ и, такимъ образомъ, пополнится одинъ изъ существенныхъ пробѣ л ъ въ прежнихъ системахъ польскаго общественнаго воспитанія“.

Dziennik praw, т. LXII, стр. 328.

**) *Dziennik praw*, т. LXII, стр. 334 и слѣд.

Первыя называются *гминными*, вторыя — *сельскими* (ст. 5). Въ учебной программѣ тѣхъ и другихъ нѣтъ, впрочемъ, никакой разницы. Первыя подчинены войту, за вторыми осуществляетъ непосредственный надзоръ солтысъ «подъ руководствомъ войта» (ст. 6). Впрочемъ, гминные и сельскіе сходы могутъ избирать для своихъ школъ особыхъ смотрителей, которые подчиняются войту и утверждаются въ должности ничальникомъ учебной дирекціи (ст. 8).

Учрежденіе новыхъ школъ зависитъ отъ гминныхъ и сельскихъ сходовъ. Желая учредить училище, они должны лишь назначить достаточныя средства на его содержаніе. Приговоры объ этомъ представляются на утвержденіе начальника учебной дирекціи (ст. 11).

Нормальные размѣры жалованья учителямъ и учительницамъ были опредѣлены впослѣдствіи учредительнымъ комитетомъ.

Однако, разъ открывъ училище, гминные и сельскіе сходы не могутъ лишать училища и учителей тѣхъ средствъ или угодій, которыми они пользуются, не опредѣливъ имъ взамѣнъ другихъ равныхъ источниковъ дохода съ разрѣшенія начальника учебной дирекціи (ст. 10).

На гминныхъ и сельскихъ сходахъ по указу 30 августа 1864 года лежатъ слѣдующіе обязанности по отношенію къ ихъ школамъ:

а) всѣмѣрно заботиться о ихъ благосостояніи и, если существующія средства на содержаніе училища недостаточны, увеличивать ихъ по мѣрѣ возможности общественнымъ сборомъ;

б) поддерживать и, въ случаѣ надобности, обновлять школьныя зданія;

в) изыскивать средства къ матеріальному улучшенію положенія учителей и учительницъ;

г) повѣрять отчеты объ израсходованіи училищныхъ суммъ предоставляется войтами, солтысами или смотрителями училищъ.

По ст. 38, гминнымъ и сельскимъ сходамъ предоставлено было важное право самимъ выбирать учителей или учительницъ для своихъ школъ. Избранное лицо утверждается начальникомъ учебной дирекціи, если онъ, по надлежащемъ испытаніи, удостовѣрится, что это лице обладаетъ познаніями нужными для начальнаго преподаванія. Въ противномъ случаѣ долженъ быть сдѣланъ новый выборъ.

Для облегченія и ускоренія дѣла открытіе училищъ было дозволено каждому гминному или сельскому обществу, открывающему у себя школу, просить правительство принять на себя въ теченіи первыхъ 10 лѣтъ существованія школы половину издержекъ на содержаніе учителя и на мелочные расходы по училищу (ст. 13).

Въ случаѣ же необходимости возведенія или капитальнаго исправленія училищнаго зданія, предоставлялось имъ просить о заимообразномъ отпускѣ изъ казны, или изъ особыхъ источниковъ, нужной на это суммы (ст. 14).

Учредительному комитету вмѣстѣ съ совѣтомъ управленія поручено было составить предположеніе объ ежегодномъ назначеніи въ распоряженіе

чальниковъ учебныхъ дирекцій нѣкоторой суммы изъ казны Царства Польскаго для субсидій нуждающимся въ томъ училищамъ (стр. 15).

Преподаваніе въ начальныхъ училищахъ должно было быть на природномъ языкѣ жителей, т.-е. въ большинствѣ гминъ и деревень на польскомъ; но въ мѣстностяхъ, населенныхъ руссинами, литовцами, нѣмцами и проч., языкомъ преподаванія долженъ былъ быть природный языкъ этихъ народностей.

Программа преподаванія оставлена была приблизительно та же, какая была принята въ уставѣ 8 мая 1862 года, къ сожалѣнію, чрезвычайно скудная. Хотя сверхъ одноклассныхъ элементарныхъ училищъ могли быть открываемы и двуклассныя, но и въ нихъ къ самымъ начальнымъ предметамъ преподаванія: чтенію, письму, четыремъ правиламъ ариѳметики и закону Божію могли присоединиться, и то по особому желанію жителей, лишь нѣкоторыя техническія свѣдѣнія по сельскому хозяйству и ремесламъ, да нѣкоторыя общія понятія объ окружающей природѣ и странѣ.

Никакихъ понятій объ исторіи или родной словесности не полагалось; вообще—ничего, могущаго дѣйствительно расширить горизонтъ міросозерцанія и послужить къ развитію сознанія, совершенно необходимому крестьянамъ для того, чтобы стать свободнымъ и сознательнымъ классомъ, т.-е. именно того самаго, чего и желалъ отъ нихъ Милютинъ.

Въ этомъ несомнѣнно главный недостатокъ указа 30 августа 1864 г., если разбирать его съ точки зрѣнія выставленной Милютинымъ главной руководящей идеи: вывести на историческую сцену невѣдомаго въ польской исторіи новаго актера, свободный и независимый народъ, отъ котораго Милютинъ ожидалъ очень многаго; ожидалъ, между прочимъ, что послѣ его появленія на сценѣ не потребуется больше для проведенія въ жизнь новыхъ преобразованій во внутреннемъ бытѣ Польши употреблять исключительно русскія силы *).

Мы изложили, такимъ образомъ, содержаніе трехъ самыхъ существенныхъ мѣръ, предпринятыхъ Милютинымъ къ возрожденію польскаго крестьянства: указовъ 19 февраля 1864 года, опредѣлившихъ его поземельное устройство и общественное самоуправленіе, и указа 30 августа того же года о начальныхъ училищахъ, долженствовавшаго принести освобожденному крестьянству необходимое ему просвѣщеніе.

Въ слѣдующихъ главахъ мы разсмотримъ примѣненіе этихъ началъ къ жизни и ихъ дальнѣйшее развитіе, а также постараемся опредѣлить ихъ общественное и историческое значеніе.

А. Корниловъ.

---

*) *Leroy-Beaulieu*, наз. соч., стр. 282. Письмо Н. А. Милютина къ Я. А. Со[illegible]му отъ 23 марта 1864 года.

Общинное землевладѣніе въ Швейцаріи *).

Въ предъидущей статьѣ нами уже были приведены кое-какія данныя, изъ которыхъ видно, что пауперовъ въ Швейцаріи болѣе чѣмъ достаточно. По закону, каждая здѣшняя коммуна обязана содержать своихъ безпомощныхъ членовъ. Вынуждаемая, такимъ образомъ, къ благотворительности, она дѣйствительно и печется объ оказывающихся въ ея средѣ бѣдныхъ, не могущихъ вести самостоятельнаго существованія старикахъ, сиротахъ-дѣтяхъ и т. д. Но какъ печется?... Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, воспроизводимъ здѣсь кое-что изъ того, что было сказано нами на этотъ счетъ въ другомъ мѣстѣ. Коммуна до крайности тяготится возложенною на нее обязанностью призрѣнія бѣдняковъ, отъ которыхъ она всѣми средствами старается отдѣлаться, сдавая ихъ, между прочимъ, съ публичнаго торга тѣмъ, кто требуетъ за ихъ содержаніе, соединенное съ правомъ безпощадной эксплуатаціи, наименьшую плату отъ коммуны. Сбытые, такимъ образомъ, съ плечъ коммуны старики, увѣчные, дѣти, идіоты и пр., въ большинствѣ случаевъ, обращаются въ настоящихъ рабовъ. Кормятъ и вообще содержатъ ихъ до крайности плохо, скаредно и, въ то же время, заваливаютъ непосильною работой, которая должна не только окупать расходы на содержаніе, но еще давать хозяину и нѣкоторую прибыль, — вѣдь, въ видахъ этой-то именно прибыли живой товаръ и «покупается» разсчетливыми хозяйствами!... Въ мѣстныхъ швейцарскихъ газеткахъ сплошь и рядомъ можно бываетъ натолкнуться на чрезвычайно характерныя, по-своему откровенному цинизму, объявленія, вродѣ слѣдующаго, случайно попавшагося намъ на глаза въ *Feuille des avis officiels* кантона *Vaud:* «Въ такой-то коммунѣ, въ такой-то день и часъ, будутъ сдаваться съ торговъ, на пансіонное содержаніе, десять человѣкъ дѣтей, разнаго возраста, и одинъ 70-ти лѣтній старикъ, еще способный къ работѣ»... Недостатка въ гражданахъ-общинникахъ, желающихъ за-дешево заполучить рабочую силу, хотя бы и плохенькую, обыкновенно не бываетъ. Прочтя объявленіе, вродѣ только что приведеннаго, заинтересованные обыватели стекаются въ указанное время

*) *Русская Мысль*, кн. II.

къ коммунальному дому, гдѣ уже собраны выводимые на «продажу» субъекты, и послѣ торговъ, на которыхъ представители коммунальной власти стараются сбыть живой товаръ за елико возможно меньшую плату, разбираютъ «призрѣваемыхъ» и развозятъ по своимъ дворамъ, какъ овецъ или барановъ... Какія возмутительныя безобразія совершаются на подобныхъ торгахъ, это трудно себѣ и представить!... Чтобы не быть голословными, проводимъ здѣсь, въ видахъ иллюстраціи, слѣдующую, списанную съ натуры, варварскую сценку, недавно имѣвшую мѣсто въ коммунѣ Машъ (кант. Бернъ). Скоропостижно умираетъ одинъ бѣдный членъ общины и оставляетъ послѣ себя больную жену съ кучей маленькихъ ребятъ. Вдова скоро выздоравливаетъ, но, не имѣя никакихъ средствъ для поддержанія семьи и вдоволь натерпѣвшись голоду, рѣшается, наконецъ, обратиться за помощью къ коммунѣ. Эта послѣдняя отбираетъ у матери дѣтей и постановляетъ сдать ихъ, съ торговъ, на содержаніе. Наступаетъ день торговъ. Несчастная мать присутствуетъ на нихъ и употребляетъ всѣ усилія, чтобы отстоять своихъ малютокъ, спасти ихъ отъ угрожающей имъ участи. Но ни отчаянныя рыданія, ни мольбы ея не помогаютъ: торгъ идетъ своимъ чередомъ. «Мальчикъ десяти лѣтъ!—выкрикиваетъ оффиціальный распорядитель торга.—Кто желаетъ взять мальчика десяти лѣтъ на содержаніе до конца текущаго года?»... Желающіе находятся. Они разглядываютъ ребенка, щупаютъ у него тѣло, глубокомысленно соображаютъ, на какую работу онъ могъ бы быть годенъ. «Его, пожалуй, можно заставить собирать навозъ по дорогамъ».—«Да, но посмотрите, какой онъ оборвышъ!... Какъ никакъ, а придется, вѣдь, истратиться на одежду, если возьмешь»... и т. д. «Ну же, предлагайте цѣну!» — прерываетъ эти хозяйственныя соображенія распорядитель. Раздаются голоса: «Сорокъ франковъ!... Тридцать пять!... Тридцать!... Двадцать восемь!... Двадцать восемь франковъ!»...— «Двадцать восемь франковъ!... Кто меньше?... Никто?... Разъ, два, три!... Сданъ такому-то за двадцать восемь франковъ!»... Имя-рекъ подходитъ къ столу, получаетъ деньги и собирается увезти съ собой злополучную жертву коммунальной «благотворительности». Мать отчаянно протестуетъ... Она готова оставить у себя своего сына, если ей дадутъ на содержаніе его не двадцать восемь, а всего только двадцать франковъ!... Въ концѣ-концовъ, не надо ей и двадцати франковъ: она будетъ содержать его, не требуя отъ коммуны ни единаго гроша! Пусть только оставятъ ей ея дѣтей... Она больше ничего не требуетъ и завтра же уходитъ съ дѣтьми изъ коммуны, чтобы не быть этой послѣдней въ тягость!... На все это ей отвѣчаютъ, что она не имѣетъ права дѣлать предложеній или ставить какія бы то ни было условія и должна молчать. Торгъ, между тѣмъ, продолжается. Вслѣдъ за старшимъ, скоро оказываются сбытыми съ рукъ и три остальные малыша: 8-лѣтняя дѣвочка сдается кому-то на содержаніе за годовую плату въ 31 фр. отъ коммуны, шестилѣтняя сестренка ея идетъ за 40 фр. и, наконецъ, третья,—ей нѣтъ еще и двухъ лѣтъ,—за 70 фр. въ годъ. Мать, въ отчаяніи, ломаетъ себѣ руки, вопитъ, протестуетъ, съ рыданіями и моль-

бами бросается въ ноги представителямъ общинной власти. Ея не слушаютъ, отстраняютъ. Сдѣлка состоялась и должна быть приведена въ исполненіе. Одно постороннее лицо, присутствовавшее при этой тяжелой сценѣ и до глубины души возмущенное ею, обратилось къ распорядителю торговъ съ вопросомъ: почему устранили въ данномъ случаѣ мать, почему *ей* не дали тѣхъ субсидій, которыя выданы постороннимъ лицамъ на содержаніе ея дѣтей?—«Помилуйте!—отвѣтили ему,—вѣдь, она ни въ какомъ случаѣ не могла бы извернуться съ этими деньгами!... Взять-то деньги она бы взяла, но ей ни за что не хватило бы ихъ до конца года,—и вотъ она опять оказалась бы у насъ на шеѣ, со всею своею мелюзгой. Она, вонъ, завѣряла насъ, что завтра же уйдетъ совсѣмъ изъ коммуны, если ей отдадутъ назадъ ребятъ... Но куда, спрашивается, она пойдетъ?... Въ какую другую коммуну эдакое сокровище примутъ?... Вздоръ она говоритъ,—некуда ей уйти!... Э, да что тутъ толковать!... *Такъ*-то, вотъ, будетъ для насъ лучше, спокойнѣе и выгоднѣе»... Какъ читатель видитъ, коммуна сама открыто признаетъ, что ассигнуемыхъ ею частнымъ лицамъ ничтожныхъ суммъ совершенно недостаточно для прокормленія сдаваемыхъ съ публичнаго торга ея безпомощныхъ членовъ, и, все-таки, сдаетъ этихъ послѣднихъ, кому попало, лишь бы только съ плечъ долой. Въ такихъ-то, вотъ, безобразныхъ формахъ проявляется здѣсь на практикѣ обязательная, по закону, коммунальная благотворительность, сводящаяся, какъ мы сейчасъ видѣли, къ позорнѣйшему торгу человѣческими существами.

Разъ ужь мы коснулись вопроса о призрѣніи швейцарскими общинами бѣдняковъ, то укажемъ здѣсь, кстати, еще на одно, то же весьма характерное, въ интересующемъ насъ отношеніи, явленіе, свойственное, насколько намъ извѣстно, одной только Швейцаріи. Говоря это, мы имѣемъ въ виду практикующійся здѣсь вывозъ обременяющихъ коммуны бѣдняковъ, на общественный счетъ, за море. Желая разъ навсегда отдѣлаться отъ непріятной обязанности тратиться на содержаніе своихъ больныхъ, дряхлыхъ, увѣчныхъ и вообще неспособныхъ поддерживать себя собственнымъ трудомъ членовъ, общины напали на геніальную мысль отправлять ихъ куда-нибудь подальше, съ глазъ долой, чаще всего въ Американскіе Соединенные Штаты, подъ видомъ эмигрантовъ. «Призрѣваемые» бѣдняки завѣдомо вводятся при этомъ въ обманъ относительно условій существованія въ Новомъ Свѣтѣ, передъ ними развертываются фантастическія картины привольнаго и благоденственнаго житья-бытья въ заморскихъ странахъ, гдѣ всякому желающему такъ легко будто бы найти выгодную работу и быстро разбогатѣть, гдѣ рѣки текутъ медомъ и молокомъ въ кисельныхъ берегахъ, гдѣ золото гребутъ лопатами. Темный, невѣжественный и, къ тому же, [illegible]убоко несчастный пауперъ, живущій унизительными подачками отъ коммуны и третируемый этою послѣдней, какъ жалкій, презрѣнный парія, обыкновенно очень легко попадается на удочку, довѣрчиво выслушиваетъ разсказываемыя ему басни, соблазняется перспективою счастливой жизни и даетъ свое согласіе на отъѣздъ. Тогда его тотчасъ же сдаютъ на руки [illegible]му

попавшемуся изъ эмиграціонныхъ агентовъ, которыхъ такъ много въ Швейцаріи, уплачиваютъ изъ коммунальной кассы ничтожную сумму денегъ за проѣздъ черезъ океанъ на эмигрантскомъ кораблѣ,—и дѣло сдѣлано: коммуна освободилась навсегда отъ лишняго рта, который, волей-неволей, надо было кормить. И нужно замѣтить, что такія продѣлки совершаются здѣсь коммунами весьма часто и въ широкихъ размѣрахъ. Что выбрасываемыя, такимъ образомъ, за море жертвы «общественной благотворительности» обрекаются тамъ, вдали отъ родины, на всевозможныя лишенія, бѣдствія и голодную смерть, объ этомъ «благотворящія» коммуны нисколько не задумываются. Онѣ прекрасно знаютъ, что спроваженные, такимъ образомъ, бѣдняки, навѣрное, пропадутъ, но... какое имъ до этого дѣло?... Имъ лишь бы съ плечъ долой лишнее бремя, а какъ это все равно!... Здѣшнимъ общинамъ (особенно въ нѣмецкой Швейцаріи) такъ понравилась эта остроумная выдумка дешево отдѣлываться отъ лежащихъ у нихъ на плечахъ бѣдняковъ, что онѣ съ теченіемъ времени принялись практиковать ее *en grand,* стали отправлять за океанъ цѣлые транспорты, составленные изъ неспособныхъ къ самостоятельному существованію субъектовъ всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ. Какъ широко повелась здѣсь эта «вывозная» практика, объ этомъ читатель хорошо можетъ судить хотя бы ужь по тому одному факту, что года три-четыре тому назадъ правительство Соединенныхъ Штатовъ нашлось вынужденнымъ дипломатическимъ путемъ напомнить Швейцаріи, что Штаты—вовсе не богадѣльня для ея нищихъ, стариковъ, калѣкъ и идіотовъ, и принять рѣшительныя мѣры для прекращенія такой оригинальной эмиграціи. Тогда же сдѣлано было и стало строго примѣняться на практикѣ распоряженіе—не дозволять высадки на американскій берегъ доставляемыхъ въ штаты безпомощныхъ пауперовъ и отвозить этихъ послѣднихъ назадъ, въ Европу, на счетъ тѣхъ коммунъ, къ которымъ они принадлежатъ. Благодаря такимъ строгостямъ, швейцарскимъ общинамъ пришлось отказаться отъ вывоза обременительнаго для нихъ люда въ Сѣвероамериканскую республику, и объ вывозѣ этомъ нѣкоторое время совсѣмъ ничего не было слышно; можно было думать, что онъ окончательно прекратился. Въ дѣйствительности же экспортъ нищихъ, калѣкъ, идіотовъ и пр. продолжался и продолжается изъ Швейцаріи попрежнему, причемъ перемѣнилось только мѣсто «свалки» этихъ человѣческихъ «отбросовъ». Послѣ реприманда, полученнаго отъ Соединенныхъ Штатовъ, швейцарскія коммуны не замедлили сообразить, что Америка, вѣдь, велика, что кромѣ сѣверной тамъ есть еще южная, въ которую тоже устремляется ьный потокъ европейской эмиграціи, и что спроваживать отъ собя лишрты можно съ большимъ удобствомъ хотя бы, наприм., въ ту же Аргенну, въ которой пока еще никакихъ ограничивающихъ эмиграцію мѣръ не нято. И вотъ началось и, по всѣмъ видимостямъ, очень шибко идетъ экспеюваніе коммунальной бѣдноты въ только что названную южно-американю республику, гдѣ она, эта несчастная бѣднота, безжалостно предоставя на жертву голоду и холоду и безпомощно гибнетъ медленною смертью.

Мы нашли въ цюрихской газетѣ—*Arbeiterstimme* (№ 55, отъ 11 іюля 1892 г.) перепечатку посвященной этому вопросу чрезвычайно любопытной статьи, появившейся на страницахъ издающейся въ Буэносъ-Айресѣ нѣмецкой газеты— *Vorwärts*. Въ статьѣ этой сообщаются, по-истинѣ возмутительные, факты, сопровождаемые указаніями на имена дѣйствующихъ лицъ и на названія мѣстностей. Такъ, въ ней разсказывается, между прочимъ, объ одномъ слабоумномъ субъектѣ, выселенномъ въ Аргентину одною изъ коммунъ кантона С.-Галленъ. До какой степени безпомощенъ и жалокъ этотъ человѣкъ, это видно изъ того, что при переѣздѣ по желѣзной дорогѣ изъ Швейцаріи до Гамбурга онъ ухитрился растерять всѣ свои вещи, а на кораблѣ, уносившемъ его въ Новый Свѣтъ, забирался въ трюмъ, зарывался въ кучи каменнаго угля и оставался тамъ по цѣлымъ суткамъ, пока его случайно не находили и не извлекали изъ его убѣжища полумертвымъ отъ голода. Пассажиры корабля, на которомъ онъ ѣхалъ, видя его полнѣйшую безпомощность, опекали его во время путешествія, заботились о немъ, а по прибытіи въ Буэносъ-Айресъ снабдили его одеждою и небольшимъ количествомъ денегъ. Но въ первый же день пребыванія его въ этомъ городѣ его до-чиста обокрали, и онъ повелъ существованіе бездомной собаки, питаясь милостынею и ночуя подъ заборомъ. Послѣ того, какъ на него случайно натолкнулся его соотечественникъ, разсказавшій его печальную исторію на страницахъ *Vorwärts'a*, онъ, по всей вѣроятности, давно уже успѣлъ переселиться въ лучшій міръ, гдѣ нѣтъ ни голода, ни холода, ни «благотворящихъ» коммунъ... А вотъ еще болѣе возмутительный фактъ, разсказанный тѣмъ же авторомъ. Жилъ-былъ въ коммунѣ Неслау, того же С.-Галленскаго кантона, нѣкто Видмеръ, по ремеслу типографскій наборщикъ, по болѣзни почти совершенно утратившій способность къ труду и кое-какъ перебивавшійся подачками изъ коммунальной кассы для бѣдныхъ. Въ виду постоянныхъ попрековъ за «дармоѣдство» и всяческихъ униженій, которыя ему приходилось выносить отъ родной коммуны за грошовую помощь, Видмеръ рѣшился, во что бы то ни стало, найти для себя работу и пошелъ съ этою цѣлью бродить по всей Швейцаріи. По временамъ случалось ему пристраиваться то въ ту, то въ другую типографію, но такъ какъ работать-то хоть сколько-нибудь удовлетворительно онъ не могъ, то ему повсюду черезъ нѣсколько же дней и отказывали отъ мѣста. Во время этихъ странствованій жить ему приходилось нищенствомъ. Какъ нищій-бродяга, онъ былъ, въ концѣ-концовъ, арестованъ полиціею и препровожденъ на родину, въ коммуну Неслау. Коммуна встрѣтила его очень непривѣтливо. Тотчасъ же по прибытіи, онъ былъ взятъ и посаженъ въ какую-то темную конуру при мѣстномъ «домѣ для бѣдныхъ». Въ конурѣ этой онъ, черезъ нѣсколько дней, удостоился посѣщенія самого мера коммуны, который и сталъ уговаривать заключеннаго переселиться въ Аргентинскую республику, гдѣ издается, дескать, очень много нѣмецкихъ газетъ, въ типографскихъ же, будто бы, ощущается сильнѣйшій недостатокъ, такъ что и ему, Видмеру, несмотря на его убожество, тамъ очень легко будетъ найти

выгодную работу. При этомъ почтеннымъ меромъ ему было поставлено на видъ, что если онъ не согласится послѣдовать «доброму совѣту» и уѣхать, то коммуна не выпуститъ его изъ конуры до самой смерти. Безпомощный, доведенный до отчаянія, Видмеръ долженъ былъ согласиться на отъѣздъ, чтобы только освободиться изъ своей ужасной тюрьмы. Доставленный, на счетъ коммуны, на эмигрантскомъ кораблѣ въ Буэносъ-Айресъ, несчастный, какъ того и слѣдовало ожидать, тщетно искалъ работы, пока не проѣлъ тѣхъ не многихъ грошей, которые выданы ему были на дорогу «добровольно» родною коммуной, а затѣмъ сталъ пропадать,—теперь, вѣроятно, уже пропалъ,—отъ голода.

Какъ читатель видитъ, все это факты, въ полномъ смыслѣ слова вопіющіе, свидѣтельствующіе о поразительномъ бездушіи, черствости и скаредности швейцарскихъ общинниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, выкидывать изъ своей среды на вѣрную гибель безпомощныхъ существъ, выкидывать съ цѣлью съэкономить малую толику грошей, необходимыхъ для ихъ пропитанія,—что, спрашивается, можетъ быть омерзительнѣе этого?!..

«Въ примитивныхъ кантонахъ Швейцаріи учрежденія, демократичнѣе которыхъ нельзя себѣ и представить, съ давнихъ временъ обезпечиваютъ населенію свободу, равенство, порядокъ и такую сумму счастья, какая только возможна для человѣка (*et autant de bonheur qu'en comporte la destinée humaine*). Я приписываю такое исключительное благополучіе (*cette bonne fortune exceptionelle*) тому факту, что здѣсь сохранились древнія коммунальныя институціи, въ томъ числѣ и примитивная коммунальная собственность» (стр. 119)... Такъ начинаетъ Э. Лавеле свою рѣчь о швейцарскихъ коммунахъ, располагающихъ альмендами. Въ виду всего того, на что нами мелькомъ указано было на предъидущихъ страницахъ, въ виду сильнаго развитія въ Швейцаріи пролетаріата и пауперизма, въ виду опустошающей страну эмиграціи, въ виду прогрессирующаго запустѣнія и упадка швейцарской деревни,—однимъ словомъ, въ виду всѣхъ тѣхъ печальныхъ явленій, которыя въ примитивныхъ кантонахъ даютъ о себѣ знать нисколько не менѣе, если только не болѣе, чувствительно, чѣмъ и въ остальныхъ, — чрезвычайно странно слышать восторженныя заявленія о томъ, что жизнь здѣшнихъ общинниковъ представляетъ собою верхъ счастія и благополучія. Въ настоящее время во всѣхъ уголкахъ Швецаріи,—особенно, нѣмецкой, богатой альмендами,—сельскіе обыватели стонутъ отъ жизненной тяготы, не знаютъ, какъ сводить концы съ концами, плачутся на свою судьбу, только и говорятъ о томъ, что имъ приходится пропадать,—а Лавеле утверждаетъ, что они захлебываются отъ счастія...

Выше мы имѣли уже случай замѣтить, что индивидуальныя доли въ альмендахъ очень не велики и что доходъ отъ этихъ долей, въ переводѣ на деньги, оказывается болѣе чѣмъ скромнымъ, такъ какъ онъ колеблется въ предѣлахъ между нѣсколькими десятками и немногими сотнями фран-

ковъ и, въ среднемъ, не превышаетъ ста франковъ на дворъ. Само собою разумѣется, что такой незначительный доходъ, самъ по себѣ, никоимъ образомъ не можетъ обезпечивать общиннику, съ семьею, хоть сколько-нибудь сноснаго существованія, что при наличности только его одного совсѣмъ нельзя жить, а можно только прозябать въ проголодь, и что поэтому онъ можетъ служить только развѣ подспорьемъ въ индивидуальномъ хозяйствѣ, а никакъ не основой этого хозяйства. А если это такъ, то отсюда слѣдуетъ, что если бы обыватели швейцарскихъ коммунъ и дѣйствительно были такъ чрезмѣрно счастливы, какъ это расписываетъ Лавеле, то, по здравой логикѣ, пришлось бы заключить, что счастье ихъ покоится совсѣмъ не на фактѣ пользованія альмендами, какъ это умозаключаетъ названный авторъ, а на чемъ-то другомъ. Но этого мало: стоитъ только присмотрѣться къ тому, что такое представляетъ собою здѣшняя община, каковъ ея внутренній строй и кто, собственно, пользуется общинными имуществами, чтобы для насъ тотчасъ же стало ясно, что ни о какомъ счастьи, ни о какомъ довольствѣ судьбою, мирѣ, согласіи и братскихъ отношеніяхъ между обывателями въ теперешней общинѣ не можетъ быть и рѣчи и что всѣ, упомянутыя наши выше, темныя явленія швейцарской жизни какъ нельзя болѣе естественны.

Когда заходитъ рѣчь о швейцарскихъ коммунальныхъ порядкахъ, то, во избѣжаніе недоразумѣній, не слѣдуетъ ни на минуту забывать о томъ важномъ обстоятельствѣ, что каждая здѣшняя коммуна, строго говоря, представляетъ собою двѣ различныя по существу своему коммуны, а именно: коммуну политическую и коммуну экономическую или земельную, причемъ вторая является только, такъ сказать, составною частью первой. Коммуна, какъ единица политическая, составляется изъ всѣхъ обывателей данной мѣстности, всѣ эти обыватели въ одинаковой мѣрѣ оказываются полноправными гражданами, всѣ они пользуются правомъ участія въ голосованіяхъ всякаго рода и въ коммунальномъ самоуправленіи, но далеко не всѣ изъ нихъ входятъ въ составъ коммуны экономической, располагающей альмендами. Альмендная коммуна, какъ это уже замѣчено нами мимоходомъ въ самомъ началѣ статьи, представляетъ собою остатокъ былой земельной марки, и членами ея считаются теперь только потомки старыхъ крестьянскихъ родовъ, населявшихъ эту марку, а также и тѣ граждане, предки которыхъ хотя и не принадлежали къ этимъ родамъ, но давно уже, не позже самаго начала текущаго столѣтія, пріобрѣли себѣ, тѣмъ или инымъ путемъ, одинаковыя права съ названными потомками,—всѣ же остальные граждане, живущіе въ предѣлахъ данной политической коммуны, не имѣютъ никакого непосредственнаго отношенія къ альмендамъ. Оказывается, такимъ образомъ, что этими послѣдними пользуется далеко не вся масса лицъ, населяющихъ данную коммуну, а только извѣстная привилегированная группа обывателей, представляющая собою нѣчто вродѣ родовой крестьянской аристократіи, являющаяся замкнутою корпораціей и ревниво охраняющая свои исключительныя права на общинну

собственность. Въ наиболѣе глухихъ деревенскихъ коммунахъ,—особенно, въ примитивныхъ кантонахъ,—группа эта и до сихъ поръ еще составляетъ болѣе или менѣе значительное большинство въ общемъ коммунальномъ населеніи, съ теченіемъ времени, однако же, все болѣе и болѣе сокращающееся; въ другихъ же общинахъ, въ особенности городскихъ, она представляетъ собою уже меньшинство, сплошь и рядомъ совсѣмъ незначительное, а иногда даже и прямо-таки ничтожное. И такъ, право пользованія альмендами принадлежитъ не всѣмъ жителямъ коммуны, а составляетъ привилегію только извѣстной, часто даже очень немногочисленной, категоріи избранныхъ обывателей. Но этого мало: если мы дадимъ себѣ трудъ присмотрѣться къ порядкамъ и отношеніямъ, господствующимъ въ нѣдрахъ самой экономической коммуны, то не замедлимъ придти къ тому заключенію, что эти порядки и отношенія не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ началами справедливости, равенства, братства, на которыхъ, будто бы, покоится швейцарская коммунальная жизнь; напротивъ, они стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ этими началами, являются отрицаніемъ ихъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, производится распредѣленіе долей въ альмендахъ или дохода отъ альмендъ между общинниками, имѣющими право на пользованіе общинными угодьями?... По прекрасному, въ теоріи, принципу: каждому по потребностямъ. Но, къ сожалѣнію, принципъ этотъ понимается и примѣняется здѣсь на практикѣ чрезвычайно своеобразно, а именно,—размѣръ потребностей опредѣляется размѣрами личной собственности: у кого этой собственности больше, у кого хозяйство обширнѣе, у того, дескать, больше и нуждъ, тому нужно больше и дать, тотъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ другіе, долженъ пользоваться и общинными рессурсами. Однимъ словомъ, «имущему дастся»; при этомъ, здѣшняя житейская практика, какъ это будетъ видно ниже, невольно заставляетъ насъ припомнить и другую половину этого мудраго изреченія: «отъ неимущаго же отнимется и то, что онъ имѣетъ...» Выходитъ, такимъ образомъ, что альмендами пользуются, извлекаютъ изъ нихъ для себя доходъ, главнымъ образомъ, богатые личные собственники, крупные хозяева; мелкотѣ же и бѣднотѣ перепадаютъ изъ альмендныхъ благъ только жалкія крохи. Чтобы всѣ эти наши утвержденія не показались читателю голословными, мы спѣшимъ подкрѣпить ихъ ссылкою на факты.

Какъ мы уже знаемъ, альпы и горныя пастбища составляютъ одну изъ главнѣйшихъ статей альменднаго хозяйства. По отношенію къ этой статьѣ почти всюду установлено и строго соблюдается слѣдующее ограниче: хозяинъ-общинникъ имѣетъ право посылать на коммунальныя альпы то: о тотъ скотъ, который прокармливался у него зимою въ хлѣву. Такое общее правило, выгодное, какъ это не трудно понять, для однихъ то: ко богатыхъ хозяевъ-собственниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы содержа скотъ зимой, для этого нужно имѣть соотвѣтствующій количеству ск запасъ сѣна; а чтобъ имѣть сѣно,—нужно владѣть своими собственны лугами. У кого этихъ луговъ нѣтъ, у того, благодаря дороговизнѣ

сѣна, и хлѣвъ зимой стоитъ совсѣмъ или почти пустой, а значитъ—для того и общинныя альпы не представляютъ никакихъ, или почти никакихъ, выгодъ, между тѣмъ какъ для богатыхъ владѣльцевъ, выгоняющихъ на нихъ десятки головъ скота, онѣ даютъ огромный доходъ. Правда, существуютъ на этотъ счетъ нѣкоторыя ограниченія и для богатыхъ: такъ, въ кантонѣ Ури одинъ владѣлецъ не можетъ выгонять на альмендныя пастбища болѣе 30 головъ крупнаго или соотвѣтствующаго числа мелкаго скота; но такого рода правила, ограничивающія до извѣстной степени привилегіи богатыхъ, не представляютъ никакого интереса для бѣдныхъ общинниковъ, которыхъ, въ противность завѣреніямъ Э. Лаведе, имѣется здѣсь повсюду весьма и весьма достаточное количество. Такъ, въ томъ же самомъ Ури, который какъ разъ именно принадлежитъ къ числу примитивныхъ кантоновъ и въ которомъ, слѣдовательно, обывателямъ обезпечено, будто бы, учрежденіями «*autant de bonheur qu'en comporte la destinée humaine*»,—изъ 2,700 семей, принадлежащихъ къ альмендной общинѣ, 1,036, т.-е. почти ровно 40% всего числа, совсѣмъ не имѣетъ скота, а значитъ,—и возможности пользоваться выгодами отъ эксплуатаціи общинныхъ альпъ; у громаднаго же большинства изъ остальныхъ 1,664 хозяевъ имѣется всего только по 1—2 коровы, въ то время какъ у ничтожнаго меньшинства владѣльцевъ оказывается по 10—20—30 головъ. Не трудно понять въ виду этихъ данныхъ, что этому-то именно меньшинству и перепадаетъ львиная доля выгодъ, доставляемыхъ общинными пастбищами, что оно-то именно главнѣйшимъ образомъ и пользуется коммунальными альпами.

Переходимъ теперь къ пользованію общинными лѣсами. И въ этой сферѣ альменднаго хозяйства господствуетъ на практикѣ тотъ же самый принципъ, что и по отношенію къ пастбищамъ,—и тутъ имущимъ, богатымъ достается львиная доля, такъ какъ «потребностей» у нихъ много. Кто имѣетъ много построекъ (домъ въ деревнѣ, одинъ или нѣсколько шале въ горахъ, обширные сараи, хлѣва и проч.), тому, очевидно, много надо и дровъ, и дерева для поправокъ и починокъ, тотъ много лѣсныхъ матеріаловъ даромъ и получаетъ, а у кого ничего этого нѣтъ или почти нѣтъ, тому зачѣмъ дерево?... Въ видахъ иллюстраціи, приводимъ здѣсь типичный примѣръ распредѣленія между общинниками рессурсовъ, доставляемыхъ коммунальнымъ лѣсомъ. Въ деревнѣ Шаддорфъ, близъ Альтдорфа (кант. Ури), въ шестидесятыхъ годахъ насчитывалось 194 общинника, имѣвшихъ право на участіе въ пользованіи альмендами. Но участіе это было далеко не одинаково для всѣхъ, такъ какъ оно строго соразмѣрялось со степенью существенной состоятельности каждаго члена и опредѣлялось принадлежностью его къ тому или другому классу, или категоріи членовъ-общинниковъ. Всѣхъ этихъ классовъ было четыре. Къ первому классу причислялись тѣ хозяева, которые имѣли свой домъ, съ разными хозяйственными службами, владѣли, на правахъ личной собственности, земельными участками (пашня, луга, лѣсъ), каждый день топили у себя печь, т.-е. кормили

имѣли у себя *Feuer und Licht* (огонь и свѣтъ). Такихъ хозяевъ насчитывалось тогда 120 чел. (около 62%); они имѣли право срубать для себя въ общинномъ лѣсу по 6 большихъ елей ежегодно. Второй классъ отличался отъ перваго отсутствіемъ у хозяевъ земельной собственности, къ нему принадлежало 30 чел. (немного болѣе 15%), имъ давалось по 4 ели. Хозяева съ тою же степенью имущественной состоятельности, что и во второмъ классѣ, но не имѣвшіе семьи, относились къ третьему классу; такихъ одиночекъ было 9 чел. (около 5%); получали они по 3 ели въ годъ. Наконецъ, тѣ общинники, у которыхъ не было не только земли, но даже и своего дома, составляли собою четвертый классъ, причемъ семейное положеніе ихъ въ разсчетъ совсѣмъ не принималось. Такихъ круглыхъ бѣдняковъ оказывалось 35 чел. (болѣе 18%); изъ общиннаго лѣса они могли брать для себя только по 2 ели въ годъ, т.-е. въ 3 раза менѣе, чѣмъ члены перваго класса. Такъ дѣло шло въ Шаддорфѣ лѣтъ двадцать пять тому назадъ, такъ же идетъ оно и теперь, съ тою только разницею, что въ настоящее время численный составъ названныхъ классовъ или категорій общинниковъ сталъ, по всей вѣроятности, совсѣмъ инымъ, чѣмъ прежде: судя по общимъ даннымъ, касающимся швейцарской деревни, надо думать, что и въ Шаддорфѣ успѣло уже произойти болѣе или менѣе сильное сокращеніе первой категоріи и соотвѣтствующее расширеніе остальныхъ категорій, въ особенности послѣдней... Другой примѣръ въ томъ же родѣ: въ земельной общинѣ г. Солотурна члены-общинники перваго класса получаютъ изъ общинныхъ лѣсовъ для отопленія по 5 куб. саженей буковыхъ и еловыхъ дровъ въ годъ, а лица, принадлежащія къ послѣднему имущественному классу, всего только по ½ саж., т.-е. въ 10 разъ меньше... Такимъ же точно образомъ дѣло ведется и во всѣхъ другихъ альмендныхъ общинахъ Швейцаріи: вездѣ размѣръ индивидуальнаго пользованія общинными угодьями опредѣляется размѣрами личной собственности, имѣющейся у общинниковъ, т.-е. вездѣ альмендами пользуются главнымъ образомъ богатые собственники.

Изъ всего только что сказаннаго читатель видитъ, что въ швейцарской общинѣ имѣютъ мѣсто огромныя неравенства въ распредѣленіи между общинниками доставляемыхъ альмендами благъ земныхъ. Въ былыя, давнопрошедшія времена, когда личная собственность была еще не развита, когда въ населеніи марки дѣйствительно не было «ни очень богатыхъ, ни очень бѣдныхъ», примѣненіе принципа: «каждому по потребностямъ» (опредѣляемымъ личнымъ достаткомъ) не представляло никакихъ существенныхъ неудобствъ и неудобствъ въ соціальномъ отношеніи: тогда потребности у всѣхъ [illegible] и болѣе или менѣе одинаковы, и всѣ общинники пользовались альмен[illegible] довольно равномѣрно. Совсѣмъ иначе, какъ мы только что видѣли, [illegible]итъ дѣло теперь, когда въ общинѣ бокъ-о-бокъ съ богатыми и очень [illegible]атыми личными собственниками имѣется непокрытая, сплошь и рядомъ [illegible]ленная даже своего собственнаго крова, бѣднота, когда «потребности» [illegible]овъ общины оказываются крайне различными и когда принятіе въ раз-

счетъ этихъ «потребностей», при распредѣленіи альмендныхъ благъ, приводитъ на практикѣ къ вопіющимъ несправедливостямъ. Но всякая соціальная несправедливость всегда является элементомъ разлагающимъ, угрожающимъ самому существованію тѣхъ институцій, на почвѣ которыхъ она выростаетъ и развивается. Такъ было всегда и вездѣ, да такъ, къ счастію человѣчества, къ торжеству правды и справедливости въ его нѣдрахъ, неизбѣжно будетъ и впредь. Не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія изъ общаго правила и интересующія насъ швейцарскія коммуны, съ ихъ «благодѣтельными» альмендами. Недовольныхъ существующими экономическими порядками въ нихъ чрезвычайно много. Къ числу этихъ недовольныхъ принадлежатъ, во-первыхъ, всѣ тѣ обыватели коммунъ, которые совершенно устранены отъ участія въ пользованіи альмендами,—а они, какъ мы уже знаемъ, представляютъ собою весьма почтенную величину въ общей массѣ коммунальнаго населенія. Недовольными оказываются, затѣмъ, и тѣ члены альмендной общины, которые, благодаря своей имущественной несостоятельности, вынуждены довольствоваться только жалкими крохами изъ общаго достоянія, фактически ставшаго достояніемъ почти исключительно одного только зажиточнаго и богатаго крестьянства и бюргерства,—а ихъ, опять-таки, весьма и весьма не мало. Всѣ эти лица относятся крайне враждебно къ теперешнимъ фактическимъ хозяевамъ общинныхъ владѣній, т.-е. къ богатымъ общинникамъ; ихъ возмущаютъ господствующія въ коммунѣ вопіющія экономическія неравенства и ничѣмъ не заслуженныя, ничѣмъ не оправдываемыя, столь противорѣчащія демократическому духу прекрасныхъ политическихъ учрежденій привилегіи,—то родовыя, то имущественныя,—сравнительно небольшой группы избранныхъ счастливцевъ. Чтобъ умиротворить недовольныхъ, заставить ихъ молчать, угрожаемые въ своихъ привилегіяхъ общинные консерваторы эти, подчиняясь необходимости, скрѣпя сердце, идутъ на компромиссы, дѣлаютъ кое-какія мелочныя уступки. Такъ, обывателямъ, не имѣющимъ права на альменды, дается иногда изъ общинныхъ лѣсовъ небольшое количество дерева для топлива (но не для построекъ), дозволяется выпускать на общинныя альпы (если ихъ еще достаточно) немного скота (иногда только молодого или мелкаго, рѣже—одну или, самое большее, двѣ молочныхъ коровы на хозяина), изрѣдка даются, по жребію, миніатюрные клочки культурной земли. Такими же земельными клочками (для крошечныхъ огородовъ) пытаются по временамъ удовлетворять и тѣхъ недовольныхъ и ропщущихъ членовъ земельной коммуны, которые, не имѣя скота, не пользуются общинными пастбищами. Но всѣ такія уступки [illegible] кого, въ сущности, не удовлетворяютъ и не достигаютъ цѣли. Благо[даря] естественному приросту, численность безправной, по отношенію къ аль[мендамъ], части общаго коммунальнаго населенія годъ отъ года все увел[ичи]вается, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ нѣдрахъ самой поземельной общины [со]вершаются такія измѣненія, которыя могутъ только усиливать враж[ду и] разладъ между членами: процессъ концентраціи личной собственности,

тро идущій повсюду подъ вліяніемъ господствующаго теперь капиталистическаго духа, весьма чувствительно даетъ о себѣ знать и въ здѣшней коммунѣ, въ которой съ теченіемъ времени все большее и большее число среднихъ, бывшихъ прежде зажиточными и даже богатыми, хозяевъ-собственниковъ терпитъ имущественное крушеніе, разоряется; владѣнія ихъ мало-по-малу переходятъ къ крупнымъ собственникамъ, сами же они опускаются въ низшія, обездоленныя, по отношенію къ пользованію альмендами, категоріи общинныхъ членовъ. Коммунальная бѣднота такимъ образомъ все болѣе и болѣе разростается; число же «счастливцевъ», съ постепенно «округляющеюся» собственностью и, значитъ, съ еще болѣе широкими правами на общинныя угодья, сокращается. Благодаря всему этому, экономическія неравенства въ коммунѣ становятся еще болѣе рѣзкими, имущественныя привилегіи богатыхъ еще сильнѣе колютъ глаза остальной массѣ, недовольство этой массы существующими альмендными порядками обостряется, безправные и обездоленные все настойчивѣе и страстнѣе добиваются уничтоженія привилегій немногихъ, нерѣдко взывая въ этихъ видахъ даже къ кантональному законодательству. Однимъ словомъ, вражда, раздоры, разладица и борьба между обывателями здѣшнихъ коммунъ идутъ все *crescendo*, а благодаря этому, роковымъ образомъ, все болѣе и болѣе разрушаются и исчезаютъ и тѣ изуродованные остатки былой поземельной общины, которые еще успѣли сохраниться до настоящаго времени.

Процессъ окончательнаго разложенія общиннаго землевладѣнія въ Швейцаріи идетъ впередъ быстрыми шагами. Чтобы дать читателю конкретное понятіе о томъ, какъ именно совершался и совершается этотъ любопытный процессъ, мы воспользуемся здѣсь данными чрезвычайно интереснаго труда швейцарскаго ученаго, Эдуарда Графа, задавшагося цѣлію шагъ за шагомъ, начиная съ XVI в., прослѣдить исторію одной захолустной деревенской общины кантона Люцернъ *). Результаты такого историческаго изслѣдованія получились, какъ сейчасъ увидимъ, весьма поучительные и тѣмъ болѣе цѣнные для насъ, что по коммунѣ Шётцъ, избранной названнымъ авторомъ для изученія, мы до извѣстной степени можемъ судить и обо всѣхъ другихъ швейцарскихъ коммунахъ.

Исторія человѣческихъ обществъ показываетъ намъ, что всякая общественная группа или единица, пользующаяся какими-либо особенными выгодами или преимуществами, всегда стремится обособиться, замкнуться и не допускать въ свою среду новыхъ членовъ, съ которыми пришлось бы, ущербъ себѣ, дѣлиться упомянутыми выгодами. Такъ это было, напри-ръ, съ ремесленными цехами въ городахъ, такъ же дѣло происходило и былыхъ земельныхъ общинахъ или маркахъ. Какъ только въ этихъ по-ѣднихъ, вмѣсто первоначальнаго раздолья, начиналъ ощущаться нѣкото-й недостатокъ въ свободныхъ земляхъ, тотчасъ же прекращался и пріі-

*) *Dr. Ed. Graf.*: „Die Auftheilung der Allmend in der Gemeinde Schötz".

емъ въ общину новыхъ членовъ на равныхъ правахъ со старыми. Въ результатѣ получалась замкнутая земельная община, ревниво оберегавшая свои исключительныя права на захваченныя ею земельныя пространства и не допускавшая до пользованія общинными угодьями позднѣйшихъ поселенцевъ. Первоначально, однако же, такихъ безземельныхъ, стоявшихъ внѣ сложившейся и замкнувшейся общины, обывателей было очень мало; а, между тѣмъ, общинники, жившіе широко и привольно, начинали съ теченіемъ времени ощущать нужду въ рабочихъ рукахъ для веденія своихъ хозяйствъ. Въ видахъ удовлетворенія этой нужды, въ деревню сталъ привлекаться бездомный людъ, долженствовавшій образовать изъ себя классъ батраковъ, а чтобы сдѣлать этотъ людъ осѣдлымъ, чтобы владѣлецъ могъ жить доходомъ только съ него одного, не прибѣгая къ стороннему заработку, т.-е. не нанимаясь на работу къ хозяевамъ-общинникамъ. Такимъ-то вотъ образомъ и возникла самая низшая категорія членовъ земельной коммуны.

Такъ дѣло шло повсюду; такъ же точно шло оно и въ коммунѣ Шётцъ, которая въ первой половинѣ XVI столѣтія, повидимому, уже окончательно сложилась и замкнулась, такъ что доступъ въ нее новымъ членамъ, на правахъ полноправныхъ общинниковъ, былъ уже прекращенъ. Число бѣдняковъ-припущенниковъ, жившихъ на нищенскомъ надѣлѣ и поддерживавшихъ свое существованіе батрачествомъ, было въ ту пору еще очень незначительно. Такъ, по свѣдѣніямъ, добытымъ Э. Графомъ, въ 1589 году ихъ насчитывалось во всей коммунѣ всего только 6 человѣкъ; но уже черезъ девять лѣтъ, въ 1598 г., ихъ оказалось 17 чл.—и затѣмъ контингентъ ихъ изъ года въ годъ возросталъ, причемъ и значеніе ихъ въ жизни деревни становилось все болѣе и болѣе значительнымъ. На первыхъ порахъ, когда батраковъ или «пауперовъ»,—какъ они тогда назывались,—въ коммунѣ было мало, по сравненію съ числомъ крестьянъ-общинниковъ, имъ, волей-неволей, приходилось мириться съ выпавшею имъ тяжелою долей, терпѣливо переносить всяческую нужду и лишенія и молча повиноваться деревенскимъ хозяевамъ, отъ которыхъ они стояли въ тѣсной зависимости. Но по мѣрѣ того, какъ численность ихъ возростала, они все въ бо́льшей и бо́льшей степени стали сознавать себя силою, стали сплочиваться между собою для совмѣстной защиты своихъ интересовъ и все рѣшительнѣе и смѣлѣе предъявлять къ общинѣ требованія, касавшіяся улучшенія ихъ экономическаго положенія. Началась въ нѣдрахъ коммуны классовая борьба, борьба бѣдняковъ съ богатымъ, крупнымъ крестьянствомъ, характеризующая, по замѣчанію Э. Графа, исторію всѣхъ швейцарскихъ общинъ въ XVII и XVIII вѣкахъ, да являющаяся главнѣйшимъ моментомъ и въ современной общинной жизни. Нужно замѣтить, что въ борьбѣ этой пауперы были не одиноки, что они имѣли союзниковъ даже въ средѣ родового коммунальнаго крестьянства. Многіе изъ представителей этого послѣдняго съ теченіемъ времени запутывались въ долгахъ, вынуждались къ распродажѣ по частямъ принадлежавшей имъ земельной собственности,—переходившей, къ слову сказать, въ руки крупныхъ крестьянъ,—разорялись, бѣднѣли

оказывались въ положеніи не лучшемъ, чѣмъ и пауперы, естественными союзниками которыхъ они и становились въ борьбѣ за лучшія условія существованія. Говоря вообще, и пауперы, и единомыслящіе съ ними мелкіе, имущественно несостоятельные крестьяне были совсѣмъ не заинтересованы въ поддержаніи существовавшихъ общинныхъ порядковъ и относились отрицательно къ альмендамъ, отъ которыхъ они видѣли для себя очень мало добра. Первые требовали себѣ отъ общины выдѣла, на правахъ личной собственности, достаточнаго количества земли изъ общинныхъ угодій; вторые, т.-е. мелкіе крестьяне, добивались того, чтобы община дала имъ возможность покрыть понесенныя ими имущественныя потери,— покрыть опять-таки путемъ выдѣла земли изъ альмендъ, которыми пользовались только богатые. Другими словами, тенденціи коммунальной бѣдности рѣшительно клонились ко все большему и большему умаленію альмендъ, къ раздѣлу ихъ. А такъ какъ, какъ мы уже сказали, бѣднота эта съ теченіемъ времени становилась все болѣе и болѣе серьезною силой, игнорировать которую было нельзя, то стремленія ея до нѣкоторой степени и увѣнчивались успѣхомъ: одна часть общинныхъ угодій за другою подвергалась раздѣлу и переходила въ сферу частной собственности... Альмендныя владѣнія, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе урѣзывались и сокращались, но, благодаря вліянію все еще сильныхъ и властныхъ богатыхъ крестьянъ, земельная община продолжала, все-таки, существовать на прежнихъ основаніяхъ. Но, вотъ, вспыхнула великая французская революція, сильно отозвавшаяся, между прочимъ, и во всѣхъ уголкахъ Швейцаріи и опрокинувшая также и здѣсь прежнія общественныя отношенія. Создавшіяся подъ ея вліяніемъ новыя швейцарскія конституціи оказались гораздо болѣе либеральными и демократичными, чѣмъ прежнія. Въ кантонѣ Люцернъ, какъ и во всѣхъ другихъ швейцарскихъ кантонахъ, пауперы, бывшіе до того времени политически безправными, получили полныя избирательныя права, наравнѣ со всѣми остальными гражданами и, конечно, не замедлили воспользоваться ими въ своихъ интересахъ. Ставшіе полноправными и поддерживаемые представителями мелкаго крестьянства, они въ интересующей насъ коммунѣ Шётцъ скоро оказались господами положенія. На общинныхъ выборахъ 1800 года партія ихъ располагала 88 голосами, между тѣмъ какъ враждебная имъ партія крестьянъ-общинниковъ имѣла всего только 29 голосовъ. Въ избирательной борьбѣ крестьяне эти были побиты, коммунальный совѣтъ составился изъ представителей общинной мелкоты и бѣдноты, и вся внутренняя политика коммуны рѣшительно повелась въ смыслѣ «уравненія». Тотчасъ же былъ по..ятъ и рѣшенъ утвердительно вопросъ о полномъ раздѣлѣ еще остававшихся въ распоряженіи коммуны альмендъ между всѣми, принадлежавшими къ зе..кой общинѣ, обывателями, считая тутъ, конечно, и пауперовъ,—и такимъ об..зомъ альмендная коммуна въ Шётцѣ прекратила свое существованіе.

Раздѣлъ общинныхъ угодій сопровождался довольно значительными пе..лѣнами въ условіяхъ жизни въ коммунѣ. Отъ раздѣла этого немало по..вѣли, прежде всего, прежніе «хозяева» бывшей земельной общины—

зажиточные и крупные крестьяне-общинники. Хотя при ликвидаціи альменднаго хозяйства и они не были обойдены и, въ качествѣ членовъ общины, получили въ собственность свои доли изъ общаго достоянія, но размѣръ этихъ долей былъ не настолько великъ, чтобы вознаградить крупныхъ собственниковъ за утрату тѣхъ большихъ выгодъ, которыми они пользовались раньше, когда почти въ исключительномъ ихъ распоряженіи были всѣ альменды. Пострадали, затѣмъ, отъ раздѣла и тѣ, жившіе въ предѣлахъ общины, но совсѣмъ не причастные къ альмендамъ, бѣдняки, которымъ, въ видѣ уступки, давалось раньше право послать какую-нибудь пару козъ или овецъ на общинныя пастбища или пользоваться небольшимъ количествомъ хвороста изъ общинныхъ лѣсовъ. Теперь, когда и альпы, и лѣса перешли въ частное владѣніе, право это само собою уничтожилось. Ликвидація альмендъ оказалась, такимъ образомъ, невыгодною для двухъ крайнихъ классовъ коммунальнаго населенія; но за то, благодаря ей, не мало выигралъ,— по крайней мѣрѣ, въ первое время,— промежуточный, средній классъ, состоявшій изъ пауперовъ и мелкихъ крестьянъ. У представителей этого класса земельная собственность, благодаря раздѣлу, расширилась, хозяйственный уровень ихъ приподнялся, матеріальная обезпеченность возросла. А такъ какъ обывателей этой категоріи въ коммунѣ Шётцъ было, какъ мы уже знаемъ, довольно много, то ближайшимъ слѣдствіемъ всѣхъ только что указанныхъ экономическихъ перемѣнъ явился довольно быстрый ростъ коммунальнаго населенія, остававшагося до той поры почти стаціонарнымъ. Такъ, вмѣсто 847 жителей, насчитывавшихся въ общинѣ въ 1799 году, черезъ 50 лѣтъ ихъ оказалось почти вдвое больше, а именно 1464 чел.

Отмѣченное нами повышеніе средняго уровня благосостоянія въ коммунѣ, послѣдовавшее за раздѣломъ альмендъ, было, однако же, очень непрочно и продержалось недолго. Не слѣдуетъ забывать, что пауперы и мелкіе крестьяне, на первыхъ порахъ больше всего выигравшіе отъ дѣлежа общинныхъ земельныхъ угодій, не располагали ни хозяйственнымъ инвентаремъ, ни достаточными денежными средствами для надлежащаго веденія ихъ расширившихся хозяйствъ. Чтобы прикупить скота, пріобрѣсти сельско-хозяйственныя орудія, обстроиться и т. д., имъ приходилось прибѣгать къ займамъ, обременять свою новую земельную собственность ипотечнымъ долгомъ. Несмотря на все это, дѣла ихъ вначалѣ шли еще довольно сносно, и новые владѣльцы были болѣе или менѣе довольны своею судьбой; но съ теченіемъ времени задолженность ихъ постепенно возростала и большинство ихъ стало все болѣе и болѣе запутываться въ своихъ хозяйственныхъ разсчетахъ и попыткахъ сводить концы съ концами. А ко всему этому присоединилась еще новая бѣда: выросшая и развившаяся за это время капиталистическая индустрія наповалъ убила разныя домашнія производства и ремесла (пряжа, тканье, вышиваніе и пр.), являвшіяся прежде весьма серьезнымъ подспорьемъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ и принадлежавшихъ этимъ дворамъ земель, скупавшихся по дешевымъ цѣнамъ богатыми крестьянами-собственниками, и къ естественному обезземеленію

мелкихъ, а отчасти даже и среднихъ, крестьянъ. Подвергаясь имущественному крушенію, окончательно раззоряясь и превращаясь въ пролетаріевъ, крестьяне эти стали уходить изъ деревни, въ которой не оказывалось для нихъ средствъ къ существованію,— уходить отчасти въ городъ, въ ряды промышленнаго пролетаріата, отчасти въ эмиграцію. Благодаря этому, коммуна начала все болѣе и болѣе пустѣть: вмѣсто 1,464 жителей, насчитывавшихся въ Шётцѣ въ 1850 году, черезъ 38 лѣтъ, въ 1888 году, въ общинѣ оказалось всего только 1,262 чел., т.-е. произошло уменьшеніе населенія почти на 14%. За тотъ же промежутокъ времени (съ 1850 г. по 1888 г.) число самостоятельныхъ хозяевъ въ ней сократилось съ 183 на 127, т.-е. болѣе чѣмъ на 30%; но за то собственность уцѣлѣвшихъ хозяевъ замѣтно округлилась (на счетъ раззорившихся, конечно), какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ: въ 1850 г. крупнаго рогатаго скота въ Шётцѣ имѣлось 988 головъ, а въ 1888 г., при уменьшившемся числѣ владѣльцевъ, насчитывалось уже 1,517 головъ, т.-е. произошло увеличеніе болѣе чѣмъ на 53%... И такъ, прогрессирующее обѣднѣніе и обезземеленіе большинства обывателей, идущее изъ года въ годъ обезлюдѣніе деревни, сокращеніе числа самостоятельныхъ хозяевъ и все большее и большее сосредоточеніе собственности въ рукахъ меньшинства,—таковы общія явленія, характеризующія теперь экономическую сторону жизни въ коммунѣ Шётцъ. Спѣшимъ замѣтить кстати, что названная коммуна въ указанныхъ отношеніяхъ не представляетъ собою ничего исключительнаго и что поименованныя явленія въ настоящее время имѣютъ мѣсто также и во многихъ другихъ деревенскихъ общинахъ Швейцаріи. Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь еще слѣдующія данныя, дающія намъ право на обобщеніе результатовъ частнаго изслѣдованія только что названнаго ученаго на всю деревенскую Швейцарію. По свѣдѣніямъ, найденнымъ нами въ *Zeitschrift für schweizerische Statistik,* въ Цюрихскомъ кантонѣ, въ 1842—1843 гг., земельныхъ собственниковъ было 36,353 ч. По переписи же, произведенной въ 1880 г., т.-е. 38 лѣтъ спустя, число самостоятельныхъ сельскихъ хозяйствъ въ кантонѣ оказалось на 13,414, т.-е. почти на 37%, меньше только что указаннаго. Далѣе, за 20-ти лѣтній промежутокъ времени между 1866 и 1886 гг. число сельскихъ хозяевъ, владѣющихъ пятью и болѣе штуками крупнаго рогатаго скота, увеличилось на 3,195; число же владѣльцевъ 1—4 штукъ уменьшилось на 4,333,—другими словами, общая убыль скотовладѣльцевъ опредѣлялась за это время цифрою въ 1,138 человѣкъ. Что же касается всей массы *сельскаго* населенія въ кантонѣ, то съ начала 40-хъ годовъ и по настоящее время она уменьшилась, по меньшей мѣрѣ, на 100,000 ч. Такъ-то пустѣетъ цюрихская, какъ и вообще швейцарская, деревня,—пустѣетъ, къ слову сказать, совершенно независимо отъ того, сохранились въ ней альменды или нѣтъ.

Процессъ разложенія и исчезновенія остатковъ былой земельной общины, вполнѣ уже завершившійся, какъ мы видѣли, въ коммунѣ Шётцъ, равно какъ и въ очень многихъ другихъ мѣстахъ Швейцаріи (особенно

романской), непрерывно и довольно быстро идетъ впередъ повсюду, гдѣ альменды еще уцѣлѣли въ большей или меньшей степени. Во всѣхъ здѣшнихъ коммунахъ,—какъ деревенскихъ, такъ и городскихъ,—общинныя земельныя владѣнія изъ года въ годъ умаляются, благодаря выдѣламъ, частнымъ раздѣламъ, захватамъ угодій богатыми общинниками, продажамъ земель коммунами въ тяжелые годы, благодаря, наконецъ, тому, что періодическіе передѣлы, подъ вліяніемъ заинтересованныхъ лицъ (крупныхъ собственниковъ), становятся все рѣже и рѣже, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе забываются и прекращаются. Умаляется размѣръ общинныхъ угодій,—сокращаются, конечно, и размѣры пользованія альмендами для отдѣльныхъ членовъ общины. Такъ, еще не дальше какъ въ 1872 году члены коммуны города Винтертура получали ежегодно небольшіе участки лѣса, а до 1860 г. пользовались, кромѣ того, еще топливомъ изъ альмендъ и клочками культурной земли подъ городомъ (для садовъ и огородовъ); теперь же ничего этого уже нѣтъ и въ поминѣ. Совершенно то же самое можно было бы сказать далеко не объ одной только винтертурской коммунѣ, такъ какъ захуданіе, умаленіе, упадокъ альмендной общины,—очевидно, доживающей свои послѣдніе годы,—здѣсь оказывается всеобщимъ, повсемѣстнымъ явленіемъ.

Констатируя фактъ прогрессирующаго обѣднѣнія и запустѣнія въ коммунѣ Шётцъ, Э. Графъ высказываетъ мнѣніе, что фактъ этотъ обязанъ своимъ происхожденіемъ ничему иному, какъ раздѣлу альмендъ: если бы, дескать, земельная община въ деревнѣ продолжала существовать, то все обстояло бы благополучно. По всему тому, что было сказано нами въ настоящей статьѣ о швейцарской альмендной общинѣ вообще и въ частности на основаніи изслѣдованія самого же Э. Графа объ общинѣ Шётцъ, читатель можетъ судить, насколько мнѣніе это оказывается голословнымъ и неосновательнымъ. Какъ мы уже знаемъ, альмендная коммуна нисколько не препятствуетъ развитію и разростанію пролетаріата въ ея нѣдрахъ; она не предохраняетъ и не спасаетъ ни отъ какихъ соціальныхъ золъ и бѣдъ, да и не можетъ предохранять и спасать, такъ какъ представляетъ собою эгоистически-замкнутую корпорацію, покоющуюся на началахъ неравенства, имущественныхъ привилегій, проникнутую духомъ несправедливости и служащую интересамъ почти исключительно только однихъ богатыхъ собственниковъ. А если все это такъ, то нѣтъ ни малѣйшихъ резоновъ ни вздыхать, ни сокрушаться въ виду того обстоятельства, что община эта разлагается, умираетъ и устраняется со сцены ходомъ исторіи. Пусть себѣ отходитъ она, съ миромъ, въ прошлое и очищаетъ мѣсто для новой общины, въ которой, вмѣсто теперешнихъ неравенствъ и несправедливостей, будетъ господствовать,—не на словахъ только, а на дѣлѣ,—прекрасный девизъ швейцарской федераціи: *un pour tous, tous pour un.*

И. Дуб—ій.

Посмертный трудъ Тэна *).

(Les Origines de la France contemporaine. Le Régime moderne. Tome II. Paris, 1894).

Изъ всѣхъ общественныхъ учрежденій,—говоритъ Тэнъ,—школа играетъ, быть можетъ, самую важную, самую рѣшающую роль въ жизни человѣка. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ учителя, товарищества и школьнаго устава складывается умственная и нравственная личность будущаго гражданина. Учитель является для учениковъ своего рода авторитетомъ, что бы онъ ни говорилъ имъ, правду или ложь. Товарищи представляютъ какой-то особенный міръ, отличный отъ семьи и домашняго круга. У него есть тоже свои взгляды и нравы, свои симпатіи, свой духъ партій, свои убѣжденія по поводу всѣхъ вопросовъ неба и земли. Въ этой средѣ ребенокъ начинаетъ впервые мыслить самостоятельно; при столкновеніи съ равными себѣ, съ ихъ дѣтскими идеями и понятіями, болѣе доступными ему, чѣмъ міросозерцаніе взрослыхъ, зарождается и крѣпнетъ его юная мысль. Онъ пріобрѣтаетъ здѣсь свой собственный взглядъ на вещи, свое понятіе справедливаго и несправедливаго, свою программу дѣйствій съ девизомъ: послушаніе или протестъ, — словомъ, свои убѣжденія. Смотря по духу заведенія, эти убѣжденія будутъ хороши или дурны, соціальны или антисоціальны. Школьный режимъ имѣетъ въ данномъ случаѣ большое значеніе. Подъ вліяніемъ его ребенокъ усвоиваетъ тѣ или другія привычки, развивается въ томъ или другомъ направленіи, становится полезнымъ или безполезнымъ членомъ общества. Принимая во вниманіе, что это ученіе на школьной скамьѣ, подъ тройнымъ вліяніемъ — учителя, школьнаго устава и товарищей, длится въ теченіе шести, десяти, пятнадцати и даже двадцати лѣтъ, что въ этомъ хрупкомъ возрастѣ человѣкъ мягокъ, какъ воскъ, изъ него можно лѣпить что угодно, мы въ состояніи понять, какую страшную силу представляетъ школа. Каждое вліяніе само по себѣ имѣетъ большое значеніе, но если всѣ три вліянія не противорѣчатъ другъ другу, идутъ рука объ руку во имя одной общей цѣли, во имя созданія одного

---

*) *Русская Мысль*, кн. II.

опредѣленнаго типа людей, если съ дѣтскихъ лѣтъ до зрѣлаго возраста эти вліянія дѣйствуютъ въ одномъ и томъ же направленіи, согласуясь съ строго-опредѣленною системой, тогда ихъ власть неотразима. Когда государство беретъ въ свои руки народное образованіе, вырабатываетъ свою систему воспитанія и примѣняетъ ее на всемъ пространствѣ своей территоріи, то оно смѣло можетъ разсчитывать, что черезъ двадцать лѣтъ встрѣтитъ въ воспитанномъ имъ поколѣніи отголосокъ тѣхъ чувствъ и идей, которыя оно старалось привить ему, тотъ духъ, который оно стремилось вселить въ него, тѣ нравственные и политическіе взгляды, которые оно навязало ему. Такова была задача Наполеона.

«Моя главная цѣль при созданіи учебнаго вѣдомства,— говорилъ онъ самъ,—сводится къ тому, чтобы имѣть въ рукахъ средство направлять политическіе и нравственные взгляды». «Нужно устроить его такъ, чтобъ у насъ имѣлись свѣдѣнія о каждомъ ребенкѣ, начиная съ девятилѣтняго возраста». Овладѣвъ взрослыми, онъ хотѣлъ овладѣть и дѣтьми,— замѣчаетъ Тэнъ,—хотѣлъ подготовить изъ нихъ заранѣе будущихъ французовъ. Воспитанные въ его школѣ, направленные его рукой, они будутъ послушны ему,—думалъ онъ,—болѣе послушны, чѣмъ ихъ родители, среди которыхъ еще много строптивыхъ и непокорныхъ натуръ, много роялистовъ и республиканцевъ. Каждая семья имѣетъ свои традиціи, которыя часто противорѣчатъ другъ другу, и ребенокъ, воспитываясь дома, вноситъ потомъ эту рознь въ общество. Нужно предупредить всякія столкновенія въ будущемъ, нужно воспитать юношество въ одинаковыхъ условіяхъ, нужно поселить въ немъ полное единодушіе. Иначе во Франціи «не будетъ никогда прочнаго политическаго строя: до тѣхъ поръ, пока не научатся въ дѣтствѣ, чѣмъ должно быть, республиканцемъ или монархистомъ, католикомъ или невѣрующимъ, до тѣхъ поръ государство не образуетъ націи; оно будетъ покоиться на зыбкомъ фундаментѣ, страдать отъ безпорядковъ и перемѣнъ».

Руководясь этими соображеніями, Наполеонъ рѣшилъ присвоить себѣ монополію воспитанія.

«Завѣдываніе народнымъ образованіемъ,— гласитъ декретъ 1808 г.,— предоставлено удиверситету» *). Ни одна школа, ни одно учебное заведеніе, высшее, среднее, низшее, спеціальное или общеобразовательное, свѣтское или духовное, «не можетъ быть основано за предѣлами императорскаго университета и безъ разрѣшенія его высшаго начальства». За университетскою оградой и подъ надзоромъ университетскихъ властей функціонируютъ всѣ фабрики народнаго образованія. Онѣ дѣлятся на двѣ категоріи: однѣ изъ нихъ, національныя фабрики, основанныя правительствомъ или по его приказу, образуютъ факультеты, лицеи, гимназіи и коммунальныя школы; другія, частныя фабрики—пансіоны и первоначальныя школы, возникшіе по иниціативѣ частныхъ лицъ. Къ первымъ государство относитс..

*) Читатели знаютъ, что терминъ *университетъ* во Франціи имѣетъ особенное значеніе, какъ обозначеніе центральнаго учебнаго вѣдомства.

весьма благосклонно, такъ какъ онѣ являются его орудіемъ; ко вторымъ— крайне подозрительно. Послѣднихъ расплодилось очень много за время консульства. Онѣ возникали сотнями безъ всякаго предписанія свыше, повинуясь одному закону спроса и предложенія.

Разумѣется, такой режимъ не могъ быть по душѣ Наполеону. «Невозможно,— говоритъ онъ,— оставаться дольше въ такомъ положеніи, въ какомъ мы находимся теперь, когда всякій можетъ открыть свою лавку образованія, какъ лавку товара, и сбывать все, что ему вздумается, сообразуясь лишь со вкусомъ своихъ покупателей. Всякое частное предпріятіе носитъ болѣе или менѣе независимый характеръ даже въ томъ случаѣ, если предприниматели подчинены общему закону». Узнавъ, что въ заведеніи Ланно Saint-Barbe находится 500 воспитанниковъ, Наполеонъ вскричалъ: «Какимъ это образомъ простое частное лицо могло собрать у себя такую массу народа?» Императора, видимо, задѣло за живое, когда онъ встрѣтилъ соперника на томъ пути, гдѣ ему хотѣлось государствовать одному, замѣчаетъ Тэнъ. Ланно обладалъ талантомъ и успѣхомъ, а потому его нужно было вогнать въ оффиціальныя рамки, обратить педагога въ чиновника. Наполеонъ задумалъ склонить его на свою сторону и уполномочилъ ректора университета, де-Фонтана, вступить въ переговоры съ Ланно. Послѣднему предлагалось дать соотвѣтствующее вознагражденіе, обратить Saint-Barbe въ лицей и сдѣлать его директоромъ лицея.

Нужно замѣтить, что Ланно вовсе не принадлежалъ къ категоріи строптивыхъ: самъ де-Фонтанъ хвалитъ систему его преподаванія, его хорошее направленіе, его исправность. У него былъ только одинъ недостатокъ: онъ не хотѣлъ войти въ составъ императорскаго завода, не хотѣлъ сдѣлаться колесомъ въ его машинѣ и вслѣдствіе этого мѣшалъ императору, привлекая къ себѣ учениковъ въ ущербъ его лицеямъ. По мнѣнію Наполеона, всякое частное предпріятіе составляло конкурренцію государственному предпріятію, и онъ терпѣлъ ихъ скрѣпя сердце, не имѣя физической возможности захватить все въ свои руки. Разумѣется, онъ ставилъ имъ всяческія преграды, стараясь обезпечить за собой господство въ сферѣ воспитанія. Такъ, ни одно частное заведеніе не могло возникнуть безъ разрѣшенія правительства; даже больше: патентъ на открытіе не гарантировалъ еще ихъ существованія, они находились въ полной зависимости отъ каприза ректора, который пользовался правомъ закрыть ихъ, если находилъ тамъ какія-нибудь «важныя злоупотребленія противъ устава или если ихъ принципы расходились съ принципами университета». Эти заведенія должны были платить дань университету; послѣдній обогащался на ихъ счетъ, такъ какъ онъ одинъ обладалъ правомъ преподаванія и могъ уступать это право другимъ лицамъ за извѣстную сумму. Государство продавало за деньги разрѣшеніе на содержаніе частныхъ учебныхъ заведеній. Оно старалось стѣснять ихъ свободу всѣми правдами и неправдами. Декретъ 1811 года былъ направленъ ихъ уничтоженію. Наполеонъ разсчитывалъ на это тѣмъ больше, что его лицеи, въ особенности въ первые дни своего существованія,

не имѣли успѣха. Родители не питали къ нимъ довѣрія: дисциплина носила тамъ слишкомъ военный характеръ, воспитаніе было слишкомъ строго, учителя напоминали собою чиновниковъ, надзиратели и гувернеры набирались изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, а ученики, стипендіаты государства, вносили туда привычки дурного тона, такъ что на ребенка хорошо воспитаннаго ихъ общество имѣло крайне вредное вліяніе. Лицеи почти пустовали, а лучшая часть молодежи тѣснилась въ частныхъ заведеніяхъ, несмотря на то, что тамъ плата за ученье была гораздо выше. Это возмущало Наполеона. Если молодежь не желаетъ добровольно поступать въ лицеи, рѣшилъ онъ, мы водворимъ ее туда насильно. Многія изъ частныхъ учебныхъ заведеній были закрыты; остальныя же преобразованы до такой степени, что они изъ конкурентовъ учебнаго вѣдомства обратились въ его поставщиковъ. Ихъ программа была сокращена до минимума. Въ городахъ, гдѣ не существовало ни лицея, ни гимназіи, эта программа ограничивалась для однихъ объемомъ гимназическаго курса, для другихъ — грамматикой, ариѳметикой и начальными свѣдѣніями по геометріи, такъ что поневолѣ приходилось кончать свое образованіе въ государственныхъ учебныхъ заведеніихъ, на факультетахъ, въ лицеяхъ или гимназіяхъ. Въ городахъ же, гдѣ находились послѣднія, содержатель частнаго пансіона могъ преподавать у себя только то, что исключали они изъ своей программы. Ему предоставлялось только воспитаніе маленькихъ дѣтей; съ одиннадцатилѣтняго возраста онъ обязанъ былъ посылать ихъ въ гимназію или лицей въ качествѣ приходящихъ. Его роль сводилась лишь къ содержанію воспитанниковъ въ своемъ заведеніи и репетированію съ ними уроковъ, заданныхъ въ лицеѣ или гимназіи. Такимъ образомъ, содержатели частныхъ пансіоновъ явились невольными поставщиками университета, безплатными репетиторами и гувернерами его учениковъ. Но государство не удовольствовалось этимъ: оно стало даже оспаривать ихъ права на содержаніе пансіонеровъ. Декретомъ 15 ноября 1811 г. было объявлено, что съ 1 ноября 1812 г. содержатели частныхъ пансіоновъ не могутъ имѣть у себя на дому воспитанниковъ старше девяти лѣтъ, если не заняты всѣ ваканціи въ лицеѣ или гимназіи, находящихся въ томъ же округѣ. А такъ какъ въ каждомъ лицеѣ по триста вакантныхъ мѣстъ и число этихъ лицеевъ въ 1812—1813 г. простиралось до сотни, то полный ихъ комплектъ составлялъ въ общемъ, помимо гимназій, 30,000 воспитанниковъ. Разумѣется, при такихъ условіяхъ на долю частныхъ заведеній приходились лишь жалкіе остатки. Фактически этотъ декретъ уничтожилъ совсѣмъ частные интернаты; монополія ихъ была предоставлена университету. Съ духовными училищами, которыя являлись болѣе опасными конкурентами въ глазахъ государства, обошлись еще строже. Въ каждомъ департаментѣ было оставлено лишь по одному духовному училищу. Въ городахъ, гдѣ не имѣлось ни лицея, ни гимназіи, они были закрыты, а ихъ зданія и имущества конфискованы въ пользу университета. «Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ оставлены духовныя училища, воспитанники этихъ заведеній обязаны посѣщать клас-

сы лицея или гимназіи». Всѣ эти училища отданы подъ надзоръ университета. Ихъ организація, уставы и регламенты предоставлены университетскому совѣту. Преподавать могутъ тамъ только члены университета, находящіеся подъ вѣдомствомъ ректора. Во всѣхъ частныхъ заведеніяхъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, каждый учитель, гувернеръ, репетиторъ и даже простой надзиратель назначается съ согласія университетскихъ властей.

Учебный персоналъ и режимъ этихъ заведеній, ихъ направленіе и предметы преподаванія, часы занятій и отдыха,—все это предписывается свыше. Университетъ поглотилъ ихъ окончательно, не оставивъ имъ даже и тѣни самостоятельности. Во всѣ частныя заведенія введена казенная форма, вездѣ царитъ дисциплина и выправка казармы. Всякое разнообразіе уничтожено, всякая инціатива подавлена, всюду преобладаетъ унылый, однообразный тонъ. Домашнее воспитаніе не пользуется благосклонностью. Дѣти аристократовъ препровождены насильно въ военныя школы, одни въ Saint-Cyr, другіе во Flèche. Благодаря этимъ стѣснительнымъ мѣрамъ, Наполеонъ явился единственнымъ воспитателемъ французскаго общества, единственнымъ преподавателемъ во всей своей имперіи.

Для того, чтобы справиться съ этою гигантскою задачей, императоръ нуждался въ вѣрномъ орудіи, въ хорошо организованной машинѣ, которая могла бы двигаться безъ запинки въ томъ направленіи, въ какомъ былъ ей данъ первый толчокъ. Такое орудіе онъ могъ найти въ монашескихъ орденахъ, въ этомъ chef d'oeuvre'ѣ римско-католическаго и правительственнаго духа. Подчиняясь своему главѣ, во имя одной опредѣленной цѣли, они двигались какъ автоматы по намѣченному свыше пути, шли какъ заведенныя машины. Подобныя учрежденія были во вкусѣ Наполеона, они отвѣчали вполнѣ его политическимъ и соціальнымъ убѣжденіямъ. И если бы ихъ глава находился не въ Римѣ, онъ предоставилъ бы имъ, по всей вѣроятности, монополію воспитанія. «Что касается меня лично,—говорилъ Наполеонъ,—я предпочелъ бы скорѣе отдать народное образованіе какому-нибудь религіозному ордену, чѣмъ оставить его въ рукахъ частныхъ лицъ... Но въ данный моментъ я не хочу ни того, ни другого». Нужно создать новое учрежденіе,—это должна быть корпорація, такъ какъ корпораціи не умираютъ. Она съумѣетъ «пропитать юношество взглядами и духомъ новой имперіи» и обезпечитъ прочность государства. Эта корпорація будетъ состоять изъ «свѣтскихъ іезуитовъ», подчиненныхъ императору, а не папѣ. Послѣдніе образуютъ постоянную хорошо организованную и тѣсно сплоченную армію изъ десяти тысячъ человѣкъ администраторовъ, профессоровъ, учителей и воспитателей. Надъ этою арміей не будетъ имѣть власти ни догматъ, ни вѣра, ни адъ, ни рай; главнымъ ея двигателемъ явятся человѣческія слабости, честолюбіе, жажда денегъ и почета. Наполеонъ считаетъ нужнымъ удовлетворить ихъ. Онъ установилъ іерархію въ учебномъ вѣдомствѣ, какъ и вездѣ. Высшія должности доступны всѣмъ; нужно лишь отличиться, заслужить вниманіе и—карьера сдѣлана. Власть, почетъ, ти-

тулы, щедрыя вознагражденія,— все это существуетъ здѣсь въ стѣнахъ университета, какъ и во всякой другой карьерѣ. «Ноги этого громаднаго туловища находятся въ гимназіи, а голова въ сенатѣ». Во главѣ университета поставленъ ректоръ, одно изъ самыхъ видныхъ лицъ имперіи, пользующееся большею независимостью, чѣмъ сами министры. Это разсчитано на самолюбіе его подчиненныхъ: у послѣднихъ невольно является мысль, что подъ начальствомъ такой персоны они составляютъ избранное общество, и они начинаютъ любить свое учрежденіе, какъ монахъ свой орденъ. Вступленіе въ члены университета сопровождается извѣстною церемоніей, какъ и вступленіе въ монашескій орденъ. «Я хочу,— говоритъ Наполеонъ,— чтобъ этотъ актъ былъ обставленъ нѣкоторою торжественностью, я хочу, чтобы члены университета заключали съ нимъ союзъ, но не духовный, какъ это было прежде, а гражданскій, въ присутствіи нотаріуса, префекта или кого-нибудь другого. Они обручатся съ народнымъ образованіемъ, какъ нѣкогда ихъ предшественники обручались съ церковью, но съ тою только разницей, что этотъ бракъ не будетъ носить такого священнаго, нерасторжимаго характера». Они обязуются лишь на извѣстное время не покидать университета, не предупредивъ его заранѣе. Желая усилить сходство учебной корпораціи съ монашескими орденами, Наполеонъ установилъ здѣсь принципъ безбрачія, но, разумѣется, въ нѣсколько иномъ видѣ, чѣмъ тамъ. Человѣкъ, посвятившій себя вотпитанію юношества, можетъ жениться только двадцати пяти — тридцати лѣтъ отъ роду, когда его положеніе уже вполнѣ обезпечено и онъ имѣетъ доходъ въ три-четыре тысячи франковъ. По мнѣнію Наполеона, женитьба, семья, частная жизнь,— столь обыденныя явленія въ человѣческомъ обществѣ,—вносятъ смуты и раздоръ во всякое учрежденіе, отрывая его членовъ отъ исполненія своихъ обязанностей. Поэтому-то въ его лицеяхъ и гимназіяхъ нѣтъ ни одной женщины.

Въ основу своего учрежденія Наполеонъ положилъ военный и, въ то же время, монашескій принципъ безусловнаго повиновенія. Члены университетской коорпораціи подчинены одной высшей власти; это ставитъ ихъ всѣхъ на одну ногу и сближаетъ въ одну семью. Вступая въ университетъ, они даютъ клятву соблюдать его уставы и регламенты, обѣщаютъ повиноваться предписаніямъ ректора во всемъ, что касается службы императора и блага образованія, соглашаются не покидать университета безъ разрѣшенія ректора, не отправлять никакой другой службы безъ его вѣдома и обязуются доносить ему обо всемъ, что не будетъ согласоваться съ направленіемъ университета и оффиціально одобренными принципами. Всякое нарушеніе дисциплины влечетъ за собой кару. Учителя и профессора подвергаются арестамъ, выговору академическаго совѣта, лишенію должности и даже тюремному заключенію.

Конечно, такой режимъ не могъ завоевать симпатій общества и его господство утвердилось не безъ борьбы. Воспитатели, привыкшіе къ извѣстной свободѣ и разнообразію въ своемъ преподаваніи, чувствовали къ нему глубокое отвращеніе. Мѣстныя власти также подняли тревогу: государство

отняло у нихъ ихъ лучшую прерогативу. Всѣ были недовольны: учителя смотрѣли съ ужасомъ на свои новыя обязанности; администраторы и епископы негодовали противъ назначеній, сдѣланныхъ безъ ихъ вѣдома; родители возмущались новыми расходами, въ которые ихъ вводили.

Университетъ пріобрѣлъ громкую извѣстность своими налогами и насиліями. Въ 1811 г. среди учителей еще много было непокорныхъ; университетъ давилъ ихъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и возвелъ чуть ли не въ догматъ безусловное послушаніе. На этотъ мятежный персоналъ,— думалъ Наполеонъ,— не подѣйствуетъ никакая дисциплина; онъ закоснѣлъ въ своемъ непослушаніи, нужно смѣнить его другимъ, болѣе молодымъ и податливымъ, воспитаннымъ въ спеціальномъ заведеніи, которое будетъ предназначено для подготовки примѣрныхъ служащихъ. Такая задача возложена на Нормальную школу (école normale). Это интернатъ со всѣми строгостями казарменной дисциплины. Первая обязанность учениковъ почитать религію, государя и правительство и безропотно повиноваться начальству. За всякое отступленіе отъ этихъ правилъ слѣдуетъ строгое наказаніе. Въ 1812 г. эта школа была еще очень мала; она помѣщалась въ верхнемъ этажѣ лицея Louis le Grand и состояла всего изъ сорока воспитанниковъ. Но Наполеонъ уже и тогда зорко слѣдилъ за ней. Ему не нравилось, когда его ученики читали Монтескьё или *Лѣтописи* Тацита. Онъ предлагалъ имъ взамѣнъ Цезаря, Корнеля и Боссюэта, которые могли внушить имъ принципы послушанія.

Въ университетскомъ зданіи Нормальная школа являлась главною мастерской, изготовлявшей лучшіе винты и колеса для его заводовъ. Продукты ея производства, созданные по рецепту государства, пользовались его особенною симпатіей. Она насаждала ихъ всюду, въ лицеи и гимназіи. Когда же Нормальная школа расширилась, государство присвоило себѣ не только монополію воспитанія, но и монополію фабрикаціи воспитателей.

Въ 1813 г. было объявлено циркуляромъ, что эта школа — единственный путь для карьеры учителя, такъ какъ она одна въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ университетской службы.

Какова же была цѣль этой службы?—спрашиваетъ Тэнъ. До революціи, когда воспитаніе находилось въ рукахъ церкви, она имѣла въ виду укрѣпить вѣру въ юношескихъ сердцахъ. И новый монархъ, преемникъ древнихъ королей, ставитъ на первый планъ *заповѣди католической религіи;* эта фраза написана имъ самимъ вмѣсто болѣе широкаго по смыслу выраженія государственнаго совѣта: заповѣди *христіанской* религіи. Наполеонъ сд[illegible]алъ это умышленно,—онъ хотѣлъ по[illegible]стить самолюбію Рима и французскаго духовенства. Онъ отвелъ первое мѣсто религіи, но, въ сущности, это мѣсто было только показнымъ: Наполеонъ вовсе не интересовался насаждеміемъ вѣры въ сердцахъ своего юношества. Онъ не желалъ ни ханжества, ни невѣрія и требовалъ отъ него лишь внѣшняго уваженія къ религіи, предписанной конкордатомъ. Наполеонъ трудился вовсе не для церкви, а для себя. Наоборотъ, онъ хотѣлъ совсѣмъ устранить ея вліяніе

и создалъ университетъ для того, чтобы вырвать воспитаніе изъ рукъ поповъ, какъ онъ откровенно сознался въ одномъ частномъ разговорѣ. Они смотрѣли на этотъ міръ, какъ на дилижансъ, переправляющій людей въ лучшую, неземную страну, а императоръ хотѣлъ наполнить этотъ дилижансъ хорошими солдатами, хорошими чиновниками и вѣрными служащими. Да онъ и не скрывалъ этого; за громкою и безсодержательною фразой по поводу религіи онъ высказываетъ свое profession de foi: «Всѣ учебныя заведенія должны взять за основу преподаванія вѣрность императору и имперіи, этой блюстительницѣ народнаго счастья, и всему наполеоновскому дому, какъ защитнику французскаго единства и *либеральныхъ (!) идей*, провозглашенныхъ конституціями». Другими словами, онъ старался привить молодежи гражданскую вѣру, хотѣлъ заставить ее вѣрить въ красоту и совершенство господствующаго строя, хотѣлъ вложить въ нее духъ послушанія и усердія, хотѣлъ развить въ ней тщеславіе и жажду блеска. Вся школьная жизнь была приспособлена къ этому режиму. Онъ подчинилъ ее строго опредѣленному плану, однообразному до мелочей, убивающему всякую личную иниціативу, всякую попытку ума вырваться на свободу. Система наполеоновскаго воспитанія поражала всякаго мало-мальски свѣжаго человѣка. Законъ не хочетъ здѣсь предоставить молодежь самой себѣ ни на одну минуту, какъ вѣрно замѣтилъ одинъ нѣмецъ; дѣти вѣчно подъ надзоромъ воспитателей, даже ночью. Они не могутъ сдѣлать ни одного самостоятельнаго шага; каждое непослушаніе влечетъ за собою заключеніе въ карцерѣ. Эта строгая дисциплина достигаетъ своихъ цѣлей: юноши по окончаніи лицеевъ или гимназій утрачиваютъ всякую самостоятельность, но взамѣнъ пріобрѣтаютъ любовь къ порядку и привычку къ безусловному послушанію. На этотъ путь толкаетъ ихъ не одна только строгость, но и самолюбіе, которое поощряютъ въ нихъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Въ нихъ стараются развить не любовь къ наукѣ, не жажду къ истинѣ, а тщеславіе, желаніе отличиться въ кругу своихъ товарищей, блеснуть въ обществѣ. Отсюда цѣлая система наградъ, торжественные акты съ музыкой, рѣчами и декораціями. «Казалось, что мы попали на сцену,— разсказываетъ тотъ же нѣмецъ,—до того все это было театрально». Онъ подмѣтилъ ораторскіе пріемы ораторовъ, страстный тонъ ихъ декламаціи, нервное возбужденіе учениковъ, апплодисменты публики, разгорѣвшіяся лица награжденныхъ, радость и слезы родителей. Разумѣется, эта система имѣетъ также свои неудобства: меньшинство выдвигается впередъ, а большинство остается позади и учитель почти не занимается имъ. Но за то избранные дѣлаютъ неимовѣрныя усилія и достигаютъ всегда успѣха. Общій тонъ воспитанія Наполеонъ старался приноровить къ своей политической программѣ, а такъ какъ онъ, прежде всего, нуждался въ солдатахъ, то и школа въ его рукахъ обратилась въ преддверіе казармы. Съ первыхъ же дней его учебныя заведенія проникліись военнымъ духомъ и съ годами этотъ духъ поглотилъ все остальное. Къ концу царствованія въ департаментахъ старой Франціи насчитывалось 76,000 учениковъ, воспитываемыхъ въ атмосферѣ этого

душнаго режима. «Наши учителя,— говорилъ впослѣдствіи Альфредъ де-Виньи,— походили на капитановъ; наши рекреаціи — на манёвры, наши экзамены — на парады». По своему характеру школа была сродни арміи; она отдавала ей своихъ воспитанниковъ иногда даже раньше срока окончанія. Въ 1806 г. рекрутовъ брали со школьной скамьи. Въ 1808 г. призывали добровольцевъ изъ среды лицеистовъ, производя ихъ въ чинъ подпоручика, и лицеи щедро снабжали армію своими учениками. «Вся французская молодежь пропитана военщиной,— говорилъ одинъ директоръ гимназіи,— въ смыслѣ науки отъ нея нечего ждать, по крайней мѣрѣ, при настоящихъ условіяхъ». Другой очевидецъ разсказываетъ, что французское юношество того времени не хотѣло заниматься ничѣмъ другимъ, кромѣ математики и военнаго искусства. Онъ помнитъ нѣсколько примѣровъ, когда десяти-двѣнадцати лѣтніе мальчики умоляли своихъ родителей отпустить ихъ къ Наполеону. Въ эту эпоху военная профессія считалась самою почетной. Во главѣ арміи стоялъ самъ Наполеонъ и культъ императора сливался съ культомъ его арміи. Обаяніе этой личности простиралось не только на войско, но и на учебныя заведенія. Въ гимназіяхъ и лицеяхъ онъ имѣлъ своихъ стипендіатовъ, которые съ дѣтства привыкли видѣть въ немъ своего великаго и всемогущаго покровителя. Царственная фигура Наполеона разросталась въ ихъ воображеніи до гигантскихъ размѣровъ; ихъ энтузіазмъ дѣйствовалъ заразительно на другихъ учениковъ. Воспитатели, въ силу ли предписанія, или излишняго усердія, старались поддерживать въ нихъ это благоговѣніе къ личности императора. Побѣды Наполеона давали богатую пищу дѣтскому воображенію. «Наши учителя,— разсказываетъ Альфредъ де-Виньи,— читали намъ съ каѳедры бюллетени великой арміи и крики *vive l'Empereur* прерывали Виргилія или Платона». Императоръ хотѣлъ организовать французское юношество на подобіе мамелюковъ, остроумно замѣчаютъ современники. Его величество задумалъ обратить государство съ сорока милліоннымъ населеніемъ въ Спарту. Но въ этомъ онъ успѣлъ лишь на половину, какъ увѣрялъ онъ самъ впослѣдствіи. Это была любимѣйшая изъ его идей, но де-Фонтанъ и другіе придставители университета плохо его поняли или не хотѣли понять. У него лично не было времени, онъ могъ ей посвящать лишь промежутки между двумя кампаніями, а въ его отсутствіе портили его идеи. Онъ громилъ своихъ исполнителей; они смиренно опускали голову во время бури и продолжали дѣлать по-своему. Фуркруа все еще не могъ забыть революціи, а Фонтанъ — стараго режима; первый слишкомъ любилъ науку, а второй—литературу; они больше заботились о культурѣ, чѣмъ о дисциплинѣ. Въ воспитаніи же, по мнѣнію Наполеона, наука и литература играютъ лишь второстепенную роль; главное—это выправка, систематическая, продолжительная дрессировка, которая сохраняетъ въ юной душѣ навсегда принципы «національной доктрины», развиваетъ покорность и создаетъ фанатическую преданность императору.

Таковъ характеръ средняго образованія во времена Наполеона. Это въ

полномъ смыслѣ слова созданіе его рукъ; онъ обратилъ на него особенное вниманіе и довелъ здѣсь до конца свои планы. Въ университетскомъ зданіи было еще два этажа, низшій и высшій, которые были пригнаны къ среднему такъ, что въ общемъ получилась довольно стройная система воспитанія. «Наполеонъ, — говоритъ его противникъ Ламенэ, — признавалъ только одну форму власти—абсолютную и хотѣлъ раздѣлить всю Францію на двѣ категоріи: одна, состоявшая изъ народныхъ массъ и предназначенная для пополненія кадровъ его войска, была обречена на невѣжество, такъ какъ онъ требовалъ отъ нея пассивнаго послушанія и фанатическаго самоотверженія; другая, болѣе зажиточная, была поставлена нѣсколько выше, ей предстояло вести первую по пути, намѣченному ихъ общимъ господиномъ, и потому она воспитывалась въ школѣ, гдѣ ей старались привить духъ рабскаго, механическаго подчиненія и, въ то же время, знакомили ее съ основами военнаго искусства и администраціи. Смѣсь тщеславія и личнаго интереса должна была склонить ея симпатіи въ пользу императора и отождествить его личность съ его правительственною системой». Смягчите немного краски, — замѣчаетъ Тэнъ, — и картина будетъ вполнѣ вѣрна. Для низшаго образованія государство не сдѣлало почти ничего, не оказало никакой поддержки, не дало никакихъ субсидій, за исключеніемъ 25,000 франковъ, пожертвованныхъ въ 1812 г. братьямъ Ignorantins, изъ которыхъ они могли пользоваться только 4,500 фр. Первоначальнымъ школамъ была предоставлена только одна привилегія: государство освободило ихъ отъ университетской повинности. Совѣтники императора убѣждали его не дѣлать этого исключенія въ пользу школъ, но онъ, какъ ловкій политикъ, боялся утратить расположеніе мелкаго люда и добровольно отказался отъ 200,000 франковъ ежегоднаго дохода. Его либерализмъ, однако, не пошелъ дальше въ сферѣ низшаго образованія. Онъ возложилъ на мѣстную власть обязанность заботиться о средствахъ и преподавателяхъ для своихъ первоначальныхъ школъ, а правительство уполномочилъ снабжать ихъ своими инструкціями и слѣдить за ними. Ни одно основаніе школы, ни одинъ выборъ учителей не можетъ обойтись безъ вмѣшательства префекта и разрѣшенія ректора, такъ какъ и эти учебныя заведенія входятъ въ составъ университетскаго округа; ихъ учителя становятся членами учебнаго вѣдомства и подлежатъ контролю университетскихъ властей. Надъ первоначальными школами учрежденъ еще спеціальный надзоръ въ лицѣ духовенства. Въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ ректоръ обращается къ епископамъ съ просьбой наводить справки о поведеніи школьныхъ учителей и посылать ихъ къ нему въ Парижъ. «Я утвержу учителя, который заслужитъ ваше одобреніе, и дамъ ему дипломъ,—пишетъ онъ,— обезпечивающій ему право на дальнѣйшее преподаваніе; тотъ же, кто не представитъ мнѣ [illegible] добныхъ гарантій, не получитъ диплома и будетъ немедленно замѣщенъ другимъ учителемъ, на котораго вы укажете». Наполеонъ предоставилъ [illegible] ховенству надзоръ надъ первоначальными школами не только изъ желанія угодить ему, но также и изъ своихъ личныхъ интересовъ: онъ старался

оградить народъ отъ всякой попытки самостоятельнаго мышленія. Программа этихъ школъ ограничивалась чтеніемъ, письмомъ и ариѳметикой. Если тамъ преподавался сверхъ программы латинскій языкъ или геометрія, географія или исторія, первоначальная школа обращалась тотчасъ же въ среднее учебное заведеніе, въ пансіонъ, который былъ обязанъ платить дань университету. Ея ученики облекались въ мундиръ и подвергались всѣмъ строгостямъ военной дисциплины. Но это въ лучшемъ случаѣ, обыкновенно ее закрывали совсѣмъ. Мужику не нужно знанія, такъ думалъ Наполеонъ. Чтеніе, письмо и четыре правила ариѳметики — вотъ въ чемъ долженъ состоять весь его умственный багажъ; этого вполнѣ достаточно для того, чтобы быть хорошимъ солдатомъ, унтеръ-офицеромъ и даже офицеромъ. Свидѣтелемъ въ томъ можетъ быть капитанъ Куанье, который, будучи поручикомъ, не умѣлъ писать, какъ слѣдуетъ. Лучшими педагогами въ сферѣ низшаго образованія Наполеонъ считалъ братьевъ христіанскихъ коллегій и горячо отстаивалъ ихъ, вопреки нареканіямъ своихъ совѣтниковъ. Разумѣется, онъ принялъ всѣ необходимыя предосторожности. Включивъ ихъ въ число университетскаго персонала, Бонапартъ поставилъ надъ ними гражданскую власть въ лицѣ ректора и правительства. Эта корпорація въ ея преобразованномъ видѣ вполнѣ отвѣчала требованіямъ императора. И потому вездѣ, гдѣ существовала община братьевъ христіанскихъ коллегій, послѣднимъ отдавалось предпочтеніе передъ другими учителями. Сверхъ положенныхъ предметовъ Наполеонъ допускалъ въ своихъ школахъ преподаваніе катехизиса. Тамъ была одна фраза, которая являлась квинтъ-эссенціей его политической доктрины. Дѣти заучивали ее наизусть и повторяли сперва передъ учителемъ, а затѣмъ уже передъ священникомъ. «Мы приносимъ въ частности Наполеону I, нашему императору, всю нашу любовь, уваженіе, послушаніе, вѣрность, воинскую повинность и подати, необходимыя для защиты имперіи и его трона. Богъ послалъ его намъ въ трудную минуту для того, чтобы онъ возстановилъ священную религію нашихъ отцовъ и сдѣлался ея покровителемъ».

Остается еще высшее образованіе, самое важное изъ всѣхъ, такъ какъ здѣсь складывается умъ юноши, вырабатываются его взгляды, съ которыми онъ выступаетъ на жизненное поприще. Здѣсь зарождаются у него впервые великія общія идеи, правда, нѣсколько туманныя и окутанныя поэтическимъ флёромъ; здѣсь создаются скороспѣлыя сужденія о природѣ, человѣкѣ, обществѣ и великихъ общественныхъ интересахъ. Если желательно, чтобы эти сужденія были вѣрны, нужно дать имъ прочный фундаментъ и хорошую подготовку. Недостаточно собрать для этого профессоровъ в университетскомъ зданіи, нужно открыть еще музеи, лабораторіи, библіотеки для самаго широкаго и разносторонняго изученія предмета; нужно дать полную свободу преподаванію: пусть говоритъ всякій, кто имѣетъ что-нибудь сказать; нужно создать устную энциклопедію, всемірную выставку знаній, которую можетъ посѣщать всякій, представившій въ качествѣ входнаго билета аттестатъ средне-учебнаго заведенія. Здѣсь долж

ны открываться глазамъ зрителей не только добытыя истины, но и самый процессъ добыванія, методъ, исторія, прогрессъ науки, мѣсто каждой изъ нихъ въ общей совокупности знаній. Благодаря крайнему разнообразію преподаванія, опредѣлятся индивидуальныя особенности каждаго ума. Онъ легко найдетъ свою дорогу и пойдетъ по ней безъ всякой ломки и напрасной траты силъ. Благодаря систематической классификаціи знаній, будетъ установлена извѣстная связь между науками и студенты вступятъ въ непосредственное общеніе другъ съ другомъ, станутъ обмѣниваться своими впечатлѣніями и съумѣютъ выбрать то, что имъ больше по душѣ. Нужно дать имъ возможность присмотрѣться поближе къ наукѣ: въ теченіе трехъ лѣтъ не надо экзаменовъ, ни конкурсныхъ сочиненій. При такихъ условіяхъ не будетъ никакого давленія извнѣ, никакія побочныя соображенія не совлекутъ ихъ съ пути, не убьютъ въ нихъ безкорыстной любознательности. Платя изъ своего кармана за каждый прослушанный курсъ, они захотятъ, конечно, избрать самое лучшее и запишутся у профессора, который удовлетворяетъ ихъ требованіямъ. Назначеніе университета—преподавать науку для науки, не подчиняя ее никакимъ постороннимъ цѣлямъ, давать знанія, предоставляя свободу выбора, и открывать широкое поле для развитія всѣхъ дарованій. Разумѣется, при такихъ условіяхъ университеты должны быть независимыми, автономными учрежденіями, юридическими лицами, огражденными отъ всякаго вмѣшательства со стороны государства, церкви и мѣстныхъ властей. И это не созданіе мечты,—говоритъ Тэнъ,—въ средніе вѣка всѣ университеты были организованы по этому типу. Въ до-революціонной Франціи сохранились еще слѣды средневѣковой организаціи. Но во Франціи новаго режима не было имъ мѣста; политическій строй, господствовавшій тамъ, исключалъ возможность подобныхъ учрежденій. Государственное право, созданное Наполеономъ, враждебно относилось къ нимъ, стараясь подавить независимость всякаго свободнаго учрежденія, тѣмъ болѣе, когда оно бралось за просвѣщеніе юношества. Французское государство присвоило себѣ монополію народнаго образованія и создало свой университетъ, который не имѣлъ ничего общаго съ вышеописаннымъ типомъ.

Для Наполеона университетъ былъ только «средствомъ направлять политическіе и нравственные взгляды», а при такихъ условіяхъ,—говоритъ авторъ книги,—онъ сдѣлалъ бы большую глупость, если бы предоставилъ молодежи свободное занятіе наукой. Ея настроеніе плохо бы соотвѣтствовало тѣмъ узкимъ, однообразнымъ рамкамъ, въ которыя онъ хотѣлъ ее вогнать. Свободные университеты явились бы очагами оппозиціи; молодые люди, воспитанные здѣсь, обратились бы въ диссидентовъ, такъ какъ у нихъ зародились бы свои самостоятельные взгляды, отличные отъ «национальной доктрины» и наполеоновскаго катехизиса. Даже хуже, они вѣрили бы въ свои взгляды: почерпнувъ свои свѣдѣнія у самаго источника знанія, юристъ, богословъ, историкъ, философъ, экономистъ и филологъ стали бы, пожалуй, претендовать на компетентность въ сферѣ общества-

ныхъ наукъ. При существующихъ условіяхъ и даже въ интересахъ самого юношества высшее образованіе не должно быть ни широкимъ, ни глубокимъ. И со своею обычною мѣткостью выраженій Наполеонъ заявилъ, что его университеты будутъ профессіональными и практическими школами. «Создайте мнѣ учителей,—говорилъ онъ какъ-то по поводу Нормальной школы,— а не литераторовъ, остроумныхъ изобрѣтателей теорій въ той или другой области знанія». То же говоритъ онъ и теперь, но нѣсколько иными словами: «Я не сочувствую обще-установившемуся правилу, благодаря которому нельзя получить степени медицинскаго баккалавра, не будучи баккалавромъ наукъ. Медицина вовсе не точная и не положительная наука; она вся основана на наблюденіяхъ и догадкахъ, и я отнесусь съ гораздо большимъ довѣріемъ къ врачу, который не изучалъ точныхъ наукъ, чѣмъ къ врачу, знающему ихъ въ совершенствѣ... Не слѣдуетъ отрывать студента-медика отъ диссекцій, больницъ и другихъ *занятій, связанныхъ съ его искусствомъ*». То же подчиненіе науки искусству, то же приспособленіе знаній къ практической цѣли мы видимъ въ школѣ правовѣдѣнія, въ этомъ кругу истинъ, которыя пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ были освѣщены Монтескьё съ общей точки зрѣнія и сгруппированы въ извѣстномъ порядкѣ. Тутъ должна быть рѣчь о законахъ и о «духѣ законовъ» у различныхъ обществъ и въ различныя времена; тутъ должна излагаться исторія сравнительнаго права въ связи съ окружающими условіями среды, съ причинами упадка и процвѣтанія націи. Для людей, живущихъ въ обществѣ и государствѣ, ни одна наука не имѣетъ большаго значенія, чѣмъ наука права; только она одна можетъ дать имъ болѣе или менѣе вѣрную идею общества и государства. Лучшая часть молодежи разсчитываетъ найти ее въ школѣ правовѣдѣнія, и если ея тамъ нѣтъ, она создастъ себѣ эту идею силою своей фантазіи. Въ концѣ XVIII в. юридическія науки были въ крайнемъ упадкѣ; не существовало ни одной цѣльной, болѣе или менѣе вѣской теоріи, которая могла бы заполнить умственную пустоту и преградить доступъ фантазіямъ. Наполеонъ, подготовляя себѣ юристовъ, имѣлъ въ виду, прежде всего, исполнителей, а не критиковъ; его факультеты должны были поставлять ему людей, которые будутъ примѣнять его законы, а не судить ихъ. Потому-то въ его школѣ правовѣдѣнія нѣтъ мѣста ни исторіи, ни политической экономіи, ни сравнительному праву; здѣсь не преподается ни феодальное, ни обычное, ни церковное право; здѣсь не упоминается о постепенномъ измѣненіи римскаго права; здѣсь нѣтъ и намека на отдаленное происхожденіе семьи, права, собственности, на послѣдовательное развитіе ихъ формъ сообразно съ условіями окружающей среды; здѣсь не разсматривается общественный строй, къ которому примѣняются тѣ или другіе законы, не изучается живое человѣческое общество со всѣми его привычками, предразсудками, инстинктами и потребностями. Два сухихъ и суровыхъ кодекса, упавшіе точно аэролиты съ неба, черезъ четырнадцати-вѣковой промежутокъ времени, являются пищей для юнаго ума. Во-первыхъ, *институціи*, изъ ко-

торыхъ устранено все, что не примѣнимо къ французскому законодательству (декретъ 1807 г.), и пополнено *наилучшими законами* изъ другихъ сборниковъ римскаго права; во-вторыхъ, французскій кодексъ съ комментаріями апелляціонныхъ и кассаціонныхъ судовъ. Посѣщеніе лекцій обязательно; въ концѣ каждаго года предстоитъ экзаменъ. Никакого поощренія къ занятіямъ сверхъ оффиціальной программы, никакихъ дополнительныхъ курсовъ, никакихъ широкихъ обобщеній,—всюду одна *казуистика*.

«Я самъ не знаю гражданскаго кодекса,—говорилъ одинъ профессоръ,—я преподаю только кодексъ Наполеона». Со своею обычною проницательностью Наполеонъ прекрасно понялъ, что его школы правовѣдѣнія дадутъ ему хорошихъ чиновниковъ, ловкихъ практиковъ и убьютъ въ молодежи всякое поползновеніе къ теоретической мысли. Разумѣется, при такихъ условіяхъ мало было шансовъ, даже меньше, чѣмъ во времена стараго режима, что изъ его школъ выйдетъ независимый и геніальный мыслитель, какой-нибудь Монтескьё.

И это направленіе господствовало на всѣхъ императорскихъ факультетахъ. Единственными храмами науки являлись два учрежденія, уцѣлѣвшія отъ революціоннаго погрома: естественно-историческій музей со своими тринадцатью каѳедрами и Collége de France съ девятнадцатью. Лекціи здѣсь были публичныя и даровыя, такъ что кто хотѣлъ учиться, могъ придти сюда. Вокругъ Сильвестра де-Саси, Кювье и Сентъ-Илера собрался кружокъ молодежи. Но Наполеонъ находилъ это неудобнымъ. По его мнѣнію, было достаточно маленькой кучки ученыхъ, нѣсколькихъ представителей науки и литературы, которые необходимы, какъ декорація новаго режима. Но если число ихъ возростаетъ, тогда они являются самостоятельною силой, становятся во главѣ общества и начинаютъ руководить имъ. Въ централизованномъ государствѣ ни одна такая сила не можетъ быть предоставлена самой себѣ. Наполеонъ поспѣшилъ вогнать ее въ свои рамки и воспользоваться ею для своихъ личныхъ цѣлей. Какъ онъ подавилъ нравственную силу, такъ онъ задумалъ подавить и умственную. И, въ самомъ дѣлѣ, это была крупная сила. На ряду съ духовною властью, основанною на божественномъ разумѣ, есть еще другая власть, основанная на человѣческомъ разумѣ; первая принадлежитъ духовенству, вторая—корпораціи ученыхъ философовъ и литераторовъ. Они тоже имѣютъ свои догматы, свою вѣру и проповѣдуютъ ее, но ихъ девизъ—не смиреніе ума, не отсутствіе скептицизма, а, наоборотъ, сомнѣніе и критика. Всѣ источники человѣческихъ вѣрованій подвергаются ихъ критической мысли. Они признаютъ только опытъ и умозаключеніе. Истины, добытыя этимъ путемъ, представляютъ цѣнный вкладъ въ науку. Вначалѣ онѣ были раздроблены по всѣмъ отраслямъ знанія и не имѣли между собою никакой логической связи. Но въ половинѣ XVIII в. эти разрозненныя истины были собраны въ одну стройную систему, которая впервые освѣтила міръ, съ научной точки зрѣнія, какъ физическій, такъ и духовный. А доктрины, созданныя мыслителями въ тиши кабинета, распространяются въ обществѣ въ формѣ

мана, драмы, комедіи, популяризаціи и т. п. Онѣ носятся въ воздухѣ, врываются въ умы, перерабатываютъ идеи и чувства народа. Это та же религія, тотъ же живой неизсякаемый источникъ вѣрованій, побуждающій человѣка на активныя дѣйствія. У научной доктрины есть тоже свой догматъ, своя идея міра и человѣчества, своя церковь. Вѣрующіе признаютъ власть послѣдней, слушаютъ ея проповѣдниковъ, поклоняются ея ученымъ, внимаютъ постановленіямъ ея соборовъ. Эта новая церковь не перестаетъ разростаться, завоевывать умы и распространять свое вліяніе. Рано или поздно она займетъ первенствующее мѣсто среди общественныхъ силъ. Даже военный вождь, глава государства, самъ Наполеонъ считалъ не лишнимъ записаться въ число ея служителей, такъ какъ этотъ новый чинъ могъ только поднять его престижъ въ современномъ ему обществѣ. «Его величеству, императору и королю, полагается, какъ члену института, жалованье въ 1,500 фр.»,—такъ начинается бюджетъ расходовъ на содержаніе главы государства. Еще въ Египтѣ Наполеонъ ставилъ умышленно въ заголовкѣ своихъ прокламацій: «Бонапартъ, главнокомандующій, членъ института»...«Я былъ увѣренъ,—говорилъ онъ,—что меня пойметъ послѣдній барабанщикъ».

Разумѣется, учрежденіе, пользующееся такою популярностью среди общества, не могло при Наполеонѣ сохранить своей независимости. Онъ не удовольствовался ролью его члена,—онъ хотѣлъ завладѣть имъ окончательно или, по крайней мѣрѣ, держать его въ уздѣ. Относительно науки онъ могъ бы смѣло повторить свои слова, сказанныя имъ по поводу религіи: Наполеонъ вовсе не желаетъ посягать на вѣрованія своего народа,—онъ уважаетъ всякія вѣрованія,—онъ только хочетъ руководить ими, хочетъ приноровить ихъ къ своимъ цѣлямъ и своей политикѣ. Въ силу этихъ соображеній Наполеонъ передѣлалъ по-своему французскую церковь и подчинилъ себѣ духовную власть. Въ силу этихъ же соображеній онъ собралъ представителей научной власти въ большомъ залѣ, усадилъ ихъ въ кресла, далъ имъ уставъ, опредѣлилъ ихъ назначеніе и мѣсто въ государствѣ,—словомъ, передѣлалъ по-своему французскій «національный институтъ». Согласно съ традиціями старой Франціи, съ планами и декретами революціонныхъ собраній и принципами французскаго государственнаго права, этотъ институтъ явился отродьемъ государства. Послѣднее создало его, дало ему имя, указало цѣль и предметъ его занятій, опредѣлило назначеніе его суммъ, установило дни его засѣданій и способъ выбора его членовъ. Члены института получаютъ жалованье и утверждаются первымъ консуломъ. Наполеонъ оставилъ за собой это право, чтобы крѣпче держать въ рукахъ своихъ ученыхъ. Онъ не щадилъ ихъ, если они уклонялись отъ его программы даже за стѣнами института. Стоитъ только вспомнить, какому публичному поруганію подвергся Лаландъ за одно изъ своихъ сочиненій. Благодаря предписанію Наполеона, Лаланду было запрещено, въ полномъ собраніи института, печатать свои статьи, такъ какъ онъ *впалъ уже въ дѣтство* и позорилъ на старости лѣтъ свою прежнюю репутацію. Когда Шатобріанъ

сдѣлалъ въ своей вступительной рѣчи намекъ на революціонную роль Шенье, Наполеонъ пришелъ въ изступленіе. «Писатели, должно быть, хотятъ поджечь Францію! — грозно воскликнулъ онъ, обращаясь къ Сегуру.— Какъ смѣетъ академія говорить о цареубійцахъ? Вы и де-Фонтанъ заслуживаете того, чтобъ я посадилъ васъ въ Венсенъ... Я приказываю вамъ заявить второму отдѣленію института, предсѣдателемъ котораго вы состоите, чтобы во время его засѣданій не было и рѣчи о политикѣ,— я этого не желаю!... Если же оно ослушается, я закрою его, какъ негодный клубъ».

Преобразовывая институтъ, Наполеонъ упразднилъ спеціальный отдѣлъ моральныхъ и политическихъ наукъ съ ихъ главными вѣтвями — нравственностью, законодательствомъ и политическою экономіей; да и то, что онъ оставилъ, было имъ сокращено и перенесено въ другіе отдѣлы. Профессіональнымъ ученымъ и антикваріямъ было разрѣшено заниматься общественными науками, но только въ связи съ исторіей, преимущественно древней. Примѣненіе общихъ теорій и выводовъ къ современнымъ условіямъ жизни отнюдь не допускалось даже въ чисто-научной формѣ. Послѣднее сочиненіе Неккера: *Dernières vues de politique et de finances* вынудило его на такую мѣру. «Можно ли понять,—говорилъ онъ Редереру,—этого человѣка, который за время моего пребыванія у власти предлагаетъ Франціи третій родъ правительства?... Дочь г. Неккера никогда не вернется въ Парижъ». Она явилась бы самостоятельнымъ центромъ политическихъ мнѣній, а этотъ центръ долженъ быть воплощенъ въ лицѣ перваго консула. «Вы не знаете,— увѣрялъ Наполеонъ членовъ государственнаго совѣта,— что такое правительство, вы не имѣете о немъ никакого понятія, знаю это только я одинъ, благодаря своему исключительному положенію». И въ этой области онъ не допускалъ ни одной идеи, не сродной съ его взглядами. Въ особенности наука объ идеяхъ, развиваемая по методу Локка, Юма, Кондильяка, Дестута де-Траси, внушала глубокую антипатію Наполеону. «Наша дорогая Франція обязана всѣми своими бѣдствіями идеологіи, этой туманной метафизикѣ»,—говорилъ онъ. Де-Траси не могъ напечатать во Франціи въ 1806 г. своихъ *Комментаріевъ къ «Духу законовъ»* и послалъ ихъ президенту Соединенныхъ Штатовъ, Джефферсону, который перевелъ его рукопись на англійскій языкъ, напечаталъ ее безъ имени автора и велѣлъ преподавать въ американскихъ школахъ. Переизданіе *Трактата политической экономіи* Сэ было запрещено около этого же времени. Въ 1808 г. прекратилось изданіе шапталевскихъ политическихъ сборниковъ. Статистика сдѣлалась государственною тайной. Юридическая литература подверглась не меньшимъ гоненіямъ. Даже *Историческій обзоръ римскаго права* вызвалъ нападки цензуры, такъ какъ онъ давалъ возможность сравнивать времена Августа съ временами Наполеона. Исторія, и въ особенности исторія Франціи, возбуждала опасенія правительства. Наполеонъ считалъ необходимымъ захватить ее въ свои руки и вдохновлять ея авторовъ. «Нѣтъ задачи важнѣе этой,—говорилъ онъ.—Нужно пользоваться въ данномъ случаѣ не одними только талантами, но и *преданными людьми*, которые съумѣютъ освѣтить

надлежащимъ образомъ факты и дадутъ *трезвое* направленіе исторіи». А это направленіе сводилось къ благоговѣнію передъ наполеоновскимъ режимомъ. Въ каждой строчкѣ ихъ произведеній должны были сквозить недостатки старой Франціи, вліяніе римскаго двора, уничтоженіе нантскаго эдикта, постоянное разстройство финансовъ и администраціи, такъ что дышать можно было только въ атмосферѣ новаго режима. 18 брюмера Франція вошла въ гавань; революція была послѣднею неизбѣжною бурей. «Если такой трудъ, хорошо исполненный и выдержанный до конца, появится въ печати, то у всякаго пропадетъ охота печатать что-либо другое, тѣмъ болѣе, что онъ встрѣтитъ со стороны цензуры одни лишь стѣсненія». Наполеонъ не желалъ никому уступать своего права говорить съ публикой, потому-то онъ такъ жестоко преслѣдовалъ писателей, которые бесѣдовали съ нею чрезъ печатное слово. Онъ отдалъ типографію въ руки лицъ, пользовавшихся его довѣріемъ, и обратилъ книжную торговлю въ правительственное предпріятіе. Каждое произведеніе подвергалось контролю типографщика, издателя, цензурнаго комитета и главнаго завѣдующаго книжною торговлей. Послѣдній всегда имѣлъ право не пропустить книги даже въ томъ случаѣ, если она была уже напечатана. Надъ нимъ стояла еще высшая власть въ лицѣ министра полиціи, который могъ вырѣзать листы изъ книги или изорвать ее въ мелкіе клочки, какъ десять тысячъ экземпляровъ *Германіи* г-жи Сталь. «Ваша мать не зла,—говорилъ Наполеонъ за два года передъ тѣмъ Августу Сталю,—у нея есть умъ, много ума, но она не привыкла къ субординаціи. Она не пробыла бы и шести мѣсяцевъ въ Парижѣ, какъ я посадилъ бы ее въ Тампль или Бисетръ. *Мнѣ бы это было крайне непріятно, такъ какъ подобный фактъ надѣлалъ бы много шума и повредилъ бы мнѣ только въ общественномъ мнѣніи*... Женщины во Франціи должны вязать, а мужчины молчать или же говорить то, что дозволено».

Драматическія пьесы подвергались еще болѣе строгой цензурѣ, такъ какъ онѣ производили непосредственно впечатлѣніе на зрителей. Изъ Корнеля и Расина были выпущены цѣлыя строфы и замѣнены дубоватыми стихами. Періодическая пресса доживала свой вѣкъ. Въ началѣ консульства было закрыто шестьдесятъ политическихъ изданій, журналовъ и газетъ, а въ 1811 г. изъ оставшихся тринадцати уцѣлѣло только четыре. Право собственности на періодическія изданія Наполеонъ конфисковалъ въ свою пользу и предоставлялъ его только избраннымъ лицамъ. Подъ этимъ страшнымъ гнетомъ періодическая пресса становилась все безсодержательнѣе и безсодержательнѣе, такъ что приходилось развлекать публику разными забавными анекдотами. Съ книгами обращались такъ же безцеремонно, какъ и съ газетами. Шатобріану запретили переиздать его *Essai sur les Revolutions*, напечатанное въ Лондонѣ во времена директоріи. Въ *Itinéraire de Paris à Jérusalem* выпустили всѣ мѣста, касающіяся описанія дворовъ и куртизановъ. Всякое воспоминаніе о революціи и старомъ режимѣ, имена Клебера или Моро, разговоры Генриха IV съ Сюлли, фантастическія бредни Каліостро, французскій переводъ Давидовыхъ

псалмовъ, даже игра въ лото, въ которой слишкомъ часто фигурировала семья великаго дофина, — все это обратилось въ глазахъ цензуры въ какихъ-то чудовищъ, съ которыми она отчаянно сражалась. Вся пресса была направлена къ развитію патріотическаго чувства и безкорыстной преданности священной особѣ императора. Съ этою цѣлью заказывались спеціальныя драмы, лирическія воззванія, кантаты, оперы, водевили и т. п. Администрація взялась за поощреніе талантовъ. «Жалуются, что у насъ нѣтъ литературы,—пишетъ Наполеонъ Камбасаресу,—въ этомъ я винію министра внутреннихъ дѣлъ». Онъ лично былъ заинтересованъ, главнымъ образомъ, театромъ. Даже въ самый разгаръ кампаніи императоръ не забывалъ прослушать чтенія пьесы, предназначенной для постановки на сцену. Онъ самъ дѣлалъ указанія драматическимъ писателямъ, училъ ихъ, какъ нужно пользоваться сценическими эффектами для политическихъ уроковъ, а въ ожиданіи, пока они научатся понимать его, онъ обращалъ театръ въ трибуну и заставлялъ читать со сцены бюллетени своихъ армій. Въ періодической печати онъ самъ былъ своимъ адвокатомъ. Долгое время въ *Moniteur*'ѣ появлялись его статьи, которыя легко узнать по стилю. Но послѣ Аустерлица у Наполеона не было времени составлять ихъ и онъ поручилъ это дѣло своимъ приближеннымъ. Они, разумѣется, пѣли ему въ тонъ. Всюду раздавался ихъ голосъ, и только этотъ голосъ достигалъ до ушей публики. Мотивы были все тѣ же, все тотъ же гимнъ Наполеону. «Если бы явилось сомнѣніе,—пишетъ одинъ изъ нихъ,—небо или земля посылаютъ намъ царей, для насъ было бы совершенно ясно, что нашъ императоръ посланъ намъ Богомъ». Другой льстецъ, воспѣвая побѣду при Аустерлицѣ, говоритъ: «Европа, угрожаемая новымъ нашествіемъ варваровъ, обязана своимъ спасеніемъ генію втораго Карла Мартела». И эти гимны пѣлись ему всюду, въ законодательномъ корпусѣ и сенатѣ, въ каждой епархіи, гдѣ епископы обязаны были хвалить императора. Нѣкоторые изъ нихъ доходили даже до того, что вникали во всѣ тонкости военнаго искусства, во всѣ сложныя комбинаціи его стратегическаго генія. И въ самомъ дѣлѣ, его стратегія всюду изумительна, какъ въ борьбѣ съ католическою идеей, такъ и въ борьбѣ съ научною мыслью. Прежде всего, онъ расчистилъ поле для своихъ операцію и поставилъ себѣ строго-опредѣленную цѣль: «О государственныхъ дѣлахъ, которыя являются моими дѣлами, о предметахъ политическихъ, соціальныхъ и моральныхъ, объ исторіи, и въ особенности исторіи новѣйшей, никто не вправѣ думать въ нынѣшнемъ поколѣніи, кромѣ меня; въ будущемъ же поколѣніи всѣ будутъ думать, какъ я». Преслѣдуя эту цѣль, онъ присвоилъ себѣ монополію воспитанія, ввелъ военную дисци- плину и мундиръ во всѣ среднеучебныя заведенія, какъ государственныя, такъ и частныя, сократилъ до minimum'а начальное образованіе, отдалъ его подъ надзоръ духовенства, стеръ послѣдніе слѣды автономныхъ университетовъ и создалъ на ихъ мѣстѣ профессіональныя школы; онъ уничжилъ истинное образованіе, задушилъ въ молодежи безкорыстную жажду знанія. Поднявшись выше къ самому источнику знаній, онъ подчинилъ себѣ

институтъ, пригладилъ и подчистилъ его, навязалъ ему своихъ ученыхъ. Онъ отдалъ науку и литературу на поруганіе цензурѣ. Онъ подавилъ гласность, захватилъ въ свои руки театръ, печать, каѳедру, трибуну и обратилъ ихъ въ огромную аудиторію, гдѣ прославлялись ночью и днемъ его политика, его царствованіе, его особа. Онъ остался вѣренъ себѣ до конца. Неумолимый и грозный, предпріимчивый и ловкій, неистощимый въ средствахъ для достиженія своей цѣли, онъ глубоко вѣрилъ въ дѣйствительность грубаго насилія и страха въ борьбѣ съ величайшими силами міра. Но онъ одержалъ надъ ними лишь временныя побѣды; онъ не могъ убить мысли, какъ не могъ убить вѣрованій,—надъ ними его власть была безсильна.

Послѣ паденіи Наполеона его машина быстро развинтилась. Она держала въ своихъ желѣзныхъ тискахъ взрослыхъ и дѣтей и, разумѣется, первыми освободились взрослые. Черезъ какихъ-нибудь полвѣка послѣ этого тяжелаго царствованія была отмѣнена предварительная цензура книгъ и газетъ, уничтожены всѣ орудія наполеоновскихъ преслѣдованій. И даже тогда, когда они получали опять права гражданства, не было уже такого гнета, какъ при немъ. Ни одно изъ послѣдующихъ правительствъ не доходило до его виртуозности, не преграждало заразъ всѣхъ путей для печатнаго слова. Даже въ мрачные дни реставраціи и второй имперіи дышалось легче, можно было говорить въ печати, хотя и въ нѣсколько сдержанномъ тонѣ. Наполеоновская же система была слишкомъ оскорбительна для взрослыхъ; желѣзная рука, давившая ихъ, казалась имъ невыносимой и они напрягли всѣ свои силы для того, чтобы высвободиться изъ-подъ нея. Теперь остались лишь клочья отъ этой системы, да и тѣ рѣдко пускаются въ ходъ. Но не такова была судьба дѣтей. Твердая рука императора вела ихъ до 1850 г., затѣмъ она ослабѣла и опустилась, но потомъ снова поднялась и повела ихъ еще энергичнѣе. Правда, съ 1814 года примѣненіе его системы не было уже такъ строго и послѣдовательно, какъ при немъ. Съ первыхъ же дней реставраціи правительство отмѣнило законъ 1811 г., направленный противъ духовныхъ училищъ. Послѣднія были возвращены епископамъ и приняли опять свой специфическій характеръ. Вскорѣ затѣмъ во всѣхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, какъ государственныхъ, такъ и частныхъ, исчезъ барабанъ, манёвры и другія тѣлесныя упражненія во вкусѣ Наполеона. Школьный режимъ утратилъ свой военный характеръ и школа перестала быть преддверіемъ казармы. Въ Сорбоннѣ, съ государственныхъ каѳедръ, стали раздаваться вдохновенныя рѣчи Кузена, Гизо, Вильмена, задѣвались высшіе вопросы философіи, литературы и исторіи. Во времена іюльской монархіи институтъ, изувѣченный первымъ консуломъ, обрѣлъ опять свой курсъ политическихъ и моральныхъ наукъ. Въ 1833 г. министръ Гизо далъ болѣе правильную постановку низшему образованію и университетская машина въ мягкихъ и осторожныхъ рукахъ умѣрила свой бѣшеный ходъ, не задѣвая никого особенно, за исключеніемъ духовенства, этого непримиримаго меньшинства, которое ставило непремѣнною задачей воспитанія—на-

сажденіе вѣры въ юныхъ сердцахъ. Но de jure и отчасти de facto существовалъ университетъ 1808 г.: онъ сохранилъ свои права, свои налоги, свою юрисдикцію, свою монополію. Въ первые дни реставраціи (1814 г.) правительство намѣревалось оставить его только временно; оно говорило о радикальной реформѣ, о полной свободѣ. Оно обѣщало предоставить родителямъ и опекунамъ выборъ системы воспитанія для своихъ дѣтей. Но послѣ первыхъ же попытокъ реформъ правительство нашло, что наполеоновскій университетъ прекрасное орудіе въ рукахъ короля, самое надежное изъ всѣхъ его прежнихъ орудій, и уцѣпилось за него. Этимъ путемъ оно сохраняло за собой огромный служебный персоналъ, который можно было направить куда угодно, прельщая его блескомъ титуловъ и орденовъ. Правительство рѣшило оставить учрежденіе Наполеона, но приноровить его къ своимъ цѣлямъ. Республика и имперія, разсуждало оно, болѣе или менѣе пропикнутыя якобинскимъ духомъ, тянули его влѣво, мы потянемъ вправо, поставивъ девизомъ воспитанія: «религію, наслѣдственную монархію и хартію». Мы, правительствующая партія, можемъ воспользоваться своими законными правами и выбросить негодные винты изъ этой машины, замѣнивъ ихъ другими, хорошими. Новый персоналъ долженъ состоять изъ вѣрныхъ людей, и черезъ какихъ-нибудь шесть лѣтъ священники займутъ почти всѣ университетскіе посты. Мы заставили замолчать въ Сорбоннѣ Кузена и смѣнили Гизо Дюразуаромъ; мы удалили изъ Collège de France Тиссо и никогда не примемъ Мажанди. Мы закрываемъ медицинскій факультетъ потому, что хотимъ возстановить его на новыхъ началахъ, хотимъ изгнать оттуда одиннадцать профессоровъ, которые у насъ на дурномъ счету. Мы уничтожаемъ также другой очагъ заразы — высшую Нормальную школу, а для воспитанія нашего персонала основываемъ въ каждомъ chef-lieu академіи нѣчто вродѣ университетскихъ новиціатовъ, гдѣ будутъ воспитываться только избранные юноши, проникнутые трезвыми идеями (ordonnances 1822 и 1823 гг.). Мы не препятствуемъ развитію духовныхъ училищъ и увеличенію числа ихъ воспитанниковъ до пятидесяти тысячъ. Мы даемъ епископу право ихъ основывать, такъ какъ ни одинъ воспитатель не заслуживаетъ такого довѣрія, какъ онъ. Вслѣдствіе этого мы поручаемъ епископамъ надзоръ надъ гимназіями ихъ епархіи, обязуя ихъ слѣдить за всѣмъ, что касается религіи (ordonnances 1821 и 1822 гг.). Во главѣ учебной іерархіи будетъ поставленъ ректоръ университета, его высокопреосвященство de Freyssinous, пользующійся правами и положеніемъ де-Фонтана, съ добавочнымъ титуломъ члена кабинета и министра народнаго просвѣщенія. Случалось, что этотъ епископъ, когда приходилось выбирать между статьями закона и своею католическою совѣстью, «жертвовалъ закономъ» своей совѣсти.

Вотъ какое направленіе можно было дать наполеоновскому учрежденію. Послѣ 1850 г. школьная политика приняла такое же направленіе, какъ и во времена реставраціи, а въ эпоху третьей республики—какъ во дни директоріи. Кто бы ни были правители,— монархисты, имперіалисты или

республиканцы,— они всегда цѣплялись за школу, какъ за самое надежное орудіе, и нужны были страшныя усилія для того, чтобы вырвать это орудіе изъ ихъ крѣпко сжатыхъ рукъ. Но когда правители не злоупотребляли имъ, когда они не подчиняли университетъ своей политикѣ, управляемые мирились съ ними, какъ и съ другими учрежденіями Наполеона. Школьный институтъ функціонировалъ такъ же самостоятельно, какъ и остальные институты, не требуя почти никакого участія со стороны частныхъ лицъ. Школьная администрація снабжала ихъ всѣмъ, что необходимо для низшаго, средняго и высшаго образованія; оставалось только придти и пользоваться всѣми благами, какія она предлагала за довольно ничтожную сумму. Низшее образованіе стоило 12, 10, 3 и даже 2 франка въ годъ. Извѣстный процентъ учениковъ освобождался совсѣмъ отъ платы, сперва одна пятая, затѣмъ треть и, наконецъ, половина. За среднее образованіе въ гимназіи или лицеѣ приходилось платить два-три луидора, если же воспитанникъ жилъ въ интернатѣ, то 700 франковъ въ годъ. Правда, высшее образованіе на факультетахъ обходилось нѣсколько дороже, такъ какъ за право записи, за экзамены, степени и дипломы брали особую плату, но за то эти бумаги открывали молодежи путь къ хорошей карьерѣ. Впрочемъ, лекціи на этихъ факультетахъ и въ другихъ высшихъ заведеніяхъ были безплатны; всякій могъ ихъ слушать, не платя ни копѣйки. Въ этомъ отношеніи наполеоновскій университетъ являлся въ глазахъ публики либеральнымъ, гуманнымъ и, главное, дешевымъ учрежденіемъ. Его высшее начальство получало скромное жалованье, не щеголяло своимъ богатствомъ и не оскорбляло ничьихъ самолюбій. Кромѣ того, университетъ живо отзывался на нужды общества: въ 1815 г. было 22,000 первоначальныхъ школъ, въ 1829 г.— 30,000, а въ 1850 г.— 63,000; въ 1815 г. въ нихъ получало образованіе 737,000 дѣтей, въ 1829 г.— 1.357,000, а въ 1850 г.— 3.787,000. Въ государственныхъ лицеяхъ и гимназіяхъ воспитывалось въ 1815 г. 37,000 юношей, въ 1848 г.— 54,000, а въ 1865 г.— 64,000. Туда были введены новые предметы и, между прочимъ, исторія, изученіе которой давало хорошіе результаты. Въ сферѣ высшаго образованія были также сдѣланы кое-какія усовершенствованія; государство открыло новыя каѳедры въ Парижѣ и основало въ провинціи нѣсколько факультетовъ. Несмотря на то, что наполеоновская система имѣла крупные недостатки и худшій изъ нихъ — интернатъ, родители мирились съ нею. Несмотря на то, что она исключала истинное высшее образованіе, публика, не видавшая заграничныхъ университетовъ и незнакомая съ исторіей, не замѣчала этого. Напрасно Кузенъ толковалъ о нихъ въ своемъ краснорѣчивомъ докладѣ 1834 г. Напрасно министръ Гизо предлагалъ пополнить [illegible] готъ пробѣлъ,— онъ не встрѣтилъ давленія со стороны общественнаго [illegible] нѣнія, которое побудило бы его взяться за реформу высшаго образова[illegible] я. «Общество той эпохи, — говоритъ онъ самъ, — не преслѣдовало въ [illegible] гой области никакихъ идей, не предъявляло никакихъ требованій... Высшее [illegible] разованіе въ томъ его видѣ, въ какомъ оно тогда существовало, вполнѣ

удовлетворяло его практическимъ нуждамъ, и оно смотрѣло на него съ смѣсью довольства и безразличія». Правду сказать, общество той эпохи относилось вполнѣ равнодушно ко всякаго рода воспитанію, замѣчаетъ авторъ книги. Педагогика, процвѣтавшая такъ роскошно на французской почвѣ во времена Жанъ-Жака Руссо, Кондильяка и др., пришла теперь въ полный упадокъ. Она живетъ еще въ Швейцаріи и Германіи, но умерла во Франціи. Всякая экспериментальная наука, основанная на опытахъ и наблюденіяхъ, требуетъ для произведенія послѣднихъ полной свободы дѣйствій, а при наполеоновской системѣ это было невозможно. Потому-то однимъ изъ грустныхъ ея слѣдствій слѣдуетъ отмѣтить упадокъ педагогики, начавшійся съ 1808 года. Но ни родители, ни воспитатели, ни дѣти не сокрушались объ этомъ. Они не могли себѣ представить ничего другого, кромѣ этой системы, они свыклись съ ней, какъ съ домомъ, въ которомъ жили. Тѣснота комнатъ, высота лѣстницъ, недостатокъ освѣщенія,— все это возбуждало порой ихъ недовольство, но имъ никогда не приходило въ голову перестроить домъ, во-первыхъ, потому, что у нихъ не было другого плана, а, во-вторыхъ, этотъ домъ былъ слишкомъ великъ и прочно выстроенъ. Онъ продержался бы еще очень долго, если бы не землетрясеніе 1848 года, явившееся совершенною неожиданностью. «Пойдемъ, бросимся къ ногамъ епископовъ, они одни могутъ насъ спасти теперь!»—патетически восклицалъ Кузенъ, встрѣтивъ Ремюза на набережной Вольтера на слѣдующій же день послѣ 24 февраля 1848 г.—«Кузенъ, Кузенъ, поняли ли вы, какой урокъ мы получили?»—спрашивалъ его Тьеръ въ парламентской коммиссіи. Отсюда новый законъ 1850 года. Докладчикъ Беньо изложилъ его цѣль и мотивы: правящіе должны собрать всѣ нравственныя силы своей страны и объединиться въ одну семью для борьбы съ ихъ общимъ врагомъ — антисоціальною партіей, которая, «восторжествовавъ, не пощадитъ никого,— ни университета, ни церкви». Въ силу этого университетъ отказывается отъ своей монополіи: государство перестаетъ быть единственнымъ поставщикомъ народнаго образованія. Частнымъ лицамъ и корпораціямъ предоставлено право открывать свои школы и преподавать по своей системѣ. Частныя заведенія изъяты изъ-подъ вѣдомства университета и освобождены отъ школьнаго налога. Только этимъ путемъ прекратится вражда между частными и государственными заведеніями; изъ враговъ они обратятся въ сотрудниковъ и станутъ помогать другъ другу добрымъ совѣтомъ и хорошимъ примѣромъ. Государство возьметъ подъ свое покровительство какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Университетъ оставленъ имъ лишь для того, чтобы «поддерживать конкурренцію и дать ей возможность принести всѣ свои плоды». Въ виду этихъ соображеній государство примирилось со своимъ главнымъ конкуррентомъ — церковью. Послѣдняя, конечно, воспользовалась всѣми выгодами своего положенія. Не говоря уже о томъ, что церковь основала въ теченіе двадцати лѣтъ около двухсотъ духовныхъ училищъ и размѣстила своихъ братьевъ Ignorantins во всѣ первоначальныя школы, она еще посадила, на основаніи закона 1850 г., въ высшій университетскій совѣтъ

своихъ четырехъ епископовъ, а въ академическіе совѣты — по одному изъ нихъ, на ряду съ другимъ духовнымъ лицомъ, по ея назначенію. Вслѣдствіе благосклонности правительства, церковь пользовалась снисходительностью администраціи и распоряжалась въ университетѣ, какъ у себя дома. Ея господство съ 1849 по 1859 г.—такой же мрачный періодъ въ исторіи воспитанія, какъ и эпоха реставраціи, начиная съ 1821 по 1828 г. Церковь протянула опять руку государству для того, чтобы вмѣстѣ съ нимъ вертѣть въ одномъ направленіи школьную машину. Но и теперь, какъ тогда, она выбрала себѣ лучшую долю, оставила за собой первое мѣсто.

Такимъ образомъ, теоретически провозглашенная свобода преподаванія свелась на практикѣ къ той же монополіи, но только въ рукахъ церкви. Послѣ итальянской войны расторгся союзъ между церковью и государствомъ, на сцену выступилъ «свѣтскій» и «клерикальный» интересъ. Правительство перестало уже подчинять первый второму и университетъ принялъ опять свой свѣтскій характеръ.

Въ общихъ чертахъ вся система воспитанія до 1876 г. сильно напоминала систему временъ іюльской монархіи. Въ теченіе шестнадцати лѣтъ оба конкуррента—церковь и государство—терпѣли другъ друга и работали каждый въ своемъ направленіи, съ тою только разницей, что церковь пользовалась уже не милостью государства, какъ прежде, но своими законными правами. Въ общемъ весь режимъ былъ довольно сносенъ и не такъ тяжелъ, какъ въ предъидущіе годы. Родители пользовались свободой выбора между католическими училищами и государственными заведеніями; въ первыхъ насчитывалось въ 1865 г. до 54,000 воспитанниковъ, во вторыхъ—до 64,000. Государство, конечно, смотрѣло недружелюбно на успѣхъ своего конкуррента. Но особенно его возмущала побѣда церкви на выборахъ. Когда, во время избирательной борьбы, она, поддерживая партію, которая покровительствовала ей, выигрывала кампанію, государство питало къ ней страшную злобу. Было много шансовъ за то, что въ одинъ прекрасный день у нея будетъ отнято право преподаванія, что враждебное ей правительство захватитъ въ свои руки наполеоновскую машину, реставрируетъ ее и грозно направитъ ее противъ церкви, слѣдуя старымъ завѣтамъ конвента и директоріи.

И такъ, мировая сдѣлка между церковью и государствомъ была только временнымъ перемиріемъ. Быть можетъ, завтра она будетъ расторгнута: роковой французскій предразсудокъ, возводящій государство въ санъ воспитателя націи, вѣчно тутъ, какъ тутъ. Даже и при этомъ либеральномъ режимѣ, т.-е. болѣе либеральномъ, чѣмъ предъидущіе, не было, въ сущности, свободы преподаванія: вмѣсто одной монополіи, появилось двѣ. Выборъ существовалъ только между двумя родами училищъ,— государственными и католическими, изъ которыхъ одни походили на казарму, другія — на семинарію. Въ самомъ началѣ вѣка было много частныхъ заведеній съ безконечнымъ разнообразіемъ программъ и системъ преподаванія. Если бы Наполеонъ не отнесся къ нимъ враждебно, если бы правительство не давило ихъ

самымъ безпощаднымъ образомъ, многія изъ нихъ удержались бы и до сихъ поръ. Послѣ революціоннаго погрома всѣ педагогическіе пути были открыты, общество жаждало развитія и накинулось на воспитаніе юношества съ какою-то горячностью. Лучшіе люди вѣка предлагали свои услуги. Либеральные галликане, конституціоналисты, просвѣщенные монахи, философы и вольнодумцы,— все это выступило на сцену съ руководствомъ Портъ-Рояля, *Traité des études* Роллена, *Cours d'études* Кондильяка и лучшими системами преподаванія XVII и XVIII вѣка. Въ провинціи началось такое же оживленіе, какъ и въ Парижѣ. И на этотъ свѣжій школьный міръ Наполеонъ наложилъ свою руку, заключилъ его въ узкія рамки своего университета, облекъ въ казенный мундиръ и подчинилъ однообразію военной дисциплины. Мы видѣли, во что онъ обратилъ частные пансіоны, какъ круто расправился съ ними. Разумѣется, при такихъ условіяхъ имъ трудно было держаться. Между тѣмъ, въ 1815 г. оставалось еще 1,255 частныхъ заведеній, за исключеніемъ духовныхъ училищъ, въ 1854 г. число ихъ убавилось до 828, а въ 1887 г.— до 302. За то процвѣтали государственныя заведенія и духовныя училища. Упадокъ первыхъ замѣчается особенно сильно съ 1850 г., когда они, вмѣсто одного конкуррента, встрѣтили двухъ: въ лицѣ государства и церкви. Одинъ изъ нихъ бралъ свои милліоны изъ кармана подданныхъ, другой — изъ кармана вѣрующихъ. Борьба съ ними была невозможна, тѣмъ болѣе, что они предлагали свои услуги за умѣренную цѣну или же совсѣмъ даромъ. Вотъ къ чему привела первая монополія; государство, возбудивъ конкурренцію церкви, стало разорять съ нею взапуски частныхъ лицъ. Послѣднимъ оставалось одно — стушеваться. За то восторжествовали два воспитанія, преслѣдующія каждое свою цѣль: одно политическую, другое—религіозную. Юноши, воспитывавшіеся въ этой школѣ, выносили оттуда духъ нетерпимости и непримиримой вражды «мірянина» къ клерикалу. Эти два воспитанія сохранили всѣ недостатки наполеоновской системы и худшій изъ нихъ—интернатъ. Университетъ привилъ его не только своимъ приверженцамъ, но и врагамъ. Въ 1887 г. на 163,000 воспитанниковъ (государства и церкви) насчитывалось 89,000 интерновъ. Такимъ образомъ, большая часть французскаго юношества воспитывалась въ интернатѣ. Это учрежденіе свойственно духу наполеоновской системы. Въ Германіи, Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ воспитаніе является частнымъ предпріятіемъ, незнакомъ французскій интернатъ. Въ нѣмецкихъ учебныхъ заведеніяхъ на сто воспитанниковъ полагается какихъ-нибудь десять пансіоперовъ. То же мы видимъ въ Англіи, Италіи и друг. государствахъ. Во Франціи же, гдѣ образованіе было въ теченіе восьмидесяти лѣтъ государственнымъ предпріятіемъ, гдѣ лицеи и гимназіи ставляли какъ бы продолженіе центральнаго механизма, интернатъ съ нескольками стами воспитанниковъ и съ дисциплиной казармы вполнѣ поное явленіе. Понятно также, почему церковь переняла его у государст Она всегда чувствовала къ нему большую склонность. Іезуиты первые дали примѣръ закрытыхъ заведеній еще во времена старой монархіи.

Римское учрежденіе, какъ и французское государство, католическая церковь стремилась всегда овладѣть всею личностью человѣка, поработить его умъ, совѣсть, убить въ немъ всякую иниціативу и волю во имя будущаго спасенія его души. Потому-то въ ея заведеніяхъ царитъ еще бо́льшая замкнутость, чѣмъ въ государственныхъ лицеяхъ и гимназіяхъ. Къ школьной дисциплинѣ присоединяется здѣсь еще другая, болѣе строгая, чисто-монашеская дисциплина. Духовенству хорошо знакомо это правило, что чѣмъ болѣе замкнута среда, тѣмъ сильнѣе ея вліяніе, тѣмъ лучше достигаются желаемые результаты. Потому-то въ его учебныхъ заведеніяхъ было въ 1876 г. на 46,000 воспитанниковъ 33,000 интерновъ, и духовныя власти хлопотали о томъ, чтобы въ духовныя училища (petits-seminaires) не допускались экстерны. Эта система воспитанія, быть можетъ, и хороша для будущихъ священниковъ или военныхъ,—говоритъ авторъ книги,—школа готовитъ ихъ къ ихъ жизни; но для остальнаго большинства, для будущихъ инженеровъ, медиковъ, архитекторовъ, нотаріусовъ, судей, адвокатовъ, коммерсантовъ, промышленниковъ, агрономовъ и др. интернатъ—наименѣе пригодное заведеніе. Они выносятъ оттуда знаніе латинскихъ вокабулъ или математики и полное незнаніе жизни. Воображеніе рисуетъ имъ заманчивыя картины этой жизни, которыя составляютъ яркій контрастъ съ дѣйствительностью. У нихъ есть менторы, есть товарищи, такіе же заключенные, какъ и они, но нѣтъ опытныхъ друзей-руководителей. Скабрезныя книжки, занесенныя приходящими, даютъ богатую пищу ихъ извращенному воображенію. Вырвавшись на волю, они набрасываются на удовольствія самаго низшаго порядка съ жадностью освобожденныхъ рабовъ, съ цинизмомъ молодыхъ дикарей. Склонъ горы крутой, а подъ нею пропасть, и для того чтобъ не спуститься внизъ по наклонной плоскости, чтобъ удержаться вовремя, нужно взять себя въ руки, нужно быть господиномъ своихъ желаній, нужно имѣть волю. Но каждая способность развивается путемъ упражненій, а французскій интернатъ, какъ нарочно, созданъ для того, чтобы парализовать всякую волю. Съ перваго до послѣдняго дня ребенокъ здѣсь подъ контролемъ начальства; онъ не можетъ удовлетворить ни одного изъ своихъ желаній. Въ теченіе восьми или десяти лѣтъ онъ не долженъ имѣть своей воли. По окончаніи же среднеучебнаго заведенія французская система воспитанія предоставляетъ ему полную свободу, точно онъ какимъ-то чудомъ превратился въ одинъ мигъ изъ школьника въ человѣка, который въ состояніи руководить своими поступками. Его бросаютъ изъ монастыря въ огромный городъ, гдѣ онъ не умѣетъ оріентироваться. Во Франціи, когда юноша кончаетъ лицей или гимназію, онъ не переходитъ постепенно, какъ въ Англіи или Германіи, отъ меньшей свободы къ большей, изъ тюрьмы онъ попадаетъ прямо на волю и бросается въ омутъ жизни. Его предъидущее воспитаніе не дало ему никакихъ нравственныхъ устоевъ, оно только развратило его вкусы. Онъ уступаетъ случаю, дурному примѣру и плыветъ по теченію, не имѣя никакого внутренняго противодѣйствія, никакого задерживающаго центра въ своей душѣ. Есть еще одинъ

крупный недостатокъ во французской системѣ воспитанія. Она предполагаетъ, что по окончаніи послѣдняго курса лицея, гдѣ проходится философія, общее образованіе молодого человѣка окончено. Потому-то вмѣсто энциклопедическихъ университетовъ съ свободнымъ преподаваніемъ она выдвигаетъ свои профессіональныя школы. Здѣсь учатся не изъ любви къ знанію, а, главнымъ образомъ, для отличія на экзаменахъ, для диплома, для карьеры. Подъ вліяніемъ этихъ мотивовъ, сильно развитыхъ во Франціи, молодежь напрягаетъ всѣ свои усилія, сидитъ съ утра до вечера за книгой, боясь отвлечься хоть на часъ отъ своихъ занятій. Ея любознательность ограничивается только кругомъ программы; она интересуется только обязательными предметами и зубритъ лекціи для того, чтобы сдать ихъ на экзаменахъ, а потомъ забыть. Таковъ общій режимъ французскихъ профессіональныхъ школъ. Въ первой четверти или даже половинѣ вѣка онъ былъ почти безвреденъ, такъ какъ не дошелъ еще до своего апогея. Въ 1850 г. отъ студентовъ требовали на экзаменахъ и конкурсахъ не столько обширности познаній со всѣми мелочными деталями предмета, сколько сообразительности и прилежанія. Испытаніе имѣло, главнымъ образомъ, въ виду опредѣлить, есть ли у студента тѣ или другія способности. Но съ теченіемъ времени наука обогащалась все больше и больше новыми открытіями, такъ что пришлось поневолѣ внести ихъ въ курсъ преподаванія. Въ Германіи для этого существовали энциклопедическіе университеты, которые всегда шли въ уровень съ наукой. Во Франціи же были только профессіональныя школы и пришлось ихъ ввести сюда. Благодаря этому измѣнился природный характеръ этихъ школъ: онѣ перестали быть узко-спеціальными и чисто-практическими заведеніями. Такъ какъ онѣ являлись самостоятельными единицами, то каждая изъ нихъ развивалась независимо отъ другихъ, стараясь собрать въ своихъ стѣнахъ все, что могло мало-мальски касаться ея предмета: здѣсь были и общія теоріи, и вспомогательныя науки, и прикладныя знанія. Эти школы создали себѣ идеальный типъ инженера, медика, юриста, учителя и т. п., и для того, чтобъ осуществить его на практикѣ, онѣ набивали головы своихъ студентовъ массой ненужныхъ знаній, абстрактныхъ теорій, дополнительныхъ наукъ, справокъ и общихъ выводовъ, которые должны были сдѣлать изъ спеціалиста ученаго. Разумѣется, осуществленіе этой задачи не обошлось безъ содѣйствія правительства. Профессіональныя школы обратились къ нему за разрѣшеніемъ и оно милостиво согласилось на открытіе новыхъ каѳедръ. Вслѣдствіе этого, каждая изъ нихъ обратилась въ маленькій университетъ. Разумѣется, для того, чтобы заставить студентовъ посѣщать эти новыя лекціи, школа увеличила еще больше свои требованія на экз- нахъ. Вскорѣ для среднихъ способностей и для средняго здоровья ея гажъ сталъ не по-силамъ. Для окончанія курса наукъ теперь уже не б достаточно трехъ-четырехъ лѣтъ, какъ прежде; доктору медицины и тору правъ приходилось потратить, по крайней мѣрѣ, пять-шесть л самаго усиленнаго труда, инженеру—восемь, баккалавру естественныхъ

укъ—два-три года и т. д. За этотъ долгій періодъ ученья молодежь жевала и пережевывала руководства, резюме изъ резюме, заучивала наизусть формулы и теоремы, вникала въ общія теоріи и мелкія частности. Теоретическія свѣдѣнія ей давались въ избыткѣ, но у нея не было практическихъ знаній. По выходѣ изъ профессіональной школы ей приходилось учиться съ начала въ 24—25 лѣтъ. До 1789 г.,—говоритъ одинъ современникъ стараго режима, канцлеръ Пакье,—французская молодежь не растрачивала такъ своей юности. Она не топталась зря въ дверяхъ какой-нибудь карьеры и начинала свою службу очень рано: въ военномъ и морскомъ вѣдомствѣ съ четырнадцати, шестнадцати лѣтъ, въ судебномъ нѣсколько позднѣе. Девятнадцати-лѣтній сынъ conseiller-maître былъ въ парламентѣ conseiller-adjoint; и хотя онъ не имѣлъ до двадцати пяти лѣтъ права совѣщательнаго голоса, тѣмъ не менѣе, онъ былъ дѣятельнымъ служащимъ и часто докладчикомъ по какому-нибудь дѣлу. Такъ же рано начиналась служба въ контрольной палатѣ, въ казенной палатѣ и во всѣхъ бюро финансовой администраціи. Если требовалась для нея какая-нибудь ученая степень, то и это не составляло большой разницы, такъ какъ факультетскіе экзамены были только подобіемъ экзаменовъ; дипломъ можно было купить за деньги, почти не занимаясь. Такимъ образомъ, не школа давала профессіональныя знанія, а само дѣло. Вмѣсто того, чтобы въ теченіе цѣлыхъ шести-семи лѣтъ изучать его теоретически, молодой человѣкъ поступалъ въ услуженіе къ какому-нибудь мастеру, работалъ съ нимъ вмѣстѣ подъ его руководствомъ и изучалъ на практикѣ свое ремесло. Затрудненія въ работѣ заставляли его дѣлаться болѣе внимательнымъ къ словамъ учителя. Если же онъ былъ способенъ, то видѣлъ самъ свои ошибки и старался пополнить пробѣлы какъ со стороны практики, такъ и со стороны теоріи. Если онъ ходилъ на лекціи, то не потому, что это было предписано свыше, а потому, что онѣ интересовали его. Семнадцатилѣтній судья Пакье посѣщалъ лекціи Гофа, Лагарпа, Фуркруа и другихъ, и, въ то же время, внимательно прислушивался къ разговорамъ, которые велись въ домѣ его по поводу дѣлъ, разбиравшихся утромъ въ судѣ. Онъ полюбилъ свою профессію и сталъ усердно заниматься ею. Но она не отрывала его отъ жизни, онъ проводилъ каждый вечеръ въ обществѣ, видѣлъ людей, мужчинъ и женщинъ, наблюдалъ ихъ нравы и интересы. Въ качествѣ conseiller écoutant, онъ просидѣлъ въ судѣ около пяти лѣтъ возлѣ conseillers-juges и, читая свой докладъ, позволялъ себѣ иногда вставлять свои замѣчанія. По окончаніи этого искуса, онъ могъ быть самъ судьей и занимать любую юридическую профессію. Въ Англіи и Америкѣ существуетъ и до сихъ поръ такой порядокъ. Молодые люди поступаютъ въ качествѣ помощниковъ къ адвокату, судьѣ, архитектору, на фабрику или въ больницу и практически изучаютъ дѣло. До того они проходятъ краткій теоретическій курсъ, который даетъ имъ рамки для ихъ будущихъ наблюденій и опытовъ. Впослѣдствіи они могутъ всегда пополнить свои пробѣлы и проникнуть свой ежедневный опытъ теоретическими знаніями. При такихъ усло-

віяхъ быстро развиваются практическія способности человѣка, онъ становится на ноги и не чувствуетъ себя затерянным среди этого большого міра. Во Франціи же, гдѣ преобладаетъ другая система профессіональнаго образованія, производится страшная затрата силъ.

Въ лучшую пору умственнаго разцвѣта, когда у человѣка зарождаются свои оригинальныя идеи, французскій студентъ оторванъ отъ жизни. А, между тѣмъ, для того, чтобъ эти идеи были вѣрны и живучи, имъ необходимъ воздухъ окружающей среды, въ которой они будутъ жить впослѣдствіи. Внѣшнія впечатлѣнія даютъ имъ основу, комбинируясь на свой оригинальный ладъ въ каждомъ отдѣльномъ мозгу. А молодой французъ лишенъ этихъ впечатлѣній въ лучшую пору своей жизни. Семь или восемь лѣтъ онъ проводитъ въ школѣ, вдали отъ личныхъ наблюденій и опыта, которые могли бы ему дать болѣе или менѣе вѣрное понятіе о вещахъ и людяхъ. За все это время его умственная иниціатива подавлена: онъ долженъ быть пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ своего воспитателя и все, что онъ могъ бы сдѣлать при другихъ условіяхъ, пропадаетъ втунѣ. А, между тѣмъ, его ученье и содержаніе ложатся гнетомъ на семью или государство. Правда, послѣднее разсчитываетъ на его будущія услуги и спекулируетъ за его счетъ. Остается узнать, выгодна ли эта спекуляція, приходъ покрываетъ ли расходы. Въ бюджетѣ расходовъ главную статью составляетъ затраченное время и силы. Въ лицеяхъ и гимназіяхъ ребенокъ съ двѣнадцатилѣтняго возраста работаетъ по десяти, одиннадцати часовъ въ сутки. Затѣмъ слѣдуетъ баккалаврскій экзаменъ. Изъ ста кандидатовъ на испытаніи срѣзывается пятьдесятъ, несмотря на снисходительность экзаменаторовъ. Правда, это доказываетъ, что они плохо учились, но также и то, что экзаменаціонная программа не приспособлена къ среднему уровню способностей, что школьная мудрость не по-силамъ обыкновенному человѣку. Въ послѣднемъ классѣ лицея проходится курсъ философіи. Во времена Ларомигьера это было даже полезно, во времена Кузена — не вредно, но теперь — это ужасно. Весь нынѣшній курсъ философіи пропитанъ насквозь неокантизмомъ и голову семнадцатилѣтняго мальчика набиваютъ туманной метафизикой, тяжелой, какъ схоластика XIV вѣка и непереваримой для юнаго ума; онъ проглатываетъ ее цѣликомъ и выбрасываетъ назадъ въ сыромъ видѣ на экзаменахъ, не будучи въ состояніи ее переварить. Срѣзавшихся на экзаменѣ очень часто помѣщаютъ въ спеціально-приготовительное заведеніе, интернатъ. Тамъ съ утра до вечера пичкаютъ ихъ науками. Благодаря такому насильственному пересыщенію ума, голова перестаетъ работать и они не пріобрѣтаютъ никакихъ знаній, вызубривая только верхи. Таковы же или почти таковы всѣ спеціальные классы въ лицеяхъ и гимназіяхъ, приготовляющіе учениковъ въ какое-нибудь спеціальное заведеніе, въ политехническую школу, въ коммерческое училище и т. п. Таковы же и высшія профессіональныя школы. Разумѣется, болѣе способныя дѣти выносятъ этотъ режимъ, усваиваютъ и перерабатываютъ то, чѣмъ начиняютъ ихъ головы, не утрачивая вмѣстѣ съ тѣмъ своей умст-

ной инициативы и энергіи. Но они составляютъ избранное меньшинство небольшую кучку будущихъ ученыхъ, литераторовъ и артистовъ. Подавляющее же большинство потратило зря свое время и силы. Отъ него требовали страшныхъ усилій ума, на которыя онъ не былъ способенъ.

Лицеисты и студенты вызубривали свои лекціи, сдавали ихъ на экзаменахъ и забывали очень скоро. Эта бѣшеная гонка подорвала свѣжесть ихъ умственныхъ силъ, инициативу и бодрость духа: они обратились въ какихъ-то автоматовъ, механически исполняющихъ свое дѣло. И таково большинство; конечно, въ общемъ приходъ не покрываетъ расхода. А въ этомъ виновата французская система воспитанія: она забиваетъ умъ человѣка массой ненужныхъ знаній, подавляетъ его жизненную энергію и обращаетъ будущаго гражданина въ какого-то китайскаго мандарина.

Вотъ къ какимъ страннымъ результатамъ привело учрежденіе X года. Въ принципѣ Наполеонъ и старые якобинцы были согласны другъ съ другомъ: какъ тотъ, такъ и другіе возлагали на государство миссію воспитанія. Онъ только практически осуществилъ то, что они провозгласили какъ догматъ. Даже самая форма его университета не могла имъ не понравиться: она подходила какъ нельзя болѣе къ ихъ вкусамъ и инстинктамъ. Вотъ почему молодые якобинцы, наслѣдники этихъ догматовъ и вкусовъ, не колеблясь признали его. Вотъ почему при третьей республикѣ школьная машина продолжаетъ работать подъ вліяніемъ того же неизмѣннаго двигателя—наполеоновской и якобинской идеи, которая возводитъ воспитаніе въ государственное предпріятіе. Послѣдняя исключаетъ возможность другой идеи, идеи частныхъ предпріятій, въ силу которой воспитаніе должно быть предоставлено заинтересованнымъ лицамъ, родителямъ, свободнымъ предпринимателямъ, спеціальнымъ органамъ, вполнѣ независимымъ отъ государственнаго вмѣшательства. Лучшіе люди хлопочутъ объ этомъ: они требуютъ основать мѣстные университеты по образцу заграничныхъ, и если даже государство относится къ нимъ благосклонно, но, тѣмъ не менѣе, эти учрежденія будутъ лишь тѣнью и подобіемъ свободныхъ университетовъ. По идеѣ своего права, оно относится враждебно ко всякаго рода коллективнымъ единицамъ, и когда даже признаетъ ихъ юридическими лицами, то оставляетъ за собою право разыгрывать роль опекуна.

Но даже при условіяхъ полной свободы эти университеты не были бы, все-таки, истинными центрами умственной жизни, оазисами среди французскаго образованія, болѣе или менѣе продолжительными станціями для удов[л]воренія безкорыстной любознательности и высшихъ запросовъ ума. По[с]уничтоженія однолѣтней воинской повинности, французская молодежь [м]можетъ тратить много времени на присматриванье къ наукѣ и на экс[п]сіи въ область спекулятивнаго мышленія; отъ нея требуютъ степеней, [и]че ей грозитъ трехлѣтнее пребываніе въ казармѣ. Вслѣдствіе этого она [т]опится. Ея образованіе—какая-то бѣшеныя скачка черезъ препятствія [в]полнѣ опредѣленной практической цѣли. И когда Наполеонъ основывалъ

свой университетъ, онъ дѣйствовалъ, прежде всего, какъ государственный дѣятель; онъ руководствовался здѣсь соображеніями предпринимателя и практика, желая создать себѣ, съ наименьшею затратой средствъ и времени, прочное орудіе, въ которомъ онъ нуждался. Этой ясной и опредѣленной цѣли онъ подчинилъ все остальное, включая сюда и теорію государства—воспитателя: она была для него только красивою фразой, нарядною декораціей. А старые якобинцы, наоборотъ, возводили ее въ аксіому, въ принципъ, въ статью *общественнаго договора*. По этому договору, государство обязано было выступить въ роли предпринимателя и руководителя народнаго образованія. Установивъ этотъ принципъ, они, какъ истые теоретики, сдѣлали изъ него свои выводы и очертя голову бросились въ практическую жизнь, не зная ни условій окружающей среды, ни своихъ средствъ, ни общихъ и конечныхъ результатовъ своего догматическаго ученія. Третья республика съ 1876 по 1890 г. издержала на постройку однихъ зданій для высшаго образованія 99 милліоновъ франковъ, не говоря уже о томъ, что тратитъ на него ежегодно по 6 съ половиною милліоновъ. Вмѣсто 81 лицея, оно содержитъ 100 и расходуетъ на нихъ по 18 милліоновъ въ годъ. Разумѣется, благодаря такой жаждѣ образованія, государство расширило и программы учебныхъ заведеній. На низшее образованіе, которое оно сдѣлало обязательнымъ и безплатнымъ, государство не жалѣетъ денегъ. Съ 1878 по 1891 г. отпущено имъ на первое обзаведеніе 582 милліона франковъ и, сверхъ того, оно ассигнуетъ на него ежегодно среднимъ числомъ по 131 милліону. Въ этой дѣятельности государства Тэнъ видитъ старый якобинскій духъ и нельзя не признать, что государство во Франціи слишкомъ централизируетъ образованіе, не давая достаточнаго простора ни общественному самоуправленію, ни частному почину.

И. К—ва.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Торговый договоръ Россіи съ Германіей.—О выгодахъ, которыя онъ доставитъ обѣимъ странамъ.— Законъ объ отсрочкѣ и разсрочкѣ недоимокъ.— Работы коммиссіи по вопросу о способахъ взиманія податей.— Девятый съѣздъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ.— Народныя читальни и народныя чтенія.— Законъ о школахъ ремесленныхъ учениковъ.

Въ послѣднихъ числахъ января былъ подписанъ проектъ русско-германскаго торговаго договора. Трактатъ опредѣляетъ, прежде всего, общія права подданныхъ обоихъ государствъ. Подданные каждой изъ договаривающихся сторонъ, постоянно или временно проживающіе въ предѣлахъ другой стороны, пользуются такими же правами, какъ и туземцы, по производству торговли и промысловъ и не облагаются болѣе тяжелыми сборами. Имъ предоставляются тѣ же права, преимущества, льготы и изъятія, какія дарованы поддапнымъ наиболѣе благопріятствуемой державы. Подданнымъ каждой изъ договаривающихся сторонъ въ государствѣ другой стороны предоставляется право пріобрѣтать всякаго рода движимую и недвижимую собственность, отчуждать ее всѣми законными способами, подвергаясь уплатѣ пошлинъ и другихъ сборовъ не въ большемъ размѣрѣ, нежели тѣ, которые будутъ уплачиваться мѣстными подданными и проч. Кромѣ этихъ и другихъ общегражданскихъ правъ, взаимно предоставляемыхъ Россіей и Германіей подданнымъ другой стороны, трактатъ содержитъ подробныя правила относительно торговыхъ сношеній. Договаривающіяся стороны обязуются не стѣснять обоюдныхъ торговыхъ сношеній никакими воспрещеніями по привозу и вывозу и допускать свободный транзитъ за исключеніемъ направленій, которыя закрыты или будутъ закрыты для транзита. Изъятія допускаются только для товаровъ, которые составляютъ или будутъ составлять въ государствѣ одной изъ договаривающихся сторонъ предметъ государственной монополіи или нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, относительно которыхъ, по особымъ государственнымъ соображеніямъ, будутъ приниматься претительныя мѣры. Товары, ввозимые въ предѣлы государства каждой изъ договаривающихся сторонъ изъ государства другой стороны, подлежатъ таможеннымъ налогамъ, установляемымъ по особому тарифу; налоги,

опредѣляемые этимъ тарифомъ, не подлежатъ возвышенію. Они могутъ быть возвышены лишь въ томъ случаѣ, если бы одною изъ договаривающихся сторонъ былъ установленъ новый внутренній государственный налогъ или акцизъ, или дополнительный налогъ или акцизъ на предметъ туземнаго производства. Однако, при этомъ, такому же возвышенію подлежатъ и налоги съ товаровъ, ввозимыхъ изъ другихъ государствъ. Внутренніе сборы въ пользу государства, обществъ или корпорацій, которыми обложены или будутъ обложены производство или потребленіе въ предѣлахъ одного государства, не будутъ взимаемы съ произведеній другой стороны въ большемъ размѣрѣ или болѣе стѣснительнымъ способомъ, чѣмъ съ туземныхъ произведеній. Товары, проходящіе транзитомъ черезъ государства обѣихъ договаривающихся сторонъ по пути, открытому для транзита, взаимно освобождаются отъ уплаты всякой транзитной пошлины. Изъ этихъ общихъ правилъ допущены только немногочисленныя изъятія: такъ, Россія не обязана распространять на Германію льготы, которыя нынѣ предоставлены или будутъ предоставлены по привозу или вывозу жителямъ Архангельской губерніи, а также сѣверному и восточному прибрежью Россіи. Особнякомъ стоятъ также постановленія, содержащіяся въ договорѣ 26 апрѣля 1838 года между Россіей и Швеціей и Норвегіей, и тѣ, которыя относятся или будутъ относиться къ сосѣднимъ Россіи азіатскимъ государствамъ и владѣніямъ. Эти постановленія не могутъ служить поводомъ къ перемѣнѣ отношеній по торговлѣ и мореплаванію, установленныхъ между обѣими договаривающимися сторонами. Странствующіе приказчики, имѣя при себѣ удостовѣрительные о личности листки, выданные подлежащими властями ихъ страны, могутъ возить при себѣ образчики товаровъ. Предметы, возимые какъ образчики, не подлежатъ оплатѣ таможеннымъ налогомъ, при выполненіи нѣкоторыхъ условій. Договоръ содержитъ также рядъ постановленій относительно мореплаванія. Германскія суда и ихъ грузы въ Россіи и русскія суда и ихъ грузы въ Германіи будутъ пользоваться полною равноправностью съ туземными судами и ихъ грузами. Всякое преимущество, дарованное въ этомъ отношеніи одною изъ договаривающихся сторонъ третьей державѣ, будетъ немедленно и безусловно предоставлено другой сторонѣ. Изъ этихъ постановленій допускаются слѣдующія изъятія: а) преимущества, которыя предоставлены или могутъ быть предоставлены туземнымъ рыбнымъ промысламъ или произведеніямъ рыболовства; б) льготы, которыя предоставлены или будутъ предоставлены туземному торговому флоту. Постановленія договора не распространяются на каботажъ: къ нему, попрежнему, примѣняются подлежащія узаконенія, которыя дѣйствуютъ или будутъ дѣйствовать въ обоихъ государствахъ. Тѣмъ не менѣе, русскимъ и германскимъ судамъ дозволяется проходить изъ одного порта въ другой или нѣсколько другихъ портовъ того же государства для разгрузки всего или части привезеннаго изъ-за границы груза, а также для полной нагрузки или догрузки предназначенными за границу товарами. Суда нѣкоторыхъ категорій совершенно освобождаются въ портахъ обѣихъ договаривающихся

сторонъ отъ платежа ластовыхъ и экспедиціонныхъ сборовъ. Если судно одной изъ договаривающихся сторонъ потерпитъ крушеніе у береговъ другой стороны, то судно и его грузъ будутъ пользоваться тѣми же преимуществами и льготами, какія законодательство страны предоставляетъ въ такихъ же обстоятельствахъ собственнымъ судамъ. При этомъ шкиперу и экипажу будетъ оказана помощь по спасанію людей, судна и груза. Подданнымъ каждой изъ договаривающихся сторонъ предоставляется, наравнѣ съ туземными подданными, пользоваться каналами, шлюзами, шоссированными и грунтовыми дорогами, подъемными кранами, вѣсами и проч. Очень серьезное значеніе имѣетъ 19-я статья, касающаяся желѣзно-дорожныхъ тарифовъ въ обоихъ государствахъ. «Во всякомъ случаѣ,—гласитъ эта статья,—въ примѣненіи провозныхъ платъ, а равно сроковъ и способовъ перевозки, не будетъ допускаемо различія между жителями обоихъ договаривающихся государствъ. Согласно сему, съ товаровъ, отправляемыхъ изъ Россіи на какую-либо германскую станцію или транзитомъ черезъ Германію, не будетъ взиматься на германскихъ желѣзныхъ дорогахъ провозныхъ платъ въ размѣрѣ, превышающемъ платы, примѣняемыя, на томъ же направленіи и между тѣми же германскими желѣзно-дорожными станціями, къ однороднымъ товарамъ германскимъ или иностраннымъ. То же правило будетъ примѣняться и къ русскимъ желѣзнымъ дорогамъ по отношенію къ товарамъ, отправляемымъ изъ Германіи на какую-либо русскую станцію или же транзитомъ черезъ Россію. Изъятія допускаются лишь для грузовъ, перевозка коихъ вызывается общественными потребностями или благотворительными цѣлями». Договоръ заключенъ на 10 лѣтъ; онъ долженъ вступить въ дѣйствіе 8 (20) марта 1894 года и будетъ имѣть силу до 19 (31) декабря 1903 года.

Центромъ тяжести договора служатъ установляемые имъ оклады таможенныхъ пошлинъ. Посмотримъ же, какія въ этомъ отношеніи выгоды можетъ доставить договоръ нашему отечеству.

Въ Германіи одни недовольны договоромъ, другіе полудовольны: недовольны землевладѣльцы, которыхъ страшитъ усиленное соперничество со стороны русскаго хлѣба; недовольны фабриканты въ хлопчато-бумажной промышленности, такъ какъ договоръ не понижаетъ пошлинъ на издѣлія изъ хлопчатой бумаги; недовольны и нѣкоторые другіе. Полудовольны всѣ тѣ промышленники, которые отнынѣ, въ теченіе 10 лѣтъ, могутъ оплачивать на русскихъ таможняхъ свои издѣлія пониженною пошлиной. Очень довольны немногіе,—главнымъ образомъ, хмѣлеводы. Однако, оцѣнка договора въ нѣмецкой печати вовсе не даетъ точки опоры для сужденія о томъ, какія выгоды онъ доставитъ нашему отечеству. Прислушиваясь къ жалобамъ германскихъ землевладѣльцевъ, мы имѣемъ сильнѣйшее побужденіе поздравить русскихъ сельскихъ хозяевъ съ достигнутыми успѣхами и произнести прочувственную рѣчь о томъ, что отнынѣ русское сельское хозяйство вступаетъ въ періодъ высокаго процвѣтанія. Умѣренная радость германскихъ промышленниковъ заставляетъ насъ думать, что Россія дѣ-

лаетъ небольшія таможенныя уступки, далеко не достигающія выгодъ, которыя договоръ доставляетъ нашему земледѣлію, что эти уступки только въ малой мѣрѣ уменьшаютъ барыши русскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ.

Въ нѣмецкихъ газетахъ будутъ напечатаны еще многія тысячи статей о договорѣ, но онѣ не помогутъ выяснить вопросъ, выгоденъ ли договоръ для нашего отечества. Германскихъ помѣщиковъ побуждаетъ жаловаться не одна боязнь уменьшенія доходовъ; есть и политическая причина: дворянство, или—скажемъ болѣе обще—землевладѣльческій классъ еще очень могущественъ въ Германіи; сознавая свое политическое вліяніе, онъ не можетъ примириться съ мыслью, что договоръ составленъ не въ его интересахъ, а къ выгодѣ промышленниковъ. Недовольство, усиливаемое этою причиной, обостряется распространеннымъ въ Европѣ невѣрнымъ представленіемъ объ условіяхъ и производительныхъ силахъ русскаго сельскаго хозяйства. Наши западные сосѣди, сравнивая Россію съ Америкой, боятся конкурренціи ихъ обѣихъ; но землевладѣльца больше пугаетъ Россія, чѣмъ Америка: онъ смотритъ на послѣднюю, какъ на страну, гдѣ населеніе возростаетъ очень быстро, гдѣ заработная плата высока и гдѣ производство хлѣба должно стоить дорого уже въ недалекомъ будущемъ. Россія же, извѣстная своею низкою заработною платой, представляется страной, черноземныя нивы которой еще рѣдко заселены и далеко не утилизированы, гдѣ еще безконечно много данныхъ, благопріятствующихъ низкимъ издержкамъ производства хлѣба. А потому именно Россія считается страной способной еще много лѣтъ снабжать Европу дешевымъ хлѣбомъ. Германскіе промышленники, полудовольные торговымъ договоромъ, также руководствуются, при оцѣнкѣ его, не одними экономическими, но и политическими соображеніями. Если Россія, думаютъ они, не хотѣла продолжать таможенную войну, прислала въ Берлинъ своихъ чиновниковъ для составленія договора, то она чувствуетъ въ немъ крайнюю необходимость; а если такъ, то она должна была сдѣлать нѣмцамъ гораздо бо̀льшія уступки. Германскій промышленникъ, какъ и вообще нѣмецъ, не можетъ отрѣшиться отъ мысли, что его войска всегда побѣдоносны и его дипломаты всегда съумѣютъ перехитрить уполномоченныхъ любой иностранной державы. Германскіе промышленники исходятъ отъ этого убѣжденія и при оцѣнкѣ торговаго трактата; сдѣлай Россія даже гораздо большее пониженіе пошлинъ, и тогда нѣмецкіе заводчики говорили бы, что договоръ лучше таможенной войны, но что Россія дала имъ слишкомъ мало.

Въ нашей печати также обозначилось не одно направленіе. Боль[illegible]ая часть изданій, находя, что «все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ [illegible]іровъ», признали заключеніе договора актомъ, очень выгоднымъ для [illegible]сскаго народнаго хозяйства: «во всемъ должна быть своя мѣра, и та[illegible]оженное покровительство служитъ лучшимъ поясненіемъ этой безспор[illegible]й истины»,—писала одна газета, еще недавно стоявшая за необходимост[illegible]амыхъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ, за полное огражденіе нашей [illegible]о-

мышленности отъ соперничества иностранцевъ. Но обозначилось (наиболѣе замѣтно въ Москвѣ) и другое направленіе: стали жаловаться на незначительность уступокъ со стороны Германіи и на большой вредъ, который причинятъ нашей промышленности уменьшенныя ставки русскаго таможеннаго тарифа.

Въ принципѣ торговый договоръ заслуживаетъ сочувствія. Договоръ связываетъ народы на продолжительное время и даетъ ихъ торговымъ отношеніямъ прочность, въ которой такъ нуждается и современная промышленность, производящая товары для неизвѣстныхъ потребителей и отдаленныхъ рынковъ. Чѣмъ болѣе продолжителенъ срокъ, на который заключенъ торговый договоръ, тѣмъ болѣе увѣренъ производитель, что иноземный рынокъ, разъ пріобрѣтенный, останется потребителемъ его товаровъ. Если русскій производитель знаетъ, что въ теченіе 10 лѣтъ въ Германіи будутъ взимать неизмѣнно одинъ и тотъ же налогъ съ его издѣлій, то онъ приспособляетъ все свое производство къ этимъ условіямъ сбыта. Создавая для разныхъ отраслей промышленности опредѣленную и на многіе годы неизмѣнную обстановку, торговый договоръ закрѣпляетъ связь между странами, которыя участвуютъ въ немъ. Односторонне установляемый таможенный тарифъ, даже дающій значительныя льготы, не можетъ оказывать такое вліяніе. Промышленники знаютъ, что всѣ льготы, существующія нынѣче, могутъ быть отмѣнены завтра; поэтому нѣтъ увѣренности относительно ближайшаго будущаго, и производители всегда предпочитаютъ сношенія съ страной, которая связала себя съ ними торговымъ договоромъ.

Но принципіальное одобреніе торговаго договора еще не даетъ права сдѣлать выводъ, что данный договоръ доставляетъ крупныя выгоды государствамъ, которыя заключили его.

Русско-германскій трактатъ выгоденъ для потребителей обѣихъ странъ: не можетъ быть спора о томъ, что пониженіе таможенной пошлины на желѣзо съ 60 до 50 коп. за одинъ пудъ, чугунныхъ издѣлій—съ 75 до 60 коп., сельско-хозяйственныхъ орудій — съ 70 на 50 коп., соотвѣтственно съ этимъ, способно удешевить названныя издѣлія на русскомъ рынкѣ. Конечно, во всѣхъ отрасляхъ, по которымъ состоялось пониженіе пошлинъ, производители жалуются—и еще долго будутъ жаловаться—на нарушеніе своихъ интересовъ. Ходатайства уже начались. Представители шерстяной промышленности обратились къ министрамъ земледѣлія и финансовъ объ огражденіи своего производства. О томъ же проситъ министра финансовъ контора желѣзозаводчиковъ, сосредоточивающая представительство интересовъ всего нашего металлургическаго производства. Другія жалобы не заставятъ себя ждать. Однако, всѣ эти сѣтованія не доказываютъ, что договоръ наноситъ чувствительный ударъ нашей обрабатывающей промышленности: если барыши, достигающіе теперь во многихъ отрасляхъ до 30—40 проц., будутъ составлять только 20—30 проц., то русскіе предприниматели будутъ имѣть еще гораздо больше, нежели иностранные фабрикан-

ты и заводчики. Пониженіе нашихъ таможенныхъ ставокъ для различныхъ товаровъ не одно и то же: для нѣкоторыхъ ставки понижены на 30—40 проц. и болѣе (химическіе и фармацевтическіе продукты по ст. 112, часовые приборы и механизмы по ст. 171, издѣлія изъ камвольной пряжи по ст. 199, вязаныя шелковыя и полушелковыя издѣлія по ст. 205, зонтики различныхъ видовъ по ст. 211, нѣкоторыя фарфоровыя издѣлія по ст. 212) даже на 110 проц. для бархата, шелка и другихъ издѣлій (по ст. 197), и только на 8—10 процентовъ для сырья, столярной и токарной работы, цинка, разныхъ издѣлій изъ мѣди и проч.

Значительнымъ диссонансомъ является отсутствіе уступокъ по издѣліямъ хлопчато-бумажной промышленности. Оно не можетъ быть оправдано ссылкою на высокое таможенное обложеніе привознаго хлопка — по 1 р. 20 к. — 1 р. 35 к. за пудъ. Такое обложеніе не мѣшаетъ нашимъ фабрикамъ въ этой отрасли доставлять огромные барыши, не мѣшаетъ владѣльцамъ этихъ фабрикъ быть богатѣйшими и самыми вліятельными людьми среди русскихъ промышленниковъ. Подобная аномалія не можетъ быть оправдана и ссылкою на то, что хлопчато-бумажное производство занимаетъ у насъ первое мѣсто и что даже малѣйшее затрудненіе могло бы отразиться на большемъ числѣ работниковъ, нежели въ другихъ отрасляхъ: въ первомъ занято лишь 211,000 человѣкъ, а всѣ отрасли промышленности, на издѣлія которыхъ понижены таможенныя пошлины, имѣютъ въ совокупности гораздо больше работниковъ. Будемъ надѣяться, что министерство финансовъ разъяснитъ соображенія, которыя руководили имъ при опредѣленіи новыхъ тарифныхъ ставокъ по различнымъ отраслямъ производства.

Можно ли ожидать отъ договора крупныхъ выгодъ для русскаго сельскаго хозяйства? Наши сельскіе хозяева выиграютъ, какъ потребители издѣлій, подлежащихъ таможенному обложенію. Но получатъ ли они замѣтныя выгоды отъ пониженія Германіей пошлинъ на русскіе товары? Пониженіе ставокъ германскаго таможеннаго тарифа выражается довольно крупными цифрами: оно составляетъ 15 — 20 проц. для нѣкоторыхъ видовъ скота, мяса, сыра, кукурузы и достигаетъ 30 проц. для пшеницы, ржи, овса и мукомольныхъ продуктовъ изъ зернового хлѣба. Уменьшеніе пошлинъ съ нашихъ зерновыхъ хлѣбовъ оставляетъ русскому сельскому хозяину, при среднемъ урожаѣ, около 4 рублей лишнихъ съ 1 десятины. Странно было бы спорить о томъ, что выгоднѣе для нашихъ сельскихъ хозяевъ—нынѣшнее ли обложеніе Германіей русскаго хлѣба, или же пошлины, установляемыя договоромъ. Но и ставка, пониженная на 30 про[illegible], не обѣщаетъ условій снабженія хлѣбомъ германскаго рынка. Міровое п[illegible]изводство хлѣба находится въ такой обстановкѣ, что даже при значите[illegible]номъ обложеніи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ государствами, вво[illegible]щими хлѣбъ, цѣна его не можетъ быть высока въ годы только средн[illegible] урожая. Въ Берлинѣ, за вычетомъ пошлины по проекту договора, 3 – [illegible] февраля биржевая цѣна пшеницы была 83 коп., ржи—80 к. за 1 пу[illegible].

Тогда же въ Ригѣ 1 пудъ пшеницы стоилъ 76 коп., а ржи—68. Подобныя цѣны позволяютъ вывозить рожь, главную статью нашего хлѣбнаго отпуска въ Германію. Не забудемъ, однако, что хлѣбныя цѣны въ Россіи крайне низки, убыточны для сельскихъ хозяевъ. Въ годы болѣе высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ на русскомъ рынкѣ снабженіе Германіи русскимъ хлѣбомъ можетъ не быть выгодно для нашихъ сельскихъ хозяевъ, если Берлинъ будетъ даже гораздо дороже оплачивать русскую рожь.

Неопредѣленныя выгоды, доставляемыя пониженіемъ германскихъ пошлинъ на нашъ хлѣбъ, касаются болѣе чѣмъ половины всего нашего отпуска въ Германію. То же скажемъ мы относительно лѣса. Цѣнность ежегодно вывозимыхъ лѣсныхъ матеріаловъ достигаетъ 45 милліоновъ рублей, изъ которыхъ на Германію падаетъ болѣе $^1/_3$. Отпускъ лѣса долженъ сократиться: распространеніе лѣсоохранительнаго закона на губерніи, поставлявшія внутреннему и заграничному рынкамъ большія массы строительнаго и подѣлочнаго матеріаловъ (Минская, Могилевская, Смоленская, Тверская), и усиленіе личнаго состава лѣсоохранительныхъ комитетовъ повели къ быстрому вздорожанію лѣсныхъ матеріаловъ на внутреннихъ рынкахъ: за 1892 и 1893 годы во всей Европейской Россіи, кромѣ отдаленнаго сѣвера и сѣверо-востока, цѣны возросли на 50 — 100 проц. А затрудненное снабженіе внутреннихъ рынковъ лѣсомъ поведетъ къ сокращенію нашего лѣсного отпуска. Подобное же предсказаніе можно сдѣлать и о вывозѣ животныхъ (свиньи вывозятся исключительно, а лошади и домашняя птица преимущественно въ Германію); два неурожайные года подорвали наше скотоводство, увеличили число безлошадныхъ хозяйствъ, и цѣны на скотъ поднялись почти повсемѣстно. Это послужитъ естественнымъ тормазомъ къ увеличенію вывоза животныхъ, которыхъ Германія покупала у насъ до сихъ поръ, примѣрно, на 10 милліоновъ рублей въ годъ.

Не будемъ удлинять нашу замѣтку предположеніями относительно другихъ статей нашего вывоза въ Германію. Подробныя вычисленія по статьямъ могли бы составить предметъ особой и интересной работы.

Все выше сказанное побуждаетъ сдѣлать такой выводъ: пониженіе ставокъ русскаго таможеннаго тарифа доставляетъ германской промышленности несомнѣнныя и, по нѣкоторымъ статьямъ, крупныя выгоды. Пониженіе же германскихъ пошлинъ съ товаровъ, ввозимыхъ изъ Россіи, въ связи съ международными условіями производства и перевозки этихъ товаровъ, можетъ въ иной годъ доставить русскимъ производителямъ существенныя выгоды, а иногда самый незначительный выигрышъ. А потому Германіи [illegible] достоитъ извлечь изъ договора больше выгодъ, нежели Россіи.

Но всѣ эти выгоды, связанныя съ родомъ товаровъ, которые Россія [illegible]ставляетъ международному рынку, и съ условіями мірового производ[illegible]ва, не должны быть объясняемы какими-либо уступками съ нашей сто[illegible]ны. Теперь же сдѣлаемъ маленькую психологическую экскурсію,—поведемъ рѣчь объ уступкахъ.

Германія не ослабила для Россіи таможеннаго обложенія, если не счи-

тать ячменя, пошлина съ котораго была понижена на 9 проц. Въ проектъ торговаго договора занесены или ставки общаго германскаго тарифа, или же ставки конвенціоннаго, установленнаго при заключеніи торговыхъ договоровъ съ Австро-Венгріей, Италіей, Швейцаріей и распространеннаго на всѣ наиболѣе благопріятствуемыя державы. Наивно говорить объ уступкахъ только потому, что новый германскій тарифъ въ полтора и два раза ниже сравнительно съ тарифомъ, повышеннымъ исключительно для Россіи. Ибо повышенный тарифъ былъ угрозой, не выгодной и для Германіи; и тамъ и правительство, и общество только и стремились къ тому, какъ бы эти угрозы привели къ соглашенію, вылившемуся въ форму торговыхъ трактатовъ съ нѣкоторыми европейскими державами. Германія не сдѣлала Россіи уступокъ: проектъ новаго торговаго договора явился копіей со старыхъ образцовъ. А торговые трактаты Германіи были плодами всесторонней работы. Въ этомъ трудѣ участвовала вся страна: тысячи газетъ, представляющія политическія и экономическія партіи всѣхъ оттѣнковъ, научные журналы, торговыя палаты, сельско-хозяйственныя, промышленныя и ученыя общества не оставили безъ обсужденія ни одной буквы въ торговыхъ договорахъ, которые Германія заключила со своими сосѣдями. Одни были довольны этими договорами, другіе жаловались на нихъ. Но несомнѣнно одно: Германія ослабила начало протекціонистской торговой политики, выслушавъ всѣхъ, кто могъ сказать что-нибудь полезное хотя бы по маловажнымъ подробностямъ таможенной реформы. Таможенная война съ Россіей застала Германію во всеоружіи знанія того, что̀ нужно для охраненія ея интересовъ. При обсужденіи статей торговаго договора съ русскими делегатами, нѣмцамъ было довольно только указать пальцемъ на конвенціонный тарифъ; на всѣ же просьбы о дальнѣйшихъ уступкахъ они могли отвѣтить пожатіемъ плечъ и напомнить, что, при составленіи конвенціоннаго тарифа, уже было предрѣшено, при случаѣ, распространить его и на Россію, но не было и въ мысляхъ идти дальше по пути уступокъ.

А Россія, *съ точки зрѣнія крайнихъ протекціонистовъ*, сдѣлала Германіи не мало уступокъ: казалось, что тарифныя ставки, предложенныя Франціи, были крайнимъ выраженіемъ потерь, которыя могли понести русскіе протекціонисты; обмѣнъ любезностей между Россіей и Франціей, замѣтно усилившееся охлажденіе къ Германіи заставляли думать, что нельзя идти дальше уступокъ, которыя были сдѣланы въ интересахъ французскихъ промышленниковъ; боевая позиція, которую заняла Россія въ іюлѣ 1893 года, при началѣ таможенной войны съ Германіей, наводила на мысль, что полученіе тарифныхъ ставокъ, которыя были даны французамъ, является высшимъ предѣломъ, о которомъ нѣмцы едва смѣли мечтать. Раскаты протекціонистскаго грома, еще въ сентябрѣ прошлаго года раздававшіеся въ обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, поддерживали увѣренность, что Германіи будетъ очень дорого стоить каждое, даже малѣйшее, пониженіе русскихъ таможенныхъ [illegible]-

линъ, а, между тѣмъ... Россія ослабила таможенное покровительство. Это выразилось въ пониженіи тарифныхъ ставокъ, даже сравнительно со ставками для Франціи, по 23 пунктамъ 15 статей. По нѣкоторымъ пунктамъ сдѣлано чувствительное пониженіе: пошлина съ цементныхъ трубъ, цинка въ листахъ, чугунныхъ отливокъ безъ отдѣлки, нѣкоторыхъ желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій, аппаратовъ для электрическаго освѣщенія понижена на 12—13 проц., съ химическихъ и фармацевтическихъ продуктовъ—на 17 проц., съ разныхъ вязаныхъ издѣлій—на 25—30 проц., съ принадлежностей къ музыкальнымъ инструментамъ—на 60 проц. Тарифная ставка съ хмѣля—даже на 30 проц.

Конечно, дальнѣйшее пониженіе нашихъ таможенныхъ пошлинъ необходимо. Но чему же, однако, приписать перемѣну въ направленіи таможенной политики?

Припомнимъ недавнее прошлое. Всего три года назадъ усиленно работали надъ тарифомъ 1 іюля 1891 года. Исписали много бумаги, произнесли много рѣчей. Вольно-экономическое общество нашло въ лицѣ А. Н. Егунова свѣдущаго и даровитаго защитника умѣренныхъ таможенныхъ пошлинъ, и составленная имъ записка занимаетъ выдающееся мѣсто среди печатныхъ трудовъ общества. Но профессора-технологи, признанные за лучшихъ экспертовъ въ вопросахъ народнаго хозяйства, оказались непреклонными протекціонистами и, предводительствуемые докторомъ химіи Менделѣевымъ, способствовали выработкѣ запретительнаго тарифа.

Нуженъ ли былъ этотъ почти запретительный тарифъ? Вѣроятно, нуженъ, если В. И. Тимирязевъ, сдѣлавшій нѣмцамъ замѣтныя таможенныя уступки, помѣстилъ въ книгѣ *Фабрично-заводская промышленность и торговля* (книга издана въ 1893 году къ выставкѣ въ Чикаго) обширную статью о русскомъ таможенномъ тарифѣ. Мы узнаемъ изъ этой статьи, что тарифъ 1891 года, «вызванный необходимостью сдѣлать дальнѣйшій шагъ въ развитіи у насъ таможеннаго покровительства... былъ предметомъ всесторонней разработки, потребовавшей почти четыре года» (173—174). Чему же приписать, что плодъ четырехлѣтней упорной работы, въ которой участвовало много лицъ и учрежденій, подвергся въ Берлинѣ существеннымъ перемѣнамъ?

Можно было бы дать этому такое толкованіе, что двухлѣтній опытъ показалъ, что усиленное таможенное покровительство не соотвѣтствуетъ интересамъ Россіи. Было понятно, что профессора-технологи и доктора химіи мало свѣдущи въ вопросахъ народнаго хозяйства, что разумѣть только тотъ образъ дѣйствій, за который ратовало вольно-экономическое общество. Соглашеніе съ Франціей было первымъ шагомъ на этомъ пути. Конечно, имѣлось въ виду сдѣлать то же и для Германіи,—вѣдь, съ ней торговые обороты въ 4 раза больше, чѣмъ съ Франціей. Но можно было рѣшиться на это, только усыпивъ бдительность могущественныхъ протекціонистовъ. Съ этою цѣлью совѣщанія ведутся вдали отъ Россіи, хранятся въ строжайшей тайнѣ, хотя, по слухамъ, къ работѣ привлекаются про-

мышленники, заинтересованные въ измѣненіи тарифныхъ ставокъ... и обновленный тарифъ уже въ готовомъ видѣ, какъ богиня изъ пѣны морской, является на судъ производителей и потребителей.

Можно было бы поручиться, что такое объясненіе соотвѣтствуетъ существу дѣла, если бы со стороны Россіи, во главѣ переговоровъ, не стояло лицо, которое, какъ мы указали выше, еще такъ недавно признало тарифъ 1891 года вполнѣ соотвѣтствующимъ интересамъ русскаго народнаго хозяйства. Это маленькое обстоятельство заставляетъ, пожалуй, думать, что пониженіе многихъ пошлинъ въ новомъ договорѣ явилось результатомъ не принципіальной перемѣны въ воззрѣніяхъ на таможенную политику. Сговорчивость Россіи при международныхъ соглашеніяхъ часто бывала невыгодна для нея. Выше было сказано, что на этотъ разъ уступка, за которой, мы увѣрены, послѣдуютъ и многія другія, принесетъ пользу нашей хозяйственной жизни.

---

7 февраля Высочайше утверждено мнѣніе о порядкѣ разсрочки и отсрочки недоимокъ по выкупнымъ платежамъ. Припомнимъ, что законъ 3 апрѣля 1889 года предоставилъ министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, разрѣшить отсрочку и разсрочку недоимокъ окладныхъ сборовъ (безъ различія наименованій), числящихся на сельскихъ обывателяхъ, такимъ образомъ, чтобы продолжительность отсрочки не превышала 5 лѣтъ, а общая продолжительность обѣихъ льготъ не превышала 10 лѣтъ. Въ 1891 году обнаружилась недостаточность этихъ податныхъ льготъ. Высочайшимъ указомъ отъ 20 августа 1891 года сельскому населенію 18 губерній, наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая, была предоставлена временная льгота—отсрочка до 1 сентября 1892 года взысканія не только недоимокъ, накопленныхъ ранѣе, но и окладовъ 2-й половины 1891 и 1-й половины 1892 годовъ. Однако, недоимки въ 18 губерніяхъ достигли такихъ размѣровъ, что эта льгота оказалась недостаточною: по 1 января 1893 года недоимки по поземельному налогу и выкупнымъ платежамъ достигали 85½ милліоновъ, а по продовольственнымъ и сѣменнымъ ссудамъ—130 милліоновъ рублей. Въ этой суммѣ особенно выдѣляются своею чудовищною высотой недоимки по выкупнымъ платежамъ: онѣ составляютъ 142% годового оклада въ Пензенской губерніи, 165%—въ Симбирской, 280%—въ Уфимской, 336%—въ Самарской, даже 470%—въ Оренбургскомъ уѣздѣ. Такое положеніе дѣлъ побудило нѣкоторыя земства (орловское, тамбовское и тульское) ходатайствовать о томъ, чтобы недоимки по выкупнымъ платежамъ были отсрочены на 25—30 лѣтъ, къ тому времени, когда наступитъ окончаніе платежа выкупныхъ денегъ. Министерство финансовъ, признавая такія огульныя льготы не цѣлесообразными, выработало правила, которыя и вошли въ законъ 7 февраля 189[illegible] г. По этому закону, размѣры льготъ могли бы быть приводимы въ точное соотвѣтствіе съ ослабленіемъ платежныхъ силъ крестьянскихъ обществъ.

При составленіи этихъ правилъ, министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ исходили изъ того соображенія, что во всѣхъ случаяхъ разсрочекъ представляется необходимымъ возложить на крестьянъ обязательство ежегодно уплачивать нѣкоторый излишекъ сверхъ обыкновеннаго оклада сборовъ. Дабы надбавки не были обременительны, необходимо установленіе высшаго ихъ предѣла, которымъ и признанъ годовой окладъ выкупныхъ платежей. Такъ какъ разныя бѣдствія, постигшія за послѣдніе годы крестьянское хозяйство, дѣлали бы такую мѣру недостаточною для многихъ, то допускается пониженіе надбавки отдѣльнымъ сельскимъ обществамъ съ особеннымъ вниманіемъ къ тому условію, чтобы податныя льготы, разъ установленныя для плательщиковъ, были неизмѣнны. Неизмѣнность, по мнѣнію министерства финансовъ, имѣетъ большое значеніе: увѣренные, что казна не предъявитъ новыхъ требованій до истеченія извѣстнаго срока, плательщики могутъ посвятить улучшенію хозяйства всѣ свои заботы; измѣнчивость податныхъ льготъ можетъ иногда побудить плательщика отказаться отъ улучшеній въ хозяйствѣ, которыми онъ не разсчитываетъ воспользоваться. Въ этихъ видахъ, измѣненіе условій расплаты сельскихъ обществъ съ казною на болѣе строгія установлено только по особому каждый разъ представленію губернскаго присутствія или губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, съ постановленіемъ котораго согласились губернаторъ и управляющій казенною палатой. Такое измѣненіе требованій сравнительно съ установленными ранѣе можетъ быть допущено только по прошествіи 5 лѣтъ. Каждая льгота поставлена въ зависимость отъ подробнаго изслѣдованія экономическаго положенія крестьянскихъ обществъ, нуждающихся въ льготѣ. Изслѣдованіе производится мѣстными должностными лицами, обсуждается губернскимъ присутствіемъ, которое и возбуждаетъ соотвѣтствующее ходатайство. На основаніи этихъ ходатайствъ вопросъ окончательно разрѣшается министромъ финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а въ подлежащихъ случаяхъ—и съ военнымъ министромъ. Самое возбужденіе ходатайствъ о льготахъ признается актомъ, въ силу котораго губернское начальство пріостанавливаетъ взысканіе недоимокъ впредь до окончательнаго распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Дабы законъ болѣе полно обнаруживалъ свое вліяніе, расширено право иниціативы по возбужденію ходатайствъ о льготахъ: губернскимъ присутствіямъ вмѣнено приступать къ обслѣдованію не только по собственному усмотрѣнію, но и по заявленіямъ другихъ правительственныхъ лицъ, а также по просьбамъ самихъ сельскихъ обществъ. Исполненіе закона будетъ облегчено цѣлесообразною постановкою дѣла обслѣдованія экономическаго положенія сельскихъ обществъ. Предполагается образовать для этихъ функцій особыя уѣздныя коммиссіи.

Въ связь съ этою работой, уже воплотившеюся въ законѣ, должны быть поставлены занятія особой подкоммиссіи (подъ предсѣдательствомъ тайн. сов. Слободчикова) по вопросу объ измѣненіи порядка взиманія податей. Особенный интересъ представляютъ высказанныя въ коммиссіи мнѣнія от-

носительно порядка взысканія недоимокъ. Въ это дѣло не можетъ быть,— такъ было заявлено въ подкоммиссіи, — внесенъ принципъ нормировки той части недоимки, которая подлежитъ взысканію равными частями въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Нельзя, напримѣръ, постановить о погашеніи недоимки въ теченіе пяти лѣтъ посредствомъ взысканія ежегодно 1/5 части накопившейся недоимки: условія сельскаго хозяйства такъ измѣнчивы, что трудно ожидать въ теченіе хотя бы 5 лѣтъ кряду положительныхъ результатовъ хозяйственнаго года. Напротивъ, слѣдуетъ установить правило о желательности погашенія недоимки сразу при каждомъ благопріятномъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи годѣ. При такомъ порядкѣ хозяйственное положеніе деревни можетъ быть лучше обезпечено. Подкоммиссія, по словамъ одной петербургской газеты, поясняетъ это такимъ примѣромъ: положимъ, что въ деревнѣ былъ хорошій урожай и хлѣбъ проданъ по выгодной цѣнѣ; тогда, за уплатой текущаго оклада налога и части недоимки, причитающейся на одинъ годъ, въ рукахъ крестьянина останутся деньги, которыя могутъ быть затрачены на покупку вещей, не нужныхъ для хозяйства. Если слѣдующій годъ менѣе урожаенъ, то причитающаяся доля недоимки не будетъ покрыта и крестьянинъ будетъ вынужденъ прибѣгнуть къ продажѣ или закладу того же самаго, не нужнаго въ хозяйствѣ, недавно купленнаго самовара. Поэтому желательно, чтобы въ урожайный годъ была покрыта вся или большая часть недоимки.

Внимательное чтеніе закона 7 февраля 1894 года и отчета о работахъ названной коммиссіи знакомитъ насъ съ теченіями противуположными, исключающими другъ друга. Можно согласиться съ точкой зрѣнія на условія, которыми обставлено дарованіе льготъ по отсрочкѣ и разсрочкѣ выкупныхъ платежей. Мы находимъ вполнѣ цѣлесообразнымъ подробное изслѣдованіе хозяйственнаго быта, которое и должно быть полагаемо въ основу всѣхъ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій. Можно согласиться и съ полезностью образованія особыхъ уѣздныхъ коммиссій, на которыя будетъ возложено это изслѣдованіе. Еще неизвѣстно, каковъ будетъ составъ коммиссій. Желательно, чтобы земскій элементъ имѣлъ въ нихъ выдающееся значеніе: земства, создавъ основную и, частью, текущую статистику, накопили богатый запасъ свѣдѣній о хозяйственномъ бытѣ сельскихъ обществъ и выработали вполнѣ законченный типъ мѣстныхъ изслѣдователей, статистиковъ, наилучшимъ образомъ подготовленныхъ къ подробному и всестороннему изученію деревни вообще и для отдѣльныхъ цѣлей управленія. Уже теперь, прежде чѣмъ приступятъ уѣздныя коммиссіи къ своимъ занятіямъ и даже прежде чѣмъ онѣ будутъ организованы, земства губерній, наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая, имѣютъ много точныхъ и цѣнныхъ данныхъ о томъ, какъ измѣнили 1891 и 92 годы хозяйственное положеніе деревни. Можно согласиться и съ тѣмъ, что огульныя мѣры финансоваго управленія менѣе цѣлесообразны, нежели мѣропріятія, приноровленныя къ особенностямъ отдѣльныхъ районовъ. Мнѣнія же, высказанныя въ подкоммиссіи по вопросу о способахъ взысканія недоимокъ, не заслужи-

ютъ сочувствія. Въ нихъ содержится и недостаточное знакомство съ бытомъ деревни, и невѣрное представленіе объ условіяхъ, которыя имѣютъ вліяніе на платежную силу крестьянскихъ дворовъ. Предлагая пользоваться каждымъ годомъ, благопріятнымъ для деревни, чтобы взыскивать всѣ недоимки или большую ихъ часть, исходятъ изъ того убѣжденія, что мужикъ растрачиваетъ скромные избытки благопріятныхъ лѣтъ на прихоти, на предметы, не составляющіе существенной необходимости въ хозяйствѣ. Такое мнѣніе основывается на единичныхъ, тамъ и сямъ наблюдаемыхъ фактахъ; оно не имѣетъ сколько-нибудь общаго значенія: потребности деревни удовлетворяются столь скудно, что мужику не до прихоти, и въ сельскомъ обществѣ, съ большою суммой недоимокъ, самыя важныя статьи представляютъ такіе крупные пробѣлы, что хорошій урожай и удовлетворительныя цѣны хлѣба, наступившія послѣ неурожайныхъ годовъ, позволяютъ только кое-какъ возстановить поколебленное равновѣсіе, но отнюдь не дѣлать затратъ на прихоти. Забавны упреки, которые сыплются на крестьянъ по поводу каждой гармоніи, появившейся въ деревенской избѣ; забавно усердіе, съ которымъ преслѣдуется этотъ 70—80-копѣечный расходъ, доставляющій крестьянской семьѣ въ праздничные дни невинное удовольствіе. Мысль взыскивать въ благопріятный годъ единовременно всю сумму недоимокъ или большую ихъ часть выдаетъ безсознательное отношеніе къ источникамъ, откуда уплачиваются налоги. Неурожайные годы изсушаютъ эти источники. Слѣдующій за ними средній или хорошій годъ позволяетъ укрѣпить расшатанныя силы и поддержать самый источникъ платежныхъ обязанностей. Чѣмъ больше остается въ крестьянскомъ хозяйствѣ послѣ такого года, тѣмъ болѣе вѣроятія, что будущіе неурожаи и иныя бѣдствія могутъ быть перенесены гораздо легче; чѣмъ суровѣе отнесется финансовое управленіе къ этимъ избыткамъ въ крестьянскомъ дворѣ, тѣмъ слабѣе надежда на укрѣпленіе расшатаннаго хозяйства,—эта мысль настолько противорѣчитъ закону 7 февраля 1894 года, что принятіе ея совершенно парализуетъ выгодныя особенности этого узаконенія.

Но и законъ 7 февраля не можетъ удовлетворить тѣхъ, кто внимательно относится къ явленіямъ русскаго народнаго хозяйства. Какъ ни отсрочивай и ни разсрочивай недоимки, одинъ фактъ накопленія ихъ въ столь крупныхъ размѣрахъ—больше 200 милліоновъ рублей на населеніе 18 губерній—доказываетъ чрезмѣрность платежей и настоятельно требуетъ ихъ пониженія. Это, прежде всего, должно быть примѣнено къ выкупнымъ платежамъ, которые, какъ извѣстно всѣмъ и каждому, далеко не соотвѣтствуютъ доходности крестьянскихъ надѣловъ. Истощеніе земли и тенденціи хлѣбнаго рынка къ удешевленію хлѣба понижаютъ доходность крестьянскихъ надѣловъ и дѣлаютъ выкупные платежи относительно все болѣе высокими. Такимъ образомъ, независимо отъ цѣлаго ряда мѣръ относительно крестьянскаго хозяйства, мы уже неоднократно говорили о нихъ, въ области финансовъ пониженіе выкупныхъ платежей является самою существен-

ною мѣрой, гораздо болѣе важной, нежели какія-либо комбинаціи относительно отсрочки и разсрочки недоимокъ.

Въ январѣ происходилъ IX съѣздъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ. Изъ вопросовъ, разсмотрѣнныхъ на съѣздѣ, наибольшее значеніе имѣетъ вопросъ о пониженіи взноса заемщиковъ въ пользу банка (на составленіе запаснаго капитала, въ дивидендъ акціонерамъ и на расходы по управленію); въ настоящее время эти взносы взимаются одними банками по 1%, а другими—по ¾% въ годъ съ суммы займовъ. Министерство финансовъ еще весною прошлаго года предложило земельнымъ банкамъ понизить размѣры этихъ взносовъ. За осенніе мѣсяцы въ газетахъ былъ напечатанъ рядъ статей въ пользу и противъ пониженія. Сторонники пониженія проводили мысль, что доходы земельныхъ банковъ слишкомъ велики, что слѣдуетъ подумать сколько-нибудь и о землевладѣльцахъ. Противники этой операціи, не довольствуясь обычнымъ въ такихъ случаяхъ возраженіемъ, что правительство не должно вмѣшиваться въ дѣла частныхъ предпріятій, жаловались на ущербъ, который понесутъ, вслѣдствіе уменьшенія доходовъ банковъ и цѣнности акцій, тѣ акціонеры, которые пріобрѣли акціи недавно и по высокой цѣнѣ. Не трудно рѣшить, чье мнѣніе заслуживаетъ бо́льшаго вниманія. Земельные банки принадлежатъ, какъ показываетъ цѣнность акцій, къ самымъ доходнымъ предпріятіямъ: уже нѣсколько лѣтъ кряду полтавскій, московскій и кіевскій банки даютъ по 36, 40 и 50 рублей на акцію, что составляютъ 18, 16 и 20% на нарицательную цѣну; биржевая цѣна ихъ составляетъ 600, 600 и 800 рублей, тогда какъ нарицательная опредѣлена только въ 200, 250 и 250. Конечно, много изъ настоящихъ акціонеровъ пріобрѣли акціи сравнительно недавно, по высокой цѣнѣ, и имѣютъ въ дивидендѣ только 6—7% на затраченный капиталъ; уменьшеніе платежей заемщиковъ можетъ нѣсколько понизить дивидендъ и уменьшить цѣнность акціи на 30, 40, 50 рублей. Однако, не забудемъ, что интересы землевладѣльцевъ гораздо больше заслуживаютъ вниманія, нежели выгоды акціонеровъ. Первые занимаются сельскимъ хозяйствомъ или хотя косвенно прикосновенны къ нему; первые берутъ ссуды изъ банковъ частію для земельныхъ улучшеній, частію для выдѣла сонаслѣдникамъ доли имущества, т.-е. ради цѣлей, имѣющихъ важное значеніе въ народномъ хозяйствѣ. Замѣтимъ также, что многіе заемщики земельныхъ банковъ принадлежатъ къ малосостоятельнымъ слоямъ землевладѣльческаго класса. Положеніе акціонера требуетъ иной оцѣнки. Первые владѣльцы акцій, учреждая банкъ, несли на себѣ серьезныя предпринимательскія обязанности: он начинали дѣло новое, еще мало-извѣданное, а потому неопредѣленное отно сительно возможныхъ барышей и убытковъ. Но эти акціонеры, вышли он изъ дѣла или нѣтъ, съ избыткомъ вознаграждены возвысившеюся цѣн акцій. Могутъ потерять тѣ акціонеры, которые пріобрѣли акціи въ сра нительно недавнее время и по высокой цѣнѣ. Но ихъ роль въ предпріят не имѣетъ народно-хозяйственнаго значенія, а потому и нѣтъ надобнос

особенно бережно относиться къ ихъ интересамъ. Они купили ихъ для спекуляціи, чтобы выиграть на дальнѣйшемъ повышеніи цѣны. Замѣтимъ также, что акціи земельныхъ банковъ, какъ и большинство другихъ частныхъ предпріятій, составляютъ форму помѣщенія крупнаго и средняго, но отнюдь не мелкаго капитала. Гдѣ же и мелкія сбереженія направляются на нихъ, тамъ это совершается почти исключительно въ формѣ биржевой игры. Есть, такимъ образомъ, всѣ условія для того, чтобы предпочесть интересы заемщиковъ и понизить ихъ взносы на управленіе и въ дивидендъ акціонерамъ.

Девятый съѣздъ принялъ это предложеніе министерства финансовъ и рѣшился осуществить его съ такою осторожностью, чтобы интересы заемщиковъ были по возможности ограждены. Онъ постановилъ предложить правленіямъ банковъ обсудить на ближайшихъ общихъ собраніяхъ акціонеровъ слѣдующія предложенія: 1) Всѣ акціонерные земельные банки уменьшаютъ платежи заемщиковъ по земельнымъ ссудамъ на составленіе запаснаго капитала и проч. въ слѣдующей постепенности: съ 1 іюля 1894 года платежи, взимаемые нѣкоторыми банками въ размѣрѣ 1% въ годъ, должны быть равномѣрно уменьшаемы съ такимъ разсчетомъ, чтобы съ 1 января 1897 года платежи не превышали $^3/_4$% въ годъ; дальнѣйшее уменьшеніе должно совершиться такимъ образомъ, чтобы съ 1 іюля 1899 года въ пользу земельныхъ банковъ взималось лишь $^1/_2$% въ годъ.

Съѣздъ разрѣшилъ также и другой важный вопросъ — о предоставленіи земельнымъ банкамъ выдавать ссуды земствамъ и городамъ. Проектъ правилъ, составленный московскимъ земельнымъ банкомъ, окончательно выработанъ съѣздомъ, который и рѣшилъ ходатайствовать объ утвержденіи его въ законодательномъ порядкѣ. Нельзя сказать, чтобъ акціонерный кредитъ былъ наиболѣе цѣлесообразною формой кредита для земствъ, городовъ и другихъ единицъ самоуправленія. Болѣе правильно создать для этихъ заемщиковъ особыя кредитныя учрежденія, какъ мы то и находимъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы: въ Бельгіи, наприм., есть особое учрежденіе для общиннаго кредита; его членами могутъ быть только пользующіяся изъ него кредитомъ городскія и сельскія общины. Въ Италіи общины пользуются кредитомъ изъ особой правительственной кассы. Эта форма кредита болѣе соотвѣтствуетъ существу единицъ самоуправленія. Но пока у насъ не создано ничего подобнаго, правильное организованіе въ пользу городовъ и земствъ кредита изъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ будетъ замѣтнымъ шагомъ впередъ. Не забудемъ, что въ настоящее время земства сплошь и рядомъ пользуются кредитомъ у частныхъ капиталистовъ и платятъ по ссудамъ 8—12% годовыхъ. Высокіе проценты и краткосрочность кредита не позволяютъ земствамъ дѣлать такія важныя для цѣлой мѣстности и производительныя затраты, которыя могутъ быть совершаемы только на счетъ многолѣтнихъ ссудъ. Если ходатайство съѣзда земельныхъ банковъ будетъ утверждено въ законодательномъ порядкѣ, то земства получатъ возможность пользоваться долгосрочнымъ кредитомъ, стоющимъ не болѣе 6% годовыхъ.

Съѣздъ земельныхъ банковъ постановилъ также ходатайствовать о разрѣшеніи выпускать закладные листы въ 15-ти процентномъ отношеніи къ основному и запасному капиталамъ. Если ходатайство будетъ уважено, то доходъ на акціи возростетъ, такъ какъ онъ тѣмъ больше, чѣмъ въ большей пропорціи заемный капиталъ, представляемый закладными листами, превосходитъ акціонерный капиталъ. Становясь на точку зрѣнія главныхъ кредиторовъ—владѣльцевъ закладныхъ листовъ, мы признаемъ рискованнымъ дальнѣйшее расширеніе права земельныхъ банковъ по выпуску закладныхъ листовъ безъ соотвѣтствующаго увеличенія акціонернаго капитала. И нынѣ дѣйствующій уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ, опредѣляя 10-ти процентное отношеніе закладныхъ листовъ къ основному и запасному капиталамъ, даетъ банкамъ вполнѣ достаточный доступъ къ кредиту.

Отмѣтимъ, въ заключеніе обзора девятаго съѣзда, что къ 1 декабря 1893 года по всѣмъ банкамъ числилось 343.759,000 рублей ссудъ подъ залогъ земель. Первое мѣсто занимаетъ виленскій банкъ съ суммою выданныхъ ссудъ слишкомъ на 59 милліоновъ, затѣмъ московскій и полтавскій—на 51, 50 и 48¾ милліона. Всего скромнѣе дѣятельность ярославско-костромского банка: онъ выдалъ ссудъ только на 1½ милліона.

Вопросъ о народныхъ читальняхъ былъ за послѣднее время неоднократно обсуждаемъ въ нашей печати. И въ самомъ дѣлѣ, это—дѣло первой важности. Самыя плодотворныя мѣропріятія въ разныхъ областяхъ общественной жизни принесутъ мало пользы, пока народъ повально безграмотенъ. А школы, научающія грамотѣ, часто не даютъ результатовъ, если народъ не имѣетъ доступа къ книгѣ, которая укрѣпляетъ грамотность и прививаетъ любовь къ чтенію. Московскій и петербургскій комитеты грамотности приглашаютъ русскихъ людей на пожертвованія ради этой благой, истинно-народной цѣли. Воззванія уже находятъ откликъ въ русскомъ обществѣ: пожертвованія поступаютъ и, вѣроятно, будутъ поступать въ еще большихъ размѣрахъ. Организація читаленъ и библіотекъ, причемъ земства могутъ быть главными дѣятелями, не представляетъ серьезныхъ затрудненій. Гораздо бо́льшимъ препятствіемъ служитъ недостатокъ книгъ для народнаго чтенія. Насъ не упрекнутъ въ преувеличеніи, если мы скажемъ, что каталогъ книгъ народной читальни будетъ въ высшей степени скуденъ. Какъ извѣстно, въ народныя читальни допускаются только книги, одобренныя ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, а такихъ книгъ крайне мало. Недавно въ *Русской Жизни* было помѣщено письмо рязанской уѣздной земской управы, излагающее рѣшеніе рязанскаго уѣзднаго земскаго собранія 21 декабря 1893 года. Собраніе, въ виду крайне ограниченнаго числа книгъ, разрѣшеннаго для школьныхъ библіотекъ, уполномочило управу ходатайствовать предъ министромъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи возможно большаго числа книгъ для библіотекъ при народныхъ школахъ. Управа предполагаетъ, пересмотрѣвъ книги, не во

шедшія въ число разрѣшенныхъ, составить новый списокъ и внести его на утвержденіе министра. Съ этою цѣлью рязанская уѣздная земская управа обращается ко всѣмъ авторамъ книгъ для народа съ просьбою прислать въ управу для просмотра по одному экземпляру изданій, не вошедшихъ въ каталогъ книгъ министерства народнаго просвѣщенія для низшихъ учебныхъ заведеній. Ходатайство рязанскаго уѣзднаго земства заслуживаетъ полнаго вниманія и сочувствія. Нужно пожелать, чтобъ оно увѣнчалось полезнымъ результатомъ, чтобъ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія измѣнилъ характеръ своей дѣятельности, поставилъ дѣло правильно, облегчилъ образованіе читаленъ и тѣмъ устранилъ преграды, которыя стоятъ на пути развитія грамотности.

Въ тѣсной связи съ условіями, облегчающими учрежденіе народныхъ читаленъ, стоятъ и мѣропріятія, которыя устраняютъ трудности по устройству народныхъ чтеній. Потребность въ нихъ велика; отъ времени до времени среди богатыхъ людей обнаруживается наклонность дѣлать въ пользу этихъ учрежденій крупныя пожертвованія. Напомнимъ о цѣломъ учрежденіи, устроенномъ съ этою цѣлью г. Нарышкинымъ въ Тамбовѣ. Недавно въ Череповцѣ для народныхъ чтеній построенъ большой залъ. Есть подобныя же свѣдѣнія и относительно нѣкоторыхъ другихъ городовъ. Однако, устройство народныхъ чтеній связано съ значительными хлопотами. Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ *Гражданинъ*, высказавшись за народныя чтенія, какъ важное и необходимое дополненіе народной школы, говоритъ о неудовлетворительной постановкѣ этого дѣла и ратуетъ за его упрощеніе. Для этого, прежде всего, необходимо создать несложныя правила, которыми бы разрѣшалось въ уѣздныхъ городахъ чтеніе невоспрещенныхъ закономъ книгъ, безъ сложной бумажной процедуры, мѣстною властью на основаніи инструкціи. Нынѣ же въ каждомъ учебномъ округѣ существуютъ свои воззрѣнія на народныя чтенія. Въ одномъ округѣ можно добиться разрѣшенія просто, легко и скоро, а въ другомъ, наоборотъ, сопряжено разрѣшеніе съ такимъ трудомъ, что всякій скорѣе откажется отъ мысли послужить доброму дѣлу, чѣмъ хлопотать о разрѣшеніи и ждать его безъ конца. Но вообще всюду господствуетъ понятіе, что полезныя для народа чтенія не дозволены, и въ виду этого многіе изъ самыхъ благожелательныхъ лучшихъ людей такъ-таки и порѣшили себѣ, что чтеніе народныхъ книгъ духовно-нравственныхъ, историческихъ и т. п. недозволено въ уѣздныхъ городахъ. И вотъ, благодаря такому-то недоразумѣнію, народъ и средняя публика остаются внѣ простыхъ, доступныхъ путей къ освѣщенію, къ полезнымъ знаніямъ. Добиваться разрѣшенія путемъ хожденій не каждый рѣшится,—безъ этого бывали также случаи въ нѣкоторыхъ учебныхъ округахъ, что въ продолженіе цѣлаго года нельзя было ничего добиться. Подали заявленіе исправнику о дозволеніи чтенія разрѣшенныхъ книгъ, онъ говоритъ: слѣдуетъ директору училищъ, а этотъ послѣдній говоритъ, надо губернатору; узнаетъ далѣе,—нѣтъ, еще слѣдуетъ разрѣшеніе архіерея въ случаѣ чтенія духовно-нравственныхъ книгъ; дѣло

тянется мѣсяцы, полгода и болѣе—почему? Говорятъ, ушло въ канцелярію попечителя. Тамъ вмѣшивается личное воззрѣніе столоначальника, идутъ бумажные запросы, требованія объясненій, указаній, кто и что будетъ читать, кто будетъ отвѣтственнымъ лицомъ, и такъ далѣе безъ конца. Такъ что, въ концѣ-концовъ, всякій нормальный человѣкъ, видя такія преграды, воскликнетъ тогда: что это такое?!—отступится отъ всякой мысли устройства чтенія и закажетъ другу и недругу не связываться. Такъ ли это бываетъ на дѣлѣ, мы не знаемъ, но такой взглядъ всюду циркулируетъ.

Мы приводимъ этотъ отрывокъ, какъ убѣдительное доказательство того, что даже органы печати, вообще, равнодушные къ интересамъ народной школы, сознаютъ иногда необходимость мѣръ, которыя создаютъ и за предѣлами школы источникъ образованія народа.

Отмѣтимъ недавно опубликованное высочайше утвержденное положеніе о школахъ ремесленныхъ учениковъ. Эти школы, будучи приноровлены къ нуждамъ даннаго промышленнаго района, представляютъ новый типъ учебно-ремесленныхъ заведеній. Ихъ цѣль—замѣнить ученичество у мастеровъ, которые, большею частію, поставлены въ самыя ненормальныя условія. Школы разсчитаны на учениковъ въ возрастѣ отъ 11 до 17 лѣтъ, т.-е. на то время, которое соотвѣтствуетъ годамъ ученичества. Эти школы принимаютъ дѣтей, прошедшихъ курсъ начальной школы, и обучаютъ тѣмъ общимъ и спеціальнымъ пріемамъ, которые соотвѣтствуютъ данному ремеслу, а также дополняютъ образованіе свѣдѣніями по рисованію, черченію и счетоводству. Школа не даетъ юношамъ званія цехового подмастерья; они могутъ получить его, закончивъ свое ремесленное образованіе у мастеровъ. Будучи соединительнымъ звеномъ между начальною школой и мастерской, какъ мѣстомъ окончательнаго усвоенія ремесла, эти школы будутъ сообщать юношамъ такіе умѣнья и навыки, которые подготовляютъ ихъ къ изученію ремесла. Дабы выяснить вопросъ объ условіяхъ, среди которыхъ будетъ дѣйствовать новый законъ, министерство народнаго просвѣщенія обратилось къ попечителямъ учебныхъ округовъ съ запросомъ, какія изъ существующихъ училищъ могутъ быть преобразованы въ школы новаго типа и какія мѣстности нуждаются въ открытіи такихъ школъ. Попечителямъ учебныхъ округовъ поручено также снестись съ городскими думами, земствами, мѣщанскими и ремесленными управами и выяснить, сколько готовы эти учрежденія пожертвовать на устройство помѣщеній для школъ и на ихъ содержаніе. Ежегодный расходъ на школу съ преподаваніемъ одного ремесла исчисленъ въ 6,505 рублей, а при двухъ ремеслахъ—въ 7,465 руб.

Школы для ремесленныхъ учениковъ заслуживаютъ сочувствія, главнымъ образомъ, потому, что дадутъ этимъ дѣтямъ гораздо болѣе благопріятную обстановку, нежели положеніе ихъ въ настоящее время. Грязь, нерѣдко побои, картина пьянства, небрежное исполненіе со стороны м

Тера[illegible]анностей, принятыхъ имъ относительно учениковъ,—вотъ что видятъ[illegible]ети, отданныя въ частныя мастерскія. Въ школахъ они будутъ учиться, будутъ жить въ здоровой атмосферѣ, которую можетъ создать и поддержать благоустроенное учебное заведеніе. Но вопросъ въ томъ, много ли [illegible]етъ такихъ школъ, будутъ ли онѣ доступны,—не говоримъ для всѣхъ дѣтей, поступающихъ въ ремесленники,—для многихъ, для большинства? Не забудемъ, что въ Москвѣ и Петербургѣ ученики-ремесленники считаются десятками тысячъ. Если школы будутъ основаны только въ небольшомъ числѣ и пріютятъ небольшое меньшинство юныхъ ремесленниковъ, то не окажутъ серьезнаго вліянія на бытъ ремесленнаго сословія.

Очерки провинціальной жизни.

Сибирь стала въ послѣднее время предметомъ усиленнаго вниманія правительственныхъ сферъ. Постройка сибирской желѣзной дороги естественно выдвинула на передній планъ нѣсколько чрезвычайно важныхъ государственныхъ вопросовъ. Между ними самый крупный вопросъ несомнѣнно представляетъ устройство сибирской колонизаціи, грядущая судьба землевладѣнія въ Сибири. Государство является главнымъ собственникомъ сибирской земли; если откинуть неудобныя для хлѣбопашества пространства, все-таки, въ рукахъ государства остается земельная площадь, превышающая размѣрами Европейскую Россію. Въ виду этого понятно, что тою или другою организаціей землевладѣнія опредѣлится, по преимуществу, будущій соціальный строй Сибири. Пойдемъ ли мы въ этомъ важномъ дѣлѣ по старому пути насажденія и крупныхъ, и среднихъ, и мелкихъ формъ землевладѣнія, или предоставимъ владѣть землею дѣйствительному хлѣбопашцу? Вотъ вопросъ, чреватый неисчислимыми послѣдствіями.

Въ министерствѣ государственныхъ имуществъ разрабатывается уже проектъ поземельнаго устройства Сибири. Каковы его основы, объ этомъ мало извѣстно; въ печать проникали лишь слухи, и то отрывочные. Въ числѣ этихъ слуховъ сообщалось и о наличности въ проектѣ намѣренія обратить государственныя земли Сибири не только подъ колонизацію ихъ настоящими хлѣбопашцами, но устраивать также, рядомъ съ крестьянскими поселками, крупное и среднее землевладѣніе. Отзывчивая къ мѣстнымъ нуждамъ сибирская печать не замедлила отмѣтить и обсудить это сообщеніе. Минуя разсмотрѣніе вопроса о наиболѣе благотворной для народа, а, слѣдовательно, и для правильно понятыхъ интересовъ государства формѣ землевладѣнія, сибирская печать оцѣнила сообщаемое намѣреніе проекта съ точки зрѣнія его осуществимости.

Если министерство государственныхъ имуществъ проектируетъ насаждать на казенныхъ земляхъ Сибири крупное и среднее землевладѣніе, то оно, разумѣется, исходитъ изъ предположенія, что собственники земель будутъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ; иначе такая мѣра имѣла бы результатомъ или крайне нежелательную спекуляцію землей, или оставленіе

земли невоздѣланною. Спекуляція выразилась бы въ двухъ видахъ: одни собственники занялись бы перепродажей земли нуждающемуся въ ней мѣстному сельскому населенію; другіе, смотря по обстоятельствамъ, нашли бы болѣе выгоднымъ спекулировать землею въ формѣ сдаванія ея крестьянамъ въ аренду. Въ результатѣ же, во всякомъ случаѣ, оказалось бы, что людьми, ведущими сельско-хозяйственный промыселъ, явились бы лишь крестьяне, а собственники крупныхъ и среднихъ участковъ получали бы аренды или земли ихъ оставались бы пустующими. При настоящихъ условіяхъ, когда земли въ Сибири еще очень много, когда правительство сознало необходимость организаціи переселенія массы крестьянскаго населенія изъ Европейской Россіи за Уралъ и вступило уже на этотъ путь, второй результатъ, то-есть пустованіе частной земли еще на много, много лѣтъ будетъ явленіемъ наиболѣе обычнымъ.

Вотъ именно эту мысль о безплодности попытокъ развить въ Сибири, при современныхъ условіяхъ края, крупное и среднее сельское хозяйство старается выяснить сибирская печать. *Восточное Обозрѣніе* дѣлаетъ, при этомъ, весьма интересную историческую справку. Оно указываетъ, что попытки ввести въ Сибири крупное частное землевладѣніе дѣлались уже не разъ и все безуспѣшно. Земли издавна отводились во владѣніе служилымъ людямъ въ награду за долговременную службу, но въ рукахъ ихъ какъ-то не удерживались. Въ шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія дворяне Самойловы пытались оттягать отъ казны огромную полосу земли въ Енисейской губерніи, принадлежавшую когда-то ихъ предку и заброшенную его потомками. Наслѣдники Самойловы дѣйствительно доказали свои права на дачу въ полсотни тысячъ десятинъ, находящуюся въ Каинскомъ округѣ и облегающую с. Христорождественское. Земли ихъ, однако, лежатъ впустѣ и по условію съ крестьянами владѣльцы получаютъ нынѣ за свое огромное помѣстье немного болѣе 100 рублей ежегоднаго дохода. Съ введеніемъ сибирскаго учрежденія 1822 г. отводъ чиновникамъ земель въ награду за службу обратился въ систему. Едва ли не первому, на основаніи этого учрежденія, было пожаловано 1,000 десятинъ земли иркутскому землемѣру Лосеву. Земля эта переходила изъ рукъ въ руки и оставалась безъ употребленія или служила только для дроворуба; теперь она принадлежитъ одному изъ иркутскихъ купцовъ и на ней, кромѣ рубки дровъ, тоже ничего не дѣлается. Въ шестидесятыхъ годахъ обширные участки земли въ Западной Сибири были пожалованы нѣсколькимъ крупнымъ чиновникамъ Восточной Сибири. Новые владѣльцы поспѣшили обратить пожалованныя имъ земли въ деньги или отдать ихъ въ аренду крестьянамъ, а наслѣдникъ одного изъ крупныхъ участковъ, оставшагося безъ всякаго употребленія, недавно пожертвовалъ его въ пользу переселенцевъ. Въ 1870 г., при преобразованіи иркутскаго и енисейскаго конныхъ казачьихъ полковъ, офицерамъ этихъ полковъ былъ отданъ въ собственность земельный надѣлъ, которымъ они пользовались въ бывшихъ казачьихъ земляхъ; изъ всѣхъ этихъ офицеровъ только одинъ занялся на своей землѣ (близъ с. Ка-

ратузъ) хлѣбопашествомъ, остальные забросили свои земли. Въ шестидесятыхъ годахъ въ Западной Сибири была введена продажа казенныхъ земель въ частныя руки, участками въ 80—100 десятинъ. Изъ нихъ нѣкоторые смежные участки были проданы въ однѣ руки и, такимъ образомъ, составляли крупныя земельныя единицы. По имѣющимся свѣдѣніямъ, земли эти также большею частью не оставались въ непосредственной обработкѣ пріобрѣвшихъ ихъ отдѣльныхъ владѣльцевъ; онѣ были или проданы, или отданы въ аренду крестьянамъ, или заброшены.

Такимъ образомъ,—замѣчаетъ газета,—крупное и среднее сельское хозяйство, несмотря на довольно упорныя, частью безсознательныя, частью вполнѣ сознательныя попытки ввести его почти вовсе не привилось въ Сибири. Причина этому заключается въ недостаткѣ рабочихъ рукъ. Сибирскому крестьянину некогда заниматься лѣтомъ чужою работой,—онъ едва успѣваетъ управляться и съ собственною. Кромѣ того, сельское населеніе Сибири, сравнительно, такъ еще малочисленно, что не нуждается въ выдѣленіи изъ своей среды наемныхъ работниковъ. Такимъ образомъ, землевладѣлецъ, который вздумалъ бы заниматься въ Сибири сельскимъ хозяйствомъ, рискуетъ заниматься имъ одинъ, со своею семьей, а такой способъ хозяйства несовмѣстимъ съ понятіемъ о крупномъ сельскомъ хозяйствѣ.

Въ виду безплодности попытокъ насадить въ Сибири крупное и среднее сельское хозяйство, *Восточное Обозрѣніе* отказывается вѣрить въ основательность газетныхъ сообщеній, будто въ программу мѣръ по колонизаціи Сибири предполагается ввести и образованіе тамъ крупнаго помѣщичьяго хозяйства. Еще болѣе страннымъ представляется почтенному сибирскому органу газетное извѣстіе о томъ, что слухъ о возможности пріобрѣтать, въ настоящее время, за дешевую цѣну очень хорошія пустынныя земли Южной Сибири, прилегающія къ будущей сибирской желѣзной дорогѣ, настолько укрѣпился, что многіе землевладѣльцы дѣлаютъ уже попытки къ пріобрѣтенію этихъ земель съ цѣлью колонизаціи ихъ. Но такая колонизація,—справедливо замѣчаетъ цитируемый нами органъ,—есть ничто иное, какъ желаніе водворить на своей землѣ переселенцевъ за извѣстный оброкъ и тѣмъ обратить ихъ въ вѣчныхъ данниковъ, то-есть создать закрѣпленіе крестьянъ землевладѣльцамъ на почвѣ экономическихъ отношеній.

Такія попытки едва ли можетъ одобрить кто-либо, кромѣ лицъ заинтересованныхъ непосредственно. Въ то же время продажа крупныхъ участковъ земли въ частныя руки отняла бы у государства, или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабила бы для него возможность надѣлить землями переселенцевъ, т.-е. такой элементъ, который стоитъ ближе къ землѣ и для котораго земля—насущная потребность. Наконецъ, эта мѣра шла бы въ разрѣзъ и съ заявленнымъ уже намѣреніемъ правительства—содѣйствовать крестьянскому переселенію въ Сибирь. Для такого содѣйствія нужно сохранить землю для крестьянъ, а не отдавать ее въ частныя руки.

Насажденіе на казенныхъ сибирскихъ земляхъ помѣщичьяго землевладѣнія было бы равносильно отказу отъ тѣхъ прекрасныхъ основаній о-

лоніальной политики, которыя выражены въ законѣ отъ 15 іюня 1882 года по поводу колонизаціи свободныхъ башкирскихъ земель. Такой земли очень много; въ предѣлахъ, напримѣръ, одной Уфимской губерніи ее считается до 2.000,000 десятинъ. Основное положеніе этого закона заключается въ томъ, что свободныя башкирскія земли служатъ неприкосновеннымъ фондомъ для обезпеченія крестьянъ-переселенцевъ. Сами башкиры-вотчинники могутъ продавать свои внѣнадѣльныя земли только въ казну или крестьянскимъ обществамъ, безъ производства публичныхъ торговъ, по непосредственному соглашенію продавцовъ съ покупщиками, причемъ правомъ покупки пользуются какъ существующія уже сельскія общества, такъ и вновь образующіяся. Въ приведенныхъ здѣсь положеніяхъ закона начертана ясная и простая программа колонизаціи края. Основной смыслъ этой программы—предоставленіе казенной земли въ пользованіе единственно крестьянамъ всѣхъ разрядовъ и мѣщанамъ-земледѣльцамъ, которые отличаются отъ крестьянъ лишь по имени. Такой порядокъ колонизаціи края есть вѣрнѣйшій путь къ развитію его въ культурномъ и промышленномъ отношеніи.

Не болѣе какъ полтора года назадъ, правительство вновь подтвердило, что оно ненамѣрено отступать отъ того характера колонизаціонной политики, который выразился въ вышеуказанномъ законѣ 1882 года. Подтвержденіе было вызвано ходатайствомъ уфимскаго губернскаго присутствія. Учрежденіе это ходатайствовало о томъ, чтобы дѣйствующія правила 15 іюня 1882 года о порядкѣ продажи свободныхъ башкирскихъ земель были измѣнены въ смыслѣ предоставленія права покупки ихъ не однимъ только сельскимъ обществамъ и казнѣ, но и отдѣльнымъ лицамъ; причемъ оно находило возможнымъ отчужденіе въ однѣ руки до 2,000 десятинъ. Уфимское земство не соглашалось на уступки въ частную собственность такихъ обширныхъ земельныхъ участковъ и предлагало, въ свою очередь, ограничить отчужденіе 100 десятинами. Оба эти предложенія были отвергнуты министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, какъ не согласныя съ государственной идеей о правильной колонизаціонной политикѣ, выразившейся въ законѣ 1882 года.

Лучшая часть нашей печати, выражая полное свое сочувствіе закону 1882 года, желала бы лишь одного дополненія къ нему, а именно—яснаго формулированія, что право собственности на колонизуемыя земли государство сохраняетъ за собою, а крестьяне получаютъ землю, за извѣстную плату, лишь въ постоянное пользованіе. Печать разъясняла, что въ интересахъ казны и въ интересахъ самихъ крестьянъ цѣлесообразнѣе избавить послѣднихъ какъ отъ единовременныхъ крупныхъ затратъ на покупку земли, такъ и отъ выкупныхъ платежей. Расходы перваго рода по силамъ переселенцамъ лишь въ очень рѣдкихъ, если не исключительныхъ, случаяхъ; выкупъ же въ разсрочку, даже на самыхъ льготныхъ условіяхъ, несомнѣнно обременителенъ для только что основывающагося хозяйства; извѣстно, что онъ часто превышаетъ платежныя средства крестьянъ и на

старыхъ мѣстахъ поселенія. Стало быть, при сохраненіи собственности на колонизуемыя земли за казною, положеніе крестьянъ значительно облегчается, но вмѣстѣ съ тѣмъ выигрываетъ и государство, всѣ пожертвованія котораго при отказѣ отъ выкупной сдѣлки, если только можно говорить о пожертвованіяхъ въ данномъ случаѣ, сторицей окупятся при созданіи въ заселяемомъ краѣ прочнаго крестьянскаго хозяйства.

Законъ 1882 года дѣйствуетъ пока только въ примѣненіи къ башкирскимъ землямъ; другія окраины Имперіи ждутъ еще для себя колонизаціонныхъ законовъ. Между тѣмъ, генералъ-губернаторамъ окраинъ приходится уже теперь давать землѣ то или другое назначеніе, вводить тѣ или иные порядки землевладѣнія. Распоряжаясь землею по временнымъ инструкціямъ, генералъ-губернаторы подготовляютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, законодательные проекты о порядкахъ землевладѣнія въ завѣдуемыхъ ими областяхъ. Проекты заключаютъ въ себѣ много случайнаго, мало-обоснованнаго. Симпатіи одного генералъ-губернатора склоняются къ общинному землевладѣнію, другого—къ частному; одинъ хозяинъ области сочувствуетъ развитію мелкаго крестьянскаго землепользованія, другой стремится къ насажденію крупной и средней земельной собственности. Даже такой просвѣщенный, вдумчивый администраторъ, какъ покойный пріамурскій генералъ-губернаторъ баронъ Корфъ—и онъ не выработалъ себѣ строго-обоснованнаго, научно-провѣреннаго воззрѣнія на экономическое и культурное значеніе различныхъ видовъ землевладѣнія. Имѣя по этому предмету лишь мнѣніе, а не убѣжденіе, онъ безъ особыхъ усилій отказывался сегодня отъ того, что еще вчера считалъ правильнымъ. Предъ нами лежатъ *Труды III хабаровскаго съѣзда*, созваннаго барономъ Корфомъ осенью 1892 года. Среди многихъ вопросовъ, предложенныхъ съѣзду, обсуждался также вопросъ объ организаціи въ краѣ землевладѣнія. По этому предмету баронъ Корфъ въ своей вступительной рѣчи сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «не слѣдуетъ упускать изъ виду необходимую осторожность въ раздачѣ земли, чтобы не раздать ея лицамъ, у которыхъ она будетъ лежать втунѣ, чтобы не обдѣлить хорошею землей переселенцевъ и чтобы, наконецъ, не развить спекуляцію съ дешево пріобрѣтенною отъ казны землею. Какъ бережливо продавалась земля въ собственность, видно изъ того, что на одного собственника приходится въ Амурской области 107 десятинъ». Отдѣленіе съѣзда, разрабатывавшее вопросъ о землевладѣніи въ краѣ, высказалось за «возможно облегченный переходъ земли въ частную собственность» и за предоставленіе частнымъ лицамъ права покупать земельные участки размѣрами въ 1,000 десятинъ. Баронъ Корфъ безъ всякихъ возраженій согласился съ этимъ предложеніемъ. По вопросу объ общинномъ землевладѣніи онъ прямо заявилъ, что не имѣетъ яснаго представленія о томъ, что выгоднѣе—община или частная собственность, а потому признаетъ полезнымъ раздавать землю поселенцамъ и въ общинную, и въ частную собственность, какъ кто пожелаетъ. Всѣ эти мѣры идутъ въ разрѣзъ съ той государственной идеей о правильной колонизаціонной политикѣ, ко-

рая положена въ основу закона 15 іюня 1882 года. Щедрая раздача земли въ частную собственность сокращаетъ государственный земельный фондъ, ослабляетъ тотъ рессурсъ, который представляетъ собою могучее средство для устраненія соціальныхъ недуговъ страны не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ.

Сибирская печать, защищая положеніе, что истинно-государственная политика по колонизаціи Сибири должна быть направлена на поднятіе благосостоянія бѣднѣйшихъ классовъ русскаго народа, настаиваетъ при этомъ, что этимъ самымъ она вовсе не предлагаетъ преградить доступъ къ сибирской землѣ некрестьянамъ. «Мы не видимъ причинъ,—говоритъ *Сибирскій Листокъ*,—почему лица образованныхъ классовъ общества не могли бы осѣдать на землѣ, какъ члены сельскихъ обществъ. Участіе въ переселеніяхъ образованныхъ людей можетъ доставить новоселамъ очень большія выгоды, хотя бы даже тѣмъ, что сейчасъ же, на первыхъ порахъ, въ ихъ средѣ есть образованный человѣкъ, который можетъ по зимамъ и учить дѣтей грамотѣ, и незамѣтно оказывать культурное вліяніе на всѣхъ поселенцевъ. Къ движенію интеллигенціи на землю многіе относились отрицательно лишь потому, что оно, подъ вліяніемъ разныхъ ученій, принимало иногда уродливыя формы, вырождалось въ стремленіе «опроститься», отречься отъ своей интеллигентности, спасти душу уподобленіемъ мужику. Но это—лишь уродливыя отклоненія отъ стремленія въ сущности здороваго и жизненнаго, стремленія—войти въ общеніе съ крестьянскимъ міромъ и подѣлиться съ нимъ своими знаніями. Если люди, желающіе сѣсть на землю, имѣются, то о цѣлесообразности колонизаціи ими Сибири не можетъ быть и рѣчи. Развѣ мало писалось и говорилось о недостаткѣ среди сибирскихъ земледѣльцевъ интеллигентныхъ людей? Развѣ не сотни разъ повторялось, что экономическая жизнь Сибири страдаетъ отъ недостатка образованныхъ и благожелательныхъ къ народу людей? А потому, всѣмъ лицамъ, которыя желали бы сѣсть на землѣ, независимо отъ ихъ званія и общественнаго положенія, нужно предоставить въ Сибири такія же условія, какъ и переселенцамъ изъ крестьянъ. Одни приписывались бы въ существующія уже общества старожиловъ, другіе шли бы съ переселенцами изъ крестьянъ для образованія новыхъ поселковъ, третьи образовывали бы поселки съ преобладаніемъ интеллигенціи и на правѣ общиннаго землевладѣнія».

Съ проведеніемъ великаго желѣзнаго пути черезъ Сибирь, съ введеніемъ тамъ новыхъ судебныхъ учрежденій, улучшится, надо полагать, положеніе сибирской печати, работа которой еще болѣе обильна терніями, и жели всей остальной провинціальной прессы. Авторъ прекрасныхъ фельетонъ «Чѣмъ мы живы» въ *Сибирскомъ Вѣстникѣ* посвятилъ одинъ изъ нихъ воспоминаніямъ о тернистомъ пути сибирской печати и о достигнутыхъ ею, несмотря на это, значительныхъ результатахъ. «Сколько покойниковъ и, право, все почтенныхъ,—вспоминаетъ авторъ,—лежитъ уже

на этомъ сравнительно короткомъ, пути: *Амуръ, Сибирь, Сибирская газета* давно не существуютъ». Между тѣмъ большую общественную службу исполнили они; въ исторіи сибирской культуры они оставили по себѣ плодотворное наслѣдство. Въ Сибири въ настоящее время существуютъ слѣдующіе органы: во Владивостокѣ, *Дальній Востокъ*, *Владивостокъ*, въ Иркутскѣ—*Восточное Обозрѣніе*, въ Красноярскѣ—*Енисейскій Листокъ*, въ Томскѣ—*Сибирскій Вѣстникъ*, въ Омскѣ—*Степной Листокъ*, въ Тобольскѣ—*Сибирскій Листокъ*, въ Екатеринбургѣ—*Екатеринбургская Недѣля* и *Дѣловой Корреспондентъ*. У всѣхъ этихъ газетъ едва ли наберется 10,000 читателей; но если принять во вниманіе, что еще десять лѣтъ тому назадъ двѣ существовавшія тогда газеты—въ Иркутскѣ *Сибирь* и въ Томскѣ *Сибирская Газета* — обѣ вмѣстѣ имѣли лишь 2,000 подписчиковъ, то несомнѣнно, что надобность въ чтеніи, даже такого малонаселеннаго края, какъ Сибирь, увеличилась въ пять разъ и, конечно, въ этомъ заслуга всецѣло принадлежитъ опять бывшей и нынѣшней сибирской прессѣ.

Если Сибирь и теперь — страна произвола, расхищенія, самоуправства и насилія, то нужно себѣ представить, что же было десять лѣтъ назадъ; никакая власть не позволитъ открывать свои собственные грѣхи, а принимая во вниманіе, что вся сибирская печать подцензурная, то легко ли было этой печати считаться съ общественнымъ зломъ, съ необходимостью его обезоруженія и съ исключительными требованіями властей. Между тѣмъ, если у кого станетъ досуга просмотрѣть какой-либо изъ сибирскихъ органовъ за нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, тотъ сейчасъ вынесетъ впечатлѣніе, какая масса общественнаго зла обнаружена сибирскою печатью. А извѣстно, что явная болѣзнь есть уже половина зла, если не четверть. Прямое, мужественное оглашеніе въ печати нашихъ сибирскихъ горестей повело къ тому, что явился страхъ предъ общественнымъ мнѣніемъ, а за этимъ послѣдовала большая осторожность въ дѣяніяхъ и уменьшеніе, такъ сказать, напряженности злоупотребленій. Всякій куроцапъ-самоуправецъ началъ бояться не только ока грознаго начальства, но и этихъ «корришпондентовъ», которые постепенно заводились, а теперь завелись вездѣ, даже и на самыхъ дальнихъ углахъ сибирской тайги. Не всегда безукоризненъ этотъ корреспондентъ и донынѣ, а прежде, вѣроятно, былъ хуже, но въ общемъ этотъ корреспондентъ сыгралъ значительную культурную миссію въ сибирской жизни. Туго прививалось сознаніе роли газетъ въ нашей жизни, но, все-таки, оно привилось, и съ мѣстными газетами приходится считаться такимъ людямъ и положеніямъ, которые прежде, да и теперь, изверга[illegible] лишь громы и молніи. Да, съ этою бумагой, испещренной типографскими красками, приходится до извѣстной степени считаться. Если [illegible] такое положеніе попадались лица, стоящія на верхушкахъ сибирскихъ с[illegible]пеней, то что же должны были испытывать стоявшіе ниже.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, важно отмѣтить, что никакіе матеріальные интересы [illegible] лежали въ причинахъ основанія органовъ сибирской печати. Даже и [illegible]

нынѣшнее время ни одинъ изъ вышеуказанныхъ сибирскихъ органовъ не представляетъ изъ себя лакомаго кусочка, а является до сихъ поръ тернистымъ вѣнкомъ, который носятъ люди лишь по убѣжденію въ необходимости принести жертву во имя общаго идейнаго дѣла.

Распространеніе провинціальной печати не только въ Сибири, но и въ Европейской Россіи есть явленіе совершенно новое. Еще не такъ давно провинція знала только оффиціальныя *Губернскія Вѣдомости*. Теперь же, по-крайней мѣрѣ, въ 60 городахъ издаются частныя газеты. Какъ ни стѣснена эта пресса, все-таки, она представляетъ собою не малый контроль надъ явленіями мѣстной жизни. Неудивительно, поэтому, что администраторы относятся обыкновенно къ прессѣ какъ къ непріятному, безпокойному элементу, обнаруживающему нерѣдко, что въ управляемомъ ими районѣ далеко не все «обстоитъ благополучно». Но духъ времени беретъ свое, и вотъ въ послѣднее время чаще и чаще высшая мѣстная администрація начинаетъ понимать и признавать важное значеніе провинціальвой печати, какъ органа общественнаго контроля. Мы имѣли уже случай привести взглядъ пермскаго губернатора П. Г. Погодина на значеніе мѣстной печати. Принимая редактора газеты *Екатеринбургская Недѣля*, губернаторъ заявилъ ему, что онъ другъ печати и не желаетъ, чтобы она замалчивала печальныя явленія нашей общественной жизни. Не надо только ихъ раздувать и злорадствовать по поводу нихъ. «Пресса,— сказалъ, между прочимъ, г. губернаторъ,—необходима; она не мало оказала услугъ отечеству, раскрывая то зло, которое, не будучи отмѣчено, въ тишинѣ дѣлало бы свое вредное дѣло». Почти то же самое высказалъ новый приамурскій генералъ-губернаторъ С. М. Духовской при пріемѣ редакторовъ двухъ мѣстныхъ газетъ. «При представленіи редакторовъ двухъ мѣстныхъ газетъ, — читаемъ въ газетѣ *Владивостокъ*, — начальникъ края, отмѣчая серьезное значеніе и роль мѣстной прессы въ дѣлѣ выясненія нуждъ окраины и выдвигая при этомъ необходимость со стороны печати держаться спокойно объективнаго обсужденія вопросовъ, высказалъ свои симпатіи къ задачамъ, преслѣдуемымъ прессою, и удовольствіе, что край, въ Владивостокѣ, имѣлъ возможность выставить уже два органа гласности, за которыми онъ слѣдитъ съ интересомъ и благодаря которымъ онъ пріобрѣлъ уже нѣкоторое предварительное знакомство съ жизнью окраины». Еще болѣе обращаетъ на себя вниманіе письмо бывшаго саратовскаго губернатора, нынѣ корпуснаго командира А. И. Косича, присланное издателю *Саратовскаго Листка* И. П. Горизонтову, по поводу его двадцатилѣтняго литературнаго юбилея. Въ этомъ письмѣ имѣются слѣдующія строки: «Провинціальная печать находится въ неблагопріятныхъ условіяхъ, но саратовская пресса завоевала себѣ весьма почтенное положеніе. Будучи губернаторомъ, я слѣдилъ за нею съ большимъ вниманіемъ, и саратовская печать для меня была очень полезна. И теперь я слѣжу по ней съ особымъ интересомъ за жизнью саратовскаго края. Можно смѣло сказать, что, не выписывая столичной газеты, саратовскій читатель можетъ не отставать отъ жизненныхъ вопросовъ.

освѣщенныхъ, притомъ, не фальшивымъ огнемъ, а честнымъ и разумнымъ свѣточемъ.

«Нигдѣ болѣе, какъ здѣсь, въ Сѣверо-Западномъ краѣ, яснѣе не видно, какой страшный вредъ приноситъ странѣ недостатокъ полнаго мѣстнаго органа. Сколько преступленій не предупреждается; сколько богатствъ погибло въ краѣ за послѣднія 30 лѣтъ; милліоны десятинъ лѣса ушли отсюда за безцѣнокъ, самымъ хищническимъ образомъ, въ прямой ущербъ государства»... *(Саратовскій Листокъ)*.

Можетъ быть, благодаря допущенной новымъ приамурскимъ генералъ-губернаторомъ бо́льшей свободы печати, газета *Владивостокъ* подняла, наконецъ, завѣсу съ страшнаго, поистинѣ, «онорскаго дѣла». На происходившемъ въ прошломъ году въ Петербургѣ тюремномъ конгрессѣ были высказаны самыя гуманныя начала относительно ссыльно-каторжныхъ и другихъ преступниковъ, отбывающихъ наказаніе въ той или другой формѣ. Всякій, присутствовавшій на засѣданіяхъ конгресса, умилялся душою, слушая вдохновенныхъ ораторовъ. А, между тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ происходитъ на каторгѣ, показываетъ такъ называемое онорское дѣло, о которомъ вотъ что разсказывается теперь въ газетѣ *Владивостокъ:*

«Факты дѣла говорятъ сами за себя помимо слѣдствія и ихъ не замолчишь и не скроешь. Масса случаевъ членовредительства, отрубанія рукъ и пальцевъ, случаи людоѣдства для удовлетворенія голода и спеціально ради того, чтобы чрезъ убійство и людоѣдство избавиться отъ онорскихъ работъ, случаи, когда нѣсколько человѣкъ ссыльно-каторжныхъ оспаривали предъ начальствомъ право назваться убійцей своего товарища, опять-таки для того, чтобы принятіемъ на себя преступленія избавиться отъ тѣхъ же работъ,—все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что на онорскихъ работахъ происходило что-то необычайное. Доставленіе въ продолженіе всего лѣта 1892 года въ селеніе Рыковское съ Онора обезображенныхъ труповъ ссыльно-каторжныхъ, съ слѣдами побоевъ, такъ дѣйствовало, какъ передаютъ, на нервы нѣкоторыхъ еще не осахалинившихся дамъ, что онѣ плакали. Трупы же эти, между тѣмъ, подъ сурдинку хоронились и все оставалось шито и крыто».

Въ дополненіе къ этому проф. Красновъ разсказывалъ о порядкахъ на Онорѣ слѣдующее. Не далѣе, «какъ въ нынѣшнемъ году, при проведеніи дороги на село Оноръ, обнаружены были вопіющія злоупотребленія безграмотнаго надзирателя, которому было поручено веденіе дорожныхъ работъ, какъ человѣку, хорошо знающему дорогу. Система дѣйствія этого человѣка состояла въ томъ, что всѣхъ запоздавшихъ съ работой онъ са жалъ на слѣдующій день на половинное и даже на третное продовольствіе Когда же рабочій, изнуренный истинно каторжнымъ трудомъ, падалъ от изнуренія, онъ его просто пристрѣливалъ, какъ собаку, и хоронилъ без медицинскаго освидѣтельствованія, давая свои собственныя опредѣленія бо лѣзни». И этотъ завѣдомый истязатель былъ представленъ мѣстнымъ на чальствомъ къ наградѣ!

А похожденія четы Саратовцевыхъ развѣ не представляются не менѣе невозможными въ сколько-нибудь благоустроенномъ гражданскомъ быту? Читатель, разумѣется, помнитъ это дѣло, которое недавно окончилось приговоромъ окружнаго суда, сославшимъ бывшаго полицеймейстера города Уральска въ Сибирь, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, за разныя преступленія по должности. Вмѣстѣ съ полицеймейстеромъ къ отвѣтственности была привлечена и его супруга, которая увеличивала доходы своего мужа разными средствами: забирала, наприм., въ магазинахъ, никогда не платя денегъ, лично содержала трактиръ и даже публичный домъ. Только мелкая ссора вывела наружу всѣ эти некрасивые поступки, а до тѣхъ поръ мѣстное общество, зная всю подноготную о дѣятельности полицеймейстера и его супруги, не переставало терпѣть этихъ грязныхъ хищниковъ.

Останавливаясь на этомъ фактѣ, *Недѣля* дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній, весьма справедливыхъ и какъ разъ относящихся къ предмету нашей рѣчи.

Тяжела нравственная отвѣтственность общества, — говоритъ газета, — допускающаго многіе годы такія дѣянія. Но нельзя слишкомъ карать это захолустное общество. Есть нѣчто, дающее ему право на снисхожденіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ Уральскѣ не только знали, но и говорили о подвигахъ полицеймейстерши, и, конечно, возмущались—не всѣ, но очень многіе. Возмущались долгіе годы, но изъ этого ровно ничего не выходило. Въ городѣ недоставало открытой, публичной гласности, а была только скрытая, подпольная, можетъ быть, и не доходившая до ушей лицъ, имѣющихъ власть выше полицеймейстера. А, можетъ быть, и доходила, но кто же придаетъ значеніе разрозненнымъ, темнымъ слухамъ, неизвѣстно откуда идущимъ, безотвѣтственнымъ? Подпольная гласность пополамъ съ правдой часто проникнута клеветой и злословіемъ,—ее не уважаютъ и ей не вѣрятъ. Другой же гласности, публичной и документальной, не было въ Уральскѣ, и приходилось ждать, пока зло назрѣетъ до такой степени, что само о себѣ возопіетъ или пока «ничтожный случай» не разстроитъ его козней. Является судъ, въ качествѣ послѣдней капли, переполнившей сосудъ; на судѣ «порокъ» является не въ видѣ «предупрежденнаго и пресѣченнаго» преступленія, а въ видѣ вполнѣ созрѣвшаго зла. Да и это далеко не всегда, а лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда у героевъ подобныхъ исторій, что называется, «сорвется».

Чтобы добиться правды въ подобныхъ случаяхъ, — заключаетъ газета, — необходимо побольше гласности. Вѣдь, тотъ же самый корреспондентъ, который теперь, *послѣ суда*, безъ большой пользы описываетъ эту исторію, могъ бы написать корреспонденцію *до суда*, за многіе годы до того, когда лишь начиналась дѣятельность Саратовцевыхъ, и эта корреспонденція, обративъ на нихъ вниманіе кого слѣдуетъ, убила бы взяточниковъ въ зародышѣ. Но развѣ возможно, чтобы такая корреспонденція появилась *до суда* не только въ провинціальной, но даже и въ столичной газетѣ? Ни одна редакція ее не напечатаетъ изъ страха извѣстной 1039 статьи, изъ страха воздѣйствій, не укладывающихся ни въ какія статьи.

Вѣдь, еще на-дняхъ въ одномъ большомъ городѣ, по частной жалобѣ на газетную статью, появившуюся въ *подцензурной* газетѣ, редакторъ получилъ «строгое внушеніе» отъ мѣстной власти, а авторъ статьи, хотя и пропущенной цензурою, долженъ былъ выѣхать изъ города. Еще на-дняхъ редакторъ *Гражданина*,—газеты, кажется, ужь достаточно «благонамѣренной»,—былъ привлеченъ къ суду и приговоренъ палатою къ тюрьмѣ за диффамацію, и хотя дѣянія лица, оскорбленнаго «диффамаціей», оказались дѣйствительно вопіющими, только въ сенатѣ и не безъ большихъ усилій ему удалось оправдаться...

Похожденія четы Саратовцевыхъ были возможны не только по причинѣ неподобающаго положенія печати, но также и потому, что наши общественные порядки не могли воспитать въ обывателяхъ сознанія, что они могутъ во всѣхъ случаяхъ защищать свои права и настоять на обезпеченіи ихъ. Кто, скажутъ, мѣшалъ тому, чтобы нѣсколько гражданъ явилось къ высшей мѣстной администаціи и заявило ей о противузаконныхъ дѣйствіяхъ полицеймейстера, а, въ случаѣ невниманія къ заявленію мѣстной власти, эти лица не могли развѣ отправиться въ Петербургъ и сдѣлать дѣйствія полицеймейстера извѣстны и высшему правительству? Да, повидимому, дѣло очень простое, а вотъ, подите, почему-то оно рѣдко въ дѣйствительности осуществляется. И это потому, что обыватель не только не увѣренъ, что ему удастся настоять на защитѣ своего права, а еще побаивается, какъ бы изъ его домогательствъ не вышло для него какихъ-либо непріятныхъ послѣдствій. Можетъ быть, обыватель и ошибается; весьма вѣроятно, что онъ нерѣдко успѣетъ достигнуть защиты своего права, если будетъ дѣйствовать энергично, но нельзя не признать, что пассивное отношеніе къ нарушенію его правъ воспитано въ немъ всею исторіей нашей общественности.

Если похожденія уральскаго полицеймейстера и его супруги, по своей исключительности, выходятъ изъ ряда вонъ, то совсѣмъ другой характеръ представляетъ разбиравшееся недавно въ Елабугѣ, безъ участія присяжныхъ, дѣло о задавленномъ крестьянинѣ. Дѣло это самое обычное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень характерное для нашихъ провинціальныхъ нравовъ.

Въ селѣ Граховѣ, Елабужскаго уѣзда, проживалъ мѣстный земскій начальникъ (бывшій исправникъ), отставной штабсъ-ротмистръ Леонидъ Маньковскій. Въ четвергъ на масляной недѣлѣ (4 февраля 1893 года) въ это село пріѣхалъ управляющій сосѣдняго имѣнія сенатора Шамшина, Константинъ Кафтанниковъ, знакомый Маньковскаго. Маньковскій, носившійся по селу на своей тройкѣ породистыхъ лошадей, узнавъ о пріѣздѣ Кафтанникова, пригласилъ его въ свои сани, и пріятели отправились въ гости . мѣстному діакону Курочкину. Въ гостяхъ просидѣли часа четыре, а : тѣмъ, по предложенію Маньковскаго, всѣ трое отправились кататься селу. Изъ квартиры діакона пріятели вышли, какъ выразился на су одинъ изъ свидѣтелей, «въ веселомъ духѣ», усѣлись въ широкія сани (і шовка), и тройка покатила по самой людной улицѣ, наполненной въ время гуляющимъ и катающимся народомъ. Кучеромъ былъ служившій

Маньковскаго татаринъ Габибулла. Съ самаго начала скачки Маньковскій приказалъ кучеру гнать лошадей во всю прыть. На замѣчаніе кучера, что въ такое время немудрено кого-нибудь и задавить, Маньковскій закричалъ на него: «Не твое дѣло, сякой-такой!... Гони въ мою голову! Я отвѣчаю!» И затѣмъ, вскакивая съ мѣста, онъ не разъ зычно кричалъ на лошадей и даже настегивалъ ихъ кнутомъ, вырвавъ его изъ рукъ кучера. Лошади понесли. Въ концѣ улицы, когда компанія уже выѣзжала изъ села, тройка нагнала сани крестьянина Зяблицкаго, къ задкамъ которыхъ мальчикъ Саша Граховъ привязалъ свои салазки и ѣхалъ на нихъ. Пристяжная Маньковскаго ударила мальчика ногою и онъ слетѣлъ съ салазокъ и откатился въ сторону, отдѣлавшись незначительными синяками и испугомъ; та же лошадь наскочила потомъ на сани Зяблицкаго и такъ ударила ихъ, что онѣ махнули въ сторону, а перепуганный мужикъ сталъ кричать благимъ матомъ: «Что вы дѣлаете, господа?... Живыхъ людей давите!» Проѣхавъ все село и часть поля, тройка повернула обратно и помчалась съ тою же бѣшеною скоростью. Тутъ и вышла бѣда.

Впереди тройки, по тому же направленію, шелъ по селу крестьянинъ Николай Граховъ (старикъ), и тройка смяла его. Коренная ударила Николая Грахова оглоблей, свалила съ ногъ и подмяла подъ сани, подъ которыми тройка и протащила его сажени двѣ, пока сани не соскочили съ него. Разскакавшаяся тройка помчалась еще скорѣе, и при въѣздѣ къ Курочкину во дровъ не могла даже попасть въ ворота; коренная ударилась оглоблями въ верею, и только послѣ большихъ усилій тройку ввели во дворъ. Между тѣмъ, сбитый съ ногъ и изуродованный Николай Граховъ лежалъ на улицѣ безъ всякихъ признаковъ жизни. Сбѣжался народъ, пошли разговоры, поднялись крики и ропотъ. Стали обсуждать мѣры къ оживленію старика и, по совѣту подошедшаго фельдшера, перенесли его въ больницу, гдѣ онъ хотя и очнулся, но уже съ окончательно-парализованными руками и ногами, а черезъ три дня послѣ того умеръ.

На скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ только кучеръ Маньковскаго Габибулла, обвинявшійся въ «неосмотрительности», послѣдствіемъ которой была смерть человѣка. Защитника у подсудимаго не было (такъ какъ на весь округъ сарапульскаго суда имѣется одинъ только присяжный повѣренный, живущій въ Сарапулѣ, и онъ, конечно, на сессіи не выѣзжаетъ). Въ качествѣ свидѣтелей на судъ вызваны были: 9 крестьянъ, управляющій Шамшинскаго имѣнія Кафтанниковъ (одинъ изъ катавшихся на тройкѣ) и потерпѣвшая Прасковья Грахова, жена убитаго. Ни Курочкинъ (діаконъ), ни же Маньковскій, т.-е. ближайшіе свидѣтели и участники дѣла, прокурорскою властью не были вызваны. Маньковскій, тотчасъ же послѣ «неосмотрительности» его кучера, переведенъ былъ земскимъ начальникомъ въ жевскій заводъ, Сарапульскаго уѣзда. Потерпѣвшая ничего не искала и потому ничего не получила,—да и что взять съ татарина? А самъ обвиняемый Габибулла присужденъ былъ къ церковному покаянію и къ аресту и полиціи на три недѣли (*Недѣля*).

Читая это дѣло, нельзя не испытать рядъ тяжелыхъ ощущеній. Говорить объ этомъ дѣлѣ надо или много, или ничего. Можетъ быть, мы будемъ и не правы, но мы выбираемъ послѣднее.

Евангеліе учитъ: «возлюби ближняго, какъ самого себя». Но это такой высокій идеалъ, что мы даже какъ бы отказываемся отъ мысли и приближаться къ нему. Хотя мы и считаемъ себя христіанами, но куда намъ до исполненія евангельскаго ученія! Было бы большимъ благополучіемъ уже и то, если бы мы научились уважать хотя бы только юридическія права другихъ. Отсутствіе таковаго уваженія, пренебреженіе правомъ другого составляетъ традиціонное наше свойство. Въ газетѣ *Волынь* напечатанъ полный глубокаго интереса циркуляръ г. волынскаго губернатора на имя исправниковъ, посредниковъ и полицеймейстера. Циркуляръ этотъ яркими красками рисуетъ отношеніе къ населенію уѣздныхъ властей, въ законной помощи и заступничествѣ которыхъ оно нуждается и не находитъ ея.

«Ежедневно,—пишетъ г. волынскій губернаторъ,—являются ко мнѣ изъ разныхъ мѣстностей губерніи крестьяне съ письменными прошеніями и словесными заявленіями по самымъ заурядным дѣламъ, вовсе не требующимъ моего разрѣшенія или вмѣшательства. Среди этихъ прошеній преобладаютъ: жалобы на личныя оскорбленія, на самоуправство, на захватъ угодій, потравы и т. п.; заявленія о неправильномъ открытіи питейныхъ заведеній, о предъявленіи ко взысканію оплаченныхъ уже или почему-либо недѣйствительныхъ обязательствъ и проч.; жалобы на дѣйствія или на бездѣйствіе почти всѣхъ безъ исключенія должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, какъ-то: волостныхъ старшинъ, писарей, сельскихъ старостъ, а также полицейскихъ урядниковъ, сотскихъ, десятскихъ, полицейскихъ городовыхъ или даже лѣсныхъ сторожей...»

Выясняя причины такихъ аномальныхъ явленій, какъ обращеніе къ губернатору помимо всѣхъ мѣстныхъ властей, «на дѣйствія или на бездѣйствіе которыхъ постоянно приносятся жалобы», губернаторъ видитъ одну изъ этихъ причинъ въ отсутствіи между должностными лицами и мѣстнымъ населеніемъ отношеній, основанныхъ, съ одной стороны, на довѣріи, а съ другой—на желаніи принести дѣйствительную пользу и оказать защиту лицамъ, ввѣреннымъ ихъ надзору и ближайшему попеченію. Послѣднее прискорбное явленіе, въ свою очередь, объясняется иногда недостаточнымъ знакомствомъ нѣкоторыхъ изъ должностныхъ лицъ съ добровольно принятыми на себя обязанностями, иногда же апатичнымъ къ нимъ отношеніемъ, при отсутствіи благожелательности къ подвѣдомственнымъ лицамъ, или же, наконецъ, отсутствіемъ надлежащей энергіи, необходимо во всякомъ дѣлѣ, а въ особенности—въ дѣлѣ управленія. Естественно, что крестьяне, лишенные на мѣстѣ совѣтовъ и указаній, избѣгаютъ обращенія къ тѣмъ, которымъ законъ ввѣрилъ ихъ ближайшее руководство, и, не смотря на матеріальныя потери, предпочитаютъ идти въ губернскій городъ и подавать прошенія губернскому начальству. Въ виду такихъ печальныхъ фактовъ, г. волынскій губернаторъ предписываетъ начальникамъ полиц

и мировымъ посредникамъ разъяснять подвѣдомственнымъ имъ лицамъ сущность лежащихъ на нихъ обязанностей и способовъ исполненія послѣднихъ, «съ соблюденіемъ быстроты и законности». Предписывается также имѣть наблюденіе за правильнымъ исполненіемъ подчиненными ихъ обязанностей, не допуская ни нерадѣнія, ни грубаго произвола и не ожидая жалобъ для оказанія защиты тамъ, гдѣ она представляется дѣйствительно нужною. Только тогда,—заключаетъ г. волынскій губернаторъ, — власти могутъ снискать довѣріе населенія и оправдать ожиданіе правительства.

До какихъ невѣроятныхъ размѣровъ можетъ доходить канцелярская волокита, даже въ неотложнѣйшихъ дѣлахъ, разъ эти дѣла касаются крестьянъ, народа, характерною иллюстраціей этому можетъ служить слѣдующій случай, разсказанный въ *Недѣлѣ*. 7 іюня выгорѣло полторы улицы въ мѣстечкѣ Коссовѣ, Гродненской губерніи; сгорѣло около 40 крестьянскихъ дворовъ и 15 еврейскихъ домовъ. Люди работали на поляхъ, и многіе, прибѣжавъ, застали на мѣстѣ своихъ избъ только дымившіяся головешки. Погоревавъ, крестьяне принялись за добываніе матеріала, чтобы выстроить избенки къ зимѣ (не жить же имъ на дворѣ?), только и ждали, чтобы начальство дало имъ разрѣшеніе. Черезъ двѣ недѣли пріѣхалъ изъ Слонима землемѣръ, снялъ планъ, послалъ куда слѣдуетъ—и дѣло кануло. Ждутъ бѣдняки мѣсяцъ, другой, третій,—нѣтъ ни слуху, ни духу. Наконецъ, только въ сентябрѣ пріѣхалъ мировой посредникъ узнать, можно ли выселить за черту мѣстечка нѣкоторыхъ погорѣльцевъ, потому что плацы маловаты, слѣдовательно, и не годны для постройки. Оказалось, что мѣста подходящаго для выселенія нѣтъ, и снова все затихло. Потомъ пришло извѣстіе, что планъ былъ разсмотрѣнъ 13 октября въ гродненскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, и опять молчаніе. И вотъ уже шестой мѣсяцъ на исходѣ, наступила зима, крестьяне пріютились по сосѣдямъ въ конурахъ, а дѣло все не двинулось. Между тѣмъ, матеріалъ на постройку портится подъ дождемъ, скотъ мерзнетъ, а про людей и говорить нечего.

И. Иванюковъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Главнѣйшимъ событіемъ прошлаго мѣсяца былъ выходъ въ отставку Гладстона. Старческія немощи стали удручать великаго государственнаго человѣка, удивительно сохранившаяся ясность и честность сужденія подсказали ему, что при такихъ условіяхъ не слѣдуетъ сохранять за собою власти. Добровольное удаленіе знаменитаго премьера достойно заканчиваетъ его политическую дѣятельность. Для внутренней жизни Великобританіи оно является, тѣмъ не менѣе, весьма прискорбнымъ событіемъ. Ирландцы обезпокоены дальнѣйшею участью гомруля, проведеніе котораго въ парламентѣ было преимущественно дѣломъ неистощимой энергіи и великихъ государственныхъ дарованій Гладстона. Въ консерваторахъ оживилась надежда на распаденіе либеральнаго правительственнаго большинства. Насколько оправдаются опасенія однихъ и ожиданія другихъ, покажетъ ближайшее будущее.

Новый министръ-президентъ, лордъ Розберри, заявилъ, что будетъ слѣдовать политикѣ своего великаго предшественника. Онъ прибавилъ, что будетъ отстаивать проведенный Гладстономъ ирландскій билль и раздѣляетъ его взгляды на значеніе оппозиціи палаты лордовъ, тормазящей существенно-важныя реформы. Эти заявленія должны успокоить многихъ, но парнелистскіе депутаты не питаютъ довѣрія къ лорду Розберри. Они напечатали манифестъ къ ирландскому народу, въ которомъ это недовѣріе высказано открыто. Большинство ирландскихъ депутатовъ, по всей вѣроятности, не отдѣлится отъ правительства, но либеральное большинство такъ не велико, что отпаденіе и незначительнаго числа парнелистскихъ голосовъ будетъ для него не лишено опасности; если же принять во вниманіе, что иностранная политика Розберри, судя по тому, что объ этой было раньше извѣстно, не такъ миролюбива, какъ гладстоновская, можно ожидать перехода въ оппозицію и нѣкоторой части радикаловъ, что грозитъ уже исчезновеніемъ большинства за правительственною партіею. Телеграмма, полученная въ тотъ день, когда пишутся эти строки, сообщаетъ, что правительство уже потерпѣло пораженіе въ палатѣ общинъ большинствомъ двухъ голосовъ была принята оспариваемая правите-

ствомъ поправка къ адресу, предложенная Лабушеромъ. Она направлена противъ палаты лордовъ. Вождь правительственной партіи въ нижней палатѣ, Гаркуръ, заявилъ, что правительство не намѣрено подавать въ отставку, и это рѣшеніе имѣетъ основаніе, потому что въ голосованіи поправки Лабушера участвовало только 292 депутата (147 за и 145 противъ). Однако, весьма важно, что противъ правительства вмѣстѣ съ радикалами выступили на этотъ разъ обѣ фракціи ирландскихъ націоналистовъ. Распущеніе парламента при такихъ обстоятельствахъ становится *вѣроятнымъ*.

Послѣ сильнѣйшей агитаціи въ странѣ и протекціонистовъ, и сторонниковъ свободной торговли, послѣ страстныхъ преній и въ коммиссіи, и въ самомъ рейхстагѣ, русско-германскій торговый договоръ принятъ въ парламентѣ весьма значительнымъ большинствомъ. Эта побѣда дорого стоила Каприви. Императоръ поддержалъ канцлера неоднократнымъ выраженіемъ своего желанія, чтобы трактатъ прошелъ въ парламентѣ. Представители крупнаго землевладѣнія, неправильно отождествляющіе собственные интересы съ общими интересами германскаго земледѣлія, вопіютъ о томъ, что нѣмецкое сельское хозяйство теперь погибнетъ. Погибнуть отъ договора съ нашимъ отечествомъ, значительно понизившаго пошлины на нашъ хлѣбъ, нѣмецкое земледѣліе, конечно, не можетъ, но, само собою разумѣется, русскія уступки германской обрабатывающей промышленности уравновѣшиваются соотвѣтствующими уступками нашей добывающей промышленности. Мы привѣтствуемъ торговый договоръ съ Германіей, какъ переломъ въ международной таможенной политикѣ, какъ начало торжества правильныхъ экономическихъ воззрѣній, въ послѣднее время сильно затуманенныхъ и въ Германіи, и у насъ представителями эгоистическихъ интересовъ разныхъ группъ предпринимателей и собственниковъ. Послѣ заключенія этого договора облегчается заключеніе и торговаго трактата съ Австро-Венгріей, а это явится новымъ обезпеченіемъ европейскаго мира, который необходимъ для каждаго честнаго труженика, отъ дворцовъ до крестьянскихъ избъ, который избавитъ насъ отъ жестокаго возврата одичанія, ненависти и разоренія, неизбѣжнаго при кровопролитной войнѣ для обѣихъ сторонъ, кто бы ни остался побѣдителемъ.

Нѣмецкіе аграріи не считаютъ борьбу оконченною и намѣрены продолжать агитацію противъ торговаго договора съ Россіей; втихомолку будутъ добиваться повышенія таможенныхъ пошлинъ для соперничающихъ иностранныхъ фабрикатовъ и наши крупные промышленники; но договоръ заключенъ на десять лѣтъ, и въ это время «патріотическія» доказательства перестанутъ сбивать съ толку ту часть общественнаго мнѣнія, которая поддается еще теперь шумихѣ словъ и не всегда можетъ распознать совѣстливаго и толковаго пользованія цифрами отъ акробатическихъ съ ними упражненій. За договоръ съ Россіей въ нѣмецкомъ парламентѣ подали голоса свободномыслящіе, соціалъ-демократы, націоналъ-либералы, часть центра и немногіе

консерваторы, а также поляки. Послѣдніе руководились, вѣроятно, главнымъ образомъ, тѣмъ соображеніемъ, что имъ невыгодно выступать противъ ясно выраженнаго желанія императора: Вильгельмъ II въ послѣднее время относился благосклонно къ полякамъ и имъ удалось получить кое-какія уступки въ пользу ихъ національныхъ интересовъ. Во всякомъ случаѣ, мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ этотъ невраждебный Россіи актъ со стороны представителей націи, которую исторія такъ жестоко поставила въ тягостныя и для русскихъ, и для поляковъ отношенія.

Въ журнальномъ обозрѣніи этой книжки *Русской Мысли* упоминается о статьѣ г. Струве, въ которой сообщаются интересныя свѣдѣнія объ австрійскомъ крестьянствѣ и о національныхъ отношеніяхъ въ Цислейтаніи. Изъ приведенныхъ тамъ цифръ читатели убѣдятся въ чрезвычайной важности для Габсбургской монархіи чешскаго вопроса: чехи занимаютъ, по численности, второе послѣ нѣмцевъ мѣсто въ государствѣ. Несмотря на измѣну національному дѣлу со стороны феодальнаго дворянства и клерикаловъ, несмотря на ошибки старо-чеховъ, чешскій народъ представляетъ такую значительную силу, что долгое время управлять имъ вопреки его стремленіямъ весьма опасно для Австро-Венгріи, тѣмъ болѣе, что на помощь чехамъ идетъ пробуждающееся національное сознаніе другихъ славянскихъ народностей.

Во Франціи начинаютъ съ живымъ вниманіемъ слѣдить за событіями въ Богеміи. Такъ, въ *Revue Bleue* появилась недавно интересная статья Ордега: *Австрія и Богемія*. Авторъ относится съ большою симпатіей къ народу, который героически борется за свободу своего національнаго развитія. Напоминая о дружественныхъ отношеніяхъ чеховъ къ Франціи, которыя ярко обнаружились и въ страшную для послѣдней пору разгрома Германіей второй имперіи, Ордега предполагаетъ возможнымъ такое разрѣшеніе чешскаго вопроса, которое рѣшительно видоизмѣнитъ международную политику Австро-Венгріи. Онъ характеризуетъ нынѣшній кабинетъ Виндишгреца-Пленера такъ же, какъ характеризуетъ его младочешская и почти вся русская печать, обнаруживая при этомъ основательное знакомство съ исторіей сначала литературнаго, а потомъ и политическаго пробужденія чешскаго народа и съ его современною борьбой за автономію. Ордега становится на сторону младо-чеховъ въ ихъ распрѣ съ старо-чехами, вполнѣ признавая значительныя заслуги этихъ послѣднихъ въ прошломъ. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаетъ справедливымъ и цѣлесообразнымъ основное требованіе младо-чеховъ въ избирательной парламентской реформѣ, т.-е. всеобщую и закрытую подачу голосовъ. Отмѣтимъ, что Ордега является врагомъ панславизма, если подъ нимъ понимать поглощеніе малочисленныхъ племенъ большимъ, стирающимъ всѣ духовныя особенности соединенныхъ съ нимъ національностей.

Австрійское правительство до сихъ поръ не снимаетъ въ Богеміи осадного положенія. Непомѣрно раздутые оффиціозами процессы противъ [illegible]

ладины и противъ убійцъ шпіона и подстрекателя Мрвы также не могутъ служить къ успокоенію общественнаго мнѣнія въ Богеміи. *Politik*, обсуждая судебный приговоръ по дѣлу такъ называемой *Омладины*, признаетъ его крайне суровымъ, а самый процессъ въ высшей степени тенденціозно веденнымъ. Нелѣпое стремленіе сдѣлать чешскій народъ отвѣтственнымъ за противузаконныя увлеченія нѣсколькихъ юношей только компрометируетъ австрійское правосудіе и раздражаетъ чешское общество.

Въ этой тревожной борьбѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ опасностями, мужественный чешскій народъ съ неослабѣвающею энергіей продолжаетъ и свою культурную работу. На 15 мая будущаго года назначено открытіе въ Прагѣ чешской этнографической выставки. Въ *Politik* было въ концѣ февраля обнародовано по этому поводу воззваніе *къ богемско-славянскому народу* *) отъ исполнительнаго комитета выставки. Ландтагъ и пражская городская дума назначили значительныя пособія. Выставка, говоритъ воззваніе комитета, должна дать полную картину физической и духовной жизни страны.

Положеніе Италіи продолжаетъ быть тягостнымъ. Читатели знаютъ, что Криспи произнесъ въ парламентѣ слѣдующія знаменательныя слова: «Мы сдѣлаемъ всевозможныя сокращенія расходовъ, но не должны убаюкивать себя иллюзіями: пробилъ часъ обратиться къ странѣ за новыми жертвами». Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и вотъ министръ финансовъ, Соннино, выступаетъ въ палатѣ съ рѣчью-программой. Онъ такъ же откровенно признаетъ существованіе опаснаго экономическаго и финансоваго кризиса. Дефицитъ вычисленъ въ 177 милліоновъ лиръ. Для устраненія его изъ бюджета Соннино предлагаетъ сокращенія расходовъ (на 27 милліоновъ немедленно, на 18—съ слѣдующаго года). Остальное приходится покрыть новыми налогами. Этихъ налоговъ предполагается создать на сто милліоновъ.

Соннино имѣетъ, кромѣ того, въ виду произвести конверсію нѣкоторыхъ долговъ и нѣкоторыя другія второстепенныя реформы. Центръ тяжести, однако, лежитъ въ увеличеніи прежнихъ и введеніи новыхъ податей, и это въ то время, когда народъ и безъ того изнемогаетъ подъ непосильнымъ бременемъ. Повидимому, наиболѣе непроизводительные, военные расходы не будутъ подвергнуты сколько-нибудь значительному уменьшенію, а, между тѣмъ, именно милитаризмъ и разоряетъ Италію. *Journal des Débats*, обсуждая рѣчь Соннино, говоритъ, что, по всей вѣроятности, самый даровитый финансистъ, при данныхъ обстоятельствахъ, не могъ бы предложить ничего лучшаго: плохая политика наградила Италію плохими финансами. *Justice* также признаетъ искренность итальянскаго министра финансовъ, но оспариваетъ пригодность тѣхъ средствъ для исцѣленія зла, которыя предлагаетъ Соннино. Само собою разумѣется, что *Justice* счита-

---

*) *An das böhmisch-slavische Volk* (*Politik*, № 55).

етъ страннымъ требовать съ разореннаго народа еще сто милліоновъ франковъ и снова ставитъ на видъ гибельное положеніе, которое создала себѣ Италія участіемъ въ тройственномъ союзѣ. Римскій корреспондентъ *Journal des Débats*, указывая на то, что въ одной изъ провинцій Италіи, гдѣ недавно происходили кровопролитныя возмущенія, 66% населенія принадлежитъ къ безграмотнымъ, справедливо прибавляетъ, что Италіи надо поменьше солдатъ и побольше учителей. Тотъ же корреспондентъ приводитъ характерные факты разоренія итальянскаго крестьянства, продажу домовъ и другого имущества на уплату недоимокъ. Въ Сондріо, напримѣръ, въ теченіе пяти мѣсяцевъ двѣ тысячи семействъ были лишены, такимъ образомъ, собственности и выброшены на улицу. Корреспондентъ кончаетъ письмо слѣдующими словами: тамъ, гдѣ господствуетъ такой фискальный безпорядокъ, не можетъ быть общественнаго порядка.

Король Гумбертъ и Криспи упорно не хотятъ, однако, отрѣчься отъ своихъ великодержавныхъ плановъ. Для нихъ представляется унизительнымъ отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ тройственномъ союзѣ, сократить военные расходы и тѣмъ дать свободно вздохнуть измученному народу. Страдаютъ отъ милитаризма, конечно, всѣ европейскія державы, но нигдѣ онъ не принесъ такихъ опустошеній, какъ въ Италіи. Сравнительно легче приходится богатой Франціи, но и тамъ налоги тяжело поражаютъ рабочіе классы. Къ сожалѣнію, всѣ попытки серьезныхъ преобразованій дѣйствующей во Франціи системы обложенія до сихъ поръ оканчивались неудачею. Подоходный налогъ до сихъ поръ наводитъ ужасъ на французскую буржуазію; крупныя акціонерныя компаніи и биржа до сихъ поръ почти ускользаютъ отъ налоговъ. Правительство Казиміра Перье не торопится съ обѣщанными реформами. Нѣкоторые проекты, которые могутъ пройти и проходили на самомъ дѣлѣ въ палатѣ депутатовъ, наталкиваются на сопротивленіе сената. Остановилось и фабричное законодательство, заглохли проекты національныхъ кассъ для рабочихъ. Не имѣютъ шансовъ на успѣхъ и предложенія пересмотра конституціи. Въ послѣднее время такихъ предложеній было внесено нѣсколько, но, какъ извѣстилъ телеграфъ, всѣ они отвергнуты въ парламентѣ значительнымъ большинствомъ. Быть можетъ, пересмотръ конституціи теперь и нецѣлесообразенъ, но если законы для улучшенія быта рабочихъ классовъ могутъ приходить поздно, то никогда нельзя сказать, что они издаются рано.

Конечно, нѣкоторыя реформы, болѣе или менѣе значительныя, проводятся парламентомъ, но преимущественно въ другихъ областяхъ государственной и общественной жизни. Такъ, производятся частичныя улучшенія въ уголовномъ законодательствѣ. Но многое остается и здѣсь сдѣлать. Напримѣръ, законъ 1885 года, имѣвшій въ виду бороться съ рецидивомъ преступленій путемъ ссылки рецидивистовъ въ колоніи, не охотно применяется судами. Вѣроятною причиной,— одною изъ причинъ,— такого отношенія судей является непропорціональность между далекою ссылкой, повлекшею иной разъ на каторжныя работы, и незначительными преступленія[illegible],

за которыя эта ссылка назначается. Число рецидивистовъ во Франціи, за исключеніемъ немногихъ годовъ, все возростаетъ. Нѣсколько проектовъ, имѣющихъ цѣлью бороться съ этимъ зломъ, уже выработаны. Можно надѣяться, что палата депутатовъ займется ими въ недалекомъ будущемъ.

Клемансо вновь поднимаетъ въ *Justice* другой не менѣе, если не болѣе, важный юридическій вопросъ: онъ требуетъ отмѣны тѣхъ ограниченій въ правахъ, которыми современный французскій кодексъ караетъ ни въ чемъ неповинныхъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Клемансо приводитъ по этому поводу слова покойнаго Эмиля Аколля (Émile Acollas): «До тѣхъ поръ, пока вы не создадите права для женщины и для ребенка, ваша демократія будетъ только ложью».

Здѣсь умѣстно будетъ отмѣтить прогрессъ въ германскомъ уголовномъ законодательствѣ. Рейхстагъ давно уже требовалъ установленія вознагражденія невинно осужденнымъ. Въ нынѣшнемъ году въ *Reichsanzeiger'ѣ* напечатанъ правительственный законопроектъ, удовлетворяющій этому справедливому требованію. Законопроектъ заключаетъ въ себѣ и другія улучшенія въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ. *Freisinnige Zeitung* замѣчаетъ, что въ связи съ этими улучшеніями, какъ ихъ дальнѣйшее развитіе, слѣдуетъ расширить кругъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, предоставивши имъ всѣ политическія дѣла и всѣ преступленія печати.

Расширеніе французскихъ колоніальныхъ владѣній, попрежнему, возбуждаетъ опасенія со стороны многихъ республиканцевъ, преимущественно въ рядахъ радикальной партіи. Недавняя гибель военнаго отряда, шедшаго въ Тимбукту, обострила этотъ вопросъ. *Justice* оплакиваетъ несчастныхъ жертвъ непростительной неосмотрительности (французскій отрядъ былъ перерѣзанъ врасплохъ, ночью, во время сна) и энергично возстаетъ противъ колоніальныхъ приключеній. Начальники военныхъ отрядовъ во французскомъ Суданѣ, какъ и въ другихъ колоніяхъ, идутъ все впередъ и впередъ, безъ системы, безъ плана, иногда вопреки приказаніямъ изъ отдаленнаго отечества. Захватъ Тимбукту не оправдывается даже хищническими соображеніями: *Justice* приводитъ донесеніе, что торговля этого нѣкогда цвѣтущаго города теперь ничтожна. Нѣмецкія газеты утверждаютъ противуположное. Когда полковникъ Боннье занялъ Тимбукту, *National-Zeitung* поспѣшила указать на важное положеніе этого города, лежащаго близъ лѣваго берега Нигера, на перекресткѣ важныхъ караванныхъ путей. Берлинская газета говоритъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что населеніе Тимбукту и окрестныхъ странъ отличается магометанскимъ фанатизмомъ, что оно исчисляется въ нѣсколько милліоновъ и что захватить Тимбукту гораздо легче, чѣмъ прочно въ немъ водвориться. Несмотря на существованіе французской флотиліи на Нигерѣ, сообщеніе тимбуктскаго гарнизона съ резервами не безопасно, не говоря уже объ удаленности прежнихъ французскихъ колоній отъ теперь захваченнаго пункта. *National-Zeitung*, въ интересахъ, по ея словамъ, европейскаго мира (т.-е. ослабленія воен-

ныхъ силъ Франціи въ Европѣ), спокойно и даже съ удовольствіемъ смотритъ, какъ запутываются новыми захватами колоніальныя дѣла Франціи. Газета находитъ сходство между положеніемъ французовъ во внутренней Африкѣ и тѣмъ положеніемъ, въ которое въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ были поставлены русскіе въ Средней Азіи, также роковымъ образомъ подвигавшіеся впередъ и впередъ, покуда русскія владѣнія не стали подходить къ великобританскимъ.

Похоже на это и положеніе нѣмцевъ въ Камерунѣ, что̀ признаетъ и *National-Zeitung,* стоящая за расширеніе германскихъ колоніальныхъ владѣній. Англичане, французы, нѣмцы, испанцы и итальянцы захватили въ свои руки множество африканскихъ земель. Кромѣ утомительной, долгой и опасной борьбы съ туземными племенами, всѣмъ имъ нельзя избѣжать и столкновеній другъ съ другомъ. Особенно опаснымъ является въ настоящее время соперничество Франціи и Италіи изъ-за Триполи. Для той и для другой стороны тутъ замѣшаны важные торговые интересы, не говоря уже объ итальянскомъ самолюбіи, уязвленномъ захватомъ Туниса Франціей. Не разрѣшилось еще окончательно и столкновеніе Испаніи съ Марокко.

Французское правительство захотѣло смѣнить военное управленіе въ Суданѣ гражданскимъ, но, по свидѣтельству оффиціальныхъ документовъ и по отзывамъ газетъ, это вызвало значительныя неудобства: начальники отрядовъ, не подчиненные непосредственно и вполнѣ гражданскому губернатору, дѣйствуютъ, какъ полковникъ Боннье, на свой страхъ и рискъ и вдаются въ опасныя военныя приключенія. За сохраненіе военной власти въ Суданѣ, территорія котораго превышаетъ всю Францію, высказываются многія республиканскія газеты.

Въ *Revue des Revues* напечатано интересное извлеченіе изъ статьи Тейфена, появившейся въ вѣнскомъ журналѣ *Deutsche Worte* и посвященной соціальнымъ бѣдствіямъ Австріи. Какъ извѣстно, феодальная аристократія до сихъ поръ пользуется въ этомъ государствѣ громаднымъ значеніемъ, вопреки всему духу демократическаго просвѣщенія. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить важное и чрезвычайно печальное явленіе—сокращеніе мелкой земельной собственности и возростаніе числа крупныхъ землевладѣльцевъ. Этихъ послѣднихъ въ 1873 году было 4,931, въ 1885 г. — 5,115, а въ 1891 г. уже 5,402. Много земель при этомъ превращается въ пастбища и въ мѣста для охоты. Принцъ Шаумбургъ-Липпе съ 1878 года утроилъ свои владѣнія; число жителей округа, гдѣ онъ господствуетъ, уменьшил[ось], въ то же время, на 23%. Крестьяне другой мѣстности, гдѣ энергично р[асширяетъ] свои земли герцогъ Кобургъ-Готскій, принуждены работать за 40 крейцеровъ въ день или совсѣмъ перебираться въ города. Въ Силезіи [изъ] 514,000 гектаровъ земли 134,000 принадлежатъ 36 крупнымъ землев[ладѣльцамъ] (25%); въ рукахъ духовенства находятся 10%. Въ Богеми[и у] крупныхъ землевладѣльцевъ считается 28% всей земли (1.500,000 г[ектаровъ]

ровъ у 362 лицъ, изъ которыхъ 33 собственника владѣютъ 850,000 гект.). Князь Шварценбергъ имѣетъ болѣе 174,000 гект. Въ этому надо сдѣлать еще одно важное дополненіе: крупные поземельные собственники являются, въ то же время, и крупными фабрикантами и промышленниками. Такъ, тотъ же князь Шварценбергъ владѣетъ 13 фабриками, 12 пивоварнями, серебряными рудниками и т. д. Правительство усиливаетъ зло, создавая новые майораты.

Изъ числа 1,023 депутатовъ всѣхъ ландтаговъ крупная поземельная собственность посылаетъ 256 (25%). Въ Богеміи, въ Моравіи и Силезіи девятнадцать крупныхъ землевладѣльцевъ посылаютъ по одному депутату въ рейхсратъ и т. п. Еще одна цифра, чтобы охарактеризовать положеніе австрійскаго крестьянства: въ 1880 году въ Австріи было 66 лошадей на 1,000 жителей, черезъ десять лѣтъ на тысячу жителей приходилось только 64 лошади. Понятно, почему господствующій классъ крупныхъ землевладѣльцевъ не желаетъ расширенія народнаго представительства, понятно, почему чешская аристократія враждебно относится къ демократическимъ стремленіямъ младо-чеховъ.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Современное состояніе вопроса о способахъ леченія продуктами жизнедѣятельности животнаго организма.

Извѣстный петербургскій клиницистъ, нынѣ уже покойный, проф. Э. Э. Эйхвальдъ, въ своихъ лекціяхъ давалъ графическое изображеніе прогресса медицинскихъ знаній, въ видѣ спирали, въ которой каждый завитокъ, совершивъ полный кругъ, возвращается къ началу, но при этомъ пунктъ отправленія подвигается всякій разъ по прямой линіи нѣсколько впередъ.

Методъ примѣненія въ медицинѣ животныхъ веществъ, о которомъ у насъ будетъ рѣчь въ предлагаемой статьѣ, подчиняется въ своемъ историческомъ движеніи формулированному проф. Эйхвальдомъ правилу.

Человѣкъ, въ поискахъ за исцѣленіемъ, съ самыхъ раннихъ историческихъ эпохъ пользовался, въ качествѣ лѣкарствъ, всевозможными веществами, какъ изъ міра неорганической матеріи, такъ и изъ царства растеній и животныхъ.

Въ древней и средневѣковой медицинѣ продукты жизнедѣятельности животныхъ, а также и различные ихъ органы играли чрезвычайно большую роль въ терапіи, частью въ видѣ фармацевтическихъ (лѣкарственныхъ) препаратовъ, частью, какъ амулеты.

Изъ обширнаго списка этихъ врачебныхъ средствъ приведемъ нѣсколько примѣровъ: по ученію Аэція, бѣшенство (водобоязнь) излечивается употребленіемъ внутрь лѣкарства, состоящаго изъ 10 частей заживо сожженныхъ въ мѣдной посудѣ раковъ, 5 ч. горечавки (растеніе) и 1 ч. ладону. Знаменитый Александръ Траллесскій лечилъ падучую болѣзнь пѣтушьими органами оплодотворенія, а также пережженымъ ослинымъ навозомъ. По мнѣнію того же врача, весьма полезно при лихорадкѣ поймать маленькаго паука, завернуть его въ платокъ и обвязать этимъ платкомъ лѣвую руку. Для ращенія волосъ онъ признавалъ весьма полезнымъ употребленіе уксуснаго раствора ладона вмѣстѣ съ мышинымъ пометомъ. При каменной болѣзни тотъ же Александръ Траллесскій употреблялъ отваръ изъ [illegible]нечиковъ. Отъ послѣдствій невоздержной жизни назначались имъ [illegible]чки

одного изъ видовъ ящерицъ (Scimus officinalis); при помутнѣніяхъ на роговой оболочкѣ глазъ — кровь клопа или лягушки.

Арабскій врачъ Авензоаръ (XII в. по Р. Хр.) вылечилъ начальника гвардіи севильскаго калифа отъ желтухи, назначивъ ему безоаръ—камень, добываемый иногда въ желудкѣ оленей или дикихъ козъ.

Кровь козла считалась полезной при порчѣ черной желчи и при происходящихъ отъ того заболѣваніяхъ.

Изображеніе льва на перстнѣ предохраняло отъ лихорадокъ, ношеніе на шеѣ высушенной кожи змѣи — отъ отравленія.

Этихъ примѣровъ, полагаемъ, достаточно, чтобы судить, какъ примитивны были лечебные пріемы, основанные на употребленіи животныхъ веществъ и изображеній; но надо отдать справедливость, что на ряду съ этимъ были подмѣчены дѣйствительно полезныя свойства нѣкоторыхъ животныхъ выдѣленій, каковы мускусъ, бобровая струя, амбра,— и эти вещества до сихъ поръ не потеряли своего медицинскаго значенія и пользуются почетнымъ мѣстомъ въ ряду терапевтическихъ (лечебныхъ) средствъ.

Съ развитіемъ химіи въ XVII и XVIII вѣкахъ и благодаря прогрессу всѣхъ вообще естественныхъ наукъ, мистическія и грубо-эмпирическія наслоенія, окутывавшія средневѣковую медицину густымъ туманомъ пустыхъ бредней, начинаютъ мало-по-малу отпадать. На сцену все болѣе и болѣе выдвигаются добытыя химическимъ путемъ вещества, какъ изъ неорганической матеріи, такъ въ особенности изъ растеній. XIX вѣкъ находитъ уже чрезвычайно богатый арсеналъ химически-чистыхъ врачебныхъ средствъ, дѣйствіе которыхъ на животный организмъ могло быть изучено и опредѣлено тѣмъ легче, что взамѣнъ сложныхъ по составу растительныхъ настоевъ и отваровъ явилась возможность имѣть дѣло съ выдѣленными изъ нихъ опредѣленными химическими тѣлами.

Благодаря быстрымъ успѣхамъ химіи въ настоящемъ столѣтіи, запасъ этихъ препаратовъ возросъ до громадныхъ размѣровъ и продолжаетъ пополняться съ каждымъ днемъ. Но, въ большинствѣ случаевъ, судьба, постигающая вновь открытыя средства, очень плачевна: о нихъ забываютъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ неожиданнѣе и шумнѣе было ихъ появленіе.

Въ самый разгаръ этого ультра-химическаго направленія въ 70-хъ и 80-хъ годахъ возникаетъ новое теченіе, новый методъ леченія путемъ введенія въ организмъ тѣхъ или другихъ веществъ, добытыхъ изъ животныхъ.

Для того, чтобы выяснить роль и значеніе новаго направленія въ терапіи, мы считаемъ нужнымъ войти въ нѣкоторыя теоретическія соображенія, опредѣляющія мѣсто этого метода, съ физіологической и біологической точки зрѣнія. Мы должны предупредить читателя, что вводимъ его въ область, гдѣ все пока еще смутно, неясно, гдѣ намѣчены лишь вѣхи будущихъ зданій теоріи. Этотъ отдѣлъ біологіи началъ разрабатываться въ послѣдніе годы, и въ немъ мы встрѣтимъ, выражаясь фигурально, лишь накопленный строительный матеріалъ, агломератъ самыхъ разнообразныхъ,

часто противурѣчивыхъ фактовъ, укладывающихся въ мало-мальски обобщенную систему съ большимъ трудомъ.

Поэтому, да проститъ читатель, если онъ, наперекоръ своему справедливому желанію найти изложеніе стройныхъ теорій, встрѣтитъ зачастую лишь перечень разрозненныхъ фактовъ, не скрѣпленныхъ обобщеніемъ.

Извѣстно, что гипотеза о животномъ происхожденіи яда заразныхъ болѣзней была высказана еще во времена глубокой древности, когда нѣкоторыя медицинскія школы стремились видѣть причину опустошительныхъ эпидемій въ присутствіи въ воздухѣ чрезвычайно маленькихъ насѣкомыхъ. Отсюда, между прочимъ, возникъ и рецептъ прогонять эти существа шумомъ и криками.

До изобрѣтенія сложнаго микроскопа дѣло съ живою заразой (contagium vivum), конечно, не могло быть подвинуто ни на шагъ впередъ.

Левенгукъ былъ первый, которому въ 1675 г. удалось увидѣть подъ микроскопомъ одноклѣточныя существа; съ тѣхъ поръ гипотеза о живой заразѣ получила фактическую почву и это ученіе стало мало-по-малу распространяться. Въ числѣ его послѣдователей можно указать на такія извѣстныя имена, какъ Реомюръ и Линней. Тѣмъ не менѣе, по несовершенству инструментовъ, открытіе Левенгука не получило дальнѣйшаго развитія вплоть до нашихъ временъ, когда, въ зависимости отъ успѣховъ микроскопической техники, явилась возможность фактически поставить внѣ спора вопросъ о живой заразѣ въ видѣ микроорганизмовъ. Человѣчество обязано этимъ открытіемъ безсмертнымъ именамъ Пастёра, Кона, Коха и друг.

Въ настоящее время громаднымъ большинствомъ ученыхъ признается вполнѣ доказанной причинная связь заразныхъ болѣзней съ микроорганизмами, хотя, правда, еще до сихъ поръ отъ времени до времени возвышаются голоса противниковъ этого ученія, но объ этомъ ниже.

Благодаря многочисленнѣйшимъ изслѣдованіямъ по вопросу о микроорганизмахъ, былъ установленъ, между прочимъ, фактъ чрезвычайнаго ихъ распространенія всюду, во всѣхъ окружающихъ человѣка средахъ: въ водѣ, въ воздухѣ, почвѣ и проч. На ряду съ этимъ выяснилось, что микроорганизмы существуютъ въ весьма большомъ числѣ видовъ и формъ, отличающихся другъ отъ друга какъ съ внѣшней стороны, такъ и въ біологическомъ отношеніи. Съ точки зрѣнія человѣческой пользы или вреда, ихъ можно раздѣлить на двѣ группы — вредные и полезные. Что касается микроорганизмовъ перваго рода, то ихъ значеніе понятно изъ самаго названія; относительно микроорганизмовъ полезныхъ мы считаемъ нужнымъ дать нѣкоторыя разъясненія.

Еще Пастёръ доказалъ, что никакое гніеніе или броженіе не можетъ совершаться безъ присутствія тѣхъ или другихъ микроорганизмовъ, специфическихъ для каждаго вида броженія или гніенія. Отсюда ясно, что наши продукты, получаемые путемъ броженія: тѣсто, вино, пиво, уксусъ, сыръ и т. п.— обязаны своимъ происхожденіемъ жизнедѣятельности этихъ организмовъ. Участіе нѣкоторыхъ видовъ микробовъ въ пищеварительномъ

процессѣ желудочно-кишечнаго канала животныхъ въ высокой степени вѣроятно. Выработка почвы, превращеніе ея въ производительную для растеній, есть дѣло этихъ же микроорганизмовъ, преобразующихъ нерастворимыя минеральныя вещества въ растворимыя и неусвояемыя растеніями въ усвояемыя. Такъ, напримѣръ, превращеніе амміака въ азотную кислоту (въ этой лишь формѣ растенія воспринимаютъ нужный имъ азотъ) происходитъ при участіи особаго вида микробовъ. Процессъ непосредственнаго питанія растеній корневыми мочками связанъ съ присутствіемъ массы микробовъ, покрывающихъ сплошнымъ слоемъ всѣ подземныя развѣтвленія корня. Наконецъ, проростаніе сѣмянъ, по опытамъ Буссиньо и Дюкло, несмотря на сохраненіе всѣхъ условій питательности почвы, температуры и влажности, не происходитъ вовсе, если въ этой почвѣ убиты всѣ микроорганизмы.

Сказаннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы показать, какую чрезвычайную важность въ общей экономіи органической жизни имѣетъ жизнедѣятельность микроорганизмовъ.

Въ чемъ же кроется ближайшая причина такого дѣйствія микроорганизмовъ?

При настоящемъ состояніи знаній возможенъ лишь общій отвѣтъ: микроорганизмы, въ своемъ жизненномъ процессѣ, обнаруживаютъ значительную химическую энергію и, притомъ, зачастую спеціальную для извѣстнаго рода микробовъ. Другими словами, микроорганизмы химически дѣйствуютъ на среду, въ которой живутъ, производя тѣ или другіе процессы разложенія и сложенія (синтеза) основныхъ химическихъ элементовъ среды, причемъ для нѣкоторыхъ видовъ доказано, что каждый видъ способенъ производить лишь извѣстное, свойственное ему одному, химическое дѣйствіе.

Заручившись этимъ обобщеніемъ, перейдемъ къ описанію патогенныхъ (производящихъ заболѣваніе) микробовъ. Въ нормальномъ, здоровомъ состояніи организма никакихъ микробовъ во внутреннихъ органахъ или тканяхъ, не имѣющихъ сообщенія съ окружающею средой, не обнаружено. Ихъ много, и различныхъ видовъ, во рту, пищеводѣ, желудкѣ, кишкахъ, бронхахъ, легкихъ,— вообще вездѣ, куда проникаетъ при нормальныхъ условіяхъ воздухъ или куда они вносятся съ принимаемою пищей.

При заболѣваніяхъ же именно заразныхъ (инфекціонныхъ), микробы найдены въ различныхъ органахъ тѣла и иногда въ громадномъ количествѣ. Не приводя здѣсь доказательствъ связи между микроорганизмами и болѣзнями, перейдемъ прямо къ вопросу: какимъ именно образомъ болѣзнетворные микробы обнаруживаютъ свое вліяніе на животный организмъ? Вопросъ этотъ не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ, но съ большою вѣроятностью нужно предполагать, что микробы, въ силу тѣхъ или другихъ условій поселившись въ организмѣ, своею жизнедѣятельностью или, точнѣе, благодаря присущей имъ химической энергіи, вырабатываютъ изъ той среды, гдѣ живутъ, особыя химическія вещества, оказывающіяся губительными для организма,—другими словами, микроорганизмы вырабаты-

ваютъ яды, разстраивающіе или убивающіе пріютившій микробовъ организмъ. Эта теорія токсическаго (отравляющаго) дѣйствія микробовъ имѣетъ за собою въ настоящее время весьма солидныя основанія.

Переходя къ вопросу о натурѣ этихъ ядовъ, мы позволяемъ себѣ небольшое отступленіе съ цѣлью лучшаго разъясненія предмета.

Давно уже былъ подмѣченъ фактъ ядовитости продуктовъ гніенія животныхъ тканей или соковъ; равнымъ образомъ, всѣмъ занимающимся анатоміей давно была извѣстна опасность отравленія такъ называемымъ трупнымъ ядомъ, при случайномъ проникновеніи гніющихъ веществъ черезъ ранку или царапину въ кровь. Много было сдѣлано попытокъ выдѣлить эти ядовитыя вещества и опредѣлить ихъ химическую натуру, но эти попытки до недавняго времени кончались неудачей. Въ 70-хъ годахъ нашего столѣтія итальянскій химикъ Сельми, послѣ многолѣтнихъ упорныхъ изысканій, выдѣлилъ изъ гніющей органической матеріи рядъ тѣлъ, вполнѣ опредѣленной химической структуры, похожихъ, по своимъ химическимъ свойствамъ, на извѣстные уже давно растительные *алкалоиды* *). Сельми назвалъ эти трупные алкалоиды *птомаинами*. Основываясь на работѣ Сельми, цѣлый рядъ ученыхъ въ короткое время подтвердилъ справедливость его изысканій и открылъ еще много новыхъ птомаиновъ. Выше мы упомянули, что эти вещества по своимъ химическимъ свойствамъ очень близко подходятъ къ алкалоидамъ, добытымъ изъ растеній; такое же сходство наблюдается и въ физіологическомъ отношеніи. Алкалоиды, за немногими исключеніями, представляютъ чрезвычайно сильные яды. Большинство *птомаиновъ* также ядовиты, причемъ тѣ или другіе птомаины вполнѣ похожи по токсическому дѣйствію на нѣкоторые растительные алкалоиды. Такъ, извѣстны птомаины, соотвѣтствующіе морфину, вератрину, коніину, никотину, стрихнину, хиноидину, кураре и проч. Зная, что никакое гніеніе не происходитъ безъ воздѣйствія микроорганизмовъ, не стоило особаго труда доказать, что птомаины обязаны своимъ образованіемъ участію тѣхъ же микробовъ. При этомъ было замѣчено,— оттѣняемъ, какъ практически-важный фактъ,— что образованіе птомаиновъ идетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ въ меньшемъ количествѣ притекаетъ къ гніющей массѣ кислородъ. Наоборотъ, избытокъ этого газа, произведенный искусственнымъ путемъ, совершенно останавливаетъ образованіе птомаиновъ. Вообще, это тѣла нестойкія и легко разлагающіяся отъ дѣйствія того же кислорода.

Дѣйствіемъ птомаиновъ объясняются случаи отравленія нѣкоторыми пищевыми веществами: рыбой (рыбный ядъ), колбасой (колбасный ядъ), сыромъ и проч. Въ большинствѣ этихъ случаевъ было доказано въ отравившемъ продуктѣ присутствіе птомаиновъ. При дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ птомаины были найдены и въ живомъ животномъ организмѣ при нѣкот

*) Въ химіи алкалоидами называются сложныя органическія тѣла различнаго вида, имѣющія свойства основаній, т.-е. они входятъ въ двойныя разложенія съ кислотами, даютъ соли и проч., на подобіе металловъ и другихъ тѣлъ, вступающихъ въ такія же реакціи съ кислотами.

рыхъ болѣзненныхъ состояніяхъ. Такъ, Бушаръ открылъ ядовитые птомаины при тифѣ, воспаленіи легкихъ и плевры, желтухѣ; г. Анрепъ—при сыпномъ тифѣ, Пуше — при холерѣ, Домингосъ Хозе Фрейре — при желтой лихорадкѣ и проч. Послѣдніе два случая замѣчательны, между прочимъ, тѣмъ, что Пуше со своимъ лаборантомъ и помощникъ Хозе Фрейре едва не сдѣлались жертвою своихъ открытій. Пуше и лаборантъ, занимаясь выпариваніемъ одного изъ холерныхъ птомаиновъ, чрезвычайно ядовитаго, захворали черезъ нѣсколько часовъ, при явленіяхъ, вполнѣ тождественныхъ съ холерными. Помощникъ же бразильскаго профессора, студентъ Монлеваде, нечаянно вдохнувшій испаренія изъ сосуда, гдѣ приготовлялся одинъ изъ летучихъ птомаиновъ желтой лихорадки, черезъ немного часовъ представлялъ всѣ признаки тяжелаго заболѣванія этою болѣзнью.

На ряду съ добываніемъ птомаиновъ изъ труповъ и изверженій при нѣкоторыхъ болѣзняхъ было обнаружено ихъ присутствіе въ тѣхъ средахъ, гдѣ разводились тѣ или иные болѣзнетворные микробы, т.-е. въ культурахъ патогенныхъ микробовъ. Такъ, Бригеръ получилъ ядовитый птомаинъ изъ разводки тифозной бактеріи на бульонѣ или мясной жижѣ. Тотъ же Бригеръ открылъ птомаинъ столбняка въ разводкѣ столбнячной бактеріи и проч.

Конечный выводъ изъ упомянутыхъ опытовъ тотъ, что микробы, размножаясь въ питательной для нихъ средѣ, производятъ опредѣленныя химическія измѣненія, между продуктами которыхъ въ иныхъ случаяхъ получаются обладающіе особымъ химическимъ строеніемъ, подобнымъ строенію растительныхъ алкалоидовъ, и отличающіеся въ большинствѣ сильно ядовитыми свойствами. Это—такъ называемые птомаины.

Зная эти факты, не трудно придти къ предположенію, что болѣзнетворное дѣйствіе микробовъ заключается именно въ томъ, что, внѣдрившись въ животный организмъ и тамъ размножаясь, они вырабатываютъ тѣ или иные ядовитые птомаины (токсины, по терминологіи Бригера), которые въ окончательномъ счетѣ и производятъ болѣзненныя явленія. Для полнаго доказательства справедливости такого предположенія нужно было сравнить въ опытахъ надъ животными результаты зараженія извѣстнымъ видомъ микробовъ съ дѣйствіемъ искусственно введеннаго въ организмъ добытаго изъ культуръ тѣхъ же микробовъ ядовитаго птомаина (токсина). Вслѣдствіе весьма большихъ трудностей при экспериментахъ этого рода, далеко не во всѣхъ заразныхъ болѣзняхъ получены рѣшающія данныя; но важно уже и то, что въ нѣкоторыхъ болѣзненныхъ формахъ такіе ободряющіе результаты уже есть, и нужно надѣяться, что, благодаря усовершенствованіямъ техники, прогрессирующей съ каждымъ днемъ, близко время, когда этотъ вопросъ будетъ безспорно рѣшенъ въ указанномъ смыслѣ.

Немного позже появленія въ печати изслѣдованія Сельми, французскій ученый Арманъ Готье обнародовалъ результаты своихъ изслѣдованій надъ продуктами химической дѣятельности живыхъ клѣтокъ животнаго организма. Давно было извѣстно, что клѣтки нѣкоторыхъ тканей, железъ, слизистой

оболочки и проч., вырабатываютъ особыя вещества, частью ферменты (бродила), частью иныя безусловно необходимыя въ общей экономіи организма. Слюнныя железы, на ряду съ другими веществами, даютъ слюнѣ такъ называемый *птіолинъ*, превращающій крахмалъ въ декстринъ и сахаръ, безъ чего перевариваніе крахмалистыхъ веществъ было бы невозможно. Пепсиновыя железки слизистой оболочки желудка вырабатываютъ ферментъ—*пепсинъ*, служащій для превращенія бѣлковъ (главная составная часть пищи) въ пептоны, безъ чего, опять-таки, было бы невозможно перевариваніе бѣлковъ. Поджелудочная железа даетъ ферментъ для окончательнаго превращенія крахмала въ сахаръ и т. д. Все это факты давно извѣстные и не заслуживающіе поэтому болѣе подробнаго описанія. Что же касается химической работы *всякой* живой клѣточки, то таковая не была въ достаточной степени освѣщена до появленія изслѣдованій Армана Готье. Этотъ ученый доказалъ, что клѣточки животнаго организма при физіологическихъ условіяхъ вырабатываютъ особыя вещества, ядовитыя или нѣтъ, похожія по своимъ химическимъ свойствамъ на растительные алкалоиды и названныя имъ *лейкомаинами* (отъ греческаго слова λευκωμα—бѣлокъ).

При дальнѣйшихъ изысканіяхъ, между птомаинами и лейкомаинами не оказалось разницы въ существѣ строенія, и оба эти разряда химическихъ тѣлъ должны быть отнесены къ *алкалоидоподобнымъ*. По ихъ дѣйствію на организмъ можно различать лейкомаины вредные и полезные. Присутствіе лейкомаиновъ доказано во всѣхъ изверженіяхъ и выдѣленіяхъ здороваго организма, причемъ, въ большинствѣ случаевъ, это ядовитые лейкомаины. Наибольшее ихъ количество заключается въ кишечныхъ изверженіяхъ и въ уринѣ. Бушаръ, въ своихъ изслѣдованіяхъ о ядовитости урины и другихъ изверженій здороваго человѣка, доказалъ это съ полною очевидностью. Есть ядовитые лейкомаины и въ слюнѣ человѣка. Этотъ фактъ, между прочимъ, можетъ служить объясненіемъ тѣхъ случаевъ, когда укусы человѣкомъ человѣка, особенно произведенные въ порывѣ гнѣва, оказывались ядовитыми и даже смертельными. Нашли ихъ и въ потѣ, и въ выдыхаемомъ воздухѣ. Послѣднее обстоятельство разъясняетъ всѣмъ извѣстное отравляющее дѣйствіе спертой атмосферы въ помѣщеніи, переполненномъ людьми. Одно присутствіе углекислоты, даже въ весьма значительномъ количествѣ, при провѣрочныхъ опытахъ оказалось недостаточнымъ, чтобы вызвать такія явленія, которыя наблюдаются при вдыханіи воздуха, испорченнаго продуктами выдыханія. Найдены лейкомаины и во многихъ внутреннихъ органахъ, повторяемъ, при нормальныхъ физіологическихъ условіяхъ организма, въ мозгу, крови, сердцѣ, печени, селезенкѣ, почкахъ железахъ и т. д.

Кровь животныхъ одного вида оказывается сильнымъ ядомъ для животныхъ другого вида (при вспрыскиваніи подъ кожу) въ силу присутствія ядовитыхъ лейкомаиновъ.

Ядъ нѣкоторыхъ животныхъ: змѣй, амфибій, насѣкомыхъ—также относится къ лейкомаинамъ.

Процессъ образованія этихъ веществъ въ организмѣ имѣетъ совершенно особый химическій характеръ. Пастёръ доказалъ, что всѣ виды микробовъ, по своему отношенію къ кислороду, могутъ быть подраздѣлены на двѣ группы: микробы, требующіе для продолженія свой жизни присутствія свободнаго кислорода воздуха—*аэробіи* и микробы, не нуждающіеся въ свободномъ кислородѣ, а добывающіе его изъ веществъ, химически его заключающихъ въ силу особенныхъ своихъ жизнедѣятельныхъ свойствъ — *анаэробіи*. Бактеріи гніенія и броженія принадлежатъ къ этому послѣднему роду. Пастёръ предвидѣлъ, что и клѣточки живого организма, подобно нѣкоторымъ бактеріямъ, которыя можно разсматривать какъ одноклѣточныя, могутъ жить анаэробною жизнью, и что жизненный процессъ въ своемъ химическомъ выраженіи имѣетъ много общаго съ процессами броженія или гніенія. Арманъ Готье доказалъ, что клѣточки живого организма, во все продолженіе его жизни и спустя нѣкоторое время послѣ смерти, живутъ какъ анаэробіи, т.-е. какъ организмы, не нуждающіеся въ свободномъ кислородѣ.

Какъ у бактерій гніенія продуктами ихъ жизнедѣятельности является превращеніе бѣлковыхъ тѣлъ среды въ птомаины, такъ живыя клѣточки изъ тѣхъ же бѣлковъ вырабатываютъ лейкомаины, но на этомъ аналогія и кончается. Бактеріи въ гніющей массѣ производятъ дальнѣйшія разложенія и превращенія, живыя же клѣточки не доводятъ до конца своего разлагающаго дѣйствія, и нерастворимыя бѣлковыя вещества остаются нетронутыми. Это различіе въ окончательномъ исходѣ процессовъ даетъ право Готье сказать въ противность утвержденію Клодъ-Бернара, что если жизнь и похожа на гніеніе, то, все-таки, она не есть гніеніе.

И такъ, въ тканяхъ и въ крови нормальнаго, здороваго организма всегда присутствуетъ извѣстное количество алкалоидоподобныхъ веществъ, ядовитыхъ и неядовитыхъ, составляющихъ продуктъ анаэробной жизни клѣточекъ.

Всегда ли количество и качество этихъ лейкомаиновъ одинаково у одного и того же животнаго?

Прежде всего, замѣтимъ, что нахожденіе лейкомаиновъ въ выдѣленіяхъ организма само собою понятно съ точки зрѣнія сохраненія жизни. Въ самомъ дѣлѣ, если бы образующіеся въ организмѣ ядовитые лейкомаины не выдѣлялись изъ тѣла, то, въ концѣ-концовъ, накопленіе ихъ очень быстро привело къ смерти. Бушаръ вычислилъ, что количество яда, выдѣляемаго лишь уриной въ теченіе 48 ч., было бы достаточно, чтобы [illegible]ить само животное. Такимъ образомъ, присутствіе въ изверженіяхъ боль[illegible]аго или меньшаго количества ядовитыхъ лейкомаиновъ (токсиновъ), въ [illegible]доровомъ состояніи организма, будетъ прямо пропорціонально содержанію [illegible]оксиновъ внутри его. Другими словами, если мы, изучая колебанія коли[illegible]ства лейкомаиновъ въ изверженіяхъ, получимъ, что при такихъ-то и та[illegible]ихъ-то условіяхъ количество ихъ увеличилось, то это будетъ означать, [illegible] эти условія способствуютъ накопленію токсиновъ въ организмѣ.

Опыты Бушара обнаружили, что накоплению лейкомаиновъ въ организмѣ человѣка способствуютъ сидячій образъ жизни, умственный трудъ и вообще всѣ условія, замедляющія такъ называемый обмѣнъ веществъ. Съ другой стороны, вдыханіе сжатаго воздуха, физическій трудъ на свѣжемъ воздухѣ и, вообще, обстоятельства, повышающія обмѣнъ веществъ, уменьшаютъ количество лейкомаиновъ, циркулирующихъ въ крови. Лейкомаины, образующіеся во время бодрствованія, по преимуществу обладаютъ наркотическими (усыпляющими) свойствами, лейкомаины же, накопляющіеся во время сна, отличаются свойствомъ вызывать судороги. Съ этой точки зрѣнія наступленіе сонливости и сна послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго бодрствованія можно смотрѣть какъ на переполненіе организма лейкомаинами наркотическаго характера; накопленіе же во время сна лейкомаиновъ, производящихъ судороги, должно, въ концѣ-концовъ, вызвать пробужденіе. Въ болѣзненныхъ состояніяхъ организма количество и виды лейкомаиновъ весьма рѣзко мѣняются. Въ большинствѣ случаевъ, являются новые токсины, а также увеличиваются обычные. Но здѣсь вообще нужно сказать, что этотъ отдѣлъ изученъ пока еще очень мало, поэтому можно привести лишь самыя поверхностныя и приближенныя свѣдѣнія.

И такъ, какова же роль этихъ веществъ въ общей экономіи организма?

Съ точки зрѣнія утилитарной, лейкомаины могутъ быть, какъ это сказано выше, раздѣлены на двѣ группы: вредные и полезные (ядовитые и неядовитые). Но, прежде чѣмъ перейти къ болѣе подробному ихъ разсмотрѣнію, скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ химизмѣ живого организма.

Какъ извѣстно, главнѣйшею составною частью всякой живой клѣточки, а, стало быть, и цѣлаго организма, какъ аггрегата отдѣльныхъ клѣточекъ, является съ химической точки зрѣнія бѣлокъ или, точнѣе, группа бѣлковыхъ тѣлъ. Эти тѣла, изъ всѣхъ извѣстныхъ въ органической химіи, представляются наиболѣе сложными по составу и обладающими многими чрезвычайно характерными свойствами. Къ слову сказать, сложность и непрочность состава дѣлаютъ изученіе этихъ тѣлъ весьма затруднительнымъ при тѣхъ сравнительно грубыхъ способахъ изслѣдованія, которыми располагаетъ химія. Но, во всякомъ случаѣ, фактъ, что превращеніе бѣлковыхъ тѣлъ въ организмѣ составляетъ химическій субстратъ жизни, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Всякая клѣточка, всякій сложный организмъ, въ силу своей жизнедѣятельности, неизбѣжно потребляетъ бѣлки, причемъ этотъ жизненный актъ выражается съ химической стороны въ видѣ процесса *расщепленія* бѣлковъ, превращенія ихъ изъ тѣлъ сложныхъ въ болѣе простыя. Эти продукты *распада* бѣлковыхъ тѣлъ весьма многочисленны и составляютъ цѣлую лѣстницу постепенно убывающихъ по сложности тѣлъ, до основныхъ элементовъ: углерода, водорода, кислорода, азота и сѣры включительно. Главнѣйшимъ химическимъ агентомъ въ этихъ превращеніяхъ является кислородъ; безъ его содѣйствія эти процессы невозможны. Другими словами, сложныя бѣлковыя тѣла путемъ *окисленія* переходятъ въ болѣе простыя, и при дальнѣйшемъ ходѣ измѣненій *окисляются* или *сг*

раютъ въ основные элементы, уже неизмѣняемые ни при какихъ условіяхъ. Откуда же берется кислородъ? Изъ воздуха, путемъ вдыханія, изъ пищи и питья, принимаемыхъ въ желудочно-кишечный каналъ. Но *свободнаго кислорода*, вводимаго этимъ путемъ, недостаточно для производства всей совокупности процессовъ окисленія, ибо, какъ вытекаетъ изъ извѣстныхъ опытовъ Петенкофера и Файта, изъ организма выводится кислорода гораздо больше, почти на 20%, чѣмъ его вводится съ воздухомъ, пищей и питьемъ. Недостающее количество пополняется на счетъ имѣющагося въ разныхъ соединеніяхъ *связаннаго* кислорода, который, въ силу присущей клѣточкамъ способности, выдѣляется ими изъ этихъ соединеній и служитъ для дальнѣйшаго окисленія. Это и есть анаэробная жизнь клѣточекъ, о которой мы говорили выше. Самый же процессъ окисленія бѣлковъ, въ силу присущей живымъ клѣточкамъ специфической способности къ анаэробной жизни, называется *тканевымъ* *), *клѣточнымъ дыханіемъ* или, какъ это принято теперь, *внутри-тканевымъ окисленіемъ*. Вотъ при этихъ-то анаэробныхъ проявленіяхъ жизнедѣятельности клѣточекъ и развиваются, въ качествѣ продуктовъ распада бѣлковъ, различные лейкомаины. Еще раньше, до образованія лейкомаиновъ, представляющихъ рѣзкія химическія отличія отъ производящихъ ихъ бѣлковъ, какъ первая степень *внутри-тканеваго* окисленія, получаются извѣстныя измѣненія бѣлковъ безъ того, чтобы нарушился ихъ составъ, т.-е. возникаютъ *изомерныя* **) превращенія бѣлковъ; нѣкоторыя изъ нихъ, обладающія чрезвычайною ядовитостью, опредѣлены и извѣстны подъ именемъ *токсальбуминовъ* (ядовитыхъ бѣлковъ). Такъ, напримѣръ, различаютъ токсальбумины, развивающіеся при дифтеритѣ, столбнякѣ и нѣкоторыхъ другихъ болѣзняхъ. Туберкулинъ Коха также относится къ разряду токсальбуминовъ.

Если можно признать доказаннымъ постоянное накопленіе въ организмѣ ядовитыхъ продуктовъ распада бѣлковъ лейкомаиновъ, токсальбуминовъ и птомаиновъ, то мы вправѣ задать вопросъ, какія же условія предохраняютъ организмъ отъ смерти при столь значительномъ накопленіи яда?

Бушаръ описываетъ слѣдующіе способы парализованія ядовитаго дѣйствія лейкомаиновъ:

1) Выведеніе изъ организма ядовъ посредствомъ различныхъ органовъ. Выше мы видѣли уже, что присутствіе этихъ ядовъ обнаруживается вездѣ въ выдѣленіяхъ организма.

2) Разрушеніе лейкомаиновъ внутри тканей вслѣдствіе проникновенія къ нимъ съ дыханіемъ и кровообращеніемъ свободнаго кислорода. Это

---

*) Тканью въ анатомическомъ смыслѣ называется скопленіе клѣточекъ, обладающихъ какими-нибудь общими свойствами, общею формой, строеніемъ и проч. Такъ, различаютъ мышечную ткань, состоящую изъ мышечныхъ клѣтокъ, жировую ткань—изъ жировыхъ клѣтокъ, костную ткань—изъ костныхъ клѣтокъ и т. п.

**) Изомерными тѣлами въ химіи называются такія, которыя, не представляя какой разницы въ химическомъ составѣ, отличаются другъ отъ друга лишь расположеніемъ частицъ—*молекулъ*.

вліяніе кислорода становится понятнымъ, когда припомнимъ, что было сказано выше о разрушительномъ дѣйствіи избытка кислорода какъ на образованіе птомаиновъ, такъ и на самые птомаины. Также нужно припомнить о рѣзкомъ уменьшеніи накопленія лейкомаиновъ въ уринѣ, вслѣдствіе усиленныхъ движеній и работы на свѣжемъ воздухѣ. При этихъ условіяхъ ускоряется и увеличивается притокъ кислорода къ тканямъ путемъ повышенія процессовъ дыханія и кровообращенія.

3) Привыканіе организма къ ядамъ. Здѣсь нужно указать, что многіе лейкомаины не дѣйствуютъ на тѣхъ животныхъ, изъ которыхъ они выдѣляются; такъ, наприм., змѣиный ядъ не вліяетъ на самую змѣю, то же относительно ядовитыхъ амфибій, насѣкомыхъ и проч.

4) Способность печени задерживать и разрушать яды.

5) Бѣлыя кровяныя тѣльца обладаютъ способностью разрушать многія бѣлковыя тѣла и въ томъ числѣ нѣкоторые производные изъ нихъ лейкомаины.

Понятно, что при нарушеніи одного изъ перечисленныхъ способовъ самоогражденія организма отъ ядовитаго дѣйствія лейкомаиновъ, послѣдніе, накопляясь въ избыточномъ количествѣ, могутъ вызвать соотвѣтственныя болѣзненныя проявленія и повести даже къ смерти, что и бываетъ на самомъ дѣлѣ. Бушаръ называетъ подобное явленіе самоотравленіемъ (аутоинтоксикаціей).

Опубликованіе изложенныхъ мнѣній Бушара, Армана Готье и другихъ возобновило среди ученыхъ притихнувшіе было споры о причинной связи между микробами и заразными болѣзнями. Противники этой зависимости, устами извѣстнаго французскаго клинициста проф. Петера, сочли себя вправѣ воскликнуть, что открытіе Готье освободило теперь болѣзни отъ тиранніи микробовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ организмѣ и безъ всякаго участія микробовъ вырабатываются ядовитыя вещества, могущія вызвать тѣ или другія болѣзненныя явленія, то къ чему же еще допускать участіе въ этихъ процессахъ паразитныхъ существъ, микробовъ? Но какъ самъ Арманъ Готье, такъ и громадное большинство другихъ ученыхъ думаютъ, что лейкомаинная гипотеза не можетъ объяснить всѣхъ фактовъ изъ области инфекціонныхъ болѣзней. Если и существуютъ такія болѣзненныя формы (подагра, ревматизмъ, малокровіе, долевое воспаленіе легкихъ, разстройство пищеваренія), которыя обязаны своимъ происхожденіемъ накопленію лейкомаиновъ, то на ряду съ этимъ есть и такія болѣзни, которыя происходятъ вслѣдствіе отравленія организма птомаинами, выработанными при посредствѣ болѣзнетворныхъ микробовъ. Къ этому роду относятс инфекціонныя болѣзни. Въ настоящее время можно признать имѣющим наибольшую достовѣрность мнѣніе, примиряющее оба взгляда на проис хожденіе болѣзней, птомаинное и лейкомаинное.

Теперь вернемся еще разъ къ описанному способу удаленія ядовитых лейкомаиновъ посредствомъ разрушенія ихъ кислородомъ и превращенія в дальнѣйшіе продукты распаденія бѣлковъ. Многочисленными опытами бы

установлено, что не во всякой формѣ тотъ или другой лейкомаинъ можетъ быть выдѣленъ изъ организма черезъ тѣ или иные выдѣлительные органы. Вообще можно сказать, что чѣмъ дальше продвинулся процессъ расщепленія бѣлковъ, тѣмъ легче эти продукты распада могутъ быть извержены изъ организма. Наиболѣе удобною формой является мочевина, составляющая производное бѣлковъ, подвергшихся наиболѣе полному сгоранію. Нѣтъ сомнѣнія, что въ видѣ этого тѣла изъ организма выдѣляется масса продуктовъ бѣлковаго распаденія, которые, не будь превращены въ этотъ неядовитый и легко выводимый продуктъ, производили бы въ организмѣ извѣстное вредоносное дѣйствіе. Необходимымъ агентомъ при всѣхъ этихъ цѣлительныхъ превращеніяхъ продуктовъ, неполнаго сгоранія въ продукты окончательнаго метаморфоза является свободный кислородъ. Отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ энергичнѣе идетъ въ организмѣ дѣйствіе кислорода, тѣмъ полнѣе онъ очищается или дезинфицируется отъ накопляющихся продуктовъ анаэробной жизни клѣтокъ. И наоборотъ, чѣмъ вялѣе происходитъ вентилированіе тканей кислородомъ, тѣмъ болѣзненнѣе становится жизнь организма. Съ этой точки зрѣнія, при многихъ болѣзняхъ становится вполнѣ понятнымъ благодѣтельное дѣйствіе физическаго труда, чистаго воздуха, купанья и вообще всѣхъ актовъ, повышающихъ обмѣнъ веществъ и дающихъ возможность лучшаго проникновенія въ ткани кислорода воздуха. Сюда же относится леченіе сжатымъ воздухомъ, озономъ (т.-е. кислородомъ въ наиболѣе дѣятельной формѣ) и проч. Но этими соображеніями вопросъ не исчерпывается. Кромѣ чисто-внѣшнихъ условій снабженія организма кислородомъ, въ самыхъ тканяхъ происходятъ процессы и вырабатываются продукты, которые такъ или иначе вліяютъ на *внутри-тканевое* окисленіе. Здѣсь еще разъ мы должны предупредить читателя, что излагаемое ниже составляетъ научное пріобрѣтеніе лишь самаго послѣдняго времени и поэтому не только не можетъ претендовать на исчерпывающее значеніе, но во многихъ своихъ частяхъ должно быть признано спорнымъ, даже какъ фактъ. Сдѣлавъ эту оговорку, продолжаемъ наше изложеніе.

И такъ, въ самихъ тканяхъ, въ химическихъ продуктахъ ихъ жизнедѣятельности обнаруживаются такія условія, вырабатываются такія вещества, которыя вліяютъ въ томъ или иномъ смыслѣ на внутри-тканевое окисленіе. О продуктахъ, накопленіе которыхъ ведетъ къ пониженію или даже уничтоженію этого процесса, мы говорить не будемъ, а прямо перейдемъ къ разсмотрѣнію такихъ химическихъ веществъ, присутствіе которыхъ необходимо для нормальнаго хода внутри-тканеваго окисленія. Съ э го пункта мы вступаемъ въ область изученія *неядовитыхъ* лейкомаи- н въ и даже *полезныхъ*. Изслѣдованія о дѣйствіи выдѣленій слизистой о лочки носа и слюнныхъ железъ показали, что эти жидкости весьма и ительно вліяютъ на нѣкоторые виды болѣзнетворныхъ микробовъ, при- ъ суть дѣйствія заключается въ лейкомаинахъ, содержащихся въ этихъ ж костяхъ. Вотъ уже первая, полезная для организма, функція нѣкото- ъ лейкомаиновъ. Они являются, такимъ образомъ, до извѣстной степени

предохранителями организма отъ внѣшнихъ враговъ, которыхъ они убиваютъ своими ядовитыми свойствами.

Броунъ-Секаръ и его многочисленные ученики давно выставили, какъ неоспоримое положеніе, что каждая железа, каждая ткань, каждая клѣточка въ процессѣ своей жизнедѣятельности, кромѣ тѣхъ продуктовъ распаденія бѣлковъ, которые подлежатъ удаленію изъ организма, даютъ ему еще нѣчто такое, безъ чего невозможно правильное функціонированіе какъ цѣлаго организма, такъ и его частей. Это нѣчто, химическая природа котораго начинаетъ выясняться, можно сказать, лишь со вчерашняго дня, несомнѣнно является химическимъ продуктомъ жизнедѣятельности всѣхъ тканей, всѣхъ клѣточекъ и относится къ разряду лейкомаиновъ. Если и нельзя счесть вполнѣ доказанной такую природу этихъ продуктовъ, то, во всякомъ случаѣ, есть уже солидныя основанія причислить ихъ именно къ алкалоидоподобнымъ тѣламъ—лейкомаинамъ, по крайней мѣрѣ, поскольку выясненъ до сихъ поръ составъ нѣкоторыхъ изъ этихъ полезныхъ лейкомаиновъ. Въ скобкахъ замѣтимъ, что нѣкоторые химики уже высказываютъ предположеніе, что, кромѣ алкалоидоподобныхъ тѣлъ, ткани и клѣточки вырабатываютъ еще и другія, но какія именно, какова ихъ натура, способъ дѣйствія,—все это вопросы, ожидающіе дальнѣйшаго разъясненія. Возвращаясь къ предмету, мы должны привести нѣкоторые характерные эксперименты, доказывающіе съ очевидностью, какое важное значеніе въ общей экономіи организма имѣютъ эти внутреннія выдѣленія железъ и, вообще, клѣточекъ. Какъ на общеизвѣстный примѣръ, мы укажемъ на кастрацію, которая производитъ столь крупныя нарушенія въ организмѣ, какъ остановка развитія, измѣненіе лица, голоса, склада характера. Ясно, что эти измѣненія явились результатомъ лишенія организма тѣхъ веществъ, которыя вырабатываются органами оплодотворенія, проникаютъ вмѣстѣ съ кровью во всѣ части организма и—черезъ посредство ли нервной системы, или другимъ какимъ путемъ—оказываютъ свое дѣйствіе на самые различные ткани и органы.

Уничтоженіе вліянія щитовидной (зобной) железы, вслѣдствіе ли болѣзненнаго процесса, измѣняющаго нормальное ея строеніе, или вызванное искусственнымъ путемъ: вырѣзываніе железы при операціяхъ или съ цѣлью опыта у животныхъ—всегда приводитъ къ одному и тому же результату: организмъ заболѣваетъ такъ называемымъ слизистымъ отекомъ, развивается общая слабость, подкожная клѣтчатка разбухаетъ, появляется апатія, доходящая до слабоумія, и проч. И въ этомъ случаѣ болѣзненныя измѣненія сводятся къ отнятію отъ организма веществъ, вырабатываемыхъ щитовидною железой, которыя были необходимы съ точки зрѣнія общей экономіи.

Заболѣваніе или уничтоженіе поджелудочной железы приводитъ къ [illegible]харному мочеизнуренію, а болѣзнь уничтоженія подпочечныхъ железъ—къ Эдиссоновой болѣзни.

Полагаемъ, что приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы выяс[illegible]ъ

важное значеніе внутренней дѣятельности железъ. Что касается нежелезистыхъ тканей, то болѣзнетворное вліяніе ихъ отнятія не обнаружено пока прямыми опытами, но къ аналогичному заключенію объ ихъ роли мы должны придти на основаніи косвенныхъ соображеній. Броунъ-Секаръ, между прочимъ, указываетъ на возстановленіе кости подъ вліяніемъ выдѣленій надкостницы (соединительно-тканная оболочка костей), на отрастаніе перерѣзанныхъ нервныхъ стволовъ вслѣдствіе выдѣлительнаго дѣйствія нервной ткани, на кровообразующее дѣйствіе стѣнокъ капилляровъ при уменьшеніи количества крови въ организмѣ, вслѣдствіе кровотеченій, и проч. Эти факты даютъ право предположить, что и ткани, а, стало быть, и составляющія ихъ клѣточки выдѣляютъ въ пользованіе организму нѣчто безусловно необходимое для его жизни. Относительно крови прямыми опытами д-ровъ Бухнера, Нуталля и другихъ доказано, что кровяная сыворотка, будучи освобождена отъ всѣхъ форменныхъ элементовъ крови (бѣлыхъ и красныхъ кровяныхъ тѣлецъ), обладаетъ чрезвычайно губительною способностью для многихъ патогенныхъ микробовъ. Были испытаны бактеріи сибирской язвы, брюшного тифа, холеры, гноя, свиной краснухи и нѣкоторыя другія. При этихъ опытахъ было, между прочимъ, замѣчено, что разрушительная для бактерій способность уменьшается при нагрѣваніи сыворотки и совсѣмъ теряется при температурѣ около 50—55° Цельс. Подобное же вліяніе оказываетъ и усиленный притокъ кислорода. Съ другой стороны, наиболѣе дѣятельными въ смыслѣ умерщвленія бактерій являются тѣ части сыворотки, которыя содержатъ наибольшее количество бѣлковыхъ тѣлъ. Изъ всѣхъ этихъ наблюденій можно заключить, что губительнымъ агентомъ въ кровяной сывороткѣ являются бѣлковыя производныя.

Конечно, было бы слишкомъ смѣло утверждать, что ткани исключительно только и выдѣляютъ лейкомаины, но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя наблюденія заставляютъ думать, что въ числѣ многихъ, еще неизученныхъ тканевыхъ продуктовъ есть лейкомаины, по своему дѣйствію оказывающіеся полезными для организма.

Блестящее подтвержденіе высказанному взгляду на значеніе лейкомаиновъ дали изслѣдованія русскаго химика проф. Пеля. Ему удалось добыть въ чистомъ видѣ одинъ изъ такихъ полезныхъ лейкомаиновъ—сперминъ.

Работы проф. Пеля и другихъ ученыхъ выяснили, что сперминъ находится во многихъ железахъ и тканяхъ организма, какъ человѣка, такъ и животныхъ. Онъ не ядовитъ. Насколько можно судить по добытымъ до сихъ поръ даннымъ, значеніе его сводится къ тому, что, благодаря присущей ему способности, онъ, въ качествѣ бродила (фермента), содѣйствуетъ внутри-тканевому окисленію. Доказательства такого свойства спермина многочисленны и разнообразны; надъ разработкой вопроса въ этомъ направленіи много потрудились самъ проф. Пель, проф. Тархановъ, д-ра Викторовъ, Манченко, Кощининъ и другіе.

Сперминъ проявляетъ свою окислительную способность *каталитически*, т.-е. дѣйствуетъ однимъ своимъ присутствіемъ, самъ не измѣняясь ни ко-

личественно, ни качественно. Во всѣхъ случаяхъ, когда процессы окисленія въ тканяхъ или крови задержаны, прибавленіе спермина тотчасъ сказывается возстановленіемъ окисленія. Если мы припомнимъ сказанное выше о дѣятельномъ окисленіи, какъ факторѣ, освобождающемъ организмы отъ промежуточныхъ продуктовъ распаденія бѣлковъ-лейкомаиновъ, то намъ станетъ понятна вся важность полезнаго дѣйствія спермина внутри тканей, какъ агента, увеличивающаго этотъ актъ.

Между прочимъ, проф. Пель, разбирая условія освобожденія организма отъ вредныхъ лейкомаиновъ и отводя подобающую роль въ этомъ процессѣ повышенію окисленія, замѣчаетъ, что уже теперь есть нѣкоторыя данныя предполагать, что не только этимъ путемъ парализуется вредное дѣйствіе лейкомаиновъ, но возможны и химическія сочетанія лейкомаиновъ между собою и, притомъ, такія, которыя или даютъ возможность имъ извергнуться черезъ выдѣлительные органы, или же сами по себѣ уже не оказываются вредоносными. Весьма вѣроятно, что для осуществленія этихъ взаимныхъ сочетаній лейкомаиновъ нуженъ также какой-нибудь агентъ, лейкомаиннаго или иного состава, открытіе котораго не заставитъ себя ждать, если предположенія проф. Пеля, вообще, справедливы.

Резюмируя сказанное, мы должны признать, что клѣточки, въ силу присущей имъ способности, вырабатываютъ извѣстныя специфическія вещества, лейкомаины и другія, которыя оказываются или вредными, отравляющими, или же полезными и, даже, необходимыми для жизни организма.

Ознакомившись съ физіологическою стороной дѣла, мы легко поймемъ, какъ благодѣтеленъ долженъ быть тотъ способъ леченія, который стремится ввести въ организмъ вещества, недостающія ему въ силу какихъ-нибудь болѣзненныхъ условій или же могущія служить противоядіемъ для ядовъ, развиваемыхъ микробами и самими клѣточками. Иными словами, здѣсь идетъ рѣчь о введеніи въ организмъ птомаиновъ и лейкомаиновъ съ лечебною цѣлью.

Еще прежде нежели выяснилась роль этихъ тѣлъ въ экономіи организма, начались эмпирическія попытки направить леченіе нѣкоторыхъ болѣзней новымъ путемъ. И здѣсь, какъ во многихъ областяхъ новѣйшей біологіи, первымъ должно быть упомянуто имя Пастёра.

Давно былъ подмѣченъ фактъ, что не всѣ виды животныхъ, даже не всѣ индивиды одного и того же вида одинаково воспріимчивы къ заразнымъ болѣзнямъ. Открытіе Дженнеромъ предохранительной прививки оспы показало, что подобную невоспріимчивость можно создавать искусственно даже у существъ весьма предрасположенныхъ къ заболѣванію данною бо-лѣзнью. Въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ дженнеровскія прививки хо я и получили повсемѣстное распространеніе, но въ теоретическомъ отношен и оставались фактомъ, стоявшимъ изолированно и не допускавшимъ никако о объясненія. Геніальныя изслѣдованія Пастёра дали надлежащее мѣсто это у роду лечебнаго воздѣйствія и привели къ тому общему выводу, что ъ большинствѣ заразныхъ, если не во всѣхъ болѣзняхъ возможно тѣмъ и п

другимъ образомъ вызвать у животнаго полную къ нимъ невоспріимчивость.

Такимъ образомъ, говоря о леченіи, мы должны принять въ соображеніе и вызываніе невоспріимчивости, какъ одной изъ формъ лечебнаго воздѣйствія въ широкомъ смыслѣ слова. Практически наибольшіе успѣхи достигнуты именно въ отношеніи этой стороны дѣла. Въ настоящее время извѣстны уже многія болѣзни, при которыхъ возможны предохранительныя прививки. Правда, что большею частью благопріятные результаты получены пока лишь на животныхъ и въ лабораторной обстановкѣ. Что же касается человѣка, то въ этомъ отношеніи нужно еще ждать дальнѣйшихъ изслѣдованій. Но, во всякомъ случаѣ, возможность вызыванія иммунитета стоитъ внѣ спора и дѣло остается лишь за усовершенствованіемъ техническихъ пріемовъ.

Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе гипотезъ, пытающихся дать объясненіе иммунитету. До сихъ поръ онѣ не вышли изъ разряда болѣе или менѣе остроумныхъ предположеній, нуждающихся въ дальнѣйшей разработкѣ и подтвержденіи. Можно надѣяться, что изученіе химизма жизнедѣятельности клѣточекъ окажетъ разрѣшенію вопроса не маловажную услугу.

Способы вызыванія иммунитета, что касается деталей, весьма разнообразны, но въ нихъ есть одинъ общій принципъ, это — постепенное пріученіе организма къ ядуданной болѣзни путемъ введенія въ него продуктовъ жизнедѣятельности патогенныхъ микробовъ въ питательной средѣ, т.-е. птомаиновъ, въ дозахъ сначала малыхъ и съ ослабленною ядовитостью, потомъ въ дозахъ все болѣе возростающихъ какъ въ количествѣ, такъ и въ степени ядовитости. Эти птомаины берутъ или изъ культуръ соотвѣтственныхъ микробовъ, или изъ органовъ предварительно зараженныхъ животныхъ. Таковъ обычный способъ вызыванія иммунитета, такъ сказать, птомаинный. Ниже мы увидимъ, что есть еще одинъ способъ, отличающійся своею быстротой и основанный, повидимому, на доставленіи организму готовыхъ противодѣйствующихъ веществъ, выработанныхъ другимъ организмомъ. Этотъ способъ (д-ровъ Беринга и Китазато) могъ бы быть названъ лейкомаиннымъ. Въ настоящее время этотъ отдѣлъ леченія можетъ считаться достаточно разработаннымъ и не сегодня-завтра мы будемъ имѣть къ услугамъ человѣка цѣлый ассортиментъ предохранительныхъ прививокъ.

Нѣсколько иначе стоитъ дѣло съ леченіемъ уже развившихся болѣзней. Изученіе этой области подвинулось впередъ лишь въ самое послѣднее время, вслѣдствіе чего практическіе результаты пока не велики. Но и здѣсь сомнѣваться въ близкомъ успѣхѣ невозможно, ибо того, что уже достигнуто, совершенно достаточно, чтобъ убѣдиться въ вѣрности избраннаго пути. До сихъ поръ предложено нѣсколько способовъ воздѣйствія на развившуюся уже заразу.

Первымъ по времени изобрѣтенія мы должны признать пастёровскій способъ леченія бѣшенства. Въ виду всѣхъ извѣстныхъ подробностей этого

метода, мы считаемъ возможнымъ ограничиться лишь напоминаніемъ, что сущность его заключается въ прививкахъ эмульсіи изъ продолговатаго мозга зараженнаго бѣшенствомъ кролика съ постепеннымъ увеличеніемъ степени ея ядовитости. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло со введеніемъ въ организмъ яда, по всей вѣроятности, изъ разряда птомаиновъ, добытаго изъ органовъ больного животнаго. Отмѣчаемъ, какъ фактъ большой теоретической важности, что леченіе по способу Пастёра имѣетъ успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, пока не обнаружились еще признаки развивающагося бѣшенства, т.-е. пока болѣзнь находится въ періодѣ инкубаціи. Если же время упущено и появились симптомы развившейся болѣзни, то леченіе безполезно. Этотъ фактъ можетъ служить для характеристики метода. Какъ извѣстно, заразныя болѣзни имѣютъ одно общее свойство: отъ момента зараженія до момента заболѣванія всегда протекаетъ извѣстный періодъ времени, то продолжительный, то краткій, въ зависимости отъ рода болѣзни. Этотъ періодъ скрытаго состоянія заразы называется инкубаціоннымъ. Очевидно, что въ продолженіе этого періода ядъ не успѣлъ еще развиться до такой степени, чтобы вызвать болѣзненныя проявленія. Если, пользуясь этимъ промежуткомъ, начать пріученіе организма къ яду, т.-е. прибѣгнуть къ предохранительнымъ прививкамъ, то очевидно, что къ моменту обнаруженія дѣйствія яда онъ окажется невоспріимчивымъ и, стало быть, останется здоровымъ. Припоминая основной принципъ пастёровскаго способа леченія бѣшенства, мы должны признать, что это не способъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, а лишь видоизмѣненіе предохранительныхъ прививокъ и соотвѣтствуетъ переходной ступени отъ иммунитета къ леченію. Понятно, что подобный методъ приложимъ, какъ мы упомянули выше, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда инкубаціонный періодъ достаточно великъ и когда мы знаемъ моментъ зараженія, чтобы, не теряя времени, приступить къ предохранительнымъ прививкамъ. Бѣшенство какъ разъ соединяетъ въ себѣ эти условія, такъ какъ инкубаціонный періодъ тянется около нѣсколькихъ недѣль, а моментъ зараженія совпадаетъ съ укусомъ бѣшенымъ животнымъ. Въ другихъ болѣзняхъ мы не находимъ столь благопріятныхъ условій, а потому пастёровскій способъ, стоящій на границѣ между предохранительными прививками и собственно леченіемъ, не можетъ имѣть широкаго распространенія. Непреодолимымъ препятствіемъ здѣсь служитъ какъ неизвѣстность момента зараженія, такъ и зачастую краткость періода инкубаціи, въ теченіе котораго нельзя надѣяться на пріученіе организма къ яду.

Эти соображенія заставили искать другого пути. Исходя изъ подмѣченнаго антагонизма *) между нѣкоторыми видами микробовъ, занимавшіес этимъ вопросомъ ученые предложили вводить въ больной организмъ анта

*) Многіе виды бактерій не могутъ ужиться рядомъ другъ съ другомъ, въ одно и той же средѣ. Дѣло въ такихъ случаяхъ кончается тѣмъ, что одинъ видъ совершенно вытѣсняется другимъ.

гонистовъ тѣмъ микробамъ, которые вызвали данную болѣзнь. Проф. Кантани предложилъ вдыханіе одного изъ видовъ гнилостныхъ бактерій (bacterium Termo) для парализованія чахоточной палочки (туберкулезная бацилла Коха). Сами по себѣ вдыханія гнилостной бактеріи, по опытамъ Кантани, оказывались безвредными. Многіе наблюдатели, провѣрившіе сообщеніе Кантани, нашли, что этотъ способъ не только не приводитъ къ цѣли, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывается даже вреднымъ. Такимъ образомъ, мысль Кантани,— по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, — не получила, къ сожалѣнію, права гражданства. Мы употребили выраженіе «къ сожалѣнію» въ виду того, что, исходя изъ теоретическихъ соображеній, нельзя не признать за способомъ Кантани извѣстный raison d'etre. Быть можетъ, дальнѣйшія усовершенствованія въ техникѣ позволятъ намъ вернуться къ отвергнутому пока методу и дадутъ возможность извлечь изъ него пользу для страждущаго человѣчества.

Аналогичное предложеніе было сдѣлано американскимъ д-ромъ Тиндалемъ, который въ нѣкоторыхъ случахъ чахотки нашелъ полезнымъ впрыскиваніе оспенной лимфы. Но и этотъ способъ былъ отвергнутъ многими изслѣдователями, какъ не достигающій цѣли.

Подобная же участь постигла и предложенія лечить ракъ, сифилисъ прививками рожи и многія другія, основанныя на томъ же принципѣ.

Съ именемъ Роберта Коха связана мысль лечить заразныя болѣзни непосредственно продуктами жизнедѣятельности микробовъ данной болѣзни. Мы имѣемъ здѣсь въ виду его, надѣлавшее столько шума три года назадъ, предложеніе впрыскивать при чахоткѣ глицериновую вытяжку изъ культуръ чахоточной бациллы, ослабленную и видоизмѣненную извѣстнымъ образомъ. Всѣмъ, безъ сомнѣнія, памятенъ какъ энтузіазмъ, сопровождавшій появленіе этого способа, такъ и разочарованіе, съ которымъ постарались поскорѣе забыть о немъ. Мы думаемъ, что и въ данномъ случаѣ судьба поступила слишкомъ жестоко. Если и на самомъ дѣлѣ практическіе результаты примѣненія этого способа оказались не только не полезными, но даже вредными, то, все-таки, способъ, какъ таковой, заслуживалъ бы большаго вниманія и дальнѣйшей разработки, ибо относительно его основной идеи можно было бы привести не мало соображеній, говорящихъ за него.

Въ 1890 г. были обнародованы первыя изслѣдованія д-ровъ Беринга и Китазато о вліяніи на бактерію столбняка крови животныхъ, сдѣланныхъ невосприимчивыми къ этой болѣзни. Въ краткихъ словахъ сущность о ;крытія заключается въ слѣдующемъ.

Сдѣлавъ животное невосприимчивымъ къ столбняку путемъ послѣдоват ьныхъ прививокъ яда возростающей силы, упомянутые изслѣдователи в или сыворотку крови этихъ животныхъ и прилили къ культурѣ бактеріи с олбняка, имѣвшей весьма высокую степень ядовитости. Впрыскивая смѣсь я овитой культуры съ кровяною сывороткой невосприимчиваго животнаго, о и замѣтили, что зараженія столбнякомъ не происходитъ; такимъ обра-

зомъ, вещества, находящіяся въ крови невоспріимчиваго животнаго, уничтожили ядовитость заразы. Далѣе, они попробовали впрыснуть въ кровь здоровому животному нѣкоторое количество такой сыворотки. Въ результатѣ вышло, что животное сдѣлалось невоспріимчивымъ къ заразѣ столбняка. Такимъ образомъ, оказалось возможнымъ вызвать иммунитетъ сразу, прививши очень небольшое количество сыворотки изъ животнаго, заранѣе сдѣланнаго невоспріимчивымъ по обычному способу. Берингъ и Китазато пошли еще дальше: они привили животному заразу и тотчасъ же ввели сыворотку; оказалось, что животное не захворало. Сдѣлавъ попытку, наконецъ, привить сыворотку зараженному животному, у котораго уже развились болѣзненныя проявленія, они и здѣсь въ результатѣ получили, что впрыскиваніе сыворотки парализовало уже развившуюся болѣзнь, — животное выздоровѣло. Изучая эти явленія, упомянутые ученые, между прочимъ, натолкнулись на чрезвычайно характерный фактъ. Для уничтоженія ядовитости болѣзнетворной культуры, а также для вызыванія невоспріимчивости нужны чрезвычайно малыя количества сыворотки, тогда какъ для леченія уже развившейся болѣзни требовалось ввести ее въ количествѣ значительно большемъ.

Опыты Беринга и Китазато были повторены многими изслѣдователями, которые пришли къ такимъ же заключеніямъ. Независимо отъ нѣмецкихъ ученыхъ, два итальянскихъ доктора Тицціони и Каттани, занимаясь тѣмъ же вопросомъ, достигли въ общемъ аналогичныхъ результатовъ, причемъ они, доказавъ бѣлковую природу тѣхъ веществъ, которыя дѣлаютъ сыворотку столь полезной, выдѣлили ихъ къ общей массѣ въ видѣ сухого порошка, введеніе котораго въ организмъ животныхъ проявило такія же дѣйствія, какъ и сыворотка.

Дѣло не ограничилось только столбнякомъ,—тотъ же д-ръ Берингъ, примѣнивъ аналогичный методъ, получилъ результаты во всемъ сходные съ вышеописанными и при дифтеритѣ.

Д-ра Тицціони и Каттани, взявъ сыворотку животныхъ, сдѣланныхъ невоспріимчивыми къ бѣшенству, и выдѣливъ дѣйствующія вещества въ видѣ сухого порошка, излечили дѣйствіемъ его раствора уже развившееся бѣшенство, т.-е. сдѣлали то, чего не достигаютъ пастёровскія прививки. Подобные же результаты получены д-ромъ Эммерихомъ для свиной краснухи и, въ сотрудничествѣ съ д-ромъ Фавицкимъ, для крупознаго воспаленія легкихъ.

Нужно замѣтить, что кровь или сыворотка животныхъ, по природѣ невоспріимчивыхъ къ извѣстной болѣзни, совсѣмъ не имѣетъ тѣхъ свойствъ, какъ сыворотка животныхъ, по природѣ расположенныхъ къ заболѣванію, но сдѣланныхъ невоспріимчивыми искусственнымъ путемъ.

Всѣ вышеописанные опыты имѣли до сихъ поръ рѣшающіе результаты лишь въ лабораторіяхъ и надъ животными, но въ послѣднее время у насъ обнародованы свѣдѣнія о примѣненіи ихъ на людяхъ съ исходомъ въ высшей степени благопріятнымъ и поощряющимъ къ дальнѣйшей разработкѣ.

Считаемъ нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ объ опытахъ Эммериха, имѣющихъ большой и теоретическій, и практическій интересъ. Пользуясь добытымъ проф. Робертомъ изъ клещевины и бобовъ эквирити въ высшей степени ядовитыми токсальбуминами—*рициномъ* и *абриномъ*, Эммерихъ нашелъ, что и съ этими растительными алкалоидами можно вызвать такія же точно явленія у животныхъ, какъ съ ядами инфекціонныхъ болѣзней вообще. Такъ, Эммерихъ, путемъ постепенныхъ прививокъ, вызвалъ у животныхъ невоспріимчивость къ рицину и абрину, затѣмъ съ сывороткой этого животнаго воспроизвелъ совершенно тождественные опыты, что и д-ръ Берингъ съ ядомъ столбняка.

Резюмируя сказанное обо всѣхъ упомянутыхъ способахъ леченія, мы должны заключить, что въ нихъ во всѣхъ заложенъ общій принципъ: ввести въ организмъ тѣмъ или инымъ путемъ продуктъ жизнедѣятельности микробовъ, т.-е. птомаины въ качествѣ ли веществъ, убивающихъ заразу, или служащихъ ей противуядіемъ.

До сихъ поръ шла рѣчь о заразныхъ (инфекціонныхъ болѣзняхъ) и о птомаинномъ, такъ сказать, способѣ леченія, хотя способъ Беринга и Китазато, слѣдуетъ замѣтить, уже составляетъ, вѣроятно, переходную ступень отъ чисто-птомаиннаго способа леченія къ лейкомаинному, къ описанію котораго мы сейчасъ переходимъ. Здѣсь уже рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о леченіи (лейкомаиномъ) болѣзней не заразныхъ.

1 іюня 1889 г., въ засѣданіи біологическаго общества въ Парижѣ, извѣстный физіологъ Броунъ-Секаръ прочелъ свое первое сообщеніе о подкожныхъ впрыскиваніяхъ жидкости, извлеченной изъ органовъ оплодотворенія собаки и морской свинки. Указавъ въ предисловіи на нѣкоторые общеизвѣстные факты относительно вліянія кастраціи на сформированіе организма, Броунъ-Секаръ продолжаетъ: «Еще въ 1869 году, занимаясь изученіемъ вліянія, которое обнаруживаютъ железы на нервные центры, я высказалъ предположеніе, что если бы оказалось возможнымъ впрыскивать безъ вреда для здоровья сѣменную жидкость въ вены старикамъ, то, вѣроятно, получились бы явленія омоложиванія какъ въ отношеніи интеллектуальной работы, такъ и физической мощи организма. Руководимый этою идеей, я произвелъ въ 1875 г. въ Ноганѣ, близъ Бостона, большое число опытовъ и среди нихъ нѣсколько надъ старыми собаками, которымъ я дѣлалъ прививки жидкости, добытой изъ молодыхъ морскихъ свинокъ цѣликомъ или изъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей тѣла. Но эти опыты оказались безуспѣшными, за исключеніемъ одного. Этотъ единственный успѣшный случай [illegible] въ мнѣ, тѣмъ не менѣе, все, что мнѣ нужно было получить отъ экспе[illegible]ментовъ этого рода, т.-е. я пріобрѣлъ фактическое подтвержденіе моимъ [illegible]пріорнымъ предположеніямъ. Что касается способа экспериментированія, [illegible]о онъ былъ таковъ, что исключалъ всякую возможность попытки примѣ[illegible]ить его на людяхъ.

«Спустя нѣсколько лѣтъ я составилъ другой планъ изслѣдованія, но при[illegible]ступить къ исполненію задуманнаго я могъ лишь 5 или 6 мѣсяцевъ назадъ.

«Продѣлавъ надъ старыми кроликами нѣсколько опытовъ, доказавшихъ, съ одной стороны, безвредность способа, съ другой — его дѣйствительность, я рѣшился перейти къ опытамъ надъ самимъ собой».

Описавъ далѣе вкратцѣ способъ приготовленія жидкости, Броунъ-Секаръ продолжаетъ (см. *Guide pratique*, стр. 11): «До сего дня (1 іюня) было произведено 8 впрыскиваній—15, 16, 17, 24, 29 и 30 мая. Среднее количество вводимой жидкости простиралось приблизительно до 1 cub. sentim., равняясь $^1/_6$ или $^1/_4$ всего количества воднаго раствора жидкости, доставляемой органами оплодотворенія.

«Три первыя впрыскиванія были произведены изъ жидкости, взятой у 2—3-хъ лѣтней вполнѣ здоровой собаки, остальныя взяты изъ органовъ оплодотворенія морскихъ свинокъ, и очень молодыхъ, и уже возмужалыхъ».

Сдѣлавъ описаніе побочныхъ явленій, наступающихъ вслѣдъ за впрыскиваніями, въ видѣ припухлости, боли на мѣстѣ впрыскиванія и проч., Броунъ-Секаръ переходитъ къ оцѣнкѣ общихъ результатовъ, полученныхъ имъ въ теченіе всего курса леченія. Будучи 72 лѣтъ отъ роду и испытывая прогрессирующее одряхленіе въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, онъ дошелъ до такой слабости, что не могъ и полчаса работать стоя. Послѣ нѣсколькихъ часовъ занятій въ лабораторіи онъ уставалъ до такой степени, что долженъ былъ ложиться въ постель, наскоро подкрѣпившись пищей, но, несмотря на усталость, долго не могъ уснуть.

На второй и въ особенности на третій день послѣ перваго впрыскиванія онъ замѣтилъ радикальную перемѣну въ своемъ состояніи. Онъ могъ заниматься своими экспериментальными работами, не чувствуя усталости, могъ оставаться на ногахъ цѣлые часы, къ великому удивленію своихъ ассистентовъ, и, послѣ нѣсколькихъ часовъ работы въ лабораторіи, онъ былъ въ состояніи, чего съ нимъ уже въ продолженіе многихъ лѣтъ не бывало, еще и послѣ обѣда заниматься приведеніемъ въ порядокъ своихъ ученыхъ записокъ.

Въ то же время, динамометръ показывалъ непрестанное наростаніе мускульной силы, увеличеніе которой выразилось нѣсколькими килограммами.

Отправленія желудочно-кишечнаго канала стали совершенно правильны.

Наконецъ, интеллектуальная работа стала ему много легче, такъ что, въ концѣ-концовъ, онъ пріобрѣлъ вновь все то, что было имъ утрачено въ этомъ отношеніи за послѣдніе годы.

Въ заключеніе Броунъ-Секаръ съ искренностью, которую нельзя не оцѣнить, не настаиваетъ на непогрѣшимости своего метода, допуская, что самовнушеніе могло имѣть нѣкоторую долю вліянія на произведеніе тѣх замѣчательныхъ явленій, которыя онъ изучалъ на самомъ себѣ, и ограничивается лишь тѣмъ предположеніемъ, что если всѣ вышеописанныя явленія и не были результатомъ дѣйствія введенныхъ въ организмъ веществъ, то, по крайней мѣрѣ, впрыскиванія способствовали ихъ проявленію.

Продолжая свои наблюденія надъ самимъ собой, Броунъ-Секаръ ско

пришелъ къ заключенію, что дѣйствіе инъекцій продолжается еще долго послѣ ихъ прекращенія.

Черезъ годъ ему случилось произвести надъ собой опытъ еще болѣе поразительный по своимъ результатамъ, чѣмъ предъидущіе. Находясь въ январѣ 1891 г. въ Ниццѣ, экспериментаторъ сильно заболѣлъ. Тянувшійся въ теченіе 5 мѣсяцевъ жестокій коклюшъ былъ осложненъ въ концѣ этого періода сильнымъ воспаленіемъ кишекъ, въ продолженіе 10 дней противустоявшимъ очень энергичному леченію; слѣдствіемъ вызванной этими болѣзнями общей слабости явились сильныя судороги мышцъ грудной клѣтки, а иногда и грудобрюшной преграды. Къ этому присоединилась сильнѣйшая икота, не прерывавшаяся почти въ продолженіе 2—3 дней, переходившая порой въ спазмъ гортани и сопровождавшаяся, вмѣстѣ съ тѣмъ, во-первыхъ, подавленіемъ обмѣна веществъ между тканями и кровью, о чемъ свидѣтельствовало то обстоятельство, что венозная кровь, несмотря даже на временные перерывы въ дыханіи (длившіеся иногда около 2 минутъ), оставалась красной, и, во-вторыхъ, значительнымъ ослабленіемъ (въ силѣ и ритмѣ) дѣятельности сердца.

Лечившій его врачъ, признавъ его почти умирающимъ, попробовалъ сдѣлать ему инъекцію изъ двухъ граммовъ тестикулярной жидкости, нарочно приготовленной за нѣсколько дней передъ этимъ.

Черезъ два часа послѣ инъекціи всѣ болѣзненныя явленія, зависѣвшія отъ разстройства дѣятельности продолговатаго мозга точно такъ же, какъ и отъ судорожнаго сокращенія дыхательныхъ мускуловъ, совершенно исчезли и болѣе не появлялись. Что же до слабости, которая передъ инъекціей была столь сильна, что больной не могъ поднять голову съ подушки и повернуться въ своей постели, не говоря уже о томъ, чтобы встать съ нея, то она настолько уменьшилась послѣ инъекціи, что всѣ эти движенія стали легко исполнимы.

«Было бы весьма рискованно приписать столь быстрое исчезновеніе всѣхъ описанныхъ болѣзненныхъ симптомовъ исключительно дѣйствію инъекціи,— говоритъ Броунъ-Секаръ,— несомнѣнно только, что значительная слабость овладѣвшая за послѣдніе дни почти всѣмъ организмомъ и за послѣдніе 24 часа достигшая степени почти полнаго паралича, исчезла, благодаря укрѣпляющему вліянію впрыснутой жидкости».

Когда, такимъ образомъ, были обнародованы первыя наблюденія Броунъ-Секара и его ближайшихъ учениковъ, то дѣломъ первой важности, подлежащимъ немедленному разрѣшенію, было выяснить, не зависѣли ли и благодѣтельные результаты отъ простого *внушенія*? Выше мы видѣли, что тотъ же вопросъ задалъ самому себѣ и Броунъ-Секаръ.

Изслѣдованія д-ра Варіо, направленныя въ эту сторону, дали несомнѣнныя доказательства въ пользу самостоятельнаго, не зависящаго отъ внушенія, дѣйствія броунъ-секаровской эмульсіи. Д-ръ Варіо впрыскивалъ своимъ больнымъ, не сообщая, конечно, имъ ни слова, то просто окрашенную воду, то настоящую эмульсію, и во всѣхъ случаяхъ, очень многочислен-

ныхъ, когда употреблялась простая вода, не получалось никакого лечебнаго результата; совсѣмъ иначе было съ эмульсіей. Въ книгѣ д-ра Викторова приведены сфигмографомъ (инструментъ для изслѣдованія біенія сердца) кривые толчки пульса у одного старика съ разстроенною сердечною дѣятельностью. На этихъ рисункахъ наглядно изображено, какъ послѣ впрыскиванія броунъ-секаровской эмульсіи сердце начало работать гораздо правильнѣе и, наконецъ, дало вполнѣ нормальную кривую. Никакое внушеніе не обладаетъ такою силой, чтобы остановить перебои, происшедшіе отъ органическихъ причинъ. Однимъ словомъ, благодаря упомянутымъ и другимъ изслѣдованіяхъ, которыхъ мы здѣсь не цитируемъ, вопросъ о роли внушенія, какъ исключительнаго фактора въ дѣлѣ броунъ-секаровскихъ впрыскиваній, разрѣшенъ безусловно отрицательно.

Со времени перваго сообщенія Броунъ-Секара многіе изслѣдователи принялись за провѣрку и разработку обнародованныхъ фактовъ. Въ настоящій моментъ наблюденія врачей въ различныхъ странахъ, особенно во Франціи и у насъ въ Россіи, можно считать тысячами. Теперь почти нѣтъ ни одной болѣзни, при которой не были бы испробованы броунъ-секаровскія инъекціи. Какъ и слѣдовало думать à priori, не всегда и не вездѣ этотъ способъ приноситъ желаемую пользу; его нельзя считать панацеей, какъ это чуть не произошло въ не-медицинской прессѣ въ первое время горячаго увлеченія открытіемъ. Но все же, примѣненный умѣстно и вовремя, онъ оказываетъ такія услуги, о которыхъ ранѣе не смѣли и мечтать.

Мы перечислимъ здѣсь вкратцѣ роды болѣзней, при которыхъ броунъ-секаровскія впрыскиванія оказывались полезными, и потомъ попытаемся сдѣлать общую оцѣнку.

Прежде всего, упомянемъ, что то специфическое дѣйствіе впрыскиваній, о которомъ такъ распространялась въ свое время общая печать, должно быть отнесено къ области праздныхъ измышленій, на которыя не давали права ни сообщенія самого Броунъ-Секара, ни его послѣдователей.

Многочисленныя заявленія врачей согласно свидѣтельствуютъ о томъ, что при примѣненіи этого способа не можетъ быть и рѣчи о возстановленіи угасшей половой способности, такъ какъ впрыскиванія эмульсіи не имѣютъ никакого прямого вліянія на эту функцію.

Первыя наблюденія учениковъ Броунъ-Секара естественнымъ образомъ были направлены къ изученію дѣйствій впрыскиваній на поднятіе бодрости и жизненности у стариковъ и старухъ и результаты оказались вполнѣ совпадающими съ тѣмъ, что наблюдалъ Броунъ-Секаръ на самомъ себѣ. Затѣмъ слѣдовали пробы у чахоточныхъ и вотъ результаты, выраженные словами самого Броунъ-Секара въ его сообщеніи во французской академіи наукъ: «Случаи туберкулеза, леченнаго впрыскиваніями, имѣли результатомъ слѣдующее: немедленное уменьшеніе ночныхъ потовъ, ослабленіе лихорадки, значительное уменьшеніе, а иногда и полное прекращеніе кашля, возвращеніе аппетита и общее увеличеніе силъ, часто весьма значительное».

Относительно спинной сухотки (tabes dorsalis), заключающейся въ

болѣваніи нѣкоторыхъ частей спинного мозга и весьма трудно поддающихся какому-либо леченію, Броунъ-Секаръ говоритъ: «Изъ наблюденій многихъ французскихъ, русскихъ, американскихъ и друг. врачей выяснилось, что ни одинъ способъ леченія не приводитъ къ столь благопріятнымъ результатамъ, какъ впрыскиванія носящей мое имя эмульсіи».

Столь же хорошее дѣйствіе наблюдали при проказѣ, при нѣкоторыхъ формахъ психическаго разстройства, при сахарномъ мочеизнуреніи, при нейрастеніи, при страданіяхъ спинного мозга, при малокровіи, при общемъ истощеніи, при ракѣ, при многихъ нервныхъ болѣзняхъ, при страданіяхъ сердца и сосудовъ, при болотной лихорадкѣ, ревматизмѣ, пляскѣ св. Витта и проч., и проч. Равнымъ образомъ съ успѣхомъ примѣняли инъекціи при хлороформированіи съ цѣлью ослабить его неблагопріятныя послѣдствія, пробовали подкрѣпить умственныя силы у людей, принужденныхъ къ чрезмѣрному ихъ напряженію, наприм., во время экзаменовъ на аттестатъ зрѣлости. Однимъ словомъ, въ списокъ болѣзней, при которыхъ испробованы впрыскиванія броунъ-секаровской жидкости, можно было бы занести чуть не всѣ существующія названія болѣзненныхъ формъ.

При ближайшемъ анализѣ собранныхъ фактовъ выясняется, что введеніе этой эмульсіи въ организмъ отражается благодѣтельнымъ образомъ на весьма разнообразныхъ его функціяхъ. Такъ, въ области нервной и психической системы наблюдается общее поднятіе силы и выносливости къ нервной работѣ; мышленіе становится болѣе живымъ, повышаетъ сопротивленіе усталости. Растительныя функціи, находящіяся въ тѣсной зависимости отъ дѣятельности нервной системы, какъ, напримѣръ, дѣйствіе желудочно-кишечнаго канала, становятся правильными.

Повышается воспріимчивость къ впечатлѣнію и вообще оживляется область психическихъ рефлексовъ. Сила мышцъ и ихъ способность къ работѣ весьма значительно возростаютъ. Кровообращеніе и дѣятельность сердца упорядочиваются.

Температура и общее питаніе тѣла регулируются. Въ составѣ крови наблюдаются измѣненія, свидѣтельствующія о повышеніи процессовъ окисленія.

Способность организма противодѣйствовать болѣзнетворнымъ бактеріямъ значительно возростаетъ.

Принимая въ соображеніе столь разнообразныя вліянія этого лечебнаго средства, невольно нужно придти къ убѣжденію, что вещества, въ немъ заключающіяся, являются чрезвычайно необходимыми для благосостоянія организма и что дѣйствіе ихъ связано съ основными жизненными процессами.

Броунъ-Секаръ даетъ слѣдующее объясненіе цѣлебнаго дѣйствія эмульсіи изъ органовъ оплодотворенія. Сводя большинство болѣзненныхъ проявленій, наблюдаемыхъ при всякихъ заболѣваніяхъ, къ нарушеніямъ въ дѣятельности нервныхъ центровъ, упомянутый авторъ приходитъ къ заключенію, что уничтоженіе или ослабленіе этимъ симптомовъ при употребленіи эмульсіи должно быть обязано присутствію въ ней особыхъ веществъ, дѣйствующихъ специфически укрѣпляющимъ образомъ на нервную систему.

Кромѣ того, онъ утверждаетъ, что въ эмульсіи находятся еще и такія вещества, которыя, при введеніи въ кровь, способствуютъ образованію клѣточекъ, т.-е. дѣйствуютъ, такъ сказать, возрождающимъ образомъ.

На этихъ двухъ основныхъ способахъ дѣйствія и покоится, по мнѣнію Броунъ-Секара, все цѣлебное значеніе впрыскиваній эмульсіи. Къ этому Броунъ-Секаръ добавляетъ, что тщетны были бы попытки тѣхъ, кто вздумалъ бы найти въ эмульсіи химическія основанія для объясненія таковыхъ ея свойствъ.

Съ такимъ категорическимъ и высказаннымъ въ формѣ простого афоризма осужденіемъ всѣхъ попытокъ опредѣлить химическую природу веществъ едва ли можно согласиться, несмотря на весь авторитетъ Броунъ-Секара. Уже à priori вполнѣ законно было бы желать, чтобы таковыя вещества были выдѣлены и анализированы, если они существуютъ. Такъ на самомъ дѣлѣ и случилось.

Еще въ 1878 г. нѣмецкій изслѣдователь Шрейнеръ выдѣлилъ изъ сѣменной жидкости животныхъ особое химическое тѣло изъ разряда алкалоидовъ, которое онъ назвалъ *сперминомъ*. Въ 1890 г. профес. Пель опубликовалъ свои первыя изслѣдованія по этому вопросу и доказалъ, что сперминъ, открытый Шрейнеромъ, не имѣетъ приписываемаго ему характера и долженъ быть отнесенъ къ одному разряду химическихъ тѣлъ. Сторону проф. Пеля приняли многіе ученые, въ томъ числѣ проф. Менделѣевъ, проф. Тархановъ, проф. Гагеръ и другіе. На ряду съ этимъ проф. Пель предложилъ новое добытое имъ тѣло изъ сѣменной жидкости животныхъ подъ именемъ также *спермина*, причемъ утверждаетъ, что это есть лейкомаинъ, являющійся главнымъ дѣйствующимъ агентомъ при лечебномъ примѣненіи броунъ-секаровской эмульсіи.

Мы описали уже всѣ основныя свойства этого лейкомаина и постарались объяснить, насколько это теперь возможно, его физіологическое значеніе.

Изъ этого описанія свойствъ спермина Пеля (такъ называется этотъ препаратъ въ отличіе отъ спермина Шрейнера) становится понятнымъ его цѣлебное дѣйствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда внутри-тканевое окисленіе въ организмѣ претерпѣваетъ нарушеніе въ своемъ нормальномъ ходѣ. А такъ какъ, по изслѣдованіямъ Бушара, Армана Готье и многихъ другихъ, большинство болѣзней характеризуется измѣненіями въ химизмѣ клѣточекъ и тканей, то отсюда вытекаетъ, что такой дѣятельный возстановитель окислительныхъ процессовъ въ организмѣ, какъ сперминъ, долженъ имѣть цѣлебное вліяніе при весьма многихъ заболѣваніяхъ, съ виду, казалось бы, различныхъ.

Многочисленныя наблюденія показали, что дѣйствительность вполнѣ оправдываетъ теоретическія соображенія и впрыскиванія спермина оказали уже много чрезвычайно цѣнныхъ услугъ въ леченіи наравнѣ съ броунъ-секаровскою жидкостью.

Изъ всего вышеизложеннаго теперь ясно, почему броунъ-секаровская жидкость и сперминъ, не будучи панацеей, тѣмъ не менѣе, оказываю

благопріятное вліяніе при многихъ и разнообразныхъ заболѣваніяхъ, гдѣ нужно поднять общую жизнедѣятельность организма.

Почти полное совпаденіе результовъ примѣненія спермина и броунъ-секаровской жидкости даетъ право заключить, что между этими двумя способами есть сходство по существу.

Дѣломъ большой важности представляется рѣшить, исчерпывается ли цѣликомъ все цѣлебное дѣйствіе броунъ-секаровской эмульсіи содержащимся въ ней сперминомъ?

Существующія наблюденія не даютъ пока возможности отвѣтить на этотъ вопросъ съ полною достовѣрностью, но нужно думать, что сперминѣ Пеля дѣйствительно принадлежитъ львиная доля въ цѣлебномъ дѣйствіи броунъ-секаровской жидкости, хотя этимъ самымъ нисколько не исключается возможность предполагать, что, кромѣ спермина, въ ней имѣются еще и иные лейкомаины, могущіе оказывать благотворное вліяніе на другія стороны внутри-клѣточнаго химизма. Можно надѣяться, что открытіе этихъ лейкомаиновъ не заставитъ себя долго ждать.

По крайней мѣрѣ, проф. Пель въ одной изъ своихъ послѣднихъ работъ заявляетъ, что имъ уже обнаружено присутствіе тестикулярныхъ соковъ въ другихъ лейкомаинахъ, смѣсь которыхъ подъ именемъ *орхидина* онъ уже получилъ и пробовалъ примѣнять въ видѣ воднаго раствора. Опыты привели къ заключенію, что впрыскиванія орхидина сами по себѣ безвредны, но лечебное дѣйствіе ихъ требуетъ еще подтвержденія. И такъ, мы видимъ, что впрыскиванія спермина Пеля и броунъ-секаровской жидкости по существу весьма между собою сходны. Какому же способу отдать предпочтеніе въ практическомъ примѣненіи?

Недостаточность наблюденій не даетъ пока возможности высказаться рѣшительно въ пользу того или другого метода. Каждый изъ нихъ имѣетъ свои pro и contra. При этомъ надо замѣтить, что однимъ изъ существенныхъ возраженій противъ броунъ-секаровскаго способа служитъ отсутствіе полнаго ручательства въ его безопасности. Многіе наблюдали нежелательныя осложненія, зависѣвшія отъ случайнаго введенія ядовитыхъ веществъ вслѣдствіе недостаточной *асептики* *) пріемовъ.

Правда, что всѣ эти осложненія не грозили опасностью для жизни, но, тѣмъ не менѣе, были очень непріятны въ виду тѣхъ болѣзненныхъ припадковъ, которые они вызывали. Это заставило Броунъ-Секара и его ученика Д'Арсенваля придумать такой способъ приготовленія жидкости, который исключалъ бы возможность введенія въ организмъ ядовитой субстанціи микробовъ, птомаиновъ, токсальбуминовъ и проч.

По утвержденію изобрѣтателей, указанная цѣль вполнѣ достигается стерилизаціей (обезпложеніемъ) жидкости въ особомъ придуманномъ Д'Арсенлемъ аппаратѣ.

---

*) Подъ терминомъ *асептическій* въ медицинѣ подразумѣваютъ все абсолютно чуждое микробовъ и ихъ ядовитыхъ производныхъ.

Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изслѣдователи—и проф. Пель въ томъ числѣ—отказываются видѣть въ техникѣ Д'Арсенваля полное ручательство въ обезвреживаніи жидкости.

Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, этотъ вопросъ еще не рѣшенъ и лишь дальнѣйшія наблюденія окончательно выяснятъ дѣло.

Пользуясь новымъ путемъ, проложеннымъ въ наукѣ изслѣдованіями Броунъ-Секара, скоро пришли къ мысли испытать впрыскиванія продуктовъ жизнедѣятельности другихъ железъ и другихъ тканей.

Прежде всего, вниманіе наблюдателей остановилось на *зобной* или такъ называемой *щитовидной железѣ*.

Принимая въ соображеніе давно извѣстные факты глубокаго вліянія нормальной дѣятельности этой железы на отправленія и даже жизнь организма, итальянскій д-ръ Вассаль и ученикъ Броунъ-Секара, д-ръ Глей, независимо другъ отъ друга, пришли къ мысли у животныхъ, искуственно лишенныхъ зобной железы, замѣнить ея функцію впрыскиваніями вытяжки изъ той же железы, взятой отъ другого животнаго. Въ результатѣ вышло, что болѣзненныя явленія у оперированнаго животнаго не развивались и что жизнь его можно было поддерживать этими инъекціями неопредѣленно долгое время. Вскорѣ послѣ обнародованія этихъ и другихъ изслѣдованій, касающихся того же предмета, возникло предположеніе произвести опыты у человѣка въ тѣхъ случаяхъ, когда это требовалось извѣстнымъ болѣзненнымъ состояніемъ.

Теоретическія ожиданія оправдались самымъ блестящимъ образомъ и результаты леченія по этому способу оказались чрезвычайно благотворными. Въ настоящее время леченіе щитовидною железой, то въ формѣ подкожныхъ впрыскиваній вытяжки изъ нея, то въ видѣ кормленія больныхъ кусочками свѣжей или порошкомъ высушенной железы, получило полныя права гражданства. И въ этомъ способѣ, очевидно, главную роль играетъ введеніе въ организмъ продуктовъ жизнедѣятельности клѣточекъ железы, т.-е. тѣхъ или другихъ лейкомаиновъ. Д-ръ Вермеренъ сдѣлалъ попытку выдѣлить ихъ изъ щитовидной железы и полученное вещество, оказавшееся, по его опытамъ, весьма дѣйствительнымъ, назвалъ *тираидиномъ*.

Въ 1891 и 1892 гг. д-ра Глей, Гедонъ, Тиролуа во Франціи и д-ръ Капарелли въ Италіи обнародовали результаты своихъ опытовъ надъ леченіемъ сахарнаго и простого мочеизнуренія прививками и впрыскиваніями вытяжки изъ поджелудочной железы.

На животныхъ эти опыты удались вполнѣ, что же касается примѣненія у человѣка, то какъ упомянутые авторы, такъ и многіе ихъ послѣдователи получили неопредѣленные результаты. Во многихъ случаяхъ достигалось улучшеніе, въ нѣкоторыхъ даже выздоровленіе, но за то при достаточномъ ихъ числѣ не обнаруживалось никакого успѣха.

Еще менѣе рѣшительные результаты получены до сихъ поръ въ тѣхъ случаяхъ, когда пробовали лечить болѣзни, происходящія отъ измѣненія въ *надпочечныхъ железахъ*, впрыскиваніями вытяжки изъ этихъ железъ

Нѣсколько иначе стоитъ дѣло со впрыскиваніями вытяжки изъ мозга здоровыхъ животныхъ. Д-ра Бабесъ и Поль, впервые осуществившіе мысль, высказанную Броунъ-Секаромъ, получили весьма ободряющіе результаты при леченіи нѣкоторыхъ формъ первнаго разстройства: падучей болѣзни, нейрастеніи, помѣшательства и проч. Столь же успѣшно примѣняли это средство и нѣкоторые другіе изслѣдователи: Кюллеръ, Даріо, Дюфурнье. Но произнести окончательное сужденіе объ этомъ способѣ еще преждевременно, ибо число наблюденій пока слишкомъ невелико.

На этомъ мы и закончимъ описаніе испытанныхъ до настоящаго времени новыхъ способовъ леченія, въ основаніи которыхъ положена мысль дать больному организму тѣ продукты жизнедѣятельности клѣточекъ, которые необходимы для правильнаго функціонированія всѣхъ его частей, или которые, въ качествѣ противуядій, могутъ парализовать развившіеся во время болѣзни яды. Мы видѣли, что этотъ способъ находится въ тѣснѣйшей связи съ новыми завоеваніями въ области біологіи вообще и физіологіи въ частности, составляя ихъ естественное развитіе, и, въ согласіи съ этимъ, мы осмѣливаемся думать, что наиболѣе подходящимъ названіемъ, характеризующимъ самую сущность дѣла, было бы выраженіе: *біологическій методъ леченія.*

Безсмертныя изслѣдованія Пастёра надъ жизнью клѣточекъ послужили исходнымъ пунктомъ для всѣхъ послѣдующихъ открытій въ болѣе спеціальныхъ областяхъ. Нѣтъ спора, что въ настоящее время новые пути едва лишь намѣчены, что въ будущемъ предстоитъ положить еще много труда и усилій, чтобы вырвать у молчаливаго сфинкса, именуемаго природой, хотя бы ту долю познаній, которая позволила бы связать всѣ наблюденные факты общею идеей, но, оцѣнивая мысленно размѣры достигнутыхъ успѣховъ, мы вправѣ видѣть въ нихъ залогъ полнаго торжества науки.

П. Кащенко.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(Малый театръ: *Василиса Мелентьева*, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. А. Н. Островскаго и ***; *Равенскій боецъ*, трагедія въ 5-ти актахъ, Фридриха Галь-ма, переводъ В. К—го).

Въ теченіе февраля мѣсяца состоялось въ Маломъ театрѣ два бенефиса: Г. Н. Ѳедотовой и М. Н. Ермоловой. Для своего артистическаго торжества первая выбрала давно неигранную драму *Василиса Мелентьева*, вторая—переводную трагедію *Равенскій боецъ*. Драма Островскаго настолько извѣстна, что мы не считаемъ нужнымъ передавать ея содержаніе и входить въ ея оцѣнку. Выборъ ея г-жею Ѳедотовой для своего бенефиса многимъ казался страннымъ и возбуждалъ опасенія въ томъ смыслѣ, что не поздно ли артисткѣ, прослужившей болѣе тридцати лѣтъ на сценѣ (съ 13 мая 1862 г.), изображать молодую очаровательную вдову, увлекающую до самозабвенія стараго, пресыщеннаго царя Ивана Васильевича Грознаго и молодого дворянина Андрея Колычева? Оказалось, что для огромнаго таланта нашъ счетъ годовъ никуда негодится. Передъ нами, правда, была не двадцатилѣтняя вдова, какъ то значится по пьесѣ; но мы, несомнѣнно, видѣли очаровательную женщину, способную и юнаго, и стараго довести до ума-помраченія не красотою только,—царица Анна (г-жа Васильева 2) безъ сравненія красивѣе Василисы,—а своеобразнымъ кокетствомъ, таинственною силой женской привлекательности и смѣлости, ни передъ чѣмъ не останавливающейся. Неподражаемо художественно проведена была сцена съ царемъ Иваномъ (г. Горевъ) въ послѣднемъ дѣйствіи, когда Василиса доводитъ грознаго владыку до такого бѣшенства, что онъ готовъ убить ее своимъ остроконечнымъ посохомъ, и тотчасъ же смиряетъ старика одною фразой, задорнымъ взглядомъ, превращаетъ повелителя въ п корнаго раба, укрывающаго снятою съ плечъ шубой ноги своей возлю ленной. Роль эта была, конечно, большимъ торжествомъ таланта г-жи Ѳ дотовой, но это былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и tour de force, который повт рять совсѣмъ не безопасно. Г-жа Васильева 2 прекрасно исполнила ро царицы Анны, изъ рода Васильчиковыхъ, олицетворивши типъ тѣхъ кр савицъ, царицъ-невольницъ, которыя удостоивались незавиднаго счас

быть выбранными въ жены московскимъ государямъ. Спокойно, безъ малѣйшихъ вычуръ, вполнѣ естественно были переданы артисткой покорность судьбѣ русской женщины XVI вѣка и тихая тоска въ золотомъ теремѣ, грызущая ея наивное сердце, въ которомъ блеснулъ когда-то мимолетный лучъ любви и былъ отогнанъ прочь по прихоти чужой и своенравной воли, отнявшей у несчастной всѣхъ близкихъ ей людей, могущей каждую минуту и ее отправить въ монастырь или просто приказать подушкой задушить... Г. Горевъ не совсѣмъ ровно игралъ роль царя Ивана, хотя мѣстами былъ поразительно хорошъ и въ совершенствѣ провелъ послѣдній актъ. Всего менѣе удачно изобразилъ онъ грознаго царя во второй картинѣ перваго дѣйствія съ самаго появленія своего на сценѣ. Московскій царь не могъ входить въ боярскую думу такъ торопливо, почти бѣгомъ, какъ это дѣлаетъ г. Горевъ, забывая, что это торжественное шествіе по изстари положенному церемоніалу и что такимъ аллюромъ царь долженъ бы обогнать идущихъ впереди тѣлохранителей. Сцена въ саду съ Василисой такъ же точно не производитъ надлежащаго впечатлѣнія. За то превосходна и художественно-картинна была сцена допроса царемъ Иваномъ Андрея Колычева (г. Рыжовъ). Театральное управленіе очень хорошо сдѣлало, отдавши эту роль, не по рутинѣ, молодому артисту, получившему такимъ образомъ возможность выказать въ трудной роли свои способности, пониманіе характера и положенія изображаемаго лица и свое умѣнье отлично владѣть голосомъ. Къ слову сказать, то же молодой артистъ г. Яковлевъ очень хорошо исполнилъ роль слуги Воротынскаго, въ которой онъ чередовался съ г. Гецманомъ. Давнымъ-давно слѣдовало распредѣлять роли не по старымъ ярлыкамъ, случайно прилѣпленнымъ къ актерамъ, давать больше ходу молодымъ силамъ, о чемъ мы не разъ говорили. По одной, хотя бы и мастерски исполненной, роли нельзя судить о дарованіи артиста, но нельзя же изъ такъ называемаго «амплуа» дѣлать какую-то монополію для одного или двухъ актеровъ, какъ бы ни была мало удовлетворительна ихъ игра. По милости такой, своего рода, монополіи, сами распорядители сцены становятся нерѣдко въ затруднительное положеніе, и проигрываютъ рѣшительно всѣ, начиная съ самихъ пользующихся привилегированнымъ положеніемъ. Не велика бѣда, если молодой артистъ или молодая артистка испортитъ двѣ-три роли и больше даже, прежде чѣмъ ясно и положительно опредѣлятся ихъ мѣста въ труппѣ. Неизмѣримо большее зло происходитъ отъ захвата какъ бы въ пожизненную собственность видныхъ ролей, хотя бы даже очень крупными артистами, не говоря уже о присвоеніи ихъ такими исполнителями и исполнительницами, признанная спеціальность которыхъ состоитъ въ искаженіи и хроническомъ проваливаніи всего, что они успѣли или съумѣли ухватиться и за что держатся всѣми своими силами. Прекрасный, напримѣръ, актеръ г. Музиль и очень хорошо игралъ роль царскаго шута, но не къ лицу ему и не подъ лѣта, да едва ли и самому охота есть, распѣвать, «колѣнца» выкидывать, въ присядку плясать и «кубаремъ ходить», когда молодежь чинно по стѣнкамъ стоитъ

въ важныхъ костюмахъ. Не велика потеря была бы для г. Музиля, если бы роль шута отдали молодому человѣку, а для дѣла отъ того была бы весьма существенная польза. Г. Ѳедотовъ очень тщательно и обдуманно исполнилъ роль Малюты-Скуратова, но не по средствамъ этому, несомнѣнно, талантливому и умному артисту передать вполнѣ суровый характеръ закоренѣлаго злодѣя. Пьеса поставлена великолѣпно и разыграна безукоризненно стройно. Одно мы находимъ совершенно лишнимъ — это луну; своимъ появленіемъ и движеніемъ она только развлекаетъ вниманіе зрителей; мы бы предпочли ограничиться луннымъ свѣтомъ, обливающимъ дальнюю декорацію съ видомъ Москвы.

Авторъ трагедіи *Равенскій боецъ*, подписанный псевдонимомъ Фридрихъ Гальмъ, баронъ Элигіусъ-Францъ-Іосифъ фонъ Мюнхъ-Беллингхаузенъ, родился въ Краковѣ 2 апрѣля 1806 г. Первое его драматическое произведеніе, *Гризельда*, было поставлено на сценѣ въ Вѣнѣ въ 1834 г. и имѣло большой успѣхъ. Затѣмъ имъ были написаны и играны въ театрѣ: *Камоэнсъ* (1838 г.), *Имельда Ламбертацци* (1839 г.), *Сынъ пустыни* (*Der Sohn der Wildniss*) (1832 г.), *Марія де-Молина* (1847 г.) и *Равенскій боецъ* (1856 г.),—трагедія, которую правильнѣе было бы назвать по-русски «Гладіаторъ изъ Равенны». Кромѣ того, имъ написано много другихъ пьесъ, изъ которыхъ считаемъ нужнымъ отмѣтить трагедію *Сампіеро* (1844 г.) и комедію *Запретъ и приказаніе* (*Verbot und Befehl*) (1848 г.). Только огромный успѣхъ трагедіи *Гладіаторъ изъ Равенны* раскрылъ настоящее имя автора, до того времени тщательно скрывавшагося подъ вышеприведеннымъ псевдонимомъ. Помимо драматическихъ произведеній, барономъ Мюнхъ-Беллингхаузеномъ выпущены въ свѣтъ: сборникъ стихотвореній, по большей части лирическихъ (1850 г.), и изслѣдованіе о старинныхъ собраніяхъ испанскихъ драмъ (*Über die ältern Sammlungen span. Dramen*) (1852 г.). Авторъ занималъ высокое положеніе въ австрійской службѣ, былъ первымъ хранителемъ императорской библіотеки и членомъ академіи.

Дѣйствіе его трагедіи *Равенскій боецъ* происходитъ въ Римѣ въ правленіе императора Кая Калигулы (г. Горевъ). При дворѣ цезарей много лѣтъ проживаютъ въ неволѣ двѣ плѣнныя германки: Туснельда (г-жа Ермолова), жена славнаго вождя Арминія, и ея родственница Рамиса (г-жа Великанова-Рамазанова). Попавшись въ плѣнъ, Туснельда хотѣла покончить самоубійствомъ, чтобъ избѣжать позора идти за колесницей побѣдителя во время его тріумфа; но у нея не хватило силы, вмѣстѣ съ собственною жизнью, прекратить только что зарождавшуюся въ ней самой жизнь ребенка, отцомъ котораго былъ Арминій. Когда явился на свѣтъ сынъ германскаго вождя, римляне отняли его у матери и отдали на воспитаніе в извѣстнымъ ей людямъ. Съ тѣхъ поръ Туснельда ничего не знаетъ о участи своего супруга и о томъ, гдѣ находится и что сталось съ ихъ сыномъ. Германецъ Меровигъ (г. Рыжовъ) сообщаетъ Туснельдѣ, что Арминій предательски убитъ въ междуусобной борьбѣ германскихъ племенъ, а что сынъ е носящій имя Тумеликъ (г. Южинъ), находится въ Римѣ въ томъ же отдѣле-

дворца, въ которомъ проживаетъ Туснельда. Юноша былъ отданъ для обученія въ равенскую школу гладіаторовъ, сдѣлался сильнымъ и искуснымъ бойцомъ подъ руководствомъ начальника школы Глабріо (г. Ѳедотовъ). Меровигъ узналъ объ этомъ, поступилъ на службу цезаря въ германскія когорты и теперь все подготовилъ для освобожденія Туснельды и Тумелика, для бѣгства съ ними на родину, дабы наслѣдникъ Арминія могъ стать во главѣ тѣснимыхъ римлянами германцевъ, объединить ихъ разрозненныя силы и отомстить Риму за униженія отчизны. Туснельда въ восторгѣ видитъ благодѣтельный промыселъ боговъ въ томъ, что сами же римляне обучили ея сына воинскимъ упражненіямъ, воспитали неустрашимаго бойца, которому она вручитъ мечъ Арминія, принесенный ей преданнымъ Меровигомъ. При первомъ появленіи молодого гладіатора сомнѣнія не можетъ оставаться въ томъ, что это сынъ Туснельды,—такъ поразительно похожъ онъ на Арминія. Въ увлеченіи радостью, жаждою мести и надеждами на величіе сына несчастная мать, однако, не приняла въ соображеніе, что римляне воспитывали въ Тумеликѣ не свободнаго воина для борьбы за идею, а бойца для арены цирка, ради потѣхи цезаря и римскаго народа. Начальникъ школы гладіаторовъ «бичомъ и ласкою»,—какъ самъ онъ говоритъ,—училъ юношу ловко фехтовать и граціозно падать, выше всего цѣнить успѣхи и рукоплесканія жадной до зрѣлищъ толпы, почитать за величайшее счастье возможность отличиться на аренѣ передъ «самимъ» цезаремъ. «Бичомъ и ласкою», грубымъ кокетствомъ и легкимъ поведеніемъ своей дочери, цвѣточницы Лициски (г-жа Лешковская), Глабріо до мозга костей развратилъ воспитанника и сдѣлалъ его римляниномъ-рабомъ, въ душѣ скоморохомъ для кровавыхъ потѣхъ праздной толпы. Цезарь Кай Калигула, узнавши, что въ числѣ привезенныхъ изъ Равенны гладіаторовъ находится сынъ Арминія и Туснельды, приказываетъ, чтобы Тумеликъ явился биться на арену въ костюмѣ и вооруженіи германскаго воина, чтобы противникомъ ему былъ поставленъ лучшій боецъ, который бы навѣрное побѣдилъ и убилъ его, и чтобы Туснельда въ пышномъ одѣяніи супруги германскаго вождя присутствовала на этомъ зрѣлищѣ въ императорской ложѣ. На предложеніе матери бѣжать изъ Рима и стать во главѣ германцевъ противъ Рима Тумеликъ отвѣчаетъ полнымъ недоумѣніемъ: ни до какихъ германцевъ, ни до славы Арминія, ни до Тевтобургскихъ лѣсовъ ему дѣла нѣтъ,—онъ римлянинъ и онъ гладіаторъ-боецъ, ему нужна иная слава—на аренѣ, ему нужны зрители, рукоплесканія толпы, одобреніе цезаря, восторги рыночной цвѣточницы. Пришедшаго звать его на служеніе родинѣ Меровига онъ принимаетъ за слугу цезаря, присланнаго показаться ему въ томъ костюмѣ, въ какомъ ему предстоитъ явиться на бой въ циркѣ. Передъ этимъ рабскимъ непониманіемъ высшаго долга, передъ ласками проститутки-цвѣточницы безсильны всѣ убѣжденія Туснельды и Меровига; гладіаторъ готовъ, пожалуй, уступить имъ и уйти съ ними на родину, но только послѣ боя передъ цезаремъ, увѣнчанный лаврами цирка. Его извращенному пониманію совер-

шенно недоступна мысль, что, именно, послѣ этого боя онъ явится передъ свободными и воинственными сподвижниками Арминія навсегда опозореннымъ безчестною славой публичнаго бойца, потѣшавшаго ненавистныхъ побѣдителей. Гладіаторъ мирно засыпаетъ, чтобы набраться силы передъ боемъ. Туснельда ясно сознаетъ, что нѣтъ иного средства спасти честь сына, честь всего ихъ рода, какъ только убить несчастнаго, такъ низко упавшаго нравственно Тумелика. Въ ея рукѣ отданный ей на сохраненіе сыномъ мечъ Арминія, но сердце матери слабѣетъ и рука не поднимается на страшное дѣло. Раздаются звуки музыки; то самъ цезарь идетъ за Туснельдой и за равенскимъ бойцомъ. Медлить нѣкогда и Туснельда убиваетъ сына, а затѣмъ и себя въ присутствіи Кая Калигулы, чтобъ избѣжать мести и позора, которымъ ей грозитъ обезумѣвшій отъ гнѣва властелинъ...

Такова фабула этой очень эффектной и, по смыслу своему, чисто-нѣмецкой трагедіи, выгодно выдѣляющейся, впрочемъ, изъ множества произведеній германскихъ драматурговъ совершеннымъ отсутствіемъ въ ней сантиментализма и тою объективностью, которая составляетъ отличительную и характерную черту большинства драмъ Фридриха Гальма. На нашъ, русскій, взглядъ въ трагедіи слишкомъ много славословій Арминію, слишкомъ часты напоминанія о Тевтобургскомъ лѣсѣ, слишкомъ хвастливы прорицанія о томъ, что преемники Арминія соединятъ потомковъ его сподвижниковъ, Римъ побѣдятъ и сами на его мѣсто станутъ владыками міра. Если дикимъ ордамъ германцевъ и суждено было принять свою долю участія въ разгромѣ имперіи цезарей, то, во-первыхъ, сдѣлали они это далеко не одни, а одни никогда бы не сдѣлали; во-вторыхъ, въ разгромѣ и грабежѣ они участвовали, въ культурномъ же отношеніи не они побѣдили Римъ, а Римъ ихъ побѣдилъ, и даже не одинъ разъ. Стало быть, особенно ужь тутъ и похваляться-то нѣтъ основаній. Это, впрочемъ, пришлось сказать лишь къ слову, изъ обычнаго нашего нерасположенія къ шовинизму, гдѣ бы и какъ бы онъ ни проявлялся. Помимо этого, вѣрна и симпатична мысль автора о развращающемъ вліяніи культуры, хотя бы и высоко стоящей, но основанной на рабствѣ и всеобщемъ преклоненіи передъ незнающею никакой мѣры властью цезарей, доведенныхъ такою властью до полнаго безумія и доводящихъ до безумія всѣхъ, на кого ложится ихъ власть безсмысленнымъ гнетомъ. Кай Калигула неистовствуетъ, и г. Горевъ неподражаемо передаетъ припадки чисто-болѣзненнаго бѣшенства властителя древняго міра, его галлюцинаціи и странные переходы къ полному сознанію и къ желанію тотчасъ заглушить его въ себѣ шумомъ пира, пьяною оргіей, кр вавыми зрѣлищами цирка. Цезарь любуется красотою своей жены Цезон (г-жа Ермолова-Кречетова),— на самомъ дѣлѣ настоящей картинки, цѣл комъ выхваченной изъ античной жизни,— и въ восхищеніи говоритъ, ' стоитъ ему сдѣлать ничтожный жестъ рукой, и эта чудная головка слети съ плечъ долой. И таково же положеніе тутъ всѣхъ головъ — сенаторо и римскихъ всадниковъ, военачальниковъ, трибуновъ и цѣлаго наро

равно зависящихъ отъ прихоти или каприза удручаемаго скукой цезаря. Префектъ преторіанцевъ (въ дѣйствительности не префектъ, а трибунъ преторіанцевъ), Кассій Хереа (г. Арбенинъ), прямо говоритъ въ трагедіи, что нѣтъ для римлянъ другого спасенія, какъ убить Кая Калигулу, и подготовляетъ заговоръ съ этою цѣлью. На самомъ дѣлѣ Хереа убилъ его въ 41 г. по Р. Хр. Г. Южинъ изображалъ очень эффектнаго гладіатора и превосходно-цѣльно передалъ нравственный обликъ юноши, загубленнаго тѣмъ воспитаніемъ, какое дала ему школа бойцовъ, руководимая Глабріо. Въ интерпретаціи г. Южина, совершенно правильной, по нашему мнѣнію, Тумеликъ представляется даже не развращеннымъ человѣкомъ, т.-е. такимъ, который былъ нравственнымъ или имѣлъ понятіе о нравственности и, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, отдался порочнымъ склонностямъ. Тумелику просто чужды, незнакомы понятія о добрѣ и злѣ, о дурномъ и хорошемъ съ общечеловѣческой точки зрѣнія, о стыдѣ, долгѣ и чести во всемъ, что выходитъ изъ круга его гладіаторской спеціальности. Онъ убѣжденъ, что стыдно побѣжденному, сбитому съ ногъ бойцу упасть и ждать смертельнаго удара въ некрасивой позѣ; для того, чтобы исполнить это, надо имѣть большой запасъ самообладанія, которое въ иныхъ случаяхъ мы называемъ храбростью и почитаемъ за геройскую доблесть, а въ дѣлѣ публичныхъ зрѣлищъ, «игръ», не можемъ считать ничѣмъ инымъ, какъ мрачнымъ скоморошествомъ высшей школы, выработаннымъ звѣрскою дрессировкой,— не доблестью, а извращеніемъ и крайнимъ униженіемъ человѣческаго достоинства. И Тумеликъ успокоиваетъ Глабріо, что «не осрамится» въ роковой моментъ, и достойный учитель увѣренъ въ томъ, что такъ это и будетъ, и быть иначе не можетъ, особливо въ присутствіи самого цезаря. У рабовъ есть свой рабій гоноръ, побуждающій ихъ въ самомъ позорномъ униженіи стараться превзойти себѣ подобныхъ. И эту черту г. Южинъ отмѣтилъ очень тонко и мастерски провелъ черезъ всю пьесу. Въ его недоумѣніи, въ неспособности уразумѣть точнаго смысла призывовъ матери на служеніе родины было даже нѣчто трогательное,—такъ наивно-просто выражено это артистомъ. Вамъ жаль становится теряющагося юношу, напрягающаго всѣ силы своего дѣтски-неразвитаго ума, неспособнаго подняться до сознанія собственнаго несчастія. Роль Туснельды мы не можемъ причислить къ лучшимъ ролямъ г-жи Ермоловой, но думаемъ, что произошло это не по винѣ исполнительницы, которую мы не вправѣ упрекнуть ни въ малѣйшей невѣрности тона или движенія,— произошло это, по нашему мнѣнію, отъ того, что сама роль, по существу своему сдержанная и нѣсколько сухая, не даетъ возможности развернуться порывистой и увлекательной силѣ высоко-талантливой артистки. Надо и то еще сказать, что роль Туснельды слишкомъ однообразна и монотонна, въ ней слишкомъ много повтореній. Г-жа Лешковская очень хорошо изображала цвѣточницу Лициску, но,—какъ ни страннымъ это можетъ показаться,— мы не особенно довольны тѣмъ, что она такъ «хорошо» передала характеръ и положеніе этого жалкаго существа. Такія Лициски, несомнѣнно, были въ древнемъ Римѣ, и

теперь онѣ есть, только мы сомнѣваемся въ необходимости для исполнительницъ подобныхъ ролей воспроизводить ихъ на сценѣ особенно точно, тѣмъ болѣе, что и между такими женщинами существуютъ различія, и для художественности образа слѣдуетъ избирать такія разновидности типа, въ которыхъ рѣзкость не доходила бы до крайности. Французская манера брать смѣло самыя рискованныя положенія и, не смущаясь ничѣмъ, проводить ихъ съ полнымъ реализмомъ, хороша лишь до извѣстной мѣры, которую французскіе артисты знаютъ или соблюдаютъ рѣдко изъ угожденія вкусамъ своей публики, доходящей уже до пресыщенія всякими сценическими пряностями. Не въ такомъ, къ счастью, положеніи наши артисты и не таковы отъ нихъ запросы русской публики, умѣющей цѣнить художественное и прекрасное безъ подстегиванія нервовъ и чувственности. Г. Ѳедотовъ весьма типично передалъ личность начальника школы гладіаторовъ и отлично оттѣнилъ происхожденіе такихъ ненормально-характерныхъ фигуръ, какъ его воспитанникъ Тумеликъ и дочь цвѣточница. Трагедія поставлена роскошно и разыграна съ блестящимъ ансамблемъ. Какъ на важный шагъ впередъ нашей труппы, мы считаемъ своимъ долгомъ указать на умѣнье большинства артистовъ быть похожими на римлянъ въ трагедіи Фридриха Гальма и на русскихъ людей XVI вѣка въ драмѣ Островскаго. Въ недалекомъ прошломъ этого нельзя было сказать и достигнутые въ этомъ направленіи успѣхи надлежитъ приписать, главнымъ образомъ, доброму вліянію театрально-драматическаго училища.

Ан.

ПОПРАВКА. Въ февральской книгѣ *Русской Мысли*, въ статьѣ Л. Е. Оболенскаго *Человѣческое творчество и эволюція*, на стр. 84, строка 4 сверху, напечатано: „мораль династіи“, слѣдуетъ: „мораль дикарей“.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Мартъ. 1894 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Публицистика.—Педагогика.—Исторія.—Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Медицина.—Сельское хозяйство.—Техническія книги.—Учебники.—Народныя изданія.—Справочныя книги. II. **Періодическія изданія:** «Вѣстникъ Европы», *февраль*.—«Русское Богатство», *январь*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *февраль*.—«Дѣтскій Отдыхъ», *январь*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 февраля по 1 марта 1894 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Полное собраніе сочиненій“. *А. К. Шеллера* (*А. Михайлова*). — „Полное собраніе сочиненій“ *А. Н. Майкова*.—„Весеннія сказки“. *К. Баранцевича*. — „Мечтатель“. *Я. П. Полонскаго*.—„Полное собраніе пѣсенъ“ *Беранже*.

Полное собраніе сочиненій А. К. Шеллера (А. Михайлова). Томъ I. Спб., 1894 г. Цѣна 2 рубля. Имя Шеллера, пишущаго подъ псевдонимомъ А. Михайловъ, давно пользуется у насъ очень почетною и заслуженною извѣстностью, начало которой положено еще въ шестидесятыхъ годахъ. Ихъ традиціямъ уважаемый писатель остается неизмѣнно вѣренъ и до сихъ поръ. Основа же этихъ традицій и прекрасное въ нихъ заключается въ постоянномъ призывѣ всѣхъ, умѣющихъ слышать и понимать, къ справедливости и къ доброжелательству по отношенію къ ближнимъ, къ самодѣятельности и къ труду, къ нравственному подъему и совершенствованію не ради достиженія личнаго счастья и ублаготворенія собственной гордыни, а для того, чтобы наибольшему числу людей жить было хорошо, чтобы легче стало всему обществу. Этими добрыми призывами опредѣляются и высокое значеніе произведеній г. Шеллера, и ихъ вліяніе въ свое время на читателей, и то, что̀ нерѣдко принималось за ихъ недостатки. Такъ, въ вину автору ставилось отсутствіе въ нихъ захватывающихъ положеній и пламенныхъ тирадъ и страницъ, такъ сказать, простота повѣствованій и заурядность спокойно разсказываемыхъ событій. Относительно подобныхъ упрековъ мы остаемся при особомъ мнѣніи и полагаемъ, что въ сѣренькой жизни самыхъ обыкновенныхъ людей найдется всегда больше поучительнаго и полезнаго для общества, чѣмъ во многихъ блистательныхъ подвигахъ героевъ и героинь, поставленныхъ авторскимъ вымысломъ въ исключичельныя положенія. Всѣмъ давно старо, что героизма или геройствованія никто и ни отъ кого не вправѣ требовать, что общество состоитъ не изъ героевъ, а изъ людей разнообразныхъ, но одинаково тихихъ профессій, на уровнѣ которыхъ всѣ могутъ и обязаны поступать такъ, чтобы никому не мѣ-

шать жить и кому возможно—помогать жить безъ обидъ и униженій. На безконечно повторяемый вопросъ: „что дѣлать?“—г. Шеллеръ не даетъ такихъ отвѣтовъ, которые имѣли бы значеніе универсальнаго средства отъ всѣхъ золъ, портящихъ жизнь отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ. Въ пророки и проповѣдники онъ никогда не лѣзъ, за то всегда былъ и остается добрымъ учителемъ, популяризующимъ и спокойно проводящимъ въ сознаніе очень большого круга читателей здоровыя идеи широко захватывающей любви и гуманности, глубоко сочувствуя правымъ и искренно жалѣя неправыхъ,—абсолютно виноватыхъ у него нѣтъ, и это одна изъ очень симпатичныхъ особенностей его творчества. Не давая такого, какъ мы выше сказали, отвѣта на вопросъ: „что дѣлать?“—г. Шеллеръ всегда указываетъ въ каждомъ данномъ случаѣ, что̀ дѣлать лучше, и очень опредѣленно, очень убѣдительно говоритъ, чего дѣлать не должно, дабы не портить жизнь себѣ и людямъ, всему обществу и государству. Первое мѣсто въ *Полномъ собраніи сочиненій* г. Шеллера занимаетъ повѣсть *Гнилыя болота*, *исторія безъ героя*, за нею слѣдуетъ романъ *Господа Обносковы*, книга заканчивается шестью небольшими разсказами: *Жемчь*, *Vanitas vanitatum*, *Сила*, *слабость и неразуміе*, *Поврежденный*, *Пучина* и *Письма человѣка, сошедшаго съ ума*. Повѣсть *Гнилыя болота* помѣчена 1863 годомъ, время написанія остальныхъ произведеній, къ сожалѣнію, не обозначено, а это было бы, по многимъ соображеніямъ, очень желательно. Съ тѣхъ поръ, какъ описаны наши *Гнилыя болота*, прошло тридцать лѣтъ и таковыя же описывались множество разъ, но и теперь повѣсть эта не утратила своего значенія; мы думаемъ, напротивъ, оно возросло, и повѣсть сдѣлалась болѣе интересною и поучительною, какъ вѣрная картина воспитанія дѣтей въ давно прошедшіе годы, какъ правдивое изображеніе порядковъ, настолько живучихъ, что и теперь, послѣ всякихъ реформъ и перереформъ въ воспитательно-учебномъ дѣлѣ, измѣнилось въ немъ кое-что съ внѣшней стороны, „гниль“ же, по существу своему и въ глубинѣ, осталась почти нетронутою. Много времени прошло и съ тѣхъ поръ, какъ живымъ людямъ житья не было отъ формально безукоризненныхъ „господъ Обносковыхъ“, легально-правыхъ охранителей, неизмѣнно и во всемъ поступающихъ „на законномъ основаніи“; много за это время произошло перемѣнъ во взглядахъ общества, на этотъ разъ даже по существу. Но и теперь, перечитывая романъ г. Шеллера,—перечитывая не безъ серьезнаго волненія,—мы думаемъ, большинство придетъ къ заключенію, что перемѣнъ произошло недостаточно, что на сторонѣ „господъ Обносковыхъ“ все еще остается такая сила, которая гнетомъ своимъ, на тѣхъ же „законныхъ основаніяхъ“, давитъ, калѣчитъ и изводитъ молодыя силы и ихъ добрыя стремленія, если таковыя направляются не по программѣ, установленной прописною и условною моралью архивнаго консерватизма. Да, измѣнилось многое подъ неотразимымъ вліяніемъ самой жизни, но не одной только жизни, а того болѣе подъ вліяніемъ роста идей и ихъ распространенія путемъ печати, берущей факты изъ жизни, выносящей [illegible] на свѣтъ Божій и показывающей ихъ обществу освѣщенными мысл[illegible], ищущею правды. И въ этомъ дѣлѣ г. Шеллеръ своими произведенія[illegible] сослужилъ очень большую службу русскому обществу. Молодежь жад[illegible] читала ихъ и хорошо сдѣлаетъ, если станетъ опять читать, начи[illegible] съ перваго тома, не опасаясь того, будто тамъ все „старыя исторі[illegible]“. Во-первыхъ, и „старыя“ исторіи почитать полезно; во-вторыхъ, [illegible] исторіи далеко не устарѣвшія по ихъ смыслу и значенію для наст[illegible]

щаго времени, когда рядомъ съ очень странными и часто нехорошими идеями „fin de siècle“ ползутъ наверхъ сужденія, почерпнутыя „изъ забытыхъ газетъ временъ очаковскихъ и покоренья Крыма“, поученія, заимствованныя изъ *Домостроя,* и блестящіе парадоксы „о непротивленіи злу“ и „о недѣланіи“. А затѣмъ, старое легко и скоро забывается, хорошее забывать не слѣдуетъ и, чтобы не забыть его, должно его повторять. Для современной же молодежи чтеніе произведеній г. Шеллера не будетъ даже повтореніемъ, и въ нихъ читатель найдетъ многое такое, что окажется для него совсѣмъ новымъ и, повторяемъ, въ высокой степени поучительнымъ,— бодрящимъ, зовущимъ идти впередъ, искать и честно завоевывать себѣ и людямъ счастье. По вопросу о томъ, „что такое счастье“. въ послѣднее время говорено и писано не мало; но въ чемъ бы кто ни видалъ счастье, заполучить его и наслаждаться имъ нельзя въ одиночку или своею семьей, своимъ маленькимъ кружкомъ, когда кругомъ насъ люди страдаютъ и гибнутъ. Одинъ изъ основныхъ взглядовъ г Шеллера на человѣческія отношенія таковъ: „прежде чѣмъ сдѣлаться членомъ въ своей семьѣ, вы сдѣлались гражданиномъ, членомъ обширной, неумирающей семьи—общества“ „Если бы насъ научили съ пеленъ любить общество и считать себя, прежде всего, его членомъ то никогда въ жизни мы не потеряли бы жажды жить, не осиротѣли бы“... „не было бы границъ нашей дѣятельности, и никогда не знали бы мы. что значитъ скука, отчаяніе и безцѣльность жизни“. Теперь же повсюду рознь и вражда изъ-за выгодныхъ мѣстъ, изъ-за платы за трудъ изъ-за тщеславія. Г. Шеллеръ говоритъ такимъ людямъ. „Являясь проповѣдникомъ извѣстныхъ идей, писателемъ, вы топчете въ грязь именно тѣхъ, кто проповѣдуетъ ваши идеи: вы видите въ немъ человѣка, могущаго стать выше васъ по своему значенію Служба, трудъ, идеи,—это все только средства для васъ достигнуть личнаго, узенькаго, подлаго счастья для себя и для своей семьи“ (стр. 257 и 258). Шестидесятые годы выдвинули впередъ важнѣйшій въ жизни общества вопросъ о независимости и самостоятельности женщины. Съ тѣхъ поръ для рѣшенія этого вопроса кое-что сдѣлано, и въ сдѣланное свою долю честнаго идейнаго труда внесъ г. Шеллеръ, не забывая отмѣтить ошибки, иногда увлекавшія дѣятелей и дѣятельницъ того времени въ сторону отъ прямого пути къ рѣшенію вопроса У насъ,—говоритъ г. Шеллеръ,—мало или совсѣмъ не цѣнится работа женщины, какъ хозяйки и какъ матери. „Если мужъ приноситъ извѣстное количество рублей, то на нихъ не много пріобрѣлъ бы онъ, если бы ему пришлось платить за трудъ экономкѣ. за шитье бѣлья швеѣ, за первоначальное обученіе дѣтей гувернанткѣ. Женщина, исполняющая все это въ домѣ мужа, можетъ сказать, что она ѣстъ не его хлѣбъ, а живетъ на свой счетъ. Не вполнѣ еще это ясно для всѣхъ“... Не для всѣхъ яснымъ остается это и до сихъ поръ, за то вполнѣ доказано, что женщина, покинутая мужемъ или вынужденная его покинуть, остается, въ большинствѣ случаевъ, безпомощною или обреченною на самый тяжелый и неблагодарный трудъ, по милости даннаго ей недостаточнаго образованія, что обусловливается отсутствіемъ у насъ такихъ учебныхъ заведеній, которыя давали бы женщинамъ равное съ мужчинами образованіе. Г Шеллеръ—одинъ изъ самыхъ бодрыхъ противниковъ „недѣланія“, „непротивленія“ и пассивнаго противленія злу. Онъ не признаетъ даже такъ называемыхъ безвыходныхъ положеній: „Надо дѣйствовать и добиться счастья, надо искать исхода... Онъ есть вездѣ для всего. Лѣнивые и глупцы только не находятъ его“ (стр. 333 и 334). И авторъ смѣло ука-

зываетъ на необходимость упорнѣйшей борьбы со всякою ложью, „прикрытою маской нравственности, набожности и серьезности“... Таковы главнѣйшія и основныя положенія, развитію которыхъ посвящены всѣ произведенія г. Шеллера, вошедшія въ первый томъ собранія его сочиненій, причемъ съ особенною яркостью отмѣчены дурныя, вредныя для отдѣльныхъ лицъ и для общества стороны воспитанія дѣтей въ семьѣ и школѣ, остающіяся въ силѣ до сегодня. Книга издана очень хорошо, и отзывъ нашъ о ней былъ бы не полонъ, если бы мы не отмѣтили заявленія автора о томъ, что, какъ при жизни его, такъ и послѣ смерти, будутъ выходить въ свѣтъ только дополнительные томы къ этому собранію сочиненій, то-есть пріобрѣтающіе нынѣ выходящее изданіе будутъ всегда имѣть возможность пополнять его послѣдующими произведеніями автора, когда бы таковыя ни были впредь напечатаны.

Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова. Въ трехъ томахъ. Изданіе шестое, дополненное авторомъ. Изданіе Л. Ф. Маркса. Спб., 1893 г. Цѣна 3 руб. Значеніе А. Н. Майкова, какъ первостепеннаго русскаго поэта, давно опредѣлено и всѣми признано, давно установилась его громкая извѣстность, и образцовыя произведенія его можно найти во всѣхъ хрестоматіяхъ. Но до сихъ поръ, несмотря на отпразднованный нѣсколько лѣтъ назадъ пятидесяти-лѣтній юбилей его литературной дѣятельности, сочиненія А. Н. Майкова отдѣльными изданіями было доступны, по цѣнѣ своей, лишь ничтожному меньшинству русской публики, только богатымъ или достаточнымъ почитателямъ его таланта. А дороговизна у насъ хорошихъ книгъ оказывается однимъ изъ важнѣйшихъ тормазовъ, задерживающихъ умственный и нравственный ростъ народа, начавшаго уже дѣлаться грамотнымъ, но остающагося, попрежнему, бѣднымъ, а потому и вынужденнаго пробавляться *лубочными* изданіями крайне сомнительнаго достоинства. Правда, за послѣднее время и въ „темное царство“ лубочнаго книжнаго рынка стали проникать лучи благотворнаго свѣта, но пока это лишь отрывочные и слабые проблески сквозь туманъ, напущенный издателями Никольской улицы и Апраксина двора. Для того, чтобы появились дешевыя изданія сочиненій Пушкина и Лермонтова, потребовалось истеченіе пятидесятилѣтняго срока со дня преждевременной смерти великихъ писателей. Сочиненія Гоголя и теперь остаются недоступными даже людямъ средняго достатка такъ же точно, какъ произведенія Тургенева. Дешеваго изданія этихъ послѣднихъ мы не можемъ даже разсчитывать дождаться, да и дѣти-то наши получатъ его стариками. Послѣднее (пятое) изданіе сочиненій А. Н. Майкова стоило 6 рублей, а такую затрату очень немногіе въ состояніи себѣ дозволить на самую хорошую книгу. Новое, шестое изданіе, прекрасно исполненное, предлагается теперь за половинную цѣну, и всѣ, кому дорого просвѣщеніе народа, порадуется тому, что открывается этимъ доступъ въ народныя массы блестящимъ произведеніямъ А. Н. Майкова.

Весеннія сказки. К. Баранцевича. (Маленькіе разсказы). Изданіе М. В. Клюкина. Москва, 1894 г. Въ этой книжкѣ шесть разсказовъ, изъ нихъ пять совсѣмъ крошечныхъ и одинъ превосходящій размѣрами всѣ предъидущіе, вмѣстѣ взятые. Всѣ же они одинаково мало содержательны и мало занимательны, выведенныя въ нихъ фигуры и событія давно всѣмъ знакомы. Книжка издана съ большими претензіями, съ покушеніемъ подражать извѣстнымъ французскимъ

изданіямъ *Collection Lemerre illustrée*, но это оказалось покушеніемъ „съ негодными средствами“ и привело къ плачевному результату: получилась книжка, напечатанная мелкимъ, трудно читаемымъ шрифтомъ, обезображенная дрянными рисунками, очень плохо воспроизведенными цинкографіей.

Мечтатель. Юноша 30-хъ годовъ XIX столѣтія. Разсказъ въ стихахъ Я. П. Полонскаго. Изданіе Льва Поливанова въ пользу „Первыхъ московскихъ яслей“. Москва, 1894 г. Цѣна 60 коп. Это—необыкновенно просто, художественно, мягкими тонами написанная бытовая картина провинціальной жизни 30-хъ годовъ, и въ картинѣ этой центральнымъ лицомъ авторъ поставилъ юношу-поэта, котораго называетъ своимъ школьнымъ товарищемъ. Насколько въ созданіи этой прекрасной фигуры участвовалъ вымыселъ и что̀ взято изъ дѣйствительности, изъ личныхъ воспоминаній,—рѣшить никто не возьмется, ни, пожалуй, даже самъ авторъ въ настоящее время, но весь образъ „мечтателя“ до того живъ, что въ дѣйствительное существованіе такого юноши вѣрится безъ труда, и до того онъ идеально-поэтиченъ, что не можетъ ничѣмъ инымъ представляться, какъ произведеніемъ мечты поэта, увлеченной воспоминаніемъ о другѣ полудѣтскихъ лѣтъ. Авторъ въ заключеніе говоритъ:

„Мечтателей иного склада и теперь
Не мало, но такихъ наивныхъ, чистыхъ
И фантастическихъ, какъ ты, едва ли
Найдется... Для меня ты былъ послѣдній,
Единственный“...

Это вѣрно. Каждое десятилѣтіе истекающаго XIX вѣка создавало свои мечты и своихъ мечтателей, опредѣленно отмѣченныхъ печатью своего времени. „Мечтатель“ Я. П. Полонскаго тѣмъ и интересенъ особенно, что для насъ онъ представляется олицетвореніемъ полузабытаго типа „наивныхъ, чистыхъ и фантастическихъ“ романтиковъ, для которыхъ мечта сливалась съ дѣйствительностью и дѣйствительность переходила въ мечту подъ вліяніемъ какого-то диковиннаго психическаго процесса, способностью къ которому всегда надѣлены бывали немногія, исключительныя натуры, непонятныя даже близкимъ людямъ. Маститый поэтъ нашелъ въ своихъ воспоминаніяхъ и далъ намъ увлекательную страничку изъ лѣтописи душевныхъ настроеній давно прошедшаго времени.

Полное собраніе пѣсенъ П.-Ж. Беранже въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ редакціей И. Ф. Тхоржевскаго. Тифлисъ, 1893 г. Цѣна 6 рублей Беранже можетъ быть названъ безъ преувеличенія народнымъ поэтомъ Франціи, любимымъ пѣвцомъ французовъ. У насъ широкая популярность его началась съ тѣхъ поръ, какъ стали появляться въ печати безподобные переводы его пѣсенъ, сдѣланные В. Курочкинымъ, около сорока лѣтъ назадъ. Поэта русская публика знаетъ теперь, а благодаря труду г. Тхоржевскаго она познакомится съ нимъ въ мѣрѣ, въ какой это возможно по переводамъ на русскій языкъ, на которомъ весьма трудно передать всю прелесть, легкость и задушевную веселость подлинныхъ, часто „гривуазныхъ“ пѣсенъ беззаботнѣйшаго изъ французовъ. Въ изданіе г. Тхоржевскаго вошло 403 пѣсни, на французскомъ языкѣ въ полномъ собраніи ихъ напечатано 419, не могли быть напечатаны въ переводѣ шестнадцать пѣсенъ, отчасти политическаго содержанія, отчасти выражающія отно-

шенія поэта къ папству. Недочетъ этотъ нельзя назвать существеннымъ, и большой пробѣлъ составляетъ, по нашему мнѣнію, отсутствіе въ настоящемъ изданіи біографіи великаго французскаго пѣвца—„chansonnier“. Пьеръ-Жанъ де-Беранже родился 19 августа 1780 г. въ квартирѣ своего „бѣднаго и стараго дѣда“ по матери, портного въ улицѣ Монторгель въ Парижѣ. Умеръ Беранже 16 іюля 1857 г. отъ гипертрофіи сердца, всю жизнь свою проживши веселымъ и независимымъ бѣднякомъ. Съ перваго года текущаго столѣтія, удручаемый нищетой, на чердакѣ бульвара Сенъ-Мартенъ, началъ онъ свое писательство крайне неудачно—комедіями, которыя никогда играны не были, поэмами, никогда имъ не оконченными одами, политическими сатирами и идилліями, нигдѣ не напечатанными. Впервые французское общество заинтересовалось неизвѣстнымъ поэтомъ (въ 181. г.), когда стали ходить по рукамъ въ рукописяхъ *Sénateur*, *Petit Homme gris*, *Gueux*, *Roi d'Yvetot*, всполошившіе полицію, тщетно старавшуюся разыскать автора. Послѣ погрома 1815 г. онъ издалъ первый томъ своихъ пѣсенъ, возбудившихъ противъ него крайнее неудовольствіе аристократовъ, вернувшихся вмѣстѣ съ Бурбонами, и „новыхъ“ людей имперіи, перешедшихъ на сторону побѣдителей. Беранже остался пѣвцомъ „славы“ Франціи, бардомъ побѣжденныхъ. Шесть лѣтъ спустя за два новыхъ тома пѣсенъ, конфискованныхъ властями, Беранже былъ приговоренъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію и къ уплатѣ 500 фр. штрафа. Это подняло и безъ того уже громкую извѣстность поэта, вся Франція пѣла его пѣсни. Въ 1828 г. онъ вторично отсидѣлъ въ тюрьмѣ за свои стихи, по рѣшенію, приговорившему его къ девятимѣсячному заключенію и къ уплатѣ 10,000 фр. штрафа. У Беранже ровно ничего не было, и сумма эта оказалась быстро собранною по подпискѣ. Іюльскій переворотъ 1830 г. привелъ къ власти друзей поэта, отъ которыхъ онъ, впрочемъ, лично для себя ничѣмъ не воспользовался, а лишь выпустилъ уже безпрепятственно пятый сборникъ своихъ пѣсенъ (1833 г.). Во время революціи 1848 г. Беранже былъ избранъ въ члены учредительнаго собранія, но почти тотчасъ же сложилъ свои полномочія и остался свободнымъ, беззаботнымъ пѣвцомъ и бѣднякомъ до конца жизни. Онъ похороненъ на кладбищѣ Перъ-Лашезъ.

Въ русскомъ переводѣ *Пѣсни* Беранже выходили выпусками, числомъ 32, цѣною по 20 к. за выпускъ въ 30 страницъ формата in 4°. Къ послѣднему выпуску приложенъ портретъ Беранже, копія съ французской гравюры. Большинство переводовъ появляется впервые въ изданіи г. Тхоржевскаго, преимущественно за подписомъ „Иванъ да Марья“. Въ эту книгу вошли, кажется, всѣ переводы В. Курочкина, Д. Ленскаго, Л. Мея, В. Струве, В. Костомарова, М. Михайлова, Ап. Григорьева, М. Розенгейма, Н. Лебедева, И. Альдонскаго. Изданіе красиво и даже щеголевато.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Въ голодный годъ“. *Вл. Короленка.*—„Чотыри кари“.—„Moderne Sünden“, *von D. Georg Zeppler.*

Въ голодный годъ. Наблюденія, размышленія и замѣтки (изъ дневника). Владиміра Короленка. Изданіе журнала „Русское Богатство“. Спб., 1894 г. Ц. 1 руб. Ровно два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ В. Г. Короленко выѣхалъ изъ Нижняго-Новгорода для об-

ѣзда нѣкоторыхъ мѣстностей голодающаго края, желая лично на мѣстѣ ознакомиться съ народнымъ бѣдствіемъ, оказать по возможности помощь нуждающимся, произвести свои наблюденія, какъ писатель, и съ ними ознакомить публику, сбиваемую съ толку разнорѣчивыми, часто опровергающими другъ друга сообщеніями, слухами и сужденіями газетныхъ корреспондентовъ и лицъ, занимающихъ административныя должности. Результатомъ долгаго пребыванія автора въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ голодомъ, былъ рядъ статей г. Короленка, напечатанныхъ тогда же въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, въ *Русской Мысли* и въ *Русскомъ Богатствѣ*, изъ которыхъ составилась цѣлая книга въ 24 печатныхъ листа, дающая полную и яркую картину жестокаго бѣдствія, пережитаго Нижегородскою губерніей. Въ литературѣ голодовокъ русскаго народа книга г. Короленка займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, какъ по совершенной правдивости, такъ и по необыкновенной талантливости глубоко захватывающаго разсказа, въ которомъ фактическая сторона „наблюденій“ сплетается съ навѣянными ими „размышленіями“ и иллюстрируется блестящими изображеніями быта и мастерски, съ натуры написанными фигурами дѣльцовъ, дѣятелей и бездѣльниковъ, встрѣчавшихся автору во время его поѣздокъ. Авторъ написалъ свои „скорбные листы“ одной губерніи, но значительная часть переданнаго имъ, въ особенности же „размышленія“ его и общіе выводы, оказываются вѣрными относительно всѣхъ мѣстъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Повсюду бѣдствіе не сразу наступило, а подготовлялось исподоволь. „Голодъ подкрадывался къ намъ среди зноя и дыма (отъ лѣсныхъ пожаровъ), среди засухи; онъ былъ у насъ, ходилъ по деревнямъ уже два года, но мы его не замѣчали“, — говоритъ г. Короленко, — а по большей части закрывали глаза, чтобы не замѣчать и не говорить о немъ, хотѣли отъ него отмолчаться, отдѣлываясь стереотипною, излюбленною фразой: „все обстоитъ благополучно“. Когда же оказалось, что нельзя ни отмолчаться, ни отдѣлаться, тогда испугались, заметались, заговорили чепуху. одни потребовали $4^1/_2$ милліонна рублей на одинъ уѣздъ (Лукояновскій), другіе пустились въ безсмысленныя обвиненія „мужика“ въ лѣни пьянствѣ и т. д. (*Московскія Вѣдомости* и разные „трезвые“ люди),—нашли время!—и были уличены въ неправдѣ. Запасовъ не оказалось нигдѣ и никакихъ, несмотря на пятидесятилѣтнее существованіе хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, имѣвшихся, впрочемъ, больше на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности, и давно опустошенныхъ тамъ, гдѣ цѣло еще было строеніе. По минованіи первой паники пошла и чепуха въ обратномъ направленіи: требовавшіе милліоновъ стали отказываться отъ предложенныхъ правительствомъ сотенъ тысячъ... Книга г. Короленка имѣетъ очень серьезное значеніе, какъ историческій документъ, и въ высокой степени поучительна для тѣхъ, кто умѣетъ понимать уроки исторіи.

Чотири кари. (В XXXIII-ті роковини смерти Т. Шевченка). У Львові, 1894. З друкарні наукового товариства імени Шевченка. звѣстно, что 26 февраля исполнилось 33 года со дня смерти украинскаго поэта Т. Г. Шевченка. Изъ свѣдѣній, опубликованныхъ въ *Русск. Архивѣ* 1892 г., № 7, извѣстно также, что Шевченка, вмѣстѣ съ другими лицами (Костомаровъ, Марковичъ, Андрузскій и пр.), постигла суровая кара. За сочиненіе на украинскомъ языкѣ „возмутительныхъ“ стихотвореній Шевченко былъ сосланъ солдатомъ въ Оренбургскій отд. корпусъ, сперва въ Орскъ, потомъ въ Новопетровское укрѣпленіе, причемъ ему воспрещено было писать и рисовать. Въ ссылкѣ рядо-

вымъ солдатомъ онъ провелъ болѣе 10 лѣтъ подъ строгимъ надзоромъ. По словамъ капитана Косарева, командира той роты, въ которую обращенъ былъ Шевченко, поэту воспрещено было имѣть бумагу, перья, чернила и карандашъ. Даже по прошествіи семи лѣтъ ссылки корпусное начальство не дозволило Шевченку нарисовать запрестольный образъ въ крѣпостную церковь. Однимъ словомъ, поэта, въ самую лучшую пору развитія его поэтическаго и художественнаго таланта, постигло четыре наказанія. Авторъ названной брошюры и разбираетъ, которое изъ этихъ четырехъ наказаній (ссылка, отдача въ солдаты, воспрещеніе писать и воспрещеніе рисовать) было наиболѣе чувствительнымъ и наиболѣе тяжкимъ для Шевченка? Принявши во вниманіе условія, предшествовавшія ссылкѣ и сопровождавшія во все время ссылки внутреннюю и внѣшнюю жизнь поэта, авторъ приходитъ къ заключенію, что воспрещеніе рисовать составляло, какъ по сознанію самого Шевченка, такъ и по совокупности всѣхъ условій, самое тяжкое для него наказаніе, безцѣльное и крайне вредное для Россіи. Наказаніе это не было въ приговорѣ ничѣмъ не мотивировано. „Призываю въ свидѣтели Бога Всемогущаго,—писалъ Шевченко къ начальнику III отд. генералу Дубельту 10 января 1850 г.,—что я никогда ничего преступнаго не рисовалъ“. Конечно,—говоритъ авторъ разбираемой брошюры,—если бы существовалъ фактъ преступныхъ рисунковъ, то о немъ непреминулъ бы упомянуть графъ Орловъ въ докладахъ 26 мая 1847 г. Шевченко въ своихъ *Запискахъ* говоритъ: „За что запрещено мнѣ рисовать, о томъ не вѣдаетъ и самъ судья верховный“. Прося облегченія отъ этого наказанія, Шевченко говоритъ, что такое облегченіе „оживитъ его убитую душу“ и составитъ для него то же, что для слѣпого возвратъ зрѣнія. Въ письмѣ къ О. М. Бодянскому поэтъ выражается такъ: „Не позволять человѣку работать для того искусства, которому онъ отдалъ всю жизнь свою, это самое ужасное наказаніе, невыразимо тяжкое наказаніе“. Наказаніе это упало на художника тогда именно, когда онъ собирался ѣхать за границу для усовершенствованія, когда онъ получилъ назначеніе преподавать рисованіе въ Кіевскомъ университетѣ, когда „въ головѣ его зрѣла мысль объ учрежденіи на Украинѣ академіи художествъ, и вотъ, благодаря доносу студента Петрова, вмѣсто университетской каѳедры, является запрещеніе рисовать; вмѣсто Украины—киргизская пустыня на берегу моря; вмѣсто академіи—казематъ, казармы и неумолимое воспрещеніе рисовать“. Всѣ эти наказанія не дали развиться и навѣки погубили *огромный* талантъ художника. „Это-то больше всего,—говоритъ авторъ брошюры,—и заставляетъ насъ глубоко сожалѣть и скорбѣть о суровости наказанія, ничѣмъ не мотивированнаго даже“.

Moderne Sünden. Die Sünden unserer Civilisation, von Dr. Georg Zeppler. Berlin, 1893. „Das ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu“... Ничего оригинальнаго, новаго въ книгѣ Цеппплера нѣтъ, но то, что въ ней есть, то есть и въ дѣйствительной жизни,—есть, несмотря на многолѣтніе энергическіе протесты лучшихъ представителей европейской интеллигенціи,—есть, несмотря на то, что мы стоимъ уже на порогѣ XX столѣтія. А покуда эти „грѣхи цивилизаціи“ сохраняютъ свою въ прежней силѣ, пока всю тяжесть ихъ послѣдствій несетъ на себѣ классъ, по выраженію французскаго мыслителя, „самый многочисленный и самый бѣдный“, о нихъ, объ этихъ грѣхахъ, надо говорить неумолчно, не страшась неизбѣжныхъ, но отнюдь, однако же, не безполезныхъ повтореній, трюизмовъ, азбучныхъ истинъ.

Въ предисловіи къ книгѣ авторъ скромно предупреждаетъ, что его работа — не спеціальное изслѣдованіе, а самъ онъ — отнюдь не профессіональный „писатель“. Размышленія и созерцанія окружающей жизни навели его на нѣкоторыя мысли, которыми онъ и рѣшился подѣлиться съ читателями, не задаваясь никакими горделивыми цѣлями. Скромное предисловіе д-ра Цепплера какъ нельзя лучше гармонируетъ съ самою книгой, не глубокомысленной, не ученой, но вдумчивой, горячо написанной и симпатичной. Что авторъ ея—не профессіональный литераторъ, этого нельзя не замѣтить сразу: изложеніе д-ра Цепплера страдаетъ какою-то растрепанностью, а его слогъ — тягучестью и отсутствіемъ колорита. Къ одному и тому же вопросу авторъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги возвращается по нѣскольку разъ, останавливается подчасъ на мелкихъ подробностяхъ, опуская изъ вида самую сущность, и, главное, во всѣхъ его разсужденіяхъ вы не сразу найдете руководящую нить, главный центръ. Всѣ эти внѣшніе дефекты изложенія не должны, однако же, насъ черезъ-чуръ пугать, не должны мѣшать увидѣть въ публицистическомъ памфлетѣ д-ра Цепплера отдѣльныя здравыя мысли и общую, не лишенную своеобразной силы, критику современнаго общественнаго строя.

Д-ръ Цепплеръ отмѣчаетъ въ современной цивилизаціи, прежде всего, чисто-экономическія бѣдствія. Капиталистическій строй и вытекающая изъ него промышленная конкурренція, эта современная форма универсальной борьбы за существованіе, являются, по мнѣнію автора, основою всяческихъ золъ. Покуда продолжается въ обществѣ братоубійственная война, могутъ ли быть счастливы люди? Счастье состоитъ, прежде всего, въ спокойствіи души и въ мирѣ, а затѣмъ въ обладаніи необходимымъ количествомъ внѣшнихъ экономическихъ благъ; ни того, ни другого наша цивилизація не даетъ большей части людей. Спокойствіе невозможно при конкурренціи, достатокъ массъ немыслимъ, когда во главѣ промышленности стоитъ нѣсколько крупныхъ предпринимателей, спекулирующихъ на народную бѣдность. Таланты гибнутъ отъ несовершенства промышленнаго строя, люди недюжинной мысли обрекаются на унизительную погоню за кускомъ хлѣба. Интеллигентный пролетаріатъ съ одной стороны, невѣжество массъ — съ другой — вотъ крайніе полюсы современнаго общественнаго строя. А между этими двумя точками сколько бѣдствій, составляющихъ продуктъ, главнымъ образомъ, все того же капиталистическаго режима: проституція, увеличеніе преступленій противъ личности, безнравственность въ семейныхъ отношеніяхъ, политическія несовершенства и пр., и пр.

Самыя возвышенныя чувства, какъ мы сказали, извращаются обыкновенно въ нашемъ обществѣ. Что такое, наприм., патріотизмъ въ наше время? „Убѣжище для негодяевъ“,— отвѣчаетъ одинъ англійскій драматургъ (Бенъ-Джонсонъ). „Апологія эгоизма, освященіе борьбы за существованіе и чисто-военной морали“, — объясняетъ нашъ авторъ (см. стр. 89 и др.). И покуда въ отношеніяхъ между народами будетъ царить та же конкурренція, та же борьба на промышленномъ рынкѣ, то и въ отношеніяхъ между отдѣльными гражданами даннаго государства, патріотизмъ не перестанетъ выражать собою низменныхъ, наименѣе альтруистическихъ чувствъ.

Идеалъ автора далекъ отъ современности; онъ его рисуетъ чертами, напоминающими фантастическій государственный строй въ романѣ Беллами и затѣмъ приглашаетъ читателей сравнить эту блестящую будущность съ жалкою дѣйствительностью. Всѣ, не нашедшіе счастья въ

окружающей жизни, должны получить вознагражденіе въ этомъ будущемъ строѣ, который авторъ уже прозрѣваетъ въ туманѣ XX столѣтія. „Въ этомъ смыслѣ, — говоритъ онъ, — я и привѣтствую наступающій вѣкъ“.

ПЕДАГОГИКА.

Письма объ эстетическомъ воспитаніи“. *В. Острогорскаго.* — **„Недостатки современнаго письма и мѣры къ ихъ устраненію“.** *Н. В. Зака.*

Письма объ эстетическомъ воспитаніи. Виктора Острогорскаго. Изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“. М., 1894 г. Ц. 40 коп. Книжка г. Острогорскаго составилась изъ статей, которыя печатались въ *Вѣстникѣ Воспитанія*, и посвящена русскимъ матерямъ. Авторъ— извѣстный врагъ формальнаго обученія. Онъ доказываетъ важность эстетическаго образованія, которое можетъ совершиться преимущественно въ семьѣ. Задачи эстетическаго воспитанія г. Острогорскій опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: оно „есть воспитаніе человѣка въ чувствѣ красоты, изящества, въ любви къ прекрасному, высокому, и не только въ любви, но и въ постоянномъ, дѣятельномъ стремленіи къ нему, иначе—въ стремленіи къ нравственному идеалу, чѣмъ и способствуетъ такое воспитаніе улучшенію нравовъ“.

Когда *Письма* г. Острогорскаго печатались въ журналѣ, они вызвали *Письмо матери*, которое авторъ съ своимъ возраженіемъ и напечаталъ въ брошюрѣ. Въ письмѣ неизвѣстной матери указывается на то, что нельзя всего требовать отъ матери, что долженъ въ воспитаніи дѣтей серьезно участвовать и отецъ Это, конечно, вполнѣ справедливо, но авторъ *Письма матери*, въ которомъ звучатъ скорбныя ноты, неправъ, отождествляя всѣхъ отцовъ съ тѣмъ экземпляромъ, который былъ у нея передъ глазами, хотя она и говоритъ, что слова ея вызваны не собственною неудавшеюся жизнью, а являются плодомъ многолѣтнихъ наблюденій надъ многими женщинами. *Имя намъ легіонъ*,— замѣчаетъ авторъ. Но не побольше ли будетъ легіонъ матерей, не вносящихъ въ воспитаніе дѣтей ничего разумнаго и прекраснаго? Въ отвѣтѣ г Острогорскаго мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее вѣрное замѣчаніе: „Мнѣ думается,— говоритъ почтенный педагогъ,— что еслибъ мать, о которой говорите вы въ письмѣ, получила своевременно болѣе серьезное умственное развитіе съ извѣстными разумными запросами отъ жизни и отъ мужчины, выбираемаго въ спутники на всю жизнь; если бы эта мать получила въ дѣвушкахъ болѣе серьезное образованіе,—не состоялся бы никогда и бракъ съ подобнымъ пошлякомъ, и не пришлось бы ей, бѣдной, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, каяться и биться съ дѣтьми, сознавая полную свою безпомощность и горькое одиночество“.

Недостатки современнаго метода письма и мѣры къ ихъ устраненію. Н. В. Зака. Съ фотографіями и чертежами. М., 1893 г. Ц. 40 коп. Указывая на то, что едва ли можно надѣяться на осуществленіе въ скоромъ времени различныхъ требованій, предъявляемыхъ гигіеной школѣ: урегулированія учебныхъ занятій, устройства правильной вентиляціи и освѣщенія, снабженія нормальною школьною мебелью и проч., авторъ обращаетъ вниманіе читателей на то зло, устраненіе котораго, хотя и нѣсколько, но все же можетъ уменьшить процентъ близорукихъ и сколіотиковъ въ школѣ, именно на косое пис-

мо, доказательствамъ вреда котораго и посвящена настоящая брошюра. Ссылаясь на авторитеты германскихъ спеціалистовъ, занимавшихся этимъ вопросомъ, и подробно разобравъ условія, требуемыя выполнѣніемъ косого письма, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ главнѣйшимъ выводамъ: положеніе тетради во время письма должно приходиться прямо впереди пишущаго, паралельно къ краю стола; при такомъ положеніи тетради единственно возможнымъ оказывается прямой почеркъ, перпендикулярный къ краю стола и строкѣ; при выполненіи такого письма линія глазъ стоитъ также правильно и глаза можно держать далѣе отъ кончика пера. Съ введеніемъ вертикальнаго письма „убавится нѣсколько весьма важныхъ факторовъ, оказывающихъ несомнѣнно вредное вліяніе на учащихся“.

Брошюра иллюстрирована очень убѣдительными фотографическими снимками учащихся при томъ и другомъ родѣ письма, наглядно доказывающими неестественность позиціи, требуемой выполненіемъ косого письма. Изложеніе брошюры хотя и краткое, но очень обстоятельное, простое и толковое. Нельзя не присоединиться къ выраженному авторомъ желанію сдѣлать попытку ввести въ нѣкоторыхъ первоначальныхъ школахъ вертикальное письмо, „чтобъ можно было тщательными наблюденіями провѣрить дѣйствительныя достоинства послѣдняго“.

ИСТОРІЯ.

„Церковная реформа императора Іосифа II“. *М Соколова.* — „Unter Nikolaus I und Friedrich Wilhelm IV“, *von Bernhardi.* — „Историческія чтенія“. *Марьежоля.*

Церковная реформа императора Іосифа II. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія изъ исторіи западныхъ исповѣданій. М. Соколова. Саратовъ, 1892 г. Работая въ провинціи, авторъ не могъ пользоваться архивными матеріалами и представить вполнѣ самостоятельное изслѣдованіе, не могъ также исчерпать современную литературу памфлетовъ, наконецъ, не имѣлъ подъ руками всей ученой литературы предмета такъ какъ не имѣлъ возможности долго жить въ Петербургѣ по своему служебному положенію (стр. V); поэтому онъ и не разсчитываетъ сказать что-либо новое, оригинальное, а желаетъ только восполнить пробѣлъ въ нашей литературѣ по данному вопросу (стр. XXXVIII). На нѣтъ, конечно, и суда нѣтъ. Посмотримъ, какъ воспользовался авторъ тѣмъ, что у него было въ рукахъ. Видъ у книги очень ученый. Сначала идетъ длинный списокъ источниковъ и пособій, перечисленныхъ съ библіографическою полнотой и критическими отзывами; напрасно только тутъ перечислены и такія сочиненія, которыя, по словамъ самого автора, никакого отношенія къ его темѣ не имѣютъ (стр IX, XIV, XXXII), ничего важнаго, новаго и интереснаго не даютъ (стр. XV, XVII, XXIV, XXV), вопроса почти не касаются (стр. XXI), утратили почти всякое значеніе (стр. XX, XXVIII, XXXV), вниманія не заслуживаютъ (стр. XIV). Напрасно также авторъ счелъ за нужное указывать [illegible]ѣ упоминанія объ Іосифѣ въ письмахъ Екатерины къ Гримму (стр. XV) [illegible]и въ книгѣ Брикнера объ Екатеринѣ (стр. XXXV): по его же словамъ, [illegible]тъ нѣтъ ничего ни важнаго, ни оригинальнаго, а составлять перечень было не трудно, пользуясь указателями. Въ результатѣ получается безцѣльное щегольство дешевою ученостью. Въ другомъ случаѣ авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ (стр. 37—42) перечисленію съ [illegible]ихъ словъ переводовъ и опроверженій извѣстнаго сочиненія Фебранія [illegible]панской власти. Кромѣ библіографіи, авторъ, повидимому, питаетъ сла-

бость къ подробному изложенію касающихся вопроса сочиненій и документовъ; при этомъ онъ далеко не всегда успѣваетъ выдѣлить наиболѣе существенные въ данномъ случаѣ пункты, возлагая работу надъ этимъ на читателя. Какъ на образчикъ такой манеры, можно указать на изложеніе только что упомянутаго трактата Фебранія (стр. 7—34), которое, вѣроятно, только по недоразумѣнію названо анализомъ (ср. также стр. 201—205, 206—209, 224—225, 227—228). Свое изложеніе авторъ иногда не обрабатываетъ вполнѣ, оставляя за нимъ характеръ механическаго сопоставленія смежныхъ по времени фактовъ (наприм., стр. 81—85). Когда заходитъ рѣчь о сложномъ явленіи, только нѣкоторыми сторонами соприкасающемся съ темою книги, автору не всегда удается выяснить то, что для него дѣйствительно важно, а потому онъ старается описать явленіе цѣликомъ; отъ этого нѣкоторыя части книги получили непропорціональные размѣры. Особенно замѣтно это на изложеніи волненій въ Нидерландахъ и Венгріи, занявшемъ почти столько же мѣста, какъ и главный вопросъ всей книги, церковная реформа Іосифа II (стр. 231—304 и стр. 103—195). Всего слабѣе оказывается авторъ въ тѣхъ случаяхъ, когда покидаетъ свою спеціальную область и пускается въ общія характеристики; къ нимъ принадлежатъ общія замѣчанія объ эпохѣ „просвѣщенія“ и объ Іосифѣ II (стр. I — IV), политическіе взгляды и пріемы его (стр. 91 — 96), результаты его преобразованій (стр. 372—381). Въ лучшемъ случаѣ мы находимъ здѣсь выдержки изъ сочиненій прежнихъ изслѣдователей, изрѣдка съ возраженіями автора на несимпатичные ему взгляды, въ худшемъ—собственныя измышленія его, изложенныя, правда, очень литературнымъ языкомъ и съ симпатичнымъ увлеченіемъ своимъ героемъ, но далеко не убѣдительныя, напротивъ, вызывающія много возраженій. Ошибки Іосифа авторъ объясняетъ, наприм., крайнимъ его идеализмомъ: „онъ слишкомъ вѣрилъ въ силу идей, забывая дѣйствительность“. Но, въ то же время, „онъ понималъ, что его преобразованія не будутъ приняты добровольно, и поэтому навязывалъ свои реформы силой, игнорируя законные пути“. „Іосифъ поспѣшилъ родиться на цѣлое столѣтіе,—явись онъ черезъ сто лѣтъ, и его реформа встрѣтила бы не такой пріемъ...“ „Всѣмъ, что̀ есть Австрія въ настоящее время и чѣмъ сдѣлается въ будущемъ, она обязана Іосифу II“. Внося, какъ было выше указано, въ свое изложеніе нерѣдко много лишняго, авторъ въ другихъ случаяхъ дѣлаетъ противуположную ошибку, уклоняясь отъ анализа весьма важныхъ для него документовъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто они не представляютъ ничего важнаго и интереснаго; такъ поступаетъ онъ, наприм., съ представленіями бельгійскихъ епископовъ (стр. 260), съ посланіями епископовъ Австріи (стр. 306 — 308), съ отвѣтомъ папы архіепископамъ Германіи (стр. 371). На нашъ взглядъ, самыми важными частями книги представляются отдѣлы о патентѣ вѣротерпимости и о памфлетахъ по поводу церковной реформы; изъ нихъ первый излагаетъ прекрасно вопросъ, главнымъ образомъ, на основаніи книги Франка *Tolerans-patent* (стр. 156—195), а во второмъ авторъ, опять-таки, излагаетъ, а не анализируетъ содержаніе 13 полемическихъ брошюръ, живо отражающи отношеніе общества къ преобразованіямъ Іосифа (стр. 310 — 33 Странно только, что самъ авторъ не удостоиваетъ брошюръ назван источниковъ и не придаетъ имъ особенно важнаго значенія (стр. V Въ заключеніе остается пожалѣть, что, несмотря на массу затраче наго труда, автору не удалось воспользоваться вполнѣ даже нали нымъ матеріаломъ.

Unter Nikolaus I und Friedrich Wilehelm IV. Th. v. Bernhardi. Leipzig. 1893. Указанное сочиненіе автора, небезъизвѣстнаго и въ литературѣ исторіи нашей (ему принадлежитъ сочиненіе: *Geschichte Russlands und der europäischen Politik in den Jahren 1814 — 1831*), представляетъ собою интересныя выдержки изъ писемъ и дневника его за 1834—1857 годы. Достаточно привести заглавія этихъ выдержекъ, чтобы заключить, что авторъ касается важныхъ эпохъ нашей общественной жизни и важныхъ вопросовъ *). Но интересъ книги не исчерпывается только этимъ. Авторъ обладалъ достаточнымъ умѣньемъ наблюдать; онъ имѣлъ не мало близкихъ лицъ между нѣмцами и русскими въ Петербургѣ, отъ которыхъ узнавалъ много интереснаго, что̀ и записывалъ въ свой дневникъ. Авторъ зналъ, кромѣ нѣмецкаго языка, французскій и русскій языки; ему удалось поступить въ собственную Его И. В. канцелярію, гдѣ онъ имѣлъ скромную, плохо оплачиваемую (по словамъ его біографа) должность, преимущества коей состояли въ томъ, что у него было мало дѣла, благодаря чему автору удалось завязать связи и знакомства, открывавшія ему дальнѣйшій путь, чѣмъ онъ, конечно, съумѣлъ отлично воспользоваться. Въ его воспоминаніяхъ и дневникѣ, вездѣ, конечно, сказывается нѣмецъ, съ его слишкомъ преувеличеннымъ взглядомъ на значеніе нѣмцевъ для Россіи, но это не мѣшаетъ, однако, его воспоминаніямъ быть интересными и для насъ. Говоря, наприм., объ академіи наукъ николаевскаго времени, или, вѣрнѣе, о кружкѣ ученыхъ нѣмцевъ, которые въ ней сидѣли, авторъ увѣряетъ, что „Россія обязана ей (академіи) большею частью своего образованія“, что на Васильевскомъ островѣ академія образуетъ „западно-европейскій островъ внутри славянскаго моря“. „Правда,—добавляетъ иронически авторъ,—за сто лѣтъ передъ тѣмъ Ломоносовъ и другіе предвѣстники славянской маніи величія пытались освободиться отъ прославленной нѣмецкой культуры, но образованный и гуманный Александръ I ограничилъ эти попытки, а воля императора Николая укрѣпила эти ограниченія“, такъ какъ Николай I, послѣ усмиренія военнаго мятежа въ декабрѣ 1825 г., былъ, по автору, такъ же далекъ отъ національныхъ стремленій, какъ и отъ либеральныхъ тенденцій, между тѣмъ какъ тогдашніе академики набирались, преимущественно, „изъ всегда ведущихъ себя *лойально* балтійскихъ провинцій“, и изъ нѣмецкихъ ученыхъ, не принимавшихъ никогда участія въ политическихъ стремленіяхъ эпохи, въ чемъ и заключалась ихъ сила въ Россіи. Но, оставляя въ сторонѣ эти и подобныя имъ соображенія автора, укажемъ на нѣсколько интересныхъ свѣдѣній автора. Нельзя, наприм., не отмѣтить извѣстія автора, что императоръ Николай производилъ большое обаяніе на прусскую армію, почему „русская партія въ Берлинѣ, именно въ гвардіи, была очень сильна“ (стр. 204, 226 и др.); очень также интересно въ устахъ нѣмецкаго писателя извѣстіе (подтверждаемое и изъ другихъ источниковъ), что въ Россіи, несмотря на Крымскую войну, не было въ то время *никакого* враждебнаго чувства

*) Книга распадается на двѣ части. Въ первой, подъ заглавіемъ: *Петербургъ при Николаѣ I*, авторъ говоритъ о многихъ интересныхъ вопросахъ это хойпэи, наприм., объ отношеніи императора Николая къ нѣмцамъ и февральской революціи, о появленіи холеры, о реакціи въ Россіи и пр.; во второй, носящей заглавіе: *Подъ скипетромъ Фридриха-Вильгельма IV*, авторъ говоритъ о Россіи—о ея войнахъ, арміи, русскихъ настроеніяхъ въ Крымскую войну, первыхъ шагахъ царствованія императора Александра II. Здѣсь также собрано много интереснаго, но многое должно принимать съ осторожностью, какъ вообще всякія воспоминанія современниковъ.

противъ Франціи, что русскіе видятъ во французахъ своихъ естественныхъ союзниковъ въ будущемъ („die Russen sehen in den Franzosen ihre natürlichen Alliirten—ihre künftigen Verbündeten"); извѣстіе это, идущее отъ 1855 г., не лишено интереса и для настоящаго (стр. 233 сл.). Авторъ утверждаетъ также, что „Deutschenhass", ненависть къ нѣмцамъ, у насъ развивается въ ужасающихъ размѣрахъ, что изъ всѣхъ вліятельныхъ лицъ при дворѣ и въ государствѣ у Пруссіи былъ тогда одинъ другъ—старый гр. Паскевичъ (тамъ же, ср. также стр. 237), что русскіе будто бы упрекаютъ лифляндцевъ въ томъ, что они „не слуги Россіи, а только слуги императора" (стр. 236), которые когда-нибудь разыграютъ въ Россіи „роль Вандейцевъ" и т. д. Вообще, авторъ не разъ весьма коварно, хотя и бездоказательно, хочетъ приписать вѣрноподанныя чувства въ Россіи только нѣмцамъ, прусскимъ и нашимъ...

Въ цѣломъ, книга читается легко и даетъ много свѣдѣній объ эпохѣ.

Историческія чтенія. Исторія среднихъ вѣковъ и новаго времени (1270—1610 г.). Составилъ Марьежоль. Переводъ съ французскаго. Спб., 1893 г. Книга принадлежитъ къ серіи историческихъ хрестоматій, издаваемой парижскою фирмой Гашетта, подъ руководствомъ извѣстнаго историка Лависса, и представляетъ собою рядъ статей по исторіи и быту европейскихъ народовъ съ конца XIII в. до начала XVII в.; заимствованы эти статьи почти исключительно изъ французскихъ сочиненій и относятся, главнымъ образомъ, къ исторіи Франціи, на долю которой изъ 24 листовъ приходится 14. Это обстоятельство, вполнѣ понятное съ точки зрѣнія автора-француза, можетъ послужить препятствіемъ къ распространенію перевода въ нашихъ школахъ: какъ ни типичны явленія французской исторіи для всего Запада, они, конечно, далеко не исчерпываютъ всей исторіи его и оставляютъ не выясненными многія движенія, слабо отразившіяся во Франціи. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ отдѣлъ о реформаціи: для него отведено четыре страницы (296—300) да и тѣ заняты замѣткою объ установленіи Кастальономъ принциповъ вѣротерпимости; конечно, для исторіи идеи ея это представляетъ извѣстный интересъ, но едва ли особенно характерно для эпохи реформаціи Церкви XIV—XV вв. посвящены статьи о возвращеніи папъ въ Римъ и о пораженіи нѣмцевъ гуситами подъ Прагой; паденіе Византіи и образованіе Турецкой имперіи представлено анекдотомъ о Магометѣ II и описаніемъ библіотеки Корвина, а Англія конца XV в.—статьями о роли бродягъ въ возстаніи 1381 г. и о путешественникахъ XV в. Въ другихъ случаяхъ авторъ, напротивъ, оказывается, на нашъ взглядъ, слишкомъ ужъ щедрымъ: можно указать рядъ статей, которыя сами по себѣ представляются очень интересными, но, въ то же время, слишкомъ загромождены частностями, только мѣшающими цѣльности впечатлѣнія. Къ числу такихъ статей мы относимъ очень интересную рѣчь дожа Мочениго объ экономическихъ послѣдствіяхъ войны, гдѣ напрасно приведены цѣликомъ таблицы стоимости предметовъ ввоза и вывоза изъ В[енеціи]; затѣмъ, слишкомъ ужъ богаты мелкими подробностями статьи о конетаблѣ Монморанси, о бытѣ норманскаго дворянства въ XVI в., прекрасный очеркъ испанскаго нищенства и описаніе Франціи и Парижа около 1610 г. На нашъ взглядъ, всѣ эти статьи много выиграли бы, если бы авторъ (или переводчикъ) выбросилъ изъ нихъ лишнія мелочи и придалъ изложенію бо́льшую сжатость. Наконецъ, можно указать нѣсколько статей, затрогивающихъ слишкомъ ужъ побочныя яв[ленія]

нія, наприм., исторію варварійскихъ пиратовъ, интересную болѣе для владѣтелей Алжира и протекторовъ Туниса, чѣмъ съ общеевропейской точки зрѣнія. Характерны также и принятыя авторомъ хронологическія грани: смерть Людовика Св. и смерть Генриха IV; тутъ ясно видно подчиненіе автора старымъ традиціямъ французской школы. Съ общей точки зрѣнія обѣ грани чисто-произвольны: въ исторіи Европы крестовые походы—событіе болѣе внѣшнее и начало новыхъ государствъ относится къ болѣе раннему времени, а на другомъ концѣ 1610 г. скорѣе слѣдовало бы замѣнить 1598 г. или, для всего Запада, 1648 г. Своеобразный характеръ носитъ и библіографія книги. Какъ видно изъ предисловія, авторъ самъ колебался вносить ее, не представляя себѣ ясно, что̀ тутъ собственно нужно, и если внесъ ее въ нѣкоторой степени, то единственно слѣдуя модному обычаю; такая неясность въ постановкѣ вопроса и привела къ тому, что получилось нѣчто среднее, для ученика слишкомъ обширное, для студента черезъ-чуръ мелкое, для обоихъ мало пригодное. Для нашей школы такая библіографія тѣмъ менѣе можетъ быть пригодна, что указаны тутъ сочиненія почти исключительно французскія. Жаль поэтому, что при переводѣ ее не оставили въ сторонѣ или не замѣнили другою, болѣе подходящею, а также, что переводчикъ допустилъ нѣсколько ошибокъ, нежелательныхъ въ учебномъ пособіи, наприм., Alexandrie de la Paille назвалъ Александріею Пайльскаго (стр. 126), Павла Іовія—Поль Жовъ (стр. 220) или амбуазскій заговоръ — заговоромъ Амбуаза (стр. 353). Въ общемъ издана книга, можно сказать, даже щеголевато: отличная бумага, печать, недурные рисунки.

Въ концѣ-концовъ, несмотря на указанные выше недочеты, слѣдуетъ сказать, что данная книга содержитъ много хорошаго матеріала, особенно по исторіи Франціи и по исторіи бытовой вообще, на которую, при всей ея важности, обыкновенно обращаютъ мало вниманія, и ознакомленіе съ этимъ матеріаломъ подъ руководствомъ преподавателя можетъ оказаться очень не безполезнымъ для учениковъ нашей средней школы.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„Начала политической экономіи“. *А. А. Исаева.*—„Le socialisme allemand“, *par J. Bourdeau.*—„Итоги санитарной переписи гор. Варшавы“.

Начала политической экономіи. А. А. Исаева. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 50 к. Для каждаго сколько-нибудь слѣдящаго за ходомъ политической жизни въ государствахъ Европы въ настоящее время очевидно, что экономическіе вопросы играютъ весьма крупную роль въ международной политикѣ. Несомнѣнно также, что и во внутренней жизни каждой страны, въ вопросахъ управленія, въ отношеніяхъ различныхъ политическихъ партій, въ тѣхъ или другихъ государственныхъ или общественныхъ начинаніяхъ,—всюду оказывается вліяніе экономическихъ интересовъ, ихъ столкновеній, борьбы. Да иначе и быть не можетъ, когда интересы массъ, наиболѣе экономически обездолѣнныхъ, заявляютъ о себѣ все съ большею и большею энергіей и силой. Если мы обратимся къ нашему отечеству, то и здѣсь увидимъ, что подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ и недавно пережитыхъ бѣдствій 1891 и частію 1892 г. вопросы экономическіе занимаютъ видное мѣсто во многихъ проявленіяхъ нашей общественной и государственной жизни. Все это, конеч-

но, должно было вызвать и у насъ нѣкоторое оживленіе въ экономической литературѣ. Правда, оживленіе это выражается не особенно сильно, если не имѣть въ виду журнальныхъ статей, посвященныхъ тѣмъ или другимъ явленіямъ нашей экономической дѣятельности. Но все же нельзя не замѣтить появленія въ послѣднее время нѣсколькихъ монографій, пытающихся объяснить съ большею или меньшею обстоятельностью многія стороны нашей экономической жизни. Кромѣ того, послѣдніе годы обогатились нѣсколькими курсами по политической экономіи, изъ которыхъ нѣкоторые въ сравнительно короткое время выдержали не одно изданіе, что у насъ, гдѣ спросъ на серьезныя научныя книги не особенно великъ, можетъ служить вѣрнымъ показателемъ существующаго въ обществѣ интереса къ экономическимъ вопросамъ. При такихъ условіяхъ каждое произведеніе, трактующее эти вопросы серьезно и обстоятельно, нельзя не привѣтствовать, какъ весьма желательное. Къ числу послѣднихъ несомнѣнно принадлежитъ и трудъ проф. А. А. Исаева, въ основаніе котораго положены лекціи, читанныя проф. А. А. Исаевымъ въ Петербургскомъ университетѣ и Ярославскомъ юридическомъ лицеѣ въ 1879—93 годахъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собою плодъ четырнадцатилѣтнихъ трудовъ. Требованія, предъявляемыя къ такому курсу, могутъ и должны быть весьма строги, такъ какъ, очевидно, онъ вырабатывался постепенно и имѣлось достаточно времени, чтобы его обдумать, дополнить, исправить и т. д. И нужно отдать справедливость, что трудъ этотъ можетъ выдержать строгія требованія. Прежде всего, нельзя не отмѣтить полноту его, которая даетъ возможность каждому, даже не имѣющему предварительнаго знакомства съ предметомъ политической экономіи, усвоить себѣ не только общія *начала* политической экономіи, но и охватить предметъ ея во всемъ его объемѣ, и, притомъ, не только въ общихъ чертахъ, но въ довольно существенныхъ и, такъ сказать, основныхъ подробностяхъ. Усвоеніе всего этого облегчается еще въ тѣмъ большей степени, что изложеніе книги отличается простотою и общедоступностью; послѣдняя достигается не только самымъ построеніемъ рѣчи, но и тѣмъ, что въ своемъ курсѣ проф. Исаевъ останавливается нерѣдко на такихъ явленіяхъ, наблюденіе которыхъ доступно каждому и которыя настолько могли примелькаться взгляду наблюдателя, что онъ какъ бы не замѣчаетъ ихъ, а, между тѣмъ, тутъ книга проф. Исаева останавливаетъ на нихъ вниманіе читателя и помогаетъ ему при помощи хорошо извѣстныхъ ему явленій освѣтить и уяснить себѣ многое въ экономической сферѣ, чему помогаетъ и ясность изложенія. Далѣе, нельзя не отмѣтить съ особеннымъ удареніемъ, что въ курсѣ проф. А. А. Исаева отведено цѣлыхъ шесть главъ весьма существенному отдѣлу о формахъ производства, и, благодаря этому, разсмотрѣніе цѣлаго ряда явленій русской экономической жизни введено имъ въ систему политической экономіи, тогда какъ обыкновенно, если ихъ и вводятъ въ общіе экономическіе курсы, то большею частью они бываютъ связаны съ общимъ курсомъ почти только внѣшнимъ образомъ. Здѣсь же совершенно умѣстно, какъ необходимое звено во всей системѣ, мы встрѣчаемъ и общинное землевладѣніе, и кустарное, и артельное производства. Тутъ же вполнѣ соотвѣтственно всей системѣ нашло свое мѣсто и уединенное государство Тюнена, тогда какъ этому глубокому экономисту и его классическимъ изысканіямъ обыкновенно въ общихъ курсахъ не отводится никакого мѣста и только въ курсахъ прикладной экономіи знакомятъ съ нимъ, да и то какъ бу-

съ однимъ изъ эпизодовъ въ экономической литературѣ, котораго, пожалуй, могло бы и не быть. Въ курсѣ же проф. Исаева ученію этого экономиста отводится надлежащее мѣсто какъ въ отдѣлѣ первомъ о производствѣ, такъ и въ ученіи о заработной платѣ. Существенное дополненіе къ курсу, но, опять-таки, связанное съ нимъ въ одну общую систему, а не пришитое внѣшнимъ образомъ, составляетъ и то, что проф. Исаевъ не ограничивается началами политической экономіи, но связываетъ съ ними и начала экономической политики. Помимо изложенія этихъ началъ, при каждомъ особомъ отдѣлѣ курса имъ посвященъ цѣликомъ седьмой отдѣлъ, носящій общее заглавіе: государство и общественное хозяйство Это установленіе тѣсной связи между началами опредѣляющими ходъ и развитіе экономическихъ явленій въ зависимости отъ отношеній, вырабатываемыхъ экономическими факторами и тѣми началами, которыя выражаютъ собою стремленіе *сознательно* воздѣйствовать на явленія экономической жизни, также не мало должно содѣйствовать общедоступности курса проф. Исаева. Благодаря этому, читатель, съ одной стороны, уясняетъ себѣ приложеніе общихъ теоретическихъ началъ къ явленіямъ дѣйствительности, что помогаетъ освѣщенію послѣднихъ; съ другой стороны, знакомясь съ началами экономической политики, онъ можетъ уяснить себѣ глубже общія теоретическія положенія изучаемой науки и выработать себѣ опредѣленное представленіе о взаимной связи науки и жизни, что, можетъ быть, нигдѣ не имѣетъ такого значенія, какъ въ этой отрасли знанія. Нельзя не отмѣтить далѣе, что особые отдѣлы посвящены хозяйственнымъ кризисамъ и ученію о населеніи, причемъ въ послѣднемъ отдѣлѣ въ особой главѣ трактуются переселенія какъ на Западѣ, такъ и въ Россіи. Вообще, нужно отмѣтить, что въ трудѣ проф. Исаева есть нѣсколько главъ, которыя представляютъ собою какъ бы спеціальныя небольшія монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ экономической жизни Россіи. Такова, напримѣръ, глава объ общинномъ землевладѣніи, о кредитѣ въ Россіи и т. п. Но и помимо главъ, посвященныхъ Россіи, характеръ такихъ же вполнѣ самостоятельныхъ монографій носятъ и нѣкоторыя другія главы, имѣющія болѣе общій характеръ. Такова, напримѣръ, политика внѣшней торговли, вторая глава отдѣла седьмого и нѣкоторыя другія.

Но, указывая на всѣ эти достоинства труда проф. Исаева, нельзя не отмѣтить, что во вступительной части ея (въ введеніи) авторъ слишкомъ уже кратко останавливается на понятіи цѣнности, чрезъ что, можетъ быть, многое для незнакомыхъ вполнѣ съ этимъ основнымъ началомъ остается недостаточно выясненнымъ, пока они не дойдутъ до третьяго отдѣла „обмѣнъ“, въ которомъ подробному и обстоятельному выясненію этого понятія посвящена цѣлая глава. Вслѣдствіе такого какъ бы запоздалаго въ порядкѣ изложенія полнаго выясненія понятія цѣнности, не совсѣмъ ясно, напримѣръ, можетъ быть читателю во второй главѣ второго отдѣла—опредѣленіе того, что̀ авторъ считаетъ необходимыми и избыточными цѣнностями, а также и нѣкоторыя другія вещи, такъ, напримѣръ, многое въ ученіи о заработной платѣ, о прибыли и т. п. Но, говоря это, мы не рѣшаемся поставить это автору въ упрекъ, такъ какъ возможно, что то неполное выясненіе нѣкоторыхъ явленій, требующихъ полнаго понятія о цѣнности, которое получается лишь при этомъ, заставляетъ больше вдумываться самого читателя и искать въ дальнѣйшемъ изложеніи отвѣта на то, что ему еще неясно; когда же онъ, наконецъ, доходитъ до главы о цѣнности, то, получая, такъ

сказать, дополнительное освѣщеніе уже пройденнаго пути, онъ еще разъ внимательнѣе вглядывается во всѣ детали его и онѣ усвоиваются имъ еще прочнѣе. Если именно это соображеніе руководило профессоромъ при составленіи и выработкѣ своего курса и если дѣйствительность подтверждаетъ цѣлесообразность такого пріема, тогда, конечно, отмѣченное здѣсь обстоятельство не только не можетъ служить упрекомъ курсу проф. Исаева, но также должно быть отнесено къ числу методологическихъ достоинствъ его.

Въ общемъ нельзя не отмѣтить, что книга проф. Исаева является плодомъ долгаго и тщательно обдуманнаго труда, соединеннаго съ глубокимъ изученіемъ экономической литературы какъ западно-европейской, такъ и русской. Но, помимо знакомства съ литературой, видно и основательное изученіе явленій экономической жизни на Западѣ Европы и въ Россіи, что дало ученому возможность подвести подъ общія начала то разнообразіе хозяйственныхъ явленій, которыми характеризуется западно-европейскій и русскій строй жизни, и разсматривать ихъ не какъ нѣчто отдѣльное, а какъ нѣчто такое, что, при всемъ разнообразіи и видимомъ несходствѣ, связано тѣмъ общимъ, что руководитъ человѣкомъ въ его стремленіи къ удовлетворенію своихъ потребностей. Но подѣлившись съ своими слушателями и читателями тѣми выводами и заключеніями, которые существуютъ въ экономической наукѣ и которые выработаны проф. Исаевымъ путемъ самостоятельнаго изученія многихъ явленій, проф. Исаевъ подѣлился и тѣмъ богатствомъ литературныхъ знаній, которымъ владѣетъ онъ: каждая глава его книги предварена длиннымъ перечнемъ книгъ и журнальныхъ статей, служащихъ пособіемъ при изученіи предмета этой главы, и такъ какъ наша журнальная литература богата статьями экономическаго характера, заслуживающими полнаго вниманія, но, въ то же время, не легко отыскиваемыми, то перечень этихъ статей съ указаніемъ, гдѣ онѣ помѣщены, составляетъ не малое пособіе, равно какъ указаніе, въ какихъ статистическихъ трудахъ можно найти фактическій матеріалъ по тому или другому вопросу.

Всѣ отмѣченныя достоинства труда проф. Исаева заставляютъ пожелать его книгѣ широкаго распространенія и, въ то же время, заставляютъ съ нетерпѣніемъ ожидать появленія въ свѣтъ исторіи политической экономіи, совмѣстно съ очерками исторіи хозяйственнаго быта, что, какъ обѣщаетъ авторъ, составитъ предметъ особаго труда.

Le socialisme allemand, par J. Bourdeau. Paris. Alcan, 1892. Кто знакомъ хоть немного съ французскою экономическою литературой, тотъ знаетъ, конечно, съ какимъ легкомысліемъ трактуется обыкновенно французскими экономистами нѣмецкій соціализмъ. Одна изъ главныхъ причинъ этого—почти обязательное для французскихъ ученыхъ незнаніе нѣмецкаго языка, заставляющее ихъ черпать всѣ свѣдѣнія о внутренней жизни своихъ сосѣдей изъ самыхъ мутныхъ и по большей части тѣхъ же французскихъ источниковъ. Сюда надо прибавить еще извѣстнаго рода національную гордость, которая не позволяетъ допустить, чтобы германскій соціализмъ могъ уйти дальше французскаго и хоть одно слово прибавить къ тому, что нѣкогда писали С.-Симонъ, Фурье, Кабэ или Прудонъ. Вотъ почему по адресу Лассаля или Маркса такъ часто направляются упреки, совершенно неприложимые къ нимъ, но отчасти заслуженные ихъ французскими предшественниками. Присоединимъ, наконецъ, ко всему сказанному крайнюю партійность или тенденціозность, раздѣляющія французскихъ

сателей на нѣсколько враждебныхъ лагерей, изъ которыхъ каждый скорѣе готовъ подписать свой собственный смертный приговоръ, нежели выказать справедливость къ противнику,—и мы тогда поймемъ, отчего такъ трудно бываетъ встрѣтить книгу, которая бы на французскомъ языкѣ толково, съ знаніемъ дѣла и безпристрастно трактовала объ ученіяхъ нѣмецкихъ соціалистовъ.

Г. Бурдо знаетъ не только нѣмецкій языкъ, но и нѣмецкую экономическую литературу,—это его громадное преимущество. Его книга пересыпана ссылками на Энгельса, Лассаля, Адлера, Бебеля, Бамбергера, Отто Лейкснера, Шеффле, на нѣмецкій соціалистическій журн. *Neue Zeit* и газету *Vorwärts*. Видно, что авторъ вполнѣ au courant своего предмета. Этого мало: г. Бурдо старается быть объективнымъ, старается больше излагать, чѣмъ критиковать, почему его книга и отличается болѣе серьезнымъ характеромъ, нежели подобныя же сочиненія Мориса Блока, Молинари, Поля Леруа-Больё и др. Къ сожалѣнію, и она не свободна отъ многихъ существенныхъ недостатковъ.

Начать съ того, что, при всемъ своемъ знакомствѣ съ нѣмецкою литературой, *Капитала* Маркса Бурдо все же не одолѣлъ, въ чемъ довольно ясно и довольно наивно онъ и признается самъ на страницѣ 223, жалуясь на неудобочитаемость книги и трудность діалектическаго пріема нѣмецкаго писателя. Ему пришлось черпать свои свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ; это сейчасъ же сказалось на его собственномъ изложеніи, далеко не свободномъ отъ неопредѣленныхъ выраженій и неточныхъ терминовъ. Пользованіе критическими сочиненіями безъ знакомства съ первоисточниками, лишившее автора своего собственнаго устойчиваго мнѣнія, повергло его въ бездну противорѣчій. То г. Бурдо увѣряетъ насъ, что „первый двигатель соціализма—*антагонизмъ классовъ* вѣченъ“ и потому не слѣдуетъ искать его зародышей только въ позднѣйшее время, то указываетъ, напротивъ, на крупную промышленность, какъ на главную причину, и видитъ въ развитіи соціализма полный параллелизмъ со этою послѣдней, чѣмъ, разумѣется, ограничиваетъ періодъ его существованія, по крайней мѣрѣ, однимъ XIX ст. То виновниками распространенія соціалистическихъ ученій оказываются у него С.-Симонъ, Оуэнъ, Фурье и вообще „люди только привилегированныхъ сословій“, то, наоборотъ, ученія эти выставляются исключительно продуктомъ недовольства рабочихъ классовъ. А недовольство это, въ свою очередь, порождается не бѣдностью рабочихъ, какъ принято думать, а совершенно напротивъ—ихъ относительнымъ благосостояніемъ, которое, все увеличиваясь, дѣлаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, низшіе классы все болѣе и болѣе требовательными (мысль, заимствованная у Леруа-Больё). Мы не послѣдуемъ за Бурдо въ его довольно запутанныхъ разъясненіяхъ соціализма и лишь слегка коснемся его якобы оригинальной критики. Скажемъ только, что въ опроверженіяхъ его фигурируетъ и вѣчная, достаточно уже заѣзженная „тиранія соціалистическаго государства“, и несправедливость оставлять безъ вознагражденія „умственный трудъ капиталиста“ (накопленіе есть трудъ,—приводитъ авторъ сентенцію Курсель-Сенейля), и даже странное утвержденіе, что соціализмъ разсчитываетъ на альтруизмъ людей, игнорируя естественныя эгоистическія побужденія (стр. 231—232, 112--113). Все это на разные лады уже было повторяемо многими и много разъ до Бурдо.

Тремя маленькими примѣрами завершимъ характеристику критическихъ пріемовъ французскаго автора. На стр. 231 Бурдо упрекаетъ Маркса за то, что тотъ выставляетъ коллективизмъ продуктомъ исто-

ріи и, такимъ образомъ, съ увѣренностью, точно пророкъ, предсказываетъ будущее. По мнѣнію Бурдо, пути исторіи неисповѣдимы. Но на слѣдующей же страницѣ (235) авторъ того же самого Маркса осуждаетъ уже за нѣчто иное: теперь онъ оказывается виноватъ, что не далъ „полнаго плана, точной организаціи будущаго государства". А вотъ дальше примѣръ того, съ какимъ рвеніемъ ищетъ Бурдо случая укорить въ чемъ-нибудь нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ. Если вѣритъ ему, они оказываются повинными въ томъ, что Германія не возвращаетъ Франціи Эльзаса. Такъ можно, по крайней мѣрѣ, заключить изъ тѣхъ его словъ, въ которыхъ онъ обвиняетъ нѣмецкихъ соціалистовъ, будто они „молчаливо принимаютъ насиліе, совершенное надъ побѣжденнымъ народомъ" (стр. 90), что положительно невѣрно, въ виду многочисленныхъ протестовъ по этому поводу Бебеля и Либкнехта. А вотъ какъ авторъ разрѣшаетъ серьезные вопросы: равноправность женщинъ съ мужчинами, по его мнѣнію, не желательна, ибо женщины и такъ уже властвуютъ надъ мужчинами. „Что будетъ, когда онѣ станутъ пользоваться гражданскимъ равенствомъ" (стр. 95). Чѣмъ объясняется успѣхъ Гегеля въ прежнее время? Его темнотой и непонятностью, благодаря которымъ каждый находилъ въ немъ то, чего искалъ (стр. 273). Послѣдняя глава посвящена Россіи. Читать ее безвредно лишь для русскихъ, которые легко разберутъ, что необыкновенная секта, называемая въ книгѣ „buveurs de lait", означаетъ молоканъ и что авторъ не имѣетъ вообще никакого понятія о тѣхъ русскихъ теченіяхъ, которыя онъ описываетъ, критикуя ихъ вкривь и вкось.

Итоги санитарной переписи гор. Варшавы. Томъ II. Труды варшавскаго постояннаго санитарнаго комитета. 1893 г. Еще въ началѣ 1891 года, „благодаря просвѣщенному содѣйствію варшавскаго оберъ-полицеймейстера Н. В. Кейгельса", въ Варшавѣ была произведена санитарная перепись домовъ и квартиръ. Въ концѣ того же года былъ изданъ первый томъ *Итоговъ* ея, а теперь передъ нами еще болѣе тщательно обработанный, съ массой діаграммъ и картограммъ, второй томъ этого интереснаго изданія. Слѣдуетъ замѣтить, что первый томъ *Итоговъ* заключалъ въ себѣ много интересныхъ указаній о санитарномъ состояніи Варшавы, его главный матеріалъ переписи былъ сгруппированъ тамъ по далеко неудачнымъ территоріальнымъ единицамъ—по улицамъ. Уже не говоря про то, что однѣ улицы слишкомъ малы и мало населены, такъ что статистическіе выводы по нимъ не могутъ быть достаточно обоснованы, а другія, наоборотъ, проходя изъ конца въ конецъ города, обстроены домами, находящимися далеко не въ однородныхъ санитарныхъ условіяхъ, но, кромѣ того, самое пріурочиваніе домовъ къ опредѣленной улицѣ крайне неудобно во многихъ случаяхъ. Куда, напримѣръ, отнести угловые дома и вообще дома, выходящіе на двѣ улицы? Еще непонятнѣе, къ какой улицѣ слѣдуетъ относить дома, представляющіе самостоятельные строительные кварталы и выходящіе на четыре улицы.

Въ лежащемъ передъ нами томѣ этотъ недостатокъ устраненъ тѣ[м], что Варшава была раздѣлена для обработки данныхъ переписи на [...] территоріальныхъ единицъ, соединенныхъ въ 25 порайонныхъ груп[п], къ которымъ и пріурочена разработка переписного матеріала. Слѣ[дуе]тъ еще, для охарактеризованія разсматриваемой переписи, обрат[ить] вниманіе на то, что она охватила только частныя жилыя квартиры [съ] постояннымъ населеніемъ; въ нее не вошли гостиницы, больницы, [...]

зенные дома и т. п. Вѣроятно, благодаря этому, цифра населенія Варшавы получилась неполная (442,670 челов.), и разсматриваемое изданіе считаетъ болѣе правильной цифру населенія по полицейскому счисленію, а именно—465,272 человѣка.

Со времени переписи 1882 года населеніе Варшавы возросло на 21½%, а, между тѣмъ, число жилыхъ комнатъ за то же время увеличилось не болѣе, чѣмъ на 9%; очевидно, что по отношенію къ квартирному простору положеніе варшавскаго обывателя значительно ухудшилось. Если отмѣтить, что 3,3% всѣхъ квартиръ были найдены санитарною переписью совершенно негодными для жилья и признаны подлежащими немедленному упраздненію и что зарегистрированъ громадный процентъ донельзя сырыхъ квартиръ, то станетъ яснымъ, какъ плохи въ санитарномъ отношеніи квартирныя условія Варшавы и насколько серьезна потребность энергической дѣятельности въ этомъ направленіи не только со стороны городскихъ властей, а и самого общества.

Особенно неудовлетворительно обставлены въ санитарномъ отношеніи квартиры въ одну комнату,—онѣ не удовлетворяютъ самымъ минимальнымъ требованіямъ гигіены, а, между тѣмъ, въ нихъ „по разнымъ угламъ, подваламъ, въ грязныхъ и, зачастую, совершенно темныхъ и сырыхъ лачугахъ“ ютится болѣе 160 тысячъ варшавянъ. Понятно, что такого рода квартиры, имѣющія налицо всѣ необходимыя условія для развитія любой заразной болѣзни въ цѣлую эпидемію, должны были обратить на себя особое вниманіе санитарной переписи. Среди другихъ пріемовъ переписи однокомнатныхъ квартиръ особенно обращаетъ на себя вниманіе опредѣленіе кубическаго ихъ содержанія, что, насколько намъ извѣстно, никогда не практиковалась при переписяхъ русскихъ и заграничныхъ городовъ. Съ этою цѣлью на бланкахъ описаній однокомнатныхъ квартиръ отмѣчались всѣ три ихъ измѣренія. Получились весьма любопытные результаты. Скажемъ, напримѣръ, о томъ, что въ седьмой части всѣхъ однокомнатныхъ квартиръ высота комнаты не достигала сажени, а, между тѣмъ, въ этихъ 5½ тыс. квартиръ живутъ болѣ 20 тысячъ человѣкъ. По отношенію къ кубическому содержанію воздуха получились еще болѣе поразительные результаты: 90 тысячъ жителей, размѣщавшихся въ ⅔ всѣхъ однокомнатныхъ квартиръ Варшавы, находились въ этомъ отношеніи „въ условіяхъ совершенно невозможныхъ съ санитарной точки зрѣнія“.

Уже и приведенныя здѣсь указанія достаточно ярко свидѣтельствуютъ объ интересныхъ и чрезвычайно важныхъ результатахъ, добытыхъ санитарною переписью Варшавы. Въ виду этого, мы съ особенною охотой присоединяемся къ пожеланію составителя *Введенія*, инспектора мѣстной врачебной управы доктора Троицкаго, чтобы черезъ каждыя пять лѣтъ были повторяемы такого рода переписи и, притомъ, не только въ Варшавѣ, но и въ другихъ нашихъ крупныхъ городахъ. Это тѣмъ болѣе возможно, что вся работа по производству санитарной переписи Варшавы и ея обработкѣ обошлась крайне дешево,—менѣе 10 тысячъ руб.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Наказаніе по литовскому статуту въ его 3-хъ редакціяхъ“. *Г. В. Демченко.*

Наказаніе по литовскому статуту въ его 3-хъ редакціяхъ. В. Демченко. Ч. I. Кіевъ, 1894 г. Избранный г. Демченкомъ для своего изслѣдованія вопросъ имѣетъ большое значеніе для исторіи рус-

скаго уголовнаго права. Литовскій статутъ, какъ извѣстно, есть памятникъ литовско-русскаго права, въ которомъ сохранилось не мало слѣдовъ глубокой древности; поэтому всякій научный комментарій къ памятнику является, въ то же время, комментаріемъ къ тѣмъ древнерусскимъ источникамъ права (наприм., къ *Русской Правдѣ* и др.), которые играютъ столь важную роль для выясненія нашей первоначальной культуры. Чѣмъ болѣе *сравнительно* изучается эта культура, тѣмъ *важнѣе* дѣлаются ея выводы для науки; понятно при этомъ, что сравнительное изученіе права должно, прежде всего, быть сдѣлано для культуръ родственныхъ, близкихъ другъ къ другу, каковою и была, наприм., для насъ старая литовско-русская культура. Сочиненіе г. Демченка, несмотря на нѣкоторыя частные недостатки и промахи, въ общемъ, представляется весьма удовлетворительнымъ, будучи составлено по первоисточникамъ, съ ссылками на лучшія сочиненія наши по вопросу о наказаніи и пр. Въ введеніи авторъ касается литературы и источниковъ предмета, разбираетъ основныя понятія уголовнаго права эпохи статутовъ, указываетъ на тѣ смѣшенія „уголовныхъ воззрѣній“ разныхъ эпохъ, какія нашли себѣ выраженіе въ статутахъ. Затѣмъ, первая вышедшая часть содержитъ *Общее ученіе о наказаніи*, причемъ авторъ касается такихъ вопросовъ, какъ понятіе наказанія, объемъ и границы карательной дѣятельности, субъектъ и объектъ карательнаго права, содержаніе и условія карательной дѣятельности, наконецъ, вопроса о приложеніи наказанія къ преступному дѣянію. Сочиненіе автора еще не закончено, но уже и вышедшій томъ представляетъ не мало интереснаго для *сравнительнаго* изученія вопроса въ высшей степени важнаго. Какъ извѣстно, древнѣйшіе памятники права вообще богаты постановленіями по уголовному праву; даже въ позднѣйшемъ правѣ карательныя постановленія занимаютъ весьма много вниманія законодателя и хотя, конечно, весьма односторонне, но очень обильно трактуютъ о наказаніяхъ и другихъ близкихъ къ нимъ вопросахъ. Изученіе всѣхъ этихъ вопросовъ представляетъ большую важность не только научную, но и практическую: нерѣдко въ постановленіяхъ прежняго времени о наказаніи встрѣчаются такія мысли, которыя могли бы оказаться полезными и теперь. Такова, наприм., организація наказанія на трудѣ преступника и т. п. Конечно, литовскій статутъ не принадлежитъ къ тѣмъ законодательнымъ памятникамъ, каторые вносили что-либое новое. Но какъ попытка кодификаціи *народнаго обычнаго* права, чѣмъ онъ, въ сущности, являлся, онъ достоинъ серьезнаго изученія и г. Демченко очень удачно выбралъ его для своей работы.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Жизнь растенія“. *Проф. К. Тимирязева.*—„Птицы Россіи“. *М. Менбира.*—„Основанія термохиміи и ея значеніе для теоретической химіи“. *Г. Яна.*

Жизнь растенія. Десять общедоступныхъ чтеній К. Тимирязева, профессора Императорскаго Московскаго университета бывшаго проф. Петровской академіи. Изданіе третье, съ 80 рисунками и 2 фотогравюрами. Москва, 1894 г. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 коп. Хорошо извѣстная у насъ книга проф. Тимирязева выходитъ уже третьимъ изданіемъ. Такой успѣхъ краснорѣчиво говоритъ, съ одной стороны, о постепенно наростающемъ въ нашей публикѣ интересѣ къ естествознанію, а съ другой — о высокихъ

стоинствахъ самой книги, написанной для широкаго круга читателей. Какъ въ двухъ предшествовавшихъ изданіяхъ, такъ и въ послѣднемъ авторъ заботился, прежде всего, о томъ, чтобы не выдти изъ рамокъ книги, предназначенной для чтенія и первоначальнаго ознакомленія съ предметомъ, а не для усидчиваго его изученія. Отсюда понятно, что всѣ сдѣланныя вновь измѣненія и дополненія касались, попрежнему, не основного содержанія книги, а только частныхъ подробностей, необходимость которыхъ вызывалась крупными успѣхами науки за послѣднее время. Съ внѣшней стороны новое изданіе *Жизни растеній* представляетъ то преимущество, что, помимо пополненія текста, число рисунковъ въ немъ увеличено почти на треть, а многіе старые замѣнены новыми. Кромѣ этого, къ книгѣ приложены двѣ фотогравюры, изображающія *Кунцевскій дубъ* и *Лѣсную лужу*. При книгѣ имѣется предметный указатель и подробное оглавленіе. Въ общемъ, новое изданіе *Жизни растеній* можетъ быть названо вполнѣ удовлетворительнымъ, и мы глубоко убѣждены, что книга проф. Тимирязева, попрежнему, будетъ успѣшно достигать своей главной цѣли: вызывать въ читателяхъ то, съ чего должно начинаться всякое изученіе,—любовь къ изучаемому предмету.

Птицы Россіи. М. Мензбира, профессора Императорскаго Московскаго университета. Вып. II, съ 61 рис., и вып. III, съ 90 рис. Москва, 1893 г. Почти ровно годъ тому назадъ мы имѣли уже случай отмѣтить появленіе перваго выпуска новаго капитальнаго труда по орнитологіи Россіи проф. Мензбира. За истекшее время появились еще два довольно объемистыхъ выпуска, которые съ вышедшимъ раньше составляютъ первый томъ *Птицъ Россіи*. Въ этомъ томѣ на 836 страницахъ дано подробное описаніе 197 видовъ птицъ, входящихъ въ составъ орнитологической фауны Россіи. Судя по столь значительному объему перваго тома, нужно думать, что полный текстъ *Птицъ Россіи*, вмѣсто обѣщанныхъ авторомъ 1,200 страницъ, будетъ гораздо обширнѣе, и все изданіе едва ли вмѣстится въ 5 выпусковъ, какъ это предполагалось раньше. Такое увеличеніе объема книги, однако, не измѣняетъ условія подписки на нее и цѣна ея, попрежнему, остается въ размѣрѣ 8 руб. за полный экземпляръ Только по окончаніи изданія цѣна за всю книгу будетъ повышена. Все это въ значительной степени искупаетъ нѣкоторую медленность въ появленіи отдѣльныхъ выпусковъ *Птицъ Россіи*, почти неизбѣжную при изданіи столь обширнаго труда. Что же касается достоинствъ книги проф. Мензбира, то какъ первый, такъ и два послѣдующіе выпуска заставляютъ насъ признать ее весьма цѣннымъ вкладомъ въ русскую орнитологическую литературу. Не вдаваясь въ подробности, достаточно сказать, что, по богатству и разнообразію своего содержанія, она является полезной не только простымъ любителямъ птицъ, но и орнитологамъ,-спеціалистамъ, которые найдутъ въ ней критически переработанныя свѣдѣнія о нашихъ птицахъ, ихъ географическомъ распространеніи, образѣ жизни и т. п. Ко всему этому необходимо прибавить еще чрезвычайную сжатость, точность и ясность изложенія, что, однако, нисколько не мѣшаетъ ему быть весьма живымъ и даже картиннымъ. Остается только пожелать, чтобы трудъ проф. Мензбира былъ поскорѣе оконченъ и чтобы онъ встрѣтилъ въ нашей публикѣ справедливую оцѣнку и широкое распространеніе, котораго онъ вполнѣ заслуживаетъ.

Основанія термохиміи и ея значеніе для теоретической химіи. Г. Яна, доцента Берлинскаго университета. Переводъ съ второго

изданія Н. С. Дрентельна. Спб. Изд. К. Л. Риккера. Ц. 2 р. *Основанія термохиміи* возникли изъ замѣтокъ и выписокъ, которыя дѣлалъ авторъ для курса термохиміи, прочтеннаго имъ въ Берлинскомъ университетѣ въ теченіе зимняго семестра 1881—1882 г. Этимъ обстоятельствомъ опредѣляется какъ содержаніе книги, такъ и форма изложенія предмета, въ ней разбираемаго: книга Г. Яна не представляетъ собой полнаго свода термохимическихъ данныхъ, но она можетъ служить прекраснымъ введеніемъ къ изученію термохиміи, имѣющей такое огромное значеніе при рѣшеніи самыхъ разнообразныхъ вопросовъ химической механики. Появленіе русскаго перевода тѣмъ болѣе своевременно, что въ русской учебной литературѣ нѣтъ ни одного сочиненія, посвященнаго спеціально изложенію основъ термохиміи, интересъ же къ изученію физико-химическихъ вопросовъ ростетъ среди учащейся молодежи. Вся книга распадается на 7 главъ. Въ первой главѣ, посвященной первому закону механической теоріи теплоты, авторъ описываетъ опыты графа Румфорда, Гёмфри Дэви и Роберта Майэра, имѣвшіе цѣлью опредѣлить механическій эквивалентъ тепла; во второй главѣ разсматриваются тепловыя явленія при химическихъ процессахъ; авторъ въ концѣ этой главы приводитъ таблицу теплоты образованія соединеній элементовъ съ хлоромъ, показывающую періодическую зависимость теплового эффекта отъ атомнаго вѣса элементовъ.

Изложивъ въ третьей главѣ зависимость тепловыхъ явленій даннаго процесса отъ его хода, авторъ въ четвертой главѣ разсматриваетъ во взаимной связи то, что добыто термохимическими изслѣдованіями относительно теплоты растворенія и гидратаціи, причемъ разсмотрѣніе это ведется въ такомъ порядкѣ, что сперва приводятся данныя относительно теплоты растворенія газовъ, затѣмъ жидкостей и, наконецъ, твердыхъ тѣлъ.

Пятая глава посвящена вопросу о теплотѣ нейтрализаціи кислотъ и основаній, а шестая—теплотѣ горѣнія и образованія органическихъ соединеній.

Послѣдняя (VII) глава является въ нѣкоторомъ отношеніи наиболѣе интересной, ибо въ ней разсматривается приложеніе второго закона къ вопросамъ химической статики и динамики. Извѣстно, что знаменитый французскій химикъ Бертло, въ своемъ *Essai de mécanique chimique fondée sur la thermochimie*, высказалъ правило, извѣстное подъ именемъ „принципа наибольшей работы“ и позволявшее, по мнѣнію Бертло, предугадывать ходъ и направленіе химическихъ процессовъ на основаніи термохимическихъ данныхъ. Послѣдующія же изслѣдованія, однако, показали, что этотъ принципъ не имѣетъ такого общаго значенія, какое приписывали ему раньше. Взамѣнъ принципа наибольшей работы въ настоящее время можетъ быть выставленъ принципъ наименьшей свободной энергіи, по которому всякая реакція будетъ идти въ томъ направленіи, при которомъ количество свободной энергіи данной системы падаетъ до возможнаго minimum'a. Принципъ наименьшей свободной энергіи, выведенный фонъ-Гельмгольтцемъ на основаніи второго закона термодинамики, завоевываетъ себѣ въ наукѣ все болѣе и болѣе мѣста. Г. Янъ въ послѣдней главѣ довольно подробно разсматриваетъ приложенія второго закона термодинамики къ рѣшенію вопросовъ химической механики, какъ-то: къ явленіямъ электрохимическимъ, явленіямъ диссоціаціи, этеризаціи и др.

На основаніи всего вышесказаннаго нельзя не рекомендовать *Осн*

ванія термохиміи Г. Яна для прочтенія всѣмъ желающимъ приступить къ изученію термохиміи.

МЕДИЦИНА.

„Статическія машины и примѣненіе франклинизаціи въ медицинѣ". *М. Добротворскаго.*—„Новыя изслѣдованія о причинахъ и излечимости чахотки съ генеалогической точки зрѣнія" *А. Шаховского.* — „Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными въ больницахъ".—*Д-ра Н. П. Иванова.*—„Домашній и госпитальный уходъ за больнымъ". *Th. Billroth'a.*

Статическія машины и примѣненіе франклинизаціи въ медицинѣ. М. Добротворскаго. Съ 24 рисунками. Изд. Риккера. Спб., 1893 г. Ц. 80 к. Въ предисловіи авторъ оправдываетъ появленіе своей брошюры недостаткомъ „не только въ русской переводной медицинской литературѣ, но и въ иностранной" обстоятельныхъ описаній различныхъ статическихъ машинъ; такъ, желающему заняться франклинизаціей приходится искать описанія машинъ или „въ періодическихъ журналахъ, или пріобрѣтать много лишнихъ руководствъ". На первыхъ страницахъ авторъ считаетъ не лишнимъ передать читателю-врачу, „желающему заняться франклинизаціей", самыя элементарныя свѣдѣнія объ электричествѣ, причемъ „потенціаломъ" онъ называетъ „извѣстное состояніе тѣла", единицей скорости оказывается секунда, которую мы до сего времени считали единицей времени; далѣе слѣдуютъ формулы, къ которымъ нѣтъ никакого объясненія, а оно, во всякомъ случаѣ, гораздо нужнѣе и важнѣе азбучныхъ истинъ о бузинныхъ шарикахъ и золотыхъ листочкахъ; передача этихъ истинъ занимаетъ 4 страницы. Въ дальнѣйшемъ изложеніи слѣдуетъ описаніе различныхъ электрическихъ машинъ, короткое, спѣшное, небрежное; описанія и рисунки не соотвѣтствуютъ иногда другъ другу: такъ, наприм., въ описаніи машины Вимсгёрста имѣются указанія на буквы рисунка, на которомъ, однако, нѣтъ никакихъ буквъ; такая же небрежность повторяется и при ссылкѣ на рис. 6. Говоря о выборѣ машинъ, авторъ противорѣчитъ себѣ: на стр. 26 машина Карре „отличается постоянствомъ своего дѣйствія", а на стр. 15 „она чувствительна къ влажности и можетъ не дѣйствовать тогда, когда дѣйствіе ея необходимо". При всѣхъ этихъ достоинствахъ, мѣстами темное, мѣстами безграмотное изложеніе: „если бы франклинизація даже не могла соперничать въ терапевтическомъ эффектѣ съ динамическимъ электричествомъ, то она все же въ нѣкоторыхъ случаяхъ чисто-практическаго соображенія представляетъ незамѣнимыя удобства", „элипсоидъ обратится въ остроконечіе". Полагаемъ, и этихъ примѣровъ достаточно.

Новыя изслѣдованія о причинахъ и излечимости чахотки съ генеологической точки зрѣнія. А. Шаховского. Спб., 1893 г. Цѣна 75 коп. Брошюра посвящена доказательствамъ ложности и даже вреда г подствующей въ настоящее время бациллярной теоріи туберкулеза Н ка. Предлагая свою гипотезу въ объясненіе чахотки „генеологичес ю", авторъ настаиваетъ на возможности излеченія чахотки помощью ф сфорно-кислой извести. Однако, средство это было предложено еще в 1865 году Чёрчилемъ и горячо пропагандировалось Беннетомъ въ 1 6 г., какъ специфическое противъ чахотки. Позднѣйшія наблюденія в оправдали, надеждъ, основанныхъ на болѣе или менѣе остроу ныхъ гипотезахъ.

Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными въ больницахъ. Переводъ съ 2-го нѣмецкаго изданія 1892 г., подъ редакціей д-ра Н. П. Иванова. Спб., 1893 г. Ц. 60 коп. Небольшая книжечка эта обладаетъ серьезными достоинствами: въ краткомъ, сжатомъ, но точномъ изложеніи переданы всѣ практическія свѣдѣнія по вопросу объ уходѣ за больными, не опущено ни малѣйшей детали, ни одного кажущагося на первый взглядъ ничтожнаго обстоятельства. Все руководство раздѣлено на двѣ части: общую и спеціальную; въ первой изложены задачи и обязанности ухаживающихъ за больными, описана комната и обстановка больного, отопленіе, вентиляція, питаніе больного, лѣкарства для внутренняго и наружнаго употребленія, транспортировка больныхъ; во второй—обязанности ухаживающаго при внутреннихъ, заразныхъ, душевныхъ и наружныхъ болѣзняхъ; описаны перевязочный матеріалъ, приспособленія для укладыванія больныхъ и для наложенія повязокъ, приготовленіе больного къ операціи, уходъ за больнымъ послѣ операціи. Что касается русскаго перевода, то единственный упрекъ—это передача различныхъ правилъ, постановленій и инструкцій, имѣющихъ исключительно мѣстный интересъ и обязательныхъ только въ больницѣ „Neu allhemeine Krankenhause zu Hamburg-Eppendorf", гдѣ и читались эти учебные курсы для ухаживающаго персонала, составившіе предлагаемое руководство. Безо всякаго ущерба для содержанія все это, напечатанное хотя и мелкимъ шрифтомъ, но составляющее не менѣе $^1/_6$ ч. книги, могло бы быть выкинуто. Къ чему, наприм., русскому читателю знать, что палатные служители получаютъ тиковую куртку, суконные брюки и суконный жилетъ, къ чему подробнѣйшія свѣдѣнія о дежурствахъ въ различныхъ отдѣленіяхъ въ новой больницѣ, описаніе вентиляцін, отопленія, различныхъ ея павильоновъ?

Домашній и госпитальный уходъ за больнымъ. Th. Billroth'a. Перев. съ 4-го нѣмецк. изданія, Герценштейна. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. Имя знаменитаго недавно скончавшагося автора настолько знакомо русской медицинской и немедицинской публикѣ, что уже само по себѣ служитъ достаточною рекомендаціей для книги. Руководство предназначено, главнымъ образомъ, для сестеръ милосердія, но не безъ интереса и пользы прочтется и всякою образованною женщиной; въ качествѣ же руководства для низшаго медицинскаго персонала, фельдшеровъ и фельдшерицъ, оно едва ли можетъ быть рекомендовано, такъ какъ въ изложеніи опущенно весьма много подробностей ухода за больными, знаніе которыхъ обязательно для фельдшера. Самъ авторъ признаетъ свою книгу только подготовительнымъ курсомъ; сущность различныхъ болѣзненныхъ процессовъ затронута мимоходомъ, только постольку, поскольку это нужно для пониманія различныхъ врачебныхъ мѣропріятій; цѣль книги научить ухаживать за больнымъ, а не лечить его; „сестра милосердія должна быть помощницей больного и врача; она должна научиться цѣлесообразно и точно выполнять его предписаніе, но она не должна лечить на собственный страхъ",—въ этомъ существенное достоинство книги автора, отмѣченное и въ предисловіи къ 1-му русскому изданію; указывая на это, мы не желаемъ этимъ доказывать непригодность книги для фельдшеровъ и фельдшерицъ,—напротивъ, не только фельдшеръ, но и всякій врачъ почерпнетъ изъ нея не мало свѣдѣній очень цѣнныхъ, которымъ онъ не могъ научиться ни на лекціяхъ, ни въ книгахъ,—свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ долгимъ личнымъ опытомъ при условіи наблюдательности и горячей дѣятельной любви къ больному... 4-е нѣмец-

изданіе, съ котораго сдѣланъ предлагаемый переводъ дополнено прекрасными главами Оскара Ріе: *Объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ*, русскій же переводчикъ добавилъ еще „обширный очеркъ" холеры съ приложеніемъ наставленій медицинскаго совѣта. Этотъ „обширный очеркъ", однако, совсѣмъ не гармонируетъ ни съ предисловіемъ автора, ни съ предисловіемъ къ 1-му русскому изданію. Второй упрекъ можно сдѣлать изложенію,—трудно понять, напримѣръ, смыслъ слѣдующаго мѣста: „обыкновенно температура не отмѣчается до того времени, пока ртуть не держалась на одной и той же высотѣ"; ошибокъ и опечатокъ не мало; въ книгѣ, предназначенной для пользованія людей не особенно свѣдущихъ, эти недостатки особенно прискорбны.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Воздѣлываніе конскихъ бобовъ". *О. О. Горбатовскаго.*— „Руководство къ устройству русскихъ лѣсовъ". *А. Рудзскаго.* — „Мѣры къ поднятію плодоводства въ Россіи". *Э. Либа.* — „Краткія указанія о посадкѣ и обрѣзкѣ плодовыхъ деревьевъ и о защитѣ ихъ отъ мороза". *А. О. Давыдова.*—„Практическія наставленія къ сушенію плодовъ и устройству сушиленъ". *Н. Е. Цабеля.* — „Типы теплицъ, оранжерей и грунтовыхъ сараевъ для сѣвернаго климата". *А. Е. Регеля.*—„Бесѣды о прудовомъ хозяйствѣ". *Д-ра А. О. Гримма.*—„Практическое плодоводство для начинающихъ". *Москвича.*—„Продукты изъ молока овецъ". *Е. Е. Ростовцевой.*

Воздѣлываніе конскихъ бобовъ. Составилъ О. О. Горбатовскій. Изд Девріена. Спб., 1893 г. Ц. 70 к. Конскіе бобы—растеніе настолько важное для успѣховъ русской полевой культуры (хотя, къ сожалѣнію, пока мало распространенное), что можно только порадоваться лишнему напоминанію о конскихъ бобахъ, являющемуся въ видѣ книжки г. Горбатовскаго. Значительнымъ подспорьемъ для составителя послужили указанія, сдѣланныя проф. И. А. Стебутомъ въ его классическихъ *Основахъ полевой культуры;* изъ другихъ сочиненій г. Горбатовскій, повидимому, много пользовался книгами Гуго Вернера и Ярошевскаго Личныя наблюденія автора относятся къ хозяйствамъ юго-западнаго края. Препятствіемъ къ распространенію брошюры можетъ служить ея относительно высокая цѣна.

Руководство къ устройству русскихъ лѣсовъ. Составилъ А. Рудзкій Изд. 2-е Девріена. Спб., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к. Второе изданіе *Руководства*, составленнаго профессоромъ А. Ф. Рудзкимъ, содержитъ по сравненію съ первымъ изданіемъ (1888 г.) дополненія, относящіяся къ матеріальной отчетности, къ производству ревизій, къ устройству защитныхъ лѣсовъ, къ упрощеннымъ планамъ хозяйства, къ организаціи лѣсоустройства и, наконецъ, къ подробному объяснительному примѣру хозяйственнаго плана для конкретной лѣсной дачи. *Руководство* изобилуетъ ссылками на новую лѣсоустроительную инструкцію, изданную лѣснымъ управленіемъ.

Мѣры къ поднятію плодоводства въ Россіи. Составилъ Э. Либъ. Изд. Девріена. Спб., 1893 г. Ц. 40 к. Это—русское изданіе писемъ, явившихся на нѣмецкомъ языкѣ еще болѣе 10 лѣтъ тому назадъ. Авторъ работалъ въ Полтавской губерніи и даетъ много дѣльныхъ замѣчаній относительно тѣхъ обстоятельствъ, которыя препятствуютъ повышенію доходности русскаго плодоводства. Въ послѣдней главѣ указаны самые вредные и чаще встрѣчающіеся враги плодовыхъ деревьевъ въ Россіи, причемъ для подробныхъ справокъ авторъ основательно рекомендуетъ обращаться къ руководству Гоше.

Краткія указанія о посадкѣ и обрѣзкѣ плодовыхъ деревьевъ и о защитѣ ихъ отъ мороза. А. О. Давыдова. Изд. Девріена. Спб., 1893 г. Ц. 40 к. *Краткія указанія* г. Давыдова имѣютъ спеціальный интересъ для практическаго садоводства. Правила посадки сообразованы съ важнѣйшими различіями въ физическихъ свойствахъ почвы. Противъ мороза важнѣйшимъ средствомъ признается выборъ подходящихъ сортовъ, затѣмъ выборъ удобнаго мѣстоположенія, и уже на третьемъ мѣстѣ поставлена соломенно-рогожная покрышка деревьевъ. Поясненіемъ къ тексту служатъ 29 рисунковъ.

Практическія наставленія къ сушенію плодовъ и устройству сушиленъ. Составилъ Н. Е Цабель. 3-е изданіе Девріена. Спб., 1893 г. Ц. 25 к. Умѣло устроенная сушка въ значительной степени обезпечиваетъ надежный сбытъ продуктовъ плодоводства. Небольшая брошюра г. Цабеля заключаетъ въ сжатомъ видѣ важнѣйшія основанія правильной сушки плодовъ. Воздавая должное американскимъ изобрѣтеніямъ, авторъ сохраняетъ значеніе и за сушилкою Люкаса, которая помогаетъ утилизировать незрѣлые плоды. Въ приложеніи помѣщенъ чертежъ сушильни.

Типы теплицъ, оранжерей и грунтовыхъ сараевъ для сѣвернаго климата. Составилъ инженеръ А. Э. Регель. **Изд. Девріена. Спб., 1893 г. Ц. 30 к.** Съ паденіемъ крѣпостного права значительно упало тепличное садоводство въ нечерноземной Россіи; при этомъ забылись и многія строительныя правила, накопленныя опытомъ доморощенныхъ садовниковъ. Современныя условія промышленнаго садоводства требуютъ новыхъ приспособленій, которыя вкратцѣ изложены въ небольшомъ очеркѣ г. Регеля, гдѣ, между прочимъ, описывается устройство желѣзныхъ теплицъ и оранжерей; даны также особыя указанія, относящіяся къ грунтовымъ сараямъ, земляными подваламъ и постройкамъ для ранней выгонки фруктовъ. Изложеніе сопровождается 19 рисунками и чертежами.

Бесѣды о прудовомъ хозяйствѣ. Д-ра О. А. Гримма. 3-е изданіе Девріена. Спб., 1893 г Ц. 60 к. Брошюра профессора Гримма, спеціалиста по рыбному дѣлу, знакомитъ съ устройствомъ прудовъ для рыборазведенія, а затѣмъ даетъ три монографіи о карпѣ, о форелях и о стерляди. Главнымъ объектомъ прудового хозяйства признается всеядный карпъ, не нуждающійся въ глубокихъ прудахъ. Рекомендуется устраивать рыборазведеніе въ тѣхъ новыхъ искусственныхъ водовмѣстилищахъ, которыя стали распространяться въ юго-восточной Россіи подъ вліяніемъ грозной засухи 1891 года. Нѣсколько непріятное впечатлѣніе остается отъ перваго предисловія, написаннаго съ излишнею развязностью. Хотя брошюра снабжена 17 рисунками, но при своемъ пятилистовомъ объемѣ не можетъ считаться общедоступною.

Практическое плодоводство для начинающихъ. Составилъ Москвичъ. Спб., 1893 г. Изд. Девріена. Ц. 25 к. Анонимный авторъ, составившій свою брошюру по книжкѣ Фисеръ, напрасно удержалъ въ заглавіи слово *практическое*. Начинающіе садоводы несомнѣнно извлекутъ полезныя мысли изъ этой брошюры, но, въ то же время, не найдутъ въ ней, конечно, отвѣта на многочисленные запросы, которые будетъ имъ ставить практика плодоводства съ первыхъ дней самостоятельной работы; автору слѣдовало приложить хотя бы самыя краткія указанія на русскую справочную литературу по фруктовому садоводству. Изложеніе живое, что называется, занимательное.

Продукты изъ молока овецъ. Составила Е. Е. Ростовцева. Спб., 1893 г. Изд. Девріена. Ц. 40 к. Молочное овцеводство имѣетъ у насъ особенно высокое продовольственное значеніе въ Бессарабіи, гдѣ овечьи сыры—брынза и кучковалъ—являются существенными составными частями народнаго продовольствія. Приготовленіе овечьихъ сыровъ можетъ имѣть будущность и въ другихъ мѣстахъ южной Россіи, а потому брошюра г-жи Ростовцевой не лишена практическаго интереса для хозяевъ черноземной полосы. Въ брошюрѣ содержатся указанія, относящіяся къ содержанію молочныхъ овецъ и къ изготовленію молочныхъ продуктовъ на Кавказѣ, въ Бессарабіи, Румыніи, Италіи, Франціи и Бухарѣ. Въ заключеніе помѣщена программа для собиранія свѣдѣній о каракуляхъ въ южно-русскихъ хозяйствахъ; напрасно только составительница питаетъ несбыточную надежду, будто бы съ помощью этой программы достижимъ „общій опросъ“ всѣхъ лицъ, занимающихся въ Россіи промышленнымъ молочнымъ овцеводствомъ. Цѣна брошюры нѣсколько высока.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Уходъ за паровыми котлами и машинами“. *С. Войслава.*

Уходъ за паровыми котлами и машинами. Руководство для машинистовъ и кочегаровъ, удостоенное преміи Императорскаго техническаго общества. Составилъ С. Войславъ, адъюнктъ по каѳедрѣ прикладной и горной механики въ Горномъ институтѣ. Второе исправленное и дополненное изданіе. Съ 18 рисунками. Изданіе Риккера. Спб., 1893 г. Составленіе толковаго общедоступнаго руководства къ уходу за паровыми котлами и машинами дѣло, конечно, не легкое. Машинисты и кочегары, въ большинствѣ случаевъ, народъ безъ всякаго не только спеціальнаго, но и общаго образованія. Нерѣдко между ними встрѣчаются у насъ и совсѣмъ безграмотные люди. Между тѣмъ, паровой котелъ и паровая машина требуютъ внимательнаго и разумнаго ухода. Машинисты и кочегары должны обладать поэтому нѣкоторыми спеціальными познаніями, чтобы паровая машина, ввѣренная ихъ наблюденію, работала хорошо и безопасно. Небрежный уходъ и отсутствіе необходимыхъ свѣдѣній обусловливаютъ излишній расходъ топлива, порчу котла, а при извѣстныхъ условіяхъ и взрывъ паровика.

На русскомъ языкѣ имѣется нѣсколько руководствъ къ уходу за паровыми котлами и машинами, болѣе или менѣе обстоятельныхъ и популярныхъ. Но ни одно изъ нихъ не удовлетворяетъ вполнѣ тѣмъ требованіямъ, какія можно предъявить къ подобнаго рода руководствамъ. Не удовлетворяетъ вполнѣ этимъ требованіямъ и трудъ г. Войслава Задача популярнаго изложенія состоитъ не въ томъ, чтобъ изб[illegible]гать объясненій, необходимыхъ по существу дѣла, а въ томъ, что[illegible], примѣняясь къ кругу понятій читателя, разъяснять ему предметъ [illegible]ложенія въ простыхъ, ясныхъ и удобопонятныхъ для него выраже[illegible]ніяхъ. На эту сторону дѣла г. Войславъ не обратилъ должнаго вни[illegible]манія. Въ трудныхъ мѣстахъ онъ замѣняетъ опредѣленія и объясне[illegible]нія наборомъ словъ, не заключающихъ въ себѣ точнаго и яснаго по[illegible]нятія. Возможно ли въ самомъ дѣлѣ такое опредѣленіе процесса го[illegible]рѣнія, какое даетъ авторъ: *горѣніемъ называемъ такое дѣйствіе воз[illegible]духа на топливо или горючій матеріалъ, при которомъ получается*

жаръ (стр. 1)? Обойдя, такимъ образомъ, совершенно процессъ горенія, авторъ на слѣдующей же страницѣ попадаетъ въ заколдованный кругъ явленій, сопровождающихъ горѣніе, о которыхъ онъ считаетъ себя, все-таки, вынужденнымъ говорить. При горѣніи образуются газы, пламя,—необходимо же объяснить ихъ происхожденіе. Авторъ указываетъ, что воздухъ состоитъ изъ кислорода и азота и что только кислородъ принимаетъ участіе въ горѣніи. Образующіеся газы состоятъ изъ азота, окиси углерода и угольной кислоты. Происхожденіе окиси углерода объяснено такимъ образомъ, что уголь *не успѣлъ вполнѣ сгорѣть, то-есть не насытился достаточно кислородомъ, или, какъ еще говорятъ, не поглотилъ достаточно кислорода*. Понятно ли это для машинистовъ и кочегаровъ, мы не знаемъ, но думаемъ, что отъ нихъ не слѣдовало скрывать, что при горѣніи всякаго топлива образуется также и водяной паръ. Вмѣсто того, чтобъ это обстоятельство ясно поставить на видъ, авторъ говоритъ, что „водяной паръ образуется, главнымъ образомъ, отъ испаренія воды, находящейся въ болѣе или менѣе сыромъ топливѣ, и что (стр. 3) между всѣми составными частями пламени (?) самое главное мѣсто занимаютъ угольная кислота и окись углерода“ (а водяной паръ?). Авторъ забылъ, что при нефтяномъ отопленіи въ продуктахъ горѣнія находятъ только углекислоту и водяной паръ. Гигроскопической же влаги въ нефтяномъ топливѣ очень мало.

Невѣрно также, будто бы окись углерода имѣетъ голубоватый цвѣтъ. Это газъ совершенно безцвѣтный. Затѣмъ въ книжкѣ Войслава встрѣчаются очень неудачныя выраженія, иногда затемняющія или даже прямо искажающія смыслъ. Такъ, на стр. 3 мы читаемъ: *одни изъ этихъ частичекъ (угля) раскаливаются и придаютъ газамъ яркій, огненный цвѣтъ, образуя пламя*. Выходитъ, что частицы угля образуютъ пламя, что уже совершенно невѣрно. Помимо этого, съ нѣкоторыми взглядами автора нельзя согласиться. Едва ли, напримѣръ, при образованіи угольной кислоты развиваемый жаръ *въ два раза* сильнѣе, чѣмъ при образованіи окиси углерода. На стр. 4 встрѣчаемъ опять не совсѣмъ вѣрное утвержденіе, что полное горѣніе топлива есть превращеніе его въ угольную кислоту *) (и воду, продолжаемъ мы настаивать) и что будто бы полнаго горѣнія можно достигнуть только при сожиганіи топлива въ закрытомъ пространствѣ, называемомъ, вообще, очагомъ или топкою. Всѣ эти замѣчанія относятся къ 1-й главѣ о горѣніи и топкѣ, въ которой автору по необходимости пришлось выступить въ роли популяризатора довольно сложныхъ химическихъ явленій. Дѣло это, конечно, очень мудреное. Въ другихъ отдѣлахъ книги мы находимъ болѣе ясное и толковое изложеніе, хотя и въ нихъ нерѣдко встрѣчаются очень неудачныя выраженія.

Намъ казалось бы, что въ подобномъ руководствѣ слѣдовало бы ближе познакомить машинистовъ и кочегаровъ со свойствами тѣхъ родовъ топлива, какіе обыкновенно встрѣчаются въ практикѣ. Авторъ ограничивается въ этомъ отношеніи только нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями о каменномъ углѣ. Очень жаль также, что авторъ ни слова не говоритъ о нефтяномъ отопленіи, столь теперь распространенномъ. Управленіе нефтяными топками требуетъ спеціальныхъ познаній, которыя были бы не лишними въ руководствѣ г. Войслава. Дѣлая эти замѣчанія, мы не имѣемъ въ виду умалить достоинствъ его тру-

*) На стр. 6 ошибка эта опять повторяется.

Трудъ этотъ нельзя не признать полезнымъ, и мы очень бы желали видѣть его исправленнымъ отъ разныхъ погрѣшностей, мѣшающихъ ему занять одно изъ видныхъ мѣстъ въ нашей, вообще, небогатой технической литературѣ. Въ особенности желательно было бы видѣть въ книгѣ г. Войслава болѣе ясное, точное и литературное изложеніе.

УЧЕБНИКИ.

„Вибмки з народної літератури українсько-руської XIX віку. *О. Барвінського.*—„Теорія новой методики для „органо-цвѣтоваго метода мысли". *И. Г. Храпаля.*—„Histoire de Chales XII", *par Voltaire.*—„Примѣры для диктовки въ младшемъ отдѣленіи начальной школы". *М. И. Михалева.*

Вибмки з народної літератури українсько-руської XIX віку. Для висших кляс шкіл середніх уложив Олександер Барвінський. Друге виданье. Львів, 1893. Накладом фонду краевого. З друкарні наукового товариства имени Шевченка. Ц. 3 корони. Въ послѣдніе два года правительство австрійское организовало для русиновъ учительскую семинарію въ Самборѣ, классическую гимназію въ Коломыи (это третья гимназія для русиновъ), съ преподавательнымъ языкомъ украинско-русскимъ, и учредило въ Львовскомъ университетѣ каѳедру исторіи Украины-Руси, съ тѣмъ же преподавательнымъ языкомъ. Училищный совѣтъ (шкільна рада краева) обратилъ весьма серьезное вниманіе на правильную постановку изученія въ гимназіяхъ восточной Галичины украинско-русскаго языка и литературы. Введено упрощенное (фонетическое) правописаніе; изданы утвержденные министерствомъ народнаго просвѣщенія инструкція, программы и планы преподаванія этого предмета въ галицкихъ гимназіяхъ (разумѣется, не только „руськихъ", но и польскихъ), причемъ первое мѣсто отведено въ VII и VIII классахъ изученію украинскихъ писателей—Шевченко, Кулишъ, Глѣбовъ, Конисскій, Левицкій, Стороженко, Самійленко, Чайченко и др. Наконецъ, тотъ же училищный совѣтъ приступилъ къ составленію и изданію новыхъ учебниковъ и хрестоматій на украинскомъ языкѣ и, какъ видно, обратилъ серьезное вниманіе на чистоту языка.

Книга, названіе которой приведено выше, составляетъ хрестоматію для VII класса гимназій, какъ необходимое пособіе при изученіи литературы. Въ предисловіи изложена,—кратко, конечно,—исторія литературы, затѣмъ приведены образцы изъ сочиненій 5 галицкихъ и 7 украинскихъ писателей, начиная отъ Котляревскаго и кончая Шевченкомъ, съ весьма обстоятельными біографіями тѣхъ писателей. Біографія, наприм., Шевченка занимаетъ 16 страницъ, а образцамъ изъ сочиненій его отведено болѣе ста страницъ: сюда, кромѣ небольшихъ стихотвореній геніальнаго кобзаря Украйны, вошли поэмы его: *Наймичка, Невольникъ, Кавказъ, Неофиты* и драма *Назаръ Стодоля.*

Теорія новой методики для „органо-цвѣтового метода мысли". ь руководству начальнаго обученія читать, писать и считать в семь дней по „органо-цвѣтовому методу мысли", изобрѣтенному и изложенному теоретически послѣ провѣрки a posteriori в. Георг. Храпаль. Часть четвертая всѣхъ сочиненій по педагогикѣ. Изданіе первое. Луцкъ. Бываютъ книжки, которыя отличаются очень малою вразумительностью, и *Теорія новой методики для органо-цвѣтовою метода мысли* принадлежитъ къ числу именно такихъ книжекъ. Она содержитъ въ себѣ, вслѣдъ за довольно

длиннымъ введеніемъ, положенія теоріи новой методики, а также и доказательства этихъ положеній; однако, тѣ и другія понимаются съ большимъ трудомъ. Если въ книжкѣ г. Храпаля нѣтъ недостатка въ трескучихъ фразахъ со ссылками на законы логики, психологіи, ангіонервологіи и физики, то за то здѣсь далеко не вездѣ соблюдены правила элементарнаго синтаксиса и стилистики. Что касается идеи *органо-цвѣтового метода мысли*, то г. Храпаль увѣряетъ, что эта идея „всецѣло имѣетъ задачей: осмыслить, облегчить, упростить механизмъ обученія, ускорить ходъ занятія начальной науки, а также улучшить результатъ, положивъ въ краеугольномъ камнѣ: мысль, органъ и цвѣтъ, сознаніе, чувство и впечатлѣніе, на чемъ уже будетъ устойчивъ процессъ развитія и созданія нравственнаго элемента, залога силы, личности и націй“ (стр. 3). Только что выписанное опредѣленіе идеи *органо-цвѣтового метода* вполнѣ объясняетъ нападенія со стороны г. Храпаля на буквослагательный или звуковой методы, тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ своей книжки онъ говоритъ: „*органо-цвѣтовой методъ мысли* умственную часть увеличиваетъ и расширяетъ, начиная съ мысли и мозга, переходитъ къ выясненію проявленія работы мысли“ и т. д., и т. д. (стр. 32). Въ довершеніе благополучій, которыя должны получиться отъ *органо-цвѣтоваго метода мыслй*, обученіе по этому методу производится всего въ семь дней.

Чтобы читатель могъ имѣть понятіе, что значитъ *цвѣтовой* въ названіи метода г. Храпаля, надо имѣть въ виду слѣдующія слова разбираемой книжки: „Опираясь на научныя изслѣдованія Плато и Дарвина, *органо-цвѣтовой методъ мысли* въ эксплуатаціи впечатлѣнія на чувства вводитъ для фигуры „основъ“ различныя цвѣта металловъ—золотой, серебряный и спектральные, розовый, синій, желтый, черный, коричневый, бѣлый, зеленый; но физика даетъ указанія самой степени впечатлительности глаза къ различнымъ цвѣтамъ спектра; извѣстно по изслѣдованіямъ Ламанскаго, что „100 красныхъ лучей производятъ (на сѣтчатую оболочку) такое же оптическое дѣйствіе, какое произвели бы послѣдовательно 89 оранжевыхъ, 64 фіолетовыхъ, 33 синихъ, 24 зеленыхъ и 24 желтыхъ. Отсюда очевидно, что нашъ глазъ тѣмъ воспріимчивѣе къ свѣту, чѣмъ болѣе въ немъ содержится желтыхъ лучей и менѣе красныхъ и синихъ“, то дѣлается очевидною необходимость примѣненія цвѣта болѣе впечатлительнаго, выраженнаго цифрою 24—въ преобладающемъ значеніи; такъ, всѣ гласныя золотыя, т.-е. желтыя“ (стр. 30—31). Издана книжка крайне неряшливо.

Histoire de Charles XII, par Voltaire. Снабдилъ примѣчаніями и словарями Ф. Крейсбергъ, учитель тифлисской 3-й гимназіи. Тифлисъ, 1893 г. Ц. 75 к. Изданіе г. Крейсберга *Исторіи Карла XII* Вольтера во многомъ напоминаетъ собою подобныя же изданія нѣкоторыхъ сочиненій Шиллера, предпринятыя г. Гроспичемъ, и здѣсь мы должны были бы повторить о томъ, какъ нуждаются учащіеся въ такихъ изданіяхъ, если бы *Исторія Карла XII* не отличалась нѣкоторыми недостатками. Есть въ книжкѣ г. Крейсберга и положительныя стороны, и къ числу этихъ послѣднихъ слѣдуетъ отнести удачное сокращеніе текста и хорошо составленные словари, изъ которыхъ второй является подстрочнымъ для первыхъ двухъ книгъ; но за то примѣчанія къ тексту мы не можемъ назвать совершенными: въ нихъ слишкомъ много грамматики, хотя она и изложена, въ большинствѣ случаевъ толково, и слишкомъ мало „реальныхъ“ объясненій, какъ ихъ надаваетъ составитель. Г. Крейсбергъ поступилъ бы, по нашему мнѣнію,

гораздо цѣлесообразнѣе, если бы далъ больше историческихъ объясненій, вмѣсто сопоставленія въ словаряхъ со словами французскими однокоренныхъ и имѣющихъ то же значеніе латинскихъ словъ. Далѣе, г. Крейсбергъ кое-гдѣ пренебрегаетъ грамотой, и, напримѣръ, слово „мѣстоименіе“ въ его примѣчаніяхъ вездѣ пишется черезъ два *т*. Любопытна и цѣль обработки *Исторіи Карла XII* какъ для школьнаго употребленія, такъ и для самообученія. Намъ кажется, что подобное сближеніе двухъ различныхъ задачъ довольно неумѣстно: учащемуся въ V классѣ реальныхъ училищъ и VI — мужскихъ гимназій, гдѣ, согласно объяснительнымъ запискамъ къ преподаванію французскаго языка, читается *Исторія Карла XII*, нужно совсѣмъ другое, чѣмъ тому, кто занимается самообученіемъ. Во всякомъ случаѣ, упомянувъ о самообученіи въ предисловіи, г. Крейсбергъ тутъ же позабылъ о немъ и ни однимъ словомъ не обмолвился, какъ долженъ пользоваться его книгой „самообучающійся“. Нужно ли, напримѣръ, „самообучающемуся“ сопоставленіе французскихъ словъ съ латинскими?

Стоитъ книжка г. Крейсберга нѣсколько дорого.

Примѣры для диктовки въ младшемъ отдѣленіи начальной школы. Отдѣльныя слова и предложенія. Составилъ учитель вольскаго 2-го мужского начальнаго училища М. И. Михалевъ. 1893 г. Ц. 12 коп. Какъ видно изъ предисловія къ *Примѣрамъ для диктовки*, г. Михалевъ, имѣя въ виду несовершенство практикующихся механическихъ способовъ обученія начальному чтенію и письму, желаетъ дать нѣчто болѣе пригодное въ этомъ отношеніи. Вся бѣда, по мнѣнію составителя *Примѣровъ для диктовки*, заключается въ томъ, что въ школахъ „каждый знакъ азбуки неправильно считается выразителемъ элементарнаго звука рѣчи“, и вотъ г. Михалевъ знакомитъ читателя въ своемъ предисловіи, „на основаніи научныхъ изслѣдованій“, съ истинными свойствами звуковъ и буквъ, такъ какъ онъ увѣренъ, что отъ изученія дѣтьми этихъ свойствъ зависитъ „главное условіе правильнаго способа обученія чтенію“, а потомъ и письму. Далѣе г. Михалевъ рѣшительно заявляетъ, что „никакихъ мягкихъ гласныхъ, какъ элементарныхъ звуковъ рѣчи, не существуетъ“, потомъ распространяется о согласныхъ буквахъ, пространно говоритъ о твердыхъ и мягкихъ согласныхъ (*бъ, бь, въ, вь* и т. д.) и дѣлаетъ выводъ, что „есть много такихъ буквъ, которыя обозначаютъ то одинъ, то другой простой звукъ“, причемъ признаетъ, все-таки, что „*качество звука, обозначаемаго согласными буквами*“, т.-е. на твердость или мягкость согласныхъ, „*указываютъ слѣдующія за согласными гласныя буквы*“ (предисл.). Такимъ образомъ, положительно неизвѣстно, съ кѣмъ г. Михалевъ полемизируетъ, что новаго вноситъ онъ своею теоріей и, главное, какая отъ его теоріи можетъ получиться польза? Остается предположить, что онъ чего-нибудь не договорилъ или не разъяснилъ, потому что и самыя правила, которыя предшествуютъ въ книжкѣ примѣрамъ для диктовки, повторяютъ собой все старое въ этомъ родѣ, съ тою развѣ разницей, что мѣстами они изложены весьма запутанно. Что касается примѣровъ, то почти всѣ они чрезвычайно странны, и въ этомъ не трудно убѣдиться изъ слѣдующихъ предложеній: „Анна кушила манны“ (стр. 12), „Загни уголки“ (стр. 11), „Нужно подать пальто“ (стр. 15) и т. д.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Изданія „Посредника“ и И. Сытина и К°.

Изданія „Посредника“: Наединѣ. Сборникъ. Ц. 70 к.—Красавица. Разск. Коломбо. Ц. 35 к.—Сократъ и его время. В Сиповскаго. Ц. 35 к.—Тѣни. Короленко Ц. 35 к.—Бабы Разск. А. Чехова. Ц. 1½ к. — Подъ великій праздникъ. Разск. С Семенова. Ц. 1½ к. — Пустоплясы. Святочн. разск. Лѣскова. Ц. 1½ к. — Малымъ ребятамъ. Книжка III. Ц. 1½ к.—Какъ развести плодовый садъ. Сост Г. М—довъ. Ц. 8 к.—Какъ ухаживать за огородомъ. Сост. И. Елинъ. Ц. 3 к.—Изданіе И. Сытина и К°: Русскій сельскій календарь на 1894 г. Ц 20 к. Вскорѣ исполнится десять лѣтъ, какъ „Посредникъ“ началъ свою издательскую дѣятельность. За это время онъ издалъ и съумѣлъ распространить среди народа свыше полутораста названій книгъ самаго разнообразнаго содержанія, и беллетристическаго, и назидательнаго, и научно-прикладного. Кромѣ книжекъ, „Посредникъ“ издавалъ особые листки-картины. За всѣ эти десять лѣтъ онъ работалъ съ энергіей не только не ослабѣвающей, но, напротивъ, непрерывно и постепенно расширялъ свою дѣятельность. Въ прошломъ году стали впервые появляться изданія „Посредника“ „для интеллигентныхъ читателей“,—такъ гласитъ надпись на обложкѣ,—надпись, кстати сказать, несовсѣмъ удачная. потому что даетъ поводъ думать, что всѣхъ читателей своихъ народныхъ изданій „Посредникъ“ какъ будто признаетъ неинтеллигентными Дѣятельность „Посредника“ тѣснѣйшимъ образомъ связана съ исторіей нашей литературы для народа. Къ несомнѣннымъ заслугамъ этой фирмы нужно отнести тотъ сильный толчокъ, который она дала развитію народныхъ изданій. введя въ коробъ офени неискаженныя произведенія нашихъ лучшихъ авторовъ, указавши такимъ способомъ пути для распространенія ихъ въ народѣ, въ темныхъ и полутемныхъ уголкахъ нашей Руси. При наличности тѣхъ условій, въ которыхъ „Посреднику“ приходилось и приходится работать, нужно имѣть очень и очень много энергіи, глубокой вѣры въ свое дѣло, горячей любви къ нему, чтобы, не опуская рукъ изъ года въ годъ, вести свою линію въ теченіе цѣлаго десятилѣтія „Посредникъ“ избираетъ для своихъ изданій преимущественно произведенія нравственно-просвѣтительнаго содержанія, темы его изданій по беллетристикѣ замѣтно концентрируются на нѣсколькихъ особенно излюбленныхъ вопросахъ. Изданія „Посредника“ призываютъ къ борьбѣ со зломъ, но, прежде всего, къ борьбѣ со зломъ *внутри* себя, и совершенно почти игнорируютъ зло, воплотившееся въ тѣхъ или иныхъ учрежденіяхъ. Въ этомъ состоитъ, по нашему мнѣнію, одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ почтенной фирмы. Существенное заблужденіе „Посредника“ заключается въ томъ, что онъ возлагаетъ чрезмѣрно большія надежды на проповѣдь личнаго совершенствованія и слишкомъ малыя на совершенствованія общественныхъ учрежденій; „Посредникъ“ выводитъ второе исключительно лишь изъ перваго, а вліяніе учрежденій на нравственную сторону человѣка, положительное и отрицательное, какъ бы не хочетъ и видѣть. Такое игнорированіе въ высшей степени важной стороны жизни нельзя не признать прискорбною односторонностью. Нравственный характеръ личностей не отдѣльныхъ индивидуумовъ, а массы, находится въ тѣсной зависимости отъ учрежденій, среди которыхъ и подъ вліяніемъ которыхъ ей приходится воспитываться отъ колыбельки и существовать

до могилки. Нельзя ожидать, что при существованіи дурныхъ учрежденій проповѣдь личной морали подѣйствуетъ на массу въ должной степени и общее усовершенствованіе сможетъ сдѣлаться реальнымъ фактомъ и помимо учрежденій. Нельзя не согласиться и съ тѣми, кто „Посреднику“ ставитъ въ вину усердную проповѣдь покаянія, смиренія и непротивленія,—качества, которыя и безъ всякой проповѣди составляютъ старый, историческій недостатокъ и русскаго народа, и русскаго общества. Упрекаютъ „Посредникъ“ не безъ основанія и за слащавое содержаніе нѣкоторыхъ его изданій, и за примѣсь мистическаго элемента, то расплывчато-туманнаго, то грубо-реальнаго, какъ, наприм., *Первый винокуръ*. Высоко цѣня заслуги „Посредника“, нельзя закрывать глаза и на недостатки его и нельзя не желать, чтобы ихъ совсѣмъ не было.

Такова физіономія „Посредника“. Посмотримъ теперь, каковы его послѣднія изданія, внушительная пачка которыхъ лежитъ въ настоящее время передъ нами. Такъ называемыя изданія „для интеллигентныхъ читателей“, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, тоже заслуживаютъ вниманія со стороны тѣхъ, кто интересуется книгами для народа. Мы уже имѣли случай объяснять нашимъ читателямъ, почему особая беллетристика для народа кажется намъ не болѣе, какъ зловреднымъ миѳомъ. Есть романы и повѣсти *неинтересные* для народа, захватывающіе незнакомый ему кругъ жизни, обрисовывающіе неизвѣстныхъ ему людей, ихъ страсти и страстишки, ихъ внутренній, духовный строй; но одно дѣло повѣсти и романы неинтересные для читателя изъ народа, а другое дѣло—повѣсти и романы непонятные для него. Изъ числа изданій „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей, нѣкоторыя несомнѣнно должны быть отнесены къ первой категоріи („неинтересныхъ“), хотя не слѣдуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, забывать, что это понятіе интереснаго весьма относительно. Такъ, наприм., *Палата № 6* была прочтена фабричными съ большимъ интересомъ, а разсказъ *Именины* того же автора съ трудомъ находилъ себѣ читателей, послѣ того какъ первый, кто его взялъ, проскучалъ надъ нимъ. Во всякомъ случаѣ, область неинтереснаго для народа гораздо шире въ литературѣ „для чтенія публики“, чѣмъ область непонятнаго. Да и про эту послѣднюю область слѣдуетъ сказать, что по отношенію къ ней нужно говорить о „непониманіи“ народа очень и очень осторожно. Помнится намъ одинъ вечеръ, проведенный среди фабричныхъ, когда одинъ рабочій, несомнѣнно изъ начитанныхъ, разсказывалъ свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ чтенія *Дворянскаго гнѣзда*. Никакъ бѣдняга читатель не могъ понять, каково-то живется крѣпостнымъ у этихъ благородныхъ людей, выказывающихъ такой подъемъ хорошихъ чувствъ. Другой фабричный пишетъ, что среди всѣхъ тургеневскихъ героевъ (онъ прочелъ 8 томовъ соч. Тургенева) ему больше всего понравились: Лежневъ, Бабуринъ, Базаровъ и Инсаровъ, а понравились они потому, что у нихъ были „твердыя правила“. Когда передъ этою аудиторіей былъ прочтенъ разсказъ Н. Златовратскаго *Мечтатели*, такъ и герой изъ интеллигенціи, „размагнитившійся“ инженеръ-технологъ, и герои изъ народа—Липатычъ и его пріятель—прекрасно были поняты и еще прекраснѣе раскритикованы. Вообще разсказъ этотъ произвелъ фуроръ. Съ другой стороны, ужь чего проще написаны *Бѣдные люди* Достоевскаго, но плохо читается эта книжка среди читателей изъ народа, даже фабричныхъ. По имѣющимся у насъ даннымъ, нижеслѣдующія изданія „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей нашли хорошій пріемъ читались съ интересомъ среди фабричныхъ. Кромѣ *Палаты № 6*,

о которой мы уже упоминали, среди читателей этого типа нашелъ очень хорошій пріемъ сборникъ произведеній иностранныхъ авторовъ *Наединѣ*, въ который вошли такіе прекрасные разсказы, какъ *На привалѣ* Уйда, *Месть* Г. де-Мопассана, *Слѣпой* Ж. Марэ и др. Сборникъ составленъ очень удачно и заслуживаетъ вниманія. Затѣмъ, отмѣтимъ разсказъ г. Чехова *Жена*, о которомъ былъ данъ отчетъ читателямъ *Русской Мысли* въ другомъ мѣстѣ, и разсказъ Коломбо *Красавица*. Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что серія „для интеллигентныхъ читателей“ составляется очень недурно и со вкусомъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ книжекъ вегетаріанскаго содержанія, которыя мы исключаемъ изъ нашего обзора, другія представляютъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ отдѣльныя изданія романовъ, разсказовъ и повѣстей, первоначально появившихся въ толстыхъ журналахъ Всѣ они изданы очень изящно и продаются по дешевой цѣнѣ. Къ этой же серіи принадлежитъ и заслуживаетъ большого вниманія книжка В. Сиповскаго *Сократъ и его время* (изъ *Міра Божія* 1892 г.), къ которой приложена фантазія В. Короленко *Тѣни*. Книжка г. Сиповскаго принадлежитъ къ числу очень немногихъ популярныхъ книжекъ по исторіи философіи, доступныхъ широкой публикѣ. Изложеніе ея живое, ясное и мѣстами даже увлекательное. Авторъ рисуетъ картину того вѣка, когда жилъ Сократъ, и излагаетъ сущность его философіи, удачно подбирая выписки изъ сочиненій Платона. Прежде чѣмъ перейти къ изданіямъ „Посредника“, предназначаемыхъ для народа, отмѣтимъ довольно поучительное явленіе: въ то время, когда со стороны читателей изъ народа громче и громче раздаются голоса, требующіе не „листовокъ“, а „толстыхъ книгъ“ для чтенія, для читателей изъ „командующихъ классовъ“ начинаетъ издаваться все больше и больше книжекъ топкихъ, тоже своего рода листовокъ, и иныхъ брошюръ немного потолще. Объясняется это явленіе, на нашъ взглядъ, тѣмъ, что границы между читателями изъ народа и читателями изъ командующихъ классовъ постепенно стушевываются, наростаетъ изъ народа читатель *средній* и, къ тому же, многочисленный, который и начинаетъ потреблять всякую дешевую литературу. И въ этомъ отношеніи предпріятіе „Посредника“ издавать дешевыя и хорошія книжки вышеозначенной серіи несомнѣнно заслуживаетъ вниманія и поощренія.

Переходимъ теперь къ изданіямъ для народа. Изъ нихъ слѣдуетъ поставить на первомъ планѣ разсказъ г. Чехова *Бабы*, написанный на тему о женскомъ сердцѣ, въ которомъ такъ много мѣста находятъ и любовь, и жалость. Разсказъ ведется отъ лица нѣкоего Матвѣя Саввича, въ котораго влюбилась чужая жена въ отсутствіе мужа. Матвѣй, какъ степенный человѣкъ, услышавъ, что мужъ возвращается, рѣшилъ въ одинъ прекрасный день „покончить баловство“. Но „баба“ сдѣлать то же самое по собственному хотѣнью никакъ не могла. „Не слушаетъ баба,—разсказываетъ Матвѣй на постояломъ дворѣ,—уперлась на своемъ, хоть ты лопни! „Тебя люблю!“ — и больше ничего, чистое наказанье!“

— Экая подлая! — замѣчаетъ Матвѣю одинъ изъ его слушателей мужчина.

Пріѣзжаетъ мужъ бабы и на первыхъ же порахъ прощаетъ винов ныхъ. Но „баба“ не унимается. Мужъ кажется ей „постылымъ“. В концѣ-концовъ, дѣло доходитъ до того, что мужъ начинаетъ свою ба бить: „схватилъ возжи и давай возжами, а самъ какъ жеребецъ ви житъ: ги-ги-ги!“

— Взять возжи, да тебя-то такъ!—замѣчаетъ слушательница баба,—извели нашу сестру проклятые!—Разсказъ кончается тѣмъ, что баба отравляетъ своего мужа мышьякомъ, сама попадаетъ въ острогъ, гдѣ и умираетъ. Матвѣй, какъ „благородный“ человѣкъ, беретъ ея сынишку на воспитаніе: „хоть и арестанское отродье, а все же живая душа, крещеная“, и учитъ его колотушками, готовя въ прикащики. Это онъ по-своему жалѣетъ живую душу. А бабы жалѣютъ ее по своему: „Сирота моя бѣдная, родной матери нѣтъ, и накормить его путемъ некому“.

Содержаніе разсказа г. Лѣскова *Пустоплясы* таково. Въ нѣкоей мѣстности случился неурожай, лишь одна деревня Пустоплясова въ той же мѣстности отъ неурожая не пострадала. Живутъ пустоплясы богато, а вокругъ нихъ, въ другихъ деревняхъ, мякиной и жмыхомъ давятся. Пустоплясы себя оправдываютъ: „вѣдь, мы не причинны въ томъ, что у другихъ голодно“ Весело они живутъ, хотя за порогомъ другіе бѣдствуютъ. Этимъ послѣднимъ пустоплясы корочки подаютъ. Но случается такъ, что Пустоплясово выгораетъ до тла, и его жители попадаютъ въ самое тяжелое положеніе. Таково содержаніе разсказа, которое, какъ видно, не замысловато. Но оно усложняется и запутывается многими подробностями. Наприм., въ концѣ разсказа является на сцену какое-то таинственное дитя, „божій посолъ“, пожаръ села является ниспосланнымъ свыше, и весь разсказъ принимаетъ мистическую окраску, которая несомнѣнно только портитъ его. Портитъ разсказъ и извѣстная слабость г. Лѣскова къ коверканью языка: къ чему, наприм., писать „вумственность“, „почкенныё“ и т. п. Портятъ и длинныя назидательныя наставленія „вумственнаго“ мужика, дѣда Ѳедоса... Разсказъ крестьянина-самоучки С. Т Семенова хотя не блещетъ художественными достоинствами, но въ общемъ все же недуренъ: онъ лишній разъ иллюстрируетъ отношеніе сытыхъ къ голоднымъ. Мужикъ Ефремъ, въ минуту жизни трудную, подъ великій праздникъ, идетъ къ своему дядѣ, богачу-міроѣду Михѣю, просить о помощи. Тотъ гонитъ его въ шею. Съ горя Ефремъ идетъ въ кабакъ, гдѣ его подбиваютъ на дурное дѣло—совершить кражу со взломомъ у этого самаго Михѣя. Между тѣмъ, на душу Михѣя находитъ просвѣтлѣніе: онъ раскаивается и готовъ помочь племяннику, идетъ въ амбаръ и находитъ дверь туда взломанной, а вора запираетъ въ амбарѣ. Воромъ оказывается Ефремъ, который и кончаетъ жизнь немедленно самоубійствомъ. Раскаяніе Михѣя и его добрый порывъ пришли слишкомъ поздно: доброе дѣло не терпитъ отсрочки. Такова мораль этого безъискусственнаго разсказа. Третья книжка *Малымъ ребятамъ*, вообще говоря, составлена недурно. Въ нее вошли хотя и общеизвѣстные, но все же умѣло выбранные разсказы и стихи для дѣтей. Неудаченъ только послѣдній разсказъ, гдѣ фигурируетъ, во-первыхъ, не ученая, но сердобольная собака, которая отдаетъ лакомый кусокъ другой, голодной собакѣ, и, во-вторыхъ, никто иной, какъ несердобольный ученый, который не хочетъ подать гроша бѣдному нищему. Въ концѣ-концовъ, удивительная собака пристыжаетъ удивительнаго ученаго, а ученость осмѣяна въ конецъ.

Изъ изданій „Посредника“ по отдѣлу прикладныхъ знаній отмѣтимъ, прежде всего, книжку г. М—дова *Какъ развести плодовый садъ*. Эту книжку авторъ предназначаетъ въ помощь тѣмъ, „у кого найдется небольшой кусокъ годной земли и охота къ садоводству при отсутствіи большихъ средствъ и знаній“. Авторъ, очевидно, большой любитель садоводства, и даетъ самое краткое и довольно отчетливое описаніе

существеннѣйшихъ пріемовъ его, не вдаваясь ни въ какія теоретическія объясненія его. Книжечка эта заслуживаетъ вниманія. Напрасно только авторъ полагаетъ, что угодья, украшенныя садомъ, помѣшаютъ переселеніямъ крестьянъ. Для этого нужны мѣры порадикальнѣе, чѣмъ развитіе садоводства. Очень недурна книжечка И. Елина *Какъ ухаживать за огородомъ*. Въ этой книжкѣ читатель найдетъ совѣты и указанія, какъ вести огородъ при крестьянскомъ хозяйствѣ, огородъ домашній. Составлена книжка толково и принесетъ свою долю пользы, тѣмъ болѣе, что цѣна ея очень не высока (3 к.). Въ настоящее время, сколько намъ извѣстно, это самое дешевое руководство по огородничеству.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе нашихъ читателей на изданный И. Сытинымъ и К° *Русскій сельскій календарь*. Какъ извѣстно, *Сельскій календарь* Я. Абрамова пересталъ выходить года два тому назадъ. Изданіе г. Сытина, составленное г. Горбуновымъ-Посадовымъ, является весьма кстати. Безъ сомнѣнія, оно и разойдется въ большемъ количествѣ. Календарь этотъ хотя и уступаетъ во многихъ отношеніяхъ абрамовскому, наприм., тѣмъ, что въ немъ слабѣе выраженъ отдѣлъ свѣдѣній о различныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, и что вообще въ немъ менѣе оригинальности, но, тѣмъ не менѣе, составленъ онъ недурно, даетъ массу свѣдѣній, въ томъ числѣ и оригинальныя статьи. Въ него вошли, наприм., статьи о предсказаніи погоды, объ астрономическихъ явленіяхъ, о сельскихъ библіотекахъ, о вредѣ пьянства, отрывки изъ житій святыхъ (большая часть изъ временъ гоненій на христіанъ). Вообще, какъ первый опытъ, *Русскій сельскій календарь* г. Сытина производитъ хорошее впечатлѣніе.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Ежегодникъ Императорскихъ театровъ“. — „Справочная книга для электротехниковъ“. *К. Гравинкеля и К. Штреккера.*—„Торгово-промышленная книга г. Москвы“. *П. К. Прянишникова.*

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1892—1893 гг. (Годъ третій). Редакторъ А. Е. Молчановъ. Изданіе дирекціи Императорскихъ театровъ. Спб., 1894 г. Въ третій разъ намъ приходится писать объ этомъ прекрасномъ изданіи, которое съ каждымъ годомъ становится полнѣе. Какъ важную новинку настоящаго (третьяго) выпуска, мы отмѣтимъ статью, озаглавленную: *Театрально-литературный комитетъ при дирекціи Императорскихъ театровъ*, представляющую собой короткое обозрѣніе дѣятельности этого недавно существующаго учрежденія, вѣрнѣе сказать, двухъ учрежденій, такъ какъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ существуютъ параллельно и независимо другъ отъ друга дѣйствуютъ два комитета, о чемъ мы говорили въ февральской книжкѣ нашего журнала въ статьѣ *Современное искусство*, высказывая наше мнѣніе о неудобствѣ такого раздвоенія и сообща о перемѣнахъ въ составѣ московскаго отдѣленія комитета. Въ *Ежегодникѣ* личный его составъ приведенъ въ прежнемъ видѣ: предсѣдатель — Н. С. Тихонравовъ, члены — А. Н. Веселовскій, Н. И. Стороженко, Вл. И. Немировичъ-Данченко. Въ Петербургѣ, попрежнему, состоятъ предсѣдателемъ Д. В. Григоровичъ, членами—А. А. Потѣхинъ, П. І Вейнбергъ и П. П. Гнѣдичъ. Одно изъ неудобствъ дѣленія комите на два присутствія сказывается, по нашему мнѣнію, въ порядкѣ пре ставленія авторами пьесъ на разсмотрѣніе комитета, а именно въ том

что пьеса должна „сопровождаться заявленіемъ автора, гдѣ онъ можетъ высказать свое желаніе, чтобы пьеса разсматривалась въ томъ или другомъ отдѣленіи комитета“. На первый разъ изъ 112 представленныхъ пьесъ разсмотрѣно въ Петербургѣ 58, въ Москвѣ 54, т.-е. почти поровну; одобрено въ Петербургѣ—22, въ Москвѣ—8. Выводъ долженъ получиться такой: или на долю Москвы случайно выпалъ менѣе удачный подборъ пьесъ, чѣмъ для Петербурга, или московское отдѣленіе болѣе требовательно, чѣмъ петербургское. Которое изъ двухъ предположеній вѣрнѣе, никому неизвѣстно, но правдоподобно, что авторы драматическихъ произведеній будутъ склонны держаться послѣдняго мнѣнія, и, естественно, предпочтутъ отдавать свои сочиненія на разсмотрѣніе петербургскаго отдѣленія. Въ результатѣ можно предвидѣть значительное измѣненіе въ соотношеніи количества пьесъ, которыя будутъ авторами представлены на разсмотрѣніе того и другого отдѣленія. Изъ списка пьесъ, одобренныхъ тѣмъ и другимъ отдѣленіемъ, трудно придти къ какому-либо опредѣленному заключенію въ вышеуказанномъ смыслѣ,—такъ различны качества пьесъ, одобренныхъ однимъ и тѣмъ же отдѣленіемъ комитета, и такъ разны могутъ быть взгляды на однѣ и тѣ же пьесы комитета, критиковъ и публики. Кромѣ того многія пьесы (мы не говоримъ объ одноактныхъ) публикѣ и театральнымъ критикамъ неизвѣстны, такъ какъ большинство ихъ не играно. Изъ 22 пьесъ, одобренныхъ петербургскимъ отдѣленіемъ, одноактныхъ 7, изъ остальныхъ 15-ти оригинальныхъ—4, а именно: *Безъ руля* О. Н. Чюминой, *Венецейскій истуканъ* П. П. Гнѣдича, *День въ Петербургѣ* М. И. Чайковскаго и *Изломанные люди* Вл. А. Александрова; въ одной „сюжетъ заимствованъ“, безъ указанія, изъ какого источника, въ одной „заимствованъ съ французскаго“, безъ указанія, изъ драмы или изъ романа, остальныя 9 переводныя. Московскимъ отдѣленіемъ одобрены: одноактныхъ 4, оригинальныхъ въ 3-хъ и 4-хъ дѣйствіяхъ тоже 4, изъ которыхъ поставлены на сценѣ 2: *Расплата* Е. П. Гославскаго и *Спорный вопросъ* Вл. А. Александрова. Если внимательно разобраться въ этомъ небольшомъ перечнѣ, то можетъ возникнуть нѣсколько „спорныхъ вопросовъ“, поднимать которые мы пока не считаемъ нужнымъ въ ожиданіи накопленія большаго числа фактовъ. Пересматривая списки пьесъ, игранныхъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, мы находимъ, что большее число представленій (мы опять исключаемъ одноактныя) приходится на нижеслѣдующія въ Петербургѣ: В А. Крылова *Общество поощренія скуки* (*Le monde où l'on s'ennuie*, Пальерона), передѣлка дана 16 разъ, его же *Безъ предразсудковъ* (*Les idées de m-me Abray*, Дюма-сына), передѣлка—14, И. В. Шпажинскаго *Жертва*—13, М. И. Чайковскаго *День въ Петербургѣ*—11, П. М. Невѣжина *Въ родномъ углу*—11; въ Москвѣ: *Жертва*—16, *Графъ де-Ризооръ*—16, *Перекати-поле* П. П. Гнѣдича—14, *Плоды просвѣщенія* гр. Л. Н. Толстого—13. Всѣ остальныя пьесы въ этотъ сезонъ болѣе 10 представленій не выдержали. Это не болѣе, впрочемъ, какъ любопытная справка, не дерзающая дать никакихъ основаній для заключеній о достоинствѣ пьесъ. Мы знаемъ случай, когда очень хорошая переводная пьеса, поставленная для бенефиса, не была даже повторена и исчезла съ репертуара по совершенно непостижимой причинѣ. Мы полагаемъ даже, что по спискамъ игранныхъ пьесъ, напечатаннымъ въ *Ежегодникѣ*, нельзя составить себѣ вѣрнаго понятія о томъ, какой имѣла на сценѣ успѣхъ та или другая пьеса. Изъ списковъ артистовъ мы узнаемъ, что при петербургскихъ театрахъ существуетъ должность „управляющаго дра-

матическою труппой", которую занимаетъ В. А. Крыловъ, и что въ Москвѣ такой должности нѣтъ. Число артистовъ въ обѣихъ труппахъ почти равное: артистокъ по 55 въ каждой, артистовъ въ Петербургѣ 49, въ Москвѣ 43. Въ оперной труппѣ Петербурга артистокъ 15, артистовъ 27, хоръ состоитъ изъ 124 человѣкъ; въ Москвѣ артистокъ 28, артистовъ 26, хоръ 127 чел. Въ московской оперной труппѣ за этотъ сезонъ оставили службу 11 артистокъ и 3 артиста, въ петербургской—4 артиста. Составъ балетныхъ труппъ: въ Петербургѣ 226, въ Москвѣ 187 лицъ обоего пола. Въ Петербургѣ, кромѣ того, существуютъ труппы французская и нѣмецкая.

Подъ общимъ заглавіемъ *Обозрѣніе дѣятельности Императорскихъ театровъ*, *Ежегодникъ* даетъ прекрасно составленныя, иллюстрированныя программы главнѣйшихъ пьесъ, поставленныхъ за истекшій сезонъ на всѣхъ сценахъ, съ портретами артистовъ въ костюмѣ и гримѣ. Изъ этого годъ за годъ составляется любопытнѣйшая лѣтопись для исторіи развитія декоративнаго и костюмернаго дѣла. Исторіи театра прежнихъ лѣтъ отведено довольно большое мѣсто для интереснѣйшихъ статей объ артистахъ И. А. Мельниковѣ, А. М. Камышевѣ, И. И. Сосницкомъ, о М. И. Глинкѣ, о А. П. Сумароковѣ, о капельмейстерѣ баронѣ Ѳ. А. Раль, о Ц. А. Кюи и П. И. Чайковскомъ. Далѣе слѣдуютъ не менѣе важные для исторіи театра некрологи сценическихъ дѣятелей, умершихъ за обозрѣваемый періодъ времени, съ превосходно исполненными портретами. За прошедшій годъ наиболѣе тяжелыя утраты понесла русская сцена въ лицѣ артистовъ: П. М. Свободина, К. С Лошивскаго (Шиловскаго), В. А. Охотина, М. В. Аграмова и С. А. Шеина, талантливаго молодого человѣка, едва начавшаго съ большимъ успѣхомъ свою артистическую карьеру. Книга составлена и издана превосходно.

Справочная книга для электротехниковъ. Составили К. Гравинкель и К. Штреккеръ. Перевелъ съ 3 нѣмецкаго изданія инженеръ-механикъ Д. Головъ. Выпускъ II, съ 164 рисунками. Изданіе Риккера. Спб., 1893 г. Цѣна 2 вып. 3 руб., полнаго сочиненія (I и II вып.) 4 р. 80 к. Книга Гравинкеля и Штреккера представляетъ собою капитальный трудъ, серьезный вкладъ въ европейскую техническую литературу. При современномъ развитіи и непрерывномъ ростѣ электротехники подобная книга составляетъ насущную потребность и должна сдѣлаться настольною для всѣхъ работниковъ по электричеству. Она заключаетъ въ себѣ массу цѣнныхъ свѣдѣній, необходимыхъ всякому электротехнику въ его практической дѣятельности. Обиліе и свѣжесть матеріала, систематическое его расположеніе, множество интересныхъ таблицъ, хорошіе пояснительные рисунки—вотъ достоинства этой книги, бросающіяся въ глаза уже при первомъ съ нею знакомствѣ.

Въ книгѣ Гравинкеля и Штреккера 16 отдѣловъ. Въ 1-мъ даны всѣ нужныя свѣдѣнія по динамо-машинамъ, во II и III по трансформаторамъ, гальваническимъ элементамъ и аккумуляторамъ. IV отдѣлъ заключаетъ: проводы и распредѣленіе, V—регуляторы сопротивленія, VI—электрическое освѣщеніе, VII—посвященъ электрической передачѣ энергіи, VIII — примѣненіямъ электролиза въ металлургіи и химической промышленности, IX — примѣненію магнетизма въ металлургіи, X—телеграфіи и телефоніи. Въ остальныхъ отдѣлахъ находимъ спеціальныя свѣдѣнія по желѣзно-дорожнымъ, пожарнымъ, полицейскимъ и домашнимъ телеграфамъ и сигнализаціи, электрическіе часы и контрольные аппараты, электрическое воспламененіе шинъ и, наконецъ,

громоотводы. Такимъ образомъ, эта справочная книга обнимаетъ собою всѣ примѣненія электричества. Переводчикъ съ своей стороны сдѣлалъ нѣкоторыя небезполезныя дополненія, удѣливъ въ нихъ надлежащее мѣсто русскимъ работамъ по электротехникѣ, обойденнымъ молчаніемъ въ нѣмецкомъ оригиналѣ. Въ этихъ дополненіяхъ сообщаются свѣдѣнія о керосиновыхъ двигателяхъ, о нѣкоторыхъ работахъ нижегородскаго электролитическаго завода (добываніе и очищеніе мѣди электролизомъ, добываніе олова изъ обрѣзковъ жести, приготовленіе бѣлилъ), о полученіи кислорода и водорода по способу Лачинова и пр. Дополненія эти отрывочны и весьма кратки, но и за нихъ спасибо. Если бы собрать все то, что сдѣлано русскими электротехниками, то пришлось бы написать новую книгу. Въ нѣкоторыхъ частностяхъ приводимыя въ книгѣ Гравинкеля и Штреккера свѣдѣнія не отличаются свѣжестью (напримѣръ, добываніе аллюминія) и полнотою (напримѣръ, бѣленіе электролизомъ), но нельзя и требовать, чтобы такой колоссальный трудъ во всѣхъ частяхъ былъ обработанъ одинаково полно. Переводъ, вообще, сдѣланъ хорошо. Встрѣчаются только малоупотребительные термины, вродѣ, напримѣръ, мощность тока или плотность тока. Въ физикѣ эти выраженія не употребляются.

Торгово-промышленная адресная книга города Москвы. Изданіе П. К. Прянишникова Г. Прянишниковъ предпринялъ дѣло очень полезное, но, повидимому, началъ его не съ того конца, съ котораго слѣдовало, провелъ не достаточно внимательно и издалъ книгу тѣхъ адресовъ, которые были доставлены ему торговцами и промышленниками для напечатанія, отчасти безплатно, отчасти за плату. Вслѣдствіе этого въ книгѣ оказалось очень много пропусковъ, и весьма существенныхъ, по нашему мнѣнію. Мы не можемъ взять на себя трудъ, да и мѣсто намъ не позволило бы указать на многіе неточности и недочеты въ книгѣ, а потому выбираемъ наудачу то, что въ глаза бросается На стр. 17 подъ рубрикой „Аллюминій“ значится, что имъ торгуетъ одна фирма Карла Шнапа, далѣе слѣдуетъ ссылка: „см. металлы“,—это для розничной продажи. Смотримъ на стр. 406: лавокъ, торгующихъ металлами и металлическими издѣліями, перечислено около тридцати; во многихъ изъ нихъ мы спрашивали аллюминій и таковаго не нашли, получили же его въ лавкѣ, не значущейся въ книгѣ, у Филатова, на Никольской, по указанію г. Шнапа. „Аллюминіевыхъ издѣлій заведеніе“ указано одно, на Большой Грузинской; намъ достовѣрно извѣстно, что существуетъ другое, исполнившее нашъ заказъ, и мы слышали, что существуетъ третье, въ Сыромятникахъ. На стр. 406—„Антикваріи“ напечатаны въ числѣ 7 на всю Москву, тогда какъ ихъ, по крайней мѣрѣ, вдвое больше. По имѣющимся въ *Адресной книгѣ* указаніямъ очень не легко разыскивать нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ въ ней антикваріевъ; такъ, въ Леонтьевскомъ переулкѣ, на спросъ: гдѣ тутъ г-жа Салтыкова, едва ли кто дастъ надлежащій отвѣтъ, за то всѣ знаютъ магазинъ „Bric-à-brac“, на Воздвиженкѣ всѣмъ извѣстенъ магазинъ „Antiquité“, и никто не знаетъ г. Коснерскаго. Въ отдѣлѣ грушечной торговли пропущено, между прочимъ, такое видное учрежденіе, какъ кустарный музей московскаго земства. На IX стр. оглавленія „кустарное издѣліе“ показано на 292 стр., въ книгѣ же помѣщено на стр. 299, причемъ сдѣланы пропуски. Фабрикъ мебельныхъ матерій показано всего семь, пропущены такія крупныя, какъ Прохорова, т-ва Даниловской мануфактуры и друг. Мы полюбопытствовали справиться о мѣнялахъ и нашли на стр. 441 ссылку: „см. процентныя

бумаги", посмотрѣли, оказалось во всей Москвѣ ихъ 24; пропущены многіе и очень видные, какъ, наприм., Степановъ, Земцовъ и друг. Думаемъ, что этихъ указаній достаточно для доказательства, что издатель книги не исполнилъ обѣщанія, выраженнаго въ предисловіи, гдѣ сказано нижеслѣдующее: „Въ 1-й части размѣщены въ алфавитномъ порядкѣ по отдѣламъ всѣ роды торговли и коммерческихъ занятій... Затѣмъ, подъ каждый отдѣлъ помѣщены въ алфавитномъ порядкѣ адреса *всѣхъ* лицъ, занятія которыхъ соотвѣтствуютъ означенному отдѣлу". Предоставляемъ читателю самому судить о пригодности для справокъ столь неполно составленной адресной книги.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы", *февраль*. — „Русское Богатство", *январь*. — „Сѣверный Вѣстникъ", *февраль*. — „Дѣтскій Отдыхъ", *январь*.

Вѣстникъ Европы, *февраль*. О *Перевалѣ* П. Д. Боборыкина мы пока подождемъ говорить: во второй книжкѣ *Вѣстника Европы* продолжается только первая часть этого, очевидно, обширнаго произведенія. Другихъ беллетристическихъ (оригинальныхъ) произведеній въ этой книжкѣ журнала нѣтъ. Нельзя не остановиться на перепискѣ Тургенева съ семьею Аксаковыхъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, и на статьѣ В. Д. Спасовича: *Дружба Шиллера и Гёте*. Тепло и дружески относится Тургеневъ къ С. Т. Аксакову и обоимъ знаменитымъ его сыновьямъ. Про Кирѣевскаго въ письмахъ говорится то, „что за милый и чистый человѣкъ", то, что „это человѣкъ хрустальной чистоты и прозрачности,— его нельзя не полюбить" Тургеневъ посылаетъ Аксаковымъ рукописи своихъ произведеній, внимательно и охотно выслушиваетъ по этому поводу замѣчанія Сергѣя Тимоѳеевича.

„Доставили мнѣ,— пишетъ Тургеневъ,— девятую и пятую главу *Мертвыхъ Душъ* (второй части). 9-я глава, гдѣ Пѣтухъ и Костанжогло,— удивительна, но 5-я, съ небывалымъ и невозможнымъ откупщикомъ Муратовымъ... лучше не говорить о ней и набросить, какъ почтительные сыновья Ноя, покровъ на обнажившагося нашего литературнаго отца".

Свои сочиненія Тургеневъ тщательно отдѣлывалъ,— это всѣмъ извѣстно. „Коли Пушкинъ и Гоголь,— пишетъ онъ,— трудились и передѣлывали десять разъ свои вещи, такъ ужь намъ, маленькимъ людямъ, самъ Богъ велѣлъ. А то придетъ порядочная мысль въ голову, полѣнишься обдумать ее хорошенько, да обдѣлать какъ слѣдуетъ — и выйдетъ какая-то смутная чепуха".

Статья В Д. Спасовича еще не кончена. Она даетъ гораздо больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе. Авторъ съ свойственною ему тщательностью и вдумчивостью изучилъ все, что имѣетъ отношеніе къ жизни и творческой дѣятельности обоихъ поэтовъ. Несправедливымъ кажется намъ одно, мимоходомъ брошенное замѣчаніе г Спасовича, будто Бёрне вообще позднѣйшая молодая Германія кидали въ Гёте камни по побужденіямъ, въ которыхъ были крупинки мелкой зависти и авторскаго самолюбія. Разгадка этихъ нападеній достаточно объясняется политическими условіями Германіи и нѣкоторыми особенностями характера и творчества Гёте. Вѣдь, самъ же г. Спасовичъ ставитъ наравнѣ с творцомъ *Фауста* творца *Валленштейна*, а на Шиллера подобныхъ нападеній не производили.

Изъ другихъ статей *Вѣстника Европы* остановимся на очеркѣ г. Струве: *Нѣмцы въ Австріи и крестьянство.* Авторъ излагаетъ главныя данныя и главные выводы, къ которымъ пришли въ своихъ изслѣдованіяхъ Гайнишъ и Геркнеръ. Оба автора отличаются рѣдкимъ національнымъ безпристрастіемъ Сравнительно слабое развитіе, въ численномъ отношеніи, нѣмецкаго элемента среди другихъ національностей Австріи объясняется ими какъ результатъ ненормальныхъ условій фабрично-заводскаго производства и аграрнаго строя. Не отрицая, конечно, и не умаляя пагубнаго значенія этихъ причинъ, мы полагаемъ, что въ нихъ не заключается *всего* объясненія слабаго возростанія нѣмецкаго населенія, потому что въ Галиціи, напримѣръ, и въ Богеміи, среди польско-русскаго и чешскаго населенія, земельныя и фабрично-заводскія условія быта мало чѣмъ отличаются отъ тѣхъ условій, въ которыя поставлены австрійскіе нѣмцы, рабочіе и крестьяне.

Не вполнѣ правильнымъ кажется намъ утвержденіе г. Струве, будто „въ Австріи говорить о какомъ-нибудь угнетеніи или насильственной германизаціи и проч. довольно странно". Авторъ указываетъ при этомъ на Галицію, но ссылка неудачна, потому что въ Галиціи почти нѣтъ нѣмцевъ. Нельзя не признать *угнетенія* и въ осадномъ положеніи, въ которомъ держится теперь Богемія, и въ стремленіи правительства вмѣстѣ съ нынѣшнимъ коалиціоннымъ большинствомъ парламента ставить препятствія національно-политической самостоятельности чеховъ и словенцевъ. Конечно, при конституціонномъ режимѣ не можетъ быть грубыхъ насилій и покрытаго тайной и безотвѣтственнаго административнаго произвола, но справедливость часто нарушается въ Австріи, благодаря такой избирательной системѣ, при которой славянское большинство имѣетъ гораздо меньше представителей въ парламентѣ, чѣмъ меньшинство, образующееся изъ нѣмцевъ и разныхъ группъ привилегированныхъ сословій *).

Русское Богатство, *январь.* За послѣднее время въ правительственныхъ сферахъ явилась мысль объ уничтоженіи законодательнымъ путемъ одного изъ главныхъ устоевъ нашей народной жизни — объ уничтоженіи общиннаго землевладѣнія. Слухъ о таковомъ предположеніи снова возбудилъ въ печати оживленную полемику объ этой формѣ владѣнія землею. Противники ея ничего новаго не сказали. Тѣ же не провѣренныя указанія, будто община препятствуетъ переходу хозяйства къ высшимъ его системамъ; тѣ же неправильныя утвержденія, будто, при мірскомъ землевладѣніи, черезполосица и дробность участковъ достигаютъ значительно большихъ размѣровъ, чѣмъ при частной собственности на землю. На сторонѣ же защитниковъ общины было нѣсколько новыхъ и весьма цѣнныхъ работъ. Воспользовавшись богатымъ земско-статистическимъ матеріаломъ, они подкрѣпили фактами тѣ теоретическія соображенія въ пользу общины, которыя ярко и талантливо были высказаны и развиты еще въ 60-хъ годахъ. Къ числу этихъ цѣнныхъ работъ принадлежитъ и статья проф. Карышева *Подворное и общинное хозяйство,* напечатанная въ январской книжкѣ *Русскаго Богатства.*

Если бы,— говоритъ авторъ статьи,— въ самомъ дѣлѣ были справедливы утвержденія, что община ставитъ могучія преграды развитію земледѣлія, то послѣднее находилось бы на болѣе высокой ступени

*) Изъ 23.473,056 ч. населенія Цислейтаніи нѣмцевъ было 8.461,580, чеховъ (съ моравами и словаками) — 5.472,871, поляковъ — 3.719,232, русинъ — 3.105,221, словенцевъ—1.176,672. Всего славяне составляютъ 60% населенія.

развитія у подворныхъ владѣльцевъ, находящихся въ прочихъ равныхъ условіяхъ съ сосѣдними общинниками. Утвержденія о вредѣ мірского пользованія землей должны были быть признаны справедливыми лишь въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что хозяйство общинниковъ, обставленное не хуже хозяйства сосѣднихъ подворныхъ, даетъ худшіе результаты въ смыслѣ своей производительности и устойчивости.

Такое сравненіе,— продолжаетъ авторъ,— представляется возможнымъ сдѣлать у насъ для тѣхъ мѣстностей, гдѣ рядомъ со старою, укоренившеюся общиной имѣется тоже старое и укоренившееся „четвертное“ землевладѣніе. Естественныя условія хозяйствъ того и другого типа тамъ вполнѣ одинаковы: тотъ же климатъ, та же почва, тѣ же культуры. Оба разбросаны въ перемежку одинъ съ другимъ. Тотъ же народъ, тѣ же главныя и подспорныя занятія. Тождеству условій мѣшаетъ *большее* земельное обезпеченіе подворныхъ по сравненію съ общинниками. Нѣкоторыя изъ мѣстностей, пригодныхъ для сравненія, какъ извѣстно, подверглись сплошному подворному земско-статистическому изслѣдованію. Слѣдовательно, относительно ихъ имѣется налицо матеріалъ, позволяющій уловить основныя черты, характеризующія хозяйственный бытъ обоихъ типовъ владѣльцевъ въ моментъ изслѣдованія. Работа проф. Карышева и представляетъ собою попытку такого сравненія для Курской губерніи хозяйства бывшихъ государственныхъ четвертныхъ крестьянъ (подворныхъ) съ хозяйствомъ ближайшихъ къ нимъ по размѣрамъ надѣла бывшихъ государственныхъ душевыхъ (общинниковъ), причемъ матеріаломъ для сравненія послужили ему земско-статистическіе сборники.

Сообщимъ читателю весьма поучительные конечные результаты изслѣдованія почтеннаго профессора.

Прежде всего, важно обратить вниманіе на выводъ изъ статистическихъ исчисленій, показывающій, что, въ отношеніи перваго элемента производства — земли, подворное хозяйство поставлено лучше, чѣмъ общинное Надѣльной земли у подворныхъ больше, чѣмъ у общинниковъ. И, несмотря на такое важное преимущество подворныхъ надъ общинниками, первые по всѣмъ хозяйственнымъ статьямъ уступаютъ вторымъ.

Количество скота у обоихъ разрядовъ крестьянъ почти одинаковое, а такъ какъ у подворныхъ земли больше, то на единицу пашни приходится меньше удобренія, что ведетъ за собою „худшую систему хозяйства у подворныхъ сравнительно съ общинниками“. Именно подворные много практикуютъ ту особую систему хозяйства, которая именуется „пестропольемъ“ или „разнопольемъ“. При этой системѣ нѣтъ правильнаго чередованія посѣвовъ. Безпорядочность сѣвооборота обусловливаетъ паденіе урожайности. Крестьяне и сами смотрятъ на пестрополье какъ на крайне неразумную систему полеводства, но не всегда имѣютъ силу замѣнить ее другой, — „нечѣмъ взяться“.

„*Черезполосица, самая мелкая, представляетъ самую характерную особенность подворнаго владѣнія*“. Раздѣлы полосъ бываютъ съ каждымъ раздѣломъ семьи. „Еще пока три брата живутъ вмѣстѣ, загонъ въ 2 сажени ширины пахать можно, а какъ подѣлились, каждому достается такая узкая лента, что и борону протащить нельзя“. Черезполосица, конечно, составляетъ непремѣнный спутникъ и общины передѣлами. Но здѣсь невыгоды ея возмѣщаются качественнымъ и количественнымъ равненіемъ земель, для котораго она именно и возникаетъ. Причемъ общинѣ открыта возможность и избѣжать ея путе

упраздненія передѣловъ и введенія коллективнаго пользованія. Черезполосица подворныхъ владѣльцевъ возникаетъ каждый разъ при раздѣлахъ, выдѣлахъ, продажахъ и пр., ничего общаго съ „равненіемъ“ не имѣетъ, и избѣжать ея нельзя.

Среди подворныхъ владѣльцевъ болѣе хозяйствъ, не имѣющихъ собственнаго инвентаря, нежели среди общинниковъ. Обработка надѣловъ собственнымъ инвентаремъ преобладаетъ у подворныхъ только тамъ, гдѣ ихъ преимущество въ размѣрахъ надѣловъ предъ общинниками *значительно*. Тамъ и сдача ими надѣловъ меньше. Но тамъ, гдѣ общинники обезпечены землей, хотя и меньше подворныхъ, но *немного* меньше, тамъ они обнаруживаютъ гораздо бо̀льшую устойчивость своего хозяйства.

Аналогичны и относящіяся сюда же свѣдѣнія о бездомовыхъ, характеризующія проявленіе той же относительной устойчивости хозяйства обоихъ разрядовъ Въ шести уѣздахъ, въ которыхъ общинники имѣютъ *гораздо* меньше земли, чѣмъ подворные, количество бездомовыхъ у первыхъ въ четырехъ случаяхъ больше, а въ двухъ — тождественно съ такою же величиной у подворныхъ. Въ другихъ шести уѣздахъ, гдѣ надѣлъ общинниковъ также меньше надѣла подворныхъ, но въ болѣе слабой степени, количество бездомовыхъ у общинниковъ въ одномъ случаѣ тождественно и въ пяти случаяхъ меньше такового же числа у подворныхъ. Такимъ образомъ, мы еще разъ убѣждаемся, что общинники борятся за свое хозяйство и свою усадьбу успѣшнѣе подворныхъ.

Эта слабость подворныхъ владѣльцевъ въ борьбѣ за свою хозяйственную самостоятельность ведетъ къ тому, что масса ихъ мало-помалу теряетъ самую землю, которая концентрируется въ рукахъ наиболѣе состоятельныхъ членовъ этого разряда. Съ тѣхъ поръ, какъ только крестьяне получили право продажи своихъ земель,— говорится въ сборникахъ земской статистики,— начался такого рода процессъ: наиболѣе зажиточные домохозяева скупали землю у менѣе состоятельныхъ, малоземельныхъ, и такимъ образомъ понемногу увеличивали и округляли свои дѣдовскіе участки, а тѣ, въ свою очередь, постепенно дробили свои участки или окончательно обезземеливались... Процессъ этотъ не только не пріостановился, но, наоборотъ, съ каждымъ годомъ принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры... Малоземельные хозяева обыкновенно стремятся скорѣе продать обрывки своихъ наслѣдственныхъ участковъ и на вырученную сумму, если она оказывается достаточной, поднимаются съ своихъ насиженныхъ мѣстъ и идутъ искать вольныхъ земель; если же сумма, вырученная отъ продажи надѣла недостаточна для переселенія, обезземелившійся ищетъ заработка тутъ же на родинѣ и нерѣдко, нанявшись къ тому же мужику, который купилъ у него землю, съ душевною скорбью тянетъ лямку батрака, обрабатывая въ пользу совершенно чужого человѣка участокъ п шни, политой по̀томъ его предковъ. По словамъ земскихъ статистик въ, волостныя и сельскія общественныя „книги приговоровъ“, куда в осится, по требованію закона, мірская санкція переходовъ земель с ъ одного лица къ другому, даютъ весьма богатый матеріалъ для хар ктеристики этого процесса капитализаціи подворной земли, ея округл ія въ рукахъ немногихъ. При переписи встрѣчались волости, гдѣ при 1)00—1,500 дворахъ насчитывалось по 200—300 случаевъ земельныхъ п реходовъ въ теченіе года.

И такъ, въ результатѣ, изслѣдованіе проф. Карышева показало,

что о переходѣ къ высшимъ системамъ полеводства, къ производству земельныхъ улучшеній и капитальныхъ затратъ у подворныхъ владѣльцевъ нѣтъ и рѣчи. Напротивъ, губительная для производительности почвы система „пестрополья“ практикуется ими даже чаще, чѣмъ у общинниковъ, распаханность полей — не меньше; они не могутъ лучше удобрять своихъ нивъ, ибо имѣютъ для того *относительно* меньше скота. Далѣе, черезполосица подворныхъ оставляетъ за собой черезполосицу общинниковъ. Наконецъ, право частной собственности на землю не спасаетъ подворныхъ отъ сильнаго размельчанія, отъ большой дробности участковъ. Результаты названныхъ явленій отражаются, прежде всего, на меньшей устойчивости ихъ хозяйствъ. Они сказываются въ развитіи безхозяйности и бездомовности въ относительно большихъ размѣрахъ, чѣмъ это наблюдается у общинниковъ. А это обстоятельство, въ связи съ легкостью отчужденія участковъ, вызываетъ усиленную мобилизацію четвертныхъ земель, вслѣдствіе чего происходитъ, прежде всего, паденіе продажной цѣны участковъ; это облегчаетъ концентрацію земельной собственности въ рукахъ болѣе состоятельныхъ четвертныхъ же крестьянъ и иныхъ сословій, съ одной стороны, а съ другой — является причиной обезземеленія менѣе состоятельныхъ и вызываетъ необходимость ихъ батрачества и болѣе частыхъ переселеній.

Большой практическій интересъ представляетъ собою также статья г. Голубева *Податные очерки*. Вопросъ о податныхъ срокахъ, — говоритъ авторъ статьи, — поднятый въ минувшемъ году сначала министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ государственнымъ контролемъ и, наконецъ, министерствомъ финансовъ, многимъ, вѣроятно, до сихъ поръ представляется вопросомъ чисто-формальнымъ и не имѣющимъ существеннаго значенія для плательщиковъ. Могутъ ли что-нибудь прибавить или убавить отъ податнаго бремени сроки уплаты, если самое бремя признается непосильнымъ? Могутъ, отвѣчаетъ авторъ, — могутъ, и очень много, — если не убавить, то прибавить къ нему. Чтобъ убѣдить въ этомъ читателя, авторъ разсказываетъ исторію податной практики въ Вятской губерніи, которая въ этомъ отношеніи является весьма поучительнымъ примѣромъ.

До осени 1887 г. главные сроки уплаты окладныхъ сборовъ приходились въ Вятской губерніи преимущественно на зимніе мѣсяцы (въ первой половинѣ: къ 15 февраля — $^3/_{10}$ годового оклада, къ 1 мая — $^1/_{10}$ и къ 1 іюля — $^1/_{10}$; во второй половинѣ: къ 15 ноября — $^4/_{10}$ и къ 10 декабря — $^1/_{10}$ годового оклада). Такое распредѣленіе сроковъ уплаты податей въ губерніи, населеніе которой почти исключительно земледѣльческое, соотвѣтствовало мѣстнымъ условіямъ какъ климатическимъ, такъ сельско-хозяйственнымъ и вообще экономическимъ.

Въ 1887 г. прежніе податные сроки были признаны мѣстною администраціей неудобными и были измѣнены слѣдующимъ образомъ: къ 15 февраля — $^3/_{10}$, къ 15 мая — $^2/_{10}$ годового оклада; во второй половинѣ: къ 1 октября — $^1/_{10}$, къ 1 ноября — $^3/_{10}$ и къ 1 декабри — $^1/_{10}$ годового оклада.

Это произвело значительный переворотъ во всей экономической жи[з]ни Вятской губерніи. Прежде всего, вопреки климатическимъ и сельс[ко]-хозяйственнымъ условіямъ, вся хлѣбная торговля края получила [со]-вершенно иное направленіе. Населеніе Вятской губерніи, какъ уже [от]-мѣчено, почти исключительно земледѣльческое; оно выплачиваетъ бо[льшу]-шую часть всѣхъ своихъ платежей и добываетъ средства къ жи[зни] черезъ продажу хлѣба. Можно съ увѣренностью сказать, что изъ 7[0] 8

милліоннаго годового оклада казенныхъ, земскихъ, мірскихъ и страховыхъ платежей оно болѣе 6 милл. руб. уплачиваетъ продажей только хлѣба и сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Слѣдовательно, хлѣбъ является здѣсь еще главнѣйшимъ податнымъ источникомъ для сельскаго населенія, а потому регулированіе условій сбыта, путемъ установленія тѣхъ или иныхъ податныхъ сроковъ, имѣетъ существенное значеніе какъ для плательщика, такъ и для казны. Малѣйшая ошибка въ назначеніи сроковъ отзывается на интересахъ населенія милліонными убытками. Въ самомъ дѣлѣ, если изъ-за постановки податныхъ сроковъ на каждомъ пудѣ хлѣба, проданномъ для уплаты податей, крестьянинъ потеряетъ только 5 коп., то при уплатѣ хлѣбомъ указанныхъ выше 6 милл. руб. (для чего потребуется продать до 12 милл. пуд., считая пудъ хлѣба въ 50 коп.) населеніе губерніи потеряетъ 600 тыс. руб. Очевидно, что потеря въ 5—10 коп. на пудъ есть явленіе не исключительное и не вызываемое какими-либо чрезвычайными строгостями по сбору податей. Но представьте себѣ, что назначаемые сроки взысканія податей совершенно измѣняютъ весь установившійся, вслѣдствіе климатическихъ и экономическихъ условій страны, порядокъ сбыта крестьянами своего хлѣба; представьте себѣ, что, вслѣдствіе измѣнившихся сроковъ взысканія податей, хлѣбъ приходится продавать теперь, вмѣсто ноября и декабря, въ сентябрѣ и октябрѣ (и даже августѣ), т.-е. тогда, когда обработка его и даже уборка съ полей не бываетъ еще закончена, когда съ обычнымъ наступленіемъ въ это время дождей и при рѣдкости здѣсь крытыхъ гуменъ (токовъ) нѣтъ возможности молотить хлѣбъ, когда распутица удесятеряетъ, если не прекращаетъ совершенно доставку его на хлѣбные рынки и, наконецъ, когда на этихъ рынкахъ отсутствуетъ всякій спросъ на хлѣбъ.

Установленные въ 1887 году податные сроки по Вятской губерніи поставили населеніе ея относительно сбора и продажи хлѣба на подати именно въ эти условія. Теперь подати собираются осенью, вмѣсто зимы; установленные губернаторскимъ циркуляромъ ранніе сроки взысканія податей уѣздная полиція измѣнила еще на болѣе ранніе. Такъ, въ ходатайствѣ глазовскаго земства объ измѣненіи срока (съ осени на зиму) указывается, что глазовскій исправникъ въ 1889 г. издалъ еще въ августѣ циркуляръ по волостнымъ правленіямъ, предписывая закончить сборъ податей къ 15 октября а одинъ изъ земскихъ начальниковъ Орловскаго уѣзда конечнымъ срокомъ сбора податей въ своемъ участкѣ назначилъ даже 15 августа. По поводу такого ранняго взысканія податей глазовское земство въ упомянутомъ ходатайствѣ говорило: „Въ послѣдніе годы требованія объ уплатѣ податныхъ сборовъ стали дѣлаться все ранѣе и ранѣе... именно какъ разъ въ то время, когда крестьянинъ лишенъ всякой возможности обработать и продать продукты своего хозяйства и когда, по неимѣнію требованій на мѣстныхъ базарахъ, не имѣется правильно установившихся цѣнъ на эти продукты... При такомъ ненормальномъ сбытѣ хлѣба и прочихъ продуктовъ сельскаго хозяйства населеніе уѣзда несетъ неисчислимыя потери: во-первыхъ, отъ недовыручки при продажѣ отъ 20 до 50%; во-вторыхъ, отъ продажи не только излишнихъ, но даже и необходимыхъ въ хозяйствѣ хлѣба, скота и другихъ предметовъ, и, въ-третьихъ, отъ покупки затѣмъ впослѣдствіи для пополненія своего хозяйственнаго инвентаря нужныхъ предметовъ по высокимъ цѣнамъ. Такія потери нерѣдко влекутъ къ постепенному обѣдненію населенія уѣзда". Еще печальнѣе картина нынѣшняго положенія вятскаго плательщика, нарисо-

ванная вятскимъ вице-губернаторомъ въ его докладѣ особой коммиссіи по обсужденію продовольственнаго устава въ маѣ минувшаго года. „Осенью, когда убирается хлѣбъ съ поля, у крестьянъ является много разныхъ надобностей.. (между прочимъ, и *отдавать подати*) И такъ какъ у огромнаго большинства крестьянъ нѣтъ никакихъ запасныхъ денегъ и далеко не всѣ имѣютъ заработки, то для покрытія всѣхъ этихъ надобностей у многихъ есть только одно средство—продать часть собраннаго хлѣба. Поэтому осенью вездѣ много крестьянскаго хлѣба идетъ въ продажу, а такъ какъ въ это время въ хлѣбѣ мало кто нуждается, то *онъ продается по самымъ низкимъ цѣнамъ*. Потомъ даже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или черезъ полгода — съ новаго года, съ масляной или съ весны — нерѣдко тѣ же крестьяне должны жить покупнымъ хлѣбомъ, потому что своего не сберегли, *и вотъ они начинаютъ покупать его*, и покупать до новаго урожая, *но уже не по прежней цѣнѣ, а въ полтора, два и три раза дороже. На такомъ оборотѣ крестьяне теряютъ, навѣрное, не меньше того, сколько они въ годъ уплачиваютъ разныхъ повинностей*“. Вотъ до какихъ размѣровъ достигаютъ потери крестьянскаго населенія отъ несоотвѣтствія между податными сроками и ходомъ крестьянскаго хозяйства!

Сѣверный Вѣстникъ, *февраль*. Въ прошедшей книжкѣ нашего журнала, говоря объ интересной и вызывающей на многія размышленія статьѣ проф. Модестова *С.-Петербургскій университетъ*, мы остановились на закрытіи этого университета въ декабрѣ 1861 года. Въ февральской книжкѣ журнала статья эта закончена. Въ ней разсказывается судьба Петербургскаго университета со времени его закрытія до нашихъ дней.

Закрытымъ университетъ оставался не долго. Благодаря энергичнымъ настояніямъ новаго министра, А. В. Головнина черезъ мѣсяцъ стали открываться одинъ за другимъ факультеты. А черезъ два года Петербургскій университетъ, вмѣстѣ съ другими университетами, вступилъ въ новый періодъ своей жизни, въ силу обновленія всей своей организаціи новымъ уставомъ, утвержденнымъ 18 іюня 1863 г. „Этотъ новый уставъ,—говоритъ проф. Модестовъ,—проведеніе котораго связано съ именемъ А. В. Головнина, представляетъ собою одинъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ актовъ эпохи реформъ и составляетъ истинную славу прошлаго царствованія. Тщательно разработанный, провѣренный въ нѣсколькихъ инстанціяхъ, бывшій на обсужденіи всѣхъ русскихъ университетовъ, встрѣтившій одобреніе знаменитѣйшихъ представителей европейской науки, которымъ онъ былъ разсылаемъ въ переводѣ на иностранные языки до своего обнародованія онъ вдохнулъ въ наши захирѣвшіе университеты духъ жизни и придалъ ихъ дѣятельности полетъ, о которомъ они прежде и не мечтали. Главныя черты его были: автономія во всѣхъ дѣлахъ, касающихся не только научной жизни и преподавательской дѣятельности, но и внутренней администраціи, строго проведенное выборное начало въ замѣщеніи какъ ученыхъ должностей, такъ и административныхъ, умноженіе каѳедръ по всѣмъ факультетамъ и значительное увеличеніе денежныхъ средствъ на учебныя пособія и учрежденія“

Введеніе въ дѣйствіе университетскаго устава 1863 года было принято съ ликованіемъ всѣми университетами, и многіе годы послѣ того благодѣтельность этого законодательнаго акта постоянно указывалась въ университетскихъ отчетахъ и историческихъ обзорахъ, равно какъ и во всеподданнѣйшихъ отчетахъ министра народнаго просвѣщенія

преемника Головнина, графа Дм. Толстого. Въ крупныхъ достоинствахъ устава не было никакого сомнѣнія, и Петербургскій университетъ, — сказать это требуетъ самая простая справедливость, — во все время дѣйствія этого устава стоялъ на высотѣ своего положенія, — положенія, пріобрѣтеннаго автономіей, которую и оффиціальный историкъ пятидесятилѣтія университета В. В. Григорьевъ призналъ *совершенно необходимою для процвѣтанія* университетовъ.

Но въ то время, какъ ученыя силы, учебно-воспитательныя учрежденія, ученая жизнь, дѣятельно вспомоществуемая, особенно на физико-математическомъ факультетѣ, учеными обществами, представляли много отраднаго, возобновившіеся безпорядки въ студенческой средѣ подали поводъ къ мысли о необходимости перемѣны университетскаго устава. Мысль эта, возникшая еще въ министерство гр. Толстого и проповѣдывавшаяся съ особенною страстностью и настойчивостью *Московскими Вѣдомостями*, въ кратковременныя министерства г. Сабурова и барона Николаи (1880—1882 гг.) была оставлена, какъ не имѣющая для себя оправданія въ дѣйствительномъ положеніи и потребностяхъ русскихъ университетовъ. Но она выступила на первый планъ, когда министерство народнаго просвѣщенія перешло къ гр. И. Д. Делянову. Представленный въ государственный совѣтъ проектъ новаго устава, нѣсколько видоизмѣненный противъ того, какой уже былъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ внесенъ туда графомъ Толстымъ, встрѣтилъ среди членовъ нашего законодательнаго учрежденія живѣйшую оппозицію. Огромное большинство членовъ совѣта не сочувствовало тѣмъ ограниченіямъ университетской автономіи, которыя составляли сущность и цѣль этого проекта, и онъ былъ отвергнутъ. Но Государю было угодно передать разсмотрѣніе этого вопроса особому комитету (изъ министра народнаго просвѣщенія, министра внутреннихъ дѣлъ, министра государственныхъ имуществъ и оберъ-прокурора св. синода), которые признали принятіе проекта устава необходимымъ, совершенно отмѣнивъ при этомъ выборное начало, и въ такомъ видѣ представили дѣло на высочайшее благоусмотрѣніе. Указомъ 23 августа 1884 года было повелѣно ввести въ университетахъ новый уставъ, который дѣйствуетъ и понынѣ.

Такимъ образомъ, въ короткій періодъ своего существованія,—говоритъ авторъ статьи,—Петербургскій университетъ переживаетъ уже *четвертый* уставъ,—обстоятельство, очень характеристичное какъ для склада нашей жизни вообще, такъ и для положенія въ нашей странѣ высшаго образованія.

Разница между уставомъ 1863 г. и уставомъ 1884 г. очень существенна. На разстояніи какихъ-нибудь двухъ десятковъ лѣтъ составители двухъ законодательныхъ актовъ, относящихся къ одному и тому же предмету, дѣйствуютъ совершенно на разныхъ началахъ. Составители устава 1863 г. выходили изъ того начала, что университеты ни въ чемъ такъ не нуждаются для своего процвѣтанія, какъ въ самоуправленіи: мысль эта не только проведена въ самомъ уставѣ, во всѣхъ его параграфахъ, касающихся учебной и административной части, но и на разные лады развивалась въ министерскихъ статьяхъ *Журнала Мин. Нар. Просв.*, въ которыхъ шла рѣчь объ изданіи устава, а затѣмъ объ его дѣйствіи, далѣе, во всеподданнѣйшихъ отчетахъ министровъ, въ рѣчахъ, произносившихся профессорами на университетскихъ актахъ, въ оффиціальныхъ заявленіяхъ всякаго рода, гдѣ только говорилось о строѣ жизни и дѣятельности университетовъ. Соста-

вители устава 1884 г., наоборотъ, руководствовались убѣжденіемъ, что спасеніе университетовъ заключается въ елико возможно большемъ ограниченіи автономнаго начала и въ подчиненіи преподаванія науки санкціи министерства.

Кромѣ статьи проф. Модестова, въ разсматриваемой книжкѣ журнала обращаетъ на себя вниманіе разсказъ о послѣднихъ дняхъ А. Н. Энгельгардта. Сильный духомъ человѣкъ остался таковымъ же до послѣдней минуты жизни.

Энгельгардтъ началъ чувствовать себя плохо еще лѣтомъ 1892 г. Развилась усиленная одышка,—пройдя 10 шаговъ, онъ долженъ былъ останавливаться, за что-нибудь держаться, чтобъ отдохнуть. Тяжело было видѣть нѣкогда могучаго профессора, теперь задыхающагося, когда онъ, пересиливая себя, ѣздилъ на опытныя поля, хотѣлъ все самъ видѣть и все провѣрить лично. Вмѣсто покойной жизни, на которую онъ имѣлъ полное право, онъ былъ весь поглощенъ разнообразными опытами, какъ бы стараясь доказать министерству государственныхъ имуществъ, что оно не ошиблось въ немъ, поручивъ ему ихъ, и что онъ не потратитъ ни одной казенной копѣйки безъ пользы на народной нивѣ. Болѣзненное состояніе заставляло его думать противъ воли о смерти, и онъ весь какъ бы горѣлъ, торопясь съ отчетомъ о новыхъ опытахъ, печатая его въ *Земледѣльческой Газетѣ* по кусочкамъ, по мѣрѣ поступленія тѣхъ или другихъ частностей, не дожидаясь, какъ ранѣе, полученія конечныхъ итоговъ о всѣхъ опытахъ. Не разъ говорилъ онъ:

„— Я болѣе всего безпокоюсь тѣмъ, что мнѣ не удастся все сдѣлать самому. А смерти я не боюсь... Я и думать не хочу о ней. Видите, у меня, кажется, водяночныя явленія въ ногахъ. Эти отеки, должно быть, водяная... И мозгъ отекаетъ! Самъ чувствую: попишу полчаса и устаю, является сонливость...“

Горестное предчувствіе профессора было близко къ осуществленію. Болѣзнь усиленно развивалась, несмотря на энергичную борьбу съ ней. Появились отеки лица, бредъ и галлюцинаціи.

Днемъ, едва ему дѣлалось лучше, онъ принимался писать отчетъ министерству о дѣйствіи каинита на ленъ, но, проработавъ $^1/_4$ часа, онъ уставалъ и засыпалъ; проснувшись, онъ вновь долженъ былъ передѣлывать ту же самую работу, чтобы возстановить въ памяти все движеніе дѣла; тѣмъ не менѣе, онъ удовлетворялся работой только тогда, когда его цифры сходились съ цифрами его помощника А. Д. Страхова. Тогда онъ убѣждался, что работа вѣрна, и продолжалъ ее далѣе. Работа съ перерывами, повтореніями и исправленіями усиливала его безпокойство, сопровождаемое часто галлюцинаціями.

Несмотря на это, Энгельгардъ каждый вечеръ подробно заносилъ въ приходо-расходныя книги событія хозяйственнаго дня и не нарушалъ заведенный у себя порядокъ. Конечно, онъ бодрствовалъ тогда, когда ему было легче, а чаще онъ сидѣлъ и бредилъ все тѣмъ же хозяйствомъ и своими опытами, — можно было опасаться за его разсудокъ. Но медицина на время помогла. Ему стало легче, отеки лица прошли, галлюцинаціи исчезли. Надо было видѣть его радость, когда онъ почувствовалъ облегченіе.

„— Еще поработаемъ!—говорилъ онъ.— Я еще гожусь на что-нибудь... Вотъ допишу отчетъ и примусь за новое. Немного жить остается... Торопиться надо съ работой... Хоть эти пять лѣтъ министерскихъ опытовъ прожить!“

Поправившись нѣсколько отъ болѣзни, онъ тотчасъ же приступилъ къ осуществленію дальнѣйшихъ плановъ. Но это счастливое состояніе духа не могло продолжаться долго: сердечная дѣятельность его была крайне слаба, а онъ продолжалъ волноваться мелочами хозяйства и слухами о неопредѣленности министерства государственныхъ имуществъ, въ зависимости отъ котораго онъ ставилъ и свои опыты. Такъ тянулось время до послѣднихъ двухъ дней его жизни, и онъ, вмѣстѣ съ окружающими, былъ, все-таки, далекъ мыслью отъ близкой кончины. Вдругъ 19 января 1893 года онъ почувствовалъ онѣмѣніе правой руки и охлажденіе пальцевъ. Принимая это явленіе за параличъ, онъ, прежде всего, пожалѣлъ о потерѣ возможности работать перомъ. Сильно волнуясь, онъ нѣжно обращался къ рукѣ:

„— Поработала, матушка! А безъ нея ужь какая жизнь!...“

На другое утро, 21 января, ему стало легче, хотя писать онъ, все-таки, не могъ. Утромъ рано къ нему пріѣхалъ прежній староста Иванъ, жившій въ сосѣдней деревнѣ и теперь не покидавшій больного. Значительнаго улучшенія въ здоровьи А. Н. не замѣчалось, и самъ онъ говорилъ Ивану о томъ, что намѣренъ весной въ „фосфоритной“ колясочкѣ ѣздить на опытныя поля.

„— Вѣдь, скоро прилетятъ,—мечталъ онъ,—жаворонки—въ поля, соловьи—въ садъ...“

Не вѣрилъ этимъ словамъ только Иванъ Павловичъ. Онъ былъ убѣжденъ, что Александръ Николаевичъ въ этотъ день непремѣнно умретъ. „Я всю ночь не спалъ,—говорилъ онъ,—боялся, что А. Н. скончается до моего прихода. Хочу, чтобъ онъ умеръ на моихъ рукахъ“. Трогательно онъ ухаживалъ за своимъ больнымъ бариномъ и все время держалъ его за руку, когда А. Н., позвавъ къ себѣ дочь, говорилъ ей, гдѣ что у него лежитъ и что теперь ей надо будетъ записать въ книги... Онъ хотѣлъ ей диктовать, но вдругъ голова его опустилась на грудь, и онъ тотчасъ же скончался. Ослабленная дѣятельность сердца окончилась параличомъ.

Въ февральской книжкѣ *Сѣвернаго Вѣстника* продолжаютъ сверкать *Зарницы* г. Микуличъ. Разсказъ, попрежнему, ведется задушевно, свѣжо, красиво, но... читателя-прозаика немного утомляетъ это непрерывное описаніе танцевъ, ѣды, пѣнія, пикниковъ. На этотъ разъ дѣло идетъ о томъ, какъ въ душѣ героини зарождается и ростетъ чистое и нѣжное чувство къ нѣкоему прекрасному вдовцу, и умному, и грустному. Николай Ѳедоровичъ красивъ, очаровательно поетъ. Время дѣйствія—весна, мѣсто дѣйствія—роскошный садъ, дубовый лѣсъ, мельница на скалѣ,—и все это въ Малороссіи. Николай Ѳедоровичъ поетъ:

„Только узналъ я тебя“...

Милая дѣвушка говоритъ, что это пѣніе все спутываетъ у нея въ головѣ, ей кажется, что *онъ* поетъ только для нея одной.

Николай Ѳедоровичъ запѣлъ, наконецъ:

„То было раннею весной“...

„Смутныя мечты,—пишетъ Наташа,—слезы, радость, волненіе, сомнѣнія и страхъ тѣснятся въ моемъ сердцѣ; и, въ то же время, звуки этой легкой, граціозной пѣсенки убаюкиваютъ тревогу моей смущенной души. И хочется не то заплакать, не то улыбнуться при словахъ:

„О, жизнь! О, лѣсъ! О, солнца свѣтъ!
О, юность!... О, надежды!...“

Онъ черезъ нѣсколько дней уѣхалъ и осенью не вернулся. Черезъ два года *она* за границей, ѣдетъ къ его дочкѣ, Марьянѣ. Что будетъ дальше, узнаемъ въ слѣдующей книжкѣ.

Порой и въ этой части *Зарницъ* звучатъ серьезныя ноты. Чувствуется искреннее предпочтеніе здоровой, дѣятельной жизни, чуждой свѣтскаго пустословія и условностей; естественно и тонко отмѣчается, какъ поднимаются въ молодой душѣ недоразумѣнія и тревоги, которыя вызываются разладомъ между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что должно быть... Приведемъ одно мѣсто, характеризующее смѣну настроеній, происходившую у Наташи. „Хлѣбъ созрѣлъ. Въ полѣ кипѣла работа. Крестьяне трудились, молились, болѣли, голодали, умирали, играли свадьбы и пьянствовали. Въ саду журчали фонтаны и пышные цвѣты разрослись еще пышнѣе и роскошнѣе. Мы ходили отъ времени до времени на деревню подлечивать больныхъ, подкармливать голодныхъ и попечалиться объ ихъ нуждѣ. Ребятишки дѣлали успѣхи, одолѣли склады и читали теперь разсказы и стихотворенія. У моего любимаго ученика Алешки провалился носъ, и бѣдный мальчикъ пересталъ ходить въ школу; а я плакала горькими слезами, узнавъ отъ Кати о существованіи ужасной болѣзни, которая это вызвала".

Крестьянская нужда, умственная и нравственная темнота давали себя знать. „Идиллія превращалась въ драму. И намъ съ Лизой было чѣмъ волноваться, чему подивиться и надъ чѣмъ поразмыслить. Соловьи давно смолкли, и теперь, гуляя вечеромъ по дорожкамъ, мы уже не мечтали, а разбирались въ томъ, что видѣли. Мы стали чуть-чуть серьезнѣе и участливѣе къ чужому горю. Многое, прежде ускользавшее отъ нашего вниманія, становилось намъ яснѣе и понятнѣе. И въ книгахъ открывались все новые и новые горизонты".

Вотъ и хорошо, что Николай Ѳедоровичъ второй разъ не пріѣхалъ. Хорошо также, что Наташѣ въ это время не попался въ руки *Дневникъ* Аміеля, переводъ котораго продолжаетъ печататься въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ*. Размышленія и афоризмы этого добраго, мечтательнаго, но мало даровитаго и очень занятаго собой писателя внесли бы лишь путаницу въ эту головку, которая начинаетъ искать и свѣта, и правды. „Самая мудрая часть нашего существа,—пишетъ Аміель,—не есть ли та, которая не знаетъ самоё себя?" Очень глубокомысленный вопросъ; но какъ Аміель можетъ говорить о томъ, чего онъ вовсе не знаетъ?

„Если національность—соглашеніе,—говоритъ Аміель,—то государственность, это—насиліе". Можно понять и слѣдуетъ желать, чтобы государственность непремѣнно была соглашеніемъ, но какъ *соглашеніемъ* является національность, т.-е. неизбѣжная принадлежность къ племени, къ языку,—это непонятно. Аміель, быть можетъ, имѣетъ въ виду Швейцарію съ ея тремя соединенными по договорамъ народностями; но, въ такомъ случаѣ, онъ упускаетъ изъ вида, что этими договорами первоначально создалась именно государственность, изъ которой естественно вытекла и швейцарская національность.

Недуренъ и этотъ афоризмъ: „Природа только трудомъ совершаетъ мысль планеты, но высшій разумъ совершаетъ ее въ одной точкѣ". Въ *Дневникѣ*, разумѣется, нельзя ждать послѣдовательности, но у мы лителя можно было бы ожидать отсутствія противорѣчій. У Аміеля на дутся и противорѣчія. Такъ, свобода для него 29 января 1866 го является *прелестью существованія*, а 4 декабря 1863 года онъ нахо дилъ, что свобода — *нехорошій принципъ*. Впрочемъ, нѣтъ основан останавливаться дальше на *Дневникѣ* Аміеля. Это, повторяемъ, замѣ ки добраго, сантиментальнаго, матеріально обезпеченнаго человѣк который все думаетъ и боится смерти, который толкуетъ о божеств номъ идеалѣ и не двигается съ мѣста, не проявляя дѣятельной лю

къ ближнему. „Разумъ и мысль,—говоритъ Аміель,—устаютъ такъ же, какъ мускулы и нервы. Имъ нуженъ сонъ. И этотъ сонъ есть возвращеніе къ дѣтскимъ преданіямъ, къ обычной надеждѣ". Не будемъ тревожить сна Аміеля.

Дѣтскій Отдыхъ, *январь*. Журналъ этотъ имѣетъ обыкновеніе давать въ каждомъ году одну или двѣ большихъ повѣсти, которыя и представляютъ собою главный крупный вкладъ въ его беллетристическій отдѣлъ. Въ нынѣшнемъ году роль этого вклада будетъ играть, очевидно, историческая повѣсть *За моремъ*, принадлежащая перу г-жи Островской, уже давно дѣйствующей въ литературѣ для дѣтей. Если можно судить по первымъ двумъ главамъ, помѣщеннымъ въ январьскомъ выпускѣ, повѣсть эта не лишена интереса. Какъ и всегда, авторъ даетъ тутъ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія; во второй главѣ, наприм., разсказывается о знаменитой осадѣ Троице-Сергіевой лавры. Довольно живо и интересно написана *Поѣздка въ Южную Россію* С. П. Меча. Симпатичное впечатлѣніе производитъ задушевность и сердечность тона, который такъ присущъ автору и который привлекаетъ юныя души къ географіи, какъ къ одной изъ самыхъ интересныхъ наукъ. Авторъ пробуждаетъ въ читателяхъ благородныя, гуманныя чувства: съ болью въ душѣ разсказываетъ онъ о бѣдности крестьянъ въ Курской губерніи; съ неподдѣльнымъ восторгомъ и любовью къ родинѣ описываетъ наши степи; съ истинно-христіанскою любовью къ ближнему вызываетъ въ дѣтяхъ состраданіе къ одному образованному еврею. У этого еврея случилось горе: относительно дѣтей этой націи существуетъ особый законъ, по которому къ нимъ предъявляются гораздо болѣе строгія правила при пріемѣ въ учебныя заведенія, чѣмъ къ русскимъ,—и вотъ сынъ этого господина, вслѣдствіе такого закона, никакъ не можетъ добиться поступленія въ реальное училище, что и повергаетъ всю его семью въ глубокую печаль. Пробуждать въ дѣтяхъ чувство любви къ человѣку, чуждое стремленій къ національной розни,—это для нашего времени заслуга, и заслуга не только педагогическая, но и общественная, за которую и слѣдуетъ поблагодарить г. Меча. Разсказъ г. Котлова *Щеголиха* имѣетъ цѣлью внушить ту мысль, что не хорошо заботиться о щегольствѣ, а лучше подумать о душѣ. Жила-была нехорошая, надменная, тщеславная дѣвочка-франтиха, которая какъ-то такъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, какъ выражаются дѣти, „взяла, да и исправилась". Переворотъ совершился такъ внезапно и немотивированно, какъ никогда не бываетъ въ жизни: изъ злой и эгоистичной дѣвочка сразу становится доброй и любящей. Очень хорошо написанъ очеркъ г-жи Сизовой — *Механикъ-самоучка Кулибинъ*. Біографическій и естественно-историческій отдѣлъ—лучшая сторона этого журнала, которая постоянно совершенствовалась въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ.

ПОПРАВКИ. Въ *Библіографическомъ отдѣлѣ* февральской книги *Русской Мысли*, въ отзывѣ о книгѣ *Крестьянское землепользованіе и хозяйство въ Тобольской и Томской губ.*, вкрались слѣдующія опечатки:

Стр.	*Строка.*	*Напечат.*	*Слѣдуетъ.*	*Стр.*	*Строка.*	*Напечат.*	*Слѣдуетъ.*
73	15 сн.	отчетѣ	смыслѣ	76	3 св.	тогда	иногда
74	7 св.	далѣе	даже	76	4 „	правомѣрность	неравномѣрность
74	16 „	случайности	стройности				
74	8 сн.	безразличнымъ	безграничнымъ	76	22 сн.	опредѣляемыхъ	передѣляемыхъ
75	26 „	артелью	ступенью			стадій	угодій
75	8 „	вліяніемъ	подъ вліяніемъ	76	15 „	сложной	сводной

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 февраля по 1 марта 1894 г.

Анненковъ, К. Система русскаго гражданскаго права. Т. I. Введеніе и общая часть. Спб., 1894 г. Ц. 4 руб. 591 in 8.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій технической словарь. Вып. XVIII. Изд. К. К. Банза. Москва, 1894 г. 1087—1150 in 8.

Настюковъ, А. М. Цвѣтовой способъ быстраго распознаванія фосфоритовъ среди другихъ породъ и приблизительнаго опредѣленія въ нихъ содержанія фосфорной кислоты. Съ приложеніемъ цвѣтовой таблицы. Спб., 1894 г. 4 in 8.

Лапинъ, В. Около постройки Сибирской желѣзной дороги. Хабаровскъ, 1894 г. 28 in 16.

Гродненскій православно-церковный календарь. Гродно, 1893 г. Ц. 1 р. 25 к. 326 in 8.

Мокржецкій, С. А. Хлѣбная черепашка въ Крыму. Симферополь, 1894 г. 68 in 8.

Протоколы засѣданій съѣзда земскихъ врачей Елисаветградскаго уѣзда (25—28 ноября 1893 г.). Херсонъ, 1894 г. 52 in 8.

Щегловъ, Иванъ. Убыль души. Около истины. Изд. книжнаго магазина журнала „Артистъ“. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 307 in 16.

Шершеневичъ, Г. Ф. Учебникъ русскаго гражданскаго права. Казань, 1894 г. Ц. 5 р. 608 in 8.

Анго, А. Физика въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Переводъ со 2 французскаго изданія Н. И. Мамонтова. Москва, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к. 532 in 8.

Андерсенъ. Собраніе сочиненій въ 4 томахъ. Переводъ съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Выпускъ III. Спб., 1894 г. 257—376 in 8.

Шербюлье, Викторъ. Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Пер. съ французскаго М. Калмыкова. Изд. Г. А. Куковѣрова. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. 214 in 8.

Добронравовъ, В. А., д-ръ. Курсъ лекцій по діагностикѣ въ поликлиникѣ женскихъ болѣзней. Изд. книжнаго магазина И. А. Розова. Кіевъ, 1894 г. Ц. 2 р. 403 in 8.

Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи 1893 г. Выпускъ III. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. 27 in 4.

Статистическій сборникъ свѣдѣній по земельному кредиту въ Россіи. Т. III. Вып. I. Спб., 1893 г. 81 in 4.

Уставъ прусскаго акціонернаго ипотечнаго банка, въ послѣдней редакціи. Спб., 1894 г. 48 in 8.

Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. Изд. четвертое, неоффиціальное. Спб., 1894 г. Ц. 2 р. 196 in 8.

Russica. Portraits. Estampes historiques. Medailles et monnaies. Uniformes. Moeurs et costumes. Cartes anciennes, plans et vues. Livres. Amsterdam, 1894 г. 132 in 8.

Rozhledy. Sociální, politické a literarni Rocnik. III. Cislo 4. Ghrudimi, 1894. 248 in 8.

Дело. Іануар. Биоградъ, 1894 г. 25 in 8.

Мартыновъ, генеральнаго штаба капитанъ. Стратегія въ эпоху Наполеона I и въ наше время. Издано при пособіи военно-ученаго комитета главнаго штаба. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. VIII+303 in 8.

Яцевичъ, Ю. В. Начальное народное образованіе въ Полтавской губерніи. Изд. полтавской губернской земской управы. Полтава, 1894 г. 123 in 8.

Отчетъ о народныхъ чтеніяхъ въ Харьковѣ за 1892—1893 учебный годъ. Харьковъ, 1894 г. 16 in 8.

Попруженко, М. Начала космографіи. Учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. книжнаго магазина В. В. Думнова. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 148 in 8.

Бѣлинскій, В. А. Провинціальный публицистъ-мечтатель. Сборникъ газетныхъ и журнальныхъ статей (1876—1892). Съ приложеніемъ двухъ писемъ къ нему: И. С. Тургенева и И. С. Аксакова. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 272 in 16.

Отчетъ общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ за 1892 г. Томскъ, 1893 г. 86+90+32+30+16 in 16.

Елисѣевъ, А. В., д-ръ. По бѣлу свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ Стараго Свѣта. Изд. редакціи журнала „Природа и Люди". Спб., 1894 г. Ц. 3 р., въ переплетѣ 4 р. 373 in 8.

Врачебное искусство и медицинская наука. Пер. съ нѣмецкаго. Изд. Н. Лейненберга. Одесса, 1894 г. Ц. 25 к. 24 in 8.

Борисовъ, Н. А. Отовсюду. Пересказы и переводы. Изд. М. М. Ледерле и К°. Спб., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р. 132 in 8.

Борисовъ, Н. А. Гибель военнаго корабля „Ингерманландъ". Съ 2 рисунками профессора Л. Ф. Лагоріо. Изд. М. М. Ледерле и К°. Спб., 1894 г. Ц. 30 к. 26 in 8.

Протоколы омскаго медицинскаго общества. Омскъ, 1893 г. 84 in 8.

Березинъ, Н. И. Географическія имена. Объясненія ихъ въ связи съ исторіей открытій. Пособіе для учителей географіи. Выпускъ I. Австралія, Африка, Америка, Азія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 146+IX in 8.

Гильти, К. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи. Пер. Александра Острогорскаго. Изд. редакціи журнала „Образованіе". Спб., 1894 г. Ц. 50 к. V+94 in 8.

Альбовъ, М. Н. День да ночь. Эпизоды изъ жизни одной человѣческой группы. Изд. редакціи журнала „Сѣверный Вѣстникъ". Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. 318 in 8.

Герингъ, Сигизмундъ. Рубль. Исторія, причины колебанія и средство упроченія бумажнаго рубля. Экономическій этюдъ. Пер. І. Кучинскаго. Спб., 1893 г. VII+113 in 8.

Борисовъ, Н. А. П. К. Пахтусовъ. Жизнь и двукратное его путешествіе на Новую Землю. Біографическій очеркъ. Изд. М. М. Ледерле и К°. Спб., 1894 г. Ц. 30 к. 82 in 16.

Лессингъ, Г. Эмилія Галотти. Пер. В. Владимірова. Изд. М. М. Ледерле и К°. Спб., 1894 г. Ц. 20 к. 94 in 8.

Краткій очеркъ экономическихъ мѣропріятій земствъ 23 губерній Россіи (1865—1892 гг.). Изд. полтавской губернской земской управы. Полтава, 1894 г. 76 in 8.

Коппе, Франсуа. Разсказы. Пер. З. Н. Журавской. Изд. М. М. Ледерле и К°. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. 172 in 16.

Летопис матице српске. Књига 176. У Новоме Саду, 1893 г. 164 in 8.

Боголѣповъ, И. П. Грамотность среди дѣтей школьнаго возраста въ Московскомъ и Можайскомъ уѣздахъ Московской губерніи. Москва, 1894 г. Ц. 75 к. 174 in 8.

Мартинсонъ, Т. Уксусъ. Скорая и медленная его фабрикація. Съ прибавленіемъ извлеченій изъ химіи Муспрата. Изд. Ф. В. Щепанскаго. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 80 in 8.

Плискій, Н. Реклама. Ея значеніе, происхожденіе и исторія. Примѣры рекламированія. Изд. Ф. В. Щепанскаго. Спб., 1894 г. 175 in 8.

Каминскій, Н. Р. Свѣтокопированіе. Практическое руководство для размноженія чертежей, плановъ и т. д. посредствомъ свѣта. Изд. Ф. В. Щепанскаго. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 39 in 8.

Руководство къ ферротипіи для фотографовъ и любителей. Съ 4 рисунками въ текстѣ. Изд. Ф. В. Щепанскаго. Спб., 1893 г. Ц. 40 к. 24 in 16.

Этнографическое обозрѣніе. Кн. XIX. Изд. этнографическаго отдѣла подъ редакціей секретаря отдѣла Н. А. Янчука. Москва, 1894 г. 249 in 8.

Кальнингъ, И. Комментарій къ четвертому изданію россійской фармакопеи. Съ предисловіемъ профессора В. А. Тихомирова. Т. 2-й (выпускъ I). Москва, 1893 г. 112 in 8.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1892—93 г.

Яковенко, В. И. Т. Г. Шевченко, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Ц. 25 к. 95 in 16.

Яковенко, В. И. Богданъ Хмельницкій, его жизнь и общественная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Ц. 25 коп. 96 in 16.

Куплеваскій, Н. О. Русское государственное право. Т. I. Изд. книжнаго магазина А. Дредера. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к. 357 in 8.

Смирновъ, А. И. Эстетика, какъ наука о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ. Университетскія чтенія. Изд. книжнаго магазина бр. Башмаковыхъ. Казань, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к. 160 in 8.

Гогель, Сергѣй. Судъ присяжныхъ и экспертиза въ Россіи. Ковно, 1894 г. 119 in 8.

Подвысоцкій, В. В. О запасныхъ силахъ организма и о значеніи ихъ въ борьбѣ съ болѣзнью. Изд. К. Л. Рикера. Спб., 1894 г. Ц. 40 к. 24 in 8.

Кожевникова, В. А. Безцѣльный трудъ,—„недѣланіе" или дѣло? Разборъ взглядовъ Эмиля Золя, Александра Дюма и графа Л. Н. Толстого на трудъ. Второе исправленное изданіе М. В. Клюкина. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп. 56 in 8.

Зелинскій, В. Критическіе разборы романа Ѳ. М. Достоевскаго „Братья Карамазовы". Дополненіе ко второму изданію „Критическаго комментарія къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго". Москва, 1894 г. Ц. 50 к. 122 in 8.

Зелинскій, В. Критическіе разборы романа „Отцы и дѣти" И. С. Тургенева. Москва, 1894 г. Ц. 35 к. 77 in 8.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Тверской губерніи. Т. VIII. Тверской уѣздъ. Выпускъ I. Изданіе тверского губернскаго земства. Тверь, 1893 г. 254+VIII in 4.

Библіотека сказокъ, собранныхъ братьями Гриммъ. Пер. подъ редакціей А. А. Терешкевича. Книжки III и IV. Изд. книжнаго магазина А. Г. Кольчугина. Москва, 1894 г. Ц. каждой книжки 20 к. 126+128 in 16.

Обзоръ дѣятельности рязанскаго земства по борьбѣ съ послѣдствіями неурожая 1891 года и отчетъ губернской земской управы по обсѣмененію крестьянскихъ полей и продовольствію населенія по случаю неурожая 1891 года. Москва, 1894 г. 391 in 8.

Очеркъ продовольственнаго обезпеченія населенія Херсонскаго уѣзда въ связи съ продовольственною кампаніей въ 1891 году. Изд. уѣзднаго земства. Херсонъ, 1893 г. 42+78+2 in 8.

Исаевичъ, Петръ. Что нужно для улучшенія экономическаго положенія губерній Царства Польскаго. Варшава, 1893 г. 91 in 8.

Звѣревъ, Ст. Памятная книжка Воронежской губерніи на 1894 годъ. Изд. воронежскаго губернскаго статистическаго комитета. Воронежъ, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. 75+104+200+121 in 8.

Замѣтки о современной литературѣ 1856—1862 гг. („Современникъ" 1856—1862 гг.). Изд. М. Н. Чернышевскаго. Спб., 1894 г. Ц. 2 р. 444 in 8.

Пламеневскій, И. Жизнь и ученые труды Н. И. Лобачевскаго. Рѣчь, читанная на торжественномъ собраніи въ тифлисской 3-й гимназіи. Тифлисъ, 1894 г. 18 in 8.

Гурьевъ, А. Н. О привилегіяхъ на изобрѣтенія. Къ реформѣ законодательства. Спб., 1894 г. Ц. 50 к. 67 in 16.

Гурьевъ, А. Н. Къ реформѣ крестьянскаго банка. Спб., 1894 г. Ц. 50 к. 67 in 16.

Васильевъ, П. А. Первый снопъ. Фразы въ стихахъ и прозѣ. Елизаветградъ, 1894 г. Ц. 25 к. 32 in 16.

Іоэльсонъ, М. Д. Пробковый дубъ, его разведеніе и эксплуатація. Извлечено изъ сочиненія A. Lamey „Le chêne liege". Тифлисъ, 1894 г. 30 in 8.

Настольный энциклопедическій словарь. Выпускъ 79 (Палафосъ-пародія). Съ 44 выпуска издается т-вомъ А. Гранатъ и К°. Москва, 1894 г. Ц. отдѣльнаго выпуска на лучшей бумагѣ 40 к. 3711—3758 in 8.

Ов—нно—въ, Я. Женщина. Изреченія и мысли извѣстныхъ писателей. Москва, 1894 г. 30 in 32.

Житє і слово. Видає Ольга Франко. За январь и февраль. Львив, 1894 г. 160 in 8.

Предтеченскій, Е. Звѣздный міръ. Общедоступное изложеніе главнѣйшихъ свѣдѣній по звѣздной астрономіи. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Ц. 30 к. 104 in 16.

Извѣстія иркутской городской думы. Декабрь 1893 г. Иркутскъ, 1894 г. 246—319 in 8.

Борзенко, А. А. Промышленная собственность. Одесса, 1894 г. 20 in 8.

Грейденбергъ, Б. С. Отчетъ по отдѣленію душевно-больныхъ симферопольскихъ богоугодныхъ заведеній за 1892 г. Спб., 1894 г. 42 in 8.

Сельско-хозяйственный обзоръ Тверской губерніи за 1893 годъ. Изд. тверского губернскаго земства. Тверь, 1893 г. III+140+59 in 8.

Цейнеръ, М. А. Стихотворенія и элегіи въ прозѣ. Томскъ, 1894 г. Ц. 85 к., съ пересылкой 1 р. 120 in 16.

Бураковскій, С. „Тарасъ Бульба" Н. В. Гоголя. Разборъ повѣсти для учащихся съ приложеніемъ статьи „Характеристика и значеніе поэзіи Гоголя". Новгородъ, 1894 г. Ц. 25 к. 31 in 8.

Журналы засѣданій очередного елизаветградскаго уѣзднаго земскаго собранія въ маѣ 1893 г. (Сессія XXIX). Съ приложеніемъ докладовъ земской управы и коммиссій. Елисаветградъ, 1893 г. XXII+115 in 8.

Записки западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества. Книжка XVI, выпускъ 1. Омскъ, 1893 г. 24+20+22+10 in 8.

Храпаль, Ив. Геор. Теорія новой методики для органо-цвѣтового метода мысли. Часть IV. Изданіе первое. Луцкъ, 1891 г. 33 in 8.

Евреинова, П. А. Докторъ Славинъ. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к. безъ пересылки. 75 in 8.

Брэмъ, А. Е. Жизнь животныхъ. Популярное изданіе. Хищники. Полутомъ I, выпускъ 7. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія подъ редакціей д-ра зоологіи С. М. Переяславцевой. Одесса, 1894 г. Ц. 25 к. 193+224 in 8.

Клембовскій, В. Н. Партизанскія дѣйствія. Изд. В. Березовскаго. Спб., 1894 г. Ц. 2 р. VII+282 in 8.

Кранцфельдъ, М. І. Очеркъ санитарно-гигіеническихъ условій 75 учебныхъ заведеній г. Одессы, состоящихъ въ вѣдѣніи дирекціи народныхъ училищъ. Одесса, 1893 г. 51 in 8.

Гогебашвили, Яковъ. Нормальное письмо. Тифлисъ, 1894 г. Ц. 20 к. 32 in 16.

Шахназаровъ, А. Отчетъ пуркарской низшей сельско-хозяйственной школы перваго разряда за 1893 годъ. Кишиневъ, 1894 г. 83 in 8.

Жеденевъ, Н. Общественное призрѣніе дѣтей на началахъ самостоятельнаго ихъ существованія въ связи съ вопросомъ о сельско-хозяйственномъ и кустарномъ образованіи. Саратовъ, 1894 г. Ц. 20 к. 24 in 8.

Астафьевъ, П. Матеріалы для выясненія условій сельскаго хозяйства въ Пермской губерніи. Очеркъ за лѣто 1892 года. Пермь, 1894 г. 95 in 8.

Доклады полтавской губернской земской управы губернскому земскому собранію 1893 года. Полтава, 1893 г. 418 in 8.

Отчетъ полтавской губернской земск. управы: 1) о выполненіи общей смѣты губернскихъ потребностей и 2) о движеніи спеціальныхъ капиталовъ и суммъ губернскаго земства за 1892 г. XXVIII отчетный годъ. Полтава, 1893 г. 83+40+LXXXIX in 8.

Селезневъ, В. И. Производство и украшеніе глиняныхъ издѣлій въ настоящемъ и прошломъ (керамика). Съ 104 рисунками. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 338 in 8.

Третій отчетъ нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи. Нижній-Новгородъ, 1892 г. 8 in 8.

Линдеманъ, Марія. Учебныя рукодѣлія съ 74 политипажами и четырьмя таблицами рисунковъ. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомірова. Москва, 1894 г. Ц. 2 р. 104 in 8.

Святловскій, В. В., д-ръ. Кустари-кожевники Полтавской губерніи. Полтава, 1894 г. 58+XXIX in 8.

Станюковичъ, К. Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Разсказъ. Изд. „Посредника". Москва, 1994 г. Ц. 20 к. 48 in 8.

Сиповскій, В. Д. Сократъ и его время. Историческій очеркъ.—Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). Изд. „Посредника". Москва, 1894 г. Ц. 35 к. 110 in 8.

Вадинъ, В. Стихотворенія. 1891—1893 г. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. 256+VI in 8.

Терновскій, А. А. Матеріалы для библіографіи Сибири. Тобольскъ, 1893 г. 52 in 8.

Халютинъ. С. Л. Іоганнъ Себастьянъ Бахъ и его значеніе въ музыкѣ. Минскъ, 1894 г. Ц. 40 к. 119+II in 16.

Мятлевъ, И. П. Полное собраніе сочиненій. Изд. книгопродавца-издателя Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 руб. 656 in 8.

Мартьяновъ, П. К. Дѣла и люди вѣка. Отрывки изъ старой записной книжки, статьи и замѣтки. 2 тома. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. 304 in 8. Т. II. Ц. 2 р. 375 in 8. Спб., 1893 г.

Полтавскій земскій естественно-историческій музей. Полтава, 1893 г. 37 in 16.

Отчетъ сербскаго благотворительнаго общества въ Одессѣ за 1893 г. Одесса, 1894 г. 23 in 8.

Международная беллетристическая библіотека на русскомъ языкѣ, издаваемая Карломъ Малькомесомъ (Михайловъ, А.: „Изъ трясины на дорогу"). Штутгартъ, 1894 г. 272 in 16.

Судьба одного братства на Волыни. Почаевъ, 1894 г. 20 in 8.

Отчетъ правленія общества взаимнаго вспомоществованія приказчиковъ евреевъ г. Одессы за 1893 г. Годъ тридцать первый. Одесса, 1894 г. 70 in 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Полное собраніе сочиненій". *А. К. Шеллера* (*А. Михайлова*).—„Полное собраніе сочиненій" *А. Н. Майкова.* — „Весеннія сказки". *К. Баранцевича.*—„Мечтатель". *Я. П. Полонскаго.* — „Полное собраніе пѣсенъ" *Беранже* 117

Публицистика: „Въ голодный годъ". *Вл. Короленка.* — „Чотыри кари".— „Moderne Sünden", *von Dr. Georg Zeppler* 122

Педагогика: „Письма объ эстетическомъ воспитаніи". *В. Острогорскаго.*— „Недостатки современнаго метода письма и мѣры къ ихъ устраненію". *Н. В. Зака* 126

Исторія: „Церковная реформа императора Іосифа II". *М. Соколова.*—„Unter Nikolaus I und Friedrich Willhelm IV", *von Bernhardi.*—„Историческія чтенія". *Марьежоля.* 127

Политическая экономія и статистика: „Начала политической экономіи". *А. А. Исаева.*—„Le socialisme allemand", *par J. Bourdeau.*—„Итоги санитарной переписи гор. Варшавы". 131

Юридическія книги: „Наказаніе по литовскому статуту въ его 3-хъ редакціяхъ". *Г. В. Демченко* 137

Естествознаніе: „Жизнь растенія". *Проф. К. Тимирязева.*—„Птицы Россіи". *М. Мензбира.*—„Основанія термохиміи и ея значеніе для теоретической химіи". *Г. Яна* 138

Медицина: „Статическія машины и примѣненіе франклинизаціи въ медицинѣ". *М. Добротворскаго.*—„Новыя изслѣдованія о причинахъ и излечимости чахотки съ генеалогической точки зрѣнія". *А. Шаховскаго.*— „Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными въ больницахъ". *Д-ра Н. П. Иванова.*—„Домашній и госпитальный уходъ за больнымъ". *Th. Billroth'a* 141

Сельское хозяйство: „Воздѣлываніе конскихъ бобовъ". *О. О. Горбатовскаго.*—„Руководство къ устройству русскихъ лѣсовъ". *А. Рудзскаго.*— „Мѣры къ поднятію плодоводства въ Россіи". *Э. Либа.*—„Краткія указанія о посадкѣ и обрѣзкѣ плодовыхъ деревьевъ и о защитѣ ихъ отъ мороза". *А. О. Давыдова.*— „Практическія наставленія къ сушенію плодовъ и устройству сушиленъ". *Н. Е. Цабеля.*—„Типы теплицъ, оранжерей и грунтовыхъ сараевъ для сѣвернаго климата". *А. Е. Регеля.*—„Бесѣды о прудовомъ хозяйствѣ". *Д-ра А. О. Гримма.*— „Практическое плодоводство для начинающищъ". *Москвича.* — „Продукты изъ молока овецъ". *Е. Е. Ростовцевой* 143

Техническія книги: „Уходъ за паровыми котлами и машинами". *С. Войслава.* 145

Учебники: „Виімки з народноі літератури украинсько-руськоі XIX віку". *О. Барвіньского.* — „Теорія новой методики для „органо-цвѣтоваго метода мысли". *И. Г. Храпаля.*—„Histoire de Chales XII", *par Voltaire.*—„Примѣры для диктовки въ младшемъ отдѣленіи начальной школы". *М. И. Михалева* 147

Народныя изданія: Изданія „Посредника" и И. Сытина и К°. 150

Справочныя книги: „Ежегодникъ Императорскихъ театровъ". — „Справочная книга для электротехниковъ". *К. Гравинкеля и К. Штреккера.*—„Торгово-промышленная книга г. Москвы". *П. К. Прянишникова* 154

II. Періодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы", *февраль.*—„Русское Богатство", *январь.*—„Сѣверный Вѣстникъ", *февраль.*—„Дѣтскій Отдыхъ", *январь* 3

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мыс[illegible] съ 1 февраля по 1 марта 1894 г.

**МОСКВА, С.-Петербургъ,
Одесса, Кокандъ, Варшава,
Екатеринбургъ.**

Поступила во всѣ книжные магазины новая книга:

СОЧИНЕНІЯ ГЮИ ДЕ-МОПАССАНА,

избранныя **Л. Н. Толстымъ**,

пер. **М. А. Лазаревой.**

Т. 2-й—379 стр. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Къ этому тому приложенъ фот. портретъ Мопассана, краткая его біографія и билетъ на безплатное полученіе статьи Льва Николаевича Толстого о произведеніяхъ Мопассана.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ въ типографіяхъ т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, въ Москвѣ (Пименовская ул., соб. д.), въ Петербургѣ (Фонтанка, № 117) и въ Кіевѣ (Бибиковскій бул., домъ Гвоздика).

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

сженедѣльный научный журналъ (160 печ. листовъ въ годъ).
52 №№ и 24 приложенія.

Въ вышедшихъ №№ были, между прочимъ, напечатаны статьи: Причины смерти высшихъ организмовъ *проф. В. Шимкевича.*—Экспериментальная наука въ настоящемъ и будущемъ *проф. Н. Любимова.* — Созерцательно-аскетическіе и дѣйственные элементы буддизма *В. В. Лесевича.*—Гальванизмъ и гегелизмъ *М. Филиппова.*—Уродства и аномаліи у человѣка *В. Португалова.* — Біологическія основанія нравственности *Спенсера.*—Новѣйшія ученія о жизни *проф. И. Сѣверцова.* — Общественная логика чувствъ *Тарда.*—Теорія наслѣдственности по Вейсманну *Делажа.*—Лекціи по структурной теоріи *проф. В. Майера.*

ВЪ ПРИЛОЖЕНІЯХЪ: Недостаточность естественнаго подбора *Спенсера.*—Границы познанія въ области точныхъ наукъ *П. Дю-Буа Реймона.* Въ математическомъ отдѣлѣ: О дифф. ур. проф. *Л. Кёнигсбергера.*—Теорія кривыхъ поверхностей *Гаусса* въ пер. М. Филиппова.—Алгебра Эйлера, статья проф. *П. Шиффа.*—Задачи.

Подписка продолжается. Цѣна на годъ СЕМЬ рублей съ перес. и д[оставкой] (за границу ДЕСЯТЬ рублей); на полгода ЧЕТЫРЕ рубля. Разсрочка тол[ько] въ главной конторѣ (С.-Петербургъ, Кирочная, д. 48, кв. 30).

Редакторъ-издатель д-ръ философіи *М. ФИЛИППОВЪ*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЪ
„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ".
ИЗДАНІЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.
(Годъ 5-й, съ 1 января 1894 г.).

ВЪ ЖУРНАЛѢ ЗА ПРЕДЪИДУЩІЕ ГОДЫ ПРИНИМАЛИ УЧАСТІЕ СЛѢДУЮЩІЯ ЛИЦА:

Н. А. Абрикосовъ, Архимандритъ Антоній, П. Е. Астафьевъ, Н. Н. Баженовъ, проф. А. Н. Бекетовъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. Н. В. Бугаевъ, В. А. Вагнеръ, доц. Алексѣй И. Введенскій, проф. Александръ И. Введенскій, проф. П. Г. Виноградовъ, В. А. Гольцевъ, проф. Н. Я. Гротъ, проф. Н. А. Звѣревъ, Н. А. Иванцевъ, П. А. Каленовъ, проф. Н. И. Карѣевъ, А. А. Козловъ, Я. Н. Колубовскій, проф. С. С. Корсаковъ, проф. Н. Н. Ланге, В. В. Лесевичъ, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. М. А. Мензбиръ, П. Н. Милюковъ, Л. С. Миноръ, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, В. П. Преображенскій, Э. Л. Радловъ, В. В. Розановъ, Г. И. Россолимо, В. П. Сербскій, проф. П. П. Соколовъ, Вл. С. Соловьевъ, Всев. С Соловьевъ, Н. Н. Страховъ, А. А. Токарскій, гр. Л. Н. Толстой, кн. Е. Н. Трубецкой, кн. С. Н. Трубецкой, Е. И. Челпановъ, проф. В. Ф. Чижъ, Б. Н. Чичеринъ, Н. И. Шишкинъ и др.

Содержаніе январской (21) книги 1894 г.

Левъ Толстой: „Къ вопросу о свободѣ воли".—*А. А. Козловъ*: „Французскій позитивизмъ. Полупозитивисты: Альфредъ Фуллье".—*Н. Я. Гротъ*: „Къ вопросу о назначеніи идеи параллелизма въ психологіи".—*Александръ И. Введенскій*: „О видахъ вѣры въ ея отношеніяхъ къ знанію" (Окончаніе).—*Вл. С. Соловьевъ*: „Смыслъ любви" (ст. пятая).—*Н. Н. Страховъ*: „О задачахъ исторіи философіи".—*А. А. Корниловъ*: „О человѣческой рѣчи". (Окончаніе).—*Н. Я. Пясковскій*: „Философскіе принципы въ современной физіологіи и отношеніе философіи къ естествознанію и медицинѣ".—*С. С. Корсаковъ*: „Къ психологіи микроцефаловъ" (съ портретомъ).—*Н. И. Шишкинъ*: „Пространство Лобачевскаго".—**Критика и библіографія.** I. Обзоръ книгъ.—II. Обзоръ журналовъ.—**Психологическое Общество.**—*Кн. С. Н. Трубецкой*: „Новая книга Б. Н. Чичерина".

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ конторѣ журнала (Москва, Пречистенка, Левшинскій пер., домъ Авдѣева) и у всѣхъ книгопродавцевъ, а также въ Петербургѣ въ отдѣленіи конторы: Фонтанка, 18, кв. 28.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ (съ 1-го января 1894 г. по 1-е января 1895 г.) безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ 6 р. 50 к. съ пересылкой въ др. гор.—7 р., за границу—8 р. Члены Психологическаго Общества, учащіеся, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 р.; такая льготная подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала (въ Москвѣ).

Редакторы: { проф. Н. Я. Гротъ. проф. Л. М. Лопатинъ.

ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВОЕ ИЗДАНІЕ
МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА:

уно Фишеръ. Артуръ Шопенгауэръ. I выпускъ: Новая біографія Шопенгауэ.—Второй выпускъ (Изложеніе и критика ученія Шопенгауэра) выйдетъ въ свѣтъ непродолжительномъ времени. Цѣна за все сочиненіе (на второй выпускъ выдается билетъ) 2 руб. 50 коп., по выходѣ втораго выпуска—3 руб.

Оканчивается печатаніемъ и въ срединѣ февраля выйдетъ въ свѣтъ изданіе Московскаго Психологическаго Общества: Фр. Паульсенъ: „Введеніе въ философію". Пер. 2-го нѣмец. изд. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. Цѣна при подпискѣ (до выхода книги) 2 руб. 50 коп., по выходѣ книги—3 руб.

Склад изданій въ конторѣ журнала „Вопросы Философіи и Психологіи" (Москва, Пречистенка, Левшинскій пер., домъ Авдѣева).

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ:

ФАЛЬКЕНБЕРГЪ.

ИСТОРІЯ НОВОЙ ФИЛОСОФІИ.

От Николая Кузанскаго (XV в.) до настоящаго времени.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КРАТКАГО ФИЛОСОФСКАГО СЛОВАРЯ.

Переводъ студентовъ С.-Петербургскаго университета, подъ ред. проф. А. И. Введенскаго, со 2-го нѣм. изд., съ подробнымъ перечнемъ русскихъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій по исторіи новой философіи. 588 стр. Цѣна 3 рубля.

Вся прибыль съ этого изданія назначается въ пользу Общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ С.-Петербургскаго университета.

ВИНДЕЛЬБАНДЪ.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЕЙ ФИЛОСОФІИ.

Съ приложеніемъ **Виндельбанда**—Августинъ и средніе вѣка, **Фуллье**—Исторія схоластики.

Переводъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ, подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. 380 стр. Цѣна 2 рубля.

Обѣ книги вмѣстѣ составляютъ послѣдовательный подробный курсъ исторіи европейской философіи отъ ея возникновенія до настоящаго времени.

Выписывающіе обѣ книги непосредственно изъ типографіи И. Н. Скороходова (Спб., Надеждинская, 43) за пересылку не платятъ.

Поступило въ продажу

вновь пересмотрѣнное и дополненное 6-е изданіе

ЗАКОНОВЪ О ПЕЧАТИ,

настольной справочной книги

для авторовъ, переводчиковъ, издателей и содержателей типографій, литографій, металлографій, заведеній, производящихъ и продающихъ принадлежности тисненія, книжныхъ магазиновъ, лавокъ, кіосковъ, библіот и кабинетовъ для чтенія, а также для торгующихъ произведеніями печ въ разносъ, фотографщиковъ, содержателей театровъ, драматическихъ сателей и лицъ судебна[го] вѣдомства, составленной старшимъ инспе[ромъ] типографій и книжн[ой] торговли въ Москвѣ З. Мсеріанц

[Мо]сква, 1893 года.

Цѣна 2 рубля.

3 МАРТА ВЫШЛА И РАЗДАЕТСЯ III-я КНИЖКА ЖУРНАЛА

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ".

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. I. „На разныхъ дорогахъ". Ром. въ 3-хъ ч. *Вас. Немировича-Данченко.* — III. Двѣ славянскія повѣсти: „Панъ Тадеушъ" и „Евгеній Онѣгинъ". *П. Боборыкина.* — IV. „Лушка". Разсказъ. *Ек. Лѣтковой.* — V. Стихотвореніе. *Н. Минскаго.* — VI. „Желѣзнодорожный сторожъ Тиль". Разсказъ. *Г. Гауптмана.* (Перев. съ нѣм.).— VII. „Сонетъ Петрарки". Стих. *К. Льдова.*— VIII. „Записки А. О. Смирновой". Пушкинъ о происхожденіи его стихотворенія „Пророкъ".—Пушкинъ о Евангеліи.— Разговоры о современной музыкѣ.— Улыбышевъ о Моцартѣ.— Пушкинъ о Мицкевичѣ. — IX. „Первый публицистъ въ Европѣ". Проф. *Л. Шепелевича.* — X. „Семейство Поланецкихъ". Ром. *Генрика Сенкевича.* — XII. „Зарницы". Разск. *В. Микулича.* — XIII. „Изъ дневника Аміеля". Переводъ съ франц. гр. *М. Толстой*, подъ редакціей *гр. Льва Толстого.* — XIV. „Встрѣчи". *Николая Ге.* ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. I. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ: 1) „Земское страхованіе сельскихъ построекъ". *Инн. Веркера.* — 2) „Введеніе судебной реформы въ Астраханской губерніи". — II. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ. Вопросы модные и немодные.—Бомбы и фабрики динамита.—Убійства и истязанія.— Малолѣтніе въ ремесленныхъ заведеніяхъ.—Литературныя дрязги.—„Гражданинъ" о томъ, кто умнѣе.—„Московскія Вѣдомости" о дисциплинованномъ трудѣ. *Л. Прозорова.* — III. ПИСЬМО ИЗЪ ШВЕЙЦАРІИ. *В. Дительштедта.* — IV. ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ. Гансъ фонъ-Бюловъ.— О преподаваніи философіи въ лицеяхъ.— Пріемъ Брюнетьера въ академію.— Письма Тургенева.— Юбилей „Дѣтскаго Чтенія". — V. ТЕАТРЪ. „Муха укусила" г. Крылова. — „Жизнь" г. Потапенка. — Бенефисъ М. Г. Савиной. — „Дворянское гнѣздо". *Д. Д. К.*— VI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. 75-ти-лѣтіе Петербургскаго университета.— Вопросъ о присту̀пленіи Россіи къ бернской литературной конвенціи.—19 февраля.— Обнародованіе закона о неотчуждаемости надѣльныхъ земель.— Циркуляръ о взысканіи оборовъ и комиссія по этому предмету.— Проектъ объ общественномъ призрѣніи. — Проектъ завѣдыванія дѣломъ народнаго продовольствія. — Пермскій кустарно-промышленный банкъ. — VII. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ. — VIII. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. *Н. А. Добролюбовъ.* Философскіе взгляды Добролюбова.— Ученіе о гармоническомъ развитіи человѣка.— Роль личности въ исторіи.— Внутреннія противорѣчія.— Статьи о Гончаровѣ, Островскомъ, Тургеневѣ и Достоевскомъ.— Характеристика „Свистка".— Протестъ литераторовъ противъ „Иллюстраціи".— Диспутъ Погодина и Костомарова.— Эпизодъ съ Якушкинымъ.— Общіе выводы. *А. Волынскаго.*— IX. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. Проф. *А. Трачевскаго.*

Условія подписки на 1894 г.:

	По полугодіямъ.		По четвертямъ года.			
	На годъ.	Январь. Іюль.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
перес. въ Имп.	13 р. 50 к.	7 р. — к.	6 р. 50 к.	3 р. 50 к.	3 р. 50 к.	3 р. — к.
границей . . .	15 „ — „	8 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	3 „ — „

Подписка на всѣ означенные сроки. Разсрочка платежей.

Подписка принимается въ Главной конторѣ—Спб., Троицкая, 9, и въ московск. кн.—Тверская, д. Сазикова, въ Спб.—въ кн. маг. Фену, въ Москвѣ—въ конт. Печковской, во всѣхъ кн. маг. Карбасникова, „Нов. Времени" и др.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Н. ФЕНУ и К°

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

поступили въ продажу, между прочимъ, слѣдующія изданія:

Альбовъ, **М. Н.** День да ночь. Эпизоды изъ жизни одной человѣческой группы. Спб., 1894 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Анненковъ, **К.** Система русскаго гражданскаго права, т. I. Введеніе и общая часть. Спб., 1894 г. Цѣна 4 р.

Борисовъ, **Н. А.** Отовсюду. Пересказы и переводы. Для юношества. Рисунки барона М. П. Клодта и В. М. Максимова. Спб., 1894 г. Цѣна 1 р.

Брюкке, Э., д-ръ. Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Съ 29 рисунками. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.

Гильти, К. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія и предисловіе Александра Острогорскаго. Спб., 1894 г. Цѣна 50 к.

Дарестъ, Р. Изслѣдованія по исторіи права. Переводъ Н. Н. Чеботаревскаго. Спб., 1894 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Дневникъ **Маріи Башкирцевой**. Переводъ съ французскаго. Съ приложеніемъ статей Гладстона и Франсуа Коппе и двухъ портретовъ автора. Изд. 2-е дополненное. Спб., 1894 г. Цѣна 2 р.

Золя, Эмиль. Завѣтъ матери. Романъ. Спб., 1893 г. Цѣна 40 к.

Кондратьевъ, **А. И.**, д-ръ. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Спб., 1894 г. Цѣна 60 к.

Короленко, **В.** Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Цѣна 35 к.

Лебедевъ, **К. А.** Разсказы изъ военнаго быта. Спб., 1893 г. Цѣна 30 к.

Лейкинъ, **Н. А.** Тамъ и сямъ. Разсказы. Спб., 1894 г. Цѣна 1 р.

Лидовъ, **К. Н.** Саранча. Романъ. Спб., 1894 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Медемъ, **В. Г.** Гигіена глазъ въ школахъ. Съ 55 рисун. Полтава, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Мижуевой, **О. М.** Маленькимъ дѣтямъ. Пять разсказовъ. Рисунки барона М. П. Клодта. Спб., 1894 г. Цѣна 50 к.

Никитинъ, **В. Н.** Еврейскія поселенія сѣверо и юго-западныхъ губерній (1835—1890 г.). Спб., 1894 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Пыленко, **Ал.** Международныя литературныя конвенціи. Спб., 1894 г. Цѣна 3 р.

Позниковъ, **Н. И.** На память дѣткамъ. Разсказы и стихотворенія. Съ 80-ю рисунками Т. Никитина, М. Михайлова и др. Спб., 1894 г. Цѣна 2 р.

Салтыковъ, **М. Е.** (Н. Щедринъ). Смерть Пазухина. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб., 1894 г. Цѣна 1 р.

Сиповскій, **В. Д.** Сократъ и его время. Историческій очеркъ. Тѣни. (Фантазія). В. Г. Короленка. Москва, 1894 г. Ц. 35 коп.

Суворова, **А. А.** Вегетаріанская поваренная книга. Руководство къ приготовленію блюдъ изъ растительной пищи, съ выясненіемъ общихъ основаній вегетаріанства. Спб., 1894 г. Цѣна 75 к.

Торгово-промышленная адресная книга города Москвы. Первый годъ изданія. Москва, 1894 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Фировъ, **В.** Фокусница. Романъ. Спб., 1894 г. Цѣна 2 р.

Цирулъ, **К. Ю.** Ручной трудъ въ общеобразовательной школѣ. Педагогическое значеніе и польза ручного труда, его исторія, современное развитіе и состояніе, практическая постановка и литература. Спб., 1894 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Цѣхановичъ, **А.** Петербургская Нана. Романъ. Спб., 1894 г. Цѣна 1 руб. 50 к.

Щегловъ, **В. Н.** Женщина-телеграфъ въ Россіи и за границею. Спб., 18[illegible] г. Цѣна 60 к.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ наложеннымъ платежомъ.

Поступили въ продажу новые выпуски серій изданій „ПОСРЕДНИКА“

ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ.

XXI. Безшабашный. Разсказъ К. Станюковича. Ц. 20 к.

XXII. Дѣтство Темы. Н. Гарина. Цѣна 60 коп.

XXIII. Въ дурномъ обществѣ. Разсказъ В. Короленка. Ц. 35 к.

XXVIII. Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и разсказовъ К. Баранцевича, А. Барыковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка, Н. Минскаго, И. Н. Потапенко, Н. А. Рубакина, А. Стернъ и С. Филиппова. Ц. 90 к.

XXIX. Тайный порокъ. Трезвыя мысли о половыхъ отношеніяхъ. Ц. 15 к.

XXX. 1) **Сократъ и его время.** Историческій очеркъ В. Д. Спиовскаго. 2) Тѣни (фантазія) В. Короленка. Ц. 35 к.

Книги эти можно получать въ Москвѣ: 1) въ книжномъ магазинѣ т-ства И. Д. Сытина и К°, у Ильинскихъ воротъ, д. Титова, 2) въ книжномъ магазинѣ М. Е. Конусова, у Страстного монастыря, д. Чижовыхъ; въ С.-Петербургѣ: 1) въ книжномъ магазинѣ И. Д. Сытина, Садовая, № 25; 2) въ книжномъ магазинѣ А. М. Калмыковой, Литейный просп. № 60, и 3) въ редакціи *Сѣвернаго Вѣстника*. Троицкая ул., № 9.

Вышла февральская (№ 34) книжка журнала

„АРТИСТЪ“.

Содержаніе: *Одинъ*, романъ **И. Н. Потапенка**. *Литературный театръ*, ст. **П. Д. Боборыкина**. *Листки изъ автобіографіи* **Сальвини**. *Тронулось ли впередъ темное царство?* ст. **Ц. П. Балталона**. *Рѣшеніе*, повѣсть **Л. Ф. Нелидовой**. *Русскій пейзажъ въ галлереѣ Третьяковыхъ*, ст. **В. М. Михеева** (со снимками съ картинъ). *Чайная роза*, этюдъ **Т. Л. Щепкиной-Куперникъ**. *Кинжалъ*, романсъ **Ц. А. Кюи**. *Колыбельная*, для скрипки и ф. п. **Маскарди**. *Натурщица*, стих. **Я. П. Полонскаго**. *Замѣтки читателя*, **И. И. Иванова**. *А. С. Даргомыжскій*, ст. **И. Корзухина**. *Ц. А. Кюи*, біограф. оч. **В. В. Стасова**. *Вильямъ Ратклифъ*, опера Ц. А. Кюи, ст. **С. Н. Кругликова**. *Послѣдній этюдъ*, разск. **В. М. Михеева**. *Сатирич. комедія во Франціи*, ст. **И. И. Иванова**. Соврем. обозр. *Метель*, ком. въ 3 д. **Е. П. Гославскаго**, и 4 фототипіи: *Ц. А. Кюи*, портретъ **И. Е. Рѣпина**, *М. Г. Савина*, сепія **И. Е. Рѣпина**, *У большой рѣки*, карт. **А. А. Киселева**, *портретъ Н. Ѳ. Сазонова*. Вышелъ № 34 (февраль) журн. „**ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА**“. Содержаніе: *Міръ семейнаго очага*, ком. въ 2 д. **Гюи де-Мопассана**. *Княжна Маня*, ком. въ 3 д. **К. А. Тарновскаго**. *Въ царствѣ смѣха*, ком. въ 2 д. **Пальерона**, и три одноактныхъ пьесы: *Блуждающая почка*, *У страха глаза велики* и *На перепутьи*.

	На годъ. Безъ дост.	На годъ. Съ перес.	На полгода. Безъ дост.	На полгода. Съ перес.
На журн. „Артистъ“.	10 р.	12 р.	6 р.	7 р.
На журн. „Театр. Библіотека“ . .	7 р.	8 р.	4 р.	5 р.
На оба журнала вмѣстѣ.	13 р.	16 р.	8 р.	10 р.

☞ **ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:** при подпискѣ на одинъ журналъ — 2 руб. и затѣмъ **ЕЖЕМѢСЯЧНО по 1 руб.** до полной уплаты всей подписной суммы, а при подпискѣ на оба журнала вмѣстѣ 3 руб. и затѣмъ ежемѣсячно по 2 р. до полной уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные №№ „Артиста“ по 2 р., „Театр. Библіотеки“ по 1 р. съ перес.

Контора редакціи—въ Москвѣ, Страстной бульв., д. Адельгеймъ.

Находятся въ продажѣ новыя книги:

Повѣсти и разсказы. Генрика Сенкевича. Перев. **В. М. Лаврова**, съ предисловіемъ **В. А. Гольцева**. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.

Безъ догмата. Романъ Генрика Сенкевича. Перев. **В. М. Лаврова**. (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Космополисъ. Романъ **Поля Бурже**. Перев. **М. Н. Ремезова**. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). **Альфонса Додэ**. Перев. **М. Н. Ремезова**. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Сизифъ. Картинки деревенской жизни Клеменса Юноши. Перев. съ польскаго. **В. М. Лаврова**. Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.

Наше сердце. Романъ Гюи де-Мопассана. Перев. **М. Н. Ремезова**. Цѣна 1 руб.

Объ искусствѣ. Критическія замѣтки **В. А. Гольцева**. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ **А. И. Эртеля**. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала «Русская Мысль». Цѣна 2 руб., съ пересыл. 2 р. 50 к. Подписчики на журналъ «Русская Мысль» за пересылку не платятъ.

Щедринъ. (Критическій опытъ). **Н. К. Михайловскаго**. Цѣна 1 руб.

Очерки и разсказы. Владиміра Короленко. (Шестое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Очерки и разсказы. Владиміра Короленко. Книга вторая. Цѣна 1 р. 50 коп. съ пересылкою.

Слѣпой музыкантъ. (Этюдъ). **Владиміра Короленко**. (Третье изданіе). Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

О пьянствѣ. Д-ра **П. С. Алексѣева**. Съ предисловіемъ графа **Л. Н. Толстого: Для чего люди одурманиваются?** Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Нашихъ полей ягоды. Романъ. **М. Анютина** (М. Н. Ремезова). Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платятъ.

Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Составилъ докторъ медицины **В. С. Богословскій**, профессоръ Московскаго университета. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к. Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платятъ.

Вопросы дня и жизни. В. А. Гольцева. Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 руб. 20 коп.

Складъ изданій въ конторѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» (Москва, Леонтьевскій пер., 21).

Стр.

XIV. ПОСМЕРТНЫЙ ТРУДЪ ТЭНА. (Les Origines de la France contemporaine. Le Régime moderne. Tome II. Paris, 1894). *Окончаніе.*—**И. Н. К—ной** 105

XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Торговый договоръ Россіи съ Германіей. — О выгодахъ, которыя онъ доставитъ обѣимъ странамъ.—Законъ объ отсрочкѣ и разсрочкѣ недоимокъ.—Работы коммиссіи во вопросу о способахъ взиманія податей. — Девятый съѣздъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ. — Народныя читальни и народныя чтенія. — Законъ о школахъ ремесленныхъ учениковъ 135

XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—**И. И. Иванюкова** . . 154

XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ 168

XVIII. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: **Современное состояніе вопроса о способахъ леченія продуктами жизнедѣятельности животнаго организма.—П. П. Кащенко** 176

XIX. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: *Василиса Мелентьева,* драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. А. Н. Островскаго и ***; *Равеннскій боецъ,* трагедія въ 5-ти актахъ, Фридриха Гальма, переводъ В. К—го.—**Ан.** 204

XX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. **Книги**: Беллетристика.—Публицистика. — Педагогика.—Исторія.—Политическая экономія и статистика. — Юридическія книги. — Естествознаніе.—Медицина.—Сельское хозяйство.—Техническія книги.—Учебники.—Народныя изданія.—Справочныя книги. II. **Періодическія изданія**: «Вѣстникъ Европы», *февраль.*—«Русское Богатство», *январь.*—«Сѣверный Вѣстникъ», *февраль.*—«Дѣтскій Отдыхъ», *январь.* III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 февраля по 1 марта 1894 г.** 117

„Русская Мысль“.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Условія подписки на 1894 годъ

(пятнадцатый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „ 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка; при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по **3** руб.

Книгопродававцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

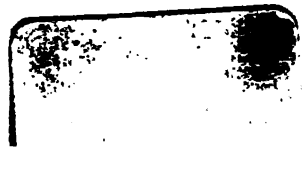
За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногородныхъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Леонтьевскій пер., 21.
Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.